РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖД. ВОЙНА
В ОПИСАНИЯХ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ

НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

МЕМУАРЫ

ДЕНИКИН, КРАСНОВ, ЛУКОМСКИЙ, ДРОЗДОВСКИЙ, САХАРОВ, ПОКРОВСКИЙ, БУДБЕРГ, ГИНС И ДР.

Составил С. А. АЛЕКСЕЕВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

SHOUT
SHARE
IT

- НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
  - Н.Л. Мещеряков. Лицо белогвардейщины
  - А.И. ДЕНИКИН. Как началась борьба с большевиками на юге России[11]
    - 1. Приезд на Дон генерала Алексеева и зарождение «алексеевской организации». — Тяга на Дон. — Генерал Каледин
    - 2. Положение — на Дону в начале 1918 г
    - 3. Положение на Кубани, Северном Кавказе и Закавказье
    - 4. «Московский центр». — Связь Москвы с Доном. — Приезд на Дон генерала Корнилова. Попытки организации государственной власти на Юге: «триумвират» Алексеев — Корнилов — Каледин. — Совет. — Внутренние трения в триумвирате и Совете
    - 5. Формирование добровольческой армии и ее задачи
    - 6. Начало вооруженной борьбы на Дону. — Бои за Ростов и Новочеркасск
    - 7. Первый Кубанский поход
    - 9. Судьба Екатеринодара и кубанского добровольческого отряда; встреча с ним
    - 10. Восстание на Дону. Возвращение армии на Дон
  - А.С. ЛУКОМСКИЙ. Зарождение добровольческой армии[42]
  - С.В. ДЕНИСОВ. Начало гражданской войны на Дону[49]
    - I. Зарождение добровольческой армии
    - II. Последние дни атамана Каледина. Роковой выстрел
    - III. Красный Дон
    - IV. Донские казаки пробуждаются
    - V. Восстание низовых станиц Дона. Заплавское сидение. Зарождение донской армии. Жуткие дни
    - VI. Заплавское сидение. — Одинокие
    - VII. Заплавское сидение. — Возвращение походного атамана
    - VIII. Взятие Новочеркасска. — Избрание Краснова донским атаманом
    - Приложение к ст. Денисова[59]

- Приложение № 1. Резолюции съезда неказачьёго населения Донской области. (29 декабря 1917 г. — 4 января 1918 г.)
- Приложение № 2. Ответ войскового правительства съезду
- Приложение № 3. Наказ членам областного правительства от неказачьего населения Донской области
- Приложение № 4. Соглашение, достигнутое войсковым правительством с представителями съезда неказачьего населения Области войска Донского по вопросу об основаниях вступления в состав членов войскового правительства представителей неказачьего населения
- Приложение № 5. Заявление членов объединенного правительства от неказачьего населения[60]
- Приложение № 6. Декларация объединенного войскового правительства Донской области

○ М.Г. ДРОЗДОВСКИЙ. Из Румынии на Дон. (Отрывки из дневника [61])

○ П.Н. КРАСНОВ. Всевеликое войско Донское[63]

- Глава I
- Глава II
- Глава III
- Глава IV
- Глава V
- Глава VI
- Глава VII
- Глава VIII
- Глава IX
- Глава X
- Глава XI
- Глава XII
- ГЛАВА XIII
- ГЛАВА XIV
- ГЛАВА XV
- ГЛАВА XVI
- ГЛАВА XVII
- ГЛАВА XVIII
- ГЛАВА XIX
- ГЛАВА XX

- ГЛАВА XXI
- ГЛАВА XXII
- ГЛАВА XXIII
- ГЛАВА XXIV

- Р. ГУЛЬ. Ледяной поход.[77]
  - Штаб армии
  - На вокзале
  - На Новочеркасском фронте
  - Хопры
  - Последний день Ростова
  - Отступление армии
  - Лежанка
  - На Кубани
  - Березанская
  - Выселки
  - Бой под Лабинской
  - Крестьянскими хуторами
  - Горькая Балка
  - Опять на Дону
  - В лазарете
- В.М. КРАСНОВ. «Добровольцы» на Северном Кавказе[80]
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
- Г. ПОКРОВСКИЙ. Белая Кубань в начале гражданской войны[101]
  - Глава I
- ГОППЕР. Белогвардейские организации и восстания внутри Советской Республики[127]
  - Глава I. В Москве. (Февраль 1918 г.)
  - Глава II. «Союз Защиты Родины и Свободы»
  - Глава III. Ярославль
- К.В. САХАРОВ. Чехо-словацкий корпус[130]
  - I
  - II
  - III
  - IV

- V
- Лейт. N.N. Записки белогвардейца[133]
  - Начало белого движения
  - У белых
- Г.К. ГИНС. Организация белой власти в Сибири[137]
  - 1. «Подпольное» Сибирское Правительство
  - 2. Западно-Сибирский Комиссариат
  - 3. Первые шаги Сибирского Правительства
  - 4. Борьба между Омским правительством и Сибирской областной думой[138]
- А. БУДБЕРГ. Дневник[140]
- ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917–1918 гг.[151]
  - 1917 г
  - 1918 г
- Именной указатель

notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27

- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71

- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115

- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151

НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Н.Л. Мещеряков. Лицо белогвардейщины *(Вместо предисловия.)*

Настоящий, третий, том воспоминаний белогвардейцев обнимает собой период начала борьбы контр-революции при помощи формируемых различными генералами белогвардейских армий, т.-е. приблизительно весь 1918 год. Ареной развертывающихся событий служит юг (Дон и Северный Кавказ) и восток (Сибирь). Гражданская война и интервенция иностранных империалистических правительств на Украине, на западе и на севере[1] в третьем томе не затронуты.

Нужно прежде всего оговориться, что приводимые в книге отрывки печатаются не целиком, а с купюрами. Главнейший мотив сокращений — сбережение места. Из воспоминаний белогвардейцев выбрасывались многие повторения, многое скучное, неинтересное, несущественное (особенно много таких сокращений сделано в воспоминаниях Гинса, написанных удивительно скучно и бесталанно). Выбрасывались часто также и те места, где авторы говорят иногда о действительных, а в громадном большинстве случаев ими выдуманных недостатках и темных сторонах революционной власти. Не желание скрыть и приукрасить действительность руководило нами при таких сокращениях. Пусть даже и есть кое-что верного в этой стороне писаний белогвардейцев. Но эта небольшая доля истины перемешана с неизмеримо большим количеством лжи, а для отделения истины от лжи потребовалась бы колоссальная работа. Да и не в этой стороне писаний белогвардейцев интерес их воспоминаний. Мы — граждане СССР — своими глазами видели все темные и светлые стороны революционной власти. Эту сторону дела мы хорошо знаем и без белогвардейцев. Их воспоминания интересны для нас только постольку, поскольку они рассказывают то, что они хорошо знают, и чего мы не видали: это их жизнь, их работа, их борьба, их интриги. Конечно, и здесь мы не найдем в их воспоминаниях объективной правды. Конечно, и здесь много стремлений скрыть темные стороны и приукрасить действительность. Но тем большую доказательность приобретает та правда, которая все-таки проскальзывает у белогвардейских деятелей. Эта сторона дела и представляет наибольший интерес в их воспоминаниях. К сожалению, недостаток места не позволил целиком привести некоторые статьи, чрезвычайно интересные в

этом отношении (например, воспоминания барона Будберга).

* * *

Октябрьская революция была поразительно ярким, классическим проявлением классовой борьбы. Революция эта разделила всех граждан России на два лагеря — сторонников и противников революции. Даже те люди, которые всю жизнь свою оставались безучастными ко всем великим вопросам политики, равнодушно наблюдали их подобно гоголевскому мальчику, «ковыряя пальцем в носу», — даже эти архи-обыватели, если не активно, то по своим симпатиям, стали во время этой революции на ту или на другую сторону баррикады.

Под знамя Октябрьской революции стал весь пролетариат и подавляющее большинство крестьянства, т.-е. все те элементы, которые жестоко эксплоатировались во времена царизма, и которым господство буржуазии грозило дальнейшей эксплоатацией. Под знамя контр-революции собрались, наоборот, все эксплоататоры крестьян и рабочих, все те, кого пролетарская революция больно ударила по карману. Под это же знамя ушло большинство старого царского офицерства, которое было глубоко обижено тем, что революция положила конец их власти над безответной солдатской массой, и значительное количество верхов интеллигенции, интересы которых были тесно связаны с интересами буржуазии.

Когда белогвардейские генералы убедились, что нельзя свергнуть новую революционную власть одним наскоком, вроде, например, восстания юнкеров в Петрограде, перед ними встала задача необходимости формирования для борьбы особых, значительных по силе белогвардейских армий.

Какой же характер должны были получить эти армии?

При том ярко классовом характере, который получила Октябрьская революция, классовой силе революции можно было противопоставить только классовую контр-революционную силу, опирающуюся на тех, кому хорошо жилось при царизме, кто имел источником своего благосостояния ту или иную эксплоатацию, кто был поэтому материально заинтересован в сохранении старой эксплоатации и в борьбе против новой революционной власти. Такими элементами, кроме помещиков, буржуазии, офицерства и верхов интеллигенции, могло быть зажиточное казачество Дона и Северного Кавказа, владевшее обширными участками земли и занимавшее привилегированное эксплоататорское положение по

отношению к так называемым «иногородним», т.-е. к крестьянам, переселившимся на Дон и на Кубань из-за недостатка земли у себя на родине. Такую же опору можно было надеяться найти и в крепком зажиточном слое сибирских «старожилов», с неудовольствием и в страхе за свое многоземелье поглядывавших на могучий поток переселяющихся в Сибирь «новоселов». Только здесь можно было надеяться найти для контр-революции серьезную многомиллионную классовую базу.

Это прекрасно видели и понимали вожди контр-революции, и потому эти места они выбрали как плацдармы формирования и развертывания своих белогвардейских армий. Только здесь могли они надеяться создать армию, которая, включив в себя значительные слои зажиточного казачества кулацкого типа, могла бы стать по существу классовой армией буржуазии и в то же время иметь внешность народной армии, опирающейся на казачество и крестьянство.

Слабость промышленного пролетариата в этих областях, отдаленность от крупных пролетарских революционных центров и возможность с окраин сноситься с поддерживавшими их заграничными империалистическими правительствами были другими причинами, которые побудили вождей контрреволюции избрать эти окраины ареной своей деятельности.

Но даже среди кулацких элементов казачества и крестьянства было еще очень живо воспоминание о царизме, об унижениях и оскорблениях, которые должны были выносить даже зажиточные элементы казачества и крестьянства со стороны привилегированных сословий и чиновничества. Ненависть к царизму была так велика, что на защиту его, буржуазии, чиновничества и офицерства не стали в начале гражданской войны даже кулацкие элементы населения. В ответ на призыв добровольческой армии, — говорит Деникин, — «отозвались офицеры, юнкера, учащаяся молодежь и очень, очень мало прочих «городских и земельных людей». «Всенародного ополчения не вышло… Армия в самом зародыше своем таила глубочайший органический недостаток, приобретя характер классовый. Печать классового отбора легла на армию прочно». «Солдат было мало, — говорит тот же Деникин в другом месте своих воспоминаний. — Больше всего записывались в армию офицеры[2], юнкера, студенты, кадеты и гимназисты старших классов». «В батальоне генерала Боровского можно было наблюдать комические сцены, как юный воин с громким плачем доказывал, что ему уже 16 лет, или как другой прятался под кровать от явившихся на розыски родителей, от имени которых было им представлено подложное разрешение на поступление в

батальон». «Положение наше безнадежно. Население нас не только не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно», — заявил генерал Каледин перед тем, как он застрелился. По словам генерала Денисова, сам Корнилов не скрывал, что в рядах Добровольческой армии «имеются и обломки политического хлама». «Генерал Деникин, — пишет Краснов, — борьбе с большевиками придавал классовый, а не народный характер, и при таких условиях, если его не подопрут иностранцы, должен был потерпеть крушение. Боролись добровольцы и офицеры, т.-е. господа и буржуи против крестьян и рабочих, и, конечно, за крестьянином стоял народ, стояли силы, за офицерами — только доблесть[3]. И сила должна была сломить доблесть». Как только война (против Советов) перестала быть национальной, — говорит Краснов, — она стала классовой и, как таковая, «не могла иметь успеха в беднейшем классе».

Такой же классовый, буржуазный состав белогвардейских армий мы видим и в Сибири. «Первые два месяца после выступления чехов, — говорит Гинс, — дрались только офицеры и те, кто добровольно присоединялся к восстанию. Народная армия — «интеллигентская по составу».

Еще резче и ярче определяет классовый характер белогвардейской эмиграции и белогвардейских армий барон Будберг (по убеждениям ярый монархист): «Что представляет из себя центр борьбы — Харбин? — пишет он в своем дневнике. — Разоренные эмигранты, вышибленные из своей колеи и все потерявшие бюрократы, горящая мщением молодежь, напуганные национализацией заводчики и фабриканты, равнодушные ко всему, кроме наживы, спекулянты, атаманские орды распущенной молодежи, трясущийся обыватель, эсеровские и большевистские рабочие… Сейчас головы высоко подняты у тех, кто в слагающейся обстановке видит только возможность сесть на старые места, закрепить все старые гайки, сторицею расплатиться с теми, кто принес все пережитое за последний год, и повернуть жизнь в старое русло». «Если то, что зародилось в Харбине и сгнило в разных отрядах, — говорит тот же Будберг, — полезет на русскую территорию, то население скоро пожалеет об ушедших большевиках, конечно, черное население, которое большевики почти не трогают, но которое больше всех затрещит от наших спасителей». Такую же характеристику дает он и сибирскому правительству: «Сибирское правительство признано только местными цензовиками, еле держится и представляет из себя такую же смешную и нелепую фигуру, что и гродековская комбинация».

Итак, белогвардейские генералы прекрасно понимали чисто

классовый, буржуазно-помещичий характер подготовляемого ими движения. Но, с другой стороны, они понимали, что созданная на такой узкой буржуазно-помещичье-интеллигентской почве армия обречена на бессилие, а стало быть, и на поражение. Белогвардейские генералы — одни, как Краснов, более, другие, как Деникин, менее — понимали, что армии надо придать «народный» характер, чтобы привлечь к ней доверие широких масс и опереться на их поддержку. В своих воспоминаниях Краснов все время твердит о том, что он стремился создать такую всенародную армию. Но невозможно было скрыть ярко классовый характер создаваемых белогвардейцами правительств. На Кубани, например, «право выбора в новый орган управления предоставлялось исключительно казачьему, горскому и незначительному численно коренному иногороднему населению, т.-е. почти половина области лишена была избирательных прав». Но, кроме того, старые царские генералы, воспитанные на порядках самодержавия, мало считались даже с этим родственным им по интересам цензовым представительством. На Дону, например, права атамана были установлены чуть не равными царским правам: от него зависело утверждение законов, назначение высших должностных лиц, руководство внешними сношениями, армией и флотом; ему принадлежало право помилования. «Этими законами, — по признанию самого Краснова, — вся власть из рук коллектива, каковым являлся большой или малый Круг, переходила в руки одного лица — атамана». Во главе горского правительства стояли в то время богатый чеченец Топа Чермаев и Коцев. «В Новочеркасске, — по признанию Деникина, — образовалась политическая кухня, в чаду которой наезжие деятели сводили старые счеты, намечали новые вехи и создавали атмосферу взаимной отчужденности и непонимания совершающихся на Дону событий. Приехали и представители Московского Центра. Организация эта образовалась осенью 1917 года в Москве из представителей кадетской партии, совета общественных организаций, торгово-промышленников и других буржуазно-либеральных и консервативных кругов». «Сами эти московские делегаты стремились принести пользу нашей[4] армии, — пишет Деникин, — но за ними не было никого». В Сибири, по словам Гинса, «совет министров не считался с декларацией сибирской Думы».

Немудрено, что при таком ярко классовом характере власти и белогвардейской армии все их мечты о привлечении к себе симпатий населения оставались только мечтами. Вожди белогвардейщины сами не допускали возможности такого

единения. Вот что пишет, например, Будберг в своем дневнике:

«Видел телеграмму Флуга из Западной Сибири, сообщающую, что положение там прочное, и что идет полное объединение буржуазии и народа. Последнее выражение мне очень не нравится и заставляет сомневаться в правдивости всего остального. Никогда я не поверю в искренность такого объединения».

Отношение крестьянства и рабочих к Добровольческой армии оставалось резко враждебным. «Чтобы не содействовать так или иначе войскам Корнилова в борьбе с революционными армиями, все взрослое мужское население уходило из своих деревень в более отдаленные села и к станциям железных дорог»… «Дайте нам оружие, чтобы мы могли защищаться от кадет», — таков был общий крик всех приехавших сюда крестьян… Кадеты, это — воплощение всего злого, что может разрушить надежды масс на лучшую жизнь; «кадет» может помешать взять в крестьянские руки землю и разделить ее; «кадет», это — злой дух, стоящий на пути всех чаяний и упований народа, и потому с ним нужно бороться, его надо уничтожить»[5]. Веры в победу при таких условиях не могло быть даже среди добровольцев. Среди них были два чувства[6] — безумная, бешеная жажда мщения за потерянные богатства у одних и апатия у других. По словам Деникина, «добровольцы-казаки то поступали в отряды, то бросали их в самую критическую минуту. А добровольцы-офицеры просто заблудились: без ясно поставленных и понятных целей борьбы, без признанных вождей они собирались, расходились, боролись впотьмах, считая свое положение временным и нервно ловя слухи о Корнилове, о чехо-словаках, о союзной эскадре, — о всем том действительном и несбыточном, что должно было, по их убеждению, появиться, смести большевиков, спасти, страну и их».

«Хотя в официальных кругах, — говорит в другом месте Деникин, — и упоминался часто термин «верные правительству войска», но это была лишь фраза без содержания, ибо в войсках создалось если не враждебное, то во всяком случае недоброжелательное отношение к многостепенной кубанской власти».

Это враждебное настроение крестьян и рабочих заставило белогвардейских генералов сохранять за их армиями их классовый буржуазно-кулацкий характер, хотя они прекрасно понимали бессилие таких армий. В Сибири попробовали расширить основу армии, пополнив ее при помощи набора, но результаты получились печальные с самого начала. Вот что пишет Будберг в своем дневнике:

«Приехавшие с запада говорят, что для развертывания

Сибирской армии произвели очередной призыв и набрали новобранцев. Но офицеры их опасаются больше, чем красноармейцев. Рассказывают, что в Томске и других городах офицеры собираются на ночь в отдельную казарму и что оружие и пулеметы охраняются офицерским караулом».

«Симпатии населения не на их стороне, а на сочувствии немногочисленной н редкой городской буржуазии далеко не уедешь», — подтверждает неоднократно тот же Будберг.

Белогвардейские правительства и армии страдали не только от слабости их вооруженной силы, но и от отсутствия денежных средств. Буржуазия энергично толкала на борьбу офицерство, интеллигенцию и молодежь, но не хотела не только вести борьбу своими руками; она не хотела даже уделить на нее часть своих богатств. «Вскоре получено было первое доброхотное пожертвование на Алексеевскую организацию — 400 рублей, — пишет Деникин. — Это все, что в ноябре месяце уделило русское общество своим защитникам». «Денежная Москва, — пишет Деникин в другом месте, — ограничилась горячим сочувствием и обещанием отдать все на спасение родины. Все выразилось в сумме около 800 тыс. рублей[7], присланных в два приема. Дальше этого Москва не пошла». Ту же скаредность буржуазии, мечтавшей вернуть свои права и привилегии без всяких расходов, подтверждает и лейтенант NN: «Отсутствие опыта в подпольной работе, — пишет он, — осложнялось природной мягкотелостью и скупостью буржуазии, не отдававшей себе отчета в происходящем и упорно цеплявшейся за остатки своего имущества и капитала»[8].

Ту же скаредность буржуазии подтверждает и Р. Гуль. Когда по окончании «Ледяного похода» участники его вернулись в Ростов, там «был пущен лист сбора пожертвований в пользу «героев». От ростовского купечества собрано было… 470 рублей, а раненых прибыло всего тысячи две».

Генералу Краснову очень хотелось, чтобы возглавляемая им контр-революция имела вид всенародной власти, объединяющей все классы, все партии. «Круг спасения Дона, — говорит он, — не имел политической физиономии, и потому в нем не было и не могло быть политической борьбы».

Но действительность совершенно не соответствовала этому утверждению. «Он (Круг), — по словам того же Краснова, — торопился восстановить порядок и не боялся упреков в стремлении вернуться, к старому режиму». Круг торопился восстановить все нарушенные не только Октябрьской, но даже и Февральской революциями права капиталистов и помещиков. Ст. 20 созданных Кругом законов устанавливала священное для

буржуазии право неприкосновенности собственности. Ст. 26 объявляла, что все декреты и иные законы, разновременно издававшиеся как Временным Правительством, так и советом народных комиссаров[9], отменяются». «Этими законами, — поясняет Краснов, — отменялось все то, что громко именовалось завоеваниями революции или ее углублением… Атаман счел необходимым вернуться к исходному положению — до революции».

Почувствовав себя господами положения, хотя бы на короткое время, Краснов и другие генералы не постеснялись открыто показать свое лицо царских генералов. «Слово «царь» было все еще жупелом для многих людей из серой части Круга, — признается Краснов. — С именем царя неразрывно связывали представление о суровом взимании податей, о продаже за долги государству последней коровенки, о засилии помещиков и капиталистов, о белопогонных офицерах и об офицерской палке. Царь и монархия противополагались понятию «свобода». Между тем, атаман служил торжественную панихиду по убитом большевиками царе и отдал об этом приказ; официозная газета «Донской Край» редактировалась Родионовым, считавшимся ярым монархистом, и в ней помещались статьи, говорившие благожелательно о восстановлении монархии в России».

Как же действовало на население это стремление к реставрации царизма со всеми его порядками? Вот как отвечает на этот вопрос сам Краснов:

«Англичане и французы вынесли впечатление, что на Дону настроение монархическое. Но это было верно только отчасти… Если бы спросили казаков, хотят ли они вполне вернуться к старому, более половины решительно ответили бы — нет! Простые казаки и крестьяне не желали реставрации, потому что с понятием о монархии первые связывали поголовную принудительную воинскую повинность, обязанность снаряжаться за свой счет и содержать верховых лошадей, ненужных в хозяйстве… Крестьяне думали о возвращении помещиков и о наказании за те разорения, которые они сделали в помещичьих усадьбах».

И опасения крестьян были вполне основательны. Следом за белогвардейскими армиями или вместе с ними шли выгнанные из имений помещики, старые пристава, жандармы и т. п. и творили жестокую расправу. Генерал Покровский рассказывает, что на севере Дона при участии Краснова образовалась Добровольческая армия под начальством генерала Иванова. Она «несла с собой чисто монархические лозунги. В тылу ее пороли мужиков, отнимали у мужиков землю в пользу помещиков,

восстанавливали земских начальников и исправников. Осенью 1918 года армия эта была окончательно уничтожена восставшими крестьянами».

То же неудержимое стремление к возврату всего старого видим мы и во всех других местах. По словам того же генерала Покровского, «главное командование Добровольческой армии выкинуло лозунг «великой, неделимой, единой России», смысл которого практически выявлялся в стремлении максимума реставрации дореволюционного политического и социального строя, неприемлющего федерацию».

В Сибири, — по словам Гинса, — совет министров пошел определенно в сторону «частно-правового строя и свободы торговли». Денационализация промышленности, восстановление частных землевладельческих хозяйств и отмена монополий были главными основаниями законоположений, принятых в течение июля и августа».

Еще резче характеризует эти попытки реставрации Будберг. «Старый режим распускается самым махровым цветом и в самых гнусных своих проявлениях, — пишет он. — Ни для кого не тайна, что у большинства спасителей только и на уме, сколько «серой сволочи» они повесят за то, что переиспытали». «Таких спасителей, которые на 90 % состоят из купцов и буржуев, как вдохновителей и кормителей, и офицеров, как исполнителей, деревня примет в дубье и пулеметы», — признает Будберг, сам убежденный монархист. «Вообще немало злобной подлости открылось в эти дни, — пишет Будберг в другом-месте. — Достаточно было пустяка, чтобы разверзлись уста и раскрылись во-всю настоящие чаяния и вожделения. Эти господа, возгоготавшие от жадной радости, в припадке самой подлой, свойственной трусам мести, действительно были бы счастливы, если бы кто-либо другой, их не замешивая и открыто не компрометируя, истребил бы не только комиссаров, но и большую часть серого русского народа… Спасители, храбро расправляющиеся с бутылками в ресторанах и кабаках, в своем бахвальстве сделались страшнее бенгальских тигров».

«В угаре надежд, поднятых свержением в Сибири большевизма, — пишет тот же Будберг, — померкли уроки прошлого, и все жадно тянутся к старым источникам кормежки, благ, преимуществ и наслаждений. Все чавкают оголодавшими челюстями, испускают похотливую слюну и неспособны видеть будущего — темного, грозного, безвестного».

Так было везде. Так было и на Украине. «В Киеве, — пишет Краснов, — союз «Наша Родина» также создал свою армию. В корпусе едва насчитывалось 2.000 человек. Из них не более

половины было боеспособных; остальные были священники, сестры милосердия, просто дамы или девицы, офицеры контрразведки, полиция (исправники и становые), старые полковники, расписанные на должности командиров несуществующих полков, артиллерийских дивизионов и эскадронов, и, наконец, разные личности, жаждущие должностей губернаторов, вице-губернаторов и градоначальников, с более или менее ярким прошлым». «Вся эта публика наполняла Кантемировку шумом и скандалами. Семенов начал вводить по уездам Воронежской губернии, только что очищенным казаками, земскую полицию старого режима со всеми ее недостатками — взятками и лихоимством».

В области национального вопроса белогвардейские генералы также пошли по стопам царизма. На Дону, где не было других национальностей, Краснов не имел возможности проявить свой национализм. Но зато этот национализм ярко сказался на Северном Кавказе в Добровольческой армии Деникина, где был выдвинут великодержавный лозунг «единой и неделимой России», лозунг, исключающий всякую возможность федерации и признания прав других национальностей. «Добровольческая армия, — пишет Краснов, — ставила если не первой своей задачей, то по крайней мере задачей одновременной с борьбой с большевиками «объединение осколков бывшей России в Единую, Неделимую Россию», иными словами, уничтожение самостоятельной Украины, самостоятельной Грузии, посягательство на полную автономию Крыма, Дона и Кубани». Понятен поэтому страх Грузии, горских народов, украинцев и других перед Добровольческой армией, их недоверие к ней, перешедшее позже в открытую вражду. Так же великодержавно, националистически относился Деникин к казакам Кубани и Дона. Отстаивавшему самостоятельность Дона Краснову он не оказывал никакой помощи. Он «угнетал проявление кубанской самостоятельности; он не считался с Радой». Такое же отношение, полное высокомерия, было и по отношению к украинцам. «Украинцы — к ним одно презрение, как к ренегатам и разнузданным бандам», — пишет в своем дневнике генерал Дроздовский.

Явный, ничем не прикрытый монархизм, угнетение национальностей, восстановление власти помещиков и царской полиции, защита интересов буржуазии — такова была программа и практика белогвардейских правительств по признанию стоявших во главе их генералов. В этих правительствах принимали участие или близко стояли к ним меньшевики, эсеры, народные социалисты и т. п. Так, например, в уральское

правительство входили (см. воспоминания Гинса) представители партии народной свободы, трудовой, народносоциалистической, социалистов-революционеров и социал-демократов-меньшевиков. А между тем пункт 4 программы этого правительства выставлял требования возвращения национализированных заводов их бывшим владельцам, т.-е. крупнейшим капиталистам, а пункт 5 — восстановления частных капиталистических банков.

В других местах меньшевики и эсеры не были так откровенны, чтобы прямо входить в белогвардейские правительства (или их туда не пускали). Тогда они становились в позу оппозиции, но оппозиции робкой и неискренней, ибо в глубине души они предпочитали генеральскую власть власти трудящихся. Деникин сообщает, что «на одном из собраний народный социалист Шик, характеризуя позицию, занятую социалистами ростовской думы, говорил: «В тиши они мечтают о казацкой силе, а в своих официальных выступлениях они эту силу чернят». Кубанская казачья интеллигенция, по его же словам, «носила партийные названия эсеров и эсдеков, но, вскормленная на сытом хлебе привольных кубанских полей (т.-е. принадлежащая к кулацким элементам казачества. *Н. М.*), она пользовалась социалистическими теориями только в качестве внешнего одеяния и для экспорта, сохраняя у себя дома все кастовые традиционные перегородки».

То же было и в сибирских, правительствах. «Мне совершенно ясно, — говорит Будберг, — что из смеси эсеровщины, думских пустобрехов и естественно настроенных очень реакционно офицерских организаций ничего, кроме вони и взрывов, не выйдет. Из таких продуктов даже самые первоклассные специалисты по соглашательству ничего не сварят».

Известна, хотя и не освещена еще в печати, крупная роль, которую сыграли сибирские кооператоры в деле подготовки чехословацкого восстания. На нее указывает и Гинс, но, к сожалению, и он не освещает ее подробно. «К тому времени, когда проявилось явно враждебное отношение Москвы к чехам (т.-е. когда ясно стало, что чехи подготовляют восстание. *Н. М.*), — пишет Гинс, — последние успели завязать тесные сношения с сибирской кооперацией, принявшей на себя снабжение эшелонов продовольствием и фуражом, а через потребительскую кооперацию, почти сплошь эсеровскую по составу, чехи связались с подпольными антибольшевистскими организациями».

* * *

Мы видели выше, что социальным и политическим содержанием белогвардейской власти был возврат к монархизму и к старым дореволюционным порядкам. Посмотрим теперь, что за лица стояли во главе белогвардейщины, а также и те, кто составлял ее ядро. Для характеристики воспользуемся словами самих авторов воспоминаний.

Начнем с верхов.

Вот как характеризует этих вождей ген. Краснов:

«Жадный до наживы кубанский казак боготворил тех вождей, которые добычей считали не только оружие и снаряды, но и имущество магазинов и кооперативных лавок, занятых городов и сел, которые налагали на жителей контрибуции, взыскивали их и делились полученными деньгами с казаками. Такими вождями были генералы Покровский и Шкуро… Характера он (Покровский) был решительного и в основу войны положил грабёж».

В сборнике помещены воспоминания некоего В. М. Краснова (не нужно смешивать с генералом Красновым), касающиеся Ставропольской губ. Эти воспоминания чуть не сплошь наполнены описаниями всяких безобразий, насилий, пьянства и т. д. тех лиц, в руках которых была вся власть в губернии. Трудно цитировать их, ибо пришлось бы переписать чуть не половину статьи. Беру две, три цитаты наудачу.

«В Николин день, 6 декабря 1918 г., Ставропольский комендант полк. Архипов, по совету одного из своих сотрапезников, послал солдат за гласным местной городской думы М., принадлежавшим к левому крылу эсеровской партии.

Когда М. прибыл в помещение комендатуры и спросил о причинах его вызова, полковник Архипов приказал ему:

— Пой «боже, царя храни», такой-сякой!

— Неужто вы меня, полковник, только для этого и вызвали?

— Да ты еще и разговаривать? Всыпать ему!

К приходу М. уже были заготовлены шомполы и мокрые мешки. По приказанию коменданта солдаты схватили М. и надругались над ним в присутствии находившихся здесь сотрапезников коменданта.

— Теперь вы свободны — объявил комендант гласному М. по окончании экзекуции.

Это происходило в центре губернского, города, против здания окружного суда».

«Приговоренный военным судом (защитником Архипова был Замысловский) к семидневному (кажется) аресту, полк. Архипов вернулся к своей прежней деятельности, а затем назначен был начальником государственной стражи Больше- Дербетовского

уезда».

«В селе Летницком, Медвеженского уезда, местный комендант вызвал к себе одного из местных жителей, и между ними произошел следующий диалог:

— Ты судился с таким-то?

— Судился.

— Сколько тебе присудил мировой?

— Двенадцать сотен.

— Всыпать ему по одной за каждую сотню.

Когда истцу всыпали, комендант проводил его словами:

— Передай мировому, что и ему то же будет, если он будет обижать моих знакомых».

«В селе Ледовско-Балкавском местный комендант издал приказ, чтобы мужчины при встрече с ним останавливались и кланялись, снимая головной убор, а женщины приветствовали бы его поясным поклоном, сложа руки на животе. Через некоторое время в отдел пропаганды явилась рыдающая сельская учительница и рассказала, что комендант приказал ее выпороть за неисполнение приказа».

«В подгороднем селе Кугульме местный комендант Л. передоверил свои права матушке, и урядник Гладков порол баб по приказу последней среди бела дня у волостного правления. Хуже всего было то, что случаи эти превращались в бытовое явление, или безнаказанное, или во всяком случае не влекущее за собой устранения от дальнейшей деятельности такого администратора».

Но, может быть, у самого генерала Краснова дело обстояло лучше? Нет, там шло такое же пьянство и разгул, как и на Кубани. Недаром этому донскому войску дали название «Всевеселое войско Донское».

О Дальнем Востоке хорошо рассказывает Будберг:

«Из кого же будет состоять русское правительство? — пишет он в своем дневнике. — Кандидаты здесь все такие, что хоть святых вон уноси. Они могут только все сломать и неспособны ни на что творческое; им власть нужна только ради ее самой и связанных с нею выгод».

Во главе дальне-восточной власти стоял ген. Хорват. «Ошибались горько те, кто выставлял Хорвата, как умного и ловкого дипломата, — пишет Будберг. — То, что делается его именем, определенно показывает, что он — или плохой и неумный дипломат, или на нем ездят такие плохие и неумные советники».

Что же такое творилось около Хорвата?

«Общая подлость и чисто разбойничий эгоизм», — отвечает

Будберг. Хорвата окружали «полуграмотные, хунхузоподобные атаманы». «Даже разумный и беспристрастный правый, — пишет Будберг, — приглядевшись к Харбину и атаманам, брезгливо отшатнется от какого-либо здесь сотрудничества, ибо ничто не может заставить сочувствовать этой грязи. Тут изменить даже ничего нельзя, ибо против искренней идеи закона и порядка поднимаются чудовищно разросшиеся здесь подлость, трусость, честолюбие, корыстолюбие и прочие прелести».

На Дальнем Востоке действовали знаменитые «хунхузоподобные атаманы», среди которых особенно известными стали Калмыков и Семенов. Вот что пишет о первом Будберг:

«Калмыков развернулся во-всю. Всеволожский рассказывал мне сегодня, что сюда приехал бывший у Калмыкова офицер Дроздов и заявил, что там не офицерская организация, а гнусная шайка самых отборных негодяев и форменных разбойников, учиняющих над населением невероятные насилия».

«Разные вольные атаманы — Семенов, Орлов, Калмыков… послевоенные прыщи Дальнего Востока, — пишет Будберг. — Их лозунги — побольше свободы, денег и наслаждений, поменьше стеснений, работы и обязанностей». «Относительно Семенова отзыв сопровождавших Хорвата в его поездке таков: обнаглел до последних пределов».

Таково начальство. Таково же, а может быть, и еще хуже основное ядро дальне-восточной армии — офицерство. «Местные военные организации, это — скопище пьяниц и бездельников», — пишет Будберг. «В Харбине, — продолжает он, — появились семеновские вербовщики и сманивают молодежь на службу к атаману, рисуя соблазнительные картины вольной, бездельной и не знающей удержа жизни. Одному из артиллерийских офицеров так и говорили: жрем до отвала, пьем без просыпа, препятствий никаких, а служба — одно удовольствие».

«По краю катится волна дикого произвола, долго накапливаемого во время пьяного безделья на разных стоянках в полосе отчуждения. Теперь дорвались и стараются во-всю».

«Бывая в собрании, вижу кутежи, швыряние десятками тысяч денег, слышу постоянные рассказы о скандалах, чинимых офицерами, и о массовых драках, которыми эти кутежи иногда кончаются. Старшины собрания безмолвно на все это взирают и боятся вмешиваться, ибо у скандалистов револьверы и шашки, которые они с большой легкостью пускают в дело под предлогом «оскорбления мундира».

«Вернулся со станции «Эхо» полковник Волков, ездивший туда, чтобы познакомиться с состоянием тамошнего офицерства. По его мнению, 3/4 молодых офицеров распущены и развращены

до полной невозможности их исправить, а некоторые из них — готовые уже преступники, опасные для общества и государства, ибо за деньги на все способны».

Весь дневник Будберга пересыпан такими негодующими характеристиками. Таково основное ядро дальне-восточной белогвардейской армии.

Немногим лучше обстояло дело и в Западной Сибири. Про военного министра сибирского правительства Будберг пишет: «Приехавший из Омска Иванов-Ринов — пустомельный, но нахальный дурак». Несколько позже он пишет: «Приехал из омска Иванов-Ринов, нагруженный контрабандой и разными товарами». Под стать Иванову-Ринову было и все сибирское правительство. «Газетные сообщения подтверждают, — пишет Будберг, — что в освобожденных от большевизма районах Приуралья и Поволжья идет неосветимый кавардак. Все лезут к власти, ругаются, подкапываются, совещаются и ничего путного выдумать не могут».

Все авторы воспоминаний признают, что у белогвардейщины не было никакой опоры среди рабочих и крестьянства. Естественно поэтому, что, чувствуя свою слабость, белогвардейцы поддерживали свою власть самым диким, жестоким насилием. Весь дневник генерала Дроздовского наполнен описаниями этого насилия.

На эти жестокие расправы толкала белогвардейцев и жажда мести за то, что крестьяне осмелились захватить их — белогвардейцев — собственность.

«Внутри все заныло от желания мести и злобы, — пишет Дроздовский. — Расправа должна быть беспощадной. Два ока за око. Пусть знают цену офицерской крови». В деревне Малеейке дроздовцы «всех крепко перепороли шомполами. Вой стоял стоном». «В Мелитополе изловили и ликвидировали 42 большевиков». Во Владимировке расстреляли несколько человек. «После казни подожгли дома виновных, перепороли жестоко всех мужчин моложе 45 лет, при чем их пороли старики… Затем жителям было приказано свести даром весь лучший скот, свиней, птицу, фураж и хлеб на весь отряд, забрали всех лучших лошадей… Око за око! Сплошной вой стоял в деревне». «Жутки наши жестокие расправы, жутка та жадность, то упоение убийствами, которые не чужды многим из добровольцев», — признается Дроздовский.

И этот Дроздовский, прошедший огнем и мечом от границ Румынии до Дона, стал кумиром белогвардейцев.

То же было и на Дону. «Миловать не приходилось, — пишет Денисов. — Каждое распоряжение несло если не наказание, то

предупреждение о нем. Лиц, уличенных в сотрудничестве с большевиками, надо было без всякого милосердия истреблять». «Стоять у власти в то время мог лишь тот, кто мог быть жестоким». Действительно, только самым жестоким террором могла держаться ненавидимая крестьянством и рабочими белогвардейская власть.

Такие же жуткие картины расправ белогвардейства с крестьянством во время «Ледяного похода» Корнилова рисует в своих воспоминаниях и Р. Гуль. В селе Лежанке, где население оказало сопротивление отряду Корнилова, после ухода Корнилова оказалось 507 убитых, а сами белогвардейцы потеряли только 3 убитых и 17 раненых.

На Дальнем Востоке дело обстояло еще хуже. Вот несколько отрывков из дневника Будберга:

Сумароков пишет, что творимые у Семенова безобразия и грабежи не поддаются никакому описанию… Расстрелы идут сотнями, и начальники состязаются в числе расстрелянных. Про порку и говорить нечего: это обычное занятие.

«В газетах характерная телеграмма начальника читинских мастерских на имя начальника Забайкальской железной дороги о том, что работы мастерских приостановлены на два дня, так как рабочие по приказанию Семенова перепороты и не в состоянии выйти на работы».

«Население все не перепорешь и не расстреляешь, особенно в Сибири, где оно само очень зубастое», — замечает в одном месте дневника барон Будберг.

Но белогвардейцы делали вещи еще более жестокие. «Приехавшие из отрядов дегенераты, — пишет Будберг, — похваляются, что во время карательных экспедиций они отдавали большевиков на расправу китайцам, предварительно перерезав пленным сухожилия под коленами («чтобы не убежали»); хвастаются также, что закапывали большевиков живыми с устилом дна внутренностями, выпускаемыми из закапываемых («чтобы мягко было лежать»)».

Вот еще две записи из того же Будберга:

«Воображаю, каких делов наделают там (в Николаевском районе) харбинские спасители, у которых уже полгода чешутся руки по части усмирения и показания кузькиной матери. Они создадут Хорвату такую репутацию, что население бросится лучше на сторону самого чорта, чем главы таких усмирителей».

«Такие дикие выходки вконец губят самую идею новой власти, ибо ярко показывают населению, что несет ему эта власть, сливающаяся немедленно в его представлении с возвращением старого режима и новой мести»[10].

Не надо упускать из виду, что все эти характеристики даны не противниками белогвардейщины, а теми, кто сам в них участвовал, кто пользовался ее услугами, кто сам уверял, что при помощи этих диких и пьяных банд он сумеет создать порядок в стране.

Иного поведения со стороны белогвардейских банд и быть не могло. Движение, не имеющее никаких корней в громадном большинстве народа, глубоко ненавидимое и презираемое этим народом, могло держаться только самым диким, зверским насилием. Сознание неизбежности поражения приводит к философии «хоть день, да мой», к желанию забыться в диких разгулах. Отсутствие веры в успех движения неизбежно приводит к нормальному его разложению. Классический пример такого разложения и дает история русской белогвардейщины.

* * *

Мы видели выше, какую помощь оказывали эсеровские сибирские кооператоры, а за ними и различные подпольные эсеровские организации в подготовке чешского восстания. Ничего не жалела контр-революция для этих своих спасителей. «Их (чехов) только-только не носили на руках, — пишет в своих воспоминаниях Сахаров. — И дарили им все, дарили широко, по-русски, от сердца. Забитые и полуголые бедняки-чехи стали богатеть от русской щедрости».

Что же представляли из себя эти спасители? Вот характеристика чехов, данная самими белогвардейцами:

«Совершенно ошибочно мнение, что чехо-словацкий корпус выступил в борьбу с большевиками идейно для освобождения России, для возрождения великой славянской страны, — пишет Сахаров. — Первые их действия диктовались интересами личного спасения от возмездия за их измену тогдашнему отечеству — Австро-Венгерской империи… Это было сборище вооруженных людей, бывших наших военнопленных, правда, сдавшихся частью добровольно, но опять-таки не из-за идейных причин, как то привыкли считать, а из-за того же мелкого и низкого желания спасти свою драгоценную жизнь, которое доминировало у них и в описываемый период».

Как только Советская власть в Сибири и на Урале, сдерживавшая аппетиты чехов была свергнута, и чехи увидали бессилие белогвардейщины, «аппетиты у них разожглись, и очень скоро у них вошло в обычай тотчас по занятии города — нашими

ли белогвардейцами или ими — приступать уже просто к реквизиции русских казенных складов, налагая руку иногда и на частное имущество» (Сахаров). «Чехи перестали сражаться. Они уходили при первом натиске красных, увозя на подводах и в поездах все, что могли забрать из богатых войсковых складов, русское казенное добро».

«Чехи захватили подвижной состав, — пишет лейтенант NN. — расположились жить в вагонах с большим комфортом, поставили кровати с пружинными матрацами и так прочно засели в них, что и в следующий период их не оставили, загромоздив, в особенности в течение следующей зимы, все станции Сибирской жел. дороги своими эшелонами и не уступая недостающего для транспорта подвижного состава. Их эшелоны можно было узнать по различным украшениям и эмблемам, вывешенным на дверях теплушек. Вели они себя, конечно, полными хозяевами».

В издающемся за границей белогвардейском журнале «Дело России» была помещена статья за подписью «Славянофил». Вот, что рассказывает о подвигах чешских легионеров этот сочувствующий славянам, а стало быть, и чехам человек:

«Отойдя в тыл, чехи стали стягивать туда же свою «военную» добычу. Последняя поражала не только своим количеством, но и разнообразием. Чего-чего только не было у чехов! Склады их ломились от огромного количества русского обмундирования, вооружения, сукна, продовольственных запасов и обуви. Не довольствуясь реквизицией казенных складов и казенного имущества, чехи стали забирать все, что попадало им под руку, совершенно не считаясь с тем, кому имущество принадлежало. Металлы, разного рода сырье, ценные машины, породистые лошади — объявлялись чехами военной добычей. Одних медикаментов было ими забрано на сумму свыше трех миллионов золотых рублей, из Тюменского округа вывезено огромное количество меди и т. д. Чехи не постеснялись объявить своим призом даже библиотеку и лабораторию Пермского университета. Точное количество награбленного чехами не поддается даже учету. По самому скромному расчету эта своеобразная контрибуция обошлась русскому народу во многие сотни миллионов золотых рублей и значительно превышала контрибуцию, наложенную пруссаками на Францию в 1871 г. Часть этой добычи стала предметом открытой купли-продажи и выпускалась на рынок по взвинченным ценам; часть была погружена в вагоны и предназначалась к отправке в Чехию. Словом, прославленный коммерческий гений чехов расцвел в Сибири пышным цветом. Правда, такого рода коммерция скорее приближалась к понятию открытого грабежа, но чехи, как народ

практический, не были расположены считаться с предрассудками».

«К этому надо добавить, что чехами было захвачено и объявлено их собственностью огромное количество паровозов и свыше двенадцати тысяч вагонов. Один вагон приходился, примерно, на двух чехов. Понятно, что такое количество было им необходимо для провоза и хранения взятой с бедной России контрибуции, а никак не для нужд прокормления корпуса и боевой службы».

То же подтверждает и Будберг в своем дневнике. Вот что, например, он рассказывает:

«Надвигается какое-то чешское пленение. Осмелевшие австрийские дезертиры и наши бывшие пленные почуяли свою силу и садятся на наши шеи самым бесцеремонным образом при полном молчании и бездействии союзников».

«Когда к русскому генералу Дитерихсу, командующему чехами, обратились с жалобой, что чехи грабят, — рассказывает Будберг, — Дитерихс ответил: «И дальше будем поступать так же. У нас ничего нет, и взять нам неоткуда. Русского же нам жалеть нечего».

Ну, а как же относились к этому грабежу эсеры, меньшевики и прочие социалисты? На этот вопрос отвечает тот же «Славянофил»:

«Характерно, что социалистические военные части и высокие комиссары видели и знали все это… Но они стыдливо закрывали глаза, загадочно улыбались и бездействовали. Втайне же, за спиной, они всячески ублажали и поощряли чехов».

Немудрено, что чешские грабители и их высокие покровители до сих пор кормят подачками русских эсеров, приютившихся в Праге. Ведь эсерам дается только часть награбленного в Сибири при их же, эсеров, содействии.

Впрочем, грабили и командовали не одни чехи. То же делали в Сибири и на Дальнем Востоке и японцы и другие иностранцы. Все они мечтали превратить Сибирь — а за ней и всю Россию — в свою колонию, в которой они могли бы распоряжаться, как им угодно. При содействии русских генералов был выработан даже проект создания в Сибири русской армии, наподобие колониальных, цветных войск. Вот что пишет об этом Будберг:

«Хрещятицкий совсем ушел в японское лоно и родил проект подъяпоненной русской армии, где в каждом полку одна рота будет японская (на случай усмирения), а при каждом штабе будет японский комиссар. За иеиы можно додуматься и до этой гнусности… Сей генерал специализировался по провозу контрабандного спирта во Владивосток и назывался

«спиртовозом».

«Невероятно печально, — пишет он в другом месте, — наше положение, когда жизненнейшие вопросы нашего существования решаются японскими, французскими и иными капиташками».

То же было и на юге России. Белогвардейские правительства жили подачками (а подачки даром не даются: иностранные капиталисты — люди расчетливые) со стороны западноевропейских империалистических правительств — Германии, Франции, Англии и т. п. Это не скрывали даже сами вожди белогвардейщины. «Войско Донское, это — проститутка, продающая себя тому, кто ей заплатит», — откровенно говорили в штабе Деникина. Недурен также ответ генерала Денисова: «Если войско Донское есть проститутка, то Добровольческая армия есть кот, пользующийся ее заработком и живущий у нее на содержании». Кроме того, эта Добровольческая армия и сама не брезговала брать подачки от французов и англичан.

Выше я сказал, что даром эта помощь не оказывалась. И действительно, немало скота и другого продовольствия передал Краснов германскому правительству, немало всяких товаров награбили и вывезли французы и англичане с юга России. Но империалистическим грабителям всего этого было мало. Они хотели чуть не до последней нитки обобрать страну и превратить ее в подчиненную им колонию. Вот, например, какие условия от имени французского правительства предъявил Краснову капитан Фуке, как условия для оказания ему дальнейшей помощи французами:

«Как высшую над собой власть в военном, политическом, административном и внутреннем отношении признаем власть французского главнокомандующего генерала Франшэ д'Эсперэ.

Мы обязываемся всем достоянием Войска Донского заплатить все убытки французских граждан, проживающих в угольном районе «Донец» и где бы они ни находились, происшедшие вследствие отсутствия в стране порядка, в чем бы они ни выражались, в порче машин и приспособлений, в отсутствии рабочей силы. Мы обязаны возместить потерявшим трудоспособность, а также семьям убитых вследствие беспорядков и заплатить полностью среднюю доходность предприятиям с причислением к ней 5 % надбавки за все то время, когда предприятия эти почему-либо не работали, начиная с 1914 года, для чего составить особую комиссию из представителей угольных промышленников и французского консула».

«29 января атаман получил телеграмму от капитала Фуке, в которой тот писал, что он не пошлет войск в Луганск до тех пор, пока не получит с особым курьером присланного ему

подписанного атаманом и прочими лицами соглашения и подчинении генералу Франшэ д'Эсперэ и об уплате всех убытков французских горнопромышленников».

Даже Краснов — этот глава правительства, которое, как проститутка, продавало себя тому, кто ей заплатит, — не решился принять таких наглых условий. Но сменившему его Деникину, а позже Врангелю французы и англичане продолжали оказывать энергичную помощь. Очевидно, недаром. На каких условиях оказывалась им эта помощь? В точности ответят на этот вопрос те дипломатические материалы, которые будут опубликованы после того, как в странах Западной Европы будут прогнаны от власти империалистические хищники и будут опубликованы тайные документы. Пока же приходится довольствоваться откровенными подчас (хотя и наполовину) показаниями наших русских белогвардейцев. Много интересного дают вообще их воспоминания.

Н.Мещеряков.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ.

При сокращении некоторых статей, вошедших в настоящий сборник, составителю иногда приходилось в видах ясности или для связи делать вставки в тексте, посвященные краткому изложению событий, более точному определению дат и т. п. Все такие вставки заключены в прямые скобки [] и почти все набраны петитом.

Составитель.

А.И. ДЕНИКИН. Как началась борьба с большевиками на юге России [11]

1. Приезд на Дон генерала Алексеева и зарождение «алексеевской организации». — Тяга на Дон. — Генерал Каледин

30 октября [1917 г.][12] генерал Алексеев, не переставший еще надеяться на перемену политической обстановки в Петрограде, с большим трудом согласился на уговоры окружавших его лиц — бросить безнадежное дело и, согласно намеченному ранее плану, ехать на Дон. В сопровождении своего адъютанта, ротмистра Шапрона, он 2 ноября прибыл в Новочеркасск и в тот же день приступил к организации вооруженной силы, которой суждено было судьбой играть столь значительную роль, в истории русской смуты.

Алексеев предполагал воспользоваться юго-восточным районом, в частности Доном, как богатой и обеспеченной собственными вооруженными силами базой, для того, чтобы собрать там оставшиеся стойкими элементы — офицеров, юнкеров, ударников, быть может, старых солдат — и организовать из них армию, необходимую для водворения порядка в России. Он знал, что казаки не желали итти вперед для выполнения этой широкой государственной задачи. Но надеялся, что собственное свое достояние и территорию казаки защищать будут.

Обстановка на Дону оказалась, однако, необыкновенно сложной. Атаман Каледин, познакомившись с планами Алексеева и выслушав просьбу дать приют русскому офицерству, ответил принципиальным сочувствием, но, считаясь с тем настроением, которое существует в области, просил Алексеева не задерживаться в Новочеркасске более недели и перенести свою деятельность куда-нибудь за пределы области — в Ставрополь или Камышин.

Не обескураженный этим приемом и полным отсутствием денежных средств, Алексеев горячо взялся за дело: в Петроград в одно благотворительное общество послана была условная телеграмма об отправке в Новочеркасск офицеров, на Барочной улице помещение одного из лазаретов было обращено в офицерское общежитие, ставшее колыбелью добровольчества, и вскоре получено было первое доброхотное пожертвование на алексеевскую организацию — 400 руб., — это все, что в ноябре месяце уделило русское общество своим защитникам. Несколько помогло благотворительное общество. Некоторые финансовые

учреждения оправдывали свой отказ в помощи циркулярным письмом генерала Корнилова, требовавшим направления средств исключительно по адресу Завойко. Было трогательно видеть, и многим, быть может, казалось несколько смешным, как бывший верховный главнокомандующий, правивший миллионными армиями и распоряжавшийся миллиардным военным бюджетом, теперь бегал, хлопотал и волновался, чтобы достать десяток кроватей, несколько пудов сахару и хоть какую-нибудь ничтожную сумму денег, чтобы приютить, обогреть и накормить бездомных, гонимых людей.

А они стекались — офицеры, юнкера, кадеты и очень немного старых солдат — сначала одиночно, потом целыми группами. Уходили из советских тюрем, из развалившихся войсковых частей, от большевистской свободы и самостийной нетерпимости. Одним удавалось прорываться легко и благополучно через большевистские заградительные кордоны, другие попадали в тюрьмы, заложниками в красно-армейские части, иногда… в могилу. Шли все они просто на Дон, не имея никакого представления о том, что их ожидает, ощупью, во тьме, через сплошное большевистское море — туда, где ярким маяком служили вековые традиции казачьей вольницы и имена вождей, которых народная молва упорно связывала с Доном. Приходили измученные, оборванные, голодные, но не павшие духом. Прибыл небольшой кадр Георгиевского полка из Киева, а в конце декабря — и Славянский ударный полк, восстановивший здесь свое прежнее имя — Корниловский.

* * *

Пока не определялись еще конкретно ни цели движения, ни лозунги; шел только сбор сил вокруг Генерала Алексеева, и имя его служило единственным показателем их политического направления. Но в широких кругах Донской области съезд «контр-революционного офицерства» и многих людей с одиозными для масс именами вызвал явное опасение и недовольство. Его разжигала и агитация и свободная большевистская печать. Рабочие, в особенности в Ростове и Таганроге, волновались. Степенное казачество видело большие военные приготовления Советской власти и считало, что ее волнение и гнев навлекают только непрошенные пришельцы… Этому близорукому взгляду не чуждо было и само донское правительство, думавшее соглашательством с местными революционными учреждениями и

лояльностью в отношении Советской власти примирить ее с Доном и спасти область от большевистского нашествия. Казачья молодежь, развращенная на фронте, больше всего боялась опостылевшей всем войны и враждебно смотрела на тех, кто может вовлечь ее в «новую бойню». Сочувствующая нам интеллигенция была, как везде, безгласна и бессильна.

— С Дона выдачи нет!

Эта старинная формула исторической казачьей традиции, значительно, впрочем, поблекшая в дни революции, действовала все же на самолюбие казаков и служила единственным оправданием Каледину в его «попустительстве» по отношению к нежелательным пришельцам. Но, по мере того как рос приток добровольцев, усиливалось давление на атамана извне, и увеличивалось его беспокойство. Он не мог отказать в приюте бездомным офицерам и не хотел раздражать казачество. Каледин не раз просил Алексеева ускорить переезд организации, а пока не делать никаких официальных выступлений и вести дело в возможной, тайне.

Такое положение до крайности осложняло развитие организации. Без огласки, без средств, не получая никакого содействия от донского правительства — небольшую помощь, впрочем, оказывали Каледин и его жена тайком, в порядке благотворительности «беженцам», — Алексеев выбивался из сил, взывал к глухим, будил спящих, писал, требовал, отдавая всю свою энергию и силы своему «последнему делу на земле», как любил говорить старый вождь.

Жизнь, однако, ломала предрассудки: уже 20 ноября атаман Каледин, желая разоружить стоявшие в Новочеркасске два большевистских запасных полка, кроме юнкеров и конвойной сотни, не нашел послушных себе донских частей и вынужден был обратиться за помощью в алексеевскую организацию. Первый раз город увидел мерно и в порядке идущий офицерский отряд.

* * *

Приехав в Новочеркасск около 22 ноября, я не застал ген. Алексеева, уехавшего в Екатеринодар на заседание правительства юго-восточного союза. Направился к Каледину, с которым меня связывали давнишнее знакомство и совместная боевая служба. В атаманском дворце пустынно и тихо. Каледин сидел в своем огромном кабинете один, как будто придавленный неизбежным горем, осунувшийся, с бесконечно усталыми глазами. Не узнал.

Обрадовался. Очертил мне кратко обстановку.

Власти нет, силы нет, казачество заболело, как и вся Россия. Крыленко направляет на Дон карательные экспедиции с фронта. Черноморский флот прислал ультимативное требование «признать власть за советами рабочих и солдатских депутатов». В Макеевском районе объявлена «Донецкая социалистическая республика». Вчера к Таганрогу подошел миноносец, несколько траллеров с большим отрядом матросов; траллеры прошли гирла Дона и вошли в ростовский порт. Военно-революционный комитет Ростова выпустил воззвание, призывая начать открытую борьбу против «контр-революционного казачества». А донцы бороться не хотят. Сотни, посланные в Ростов, отказались войти в город. Атаман был под свежим еще гнетущим впечатлением разговора с каким-то полком или батареей, стоявшими в Новочеркасске. Казаки хмуро слушали своего атамана, призывавшего их к защите казачьей земли. Какой-то наглый казак перебил:

— Да что нам слушать, знаем, надоели!

И казаки просто разошлись.

Два раза я еще был у атамана с Романовским, — никакого просвета, никаких перспектив. Несколько раз при мне Каледина вызывали к телефону, он выслушивал доклад, отдавал распоряжение спокойным и теперь каким-то бесстрастным голосом и, положив трубку, повернул ко мне свое угрюмое лицо со страдальческой улыбкой.

— Отдаю распоряжения и знаю, что почти ничего исполнено не будет. Весь вопрос в казачьей психологии. Опомнятся — хорошо, нет — казачья песня спета.

Я просил его высказаться совершенно откровенно о возможности нашего пребывания на Дону, не создаст ли это для него новых политических осложнений с войсковым правительством и революционными учреждениями.

— На Дону приют вам обеспечен. Но, по правде сказать, лучше было бы вам, пока не разъяснится обстановка, переждать где-нибудь на Кавказе или в кубанских станицах…

— И Корнилову?

— Да, тем более.

Я уважал Каледина и нисколько не обиделся за этот совет: атаману виднее, — очевидно, так нужно. Но знакомясь ближе с жизнью Дона, я приходил к выводу, что все направление политики и даже внешние этапы жизни донского правительства и представительных органов сильно напоминали общий характер деятельности и судьбы общерусской власти… Это было тем более странно, что во главе Дона стоял человек несомненно

государственный, казалось, сильный и во всяком случае мужественный.

2. Положение — на Дону в начале 1918 г

Первый Донской круг дал пернач выборному атаману, но не дал ему власти. Во главе области поставлено было войсковое правительство, состоявшее из 14 старшин, избранных каждым округом излюбленных людей, вне всякой зависимости от их государственного, общественного и просто делового стажа. Атаман являлся только председателем в заседаниях правительства, а его помощник — членом. Эти заседания имели характер заседаний провинциальной городской думы с нудными, митинговыми, а главное лишенными практического значения словопрениями. Деятельность эта не оставила по себе никакого следа в истории Дона, и на тусклом фоне ее меркли крупный твердый государственный разум Каледина и яркий молодой порыв донского баяна Митрофана Богаевского.

Каледин отзывался в разговорах со мной о правительстве с большой горечью. Богаевский выражался о нем осторожно и деликатно: оно по своему составу было не сильно: члены правительства были люди безусловно честные и добросовестные, но не смогли сразу, охватить всей колоссальной работы. Во всяком случае, в среде правительства государственные взгляды Каледина поддержки не нашли, и ему предстояло итти или путем революционным, наперекор правительству и настроениям казачества, или путем конституционным, демократическим, которым он пошел, и который привел его и Дон к самоубийству.

В первое время после Октябрьского переворота донская власть искала связи с обломками Временного Правительства при помощи таких несерьезных посредников, как бывший командующий войсками Московского округа Грузинов и крупный темный делец Молдавский. Но правительство сгинуло, и Каледину поневоле приходилось на Дону принимать на себя функции центральной власти, что он делал с большой осмотрительностью и даже нерешительностью. Вместе с тем, чтобы получить более широкую народную опору, донское правительство 20 ноября обратилось к населению области с весьма либеральной декларацией, созывая на 29 декабря единовременный съезд казачьего и крестьянского населения для устроения жизни Донской области и привлечения к участию в управлении краем пришлого элемента. В начале января вопрос этот разрешился образованием коалиционного министерства на паритетных началах, при чем 7 мест было предоставлено казачеству и 7 — иногородним. 3-й Донской круг, впредь до установления законодательного органа, предоставил

правительству всю полноту власти. Но иногородний съезд ограничил ее выделением дел, касающихся неказачьего населения, из общей компетенции правительства и передачей их на усмотрение иногородней половины его. Это расширение базы и привлечение в состав правительства демагогов-интеллигентов и революционной демократии, быть может, полнее отражая колеблющееся, неустойчивое настроение области, вызвало, как увидим ниже, паралич власти в основном и для этого времени единственно жизненном вопросе — борьбе с большевизмом.

Крестьянство, составлявшее 48 % населения области, увлеченное широкими посулами большевиков, не удовлетворялась теми мероприятиями, которые принимала донская власть, — введением земства в крестьянских округах, привлечением крестьян к участию в станичном самоуправлении, широким приемом их в казачье сословие и наделением тремя миллионами десятин отбираемой у помещиков земли. Под влиянием пропаганды пришлого социалистического элемента крестьянство ставило непримиримо требование общего раздела всей казачьей земли[13]. Рабочая среда — наименьшая численно (10–11 %), но сосредоточенная в важных центрах и наиболее беспокойная — не скрывала своих явных симпатий к Советской власти. Революционная демократия не изжила своей прежней психологии и с удивительным ослеплением продолжала ту разрушительную политику, которую она вела в Таврическом дворце и в Смольном, и которая погубила уже ее дело в общерусском масштабе. Блок с.-д. меньшевиков и с.-р. царил на всех крестьянских, иногородних съездах, в городских думах, советах солдатских и рабочих депутатов, в профессиональных организациях и межпартийных собраниях. Не проходило ни одного заседания, где бы не выносились резолюции недоверия атаману и правительству, где бы не слышалось протестов против всякой меры, вызванной военными обстоятельствами и анархией. Они протестовали против военного положения, против разоружения большевистских полков, против арестов большевистских агитаторов. Они проповедывали нейтралитет и примирение с той силой, которая шла напролом и устами одного из своих военных начальников, шедших покорять Дон, объявляла: требую от всех встать за нас или против нас. Нейтральности не признаю[14]. Была ли эта деятельность результатом серьезно сложившегося убеждения? Конечно, нет: к ней обязывали партийная дисциплина и партийная нетерпимость. На одном из собраний народных социалистов Шик, характеризуя позицию, занятую социалистами ростовской думы, говорил: в тиши (они) мечтают о казачьей силе, а в своих официальных выступлениях

эту силу чернят.

Но недоверие и неудовлетворенность деятельностью Каледина нарастали и в противоположном лагере. В представлении кругов добровольческой армии и ее руководителей, доверявших вполне Каледину, казалось однако недопустимым полное отсутствие дерзания с его стороны. Русские общественные деятели, собравшиеся со всех концов в Новочеркасск, осуждали медлительность в деле спасения России, политиканство, нерешительность донского правительства. Это обвинение на одном собрании вызвало горячую отповедь Каледина:

— А вы что сделали? Я лично отдаю родине и Дону свои силы, не пожалею и своей жизни. Но весь вопрос в том, имеем ли мы право выступить сейчас же, можем ли мы рассчитывать на широкое народное движение?.. Развал, общий. Русская общественность прячется где-то на задворках, не смея возвысить голоса против большевиков… Войсковое правительство, ставя на карту донское казачество, обязано сделать точный учет всех сил и поступить так, как ему подсказывает чувство долга перед Доном и перед родиной.

В сознании русской общественности возникло еще одно опасение, навеянное впечатлениями речей местных трибунов, терявших душевное равновесие и чувство государственности. Отражением этого настроения явилась статья в сдержанном кадетском органе «Ростовская Речь»[15], в которой высказывалось опасение, чтобы организация государственной власти на местах — этот своеобразный сепаратизм областных республик — не превратилась из средства в цель, и чтобы… борьба против насилия и узурпации государственной власти не превратилась в конечном итоге в борьбу против самой свободы, добытой революцией, и против государственной власти как таковой.

Во всяком случае Дон не давал достаточных поводов к такому опасению, а лично Каледин этого упрека не заслуживал совершенно. Он был вполне искренен, когда на областном съезде иногородних 30 декабря говорил:

— Не признав власти комиссаров, мы принуждены были создать государственную власть здесь, к чему мы никогда раньше не стремились. Мы хотели лишь широкой автономии, но отнюдь не отделения от России.

В такой обстановке протекала трудная работа Каледина.

Когда в ночь на 26 ноября произошло выступление большевиков в Ростове и Таганроге, и власть в них перешла в руки военно-революционных комитетов, Каледин, которому было страшно пролить первую кровь[16], решился, однако, вступить в

вооруженную борьбу.

Но казаки не пошли.

В этот вечер сумрачный атаман пришел к генералу Алексееву и сказал:

— Михаил Васильевич. Я пришел к вам за помощью. Будем, как братья, помогать друг другу. Всякие недоразумения между нами кончены. Будем спасать, что еще возможно спасти.

Алексеев просиял и, сердечно обняв Каледина, ответил ему:

— Дорогой Алексей Максимович. Все, что у меня есть, рад отдать для общего дела.

Офицерство и юнкера на Барочной были мобилизованы, составив отряд в 400–500 штыков, к ним присоединилась донская молодежь — гимназисты, кадеты, позднее одумалось несколько казачьих частей, и Ростов был взят.

С этого дня алексеевская организация получила право на легальное существование. Однако отношение к ней оставалось только терпимым, выражаясь не раз в официальных постановлениях донских учреждений в формах обидных и даже унизительных. В частном заседании 3-го круга говорили: пусть армия существует; но если она пойдет против народа, она должна быть расформирована. Значительно резче звучало постановление съезда иногородних, требовавшего разоружения и роспуска добровольческой армии[17], борющейся против наступающего войска революционной демократии. С большим трудом войсковому правительству удалось притти со съездом к соглашению, в силу которого добровольческая армия, как говорилось в декларации, существующая в целях защиты Донской области от большевиков, объявивших войну Дону, и в целях борьбы за Учредительное Собрание, должна находиться под контролем объединенного правительства и, в случае установления наличности в этой армии элементов контр-революционных, таковые элементы должны быть удалены за пределы области[18].

Неудивительно, что с первых же шагов в сознании добровольчества возникло острое чувство обиды и беспокойное сомнение в целесообразности новых жертв, приносимых не во имя простой и ясной идеи отчизны, а за негостеприимный край, не желающий защищать свои пределы, и за абстрактную формулу, в которую после 5 января обратилось Учредительное Собрание. Измученному воображению представлялось повторение картин Петрограда, Москвы, Киева, где лозунги оказались фальшивыми, доверие растоптано и подвиг оплеван.

Поддерживала только вера в вождей.

3. Положение на Кубани, Северном Кавказе и Закавказье

Тот разрыв государственных связей с центром, который на Дону наступил в силу крушения Временного Правительства, на Кубани существовал давно, будучи вызван другими, менее объективными причинами. Еще 5 октября, при решительном протесте представителя Временного Правительства, краевая казачья рада приняла постановление о выделении края в самостоятельную Кубанскую республику, являющуюся равноправным, самоуправляющимся членом федерации народов России. При этом право выбора в новый орган управления предоставлялось исключительно казачьему, горскому и незначительному численно коренному иногороднему населению[19], т.-е. почти половина области лишена была избирательных прав[20]. Во главе правительства, состоявшего по преимуществу из социалистов, был поставлен войсковой атаман, полковник Филимонов, — человек, обладавший, несомненно, более государственными взглядами, нежели его сотрудники, но недостаточно сильный и самостоятельный, чтобы внести свою индивидуальность в направление деятельности правительства. Решение рады принято было значительным большинством голосов, составленным из оригинального сочетания стариков — консервативного элемента, несколько патриархальной складки, чуждого всяких политических тенденций, и казачьей интеллигенции. Эта последняя носила партийные названия эсеров и эсдеков; но, вскормленная на сытом хлебе привольных кубанских полей, она пользовалась социалистическими теориями только в качестве внешнего одеяния и для экспорта, сохраняя у себя дома в силе все кастовые традиционные перегородки. Против решения рады были фронтовые казаки и коренные крестьяне; последние, выразив протест против непатриотического и недемократического, по их убеждению, закона, вышли из состава рады.

Мотивами к такому негосударственному решению вопроса — отделению Кубанской республики — послужили тревога стариков за участь казачьих земель, которым угрожала общерусская земельная политика, честолюбие кубанской социалистической интеллигенции, жаждавшей трибуны и портфелей, и, наконец, украинские влияния, весьма сильные среди представителей черноморских округов.

Рознь между казачьим и иногородним населением приняла

еще более острые формы: наверху, в представительных учреждениях, она проявлялась непрекращавшейся политической борьбой, внизу, в станицах, — народной смутой, расчищавшей путь большевизму. Казачьи социалисты не учли соотношения сил. Против рады и правительства встало не только иногороднее население, но и фронтовое казачество; эти элементы обладали явным численным перевесом, а главное — большим дерзанием и буйной натурой. Большевизм пришел в массу иногородних, найдя в различных слоях их такую же почву, как и везде в России; осложненную вдобавок чувством острого недовольства против земельных и политических привилегий господствующего класса — казачества. Но фронтовая молодежь не имела решительно никаких данных в политических, бытовых, социальных условиях жизни Кубани для восприятия большевизма. Ее толкнули к нему только психологические причины: пьяный угар обезумевшей солдатчины на фронте, принимавший заразительные формы, безотчетное сознание силы в новом нашествии, усталость от войны и нежелание дальнейшей борьбы в какой бы то ни было форме; наконец, сильнейшая агитация большевиков, угрожавших кровавой расправой в случае сопротивления и обещавших не касаться внутреннего казачьего уклада, имущества и земель в случае покорности. Был еще один элемент на Кубани, по природе своей глубоко враждебный большевизму, это — черкесский народ, вызывавший большие и необоснованные надежды на Дону и в кругах добровольческой армии в качестве одного из источников комплектования противобольшевистской вооруженной силы. Бедные, темные, замкнутые в узких рамках архаического быта, черкесы оказались наименее воинственным элементом на Кавказе и приняли большевистскую власть с наибольшей покорностью и с наиболее тяжелыми жертвами. Формирования же черкесских частей впоследствии окончились полной неудачей: полки эти были страшнее для мирного населения, чем для противника.

В конечном результате, когда Каледин, чтобы создать в глазах донских казаков некоторую иллюзию общеказачьего фронта, просил кубанского атамана прислать на Дон хоть один пластунский батальон, такого на Кубани не оказалось. Кубанские части не шли войной против своего правительства, но не шли также и против большевиков и приказания своей выборной власти не исполнили. Кубанскому правительству в декабре пришлось прибегнуть, в свою очередь, к универсальному средству — формированию добровольческого отряда из офицеров и юнкеров, заброшенных судьбою на Кубань. Формирование это поручено было капитану-летчику Покровскому. И здесь перед элементом

государственным, каким являлось офицерство, встали смутные, неясные цели: защита Кубанской республики и ее социалистического, отчасти украинофильского правительства.

Почтенный старик Ф. Щербина, историк Кубанского края, приводит статистические данные по вопросу распространения на Кубани большевизма, как доказательство полной чужеродности его казачьей среде. Поражены им были прежде всего и главным образом станицы, лежавшие на железнодорожных путях из Ростова и Закавказья, откуда шли солдатские эшелоны и возвращались фронтовые казаки. Баталпашинский, например отдел, расположенный в стороне от магистралей, сохранился дольше и лучше всех. Мартиролог кубанских станиц, переходивших в большевизм, выражается следующими цифрами:

1917 г.
август. . . 3
сентябрь. . 2
октябрь. . 5
ноябрь. . 5
декабрь. . 10

1918 г.
январь. . . 20
февраль. . 16
март. . . 24
апрель. . . 1
май. . . 1

_____
Всего 87 станиц.

Таким образом роковой круг замкнулся в течение 10 месяцев.

Эта оригинальная статистика, вероятно, единственная в своем роде на пространстве русской территории, дает и другие любопытные указания: на 947.151 жителя станиц большевиков было 164.579, то-есть 17 %; в их числе казаков 3,2 % и иногородних 96,8 %. В 50 станицах насчитано 770 видных советских деятелей-комиссаров, членов советов и агитаторов; из них 69 интеллигентов и полуинтеллигентов и 711 людей совершенно необразованных, стоявших на низших ступенях общественной лестницы, по большей части уголовного элемента. В общем числе — 34 % казаков и 66 % иногородних.

Большевизм начал проявляться в области обычными своими признаками: отрицанием краевой власти, упразднением станичной администрации и заменой ее советами, насилиями над офицерами, зажиточными казаками и буржуями, разбоями, социализациями, реквизициями и т. д. В самом Екатеринодаре

царила донельзя сгущенная, нездоровая атмосфера, шли непрерывные митинги, на каждом перекрестке собиралась толпа, возбуждаемая речами большевистских ораторов. В городе с октября существовал военно-революционный комитет, имевший свои отделы — Дубинский и Покровский — в пригородах.

Кубанское правительство, сознавая отсутствие всякой опоры, пошло по пути Дона: 12 декабря был созван совместный съезд представителей всего населения. Половина иногородних представителей оказалась большевиками и отказалась от участия в работе съезда. Другая половина в согласии с казачеством приступила к работе. Но вместо того, чтобы принять героические меры хотя бы к спасению родных очагов, соединенные силы казачьей и общерусской революционной демократии в созданной ими законодательной раде и в преобразованном на паритетных началах правительстве приступили, по выражению современного публициста, к кипучей творческой работе, прямым результатом которой было создание конституции Кубанской республики, всесторонне разработанная программа решения важнейших политических и экономических вопросов и… отдача всей Кубани во власть большевиков.

Паритет, как и на Дону, только ослабил сопротивление, введя в состав власти элементы еще менее устойчивые, соглашательские. Добровольческий отряд успешно сдерживал еще попытки большевистских банд, наступавших со стороны Новороссийска, и даже в конце января у Эйнема, и под начальством капитана Покровского нанес им жестокое поражение. Но в то же время на узловых станциях Кавказской, Тихорецкой, Тимашовке оседали солдатские эшелоны бывшей Кавказской армии и местные большевики, сжимая все более и более в тесном кольце Екатеринодар. В городе Армавире большевики образовали Кубанский краевой революционный комитет под председательством Я. Полуяна; оттуда началась систематическая борьба против Екатеринодара вооруженной силой и агитацией.

* * *

Северный Кавказ бушевал. Падение центральной власти вызвало потрясение здесь более серьезное, чем где бы то ни было. Примиренное русскою властью, но не изжившее еще психологически вековой розни и не забывшее старых взаимных обид, разноплеменное население Кавказа заволновалось.

Объединявший его ранее русский элемент — 40 % населения края[21] — состоял из двух почти равных численно групп — терских казаков и иногородних, разъединенных социальными условиями и сводивших теперь в междоусобной борьбе старые счеты, по преимуществу земельные; они не могли поэтому противопоставить новой опасности ни силы, ни единства. Терское войско, слабое численно, затерянное среди враждебной стихии и переживавшее те же моральные процессы, что и старшие братья на Дону и Кубани, внесло еще менее своей индивидуальности в направление борьбы. Еще до половины декабря, когда был жив атаман Караулов и до некоторой степени сохранилось несколько терских полков, сохранялся еще и призрак власти и вооруженной силы. Караулов вел определенную политику борьбы с большевизмом и примирения с горцами. Видя невозможность для себя остановить анархию в крае, Караулов пришел к мысли о создании временного терско-дагестанского правительства, которое и было образовано в начале декабря совместно тремя организациями: терским казачьим правительством, союзом горцев Кавказа и союзом городов Терской и Дагестанской областей. Новое правительство приняло на себя впредь до создания основных законов полноту общей и местной государственной власти.

Но эта власть не имела решительно никакой реальной силы, ни на кого не опиралась, и даже в самом Владикавказе ее игнорировал местный Совет. 13 декабря на станции Прохладной толпа солдат-большевиков, по указанию из владикавказского совдепа, оцепила вагон, в котором находился атаман Караулов с несколькими сопровождавшими его лицами, отвела на дальний путь и открыла по вагону огонь. Караулов был убит. С его смертью терско-дагестанское правительство стало еще более обезличенным.

Фактически на Тереке власть перешла к местным советам и бандам солдат кавказского фронта, которые непрерывным потоком текли из Закавказья и, не будучи в состоянии проникнуть дальше, в родные места, ввиду полной закупорки кавказских магистралей, оседали, как саранча, по Терско-Дагестанскому краю. Они терроризовали население, насаждали новые советы или нанимались на службу к существующим, внося повсюду страх, кровь и разрушение. Этот поток послужил наиболее могущественным проводником большевизма, охватившего иногороднее русское население (жажда земли), задевшего казачью интеллигенцию (жажда власти и идеи социализма) и смутившего сильно терское казачество (страх итти против народа). Что касается горцев, то крайне консервативные в

своем укладе жизни, в котором весьма слабо отражалось социальное и земельное неравенство, верные своим задачам и обычаям, они управлялись своими национальными советами, были глубоко чужды и враждебны идеям большевизма, но быстро и охотно восприняли многие прикладные стороны его, в том числе насилие и грабеж. Тем более, что путем разоружения проходивших войсковых эшелонов или купли у них горцы приобрели много оружия (даже пушки) и боевых припасов. Кадром для формирования послужили полки и батареи бывшего Кавказского туземного корпуса.

В начале 1918 года в общих чертах картина жизни на Северном Кавказе представлялась в следующем виде.

Дагестан, в общем наиболее замиренный и лояльный, теперь под влиянием событий стал подпадать под турецкое влияние, и в нагорной части его велась широко проповедь панисламизма. Подогреваемая его идеей, шла, не прекращаясь, партизанская война против большевиков, группировавшихся по преимуществу вдоль дороги Баку — Петровск; но по отношению к казакам и служилым русским людям дагестанцы враждебных действий не проявляли.

Чечня, раздираемая внутренними междоусобиями, разделенная на 50–60 враждующих партий по числу влиятельных шейхов, склоняясь то к турецкой, то к большевистской ориентации, проявила, однако, полное единение в исторической тяжбе с русскими колонизаторами. Общая идея совместной с ингушами борьбы их заключалась в том, чтобы отбросить терских казаков и часть осетин в Сунжу и Терек, овладеть их землями и, уничтожив тем чересполосицу, связать прочно горную и плоскостную Ингушетию (в районе Владикавказа), с одной стороны, и Чечню с Ингушетией — с другой. Еще в конце декабря чеченцы с фанатическим воодушевлением крупными силами обрушились на соседей. Грабили, разоряли и жгли дотла богатые цветущие селения, экономии и хутора Хасав-Юртовского округа, казачьи станицы, железнодорожные станции; жгли и грабили город Грозный и нефтяные промыслы.

Ингуши, наиболее сплоченные и выставившие сильный и отлично вооруженный отряд, грабили всех: казаков, осетин, большевиков, с которыми, впрочем, были в союзе, держали в постоянном страхе Владикавказ, который в январе захватили в свои руки и подвергли сильному разгрому. Вместе с тем, в союзе с чеченцами, ингуши приступили к вытеснению казачьих станиц Сунженской линии, для чего еще в ноябре в первую очередь подожгли со всех сторон и разрушили станицу Фельдмаршальскую.

Осетины — наиболее культурный из горских народов, имевший даже свою социалистическую интеллигенцию, склонявшуюся к большевизму. Народ однако выдержал искушение. Подчиняясь господствующей силе, осетины все же считали своими врагами большевиков и ингушей и, невзирая на неразрешенные еще земельные споры с казаками, охотно присоединялись к их выступлениям против большевиков.

Наконец, кабардинцы, восприняв от большевиков земельную практику, отняли у своих узденей (дворянства) земли и затем жили мирно, стараясь сохранить нейтралитет среди борющихся сторон.

В этой сложной обстановке терское казачество пало духом. В то время как горские народы, побуждаемые национальным чувством, путем чистой импровизации создавали вооруженную силу, — природное войско с историческим прошлым, выставлявшее 12 хорошо организованных полков, разлагалось, расходилось и разоружалось по первому требованию большевиков. Агитация, посулы большевистских агентов и угрозы горцев заставляли малодушных искать спасения в большевизме, который, вначале по частной инициативе местных советских организаций, потом по указанию из центра, пользовался распрей, становясь то на сторону горцев против казаков, то на сторону казаков против горцев и таким образом в общем хаосе утверждая свою власть.

В конце января в гор. Моздоке собрался рабоче-крестьянский съезд, переехавший затем в Пятигорск. Съезд выбрал из своего состава самостоятельное правительство — Терский Народный Совет, под председательством некоего Пашковского, сосланного некогда в каторжные работы за ограбление казначея реального училища и возвращенного в силу общей амнистии, данной Временным Правительством.

В течение месяца Народный Совет правил параллельно с терско-дагестанским правительством; наконец последнее, не видя ниоткуда поддержки, в конце февраля во избежание кровопролития добровольно сложило с себя власть и предложило Совету переехать во Владикавказ.

Терский край был объявлен составной частью РСФСР.

* * *

Мне остается еще отметить две попытки к объединению Юго-Востока в более Широких областных или национальных рамках.

Вскоре после начала революции возник союз горцев Северного Кавказа, который выделил центральный комитет и первоначально поставил своей целью борьбу с анархией, поддержание правопорядка, мирное разрешение межнациональных столкновений, обеспечение прав национальных меньшинств в Учредительном Собрании и т. д. После большевистского переворота центральный комитет в декабре 1917 года объявил себя правительством горских народов Кавказа. Разброд задач и целей, которые преследовали горские народы, лишал всякой почвы союзное правительство. Совершенно чуждое одним (абхазцы и черкесы), враждебное другим (осетины), оно установило некоторую внешнюю связь с Ингушетией и Чечней, откуда изредка и случайно получались небольшие суммы на содержание самого правительства. Эти суммы и личный большой кредит председателя, богатого чеченца нефтепромышленника Топы Чермоева, были единственным источником существования правительства. Не имея никаких реальных возможностей управления, горское правительство с самого начала бросило всякие попытки устроения края и перешло к чистой политике, составив звено в цепи тех многочисленных самодовлеющих народных представительств, которые рождены были русской революцией и составляют одну из любопытных ее черт.

Январские события во Владикавказе заставили горское правительство перейти в Тифлис и тем порвать почти вовсе связи с краем. С тех пор личный состав правительства рассеялся; иногда только оно подавало признаки своего существования торжественными декларациями от имени двух своих столпов — Топы Чермоева и Пшемаха Коцева. И только через год, когда добровольческая армия освободит Северный Кавказ, мы встретимся опять с возглавляемым Коцевым меджилисом горских народов, обнаружившимся неожиданно в Темир-Хан-Шуре и обратившимся к главному командованию с ультимативными требованиями.

В послании к Кабардинскому национальному Совету[22] Коцев писал:

«Почти год тому назад… я вырван из среды близкого, родного мне народа. Обстоятельства так сложились, что меня бросало по всему лицу Европы и Азии. Само собою разумеется, что за все это время я делал народное дело. Когда анархия и развал коснулись и нашей окраины, то для меня стало ясно, что собственными силами и авторитетом мы не можем водворить у себя порядок; и вот все это время прошло в хлопотах за поисками этой силы».

В течение года г.г. Чермоев и Коцев призывали варягов — последовательно в лице турок, немцев, англичан, грузин, едва

поспевая за быстро вертящимся колесом мировых событий. А тем временем Северный Кавказ в огне и в крови разрешал самостоятельно вопросы своего бытия.

* * *

Гораздо серьезнее и по замыслу и по политическому значению представлялось образование в конце сентября Юго-восточного союза. Возникшее по инициативе Кубани, это объединение должно было включать три казачьи области — Донскую, Кубанскую, Терскую — и вольные народы гор и степей, под которыми разумелись горцы северного Кавказа, калмыки и другие инородцы Ставропольской губернии. В дальнейшем в состав Союза предполагалось привлечь Уральское (Яицкое) и Астраханское войско и, может быть, Закавказье.

Первоначальная идея этого объединения, вызванного к жизни главным образом бессилием центральной власти, с достаточной полнотой выражена в постановлении Донского «большого круга», заседавшего в первой половине сентября[23].

«Заслушав и обсудив доклад представителя Кубанского войска, поддержанный представителем войска Терского, по вопросу о федеративном устройстве государства Российского, и признавая федерацию, как принцип, как идею, на основании прошлого исторического опыта зарождения и существования казачества желательной, постановил:

1) поручить войсковому правительству принять участие в конференции, созываемой в Екатеринодаре 20 сентября 1917 года по этому вопросу, с правом делегировать от имени войска представителей в союзный орган, имеющий быть созданным для защиты краевых интересов;

2) просить этот союзный орган, с участием представителей соседних областей, вольных народов и коренного неказачьего населения казачьих земель, а также сведущих лиц, разработать к Учредительному Собранию проект такого устройства края, которое, обеспечивая полную самостоятельность национальностей и крупных бытовых групп в сфере местного законодательства, суда, управления, земельных отношений, культурной и экономической жизни, в то же время оставило бы ненарушенной тесную связь частей с целым, не поколебало бы единства и силы России».

Под этой довольно безобидной формой пожеланий и признания авторитета Всероссийского Учредительного Собрания

скрывались однако более реальные стремления. В них смешались начала государственно-охранительные и центробежные: стремление сохранить от разложения более устойчивую часть в интересах целого и желание использовать государственную смуту в интересах чисто местных.

Практического осуществления идея союза однако не получила. К концу сентября создано было объединенное правительство Юго-восточного союза, во главе с В.А. Харламовым[24], правительство чисто фиктивное, не только не оказавшее в ту трудную пору (конец 1917 — начало 1918 года) какого-либо влияния на ход событий, но просто прошедшее незамеченным для широких кругов населения юга. Безвластие и бессилие областных правительств, неимение денежных средств и вооруженной силы, а главное — отсутствие опоры в народной массе лишили это начинание казачьей интеллигенции всякого реального значения.

Идея союза, однако, не была оставлена и в 1919 году, при совершенно иной военно-политической обстановке, вновь привлекла к себе серьезное внимание казачьих верхов.

* * *

15 ноября Закавказский комитет сложил свои полномочия, и власть перешла в руки Закавказского комиссариата (правительства), избранного на совещании, из представителей революционных организаций и социалистических партий. Этим же совещанием постановлен был созыв Закавказского сейма в составе членов, избранных во Всероссийское Учредительное Собрание, пополненном членами политических партий. Сейм собрался в начале февраля. Еще ранее, в конце октября и в ноябре, собирались национальные съезды, и возникли национальные Советы.

Перед новым правительством, возглавлявшимся Гегечкори, позднее — перед сеймом, возникли вопросы необыкновенной важности и трудности: об отношении к русской государственности, о войне или мире и, наконец, о ликвидации кавказского фронта, представлявшего в глазах правительства опасность не меньшую, чем угроза турецкого нашествия.

На первом совещании и национальных съездах идея русской государственности не потерпела никакого колебания. Лейт-мотивом на них было решительное отмежевание от советского правительства и признание самостоятельного существования

местной власти только временно до восстановления общерусской центральной власти или до созыва Всероссийского Учредительного Собрания. Но в сейме настроение создалось уже несколько иное: по почину мусульманской фракции его и грузинской партии национал-демократов был возбужден вопрос о полной независимости Закавказья. Мотивами выставлялись длительный характер русской смуты, необходимость предотвращения назревающего междоусобия и, главное, возможность заключения сепаратного мира с турками, нашествие которых грозило краю неисчислимыми бедствиями. Нет сомнения, что в самой постановке вопроса сказывалось уже весьма сильное германо-турецкое влияние, которое опиралось на панисламистские тенденции части кавказской интеллигенции, на общее недовольство разгорающейся анархией мусульманского населения, увидевшего в единоверных турках своих избавителей, и, наконец, на давнишнюю связь турецкого и германского правительств с «Комитетом освобождения Грузии»; комитет этот был образован партией грузинских национал-демократов еще в 1914 году и вошел с враждебными нам державами в договорные отношения, обязывавшие одну сторону к предательству, другую — к созданию независимой Грузии.

Грузинские социал-демократы — наиболее влиятельная партия — присоединились к требованию независимости. Их лидер Ной Жордания, который в ноябре говорил, что и теперь в пределах России грузинский народ должен искать устроения своей судьбы, в феврале на сейме сказал:

— Когда есть выбор — Россия или Турция, мы выбираем Россию. Но когда есть выбор — Турция или самостоятельность Закавказья, — мы выбираем самостоятельность Закавказья.

Предложение, однако, встретило резкий протест в среде русских социалистов и армянских дашнакцаканов. Решено было передать вопрос на обсуждение особой комиссии. Эта комиссия обсудила вопрос в ряде заседаний с участием сведущих лиц — представителей армии, банков, финансового и других ведомств — и пришла к единодушному убеждению в невозможности самостоятельного существования Закавказья без поддержки какой-либо стратегически и экономически сильной державы.

Это заключение и признание сейма «при известных условиях принципиально допустимым объявление Закавказья независимой республикой», если и не решали вопроса, то в значительной мере предрешали его. Окончательно он был разрешен позднее прямым воздействием германского правительства, поставившего себе целью расчленение России и, в частности, полное отторжение от нее Закавказья.

Фронта в действительности не существовало. Поэтому, когда во второй половине ноября командующий турецкой армией Вехиб-паша предложил перемирие, генерал Пржевальский и закавказское правительство приняли предложение, и перемирие было заключено в декабре в Эрзинджане.

С этого времени начался хаотический отход русских корпусов и одновременно лихорадочное формирование национальных войск для охраны территории 1914 года. Шло оно туго в тылу и весьма неуспешно на фронте, наталкиваясь на сильное препятствие со стороны войсковых революционных учреждений и среди самих грузинских и армянских воинов, у которых стремление разойтись по домам было не менее сильно, чем у русских.

Общую директиву отходящие банды кавказского фронта получили от второго краевого съезда Кавказской армии, состоявшегося в Тифлисе с 10 по 25 декабря. В воззвании к солдатам, подписанном Е. Вильямовским, говорилось:

«Съезд признал за вами право на оружие при оставлении армии для защиты родины от контр-революционной буржуазии с ее приспешниками — Калединым — Донским атаманом, Дутовым — Оренбургским и Филимоновым — Кубанским. Для руководства продвижением товарищей-солдат и для борьбы с контрреволюцией на Северном Кавказе, на Кубани и в Закавказьи избраны съездом Краевой Совет и Военно-революционный комитет… Вы, товарищи, должны все принять участие… в установлении Советской власти. Провезти домой оружие вы можете, двигаясь лишь сильными отрядами всех родов оружия, с избранным командным составом… Кто не может (провезти), сдавайте его Советам, комитетам в Новороссийске, Туапсе, Сочи, Крымской и т. д., где есть представители Советской власти»…

Солдаты двинулись двумя потоками, бросая на произвол судьбы миллиардное имущество: один — в общем направлении на Тифлис, который несколько месяцев жил буквально в положении осажденного города; власти и комитеты употребляли героические усилия и вели форменные бои, чтобы отвести эти буйные и голодные массы от города далее на Баку и Северный Кавказ. Другой поток шел на Трапезунд, откуда захватываемые с бою транспорты развозили войска по портам Черного моря. В середине января в Трапезунде образовался комитет по организации добровольческих отрядов для борьбы с контр-революцией и, благодаря предоставлению ему внеочередной перевозки, приступил с большим успехом к формированиям, которые спешно направлялись в Новороссийск против Кубани и Дона.

В феврале представители сейма и главного кавказского командования ехали в Эрзерум для ведения переговоров о мире; но судьбы мира были предрешены одностороннею волею победителей. В Трапезунде делегация застала уже..37-ю турецкую дивизию Казим-бея, занявшую город с согласия интернационального комитета, так как местные Советские власти отчаялись окончательно силами двух грузившихся последовательно корпусов отразить хотя бы шайки турецких разбойников, грабивших прилежащий сильно укрепленный район и даже окраины Трапезунда.

Турки вступали в город, встреченные Советом рабочих и солдатских депутатов почетным караулом и музыкой.

4. «Московский центр». — Связь Москвы с Доном. — Приезд на Дон генерала Корнилова. Попытки организации государственной власти на Юге: «триумвират» Алексеев — Корнилов — Каледин. — Совет. — Внутренние трения в триумвирате и Совете

Когда мы съехались в Новочеркасске, там многое изменилось.

Каледин признал окончательно необходимость совместной борьбы и не возбуждал более вопроса об уводе с Дона добровольческой армии, считая ее теперь уже единственной опорой против большевизма.

6 декабря приехал Корнилов, с нетерпением ожидавшийся всеми; после первого свидания его с Алексеевым стало ясно, что совместная работа их, вследствие взаимного предубеждения друг против друга, будет очень нелегкой. О чем они говорили, я не знаю; но приближенные вынесли впечатление, что расстались они темнее тучи…

В Новочеркасске уже образовалась политическая кухня, в чаду которой наезжие деятели сводили старые счеты, намечали новые вехи и создавали атмосферу взаимной отчужденности и непонимания совершающихся на Дону событий. Собрались и лица, игравшие злосчастную роль в корниловском выступлении. Б. Савинков с безграничной настойчивостью, но вначале безуспешно, добивался приема у генералов Алексеева и Корнилова. Добрынский сводил дружбу с приближенными Корнилова, свидетельствуя о своей преданности генералу и необходимости своего участия в новом строительстве. Его присутствие около организации, благодаря неясному прошлому, странному поведению во время корниловского выступления и налету хлестаковщины, производило досадное впечатление. Завойко я уже не застал. Он вызвал всеобщее недоумение монополией сбора пожертвований и плел какую-то нелепейшую интригу с целью свержения Каледина и избрания на должность донского атамана… генерала Корнилова. Ознакомившись с его деятельностью, Корнилов приказал ему в 24 часа покинуть Новочеркасск.

Приехали и представители «Московского центра». Организация эта осенью 1917 года образовалась в Москве из

представителей кадетской партии, совета общественных организаций, торгово-промышленников и других буржуазно-либеральных и консервативных кругов. Первоначально были присланы делегатами М.М. Федоров, А.С. Белецкий (Белоруссов) и еще двое. Позднее из числа этих лиц остался при добровольческой армии только М.М. Федоров, а остальных заменили кн. Г.Н. Трубецкой, П.Б. Струве и А.Х. Хрипунов.

Пригласив к себе на конспиративную квартиру генерала Алексеева, делегация обратилась к нему с глубоко прочувствованным словом, растрогавшим генерала. Задачу делегации Федоров в общих чертах определял так: «служить связью добровольческой организации с Москвой и остальной общественной Россией, всемерно помогать генералу Алексееву в его благородном и национальном подвиге своим знанием, опытом, связями; предоставить себя и тех лиц, которые могли быть для этого вызваны, в распоряжение генерала Алексеева для создания рабочего аппарата гражданского управления при армии в тех пределах, какие вызывались потребностями армии и всей обстановкой ее деятельности, и отвезти те первые средства, которые были тогда собраны».

У Алексеева явились, таким образом, надежды расширить значительно масштаб добровольческой организации, — надежды, весьма скоро обманувшие его.

18 декабря состоялось первое большое совещание московских делегатов и генералитета. Предстояло решить основной вопрос существования, управления и единства алексеевской организации. По существу весь вопрос сводился к определению роли и взаимоотношений двух генералов — Алексеева и Корнилова. И общественные деятели и мы были заинтересованы в сохранении их обоих в интересах армии. Ее хрупкий еще организм не выдержал бы удаления кого-нибудь из них: в первом случае (уход Алексеева) армия раскололась бы, во втором — она бы развалилась. Между тем, обоим в узких рамках только что начинавшегося дела было, очевидно, слишком тесно.

Произошла тяжелая сцена; Корнилов требовал полной власти над армией, не считая возможным иначе управлять ею и заявив, что в противном случае он оставит Дон и переедет в Сибирь; Алексееву, повидимому, трудно было отказаться от прямого участия в деле, созданном его руками. Краткие, нервные реплики их перемешивались с речами общественных деятелей (в особенности страстно реагировал Федоров), которые говорили о самопожертвовании и о государственной необходимости соглашения… После второго заседания оно как будто состоялось; вся военная власть переходила к Корнилову. Недоразумения

начались вновь при приеме алексеевской организации, когда выяснилась полная материальная необеспеченность армии не только в будущем, но даже и в текущих потребностях. Корнилов опять отказался от командования армией; но после новых уговоров было достигнуто соглашение. На рождестве был объявлен секретный приказ о вступлении генерала Корнилова в командовании армией, которая с этого дня стала именоваться официально добровольческой.

* * *

Предстояло разрешить еще один важный вопрос — о существе и формах органа, возглавляющего все движение. Принимая во внимание взаимоотношения генералов Алексеева и Корнилова и привходящие интересы Дона, форма верховной власти естественно определялась в виде триумвирата Алексеев — Корнилов — Каледин. Так как территория, подведомственная триумвирату, не была установлена, а мыслилась в пределах стратегического влияния добровольческой армии, то триумвират представлял из себя в скрытом виде первое общерусское противобольшевистское правительство. В таком эмбриональном состоянии оно просуществовало в течение месяца, до смерти Каледина.

Конституция новой власти все еще обсуждалась и грозила внести новые трения в налаживавшиеся с таким трудом отношения. Поэтому я набросал проект конституции приблизительно по следующей схеме:

1. Генералу Алексееву — гражданское управление, внешние сношения и финансы.

2. Генералу Корнилову — власть военная.

3. Генералу Каледину — управление Донской областью.

4. Верховная власть — триумвират. Он разрешает все вопросы государственного значения, при чем в заседаниях председательствует тот из триумвиров, чьего ведения вопрос обсуждается.

Моя записка, прочтенная в конспиративной квартире профессора К-ва совещанию генералов[25], была одобрена и, проредактированная затем начальником штаба армии генералом Лукомским, подписана триумвирами и послана «Московскому центру» с одним из возвращавшихся делегатов.

Если этот документ попадет когда-нибудь в руки государствоведа, то для сведения его сообщаю: это не было

упражнением в области государственно-правовых форм власти, а исключительно психологическим средством, вполне достигшим цели. В то время и при той необыкновенно сложной обстановке, в которой жили Дон и армия, формы несуществующей фактически государственной власти временно были совершенно безразличны. Единственно, что было тогда важно и нужно, — создать мощную вооруженную силу, чтобы этим путем остановить потоп, заливающий нас с севера. С восстановлением этой силы пришла бы и власть.

В таких же муках рождался Совет. По определению главного инициатора этого учреждения Федорова, задачи Совета заключались в организации хозяйственной части армии, сношениях с иностранцами и возникшими на казачьих землях местными правительствами и с русской общественностью; наконец, — в подготовке аппарата управления по мере продвижения вперед добровольческой армии.

В состав Совета от русской общественности вошли московские делегаты Федоров, Белецкий, позднее Струве и кн. Г. Трубецкой; персонально — П. Милюков.

Первое затруднение при образовании Совета встречено было со стороны донского экономического совещания, возникшего еще в половине ноября, возглавляемого кадетом Н. Парамоновым и состоявшего из донских и пришлых общественных деятелей. Экономическое совещание при донском атамане и правительстве играло до некоторой степени тождественную роль с той, которая намечалась Совету. Явилось поэтому неприкрытое соревнование в вопросе о приоритете в освободительном движении донского казачества И добровольчества и, сообразно с этим, экономического совещания и Совета… Вопрос, впрочем, был скоро улажен вмешательством Каледина и М. Богаевского: Совет был признан, и в состав его вошли Парамонов и М. Богаевский.

За кулисами продолжалась работа Савинкова. Персонально он стремился во что бы то ни стало связать свое имя с именем Алексеева, возглавить вместе с ним организацию и обратиться с совместным воззванием к стране. Эта комбинация не удалась. Корнилов в первые дни после своего приезда не хотел и слышать имени Савинкова. Но вскоре Савинков добился свидания с Корниловым. Начались длительные переговоры между генералами Алексеевым и Корниловым, с одной стороны, и Савинковым, — с другой, в которых приняли участие, как посредники, Милюков и Федоров. Савинков доказывал, что отмежевание от демократии составляет политическую ошибку, что в состав Совета необходимо включить представителей демократии в лице его, Савинкова, и группы его политических

друзей, что такой состав Совета снимет с него обвинение в скрытной реакционности и привлечет на его сторону солдат и казачество; он утверждал кстати, что в его распоряжении имеется в Ростове значительный контингент революционной демократии, которая хлынет в ряды добровольческой армии.

Все три генерала относились отрицательно к Савинкову. Но Каледин считал, что без этой уступки демократии ему не удастся обеспечить пребывание на Дону добровольческой армии, Алексеев уступал перед этими доводами, а Корнилова смущала возможность упрека в том, что он препятствует участию Савинкова в организации по мотивам личным, восходящим ко времени августовского выступления.

На одном из военных совещаний генерал Алексеев предъявил ультимативный запрос Савинкова относительно принятия его условий. Конечным сроком для ответа Савинков назначал 4 ч. дня (было 2), после чего оставлял за собою «свободу действий». Члены триумвирата долго обсуждали это странное обращение; Лукомский, Романовский и я не принимали участия в разговоре. Наконец, я выразил изумление, что уходит время на обсуждение более чем смелого требования лица, представляющего только себя лично и уже один раз сыгравшего отрицательную роль в корниловском выступлении.

Условия, однако, были приняты на том основании, что не стоит наживать врага… В состав Совета вошли четыре социалиста — Б. Савинков и указанные им лица: бывший комиссар 8-й армии Вендзягольский, донской демагог Агеев и председатель крестьянского съезда, бывший ссыльный и эмигрант Мазуренко.

От предложения Корнилова, сделанного мне, вступить в состав Совета я отказался.

Участие Савинкова и его группы не дало ни одного солдата, ни одного рубля и не вернуло на стезю государственности ни одного донского казака; вызвало лишь недоумение в офицерской среде.

В силу общих неблагоприятных условий и отсутствия подлежащей управлению территории, деятельность Совета имела самодовлеющий характер и в жизни армии не отражалась вовсе. К тому же в недрах самого учреждения создались совершенно ненормальные отношения, о которых один из членов Совета пишет: «Оба течения, правое и левое, держались обособленно. Савинков внушал к себе недоверие со стороны правых и чувствовал это. Когда он что-нибудь предлагал, все настораживались и старались отклонить его предложение. Но эта обструкция была поневоле слабой, потому что редко кто из нас вносил, в свою очередь, другое предложение.

Впрочем, Совет просуществовал всего лишь недели 2–3 и в средине января, с переездом штаба армии в Ростов, фактически прекратил свою деятельность.

Часть членов его разъехалась. Савинков взял на себя поручение войти в сношения с некоторыми известными демократическими деятелями и отбыл в Москву. Удостоверение за подписью Алексеева открывало ему новые возможности. Его именем он начал собирать офицерство, распыляя наши силы, и организовывать восстания, которые были скоро и кроваво подавлены большевиками.

Вендзягольский уехал в Киев для связи с юго-западным фронтом, отчасти с поляками и чехо-словаками, и вскоре обратился к армии с воззванием, начинавшимся такими неожиданными словами: «От имени последнего русского правительства, национального и неизменнического, сверженного в октябре большевиками, я, военный комиссар 8-ой армии, объявляю».. Вряд ли можно было найти более одиозные к тому времени в военной среде понятия, как Временное Правительство и комиссар, чтобы их авторитетом побудить офицеров и солдат ехать на Дон…

* * *

Главный вопрос, от которого зависело самое существование армии, — денежный, оставался попрежнему неразрешенным,

Денежная Москва ограничилась горячим сочувствием и обещаниями отдать все на спасение родины. Все выразилось в сумме около 800 тысяч рублей, присланных в два приема; и дальше этого Москва не пошла; впоследствии, по мере утверждения Советской власти и захвата ею средств буржуазии, неограниченные ранее финансовые возможности последней значительно сократились.

Повторилось опять то явление, которое имело место в дни корниловского выступления. И генералы Алексеев и Корнилов с полным основанием обращались с суровым осуждением к «Московскому центру» в лице его делегатов.

«Московский центр» в лице трех его членов, командированных в Петроград, обратился за финансовой помощью и к союзным дипломатам. Попытка эта также не привела ни к чему. В первое время после большевистского переворота иностранные посольства находились в состоянии страха и полной растерянности. Английское, впрочем, устами

второстепенного представителя, майора Киз, обещало крупную материальную поддержку.

По мысли Федорова и московской делегации, от имени оставшихся на свободе членов Временного Правительства местной казенной палате предложено было обращать 25 % всех областных государственных сборов на содержание борющейся против большевиков армии. После длительных переговоров с атаманом и донским правительством эта мера и была осуществлена, при чем общая сумма отнесена в равных долях на нужды добровольческой и донской армий.

Этот источник был главным средством существования армии и, в силу зависимости от донской власти, постоянных трений с нею и крайне слабого поступления казенных доходов, являлся весьма скудным и ненадежным. Чтобы расширить на тех же началах финансовую базу, в Екатеринодар и Владикавказ были командированы Федоров и г. Н. Кубанское правительство отказало наотрез, а с последовавшим падением Дона и исходом армии дальнейшие попытки в этом направлении прекратились.

Тем временем сбор средств шел и на местах: ростовская плутократия по подписке дала около $6^1/_2$ миллионов, новочеркасская — около 2-х. Половина этих сумм должна была поступить в фонд добровольческой армии, но фактически до самого нашего выхода казначейству удалось собрать с трудом не более 2 миллионов.

Временами состояние добровольческой казны было таково, что приходилось для ее нужд в ростовских банках учитывать мелкие векселя кредитоспособных беженцев. Впоследствии в учреждениях юга России возникла даже тяжба для решения вопроса — кто был Мининым: банк или беженец.

Вместе с тем, отделения государственного банка и казначейства Дона, не подкрепляемые наличностью, испытывали большие затруднения, грозившие еще больше запутать экономическое положение области. В виду этого по инициативе донского экономического совещания донская власть приступила к печатанию собственных денежных знаков — операции, осуществленной в значительных размерах только весною 1918 года, после освобождения Дона.

* * *

Внутренние трения в триумвирате не прекращались. Однажды едва не кончилось полным разрывом. 9 января,

незадолго до переезда в Ростов, меня и Лукомского вызвали спешно в помещение канцелярии генерала Алексеева. Пришли мы поздно, когда все уже кончилось, и с удивлением услышали о происшедшем столкновении.

Некто капитан Капелька, состоявший при штабе Алексеева, со слов Добрынского, доложил Алексееву о предстоящем перевороте: с переездом в Ростов генерал Корнилов должен был свергнуть триумвират и объявить себя диктатором; сделаны якобы уже назначения до московского генерал-губернатора включительно.

Невзирая на мутный источник этих сведений, генерал Алексеев, предубежденный в отношении Корнилова, не переговорив с кем-либо из нас, собрал членов Совета и старших генералов и пригласил генерала Корнилова для объяснений.

Корнилов, взбешенный подобным обвинением и инсценировкой судилища, ответил резким словом и удалился. На другой день московская делегация получила письмо с отказом от участия в организации обоих генералов — Алексеева и Корнилова. Опять пришлось уговаривать: Алексеева — мне лично, Корнилова — вместе с Калединым.

Корнилов удовлетворился извинениями Алексеева, но при этом потребовал от московской делегации: «1) письменного извещения, что Совет признает себя органом только совещательным при коллегии из трех генералов, и ни один вопрос, внесенный на рассмотрение Совета, не получает окончательного решения без утверждения означенных трех лиц; 2) включения в состав Совета начальника штаба армии и председателя вербовочного комитета; 3) признания за командующим добровольческой армией права назначения лиц, обязательно из военных, возглавляющих военно-политические центры…[26] с указанием, что эти лица получают инструкции по военным делам только из штаба армии» и проч.

В ответ на это требование 12 января поступило письмо, подписанное Федоровым, Струве и кн. Трубецким.

«Обсудив вместе с генералами Лукомским, Деникиным, Романовским и Марковым общее положение организации и наиболее целесообразные способы наладить в дальнейшем работу ее, мы пришли к заключению»… и далее удовлетворялись все требования Корнилова.

Чтобы понять обращение Корнилова именно к московской делегации, нужно иметь в виду, что в глазах триумвирата она пользовалась известным значением, так как с ней связывалось представление о широком фронте русской общественности. Это было добросовестное заблуждение членов делегации, вводивших

так же добросовестно в заблуждение и всех нас. Сами они стремились принести пользу нашей армии, но за ними не было никого: «Московский центр», повидимому, забыл и своих представителей на Дону и свои обязательства в отношении добровольческой армии…

5. Формирование добровольческой армии и ее задачи

Донская политика привела к тому, что командующий добровольческой армией генерал Корнилов жил конспиративно, ходил в штатском платье, и имя его не упоминалось официально в донских учреждениях.

Донская политика лишила зарождающуюся армию еще одного весьма существенного организационного фактора… Кто знает офицерскую психологию, тому понятно значение приказа. Генералы Алексеев и Корнилов при других условиях могли бы отдать приказ о сборе на Дону всех офицеров русской армии. Такой приказ был бы юридически оспорим, но морально обязателен для огромного большинства офицерства, послужив побуждающим началом для многих слабых духом. Вместо этого распространялись анонимные воззвания и «проспекты» добровольческой армии. Правда, во второй половине декабря в печати, выходившей на территории Советской России, появились точные сведения об армии и ее вождях. Но не было властного приказа, и ослабевшее нравственно офицерство шло уже на сделки с собственной совестью. Пробирались в армию сотни, а десятки тысяч, в силу многообразных обстоятельств, в том числе, главным образом, тяжелого семейного положения и слабости характера, выжидали, переходили к мирным занятиям, преображались в штатских людей или шли покорно на перепись к большевистским комиссарам, на пытку в чрезвычайки, позднее — на службу в Красную армию. Часть офицерства оставалась еще на фронте, где офицерское звание было упразднено и где Крыленко доканчивал «демократизацию», проходившую, по словам его доклада Совету Народных Комиссаров, «безболезненно, если не считать того, что в целом ряде частей стрелялись офицеры, которых назначали на должность кашеваров»… Другая часть распылялась. Важнейшие центры — Петроград, Москва, Киев. Одесса, Минеральные воды, Владикавказ, Тифлис — были забиты офицерами. Пути на Дон были, конечно, очень затруднены[27], но твердую волю настоящего русского офицера не остановили бы никакие кордоны. Невозможность производства мобилизации даже на Дону привела к таким поразительным результатам: напор большевиков сдерживали несколько сот офицеров и детей — юнкеров, гимназистов, кадет, а панели и кафе Ростова и Новочеркасска были полны молодыми здоровыми офицерами, не поступавшими в армию. После взятия Ростова большевиками,

советский комендант Калюжный жаловался в Совете рабочих депутатов на страшное обременение работой: тысячи офицеров являлись к нему в управление с заявлениями, «что они не были в добровольческой армии»… Так же было и в Новочеркасске. Донское офицерство, насчитывающее несколько тысяч, до самого падения Новочеркасска уклонилось вовсе от борьбы: в донские партизанские отряды поступали десятки, в добровольческую армию — единицы, а все остальные, связанные кровно, имущественно, земельно с войском, не решались пойти против ясно выраженного настроения и желаний казачества.

Надежды на Москву также не оправдались. В ноябре приехал к генералу Алексееву посланец от Брусилова. Брусилов писал, что тяжелое испытание, ниспосланное России, должно побудить всех честных людей работать совместно. Узнав, что Алексеев формирует армию, он отдает себя в полное его распоряжение и просит полномочий для работы в Москве. Алексеев ответил сердечным письмом, в котором изложил свои планы и надежды, дал полномочия и поставил задачу — направлять решительно всех офицеров и все средства на Дон. Скоро, однако, алексеевский штаб убедился, что Брусилов переменил направление и, пользуясь остатком своего авторитета, запрещает выезд офицеров на Дон… Вероятно, нет более тяжкого греха у старого полководца, потерявшего в тисках большевистского застенка свою честь и достоинство, чем тот, который он взял на свою душу, давая словом и примером оправдание сбившемуся офицерству, поступавшему на службу к врагам русского народа.

Свою, вероятно, не последнюю в жизни эволюцию он объяснил позднее следующими, полными внутренней лжи, словами:

— Я подчиняюсь воле народа, — он вправе иметь правительство, какое желает. Я могу быть несогласен с отдельными положениями, тактикой Советской власти; но признавая здоровую жизненную основу, охотно отдаю свои силы на благо горячо любимой мною родины[28].

Цели, преследуемые добровольческой армией, впервые были обнародованы в воззвании, исходившем из штаба, 27 декабря.

1. Создание «организованной военной силы, которая могла бы быть противопоставлена надвигающейся анархии и немецко-большевистскому нашествию. Добровольческое движение должно быть всеобщим. Снова, как встарину, 300 лет тому назад, вся Россия должна подняться всенародным ополчением на защиту своих осквернённых святынь и своих попранных прав.

2. «Первая непосредственная цель добровольческой армии — противостоять вооруженному нападению на юг и юго- восток

России. Рука об руку с доблестным казачеством, по первому призыву его Круга, его правительства и войскового атамана, в союзе с областями и народами России, восставшими против немецко-большевистского ига, — все русские люди, собравшиеся на юге со всех концов, нашей родины, будут защищать до последней капли крови самостоятельность областей, давших им приют и являющихся последним оплотом русской независимости, последней надеждой на восстановление свободной великой России.

3. «Но рядом с этой целью — другая ставится добровольческой армии. Армия эта должна быть той действенной силой, которая даст возможность русским гражданам осуществить дело государственного строительства свободной России… Новая армия должна стать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской — ее народ — выявит через посредство избранного Учредительного Собрания державную волю свою. Перед волей этой должны преклониться все классы, партии и отдельные группы населения. Ей одной будет служить создаваемая армия, и все участвующие в ее образовании будут беспрекословно подчиняться законной власти, поставленной этим Учредительным Собранием».

В заключение воззвание призывало «встать в ряды российской рати… всех, кому дорога многострадальная родина, чья душа истомилась к ней сыновьей болью».

Отозвались, как я уже говорил, офицеры, юнкера, учащаяся молодежь и очень, очень мало прочих «городских и земских» русских людей. «Всенародного ополчения» не вышло. В силу создавшихся условий комплектования, армия в самом зародыше своем таила глубокий органический недостаток, приобретая характер классовый. Нет нужды, что руководители ее вышли из народа, что офицерство в массе своей было демократично, что все движение было чуждо социальных элементов борьбы, что официальный символ веры армии носил все признаки государственности, демократичности и доброжелательства к местным областным образованиям. Печать классового отбора легла на армию прочно и давала повод недоброжелателям возбуждать против нее в народной массе недоверие и опасения и противополагать ее цели народным интересам.

Было ясно, что при таких условиях добровольческая армия выполнить своей задачи в общероссийском масштабе не может. Но оставалась надежда, что она в состоянии будет сдержать напор неорганизованного пока еще большевизма и тем даст время окрепнуть здоровой общественности и народному самосознанию, что ее крепкое ядро со временем соединит вокруг себя пока еще

инертные или даже враждебные народные силы.

* * *

Формирование армии вначале носило поневоле случайный характер, определяясь зачастую индивидуальными особенностями тех лиц, которые брались за это дело. К началу февраля общая боевая численность всей армии вряд ли превосходила 3–4 тысячи человек, временами, в период тяжелых ростовских боев, падая до совершенно ничтожных размеров. Армия обеспеченной базы не получила. Приходилось одновременно и формироваться и драться, неся большие потери и иногда разрушая только что сколоченную с большими усилиями часть.

Около штаба кружились авантюристы, предлагавшие формировать партизанские отряды. Генерал Корнилов слишком доверчиво относился к подобным людям, и зачастую, получив деньги и оружие, они или исчезали, или отвлекали из рядов армии в тыл элементы послабее нравственно, или составляли шайки мародеров[29]. Особенную известность получил отряд сотника Грекова — «Белого дьявола», как он сам себя именовал, который в течение двух-трех недель разбойничал в окрестностях Ростова, пока, наконец, отряд не расформировали. Сам Греков где-то скрывался и только осенью 1918 года был обнаружен в Херсоне или Николаеве, где вновь по поручению городского самоуправления собрал отряд, прикрываясь добровольческим именем. Позднее был пойман в Крыму и послан на Дон в руки правосудия. Какой-то туземец вербовал персов, набирая их, как оказалось, среди подонков ростовских ночлежных домов… Все эти импровизации вносили расстройство в организацию армии и придавали несвойственный ей скверный налет. К счастью, вскоре этому был положен предел. Назревала мистификация и в более широком масштабе: из Екатеринодара приехал некто Девлет-хан-Гирей, с предложением «поднять черкесский народ», для чего потребовался аванс в 750 тысяч рублей и до 9 тысяч ружей. Только пустая армейская казна остановила этот странный опыт, так неудачно повторенный впоследствии.

Армия пополнялась на добровольческих началах, при чем каждый доброволец давал подписку прослужить четыре месяца и обещал беспрекословное повиновение командованию. Состояние казны давало возможность оплачивать добровольцев до крайности нищенскими окладами:

		Офицеры.	Солдаты.
1917 г,	ноябрь	только паек.	только паек.
1917 »	декабрь	100 руб.	30 руб.
1918 »	январь	150 »	50 »
1918 »	февраль [1])	270 »	150 »

февраль[30]

В офицерских батальонах, отчасти и батареях, офицеры несли службу рядовых, в условиях крайней материальной необеспеченности. В донских войсковых складах хранились огромные запасы, но мы не могли получить оттуда ничего иначе, как путем кражи или подкупа. И войска испытывали острую нужду решительно во всем: не хватало вооружения и боевых припасов, не было обоза, кухонь, теплых вещей, сапог… И не было достаточно денег, чтобы удовлетворить казачьи комитеты, распродававшие на сторону все, до совести включительно…

Высоко поучительна история создания добровольческой артиллерии. Одну батарею (два орудия) украли в 39-й дивизии, ушедшей самовольно с кавказского фронта и обратившей Ставропольскую губернию в свой лен. Сборный офицерско-юнкерский отряд произвел ночной набег на одно из селений, расположенных в районе Торговой (Ставропольской губ., верст за полтораста от Новочеркасска), где квартировала батарея; отбил у солдат два орудия и привез их в Новочеркасск. Два орудия мы взяли в донском складе с разрешения комитета для отдания почестей на похоронах добровольческого офицера и «затеряли». Одну батарею купили у вернувшихся с фронта казаков-артиллеристов, послав к ним полковника Тимановского, который споил команду и уплатил ей около 5 тысяч рублей. Можно себе представить наше огорчение, когда донцы неожиданно отказались от сделки, ввиду того, что войсковой штаб назначил в батарею пополнение, И неизвестно было, как оно отнесется к самоупразднению. Послали телеграмму в донской штаб, который поспешил отменить свое распоряжение.

Наконец, в начале января команда в составе около 40 офицеров и юнкеров была командирована в Екатеринодар за уступленными нам кубанским атаманом пушками. На узловой станции Тимашевский вагон с добровольцами окружили казаки местного кубанского полка, и, когда, после долгих споров, добровольцы, не желая пролития крови, согласились сдать оружие с тем, что их пропустят в Екатеринодар[31], казаки перецепили вагон и под сильным конвоем отправили его… в

Новороссийск, сдав добровольцев военно-революционному комитету. Несколько человек на полном ходу выбросились из вагона и вернулись в Ростов, остальные томились почти восемь месяцев в Новороссийской тюрьме, в ожидании той участи, которая постигла там вскоре несчастных офицеров Варнавинского полка… Команда контрминоносца «Керчь», совместно с советскими властями города, сняла с транспорта, отходившего от пристани с 491-м Варнавинским полком, выданных солдатами, после некоторого колебания, всех офицеров полка. В тот же день, 18 февраля, офицеры, помещенные на баржу, были раздеты, связаны, изувечены, изрублены, расстреляны, а затем сброшены в море. Через несколько месяцев трупы несчастных стали всплывать на поверхность воды… По счастливой случайности артиллеристы остались целы и были выручены вступившими в Новороссийск в августе 1918 года частями добровольческой армии.

Сколько мужества, терпения и веры в свое дело должны были иметь те «безумцы», которые шли в армию, невзирая на все тяжкие условия ее зарождения и существования!

Отличительным знаком новой армии был нашиваемый на рукав угол из лент национальных цветов.

Я был назначен начальником «Добровольческой дивизии», в состав которой входили все наши формирования, так что, в сущности, возникло двоевластие, устраненное впоследствии, в начале февраля. Хозяйственных функций у меня не было никаких. Начальником штаба «дивизии» стал генерал Марков; штаб — 4–5 офицеров.

При командующем армией образовался большой штаб армии, возглавляемый генералом Лукомским и ведавший всеми организационными, административными, хозяйственными вопросами, а также высшим оперативным руководством армии. Имел свой штаб и генерал Алексеев. Несоответствие численности наших штабов боевому составу армии резко бросалось в глаза и вызывало осуждение в рядах войск. Вызывалось оно разными причинами: широким размахом, который хотели придать всему начинанию, навыком начальников, занимавших ранее высокие посты и привыкших к большому масштабу работы, наличием многих опытных штабных работников, негодившихся к строевой службе, и, конечно, тем стихийным стремлением всех штабов всех времен к саморазмножению, с которым безнадежно боролись и Корнилов и, впоследствии, я. Отчасти на этой почве в конце января произошло недоразумение между генералом Корниловым и генералом Лукомским, после чего в должность начальника штаба армии вступил генерал Романовский, а Лукомский был назначен представителем армии при Донском атамане.

6. Начало вооруженной борьбы на Дону. — Бои за Ростов и Новочеркасск

Военное положение в течение всего декабря и начала января в представлении советского командования рисовалось в чрезвычайно пессимистических красках. Советские сводки до смешного преувеличивали и силы добровольческой армии, и активность ее намерений. Так, 18 декабря, когда добровольческие части не выходили еще на фронт, а донские митинговали, с южного фронта доносили: «Положение крайне тревожное. Каледин и Корнилов идут на Харьков и Воронеж… Главнокомандующий просит присылать на помощь отряды красногвардейцев»[32]. Комиссар Склянский сообщал Совету народных Комиссаров, что Дон мобилизован поголовно, вокруг Ростова собрано 50 тысяч войска. Ленин рассылал во все стороны отчаянные телеграммы, подымая красную гвардию против «Каледина, напавшего на русскую революцию». Только в конце января большевистское командование получило более подробную ориентировку о военно-политическом строе добровольческой армии, между прочим, как писали «Известия», и от генерала Д. Потоцкого, арестованного военно-революционным комитетом деревни Позднеевки и отправленного в Петропавловскую крепость[33].

Невзирая на кажущуюся бессистемность действий большевистских отрядов, в общем направлении их чувствовалась рука старой Ставки и определенный стратегическо-политический план. Он заключался в том, чтобы разъединить Украину и Дон путем захвата железнодорожных узлов и линий и тем пресечь связь между ними и снабжение Дона; затем одновременным наступлением захватить административные центры новообразований — Киев, Ростов (Новочеркасск). В частности, против Дона, который кроме своего военно-политического значения имел и огромное экономическое, преграждая пути к хлебу, углю и нефти, наступление должно было вестись концентрически со стороны Харькова, Воронежа, Царицына и Тихорецкой (Ставрополя). Первое направление, после падения Украины, приобретало наиболее серьезное значение, в особенности ввиду сосредоточения на нем более стойких и послушных центру войск. На последних трех, в силу продолжавшейся в Воронеже, Царицыне и на Кавказе анархии и неповиновения центральной власти со стороны местных Советов, пока еще незаметно было активных действий. Тем не менее,

большевистское кольцо вокруг казачьих столиц все более, сжималось, и к середине января все железнодорожные пути к ним были отрезаны.

Общим фронтом наступления командовал комиссар Антонов-Овсеенко, а «армией», наступавшей на Ростов, — Сиверс, бывший редактор «Окопной Правды», издававшейся на северном фронте.

* * *

К концу января обстановка на «внутреннем фронте» складывалась следующим образом: украинские части Петлюры находились в беспорядочном отступлении от Киева к Житомиру; добровольческая армия сосредоточилась в Ростове, имея передовые части у станции Матвеев Курган; партизанские отряды донцов защищали с севера Новочеркасск, располагаясь у Сулина; добровольческие отряды на Кубани прикрывали Екатеринодар со стороны Тихорецкой и Новороссийска; в Закавказьи национальные войска — грузинские, татарские — только еще готовились к сопротивлению большевикам и турецкому нашествию; отряды атамана Дутова, выбитые из Оренбурга, ушли в степи; на Урале войсковая власть вела скрытую подготовку вооруженной силы, стараясь не привлекать к себе внимания Советского правительства и руководствуясь, по словам уральского бытописателя, исторической поговоркой: «Живи казак, пока Москва не узнала. Москва узнает — плохо будет».

* * *

В середине января штаб и все добровольческие части перешли из Новочеркасска в Ростов. Корнилов руководствовался при этом решении следующими мотивами: важное харьково-ростовское направление было брошено донцами и принято всецело добровольцами; переезд создавал некоторую оторванность от донского правительства и Совета, возбуждавших в командующем армией чувство раздражения; наконец, Ростовский и Таганрогский округа были не-казачьими, что облегчало до некоторой степени взаимоотношения добровольческого командования и областной власти.

В Таганроге были расположены офицерский батальон полковника Кутепова и юнкерская школа; у Батайска — дивизион

полковника Ширяева, позднее усиленный Морской ротой, с выдвинутой вперед к станции Степной заставой.

Города Таганрог и Ростов, с их многочисленным рабочим населением, враждебным добровольческой армии, поглощали много сил на внутреннюю охрану. Буржуазия и в этом вопросе проявила полнейшее равнодушие, ограничившись взносом некоторой суммы денег на организацию охраны и длительными спорами, в результате которых городская дума и Совет рабочих и солдатских депутатов потребовали формирования охраны из… безработных-большевиков. В конце концов в армию пошли только дети. В батальоне генерала Боровского можно было наблюдать комические и, вместе с тем, глубоко трогательные сцены, как юный воин с громким плачем доказывал, что ему уже 16 лет (минимальный возраст для приема), или как другой прятался под кровать от являвшихся на розыски родителей, от имени которых было им представлено подложное разрешение на поступление в батальон. На этот батальон предполагалось возложить несение более легкой службы по охране города, но судьба распорядилась иначе: через несколько недель юные добровольцы ушли в далекий, тяжкий поход, из которого многие не вернулись.

В десятых числах января обозначилось наступление советских войск на Ростов и Новочеркасск, и с этого времени работа по организации фактически прекратилась. Все кадры были двинуты на фронт. 2-й офицерский батальон по просьбе Каледина был послан на Новочеркасское направление, где, ввиду отказа казаков от борьбы, создавалось трагическое положение.

Началась агония донского фронта.

Полковник Кутепов выступил из Таганрога и, усиленный частями Георгиевского полка и донского партизанского отряда Семилетова, дважды разбил отряд Сиверса у Матвеева Кургана. Это был первый серьезный бой, в котором яростному напору неорганизованных и дурно управляемых большевиков, преимущественно матросов, противопоставлено было искусство и воодушевление офицерских отрядов. Последние победили легко. Среди офицеров я видел высокий подъем и стоическое отношение ко всем жизненным невзгодам, вызывавшимся вопиющим неустройством хозяйственной части. Но их была горсть против тысяч. Разбитые советские отряды разбегались или после бурных митингов брали с бою вагоны и требовали обратного своего отправления. Но на смену им приходили другие, и бои шли изо дня в день — нудно, томительно, вызывая среди бессменно стоявших на позиции добровольцев смертельную нравственную усталость.

Между тем, после ухода войск из Таганрога среди рабочего

населения города, составлявшего более 40 тысяч, начались волнения. Непонимание совершающихся событий было настолько велико, что городская дума послала на фронт делегацию для переговоров о «примирении сторон»; ее через добровольческие линии не пропустили. 14 января в городе вспыхнуло восстание. Красногвардейцы в течение двух дней громили город и выбивали слабые, разбросанные юнкерские караулы. Собрав, что было возможно, начальник училища, полковник Мостенко, выступил на соединение с Кутеповым. Юнкера, пробиваясь по улицам под сильным обстрелом, понесли вновь тяжелые потери; раненый Мостенко, которого пытались вынести, приказал бросить себя и застрелился; только небольшая часть юнкеров пробилась к станции Марцево на соединение с добровольческими войсками.

Сильный напор с севера и потеря Таганрога, красная гвардия которого угрожала тылу и сообщениям отряда Кутепова, заставили меня в двадцатых числах отвести его в район станции Синявской, всего в одном переходе от Ростова. Здесь под начальством генерала Черепова отряд, усиленный всем, что можно было выделить из Ростова, в том числе и Корниловским полком, продолжал сдерживать большевиков. Особенно давало себя чувствовать отсутствие конницы[34], в то время как на открытом фланге с севера у селения Салы появилась большевистская бригада 4-й кавалерийской дивизии с конной артиллерией. Поступили сведения, что командует ею вахмистр, а помощник у него… офицер генерального штаба. Удалось было нам поднять несколько сот казаков Гниловской станицы, появился донской партизанский отряд Назарова, но после неудачной атаки селения Салы, во время которой начальники сборного отряда проявили чрезмерную самостоятельность, все это донское ополчение рассыпалось и исчезло.

Держались сильнейший мороз и стужа. Добровольческие части, плохо одетые, стояли бессменно на позиции и с каждым днем таяли.

* * *

На Новочеркасском направлении было еще хуже. Каледин приступил к переформированию казачьих полков, оставляя на службе лишь четыре младших возраста, к мобилизации офицеров и к организации партизанских и добровольческих казачьих частей.

Но Дон не откликнулся.

Прикрытие Новочеркасска лежало всецело на состоявшем по преимуществу из учащейся молодежи партизанском отряде есаула Чернецова. В личности этого храброго офицера сосредоточился как будто весь угасающий дух донского казачества. Его имя повторяется с гордостью и надеждой. Чернецов работает на всех направлениях: то разгоняет Совет в Александровске-Грушевском, то усмиряет Макеевский рудничный район, то захватывает станцию Дебальцево, разбив несколько эшелонов красногвардейцев и захватив всех комиссаров. Успех сопутствует ему везде, о нем говорят и свои и советские сводки, вокруг его имени родятся легенды, и большевики дорого оценивают его голову.

Между тем 11 января большевики берут станицу Каменскую, создают военно-революционный комитет и объявляют его правительством Донской области. Через несколько дней председатель комитета, донской урядник Подтелков — будущий «президент Донской республики» — едет в Новочеркасск предъявлять ультимативное требование донскому правительству — передать ему власть… Правительство колеблется, но Каледин посылает в ответ Чернецова. Три донских полка, вернувшихся с фронта, под начальством демагога, войскового старшины Голубова, идут с большевиками «за трудовой народ» против «калединцев»…

Чернецов легко взял Зверево — Лихую — Каменскую, но 20-го в бою с Голубовым попал в плен. На другой день Подтелков после диких надругательств зверски зарубил Чернецова.

Со смертью Чернецова как будто ушла душа от всего дела обороны Дона. Все окончательно разваливалось. Донское правительство вновь вступило в переговоры с Подтелковым, а генерал Каледин обратился к Дону с последним своим призывом — посылать казаков добровольцев в партизанские отряды. В этом обращении, 28 января, Каледин поведал Дону скорбную повесть его падения:

«… Наши казачьи полки, расположенные в Донецком округе, подняли мятеж и в союзе со вторгнувшимися в Донецкий округ бандами красной гвардии и солдатами напали на отряд полковника Чернецова, направленный против красногвардейцев, и частью его уничтожили, после чего большинство полков — участников этого подлого и гнусного дела — рассеялось по хуторам, бросив свою артиллерию и разграбив полковые денежные суммы, лошадей и имущество.

«В Усть-Медведицком округе вернувшиеся с фронта полки, в союзе с бандой красноармейцев из Царицына, произвели полный разгром на линии железной дороги Царицын — Се- бряково,

прекратив всякую возможность снабжения хлебом и продовольствием Хоперского и Усть-Медведицкого округов.

«В слободе Михайловке, при станции Себряково, произвели избиение офицеров и администрации, при чем погибло, по слухам, до 80 одних офицеров. Развал строевых частей достиг последнего предела, и, например, в некоторых полках Донецкого округа удостоверены факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение»…

В конце января генерал Корнилов, придя к окончательному убеждению о невозможности дальнейшего пребывания добровольческой армии на Дону, где ей при полном отсутствии помощи со стороны казачества грозила гибель, решил уходить на Кубань. В штабе разработан был план для захвата станции Тихорецкой, подготовлялись поезда, и 28-го послана об этом решении телеграмма ген. Каледину.

29-го Каледин собрал правительство, прочитал телеграммы, полученные от генералов Алексеева и Корнилова, сообщил, что для защиты Донской области нашлось на фронте всего лишь 147 штыков, и предложил правительству уйти.

— Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития; предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия войскового атамана я с себя слагаю.

И во время обсуждения вопроса добавил:

— Господа, короче говорите. Время не ждет. Ведь от болтовни Россия погибла![35]

В тот же день генерал Каледин выстрелом в сердце покончил жизнь.

* * *

Решив в первый раз уходить из Ростова, ген. Корнилов распорядился взять с армией ценности ростовского отделения Государственного банка. Генералы Алексеев, Романовский и я резко высказались против этой меры, считая, что она набросит тень на доброе имя добровольческой армии. В результате ценности мы отправили в Новочеркасск, в распоряжение донского правительства, и там в день спешной эвакуации города они были оставлены большевикам…

Между тем, положение ростовского фронта значительно

ухудшилось. Большевистскому «главковерху» удалось заставить выступить против нас ставропольский гарнизон (112-й запасный полк), к которому примкнули по дороге части 39-й дивизии, составив отряд около $2^1/_2$ тысяч пехоты с артиллерией. Отряд этот, передвигаясь по железной дороге, 1 февраля неожиданно напал на наши части у Батайска; они, окруженные на вокзале вплотную со всех сторон, весь день отстреливались и, понеся значительные потери, ночью прорвались сквозь большевистское кольцо, отойдя кружным путем по еле державшемуся льду на Ростов. Ростовские переправы я наскоро закрыл юнкерским батальоном. Большевики остановились в Батайске и дня через два начали обстреливать город огнем тяжелой артиллерии, внося напряженное настроение и панику среди его населения.

На таганрогском направлении бои продолжались. Добровольческие части таяли с каждым днем от боевых потерь, болезней, обмораживания и утечки более слабых, потерявших душевное равновесие в обстановке, казавшейся безвыходной.

Войска Сиверса овладели постепенно Морской, Синявской, Хопрами, и к 9 февраля отряд Черепова, сильно потрепанный — в особенности большие потери понес Корниловский полк, — под напором противника подходил уже к Ростову, обстреливаемый и с тыла… казаками Гниловской станицы, вторично бросившими обойденный, правый фланг Неженцева. На Темернике — предместьи Ростова — рабочие подняли восстание и начали обстреливать вокзал.

В этот день Корнилов отдал приказ отходить за Дон, в станицу Ольгинскую. Вопрос о дальнейшем направлении не был еще решен окончательно: на Кубань или в донские зимовники.

Хмурые, подавленные, собрались в вестибюле парамоновского дома чины армейского штаба, вооруженные винтовками и карабинами, построились в колонну и в предшествии Корнилова двинулись пешком по пустым, словно вымершим улицам на соединение с главными силами.

Мерцали огни брошенного негостеприимного города. Слышались одиночные выстрелы. Мы шли молча, каждый замкнувшись в свои тяжелые думы. Куда мы идем, что ждет нас впереди?

[Добровольцы направились к Екатеринодару, в так называемый «первый кубанский», или ледяной поход…]

7. Первый Кубанский поход

Казачество если не теперь, то в будущем считалось нашей опорой. И потому Корнилов требовал особенно осторожного отношения к станицам и не применял реквизиций. Мера, психологически полезная для будущего, ставила втупик органы снабжения. Мы просили крова, просили жизненных припасов — за дорогую плату, не могли достать ни за какую цену сапог и одежды, тогда еще в изобилии имевшихся в станицах, для босых и полуодетых добровольцев; не могли получить достаточного количества подвод, чтобы вывезти из Аксая остатки армейского имущества.

Условия неравные: завтра придут большевики и возьмут все — им отдадут даже последнее беспрекословно, с проклятиями в душе и с униженными поклонами.

Скоро на этой почве началось прискорбное явление армейского быта — «самоснабжение». Для устранения или, по крайней мере, смягчения его последствий, командование вынуждено было перейти к приказам и платным реквизициям[36].

[21 февраля у селения Лежанки добровольцы вступают в бой с преградившим им путь большевистским отрядом и одерживают победу. Добровольцы вступают в Лежанку.]

* * *

Мы входим в село, словно вымершее. По улицам валяются трупы. Жуткая тишина. И долго еще ее безмолвие нарушает сухой треск ружейных выстрелов: «ликвидируют» большевиков… Много их…

Кто они? Зачем им, «смертельно уставшим от 4-летней войны», итти вновь в бой и на смерть? Бросившие турецкий фронт полк и батарея, буйная деревенская вольница, человеческая накипь. Лежанки и окрестных сел, пришлый рабочий элемент, давно уже вместе с солдатчиной овладевший всеми сходами, комитетами, Советами и терроризировавший всю губернию; быть может, и мирные мужики, насильно взятые Советами? Никто из них не понимает смысла борьбы. И представление о нас, как о «врагах», — какое-то расплывчатое, неясное, созданное бешено растущей пропагандой и беспричинным страхом.

— «Кадеты»… Офицеры… хотят повернуть к старому… Член ростовской управы, с.-д. меньшевик Попов, странствовавший как

раз в эти дни по Владикавказской железной дороге, параллельно движению армии, такими словами рисовал настроение населения:

«…Чтобы не содействовать так или иначе войскам Корнилова в борьбе с революционными армиями, все взрослое мужское население уходило из своих деревень в более отдаленные села и к станциям железных дорог… — «Дайте нам оружие, дабы мы могли защищаться от кадет», — таков был общий крик всех приехавших сюда крестьян… Толпа с жадностью ловила известия с «фронта», комментировала их на тысячу ладов, слово «кадет» переходило из уст в уста. Все, что не носило серой шинели, казалось не своим; кто был одет «чисто», кто говорил «по-образованному», попадал под подозрение толпы. «Кадет», это — воплощение всего злого, что может разрушить надежды масс на лучшую жизнь; «кадет» может помешать взять в крестьянские руки землю и разделиться; «кадет», это — злой дух, стоящий на пути всех чаяний и упований народа, а потому с ним нужно бороться, его нужно уничтожить»[37].

Это, несомненно преувеличенное определение враждебного отношения к «кадетам», в особенности в смысле «всеобщности» и активности его проявления, подчеркивает, однако, основную черту настроения крестьянства — его беспочвенность и сумбурность. В нем не было ни «политики», ни «Учредительного Собрания», ни «республики», ни «царя»; даже земельный вопрос сам по себе здесь, в Задонье и в особенности в привольных Ставропольских степях, не имел особенной остроты. Мы, помимо своей воли, попали просто в заколдованный круг общей социальной борьбы: и здесь, и потом всюду, где ни проходила добровольческая армия, часть населения, более обеспеченная, зажиточная, заинтересованная в восстановлении порядка и нормальных условий жизни, тайно или явно сочувствовала ей; другая, строившая свое, благополучие — заслуженное или незаслуженное — на безвременьи и безвластьи, была ей враждебна. И не было возможности вырваться из этого круга, внушить им истинные цели армии. Делом? Но что может дать краю проходящая армия, вынужденная вести кровавые бои даже за право своего существования. Словом? Когда слово упирается в непроницаемую стену недоверия, страха или раболепства.

Впрочем, сход Лежанки (позднее и другие) был благоразумен, — постановил пропустить «корниловскую армию». Но пришли чужие люди — красногвардейцы и солдатские эшелоны, — и цветущие села и станицы обагрились кровью и заревом пожаров…

У дома, отведенного под штаб, на площади, с двумя

часовыми-добровольцами на флангах, стояла шеренга пленных офицеров артиллеристов квартировавшего в Лежанке большевистского дивизиона.

Вот она, новая трагедия русского офицерства!..

Мимо пленных через площадь проходили одна за другой добровольческие части. В глазах добровольцев — презрение и ненависть. Раздаются ругательства и угрозы. Лица пленных мертвенно бледны. Только близость штаба спасает их от расправы.

Проходит генерал Алексеев. Он взволнованно и возмущенно упрекает пленных офицеров. И с его уст срывается тяжелое бранное слово. Корнилов решает участь пленных:

— Предать полевому суду.

Оправдания обычны: «не знал о существовании добровольческой армии»… «не вел стрельбы»… «заставили служить насильно, не выпускали»… «держали под надзором семью»…

Полевой суд счел обвинение недоказанным. В сущности не оправдал, а простил. Этот первый приговор был принят в армии спокойно, но вызвал двоякое отношение к себе. Офицеры поступили в ряды нашей армии.

Помню, как в конце мая в бою под Гуляй-Борисовкой цепи полковника Кутепова, мой штаб и конвой подверглись жестокому артиллерийскому огню, направленному, очевидно, весьма искусной рукой. Иван Павлович, попавши в створу многих очередей шрапнели, по обыкновению невозмутимо резонерствует:

— Недурно ведет огонь, каналья, пожалуй нашему Миончинскому не уступит…

Через месяц при взятии Тихорецкой был захвачен в плен капитан — командир этой батареи.

— Взяли насильно… хотел в добровольческую армию… не удалось.

Когда кто-то неожиданно напомнил капитану его блестящую стрельбу под Гуляй-Борисовкой, у него сорвался, вероятно, искренний ответ:

— Профессиональная привычка…

Итак, инертность, слабоволие, беспринципность, семья, «профессиональная привычка» создавали понемногу прочные офицерские кадры Красной армии, подымавшие на добровольцев братоубийственную руку.

* * *

Миновали Старо-Леушковскую, Ирклиевскую и 1 марта подошли к Березанской. Здесь впервые против нас выступили кубанские казаки. Маятник колеблющегося настроения чуть качнулся влево, иногородние и фронтовики одержали верх на станичном сборе, и вокруг станицы за ночь выросли окопы, из которых под утро по нашему авангарду ударили градом пуль.

Бой был краток: огонь добровольческой артиллерии, развернувшиеся цепи корниловцев и «марковцев» быстро заставили большевиков очистить позицию. Цепи их не успели еще скрыться в станице, как всадник в белой папахе в сопровождении трех — четырех конных ординарцев уже влетел в самую станицу и исчез за поворотом улицы,

— Генерал Марков!

Местные большевики разошлись по домам и попрятали оружие. Пришлые ушли на Выселки.

Вечером «старики» в станичном правлении творили расправу над своей молодежью — пороли их нагайками…

* * *

[После боя 6 марта у станицы Усть-Лабинской добровольцы переходят через реку Кубань и поворачивают на юг. Здесь они встречают упорное сопротивление со стороны населения.]

* * *

Повсюду в области, в каждом поселке, в каждой станице собиралась красная гвардия из иногородних (к ним примыкала часть казаков-фронтовиков), еще плохо подчинявшаяся «Армавирскому центру»[38], но следовавшая точно его политике. Объединяясь временами в волостные, районные, «армейские» организации, эта вооруженная сила, представлявшая недисциплинированные, хорошо вооруженные, буйные банды, будучи единственной в крае, приступила к выполнению своих местных задач: насаждению Советской власти, земельному переделу, «изъятию хлебных излишков», «социализации», т.-е. попросту ограблению зажиточного казачества и обезглавливанию его — преследованием офицерства, небольшевистской интеллигенции, священников, крепких стариков. И прежде всего — к обезоружению. Достойно удивления, с каким полным непротивлением казачьи станицы, казачьи полки и батареи

отдавали свои орудия, пулеметы, ружья, которые шли отчасти на вооружение местных красногвардейских отрядов, отчасти отвозились в ближайшие центры. Когда, например, потом, в конце апреля, восстали против большевиков казаки одиннадцати станиц Ейского отдела и двинулись на Ейск, это было, по описанию Щербины, в полном смысле безоружное ополчение. «У казаков было не более 10 винтовок на сотню, остальные вооружились, чем могли. Одни прикрепили к длинным палкам кинжалы или заостренные полоски железа, другие сделали из железных вил что-то вроде копий, третьи вооружались острогой, а иные просто захватили лопаты и топоры». Восстание тогда было жестоко подавлено. Против беззащитных станиц выступали обыкновенно бронепоезда и карательные отряды с… казачьими орудиями.

К началу апреля все селения иногородних, а из 87 кубанских станиц — 85, уже числились большевистскими. По существу большевизм станиц был чисто внешний. Во многих сменялись лишь названия: атаман стал комиссаром, станичный сбор — Советом, станичное правление — исполнительным комитетом. Где комитеты захватывались иногородними, их саботировали, переизбирая чуть ли не каждую неделю. Шла упорная, но чисто пассивная борьба векового уклада жизни, цепко державшего в своих руках даже прозелитов новой веры — фронтовую молодежь. Борьба без воодушевления, без подъема, а главное без всякого духовного руководства: от своего офицерства и рядовой интеллигенции казачество отвернулось — без злобы, скорее с сожалением, полагая такой ценой купить покой и «нейтралитет»; а казачья революционная демократия сама оторвалась от массы, став на распутье между большевистским коммунизмом и казачьим консерватизмом.

Было желание, но не было дерзания. Вот и большая богатая Некрасовская станица, с незначительным составом иногородних, покорно подчинялась какой-то «еленовской роте», нас встретила с чувством радости и затаенной надежды, но, узнав, что завтра мы пойдем дальше, притихла и замкнулась в себя.

Большевистский отряд, стоявший в Некрасовской, долго бряцал оружием и митинговал, но в день нашего прихода с утра потихоньку, стыдливо ушел из станицы за Лабу. В этом районе, густо усеянном иногородними поселениями, давно уже было введено советское управление и существовала военная организация, возглавлявшаяся «армейским военно-революционным Советом», с центром в селе Филипповском.

Несколько красногвардейских шаек с батареей заняли вплотную левый берег Лабы, камыши и прилегающие хутора и с утра 7 марта по станице, расположенной на нагорном берегу,

открыли орудийный и пулеметный огонь. Войска измучены, наведение моста и переправа через глубокую реку засветло под огнем противника вызовет тяжелые потери… Корнилов приказал начать переправу авангардных частей ночью.

Днем обсуждали план предстоящих действий. В Закубанье на отдых рассчитывать нельзя, — район кишит большевиками; учитывая общее направление движения армии, большевики поджидали нас в Майкопе, куда «Кубанский областной комитет» сосредоточивал войска, оружие и боевые запасы. Решено было поддержать большевиков в этом убеждении, двигаясь на юг; затем, перейдя реку Белую, круто повернуть на запад. Это движение выводило нас в район черкесских аулов, дружественных армии, давало возможность соединенения с кубанским добровольческим отрядом, отошедшим, по слухам, в направлении Горячего ключа, и не отвлекало от главной цели — Екатеринодара.

Скоро и другая новость: Корниловский полк после небольшой стычки овладел Филипповским, которое оставили большевики и покинули все жители.

* * *

В волостном правлении толчея. Собрались начальники в ожидании отвода квартирных районов. Толпятся квартирьеры, снуют ординарцы с донесениями и за указаниями. За стеной слышен громкий спор.

— Вы почему заняли кварталы правее площади?

— Да потому, что ваши роты явились с вечера и дочиста обобрали наш район.

— Ну, знаете… кто бы говорил. Я вот сейчас заходил в лавку за церковью, видел, как ваши офицеры ящики разбивают…

Вот — оборотная сторона медали. Подвиг и грязь. Нервно подергивается Кутепов и куда-то уходит. Через четверть часа возвращается.

— Нашли сухари и рис. Что же, прикажете бросить и не варить каши?

Никто не возразил. Тяжелая обстановка гражданской войны вступала в непримиримые противоречия с общественной моралью. Интендантство не умело и не могло организовать правильной эксплоатации местных средств в селениях, которые брались вечером с бою и оставлялись утром с боем. Походных кухонь и котлов было ничтожное количество. Части

довольствовались своим попечением, преимущественно от жителей подворно. К середине похода не было почти вовсе мелких денег, и не только приварочные оклады, но и жалованье выдавалось зачастую коллективно 5–8 добровольцам тысячерублевыми билетами, впоследствии и пятитысячными, а организованный размен наталкивался всегда на непреоборимое недоверие населения. Да и за деньги нельзя было достать одежды, даже у казаков; иногородние не раз скрывали и запасы, угоняли скот в дальнее поле. Голод, холод и рваные отрепья — плохие советчики, особенно, если село брошено жителями на произвол судьбы. Нужда была поистине велика, если даже офицеры, изранив в конец свои полубосые ноги, не брезгали снимать сапоги с убитых большевиков.

Жизнь вызвала известный сдвиг во взгляде на правовое положение населения не только в военной среде, но и у почтенных общественных и политических деятелей, следовавших при армии. Я помню, как одни из них в брошенном Филипповском с большим усердием таскали подушки и одеяла для лазарета… Как другие на переходе по убийственной дороге из Георгие-Афипской в аул Панахес силою отнимали лошадей у крестьян, чтобы впрячь их в ставшую и брошенную на дороге повозку с ранеными. Как расценивали жители эти факты, этот вопрос не вызывает сомнений. Что же касается общественных деятелей, то я думаю, что ни тогда, ни теперь они не определяли этих своих поступков иначе, как проявлением милосердия.

В этот сложный и больной вопрос примешивались еще обстоятельства чисто психологического характера. Чрезвычайно трудно было кубанскому казаку или черкесу, которых большевики обобрали до нитки, у которых спалили дом или разорили дотла хозяйство, внушить уважение к «частной собственности» большевиков, которыми они чистосердечно считали всех иногородних. Мой вестовой-текинец был до крайности изумлен, когда я в том же Филипповском в брошенном доме выгнал его из кладовки, где он перебирал в сундуке хозяйское добро, добро того большевика, который встретил нас огнем и потом бежал, оставив «добычу». Оттого отношение к станице и аулу было иное, чем к селу; к казачьему двору — иное, чем к хутору иногороднего. В одном только отношении не было разницы между «эллином и иудеем» — в отношении лошадей. Совершенно одинаково кавалеристы-добровольцы, казаки, черкесы, по прочно внедрившимся навыкам еще европейской войны, «промышляли» лошадей для посадки спешенных — у всех и всеми способами, считая это не грехом, а лихостью. Так впоследствии, в марте 1919 года, когда временно развалился донской фронт, а два кубанских

корпуса были брошены в Задонье, чтобы остановить вторгнувшиеся туда большевистские силы, «младший брат» у «старшего» увел много табунов — тысячи голов добрых донских коней.

Наконец, армия состояла не из одних пуритан и праведников. Та исключительная обстановка, в которой приходилось жить и бороться армии, неуловимость и потому возможная безнаказанность многих преступлений — давали широкий простор порочным, смущали морально неуравновешенных и доставляли нравственные мучения чистым.

9. Судьба Екатеринодара и кубанского добровольческого отряда; встреча с ним

Оставление Екатеринодара «кубанскими правительственными войсками» являлось вопросом не столько военной необходимости, сколько психологии. Еще во второй половине января, после неудачного боя под Выселками, кубанский добровольческий отряд, прикрывавший тихорецкое направление, спешно отступал к Екатеринодару; в связи с этим были отведены и другие отряды, и в двадцатых числах все вооружейные силы «Кубанской республики», в составе, преимущественно, добровольцев-офицеров и юнкеров Черкесского полка и незначительного числа кубанских казаков, стояли уже на ближайших подступах к Екатеринодару.

Во всей области, охваченной большевистским угаром, оставалась только одна точка — Екатеринодар, еще боровшийся, но уже испытывавший и в своих стогнах тяжкий гнет большевиствующей революционной демократии.

Довольно нетерпимое в своих отношениях к не-казачьему и не-кубанскому элементу, кубанское правительство принуждено было, минуя своих генералов, вручить командование войсками капитану Покровскому, произведенному правительством за бой под Эйнемом в полковники. Покровский был молод, малого чина и военного стажа и никому неизвестен. Но проявлял кипучую энергию, был смел, жесток, властолюбив и не очень считался с «моральными предрассудками». Одна из тех характерных фигур, которые в мирное время засасываются тиной уездного захолустья и армейского быта, а в смутные дни вырываются кратковременно, но бурно на поверхность жизни. Как бы то ни было, он сделал то, чего не сумели сделать более солидные и чиновные люди: собрал отряд, который один только представлял из себя фактическую силу, способную бороться и бить большевиков. Успех под Эйнемом окончательно укрепил его авторитет в глазах правительства. Но для преобладающей массы добровольцев имя его не говорило ничего. Еще меньше внутренней связи было между добровольцами и кубанской властью. Хотя в официальных актах и упоминался часто термин «верные правительству войска», но это была лишь фраза без содержания, ибо в войсках создалось если не враждебное, то во всяком случае недоброжелательное отношение к многостепенной кубанской власти, слишком напоминавшей ненавистный офицерству «совдеп» и слишком резко отмежевавшейся от общерусской идеи. Еще с января в

Екатеринодаре жил генерал Эрдели, в качестве представителя добровольческой армии. В числе поручений, данных ему, было подготовить почву для включения кубанского отряда в состав добровольческой армии. При той оторванности, которая существовала тогда уже между Ростовом и Екатеринодаром, такое подчинение должно было иметь главным образом моральное значение, расширяя военно-политическую базу армии и давая идейное обоснование борьбе кубанских добровольцев. В то же время М. Фёдоров добивался от Кубани материальной помощи для добровольческой армии.

Эти предположения встретили резко отрицательное отношение к себе среди всех кубанских правителей. Стоявший тогда во главе правительства Лука Быч заявил весьма решительно:

— Помогать добровольческой армии, значит готовить вновь поглощение Кубани Россией.

О внутренних противоречиях кубанской политической жизни я уже говорил. Внешне же в феврале противобольшевистский стан в Екатеринодаре представлял следующую картину.

Законодательная рада, оторванная от казачества, продолжала творить «самую демократическую в мире конституцию самостоятельного государственного организма — Кубани» и одновременно, втайне от своей иногородней, явно большевистской фракции, собиралась на закрытые совещания о порядке исхода…

Кубанское правительство ревниво оберегало свою власть от вторжения атамана, косилось на Эрдели, по-царски награждало Покровского, но начинало уже не на шутку побаиваться все яснее обнаруживавшихся его диктаторских замашек.

Атаман Филимонов то клялся в конституционной верности, то поносил раду и правительство в дружеских беседах с Эрдели и Покровским.

Командующий войсками Покровский требовал оглушительных кредитов от атамана и от правительства и сам мечтал об атаманской булаве и о разгоне «совдепа» (правительства).

Добровольцы-казаки то поступали в отряды, то бросали фронт в самую критическую минуту. А добровольцы-офицеры просто заблудились: без ясно поставленных и понятных целей борьбы, без признанных вождей они собирались, расходились, боролись впотьмах, считая свое положение временным и нервно ловя слухи о Корнилове, чехо-словаках, союзной эскадре — о всем том действительном и несбыточном, что должно было, по их убеждению, появиться, смести большевиков, спасти страну и их.

Несомненно, в этом пестром сочетании разнородных элементов были и люди стойкие, убежденные, но общей идеи, связующей их, не было вовсе, если не считать всем одинаково понятного сознания опасности и необходимости самообороны.

В феврале пал Дон, большевистские силы приближались к Екатеринодару. Настроение в нем упало окончательно. «Работа правительства и рады», — говорит официальный повествователь, — «с открытием военных действий, конечно, не могла уже носить спокойного и плодотворного характера… Грохот снарядов заглушал и покрывал собою все». Правительство решило «сохранить себя, как идейно-политический центр… как ядро будущего оздоровления края», и совместно с казачье-горской фракцией рады постановило покинуть Екатеринодар и уйти в горы, выведя и «верные правительству» войска. День выступления предоставлено было назначить полковнику Покровскому.

При создавшихся военно-политических условиях длительная оборона Екатеринодара не имела бы действительно никакого смысла. Но 25 февраля обстановка в корне изменилась. В этот день прибыл в Екатеринодар посланный штабом добровольческой армии и пробравшийся чудом сквозь большевистский район офицер. Он настойчиво, и тщетно убеждал кубанские власти повременить с уходом, в виду того, что корниловская армия идет к Екатеринодару и теперь уже должна быть недалеко.

Ему не поверили или не хотели поверить: держали его под негласным надзором.

Вечером 28 февраля из Екатеринодара через реку Кубань на юг выступили добровольческие отряды, атаман, правительство, казачье-горская фракция законодательной рады, городские нотабли и много беженцев. В их числе и председатель Государственной Думы М.В. Родзянко. В обращении к населению бывшая кубанская власть объясняла свой уход тактической трудностью обороны города, нежеланием «подвергать опасности борьбы городское население», на которое может обрушиться «ярость большевистских банд», и наконец, тем обстоятельством, что население края «не смогло защитить своих избранников».

В этом послесловии сепаратной деятельности кубанской революционной демократии в первый период смуты прозвучал и новый, как будто примиряющий, мотив: «Мы одухотворены идеей защиты республики Российской и нашего края от гибели, которую несут с собой захватчики власти, именующиеся большевиками».

* * *

Сосредоточившиеся на другой день в ауле Шенджий кубанские войска были сведены в более крупные части, составив в общей сложности отряд до $2^1/_2$ — 3 тысяч штыков и сабель с артиллерией.

Отряд дошел до станицы Пензенской. Но в эти несколько дней похода отсутствие объединяющей политической и стратегической цели встало перед всеми настолько ярко, что не только под давлением резко обозначившегося настроения войск, но и по собственному побуждению кубанские власти сочли необходимым поставить себе ближайшей задачей соединение с Корниловым. Тем более, что к этому времени вновь были получены сведения о движении добровольческой армии к Екатеринодару и о происходивших к востоку от него 2–4 марта боях.

Покровский двинул отряд обратно в Шенджий и 7 марта, выслав заслоны против станции Эйнем и екатеринодарского железнодорожного моста, неожиданно с главными силами захватил Пашковскую переправу. В течение двух дней Покровский вел артиллерийскую перестрелку, не вступая в серьезный бой, и в ночь на 10-е, отчаявшись в подходе Корнилова, ушел на восток. 10-го встретил сопротивление большевиков у аула Вочепший, где бой затянулся до ночи.

Неудача поисков добровольческой армии, непонятное метание отряда и недоверие к командованию вызвали в войсках сильный упадок духа. Аула не взяли (мы были в этот вечер всего верстах в 30 от Вочепшия), и расстроенный отряд ночью, бросая обоз, без дорог устремился по направлению к горам, на станицу Калужскую. Но со стороны Калужской шло уже наступление значительных сил большевиков, поставившее Кубанский отряд в критическое положение. 11 — го произошел бой, в котором утомленные несколькими днями маршей и бессонными ночами войска Покровского напрягали последние усилия, чтобы сломить упорство врага. Участь боя, которым руководил командир Кубанского стрелкового полка, подполковник Туненберг, не раз висела на волоске. Уже в душу многих участников закрадывалось отчаяние, и гибель казалась неизбежной. Уже введены были в дело все силы, пошли вперед вооруженные наспех обозные, старики, «радяне»[39] — подобие нашего «психологического подкрепления»… Артиллерия противника гремела, не смолкая, цепи его пододвинулись совсем близко…. Но вот Кубанский полк собрался с духом, поднялся и бросился в атаку.

Большевики дрогнули, повернули назад и, преследуемые черкесской конницей, понеся большие потери, отхлынули в Калужскую.

Победа. Но в стане победителей настроение далеко не ликующее. Отряд, иззябший и замученный, заночевал в чистом поле под проливным дождем. Сзади — занятый большевиками Вочепший, впереди — Калужская, вокруг которой идет еще бой передовых частей.

В эту тяжелую минуту по всему полю, по обозному биваку, по рядам войск разнеслась весть:

— Приехал разъезд от Корнилова. Корниловская армия недалеко от нас.

Участники похода передавали мне то неизгладимое впечатление, которое произвело на всех их появление «корниловцев».

— И верилось, и немножко мучило сомнение, — ведь столько раз обманывали, но безумная радость охватила нас, словно открылась крышка, уже захлопнувшаяся было над нашей головой, и мы увидели опять свет божий.

На другой день была взята Калужская, и Кубанский отряд расположился наконец со спокойным сердцем на отдых.

14-го состоялось в ауле Шенджий свидание с Покровским. В комнату Корнилова, где, кроме хозяина, собрались генералы Алексеев, Эрдели, Романовский и я, вошел молодой человек в черкеске с генеральскими погонами — стройный, подтянутый, с каким-то холодным, металлическим выражением глаз, повидимому, несколько смущенный своим новым чином, аудиторией и предстоящим разговором. Он произнес краткое приветствие от имени кубанской власти и отряда, Корнилов ответил просто и сдержанно. Познакомились с составом и состоянием отряда, его деятельностью и перешли к самому важному вопросу — о соединении.

Корнилов поставил его с исчерпывающей ясностью: полное подчинение командующему и влитие кубанских войск в состав добровольческой армии.

Покровский скромно, но настойчиво оппонировал: кубанские власти желают иметь свою собственную армию, что соответствует «конституции края»; кубанские добровольцы — сроднились со своими частями, привыкли к своим начальникам, и всякие перемены могут вызвать брожение в войсках. Он предлагал сохранение самостоятельного «Кубанского отряда» и оперативное подчинение его генералу Корнилову.

Алексеев вспылил.

— Полно-те, полковник — извините, не знаю, как вас и величать. Войска тут не при чем, — мы знаем хорошо, как относятся они к этому вопросу. Просто вам не хочется поступиться своим самолюбием.

Корнилов сказал внушительно и резко:

— Одна армия и один командующий. Иного положения я не допускаю. Так и передайте своему правительству.

Хотя вопрос и остался открытым, но стратегическая обстановка не допускала промедления. И потому условились, что на другой день, 15-го, наш обоз перейдет в Калужскую, где и останется временно вместе с кубанским, под небольшим прикрытием; войска же добровольческой армии и Кубанского отряда в тот же день одновременным ударом захватят станицу Новодмитриевскую, занятую крупными силами большевиков, и там фактически соединятся.

Небольшой конный отряд должен был произвести демонстрацию на Эйнем.

Это движение к Новодмитриевской — на юго-запад, а не на Калужскую, в горы, где нас ждали бы голод и распыление, — носило в себе идею активной борьбы, свидетельствовало об уверенности в своих силах и предрешало ход дальнейших событий.

[27 марта добровольцы подошли к Екатеринодару, и Корнилов предпринял ряд упорных и кровопролитных, но безуспешных атак. 31 марта (12 апреля н. ст.) утром, когда была решена новая атака, Корнилов был убит артиллерийским снарядом большевиков, случайно попавшим в ферму под городом, в помещение, занятое Корниловым и его штабом.

После его смерти командование над добровольцами перешло в руки Деникина, который повел отряд обратно к Ростову.]

10. Восстание на Дону. Возвращение армии на Дон

Жизнь Дона под властью большевиков в своей бытовой и социальной сущности ничем не отличалась от кубанской. Поэтому я не буду останавливаться на этом вопросе, ограничившись лишь фактической стороной его.

12 февраля на заседание войскового круга явился большевик — войсковой старшина Голубов и крикнул народным избранникам, которые все, кроме атамана Назарова, почтительно встали при его появлении:

— В России совершается социальная революция, а здесь какая-то сволочь разговоры разговаривает. Вон!

Круг был разогнан, атаман, председатель круга, Волошинов и некоторые члены круга расстреляны. В Новочеркасске поставлен командующим войсками вахмистр Смирнов, в Ростове сел «председатель областного Совета Донской республики» демагог урядник Подтелков. Голубов остался в стороне и затаил злобу. Началось внедрение Советской власти в пределы области, сопровождавшееся, как обычно, захватом пришлыми элементами местного управления, грабежами, реквизициями, арестами, убийствами[40], казнями и карательными экспедициями против непокорных станиц. Хлеб и скот большими партиями увозились на север; одновременно начался дележ казачьей земли крестьянами. Казаки скоро убедились, что с новым строем они несомненно теряют все: землю, волю и власть.

Уже в середине марта началось сильное брожение в различных местах области и тайная организация казачьих сил, чему немало способствовала наступившая весенняя распутица, мешавшая передвижению большевистских карательных отрядов. 18 марта впервые собирается в станице Манычской съезд Черкасского округа, на котором казаки выносят постановления против Советской власти. Во второй половине марта начались и вооруженные выступления.

Одновременно шла и личная борьба между властями Ростова и Новочеркасска. Подтелков, связавший свою судьбу всецело с «рабочим пролетариатом», относился крайне подозрительно к деятельности Голубова и Смирнова, проводивших большевизм свой — донской, казачий, хотя и родственный советскому, но замкнутый в областных рамках и не допускавший господства пришлой власти.

Новочеркасск скоро стал в резкую оппозицию к областному

комитету. Голубов, вернувшись из своей поездки по области, привез в Новочеркасск скрывавшегося Митрофана Богаевского, бывшего помощника атамана Каледина. Настроение донской столицы, очевидно, сильно изменилось, если Богаевскому, приведенному с гауптвахты, дали возможность на многолюдном митинге в течение трех часов говорить казакам «всю правду». Казаки слушали с умилением и клялись «не выдавать».

Областной комитет, обеспокоенный этим, потребовал прибытия в Ростов Голубова и Смирнова и выдачи Богаевского. Новочеркасск отказал. Тогда прибыл из Ростова карательный отряд и ликвидировал дело: Смирнов и Голубов бежали, при чем последний в одной из станиц был опознан и убит. Такая же участь постигла вскоре и Подтелкова. М. Богаевского бросили все, его перевезли большевики в Ростов и там вскоре расстреляли.

Так окончилось содружество двух большевизмов — советского и казачьего[41]. На Дону теперь противопоставлены были без средостения две силы: Советская власть и подымающееся казачество.

1 апреля казаки станиц, ближайших к Новочеркасску, под начальством войскового старшины Фетисова внезапным нападением захватили город. Незначительное число коммунистов и Красной гвардии было истреблено или бежало, а нео-большевики, казаки голубовской дивизии, объявили «нейтралитет». Это плохо организованное выступление полувооруженного ополчения кончилось печально: 5-го большевики обратно овладели городом, подвергнув население жестокому грабежу и новым казням. Голубовская дивизия предусмотрительно ушла из города накануне, захватив награбленное за время расположения в Новочеркасске добро. По дороге, впрочем, оно было отнято и перераспределено восставшими станицами.

Неудача не остановила, однако, донцов. Организация вооружейного сопротивления продолжалась открыто, и к середине апреля, под командой вернувшегося после скитаний в Сальских степях походного атамана генерала Попова, объединились следующие значительные группы донских ополчений: 1) Задонская группа генерала Семенова (район Кагальницкой — Егорлыцкой); 2) Южная группа полковника Денисова (район станицы Заплавской); 3) Северная группа — бывший «Степной отряд» — войскового старшины Семилетова (район Раздорской). Во всех этих отрядах было свыше 10 тысяч бойцов. Кроме того, и в других отдаленных округах формировались более или менее значительные ополчения.

«Пробуждение Дона» было, однако, далеко еще не полным. И

походному атаману, подготовлявшему наступление на Новочеркасск, приходилось не раз посылать карательные экспедиции в нераскаявшиеся еще и поддерживавшие большевиков станицы, расположенные даже в непосредственной близости от атаманского штаба.

[Разгар казачьего восстания на Дону совпал с подходом к Дону добровольцев, которые 13 мая н. ст. заканчивают свой «первый кубанский поход» и располагаются на отдых, в количестве около 5.000 чел., в станицах Мечетинской и Егорлыцкой, южнее занятого к тому времени немцами Ростова.]

А.С. ЛУКОМСКИЙ. Зарождение добровольческой армии [42]

В Новочеркасск поезд пришел поздно вечером 23 ноября (6 декабря) [1917 г.].

На вокзале был дежурный офицер, который указывал приезжавшим офицерам и юнкерам, где им можно остановиться.

Я поехал переночевать в общежитие, а утром 24 ноября (7 декабря) перебрался в гостиницу.

Первое лицо, которое я увидел в гостинице, был председатель Государственной Думы М.В. Родзянко, которого, под видом тяжело больного и в загримированном виде, доставили из Москвы в Новочеркасск.

Затем я встретился с генералами Деникиным, Романовским и Марковым, добравшимися накануне благополучно до Новочеркасска.

От них я узнал, что в Новочеркасске — генерал Алексеев, который, в полном согласии с атаманом донского казачьего войска приступил к формированию добровольческой армии для борьбы с большевиками[43].

Генерал Алексеев приехал в Новочеркасск, в первых числах ноября.

Я пошел к нему.

М.В. Алексеев сказал мне, что он решил сформировать на Дону добровольческую армию; что в Петрограде и в Москве им образованы общества для помощи офицерам; что эти общества поддерживают тесное общение с общественными организациями, помогающими им материально, и они будут направлять на Дон всех желающих офицеров, юнкеров и кадет старших классов; что союз общества офицеров, с своей стороны, примет все меры для облегчения желающим офицерам пробраться на Дон и из других районов.

Я на это ответил, что мне представляется необходимым, чтобы он кликнул клич, призывающий офицеров немедленно направляться на Дон; что его имя среди офицеров очень популярно, и на его клич потекут на Дон не сотни, а десятки тысяч офицеров.

Генерал Алексеев на это мне ответил, что сам он об этом думал, но сделать это он пока не смеет.

— Как же я могу обратиться с таким воззванием к офицерам, раз в моем распоряжении нет средств. Ведь и теперь, когда имеется всего около пятисот офицеров и юнкеров, я не сплю по

ночам, думая, как мне их прокормить, как их одеть.

На это я ответил, что — будет сила, будут и деньги.

— Рискнуть надо; без этого вы, Михаил Васильевич, армии не сформируете. Ведь надо знать нашу общественность: они не дают и не дадут больших средств, пока не будут уверены в успехе, пока в вашем распоряжении не будет достаточной силы. А вы не можете собрать эту силу, не имея средств. Получается заколдованный круг. Повторяю, что не только можно, а должно рискнуть.

Генерал Алексеев сказал, что он еще подумает.

Прощаясь со мной, генерал Алексеев сказал, что нам надо в ближайшие дни условиться относительно дальнейшей совместной работы.

25 ноября (8 декабря) генерал Деникин и я пошли к донскому атаману генералу Каледину.

Генерал Каледин принял нас очень серьезно, сказал, что, работая в полном согласии с генералом Алексеевым, он убежден, что генералу Алексееву удастся сформировать хорошую добровольческую армию, а ему — донскую. Затем он сказал, что очень рад приезду на Дон целой группы генералов, которые помогут наладить организационную работу, но, — прибавил генерал Каледин, — «имена генералов Корнилова, Деникина, Лукомского и Маркова настолько для массы связаны со страхом контр-революции, что я рекомендовал бы вам обоим и приезжавшему генералу Маркову пока активно не выступать; было бы даже лучше, если б вы временно уехали из пределов Дона».

После этого генерал Каледин добавил:

— Я отнюдь не настаиваю, чтобы вы уезжали с Дона. Если вас это не устраивает, то оставайтесь, и вы будете гостями донского казачества; но я, зная обстановку, счел своим долгом высказать, что вам лучше временно уехать. Я убежден, что в самом ближайшем будущем ваше присутствие здесь будет совершенно необходимо; тогда вы вернетесь, и мы вместе будем работать.

Деникин, Марков и я решили уехать из Новочеркасска.

Генералы Деникин и Марков решили ехать в Екатеринодар, а я — во Владикавказ.

Выехав из Новочеркасска 26 ноября (9 декабря), мы благополучно проскочили через Ростов.

27 ноября (10 декабря) в Ростове произошло выступление местных большевиков, к которому присоединились бывшие в городе солдаты и матросы.

Город был в их руках несколько дней.

В подавлении восстания приняла участие первая,

сформированная в Новочеркасске рота будущей добровольческой армии.

* * *

Приехав во Владикавказ, я поселился в небольшой гостинице и страшно скучал, ожидая вестей из Новочеркасска.

Один мой знакомый просил меня занести во Владикавказе письмо к Топе Чермоеву, председателю союза горцев.

Чермоев меня очень любезно принял и в разговоре спросил, не согласился ли бы я помочь горцам сорганизоваться и устроить приличную армию.

Я отказался, сказав, что теперь обстановка такова, что можно ожидать резни между горцами и терскими казаками и что в этом случае мое положение могло бы оказаться более чем странным.

Настроение во Владикавказе было напряженное. Почти каждую ночь разбойники-осетины делали набеги на город и грабили магазины.

По вечерам я часто бывал у атамана терского казачьего войска Караулова; от него узнавал обстановку.

В этот период началось движение в тыл отдельных частей с кавказского фронта. Терская область и Ставропольская губерния стали наполняться большевистски настроенными солдатами. То там, то здесь начинали вспыхивать беспорядки. Началось брожение и в некоторых станицах Терского казачьего войска.

Атаман Караулов постоянно разъезжал и насколько возможно поддерживал порядок.

Во время одной из таких поездок, около половины (конца) декабря, на станции Прохладной взбунтовавшаяся толпа отцепила его вагон от поезда, и он был убит.

12/25 декабря я получил телеграмму от Завойко (бывший ординарец Корнилова), что он вместе с генералом Корниловым будут во Владикавказе 13/26 декабря.

В этот день Завойко приехал, но один.

Он мне сказал, что генерал Корнилов после неимоверно трудного путешествия 6/19 декабря приехал в Новочеркасск[44], что, познакомившись с обстановкой, сложившейся в Новочеркасске, генерал Корнилов решил, что ему там нечего делать, и решил проехать во Владикавказ, где сговориться со мной, вызвать из Екатеринодара генерала Деникина и решить, что делать дальше; что все к отъезду было готово, но в последнюю минуту генерал Корнилов, под давлением московских

общественных деятелей, изменил свое решение и остался в Новочеркасске.

14/27 декабря я получил телеграмму от генерала Эрдели, что генерал Корнилов меня вызывает.

В Новочеркасск я приехал 16/29 декабря; из Екатеринодара приехали туда же генералы Деникин и Марков.

Я застал генерала Корнилова в большом колебании.

Формирование добровольческой армии было уже начато генералом Алексеевым.

По характеру генералы Алексеев и Корнилов мало подходили друг к другу.

Генерал Корнилов считал, что дело может пойти успешно лишь при условии, если во главе будет стоять один человек; генерал Алексеев говорил, что роли можно распределить; он указывал, что в его руках останутся финансовые вопросы и политика (внешняя и внутренняя), а генерал Корнилов всецело займется формированием армии и ее управлением.

Генерал Корнилов доказывал, что их параллельная деятельность будет вызывать постоянные трения и, прежде всего, в финансовых вопросах, так как каждую копейку на организацию и нужды армии придется ему испрашивать у генерала Алексеева. Затем генерал Корнилов указывал, что с развитием дела ему, как командующему армией, придется вплотную подойти к внутренней политике, которая будет находиться в ведении генерала Алексеева; что это опять-таки породит недоразумения и трения.

В сущности говоря, это сознавал и генерал Алексеев, предложивший генералу Корнилову такое решение: «Вы, Лавр Георгиевич, поезжайте в Екатеринодар и там совершенно самостоятельно приступайте к формированию частей добровольческой армии, а я буду формировать на Дону».

Генерал Корнилов категорически от этого отказался, сказав, что это не выход, что это было бы еще хуже.

— Если б я на это согласился, то, находясь на таком близком расстоянии один от другого, мы, Михаил Васильевич, уподобились бы с вами двум содержателям балаганов, зазывающим к себе публику на одной и той же ярмарке.

Генерал Корнилов хотел ехать на Волгу, а оттуда в Сибирь. Он считал более правильным, чтобы генерал Алексеев оставался на юге России, а ему дали бы возможность вести работу в Сибири.

Он доказывал, что для дела это будет лучше, что один другому они мешать не будут, и верил, что ему удастся создать в Сибири большое дело.

Он рвался на простор, где возможна была самостоятельная

работа.

Но приехавшие в Новочеркасск из Москвы представители «Национального центра»[45] настаивали на том, чтобы Корнилов оставался на юге России и работал совместно с Алексеевым и Калединым.

Так как Корнилов не соглашался, то было заявлено, что московские общественные организации совершенно определенно поручили заявить, что руководители антибольшевистского движения могут рассчитывать на моральную и материальную помощь лишь при условии, что все они (Алексеев, Корнилов и Каледин) будут работать на юге России совместно, распределив между собой роли и подписав составленное между собой соглашение; при этом было указано, что только после того, как это соглашение состоится и, подписанное всеми тремя генералами, будет передано представителям Англии и Франции, можно рассчитывать на получение денежной помощи от союзников.

Генерал Корнилов принужден был согласиться, и несколько позже было составлено, подписано и передано представителям московских общественных организаций соглашение, по которому генерал Алексеев принимал на себя заведывание всем финансовым делом и вопросами, касающимися внешней и внутренней политики; генерал Корнилов принимал на себя организацию и командование добровольческой армией, а генерал Каледин — формирование донской армии и управление всеми делами и вопросами, касающимися войска донского.

Принципиальные вопросы они должны были разрешать совместно.

Рассказав мне все это, генерал Корнилов предложил мне быть у него начальником штаба.

При следующем нашем свидании, когда мы разбирались в том, что было уже сделано и что надо делать дальше, генерал Корнилов вновь заговорил о том, что он остается на юге России по принуждению; что он согласился на это только по настоянию представителей московских общественных деятелей; что он боится за успех работы, когда во главе дела будет стоять не один полноправный распорядитель, а два[46] равноправных, не подчиненных один другому; что он опасается возникновения постоянных недоразумений, особенно по финансовым вопросам; что он, наконец, мало верит в успех работы на юге России, где придется создавать дело на территории казачьих войск и, в значительной степени, зависеть от войсковых атаманов.

Закончил генерал Корнилов так: «Сибирь я знаю, в Сибирь я верю; я убежден, что там можно будет поставить дело широко.

Здесь же с делом легко справится и один генерал Алексеев. Я убежден, что долго здесь оставаться я буду не в силах. Жалею только, что меня задерживают теперь и не пускают в Сибирь, где необходимо начинать работу возможно скорей, чтобы не упустить время».

Этот взгляд генерала Корнилова отразился на всей его работе в новочеркасский период. Он всей душой и сердцем стремился в Сибирь, хотел, чтобы его отпустили, и к работе по формированию добровольческой армии относился без особого интереса.

Придавая большое значение Сибири и Поволжью, генерал Корнилов послал в Сибирь ряд писем к местным политическим деятелям (в том числе Пепеляеву), и, по его просьбе, генералом Алексеевым был командирован туда генерал Флуг, на которого была возложена задача ознакомить сибирских политических деятелей с тем, что делается на юге России, постараться объединить офицеров и настоять на создании там противобольшевистского фронта. На Волгу — в Нижний Новгород, Казань, Самару, Царицын и Астрахань, были командированы офицеры с целью сорганизовать там противобольшевистские силы и постараться, подняв восстание против большевиков, захватить в свои руки эти пункты.

У генерала Корнилова зрел очень широкий план: он не ограничивался идеей борьбы с большевиками; он, веря в Сибирь и Поволжье, был убежден, что можно будет не только смести большевиков, но и воссоздать фронт для борьбы с Германией.

Работа на Дону ему представлялась работой сравнительно мелкой, местного характера; работа же на востоке — работой крупного, европейского масштаба.

К сожалению, опасения Корнилова, что у него будут трения и недоразумения с Алексеевым, оправдались с первых же дней их совместной работы.

Трения происходили и из-за невозможности точно разграничить круг ведения одного от другого и по разрешению различных вопросов, связанных с денежными отпусками.

Я лично считал, что лучше предоставить генералу Корнилову свободу действий и не возражать против его желания ехать в Сибирь, но бывшие в Новочеркасске московские общественные деятели продолжали считать необходимым, чтобы генерал Корнилов оставался на юге России. Они считали, что если уедет Корнилов, то за ним в Сибирь поедут очень многие из вступивших в ряды добровольческой армии, и дело, начатое в Новочеркасске, может развалиться.

П.Б. Струве, П.Н. Милюков, кн. Г.Н. Трубецкой, М.М. Федоров и А.И. Деникин несколько раз выступали в роли миротворцев и

налаживали отношения между генералами Корниловым и Алексеевым.

Во второй половине (конце) декабря в Новочеркасск из Екатеринодара приехал Савинков.

Сначала Савинков посетил генерала Каледина, а затем генерала Алексеева.

Он заявил, что считает свое участие в работе по созданию добровольческой армии не только желательным, но для дела безусловно необходимым.

Он указал на то, что, по его глубокому убеждению, возглавление борьбы с большевиками одними генералами более чем ошибочно; что из этого ничего серьезного не выйдет; что масса отнесется в этом случае к начатому делу, как к контр-революционному; что необходимо при генерале Алексееве создать политическое совещание, в состав которого должен войти он, Савинков; что присутствие его в составе этого политического совещания, работающего рука об руку с Л.Г. Корниловым, ясно покажет всем, что начатое дело есть дело чисто-патриотическое чуждое каких-либо контр-революционных замыслов.

Л.Г. Корнилов, к которому обратились генералы Алексеев и Каледин, сначала ответил категорическим отказом работать вместе с Савинковым.

Но затем Алексеев и Каледин убедили Корнилова согласиться.

Главный мотив, которым удалось в конце концов убедить Корнилова, заключался в том, что если Савинков будет работать с нами, то он будет полезен, если же отвергнуть его предложение, то он может, работая отдельно, сильно повредить начатому нами делу.

Л.Г. Корнилов согласился.

При генерале Алексееве было решено организовать политическое совещание в составе: председатель — Алексеев; члены — Корнилов, Каледин, Деникин, Лукомский, Романовский, Струве, Милюков, кн. Григорий Трубецкой, Федоров и Савинков.

Генерал Деникин категорически отказался участвовать в составе совещания и ни на одно из заседаний не приходил.

Я также не склонен был работать совместно с Савинковым, но генерал Корнилов в конце концов меня уговорил.

Он мне сказал:

«Мне очень жаль, что Антон Иванович Деникин решительно отказался от участия в совещании; но если и вы, будучи моим начальником штаба, не захотите бывать на совещании, то это отразится вредно на деле.

«Теперь внутренняя политика будет так переплетена с

военным делом, что вы, как начальник штаба, должны быть в курсе всего, что делается.

«Поверьте, что я не менее остро, чем вы, чувствую ненормальность нашей будущей работы с Савинковым; еще слишком для нас болезненно воспоминание о работе Савинкова совместно с Керенским — после всей мерзости и подлости, которые Керенский проявил по отношению к нам.

«Но я переборол себя и решил это забыть, так как для меня, прежде всего важно спасти родину, а не сводить личные счеты.

«Переломите себя и давайте вместе работать».

Как мне передавали, Савинков, в Екатеринодаре говоря о корниловском выступлении и обвиняя меня в создании заговора в Ставке, в который я, якобы, вовлек генерала Корнилова, сказал:

— Этого я простить Лукомскому не могу и считаю его смертельным моим врагом. Если мы когда-нибудь встретимся, то один из нас в живых не останется.

Насколько передаваемое мне было справедливо, я не знаю, но я решил при первом же свидании с Савинковым поставить ему вопрос, — как он относится к нашей совместной работе.

Я, несколько запоздав на первое заседание политического совещания, войдя в комнату, где все собравшиеся уже сидели за столом, подошел к Савинкову, который, при моем к нему приближении, встал.

— После всего того, что произошло в Могилеве, судьба нас вновь свела, и мы сегодня встретились. Прежде чем сесть за этот стол, я хотел бы знать ваше откровенное мнение о возможности нам с вами совместно работать. Я хочу знать, не отразится ли на работе ваше отношение ко мне и не повредит ли оно делу, нами здесь начатому.

Савинков на это ответил:

— Генерал, я знаю отлично все несходство наших политических убеждений. Но теперь у нас одна дорога, одна цель — это свергнуть большевиков и спасти Россию. В будущем мы, конечно, станем опять политическими врагами, но пока я определенно это заявляю и обещаю, что с моей стороны не будет никаких противодействий вашей работе, которые могли бы основываться на каких-либо личных отношениях.

На первом же заседании Савинков возбудил вопрос о необходимости выработать воззвание к народу, в котором ясно и определенно указать цели борьбы и политическую физиономию добровольческой армии.

После обсуждения основных положений проектируемого воззвания было поручено Савинкову его составить и представить на обсуждение совещания.

На следующем заседании проект воззвания был оглашен Савинковым, но встретились некоторые возражения, и в конце воззвания было неясно указано, о каком Учредительном Собрании, которое должно будет решить форму правления в России, идет речь: о новом или об Учредительном Собрании 1917 года.

По последнему вопросу все высказались единодушно, что об Учредительном Собрании 1917 года не может быть и речи; что выборы в это собрание были произведены под давлением большевиков, и что состав этого собрания не может быть выразителем мнения России.

П.Н. Милюков вызвался пересоставить воззвание.

Пересоставленное воззвание было одобрено, напечатано, и были приняты меры к широкому его распространению.

Савинков пробыл в Новочеркасске недолго.

Перед его отъездом в Москву, около 10/23 января 1918 г., произошел следующий случай.

Как-то вечером А.И. Деникин, которого перед тем вызывал генерал Алексеев, заехал за мной и просил немедленно ехать с ним к Алексееву.

По дороге он рассказал, что его вызвал генерал Алексеев, и что идет речь о раскрытии будто бы готовящихся покушений на Савинкова и Алексеева.

Когда мы приехали, генерал Алексеев нам рассказал, что кто-то из чинов контр-разведки предупредил о готовящемся покушении на Савинкова, а последнему сообщили, что готовится покушение и на него, Алексеева; что во всем этом надо разобраться совместно с Савинковым, который должен сейчас приехать.

Генерал Деникин, не желавший встречаться с Савинковым, прошел в другое помещение, а я остался в кабинете генерала Алексеева.

Приехавший Савинков подтвердил то, что было сказано генералом Алексеевым. Вызванный офицер контр-разведки, от которого были получены эти сведения, ничего определенного сказать не мог.

Кончилось это тем, что было приказано принять меры для охраны г. Савинкова, выяснить более точно источник этих слухов и постараться его проверить.

Савинков вскоре после этого уехал в Москву, а расследование этого случая не привело ни к каким результатам.

Против Савинкова многие были восстановлены, и возможно, что в этой истории и была доля правды; что же касается слуха о возможном покушении на ген. Алексеева, то этот слух, если он в

действительности и был, явно вздорен.

Формирование и организация добровольческой армии подвигались медленно.

В среднем, в день приезжало и записывалось в ряды армии 75–80 добровольцев.

Солдат было мало; больше всего записывались в армию, офицеры, юнкера, студенты, кадеты и гимназисты старших классов.

Орудий, винтовок и огнестрельных припасов в донских складах почти не было.

Приходилось их отбирать у проходивших через Ростов и Новочеркасск войсковых эшелонов, едущих «по домам»; покупать, через скупщиков, в эшелонах, проходящих через район войска Донского, и, наконец, добывать небольшими экспедициями, посылаемыми в Ставропольскую губернию, где начали сосредоточиваться большевистски настроенные части с кавказского фронта.

В Екатеринодаре производилось самостоятельное формирование добровольческого отряда для защиты, главным образом, Екатеринодара от большевиков, начавших угрожать со стороны Тихорецкой и Новороссийска.

Формирование донских частей подвигалось плохо.

Возвращающиеся с фронта части не хотели воевать, стремились разойтись по станицам, и молодые казаки вступили в открытую борьбу со стариками.

Во многих станицах эта борьба приобрела ожесточенный характер; расправы с обеих сторон были жестокие.

Но пришедших с фронта казаков было больше, чем стариков, они все были хорошо вооружены, и в большинстве станиц победа осталась на стороне молодежи, проповедовавшей большевистские идеи.

Выяснилось, что и в донском войске можно создать прочные части, только основываясь на принципе добровольчества.

Формировать добровольческие (партизанские) донские части вызвалось довольно много желающих из числа донских офицеров. Это дело в донском штабе не было как следует налажено; разрешение на формирование партизанских отрядов давалось чуть ли не каждому просившему; появилось много авантюристов, иногда просто разбойников, которые с целью личной наживы грабили население.

Хорошими партизанскими начальниками оказались есаул Чернецов и генерал Семилетов.

Особенно хорош был Чернецов, который своими молодецкими набегами на районы, занятые большевистскими

отрядами, и рядом геройских дел скоро приобрел громадную популярность.

Недостаток финансовых средств крайне затруднял работу по формированию добровольческой армии.

Как я уже отметил, из-за недостатка денег генерал Алексеев затруднялся обратиться ко всему офицерству с призывом итти на Дон. Это было им сделано только в декабре; но к этому времени сообщение с различными районами России стало гораздо трудней, офицерам стало опасно пробираться по железным дорогам.

Первоначальные средства на формирование добровольческой армии складывались из пожертвований, получавшихся генералом Алексеевым, а затем и генералом Корниловым в Новочеркасске и в Ростове, и из присылок из Москвы; но этого было слишком недостаточно.

По соглашению с донским атаманом Калединым и представителями Государственного банка, было выяснено, какая сумма может быть взята из отделений Государственного банка и казначейства на нужды армии.

Если мне память не изменяет, всего было получено этим путем тридцать миллионов рублей, из коих пятнадцать пошли на нужды Дона, а пятнадцать были переданы в распоряжение генерала Алексеева.

Затем были составлены рисунки новых денежных знаков, и для их печатания решено было устроить при ростовском отделении Государственного банка экспедицию заготовления денежных знаков. Но машины были установлены и клише для печатания были готовы только в начале (середине) февраля 1918 года, когда обстановка заставила добровольческую армию оставить Ростов.

В конце декабря 1917 г. (первой половине января 1918 г.) в Новочеркасск приехали из Москвы два представителя от великобританской и французской военных миссий.

Эти представители интересовались тем, что сделано и что предполагается делать, и заявили, что пока союзники могут нам помочь только деньгами. Они сказали, что есть полная надежда получить сто миллионов рублей, которые будут передаваться в распоряжение генерала Алексеева по десяти миллионов в месяц.

Первая получка ожидалась в январе 1918 года, но запоздала, и от союзников в этот период мы ничего не получили.

К концу декабря (началу января) был пополнен Корниловский полк, который был переведен на Дон с юго-западного фронта командиром полка, капитаном Неженцовым: были сформированы офицерский, юнкерский и георгиевский

батальоны, четыре батареи артиллерии, инженерная рота, офицерский эскадрон и рота из гвардейских офицеров.

В середине января получилась небольшая (всего около пяти тысяч человек), но очень сильная в моральном отношении добровольческая армия.

Большевики, которые до декабря никаких сил на юге России, в районе Дона, не имели, в декабре начали стягивать для ликвидации «контр-революционеров» части с западного фронта и формировать в районах Царицына, Ставропольской губернии и Терского казачьего войска части войск из состава войсковых частей бывшего кавказского фронта.

Большевики стали угрожать со стороны Донецкого бассейна вдоль железных дорог, ведущих на Таганрог, на станции Зверево и Лиски; со стороны Воронежа, и со стороны Торговой и Тихорецкой.

Если казачье население еще колебалось и в части станиц благоразумный голос стариков взял перевес, то иногородние (не казачье население) целиком стали на сторону большевиков.

Иногороднее население в казачьих областях всегда завидовало казачеству, владевшему большим количеством земли, и, становясь на сторону большевиков, оно прежде всего надеялось, наравне с казачеством, принять участие в дележе офицерских и помещичьих земель.

Ростов и Новочеркасск были переполнены большевиками.

Теми небольшими силами, которые находились в распоряжении генерала Корнилова и Каледина, приходилось не только отбивать наступательные попытки большевиков, но и поддерживать порядок в Ростове и Новочеркасске.

Генералы Алексеев и Корнилов считали, что необходимо довести численность армии до десяти тысяч человек, а затем только начать расширяться и приступить к выполнению более крупных задач.

По соглашению с генералом Калединым было решено, что генералы Алексеев и Корнилов перейдут в Ростов, который станет центром формирования добровольческой армии.

Генерал Каледин принимал на себя охрану Дона с севера, но просил, чтобы, как ядро для его формируемых частей, в его распоряжении была оставлена часть добровольческой армии.

Генерал Корнилов согласился, и офицерский батальон с одной батареей был оставлен для прикрытия Новочеркасска с севера.

Около середины января 1918 года генералы Алексеев, Корнилов и штаб добровольческой армии перешли в Ростов.

Положение, между тем, стало трудным.

Все железные дороги, ведущие из Европейской России к Новочеркасску и Ростову, были в руках большевиков; приток пополнения к армии почти прекратился, просачивались только отдельные смельчаки.

Большевики стали наседать с запада и с востока, и наши части начали нести крупные потери.

Думать о какой-нибудь наступательной операции было трудно. Оставаясь же на месте и только отбивая наседавших большевиков, мы рисковали, что скоро будем совершенно окружены и истечем кровью.

У генерала Корнилова еще была надежда получить помощь от горцев Кавказа; туда были посланы офицеры с поручением войти в связь с лицами, стоявшими во главе горских народов, и набирать добровольцев.

Эта же задача была дана генералу Эрдели, находившемуся в Екатеринодаре для связи с кубанским правительством и атаманом.

Около 20 января (2 февраля) генерал Эрдели прислал телеграмму, что он приезжает в Ростов вместе с князем Девлет Гиреем, который обещает выставить до десяти тысяч черкесов.

Князь Девлет Гирей, приехав в Ростов, подтвердил генералу Корнилову предложение, сделанное им генералу Эрдели, указав, что в течение двух недель он обязуется выставить две тысячи черкесов, а остальные им будут выставлены в течение $1^1/_2$ — 2 месяцев.

Но за это, кроме вооружения и довольно значительного денежного содержания для выставляемых черкесов, он просил выдать ему единовременно около миллиона рублей;

Было очень сомнительно, чтобы князь Гирей был в состоянии выполнить свое обещание, но генерал Корнилов считал, что рискнуть надо.

Генерал Алексеев категорически отказал в выдаче столь значительной суммы денег; он сказал, что совершенно не верит в выполнимость этого проекта, но что если ген. Корнилов все же хочет рискнуть, то он на это может дать всего двести тысяч рублей.

Князь Гирей не согласился и обиженный уехал в Екатеринодар.

Как показали последующие события, этот проект не был бы осуществлен и привел бы не к усилению черкесами добровольческой армии, а, в лучшем случае, только к тому, что вооруженные черкесы, оставаясь в районе своих аулов, оказали бы на местах у себя более упорное сопротивление большевикам.

К концу января (началу февраля) большевики заняли

Батайск[47], угрожая этим непосредственно Ростову, а на западе ими был занят Таганрог, и они стали и с этой стороны продвигаться к Ростову.

С севера нажим большевиков вдоль железной дороги от Воронежа в направлении на Новочеркасск стал также увеличиваться.

Появились конные части большевиков со стороны Донецкого бассейна, и определилась угроза в направлении на Новочеркасск и Ростов.

Положение становилось все более и более серьезным; круг замыкался.

Генерал Корнилов считал, что дальнейшее нахождение добровольческой армии в ростовском районе бесполезно; что развалившееся донское казачество не может оказать серьезной поддержки, а мы не в силах спасти его от большевиков; что необходимо двинуться к Екатеринодару на соединение с добровольческими частями, там формировавшимися, и с кубанскими частями, не перешедшими на сторону большевиков. Казалось, что Кубань может избегнуть поголовной большевистской заразы.

Донской атаман, генерал Каледин, чувствуя всю серьезность положения и сознавая, что без добровольческой армии он не в силах отстоять Дон от большевиков, проектировал сосредоточить главные силы добровольческой армии к Новочеркасску.

Генералы Алексеев и Корнилов против этого возражали, указывая, что тогда мы потеряем Ростов, и добровольческая армия попадет под Новочеркасском в ловушку; что этим мы не поможем Дону, а начатое дело погибнет.

26 января (8 февраля) генерал Каледин прислал телеграмму, прося генералов Алексеева и Корнилова немедленно приехать в Новочеркасск, чтобы присутствовать на заседании, которое он устраивает вечером того же дня с членами донского правительства и донского круга, вернувшимися после объезда станиц.

Генерал Каледин указал в телеграмме, что этому совещанию он придает чрезвычайное значение, и что на нем должен быть принят план дальнейшей борьбы с большевиками.

Но положение под Ростовом было настолько серьезно, что ни генерал Корнилов, ни генерал Алексеев не сочли возможным выехать в Новочеркасск.

Поехал я, — как их представитель.

На заседание были приглашены и московские общественные деятели.

Доклады, сделанные на заседании председателем донского

правительства и членами донского круга, обрисовали очень тяжелую картину.

Дон окончательно разваливался, и спасти положение было трудно.

После моего заявления о невозможности что-либо дать из состава добровольческой армии для непосредственной обороны Новочеркасска, и что, наоборот, генерал Корнилов просит возможно скорей вернуть ему офицерский батальон, большинство присутствующих на заседании высказалось в том смысле, что удержать Новочеркасск будет невозможно, и что атаману с правительством и войсковым кругом надо переехать немедленно в район еще крепких и стойких станиц, расположенных по реке Дону, и там постараться заставить казачество откликнуться на призыв атамана.

Указывалось на то, что Новочеркасск слишком на отлете, что непосредственное общение атамана со станицами может исправить дело.

Генерал Каледин выслушал всех говоривших, а затем определенно заявил, что оставлять Новочеркасск он не может; что он считает недопустимым атаману бежать из столицы Донского края и скитаться по станицам; если ничего не выйдет, то он погибнет здесь, в Новочеркасске.

После этого он закрыл заседание, и мы разошлись по домам.

Вернувшись на другой день в Ростов, я доложил генералу Корнилову, что, по моему впечатлению, генерал Каледин потерял веру в возможность что-либо сделать для спасения положения.

29 января (11 февраля) была получена телеграмма, что генерал Каледин застрелился.

Не выдержал старый и честный донской атаман, так горячо любивший Россию и свой Дон и так веривший прежде донцам!

Смерть атамана встрепенула на некоторое время Дон.

Старики-казаки громко заявили, что они повинны в смерти любимого атамана, и что долг всех казаков — хоть после смерти атамана, выполнить его призыв и стать на защиту Дона от большевиков.

Примолкла временно и молодежь.

В Новочеркасск тысячами стали стекаться донцы для формирования новых частей.

Казалось, что Дон ожил.

Но в значительной степени вследствие того, что штаб донского войска оказался в это время не на должной высоте (не давали помещений для размещения прибывающих казаков; не наладили довольствие горячей пищей, не сумели наладить организационные вопросы), скоро подъем прошел, и казаки стали

опять расходиться и разъезжаться по станицам.

2/15 февраля я сдал должность начальника штаба добровольческой армии генералу Романовскому и был командирован генералом Корниловым в Новочеркасск быть в качестве его представителя при новом донском атамане Назарове. Главная задача, которая была на меня возложена., состояла в том, чтобы настаивать на более энергичном формировании новых частей и продолжении самой упорной борьбы с большевиками.

4/17 февраля в Новочеркасск пришел походным порядком от Екатеринослава, в блестящем виде, 6-й Донской полк.

Просто не верилось глазам.

Все офицеры на местах, полная дисциплина, никаких комитетов.

Полк заявил, что он хочет сейчас же итти на фронт.

Полку была устроена торжественная встреча.

После молебствия на соборной площади атаман и председатель донского правительства благодарили полк, прибывший в таком блестящем виде.

Трогательно было видеть, как глубокие старики донцы подходили к полку и, кланяясь до земли, благодарили славных станичников за то, что они поддержали честь и славу Дона и не поддались искушению большевистской пропаганды.

6/19 февраля полк был отправлен на фронт, а 8/21 февраля, под влиянием агитаторов, отказался сражаться…

К северу от Новочеркасска кроме небольших казачьих и партизанских частей ничего не было.

Большевики наседали, и было ясно, что дни Новочеркасска сочтены.

В ночь с 8/21 на 9/22 февраля 1918 года генерал Корнилов, увидя, что для Дона уже все кончено и что дальнейшая оборона ростовского района, не приведя ни к чему, погубит армию, вышел с добровольцами из Ростова на Аксай, а затем, переправившись через Дон, сосредоточил 10/23 февраля добровольческую армию в районе станицы Ольгинской.

10/23 февраля на лошадях, с целью пробраться к железной дороге, а затем проехать в Москву, выехали из Новочеркасска П.Б. Струве и князь Гр. Н. Трубецкой.

11/24 февраля большевики были уже совсем близко от Новочеркасска, и было ясно, что 12/25 февраля они займут город.

Я с вечера заказал себе сани, чтобы ехать рано утром 12/25 февраля на соединение с армией.

В ночь с 11/24 на 12/25 февраля я в последний раз говорил по телефону с донским войсковым атаманом, генералом Назаровым.

Он мне сказал, что он решил, вместе с войсковым кругом, не уезжать из Новочеркасска; что оставаясь он этим спасет город от разграбления.

Я ему советовал ехать в армию генерала Корнилова; сказал, что, оставаясь в Новочеркасске, он обрекает себя на напрасную гибель.

Генерал Назаров мне ответил, что большевики не посмеют тронуть выборного атамана и войсковой круг; что, по его сведениям, первыми войдут в Новочеркасск присоединившиеся к большевикам донские казаки под начальством Голубова; что этот Голубов, хотя и мерзавец, убивший Чернецова, но его, Назарова, не тронет, так как он за него как-то заступился и освободил из тюрьмы.

Я убеждал генерала Назарова не быть таким оптимистом и уехать. Закончил я так: «Если вы останетесь, то вас растерзают. Я понимаю, что можно, было бы на это итти, если б вы этим что-нибудь спасали. А так гибнуть — совершенно бесцельно».

Но мои уговоры, были напрасны; генерал Назаров еще раз сказал, что он убежден, что его не посмеют тронуть, а затем добавил, что если он ошибается и погибнет, то погибнет так, как завещал покойный атаман Каледин, сказавший, что выборный атаман не смеет покидать свой пост.

* * *

Во время моего пребывания в Новочеркасске меня беспокоил вопрос о том, как поступить с ранеными добровольцами, находившимися в лазаретах.

Увозить их было некуда, а оставлять в лазаретах на растерзание большевиков было невозможно.

Снесясь с генералом Алексеевым, я получил от него деньги, которые мною были переданы образовавшейся в Новочеркасске организации.

Было решено перед приходом большевиков тем добровольцам, которые могут передвигаться, выдать на руки некоторую сумму денег и предоставить им самим как-нибудь устроиться в городе или в соседних станицах.

Тяжело же раненых и больных частью разместить на окраинах города у надежных жителей, а часть, под видом простых солдат, оставить в лазаретах.

Так и было сделано.

После оставления Ростова добровольческая армия,

насчитывая в своих рядах всего 2.500 бойцов, совершенно оторвалась от внешнего мира.

Во время похода к Екатеринодару армия, перенеся все трудности зимней кампании, прозванной впоследствии «ледяным походом», непрерывно не только вела бои с преграждавшими ей путь большевиками, но отбивала атаки наседавших на нее банд и с флангов и с тыла.

После смерти генерала Корнилова, убитого под Екатеринодаром 31 марта (13 апреля) 1918 года, армия, опять после ряда боев, пробилась обратно на территорию Дона, где к тому времени восставшее против большевиков казачество очистило от них свою территорию.

Армия только к маю 1918 года попала в условия, позволившие ей отдохнуть и пополниться для продолжения борьбы с большевиками.

В 6 часов утра 12/25 февраля я выехал на лошадях из Новочеркасска в станицу Ольгинскую, куда отходила добровольческая армия из-под Ростова; Новочеркасск был занят большевиками 12/25 февраля, около двух часов дня.

В Ольгинскую я приехал около десяти часов утра. По дороге едва переправился у Старочеркасска через Дон, так как начиналась оттепель, и около берегов лед оттаял.

Генерал Корнилов, приняв меня, сказал, что, так как я теперь уже не начальник штаба, и моя миссия, с которой я ездил в Новочеркасск, закончена, он просит меня, как и генерала Деникина, оставаться при армии в непосредственном его распоряжении.

Общая численность всей добровольческой армии не превышала трех с половиной тысяч человек, из коих не менее тысячи человек являлись небоеспособными.

Обоз при армии был большой; раненых было более двухсот человек, и необходимо было везти с собой все боевые запасы и винтовки, которые удалось вывезти из Ростова.

Обоз увеличивался еще группою гражданских лиц, которые хотели оставаться при армии (в том числе бывший председатель Государственной Думы М.В. Родзянко и бывший член Государственной Думы Н.Н. Львов), и довольно многочисленной политической канцелярией, состоявшей при генерале Алексееве; при нем, кроме того, состоял небольшой личный конвой.

В общем явилось опасение, что если в ближайший период армия не увеличится, то она явится лишь прикрытием к своему обозу.

Генерал Корнилов надеялся, что донцы и кубанцы станиц, через которые будет проходить армия, откликнутся на его

призыв, и это даст возможность сформировать конные части, а селения с неказачьим населением дадут укомплектования для пехоты.

Между генералами Корниловым и Алексеевым было окончательно установлено, что, в смысле управления армией и постановки ей боевых задач, будет управлять и распоряжаться генерал Корнилов, а генерал Алексеев будет руководить политической частью, сношениями с внешним миром, и в его руках будет казначейская часть.

Конечно, это не было разрешением больного вопроса о взаимоотношениях между ними, но другого выхода не было, раз один другому подчиниться не мог.

После разговора с генералом Алексеевым я вынес впечатление, что он считает положение очень серьезным и начинает думать о том, как бы спасти офицеров и дать им возможность «распылиться».

«Наша задача прежде всего должна заключаться в том, чтобы выбраться из кольца, который образуют большевики. А там дальше будет видно: или будем продолжать борьбу, или распустим офицеров[48], дав им денег и предложив самостоятельно, через кавказские горы, пробираться кто куда пожелает или будет в состоянии», — так закончил разговор генерал Алексеев.

13/26 февраля утром генерал Романовский зашел в хату, которую я занимал, и сказал, что в 12 часов дня назначено совещание, и генерал Корнилов просит меня на нем присутствовать; ожидается генерал Попов, бывший походным атаманом войска донского.

К назначенному времени на совещание собрались: генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Романовский, я, Марков, Попов, приехавший вместе с полковником Сидориным, и несколько строевых офицеров, позванных генералом Корниловым.

Генерал Попов доложил, что он с небольшим отрядом, в общем около двух тысяч коней при двух конных батареях, и группою донских офицеров, оставил Новочеркасск около часу дня 12/25 февраля; что большевики при выходе его из города уже в него входили; что войсковой атаман, генерал Назаров, остался в Новочеркасске вместе с большей частью войскового круга и, как доложил прискакавший в его отряд из занятого большевиками Новочеркасска офицер, был арестован и в ночь на 13/26 февраля расстрелян.

Затем, на предложение генерала Корнилова присоединить его отряд к добровольческой армии, генерал Попов просил первоначально выяснить дальнейшие намерения генерала

Корнилова и направление движения добровольческой армии, но что он, с своей стороны, должен определенно заявить, что Донской Отряд не может покинуть территории Дона, и что он, генерал Попов, считает, что отряду лучше всего, прикрываясь с севера р. Доном, который скоро станет трудно проходим, переждать события в районе зимовников (поселки и хутора, к которым на зиму сгонялись табуны лошадей и скота), где много хлеба, фуража, лошадей, скота и повозок для обоза. Из этого района он мог бы развить партизанские действия в любом направлении.

Генерал Корнилов сказал, что он, по соглашению с генералом Алексеевым, предполагает двинуться по направлению к Екатеринодару, где имеются добровольческие формирования; движением на Екатеринодар есть надежда заставить Кубанское казачье войско подняться против большевиков и, усилив добровольческую армию и находясь в богатом районе, продолжать борьбу; но что, вследствие заявления генерала Попова, он предлагает еще раз обсудить этот вопрос и просит желающих высказаться.

Генерал Алексеев на это сказал, что вряд ли встречается надобность вновь дебатировать этот вопрос, но что, впрочем, если генерал Корнилов находит нужным еще раз его поставить на обсуждение, то он считает необходимым повторить то, что он уже говорил в Ростове, то-есть, что единственно правильным является направление на Екатеринодар, так как в этом направлении легче всего прорвать большевистское кольцо, окружающее добровольческую армию; есть надежда на соединение с добровольческими отрядами, действующими в районе Екатеринодара; есть полное основание рассчитывать поднять Кубанское войско против большевиков, и, наконец, мы займем богатый во всех отношениях район, который даст нам возможность пополниться, привести себя в порядок, отдохнуть и с новыми силами продолжать борьбу. В случае же, если полного успеха мы не добьемся, то добровольческая армия, во всяком случае будет в силах дойти до Кавказских гор и там, если обстановка потребует, можно будет ее распустить.

Я попросил дать мне слово.

Я сказал, что, не возражая по существу против того, что сказано генералом Алексеевым, я должен обратить внимание только на то, что уже теперь при нашей армии или, правильней сказать, при нашем небольшом отряде более двухсот раненых и чрезмерно большой обоз с боевыми припасами и ружьями, который бросить нельзя. Обозные лошади, набранные, главным образом, в Ростове, уже теперь имеют жалкий вид и еле тянут

свои повозки и сани; что при наступлении на Екатеринодар нам нужно будет два раза переходить железную дорогу: в первый раз в районе близ станции Кагальницкой, второй раз где-нибудь около станции Сосыка; что большевики, будучи отлично осведомлены о нашем движении, и там и там преградят нам путь и подведут к месту боя бронированные поезда; что трудно будет спасти раненых, которых будет, конечно, много. Начинающаяся распутица, при условии, что половина обоза на полозьях, затруднит движение; заменять выбивающихся из сил лошадей другими будет трудно.

Наконец, что мы совершенно не осведомлены о том, что происходит на Кубани; возможно, что наш расчет на восстание кубанских казаков ошибочен, и нас там встретят как врагов.

Я выразил сомнение, вследствие причин, мною изложенных, в правильности решения итти теперь прямо на Екатеринодар. Я высказал, что лучше всего поступить так, как предлагает сделать походный атаман войска донского, т.-е. пока перейти в район зимовников и в этом районе, прикрываясь с севера р. Доном и находясь в удалении от железной дороги, переформировать нашу армию, исправить и пополнить обоз, переменить конский состав и несколько отдохнуть. Я сказал, что большевики месяца два нам не будут страшны: они не посмеют оторваться от железной дороги. Если же рискнут на какую-нибудь против нас операцию, то будут разбиты. Месяца же через два, с новыми силами, мы, в зависимости от обстановки, которая к тому времени выяснится, примем то или иное решение.

Генерал Алексеев заявил, что решение итти прямо на Екатеринодар является единственно правильным.

Генерал Романовский, соглашаясь с моими замечаниями, сказал, что признавая правильным итти на Екатеринодар, он полагает, что надо учесть и мои указания и, по пути к Екатеринодару, постараться проделать в каком-либо районе все то, на что указываю я.

Генерал Корнилов сказал, что он не может не согласиться с правильностью моих замечаний, но не считает правильным итти в район тех зимовников у р. Дона, на которые указываю я, и объявил, что он решает итти пока с армией в район к западу от ст. Великокняжеской, который так же богат лошадьми, скотом и хлебом, как и район северных зимовников, и что там он приведет армию в порядок и затем, вероятно, пойдет на Екатеринодар.

На этом совещание закончилось, и генерал Алексеев сейчас же ушел, а вслед за ним разошлись и другие.

Я прошел в комнату к ген. Романовскому, который мне сказал, что генерал Корнилов хочет кого-нибудь командировать в

Екатеринодар, дабы подготовить приход добровольческой армии и договориться с кубанским правительством, чтобы в будущем не было никаких недоразумений, но что генерал Корнилов не знает, на ком остановиться; командируемое лицо должно быть в курсе всего дела и достаточно авторитетное.

В тот же вечер, около восьми часов, я вновь пошел к генералу Романовскому, чтобы узнать, нет ли каких-либо интересных или важных донесений.

Генерала Романовского в его кабинете я не застал, и вестовой мне сказал, что он у генерала Корнилова; я пошел в помещение командующего армией.

Войдя в столовую, я невольно остановился: за столом сидели те же лица, кои были на дневном совещании; не было только генерала Попова и полковника Сидорина, уехавших в свой отряд, и генерала Деникина, который, как я потом узнал, был приглашен на заседание, но заболел и прислал сказать, что притти не может.

Увидев меня, генерал Корнилов поднялся, придвинул к столу стул и просил меня сесть. При этом он сказал: «Очень рад, Александр Сергеевич, что вы пришли. Генерал Алексеев попросил нас вновь собраться и обсудить вопрос относительно наших дальнейших планов», и затем, обращаясь к генералу Алексееву, прибавил: «Прошу вас, Михаил Васильевич, начать сначала; я хочу, чтобы генерал Лукомский, выслушал то, что было вами сказано до его прихода».

Генерал Алексеев начал так: «Сегодня днем генерал Лукомский сделал несколько замечаний относительно решения итти на Екатеринодар. Его замечания были приняты к сведению, и командующий армией изменил свое первоначальное решение итти прямо на Екатеринодар. Правильность нового решения, мне кажется, следует, еще проверить, и я просил генерала Корнилова собрать нас снова».

Затем генерал Алексеев вновь указал причины, по которым он считает необходимым итти на Екатеринодар.

Нового он ничего не сказал и не сказал, в чем именно он несогласен со мной.

После этого генерал Корнилов предложил мне ответить генералу Алексееву.

Я сказал, что я не могу прибавить ни одного слова к тому, что было мною сказано днем, и просил бы генерала Алексеева объяснить, в чем же он со мной не согласен.

На этот вопрос я ответа не получил.

После непродолжительных прений генерал Корнилов сказал, что решения принятого днем, он не меняет; но что, ко времени подхода армии к станице Егорлыцкой (решено было итти

первоначально туда, так как были сведения, что там в складах имеются артиллерийские припасы), выяснится, итти ли к ст. Великокняжеской или повернуть на Екатеринодар.

После этого члены совещания разошлись.

Я прошел в комнату Романовского и спросил его, почему я не был приглашен на совещание, на котором должно было разбираться мое заявление, сделанное днем.

Романовский сказал, что произошло простое недоразумение; что он получил записку от генерала Корнилова с перечислением тех, кого надо пригласить, и, что он, не проверив списка приглашенных на заседание лиц, приказал адъютанту сообщить всем о заседании; что, конечно, генерал Корнилов просто ошибся, и что он просит считать его, Романовского, виновником случившегося.

Это мелкое недоразумение все же мне показало, что, после того, как я был в армии начальником штаба, оставаться при ней без всяких определенных занятий будет трудно, и я решил просить о командировании меня в Екатеринодар.

Я попросил генерала Романовского сейчас же пойти к генералу Корнилову и доложить, что я предлагаю свои услуги для переговоров с кубанским правительством.

Романовский пошел и, вернувшись минут через пять, сказал, что генерал Корнилов согласен и просит меня к себе.

Генерал Корнилов долго со мной говорил, давая указания по интересовавшим его вопросам. Затем я прошел к генералу Алексееву и получил указания от него для разговоров с кубанским правительством.

С разрешения генерала Корнилова я предложил генералу Ронжину, бывшему при армии начальником судной части, ехать со мной. Затем поручил коменданту штаба купить для меня подводу и пару лошадей. В качестве подводчика предложил ехать со мной вестовому генерала Эрдели (генерал Эрдели был еще раньше командирован в Екатеринодар) Андрею (фамилию, к сожалению, забыл), которого знал давно и был в нем вполне уверен.

Путешествие было очень рискованное, и я об этом предупредил моих спутников.

14/27 февраля утром, вместе с добровольческой армией, мы переехали в станицу Хомутовскую. Здесь мы окончательно пересмотрели наши вещи, чтобы не оказалось в них чего-либо, указывающего на наше воинское звание; проверили документы, выданные на чужие имена; сговорились, какие давать показания на случай, если в пути нас будут задерживать и опрашивать, и выработали маршрут. Последнее было трудно, ибо, по имевшимся

сведениям, пожар большевизма охватил весь район южной окраины Донской области и северную полосу Кубанской. Мы решили ехать проселочными дорогами, возможно дальше от железной дороги, которая уже полностью была захвачена большевиками.

Около двух часов дня 14/27 февраля я пошел попрощаться с генералом Корниловым, и около 6 часов вечера мы выехали по направлению станицы Кагальницкой.

С.В. ДЕНИСОВ. Начало гражданской войны на Дону [49]

I. Зарождение добровольческой армии

Зародившаяся на тихом Дону в его стольном городе Новочеркасске в конце ноября 1917 года, по мысли генерала Алексеева, военная организация существовала нелегально, скромно, негласно почти около месяца.

27 декабря организация эта стала именоваться добровольческой армией и рядом деклараций заявила о своих задачах и целях.

К этому времени в ее списках числилось около 4.000 человек, а в боевых рядах вряд ли была половина этого числа. В начале января штаб и ее руководители вынуждены были по многим причинам переехать в гор. Ростов. Донское правительство, подыгрываясь под настроение разлагающихся казаков, настаивало на переезде в Ростов, считая это за терпимое пока явление, но дальнейшее пребывание этой организации в Новочеркасске не признавалось возможным. С душевной грустью вынужден был согласиться на это и атаман войска Донского, генерал Каледин.

Кто же и кааким образом пополнял ряды этой героической армии?

Как только загорелся огонек света в Новочеркасске, измученное офицерство потянулось нескончаемой и тайной вереницей со всех городов и мест России, охваченной уже большевизмом.

Дон действительно в те дни являлся единственным местом на святой Руси, где еще был порядок, и где власть была в руках русского человека, всем известного, всеми уважаемого героя войны — атамана генерала Каледина.

Доносились слухи и о том, что там, на Дону, — Алексеев, Корнилов. И тяга на теплый, светлый юг России, тихий Дон, обозначалась уже, яснее, но и в более опасной обстановке: большевики успели расставить рогатки, перехватив все железнодорожные линии, и лишь пешком, по глухим, непроезжим дорогам, темными ночами пробирались мученики-офицеры к этим ярким звездам, немеркнущий свет которых манил к себе не только офицеров, но и всех русских людей, любящих свою родину.

Всем этим русским людям широко открыли двери и гостеприимно встретили их вожди и представители добровольческой армии.

Сам Корнилов не скрывал, что в рядах этой организации имеются и «обломки политического хлама». Это пока не вредило армии, которая, не взирая на свой смешанный состав в

политическом отношении, была единой по своему горячему чувству к родине и по своей цели, считая таковой спасение поруганных и заплеванных России и ее победоносной армии, лучшей армии мира.

В первых числах января месяца добровольческая армия уже проливала кровь в боях к северу от Таганрога, не получая однако помощи от казаков, землю которых она защищала.

Другую железнодорожную магистраль из Москвы на Дон защищал бессмертный донской партизан, есаул Чернецов, с горстью храбрецов, главным образом учащейся молодежи, отбиваясь от изменников — донских казаков в районе ст. Каменская — железнодорожная ст. Лихая.

Казаки в это время, одурманенные угаром большевизма, утомленные военной службой и войной на протяжении, для некоторых из них, семи лет, были в состоянии паралича. В лучшем случае, обезоруженные еще на границе области (при возвращении с фронта) большевистскими отрядами, — расходились по домам в сознании, что без винтовки — не война, а бойня; в худшем случае, видя, что есть случай поживиться и вознаградить себя за годы лишения военной жизни и войны, — бросались на разбой вместе с советскими комиссарами.

II. Последние дни атамана Каледина. Роковой выстрел

Уже к 26 января политическая и военная обстановка ясно указывала и войсковому атаману и руководителям добровольческой армии, что наступают дни, когда надо подумать о новых планах и немедленно их приводить в исполнение.

Приводимое ниже последнее по времени воззвание атамана ген. Каледина к казакам с исчерпывающей полнотой рисует ту безотрадную картину, которая раскрылась и перед властью и перед обывателем в средних числах января месяца.

«Граждане казаки!

Среди постигшей Дон разрухи, грозящей гибелью казачеству, я, ваш войсковой атаман, обращаюсь к вам с призывом, быть может, последним.

Вам должно быть известно, что на Дон идут войска из красноармейцев, наемных солдат, латышей и пленных немцев, направляемые правительством Ленина и Троцкого. Войска их подвигаются к Таганрогу, где подняли мятеж рабочие, руководимые большевиками. Такие же части противника угрожают станице Каменской и станциям Зверево и Лихой. Железная дорога от Глубокой до Чертково в руках большевиков.

Наши казачьи полки, расположенные в Донецком округе, подняли мятеж и, в союзе с вторгнувшимися в Донецкий округ бандами красной гвардии и солдатами, сделали нападение на отряд полковника Чернецова, направленный против красноармейцев, и частью его уничтожили, после чего большинство полков, участников этого гнусного и подлого дела, рассеялись по хуторам, бросив свою артиллерию и разграбив полковые денежные суммы, лошадей и имущество.

В Усть-Медведицком округе вернувшиеся с фронта полки, в союзе с бандой красноармейцев из Царицына, произвели полный разгром на линии железной дороги Царицын-Себряково, прекратив всякую возможность снабжения хлебом и продовольствием Хоперского и Усть-Медведицкого округов.

В слободе Михайловке при станции Себряково произвели избиение офицеров и администрации, при чем погибло, по слухам, до 80 одних офицеров. Развал строевых частей достиг последнего предела, и, например, в некоторых полках Донецкого округа удостоверены факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение. Большинство из остатков уцелевших полевых частей отказываются выполнять

боевые приказы по защите Донского края.

В таких обстоятельствах, до завершения начатого переформирования полков, с уменьшением их числа и оставлением на службе только четырех младших возрастов, войсковое правительство, в силу необходимости, выполняя свой долг перед родным краем, принуждено было прибегнуть к формированию добровольческих казачьих частей и, кроме того, принять предложение и других частей нашей области, главным образом, учащейся молодежи, для образования партизанских отрядов.

Усилиями этих последних частей и, главным образом, доблестной молодежи, беззаветно отдающей свою жизнь в борьбе с анархией и бандами большевиков, и поддерживается в настоящее время защита Дона, а также порядок в городах и на железных дорогах части области. Ростов прикрывается частями особой добровольческой организации.

Поставленная себе войсковым правительством задача — довести управление областью до созыва и работы ближайшего (4 февраля) Войскового круга и съезда неказачьего населения — выполняется указанными силами, но их — незначительное число, и положение станет чрезвычайно опасным, если казаки не придут немедленно в состав добровольческих частей, формируемых войсковым правительством.

Время не ждет, опасность близка, и если вам, казакам, дорога самостоятельность вашего управления и устройства, если вы не желаете видеть Новочеркасск в руках пришлых банд большевиков и их казачьих приспешников, изменников долгу перед Доном, то спешите на поддержку войсковому правительству, посылайте казаков-добровольцев в отряды.

В этом призыве у меня нет личных целей, ибо для меня атаманство — тяжкий долг. Я остаюсь на посту по глубокому убеждению в необходимости сдать пост, при настоящих обстоятельствах, только перед кругом.

Войсковой атаман *Каледин*».

28 января 1918 года.

К утру 29 января генерал Корнилов сообщил генералу Каледину о том, что добровольческая армия, не получая обещанной помощи, истекает кровью и вынуждена будет покинуть Донскую область.

Донская власть, обсудив это известие, с грустью убедилась, что дать добровольческой армии обещанную помощь она действительно не может, так как казаки на все воззвания атамана остаются спокойными и не спешат брать оружие на защиту

родного края.

Нескончаемая болтовня безответственных членов донского правительства подсказывала атаману безысходность положения и надвигающийся позор на донское казачество.

Вопреки своему заверению, возвещенному в приведенном только что воззвании, атаман Каледин 29 января слагает свои полномочия и в $2^1/_2$ часа дня роковым выстрелом кончает расчеты с земной жизнью.

Чтобы по достоинству оценить донское правительство того времени, достаточно указать факты:

1. Конструкция правительства была изумительная: выборный атаман царствовал, но не управлял; выборный помощник его и не царствовал и не управлял; четырнадцать выборных правителей разбирали портфели после того, когда были уже выбраны, не зная, для какой именно роли и работы они выбирались. Правители выбирались от округов, независимо от того, имел ли округ достойного человека, и конечно, с подобающими случайностями. В этакой компании атаман только председательствовал. Помощник его блистал красноречием. Дела должны были решаться миром, а, значит, стояли без движения. Личной ответственности ни у кого не было. Органов исполнительной власти не существовало. Жизнь в области шла независимо от разговоров и резолюций правительства, направляясь на местах случайными деятелями.

2. Это мудрое правительство 10 января опубликовало широкую амнистию большевикам, т.-е. в то время, когда с большевиками шла уже открытая борьба, и когда добровольческая армия и донская молодежь проливали свою кровь в борьбе с этой нечистью.

3. Еще позже это же правительство 27 января требовало снятия военного положения в Ростове.

4. В составе этого правительства находились члены (в числе семи) из того знаменитого крестьянского съезда, который требовал разоружения Добровольческой армии и партизанских отрядов после имевшего место восстания большевиков, кончившегося усмирением Ростова, — из того съезда, который осуждал давно донскую власть за то, что Новочеркасск сделали центром буржуазии и контр-революционеров, белопогонников[50].

5. В составе этого правительства находились некоторые из тех членов, которые доказывали еще в ноябре 1917 г., что Каледину нельзя оставаться атаманом, ибо его имя «одиозно», и уход его спасет создавшееся на Дону положение.

6. Наконец, это — те правители, которые рады были случаю выдать Каледина и требовали ареста его по повелению

Керенского, обвинявшего атамана в измене завоеваниям великой революции[51].

Даже и этих фактов достаточно, чтобы от души пожалеть и атамана Каледина и Дон, у которого было в столь тяжелое время такое мудрое правительство.

29 января на должность атамана был избран Новочеркасской станицей генерал Назаров, до сего бывший походным атаманом.

4 февраля круг утвердил его атаманом. Генерал Назаров принял власть, но потребовал мобилизации.

— Я исполняю свой долг перед казачеством, но и вы должны выполнить свой долг — предоставить атаману реальные силы для выполнения долга по защите Дона, — сказал ген. Назаров в ответ кругу на его настойчивые, пятикратные требования принять атаманскую власть.

Однако после бегства правительства, не оформленного даже письменным актом, аппарата власти и каких бы то ни было исполнительных органов не существовало. Атаман был одинок. Обстановка складывалась жутко, а в особенности, когда последняя надежда атамана рухнула, — это, когда и 6-й Донской казачий полк, только что прибывший с фронта (8 февраля) походом, в полном порядке и с оружием, разошелся по домам.

Обстановка подсказывала скорую сдачу Новочеркасска, ибо фронта уже не существовало, и старшие начальники прибыли, чтобы доложить о тревожных, печальных днях на фронте. Добровольческая армия покинула Ростов 9 февраля. 12 февраля Новочеркасск был оставлен донскими казаками.

Под начальством походного атамана ген. Попова группа вооруженных донских офицеров, партизанов и беженцев, мужчин, женщин и детей, в общем количестве около 1.500 человек при 5 орудиях и 40 пулеметах, спешно покинула гор. Новочеркасск и направилась на станицу Старочеркасскую, а затем в Задонские степи, без определенного плана, задачи, базы, — с единственной и ясной целью спастись в привольных широких степях Задонья от надвигающейся опасности. Последующее двухмесячное скитание именуется «Степным походом». Военный историк даст ему и вождям его должную цену, ибо это не входит в мою задачу.

Факты постепенного затем распыления отряда походного атамана, а затем и приказ о распылении 1 апреля, уже показывают, в какую обстановку завели отряд руководители, и что могли принести сохранившиеся участники, возвратившись на Дон.

Напрасно статьями по заказу в журнале специального лагеря «Донская Волна» в свое время воспевали этот, быть может, и тяжкий поход, но во всяком случае не «героический поход группы

донских патриотов», как его именуют в очерке политической истории всевеликого войска Донского.

Весьма знаменательно то, что оставление Новочеркасска 12 февраля произошло настолько внезапно, что видные штабные работники войскового штаба и штаба походного только утром 13-го, придя на очередные занятия в штабы, увидели пустые комнаты, груды сожженного мусора и вороха бумаг, которые им же пришлось дожигать.

Между тем, еще 12 февраля отряд партизан под Персияновкой делал свое святое дело, защищая столицу и узнал об оставлении Новочеркасска лишь тогда, когда ему пришлось боем пробивать себе дорогу в столицу, занятую уже противником — Голубовым.

Около 3.000 честных генералов, офицеров, знавших о предстоящем выходе партизан из Новочеркасска, ожидали приказа об этом, но такового не получили и брошены были в столице на произвол судьбы, на поругание и смерть[52].

Золотой денежный запас, в силу довольно темных обстоятельств, считался оставленным в Новочеркасске, очевидно, для обогащения врага.

Наконец, если бы совершался обдуманный и организованный поход, а не бегство, то, быть может, и войсковой атаман признал бы возможным тоже выступить, а не оставаться в Новочеркасске без вооруженной силы, среди врагов, на явную и скорую гибель.

Все эти догадки откроет перед нами беспристрастный военный историк, который будет иметь в своих руках непреложные документы.

Но печальный факт совершился: столица края брошена, не имея для защиты оставшейся власти вооруженной силы. Войсковой атаман в «Степной поход» пойти не пожелал.

III. Красный Дон

Потянулись скорбные, позорные дни Дона.

12 февраля, в 4 часа дня, войсковой круг, после горячей молитвы в соборе о ниспослании спасения граду и казачеству от надвигающейся опасности, возвратился в зал заседаний для продолжения бесплодных разговоров.

Около 6 час. веч. в зал заседаний круга ворвался Голубов со своей «ватагой» и дерзким окриком поднял на ноги весь круг.

Неописуемая и бесстыдная картина представилась мужественному атаману ген. Назарову и стойким членам круга, не убоявшимся дикой расправы и обид. На их глазах малодушные представители круга быстро, пользуясь суматохой, скрылись из зала, переоделись и растворились в пьяной толпе черни, сопровождающей современного «Пугачева».

Но кто был Голубов, и что совершил он?

Донской казак, бывший питомец Донского кадетского корпуса и Михайловского артиллерийского училища, он молодым офицером донской артиллерии рано бросил военную службу и возвратился на таковую лишь в дни войны.

Авантюрист в чистом виде, храбрый, даже отчаянный, пьяный, разнузданный, совершенно беспринципный, душевно неопрятный, он прикоснулся к яду социальных учений в период своего дополнительного образования в зрелом возрасте в училище шкиперов. Дальше мы видим Голубова студентом Томского университета, но во главе студентов не «революционного крыла». Это — тот самый Голубов, который избил в те дни редактора местной томской газеты за неодобрительное отношение к делам, где был замешан и Голубов.

Дослужившись в конечном результате до штаб-офицерского чина, он с первых же дней «великой бескровной Российской революции» определил себя в атаманы войска Донского и с этой мыслью уже не расставался.

Гнусное поведение Голубова в 1917 году вынудило даже атамана Каледина арестовать его в ноябре месяце, дабы положить предел его пагубной деятельности, но штатские помощники и правители атамана выпустили этого, бесчестного господина на честное слово офицера, не признав необходимым ограничить ему хотя бы свободу передвижения.

Между тем Голубов понимал, что путь к трону в годину лихолетья прокладывает только вооруженная сила, и потому он приступил к набору верной себе дивизии из 2-го, 10-го, 27-го и 44-го Донских казачьих полков.

Правительство знало об этом, но продолжало смотреть, как и на все, добрыми, ласковыми глазами.

Замечательно то, что Голубов правильно учел, какие именно ему надо было взять кадры, дабы без промаха осуществить свои гнусные цели. Он взял звено 10-го Донского казачьего полка, и вот почему: по бытовым условиям местной жизни станицы, пополнявшие этот полк (Гундоровская, Луганская, Митякинская, Калитвенская, Усть-Белокалитвенская и др.), окружены крестьянским населением Дона и рабочим элементом Донецкого района, находящегося в непосредственной связи с серьезным, старым революционным гнездом рабочих Луганска. Казакам этих станиц хорошо, с раннего их детства, знакомы вожделения рабочих, но казакам была не по сердцу и не мила жизнь шахтера и мастерового, и они, живя среди этого чуждого им люда, не поддавались все же их влиянию и сохранили твердо и полностью тип донского казака-воина.

10-й полк и полки его звена (27-й и 44-й) с первых дней войны завоевали себе особую славу среди прочих полков Донского войска. В дни революции полки эти не знали партийности, и у них не имело места отдельных отложений среди офицеров и казаков. Все думали и делали одинаково. Полки эти были крепки до последнего дня и перешли на сторону советского режима вместе со своими офицерами в полном своем составе.

Все это учел Голубов и не ошибся.

К моменту полной растерянности войсковой власти и за день до исчезновения отряда походного атамана из гор. Новочеркасска, т.-е. 11 февраля, Голубов со своей дивизией находился уже в трех верстах от Новочеркасска в станице Кривянской, ожидая возможности добраться до сладкого пирога, каковым считал он власть и добычу в столице Дона.

В это же время в 12 верстах к северу от Новочеркасска грохотали пушки: то честные патриоты отбивались, как я уже сказал выше, от изменников — донских казаков — и их вдохновителей — большевиков (Александровск-Грушевского и Сулинского районов) у Персияновки.

В 5 часов вечера 12 февраля столица Дона была во власти Голубова.

В 6 часов вечера он ворвался в сопровождении полусотни казаков в помещение, где заседал круг.

Круг был разогнан.

Голубов торжествовал, и его счастью вторило «ура» пьяной черни, которая уже хозяйничала в городе.

Жизнь в столице замерла.

Все уходило глубже и глубже в свои норы, и даже животные

чувствовали какую-то тревогу.

Административная безответственная власть в городе была в руках каторжанина и убийцы Медведева, опирающегося на «совдеп», в состав коего входили истинно-русские люди — Френкели, Зиссерманы.

На правах командующего войсками был лейб-казак, вахмистр, а впоследствии хорунжий Смирнов.

Вскоре всесильным стал урядник л. — гв. 6-й Донской батареи Подтелков, давно и упорно подбиравшийся к власти еще с лета 1917 года. Он очутился во главе Областного военно-революционного комитета Донской Советской Республики Федеративной Социалистической России.

Углубляя энергично революцию, эти лица возбудили ревность со стороны Голубова, роль которого стушевалась.

Тогда он замышляет новый план.

Он предлагает свои услуги для поимки бывшего помощника атамана М.П. Богаевского, направившегося в Задонские степи поднимать якобы контр-революцию.

Эти планы были одобрены. Голубову это было на-руку, так как он мог и дело сделать — себе проложить дорогу и, разнюхав истинное настроение казаков, набрать себе новую «ватагу».

В конце марта Голубов поймал Богаевского и доставил его в Новочеркасск.

В здании Кадетского корпуса Богаевский сказал свою «лебединую песню»[53].

Здесь и Голубов пел уже другую песню, как результат того впечатления, которое он вынес, побывав в медвежьих углах области.

Игра Голубова не понравилась ростовским советским представителям. Их пугало также все усиливающееся влияние Подтелкова и Смирнова, и они стали опасаться «казачьей ориентации».

Областной Съезд Советов, съехавшийся в эти дни в Ростове, решил ослабить террором эти опасные для них факторы, в особенности после того, когда эти лица не пожелали явиться перед их очи для доклада о положении вещей.

27 марта из Ростова был направлен карательный отряд во главе с донским казаком Антоновым — донским главковерхом.

Вновь картины советского режима повторились для Новочеркасска, и жизнь еще больше была сдавлена во всех ее проявлениях[54].

IV. Донские казаки пробуждаются

Нет нужды доказывать, что начальство в «Степном походе» чувствовало себя прекрасно: переезды на отличных очередных тройках, ночлег у гостеприимных поневоле коннозаводчиков или их управляющих, с полными удобствами, даже комфортом, с сытными ужинами, обедами и завтраками, с напитками и музыкой — совсем напоминали бы маневры доброго старого времени в хороших условиях, если бы не боевая обстановка[55].

Зато никаких радостей не видали офицеры, оставшиеся среди большевиков. Они искали утешения, веря в совесть, разум и сердце казачьи.

Уже к концу марта месяца почти в каждой станице появились эти верующие — будущие руководители тайно готовящихся восстаний донских казаков.

Между ними шли тайные соглашения.

По мере того как ширилась сеть этих самородных и самобытных агентов, как укреплялась и разрасталась сила этой организации, — стали образовываться районы и даже округа, обороны для предстоящей борьбы с красной нечистью.

Власть большевиков на территории Дона в эти дни носила характер определенной незаконченности и даже робости.

Можно было думать, что комиссары или чего-то опасались или еще не доехали до удаленных от города и железных дорог станиц и хуторов Дона.

Это особенно ясно было видно в районах, прилегающих к Дону, который являлся естественной гранью между влиянием большевиков, надвигающихся с севера области, и влиянием большевиков, идущих по домам с бывшего кавказского фронта.

Дни предстоящей весны и разлива Дона как бы пугали комиссаров, и они боялись выбрасывать свои солдатские отряды в пункты, удаленные от центров и могущие быть разобщенными самой природой.

Только этим и можно было объяснить, что даже в крупных пунктах (ст. Константиновская, Раздорская) и в пунктах, близко отстоящих от Новочеркасска (ст. Богаевская, Манычская), находились, правда, весьма скромно проживая, известные казакам генералы (ген. Краснов, Черячукин, Попов и др.).

Об этом знали казаки и знала станичная власть, но репрессий над ними не производила. Вообще же массовые убийства офицеров по станицам Дона (за редким исключением) места не имели.

Казачья власть на местах в это время почти не подверглась

изменению по своему существу.

Выборные станичные атаманы (за немногими исключениями) остались на своих местах. Прибавился станичный комитет (Совет), в составе которого можно было видеть даже и офицеров.

Советы обороны были главным образом в руках у офицеров.

Такой аппарат власти на местах пока, по видимому, удовлетворял Советские круги, но он, конечно, еще более удовлетворял тех будущих руководителей, которые подготовляли восстания казаков.

Словом, казаки ждали и искали руководителей; лица, чувствующие в себе силы быть руководителями прозревающих казаков, — искали сами себе работу, не выявляя своего лица.

Уже 21 марта поднялась Суворовская станица. Казаки, главным образом старики, возмущенные до глубины души издевательствами красных банд, бросились на них с вилами и топорами, обезоружили насильников и прикончили их.

Получив поддержку от соседних станиц, суворовцы двинулись против главных очагов большевизма, захватили станцию Чир и подогрели своим примером казаков 2-го Донского округа, где поднялось всеобщее восстание. под водительством полковника Мамонтова, известного впоследствии генерала.

Успехи казаков 2-го Донского округа окрылили и соседний 1-й Донской округ, и там загорелся пожар восстания, — в станицах и юртах правого берега Дона.

Одновременно с этими восстаниями и на далеком севере Войска, среди темной ночи и, казалось, беспробудного царства тьмы большевизма, вспыхнул, как зарница, и погас подвиг прапорщика Дудакова, который с горстью храбрецов учащейся молодежи 1 апреля дерзким налетом захватил окружную станицу Урюпинскую. Не будучи поддержаны казаками, они принуждены были оставить ее.

В эти же дни и на западной границе Донской земли, а именно, в Луганском районе, казаки при помощи немцев свергли комиссаров. Установив с немцами меновую торговлю донского хлеба на немецкое оружие, казаки упрочили свое положение.

К этому времени и на крайнем юге Донского войска, в районах станиц Егорлыцкой, Кагальницкой и Мечетинской, обнаружилось пламя казачьих восстаний. Сперва отдельными районами, а затем целым округом, эти станицы выступили в открытый неравный бой с большевиками.

Наконец, около самой столицы Дона, т.-е. в непосредственной близости от центрального аппарата «красной власти», а именно в станице Кривянской, поднялось также восстание. Казаки этой станицы, поддержанные соседними станицами (Заплавской,

Бессергеневской, Раздорской), под предводительством В.Ст. Фетисова 1 апреля на заре ворвались в город, имея своим оружием вилы, грабли, топоры и пр. инструменты домашнего хозяйства. Жены, матери и дочери, старцы и мальчики, — все вышли на борьбу с комиссарами…

Это неожиданное для обеих сторон нападение, мало продуманное и совершенно неподготовленное, не могло сулить серьезных результатов. Но самый факт успеха окрылил всех.

Снова из своих нор выползли бывшие при атамане Каледине члены правительства, их близкая и дальняя родня и прочие деятели, сгубившие однажды и Дон и его двух атаманов.

Совет обороны, сформировавшийся из этих, казалось, вполне «конченных» уже людей, метался в панике и смятении. Правильно организованной военной власти не существовало. Никто и ничего не знал: где войска, какие, где фронт, где средства для борьбы, кто начальство и т. д. Доверчивого обывателя и послушного воина-казака мазали по губам старыми сказками о том, что походный атаман не за горами, а с ним и сильные партизанские отряды Семилетова.

Обывателя обманывали слухами, что Ростов якобы занят добровольческой армией, которая в это время на самом деле была в районе гор. Екатеринодара.

В таком положении долго оставаться было невозможно, и вот через три дня, наконец, Временное Правительство Дона назначило командующего донской армией[56] (на самом деле еще не существующей), поручив ему полную военную власть.

В этот же день, утром 4 апреля, был назначен и начальник штаба донской армии[57].

Но враг не дремал. Его верные агенты донесли ему о том хаосе в столице Дона, какой имел место 1, 2 и 3 апреля.

С утра 4-го город Новочеркасск вновь увидел цепи противника и услышал гул его орудий…

То шел отряд для подавления контр-революции…

С 10 час. утра окраины города начали уже обстреливаться артиллерией противника, и в городе начиналась неописуемая паника.

Пришлось отходить казачьему отряду на станицу Кривянскую.

К 8 часам вечера эта группа последних защитников, в количестве 250–300 человек и состоявшая главным образом из офицеров, благополучно и своевременно переправилась через р. Тузлов и устроилась на позиции вдоль западной окраины Кривянской станицы с приказанием стоять крепко и ожидать смены.

V. Восстание низовых станиц Дона. Заплавское сидение. Зарождение донской армии. Жуткие дни

Постигшая столицу Дона и ее последних защитников неудача 4 апреля не печалила сердце донского казака, так как все же общая обстановка предстоящей борьбы на юге России начинала складываться весьма благоприятно.

Уже с 21 марта, как было сказано выше, начали подниматься казаки и сбрасывать с себя красные тряпки, и к настоящему дню таких новых очагов восстания было шесть. Искры этих пожаров далеко и быстро разносились, и скоро вся Донская земля всполошилась.

Новое донское военное командование отлично понимало это, равно как и уяснило себе свою роль: надо было быстро собрать измученных казаков, еще быстрее надо было объединить всех разъединенных защитников Дона, немедленно приступить к правильной и серьезной организации вооруженных сил и к формированию прочной и только «казачьей армии».

Легко это сказать, еще легче подумать это, но каково все это и с кем выполнить?

Все было расхлябано, все было загажено, опошлено, исковеркано и если не совершенно, то все же достаточно основательно и глубоко.

Генерал забыл свое старшинство и право своего авторитета. Офицеры не отказывались от службы, но начальниками быть не хотели, а многие и не могли. Они охотно шли в цепь, рядовыми стрелками. Урядники, в лучшем случае вахмистры, являлись на ролях начальников.

О погонах и иных военных отличиях думать не приходилось.

О чинопочитании надо было временно забыть. Слова «приказываю», «наказываю», «ваше благородие», «ваше превосходительство» надлежало временно исключить из обихода военной жизни.

Вот в каких необычайных условиях новой донской военной власти пришлось начинать дело.

Предстояло избрать район для сбора отходящих по всем направлениям казаков и партизан; надо было придумать приманку и меры к задержанию казаков, отходящих на широком фронте.

Долго думать не приходилось: местные условия и топография района вынуждали остановиться в окрестностях ст. ст.

Заплавской, Кривянской, Бессергеневской, с открытой, степного характера, позицией по курганам, что в 2 верстах к западу от Заплавской станицы, с весьма выдвинутой вперед и на фланг авангардной позицией у Кривянской станицы. Кривянскую станицу надо было удерживать, ибо Кривянский полк этого заслуживал, и он сам в течение всего времени нес эту чрезвычайно трудную службу, не пропуская свою очередь службы и на главной позиции.

VI. Заплавское сидение. — Одинокие

Незаметно, деликатно для казака через три дня многое уже изменилось.

Были сформированы части, произведены и поверены строевые расчеты. Отсортированы офицеры и казаки.

Волей старшего начальника были назначены начальствующие лица.

Отброшено было в сторону выборное начало. Слово «приказываю» вошло в обиход военной жизни. Привились меры наказания. Стали слышны слова «ваше благородие» и пр. термины военного лексикона.

Все это сопутствовалось и боевыми успехами. Назойливый и дерзкий враг с первого же дня, т.-е. с 5 апреля, не давал покоя измученным казакам и, главным образом, кривянцам. Он побаивался выходить в открытое поле и предпочитал налетами беспокоить Кривянскую станицу, находящуюся под артиллерийским огнем батарей противника ближнего боя, маскированно установленных в городе. Противник не ожидал, что казаки будут держать в авангарде, выдвинутом на 12 верст от позиции, батарею, и жестоко за это поплатился.

8-го числа Титовский полк, зарвавшийся в Кривянку, углубился в наше расположение и потерпел жестокое поражение, потерявши около сотни человек, а главное, — своего любимого и влиятельного командира.

Враг попробовал воевать языком и 9-го снаряжает агитационный поезд на автомобилях.

По оплошности казаки пропустили главу делегации через позицию и доставили по начальству.

Разговор был короток. «Бесчестному донскому казаку, изменнику, служителю сатаны — собачья смерть», — говорили казаки.

Выспросив у этого Иуды, казака Лагутина (фельдшера), кое-что, заведующий политическим делом, преданный долгу службы генерал поступил по закону, не пытаясь в своей, хотя и доброй, но стойкой душе искать ему оправдания. Лагутина командующий армией приказал повесить. И какое могло быть оправдание или милосердие таким казакам!.. Живо встает перед глазами ужасная бытовая картина, но обыкновенная картина войны, — это когда у приказной избы, у станичного дома Заплавской станицы, казачки своими руками, не допуская своих мужей, расправляются с пленными, доставленными с позиции, терзают и разрывают их живьем на части.

Сопротивление этому и противодействие со стороны власти были бы совершенно излишними и даже вредными.

Приходилось за пределами станицы производить обычные допросы, ибо в станице пленному красноармейцу, а тем более казаку, пощады от самосуда уже не было.

Между тем заплавское сидение начинало надоедать некоторым казакам.

Им не нравилось видимое превосходство в силах и в средствах борьбы противника, и простая житейская логика стала убеждать малодушных в бесполезности защиты.

В это время про добровольческую армию доходили только печальные слухи: ген. Корнилов якобы уже убит, а остатки армии сдались на Кубани.

Мрачные слухи пока неслись и о походном атамане: говорили, что весь его отряд распылился, а сам атаман пленен. Отчасти к подобного рода слухам были и основания.

Таким образом в сознании многих казаков слагается ряд новых доказательств и доводов о бесцельности дальнейшей борьбы, о нашем еще долгом и печальном одиночестве. Замутились души казачьи, а в особенности, когда богаевцы и мелиховцы, т.-е. казаки тыловых станиц, отказались помогать хлебом, а затем отказались выполнить и боевой приказ.

С упреком и укором приходили к начальству казаки и заявляли, что ждать больше некого и нечего, пора расходиться по квартирам, а начальство — отправить в Александровск — Грушевский для заключения мира и как выкуп казачьей свободы.

Наконец, 9-го получены были достоверные сведения, что походный атаман жив, отряд его цел и подошел к Дону в районе ст. Нижне-Курмоярской, грузится на пароходы и следует вниз по Дону, в расчете прибыть 9-го к вечеру в Константиновскую станицу, а 10-го — в Раздорскую.

Одновременно прибыл в Заплавы офицерский разъезд, в составе которого был донской есаул Чеботарев, и сообщил, что добровольческая армия приближается к границам Дона. От них узнали, что ген. Корнилов действительно убит, но что армия жива и имеет достойных руководителей.

Конечно, все эти сведения, а в особенности последние два — о подходе походного атамана и добровольческой армии, внесли полное успокоение и надежду на недалекое светлое будущее.

Кстати сказать, к этому времени и организация донской армии была закончена. Численность армии доходила до 6 тысяч бойцов.

Не хватало все-таки патронов, снарядов, технических средств, а главное лошадей. Отсутствие лошадей вынуждало иногда на

руках подавать орудия и передвигать их вручную на лямках.

Не та обстановка оказалась в отряде походного атамана, какую надеялись видеть казаки.

VII. Заплавское сидение. — Возвращение походного атамана

Его отряд, как потом выяснилось, уменьшился незначительно, но он был беден средствами войны. Повозок пустых, зарядных ящиков было много, да и старых ветеранов было больше, чем хотелось.

10 апреля навстречу приближающемуся походному атаману была отправлена депутация, состоящая из председателя и одного члена Временного Правительства и представителя штаба, для приветствия и для доклада политической и военной обстановки.

Сухо, с нескрываемой усмешкой, встретила эту делегацию прибывшая в ст. Константиновскую новая власть.

Выслушав и хорошие вести, надежды и чаяния казаков и прегрешения отдельных лиц, частей и станиц за эти дни тяжелого заплавского сидения, когда казаки были «одиноки», походный атаман видимо был разочарован неустойчивостью положения «на местах».

Прибытие походного атамана внесло большие перемены по внешности. Донская власть и армия были реорганизованы. Вся власть полностью, и военная и гражданская, перешла в руки походного атамана. Правительство было свободно. Зародившаяся в Заплавах донская армия была переименована в «Южную группу». Прибывшие с походным атаманом части составили «Северную группу». Части казаков восставших станиц Задонья были объединены и образовали «Задонскую группу». Все три группы составили теперь донскую армию, подчиненную походному атаману и его штабу.

Командующий донской армией, назначенный 4 апреля в Новочеркасске правительством, автоматически устранялся. Начальник штаба донской армии, тогда же назначенный, был теперь назначен, не без влияния понудительных причин, — командующим Южной группой.

Должный почет и встреча были оказаны сперва в станице Бессергеневской, а затем и в Заплавской войсками Южной группы своему походному атаману, а ныне командующему донской армией, той армией, которая раскинулась уже на сотню верст и насчитывала десятки тысяч бойцов, освобождающих юг донского войска от большевистского засилья.

[Теперь борьба с большевиками началась, уже под руководством походного атамана, атаками на Александровск-Грушевский. Атаки эти были неудачны. В результате среди казаков снова началось разложение.]

После одной из неудачных атак части из состава Южной

группы (Новочеркасский полк), начавши удачный бой под Александровск-Грушевским и не поддержанные, вопреки диспозиции, войсками Северной группы, прекратили бой и отошли на Заплавы без разрешения.

Части Раздорского полка дрогнули и отошли на Заплавы, а не в свой район — Северной группы, в состав коей он входил. Мелиховцы бросили позицию и не только отошли сами, но привели в свою станицу большевиков-фуражиров.

[Карьеризм и соперничество в среде командного состава приводили к постоянным трениям. А разложение среди рядового казачества нежелание воевать с большевиками все усиливались. Любопытен в этом отношении рапорт командующего Южной группой (т.-е. автора книги — Денисова) походному атаману от 16 апреля 1918 г., из Заплавской]:

— «Докладываю, что вверенная мне группа стала совершенно небоеспособна. Лучший полк, Новочеркасский, с тремя сотнями конницы, отвлечен для боевых действий у Ягодина. Богаевский полк самовольно покинул район боевых действий и направился в свою станицу. За полным отсутствием свободной вооруженной силы (ввиду того, что отряд сегодня ведет бой), остановить Богаевский полк от побега нет возможности. — Штаб богаевской обороны мною извещен об этом гнусном обстоятельстве. — Кривянский полк утомлен бессменной службой в течение трех суток. Бессергеневский и Заплавский полки в периоде начала разложения. Конница (оставшаяся) совершенно неспособна по своей трусости к боевой службе. Никаких героических мер принять нельзя, так как надежной войсковой части не имею. — Должность моя сводится к должности комиссара. Докладываю, что в таком состоянии отряд неспособен защитить даже собственные хаты. Недоверие к начальству всех степеней вновь налицо. Картина вполне безотрадная, и требуются новые части, — которые и могли бы послужить примером повиновения и долга».

Повторные неудачи на фронте Северной группы у Александровск-Грушевского нервили штаб походного атамана, и, конечно, он не желал оставлять парохода и переходить на сушу, а тем более переезжать в район Заплав.

Пароход держали действительно под парами, и эта нервозность передавалась сперва шутя, а затем и серьезно в войска и Даже в далекий авангард армии — в Заплавы.

Когда же 16-го числа мелиховцы-изменники передали свою станицу большевикам, то определенно и утвердительно были отданы распоряжения о подготовке парохода, на котором жил штаб походного атамана, к перемещению, и только непорядки в ст. Семикаракорской, что севернее ст. Раздорской, и в непосредственном тылу доказали бесполезность этой затеи, ибо все равно единственный путь пароходу был бунтовщиками

прегражден. Все чины штаба, живущие на суше, уложили свои чемоданы и перебрались в каюты парохода.

Для усмирения непокорных станиц в тылу штаба походного атамана были снаряжены карательные экспедиции. Нужны были крепкие люди, и опять призвали известного читателю генерала (Смирнова), который безропотно, толково, быстро и умело усмирил непокорных, не проявляя излишней, ненужной жестокости и сберегая казачью кровь.

Мелиховская станица была 16-го числа занята большевиками, не с боя, а при любезном содействии изменников-казаков, которые бросили фронт и привели с собой, в знак полной покорности и дружбы, отряд большевиков в 100 человек за провиантом и фуражем. Там не было гарнизона, и возможность захвата большевиками станицы обратилась теперь в печальный факт. Карательный отряд из заплавской группы настиг хвост большевистского обоза, уходящего из станицы Мелиховской к себе, в Ал. — Грушевский, отбил часть повозок с добычей, которые вместе с двенадцатью казаками-хлебосолами, мелиховцами, были 17-го доставлены в Заплавы.

Помимо ст. Мелиховской и Богаевской, о которых было сказано в своем месте, еще и другие станицы начинали шалить и проявлять явное неповиновение. Настойчивость начальства вызывала вспышки, и походному атаману приходилось посылать отряды для усмирения и даже снаряжать повторные карательные экспедиции.

Так, с 14-го по 22-е включительно разъезжал вооруженный пароход по непокорным станицам: 18-го и 19-го — в Семикаракорской, т.-е. в непосредственной близости штаба походного атамана, в тылу у него.

Несколько раньше приходилось разоружать пришедшие дружины Кочетовской станицы, 21-го усмирять Мелиховскую, 22-го — Богаевскую[58].

VIII. Взятие Новочеркасска. — Избрание Краснова донским атаманом

[Все же в 20-х числах апреля казаки оказались в состоянии предпринять атаку на Новочеркасск. В ночь на 23-е началась внезапная атака на город по плану, разработанному Южной группой, и к 6 час. утра Новочеркасск был уже в руках белых.]

Желанное свершилось!.. Столица Дона избавлена от комиссаров и очищена от красногвардейских банд.

Тяжелая работа выпала на долю военного начальства, которому пришлось налаживать и мирную жизнь в городе, и оберегать его от новых ужасов, от новых возможных нападений со стороны советских войск, во много раз превосходивших своею численностью казаков.

Трудно было власти… Миловать не приходилось… Каждое распоряжение несло если не наказание, то предупреждение о нем… Лиц, уличенных в сотрудничестве большевикам, надо было без всякого милосердия истреблять.

Временно надо было исповедывать правило: «лучше наказать десять невиновных, нежели оправдать одного виновного».

Только твердость и жестокость могли дать необходимые и скорые результаты.

Походный атаман отошел от этих «грязных» дел.

Стоять у власти при таких условиях мог лишь тот, кто привык не задумываться над могущими быть последствиями, и тот, кто твердо верил в казачью победу и кто мог быть «жестоким».

В роли временного «диктатора» очутился командующий Южной группой, и вся работа по оперативным и иным делам взвалилась на плечи его штаба.

Целый день 23-го, до глубокой ночи, в городе было тревожно: серьезные и крепко свитые гнезда большевиков в зданиях Епархиального училища и Политехнического института трудно было одолеть казакам, не проявляя жестокости, каковую они, по свойственному им душевному укладу, применять пока не желали. Пришлось вмешаться начальству и приказать истребить эти партии. Только после этого и после тщательного осмотра Краснокутской рощи и прилегающих к ней кладбища и Ботанического сада население столицы получило давно заслуженный покой, а войска — передышку.

Утомление казаков было чрезмерное после высокого душевного подъема, после бессонной ночи и непомерной физической работы.

Силы казаков временно уменьшились: два полка, наилучшие по составу и наибольшие по численности, с мужественными

командирами, временно не могли быть использованы для очередной работы.

Один из них — Новочеркасский полк — краса и гордость Южной группы, командир которого вынужден был уступить казакам, выполнившим блестяще свою задачу, разрешил им навестить свои родные очаги.

Другой полк, не менее доблестный, Кривянский, с мужественным командиром полковником Зубовым, все еще продолжал истреблять местных большевиков (привокзальной части) за то, что они 18 дней (с 4-го по 22 апреля) громили, жгли и разоряли их родную станицу.

Кривянцы, кроме того, желали отплатить жителям этого района за тот «пулеметный дождь», которым они осыпали последних защитников города, отходивших 4 апреля от вокзала. Такая месть со стороны казаков являлась понятной.

[Кроме того, еще три полка получили задания вне города.]

Таким образом не только свободных, но даже и свежих войск не было.

25-го утром неприятель со стороны севера возобновил наступление.

На юге было тихо.

Это последнее обстоятельство давало возможность снять части с южного направления и подготовиться к отражению натиска с севера.

[Однако сил у казаков было крайне недостаточно, и лишь с огромным напряжением удавалось сдерживать большевиков.]

Но господь вознаградил казаков за их мужество…

Шум приближающегося сзади мотоциклета остановил и приковал внимание.

На имя старшего начальника поступило донесение:

«Я с отрядом подхожу к Каменному Броду. Отдаю себя и мой отряд в ваше распоряжение, и если обстановка требует, могу выслать немедленно две горные батареи с конным прикрытием. Задачу для артиллерии и проводника высылайте».

Полковник *Дроздовский*.

Через час могучие батареи отряда Дроздовского, заняв позицию у Скакового круга, открыли меткий огонь во фланг залегшей пехоты противника и по эскадрону конницы, двигающемуся вдоль полотна железной дороги в обход нашего левого фланга у Хотунка и во фланг нашей развернувшейся конной сотни.

Вскоре большие группы пленных тянулись уже по городу…

Конные казачьи сотни преследовали противника на 12–15 верст, а подошедшая следом пехота, не теряя связи с противником, надежно обеспечила Новочеркасск с северного

направления.

Столица спасена…

Наступили дни укрепления положения и создания должного и окончательного порядка в городе и его окрестностях.

К общей радости присоединились добрые вести: утром конница наша, под начальством полковника Туроверова, заняла гор. Ростов.

Были и печальные сведения: в гор. Ростов с западной стороны утром, т.-е. одновременно с казаками, вошла тяжелым и уверенным шагом германская пехота 1-го армейского корпуса.

В Ростове появилось два коменданта — казачий и немецкий, друг другу не подчиненные, сразу вступившие в деловые сношения.

Немцы, войдя в город, выбросили свои авангарды к г. Батайску, тесня большевиков к югу.

Казаки выбросили свои авангарды к хут. Злодейскому, что на юго-восток от Батайска и в 10 верстах от него.

Левее казаков вела наблюдение и разведку баварская кавалерия, эскадроны которой к вечеру 25, апреля заняли станицы Ольгинскую и Аксайскую.

Вот при каких по-истине ужасных обстоятельствах пришлось работать донской военной власти и решать вопросы неожиданной политической обстановки текущего дня.

Надо было немедленно собрать круг, надо было спешно завязать сношение с Киевом, центром германской военной власти, распространившей свое влияние на всю Украину и на западную часть Донской области.

29- го собрался «круг спасения Дона», по справедливости так названный; ибо этот «круг» спас Дон, и если бы не свершались трагедии в последующие годы, то этот «круг» спас бы и Россию.

30- го уже выехали агенты в Киев.

Круг узаконил посылку агентов в Киев, восстановил прежнюю форму одежды в армии, прежние выборные власти на местах, старый стиль и объявил мобилизацию 5 возрастов в донские казаки.

Но наипаче круг был озабочен выборами атамана, ибо понимал, что без единой твердой власти жить и воевать нельзя.

Все взоры были устремлены на известного донского боевого генерала П.Н. Краснова, который, по справедливости, после Каледина был единственным кандидатом на этот высокий пост.

Генерал Краснов 2 мая возвратился в Новочеркасск из ст. Константиновской и 3 мая получил приглашение пожаловать на «круг спасения Дона» для того, чтобы дать мудрый свой совет и разъяснить сложную, мало кому понятную, политическую

обстановку.

Деловой, мудрой и теплой речью ген. Краснов определил себя, сверх своего ожидания, в донские атаманы, и 5 мая он был подавляющим большинством (107 против 13, при 10 воздержавшихся) избран на должность донского атамана, получив в свои руки полную власть, с наказом спасти Дон от гибели и тогда собрать Большой войсковой круг.

Новая донская власть по-новому повела дела Дона и скоро не только спасла Дон, но и возвеличила его.

Приложение к ст. Денисова [59]

Приложение № 1. Резолюции съезда неказачьёго населения Донской области. (29 декабря 1917 г. — 4 января 1918 г.)

1. О создании областной власти.

1. Исходя из того, что краевая власть должна быть организована всеми слоями населения, как казачьего, так и неказачьего, Областной съезд представителей неказачьего населения Донской области считает безотлагательно необходимым созвать Донской Народный Совет, избираемый всем населением области путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, на основе пропорциональных выборов.

2. Донской Народный Совет является высшей областной народной властью, правомочной решать все вопросы, касающиеся Донской области, впредь до установления Российским Учредительным Собранием формы государственного и краевого управления Российской Республики.

3. Донской Народный Совет избирает исполнительный орган — донское областное народное правительство, ответственное перед Народным Советом.

4. Права и обязанности Донского Народного Совета и его исполнительного органа устанавливаются самим Донским Народным Советом.

5. Донской Народный Совет должен быть созван не позднее 20 февраля 1918 года.

(Принята на заседании 31 декабря 1917 года.)

2. О вхождении в войсковое правительство.

Съезд неказачьего населения Донской области считает возможным, впредь до созыва Донского Народного Совета, принять предложение войскового правительства, основанное на постановлении Большого войскового круга, о создании в Области временного правления лишь на следующих основаниях:

1. Немедленное освобождение всех арестованных по политическим и аграрным делам, как казаков, так и неказаков, и прекращение возбужденных против них дел.

2. Разоружение и расформирование добровольческой армии.

3. Согласие войскового правительства на перемирие между отдельными враждующими сторонами и восстановление свободного транспорта впредь до созыва Донского Народного Совета или Всероссийского Учредительного Собрания, если последнее соберется ранее созыва Донского Народного Совета.

4. Снятие военного положения во всех местностях Донской области, непосредственно не связанных с районом военных действий, и вывод воинских частей из местностей с неказачьим населением, а также рудников, фабрик и заводов, где эти части расквартированы по соображениям не военного характера.

5. Неприкосновенность крестьянских, рабочих и других демократических организаций.

6. В объединенное временное донское правительство входят представители от казачьего и неказачьего населения в равном количестве. Председатель избирается этим правительством из своей среды.

7. Право войскового атамана приостанавливать решения объединенного областного правительства в части его, ведающей делами неказачьего населения, отменяется.

8. Впредь до созыва Донского Народного Совета все дела, касающиеся неказачьего населения, разрешаются лишь представителями неказачьего населения.

(Принята на заседании 1 января 1918 года.)

3. Об Учредительном Собрании.

Съезд неказачьего населения Донской области в составе представителей крестьян, рабочих и городских самоуправлений считает самой насущной, самой священной обязанностью всех слоев и всех классов населения активную защиту и поддержку всенародного полновластного Учредительного Собрания от всяких покушений на его полновластие, откуда бы они ни исходили.

Не признавая правительства народных комиссаров, съезд вместе с тем заявляет, что ни одна область, ни одна часть России не может, не должна и не смеет отделяться от остальной России помимо воли и согласия Всероссийского Учредительного Собрания.

Все власти на протяжении всего пространства России обязаны признать Учредительное Собрание и беспрекословно подчиниться его верховной воле.

Все члены Учредительного Собрания, к какой бы партии они

ни принадлежали и каких бы убеждений ни придерживались, — неприкосновенны. Они отвечают перед своей совестью и непосредственно перед своими избирателями.

Никакая партия, никакая организация не смеет покушаться на неприкосновенность и независимость Учредительного Собрания, избранного всем без исключения населением России.

Только Учредительному Собранию, точно выявляющему народную волю, и никому больше, принадлежит право разрешить вопрос о прекращении войны и о заключении мира.

Только Учредительное Собрание может и должно разрешить вопрос о вековечной мечте крестьян, — о земле и воле. Только оно должно установить форму правления, закрепить завоеванную свободу и разрешить все важнейшие вопросы, терзающие Россию.

И первым словом Учредительного Собрания должен быть решительный приказ немедленно прекратить гражданскую войну на всем протяжении России и сплотить все силы, весь разум и все помыслы вокруг полновластного хозяина земли русской — Учредительного Собрания, и пусть отойдет прочь каждый, кто поставит какое-либо препятствие на пути к этой последней надежде, если он не хочет навлечь на себя великий и справедливый гнев русского народа.

(Принята на заседании 2 января 1918 года.)

4. О закрытии рудников.

Ввиду того, что фабрики, заводы, рудники и предприятия закрываются с каждым днем, и объявляются промышленниками локауты, при чем говорят, что рабочие повинны в создающейся катастрофе, мы, рабочие, учитывая всю тяжесть положения нашей родины и видя, что это умышленный со стороны промышленников саботаж, в круговороте которого рабочий класс почувствует себя в костлявых руках голода, мы просим съезд неказачьего населения Донской области и от имени съезда требуем от временно созданной краевой власти на Дону как казачьего, так и неказачьего населения:

1) демобилизации промышленности, 2) введения немедленного рабочего контроля над производством, 3) снабжения рудников, заводов, фабрик предметами, необходимыми для продолжения дальнейшей работы, так как остановка последних грозит гибелью нашей родине с надвигающимися катастрофическими последствиями, 4) мы требуем независимости в проведении в жизнь на местах всех постановлений и решений центральных рабочих организаций, как

Советов рабочих депутатов, так и профессиональных союзов.

(Принята в вечернем заседании 3 января 1918 года.)

Приложение № 2. Ответ войскового правительства съезду

В съезд неказачьего населения Донской области.

Войсковое войска Донского правительство, на условии вступления представителей от неказачьего населения Донской области в состав объединенного войскового правительства, предъявленные войсковому правительству в форме ультиматума от съезда неказачьего населения Донской области, заявляет последнему нижеследующее:

1) Войсковое правительство есть исполнительный орган войскового круга войска Донского и обязано всецело выполнять его предначертания; кроме того, войсковое правительство, юридически не связанное решениями фронтового съезда всероссийского казачества и с донской фракцией, тем не менее считается с голосом фронтового казачества.

2) Принимая же во внимание, что Большой войсковой круг войска Донского, имевший место в декабре месяце 1917 года, и всероссийский фронтовой казачий съезд, происходивший в октябре и ноябре месяцах того же года, совершенно определенно и единогласно вынесли осуждение вооруженному захвату власти большевиками, непризнание всероссийского характера власти Советов народных комиссаров и утверждение той незыблемой для всего казачества истины, что вся полнота верховной государственной власти на всем пространстве государства Российского должна принадлежать исключительно Всероссийскому Учредительному Собранию, войсковое правительство войска Донского, прежде рассмотрения отдельных пунктов условий съезда и дачи по ним ответа, считает себя обязанным и вправе услышать точный и ясный ответ съезда неказачьего населения Донской области на три следующих вопроса:

а) Признает ли съезд иногороднего населения Донской области Всероссийское Учредительное Собрание единственною верховною властью Российского государства?

б) Признает ли съезд иногороднего населения Донской области обязательную активную борьбу за Учредительное Собрание с большевизмом и контр-революционным элементом страны, срывающими Учредительное Собрание?

в) Признает ли съезд ныне Совет народных комиссаров верховною властью Российского государства, обязательною и для Донской области?

(Заслушан на заседании 2 января 1918 года).

Приложение № 3. Наказ членам областного правительства от неказачьего населения Донской области

1. Наблюдение за проведением в жизнь требований, предъявленных неказачьим съездом 29 декабря войсковому правительству, в частности — немедленная посылка делегаций во все места, где происходит вооруженная борьба, в целях прекращения ее.

2. Принятие всех мер к восстановлению взаимоотношений со всеми частями России, в целях урегулирования денежного хозяйства, продовольственного дела, сношений и пр.

3. Всемерная поддержка земельных комитетов в деле осуществления поставленных им задач; принятие мер к созданию их там, где они еще не организованы, и решительная борьба с земельной спекуляцией.

4. Принятие мер к безотлагательному введению земства во всей Донской области.

5. Признание исполнительных комитетов властью на местах для неказачьего населения и организация их в тех местах, где они еще не организованы.

6. Отмена посаженной палаты.

7. Ревизия Областного земского распорядительного комитета.

8. Принятие мер к прекращению агитации и разжигания страстей с церковных кафедр.

9. Немедленное создание правительственного органа печати. Свободный пропуск в область всей печати, независимо от партийного направления, и право создавать новые органы беспрепятственно.

Приложение № 4. Соглашение, достигнутое войсковым правительством с представителями съезда неказачьего населения Области войска Донского по вопросу об основаниях вступления в состав членов войскового правительства представителей неказачьего населения

§ 1. Войсковое правительство принципиально соглашается на

освобождение арестованных по делам политическим и аграрным, но, принимая во внимание борьбу с большевизмом, войсковое правительство оставляет за собою право в составе объединенного правительства обсудить вопрос об освобождении отдельных преступников, виновных в преступлениях, совместно с политическими, также и в общих уголовных. Освобождение арестованных за большевизм должно считаться актом помилования.

§ 2. Добровольческая армия, существующая в целях защиты Донской области от большевиков, объявивших войну Дону, и в целях борьбы за Учредительное Собрание, должна находиться под строгим контролем объединенного правительства. И в случае установления наличности в этой армии элементов контр-революционных, таковые элементы должны быть немедленно удалены за пределы Донской области.

§ 3. Против заключения перемирия войсковое правительство принципиально не возражает. Войсковое правительство признает свободу транспорта и препятствий транспорту не ставило. Если же под свободой транспорта подразумевается свобода вывоза из области продовольственных грузов, то войсковое правительство полагает, что в первую очередь оно обязано удовлетворить все нужды Донского края.

§ 4. Против снятия военного положения тех пределов, которые указаны съездом неказачьего населения, войсковое правительство не возражает. Что же касается вопросов о расквартировании воинских частей по местностям с неказачьим населением, то таковые вопросы решаются в общем собрании объединенного правительства, за исключением случаев, когда расквартирование частей производится по соображениям военного характера.

§ 5. Против требования съезда неказачьего населения о неприкосновенности крестьянских, рабочих и других демократических организаций войсковое правительство не возражает.

§ 6. В объединенное донское правительство входят представители от казачьего и неказачьего населения в равном количестве. Председательствует в объединенном правительстве товарищ войскового атамана (вне паритета).

§ 7. Право войскового атамана приостанавливать решения войскового правительства не распространяется на дела, касающиеся исключительно неказачьего населения; для общих же дел право приостановки ограничивается семидневным сроком.

§ 8. Впредь до созыва Донского учредительного собрания (Народного Совета) все дела, касающиеся неказачьего населения,

разрешаются лишь представителями неказачьего населения.

(Подписи: М. Богаевский, старшины войскового правительства: С. Елатонцев, Б. Уланов, Павел Агеев, Г. Карев).

(Зачитано на заседании съезда 4 января 1918 года.)

Приложение № 5. Заявление членов объединенного правительства от неказачьего населения [60]

Заслушав и обсудив ответ войскового правительства на условия, поставленные съездом неказачьего населения Донской области по поводу образования областного правительства, и принимая во внимание громадное значение: 1) немедленного освобождения заключенных по политическим и земельным делам, 2) отмены военного положения в области, 3) возможности принятия решительных мер к прекращению гражданской войны и к заключению перемирия, 4) установления надзора народных представителей над образованием и деятельностью добровольческих дружин и обеспечения удаления из области контр-революционных лиц, 5) обеспечения неприкосновенности крестьянских и рабочих организаций, укрепления и развития деятельности земельных комитетов, 6) действительной возможности освобождения рудничных, заводских и крестьянских районов от воинских частей, раздражающих своим присутствием рабочее и крестьянское население, 7) обеспечения скорейшего и правильного созыва Донского Народного Совета, который окончательно и справедливо решит вопрос об организации областной власти, — мы перед лицом съезда по долгу своей революционной совести заявляем, что считаем возможным принятие на себя обязанностей членов объединенного правительства, если таковые съезд найдет нужным на нас возложить. Вместе с тем мы заявляем, что вопрос о мобилизации неказачьего населения может быть решен лишь постановлением съезда народных представителей Области.

Приложение № 6. Декларация объединенного войскового правительства Донской области

5 января настоящего года свершилось событие, имеющее громадное значение в жизни нашего родного края: две части населения Донской области — казачья и неказачья — впервые объединились в общем управлении областью. Отныне в объединенном войсковом правительстве Донской области участвует через своих представителей все население области: казаки, коренные крестьяне, иногородние, горожане и рабочие.

Объединенное правительство, исполняя волю всего населения, признает необходимым создать областной законодательный орган для рассмотрения общих Дел, касающихся казачьего и неказачьего населения Донской области, при чем предварительное положение об этом законодательном органе будет представлено на утверждение войскового круга и съезда неказачьего населения, созываемых одновременно в течение февраля месяца.

Впредь же до созыва круга и съезда, в интересах поддержания в крае порядка, обеспечивающего населению сохранение всех гражданских свобод, объединенное правительство Донской области:

1) будет охранять свободу слова, печати, собраний, передвижения, свободу союзов и учреждений в их законной деятельности от всяких насилий, откуда бы таковые ни исходили;

2) всемерно желая и добиваясь прекращения гражданской войны на границах Донской области, объединенное войсковое правительство в ближайшие дни пошлет делегации в составе представителей от казачьих и неказачьих своих частей к большевистским отрядам, стоящим на границах области, а в частности и в ее пределах, с предложением остановить наступление и вторжение их в Донскую область, а также вывести из области отряды, уже вторгнувшиеся в область.

Объединенное правительство, выражая волю всего населения Донской области и приступая к переустройству местной жизни на демократических началах, полагает, что это переустройство должно быть совершено лишь одним местным населением без всякого вмешательства посторонних в Области сил, а потому объединенное правительство объявляет, что оно будет бороться самыми решительными мерами против насильственных попыток Совета народных комиссаров навязать свою волю населению Донской области;

3) на основании соглашения между казачьим съездом и войсковым казачьим правительством, объединенное правительство издало распоряжение в порядке амнистии об освобождении всех заключенных по политическим и земельным делам, за исключением тех, кто, сверх того, подлежит привлечению к суду в общем порядке по обвинению в уголовных преступлениях;

4) в целях обеспечения гражданских свобод населения Донской области, объединенное правительство сняло военное положение во всей области, оставив таковое на линиях и в полосе отчуждения железных дорог, в целях обеспечения свободы транспорта и для борьбы с насильственными действиями и с

призывами к таковым. При этом всем агентам власти, коим будет поручено осуществлять особые полномочия, вытекающие из военного положения, предложено не чинить препятствий железнодорожным организациям, находящимся в полосе отчуждения, в их законной нормальной деятельности;

5) добровольческая армия, существующая в целях защиты Донской области от большевиков, объявивших войну Дону, и в целях борьбы за Учредительное Собрание, будет находиться под строгим контролем объединенного правительства и, в случае установления наличности в этой армии элементов контр-революционных, таковые элементы будут немедленно удалены за пределы Донской области;

6) озабочиваясь охраной жизни и имущества граждан от покушений на них злоумышленников, объединенное правительство в первую очередь займется разработкой вопроса о милиции и о надлежащей организации охраны в Области при деятельном участии органов местного самоуправления;

7) вместе с тем, объединенное правительство полагает, что объединение всех групп населения, начавшееся сверху, не будет полным и прочным, если не будет осуществлено объединение всего населения на местах, путем введения в ближайшем будущем земства на Дону.

Объединенное войсковое правительство Донской области, только что избранное народом — казачья группа в заседании круга 13 декабря 1917 г., а неказачья в заседании съезда 4 января с. г., — опираясь на оказанное ему этим избранием доверие, обращается ко всему населению Донской области с призывом помочь правительству в его трудной работе в переживаемую краем тяжкую годину и, в частности, просит доводить до сведения правительства через есаулов и комиссаров правительства, а также и непосредственным обращением к правительству, о всем, что волнует население, чтобы работа правительства, почитающего себя лишь слугою народа, вполне соответствовала нуждам избравшего его населения.

Подписали: председатель объединенного Войскового правительства Донской области Богаевский, члены объединенного войскового правительства: Н. Мельников, П. Агеев, И. Поляков, Б. Уланов, В. Светозаров, Г. Васильченко, А. Шишников, Н. Кожанов, Д. Мирандов и Г. Боссэ.

М.Г. ДРОЗДОВСКИЙ. Из Румынии на Дон. (Отрывки из дневника [61])

9 марта, Вальгоцулово.

Выступили в 9 часов, правая — по большой дороге на Вальгоцулово, левая — со мной по кратчайшей на западную окраину, пехота — пешком. Вскоре по прибытии разъезда на Мардаровку в Плосское обстрелян австрийцами, легко ранившими одного; по получении донесения решил выслать броневик, усилить заставу и приказал собрать подводы для приготовления к походу, это было часа в 2. Вскоре прибыли оставшиеся в Дубоссарах кавалеристы и грузовой автомобиль, все вооруженные. Австрийцы их любезно пропустили, говорили, что ранили двух большевиков, которые грабили жителей, — оказывается, это реквизиция моею конницей, — потом долго шли с австрийцами разговоры по телефону с Мардаровской, из коих выяснилось, что они нас не преследуют, но им жалуются жители на насилия, и они, как прибывшие для защиты, должны принимать меры. Зная, что мы нейтральны (мы это им говорили), они против нас ничего не имеют, предлагают свободный путь, лишь бы не обижали жителей; много лжи, больше все евреи клевещут, но много самоуправствует конница. Сегодня я очень ругал конницу, грозил судом, потребовал окончательного прекращения реквизиций. Австрийцы обвиняли также, что наш разъезд первый открыл огонь — возможно; эта буйная публика может только погубить дело, пока налаживающееся в виду нейтралитета немцев. Из Ананьева прибыли 4 офицера узнать, что у нас; говорят: там много офицеров, и решили вернуться с группой желающих присоединиться; австрийцев там нет. Броневик по выяснении дела возвратился. В связи со всем решил, пока, тщательно охраняясь, если возможно, сохранить дневку, а потом сразу быстро уходить. Приказал во всяком случае ликвидировать все лишнее в обозе спешно, завтра утром посылаем еще 2 грузовика в Ананьев для продажи и один за бензином. Таким образом, опять целый день волнений — слишком близко австрийцы; евреи крайне враждебны, крестьяне за нас, озлоблены на евреев, приветствовавших австрийцев, и недоброжелательны последним.

11 марта.

При уходе из Святотроицкого арестовали солдата (уволенного) из местных, агитировавшего в нашем обозе против офицеров; в Новопавловке арестовали еще 6 человек из большевистских заправил, список коих был получен полк. Лесли в Ананьеве от местной офицерской организации. Сидят пока у нас под арестом. Нескольких, однако, не успели захватить — удрали заблаговременно. Крестьяне посолиднее очень довольны арестами. Чем дальше на восток, тем, видимо, сильнее дух большевизма, — уже не так радушно встречают, замечается иногда враждебное отношение: «буржуи, на деньги помещиков содержатся, отбирать землю пришли». Есть, однако, очень немало и на нашей стороне, но они терроризированы; например, хозяин нашей избы, даже не из богатых, подтвердил все данные Леслевского списка, жаловался на террор большевиков, указал и на новых, передал, что наш конюх (штабной) собирается сегодня бежать, что он сочувствует большевикам (сам проговорился перед женой хозяина), но все это говорил наш хозяин шопотом, умоляя его не выдавать. И вообще нередко являются с петициями убрать большевиков, — увы, не можем много шуметь, дабы не губить свое дело соединения с Корниловым.

Конюха пока арестовал.

15 марта, Домашевка.

В дороге мысль настойчиво вертелась вокруг прошлого, настоящего и дней грядущих; нет, нет, — да и сожмет тоской сердце, инстинкт культуры борется с мщением побежденному врагу, но разум, ясный и логичный разум, торжествуй над несознательным движением сердца… Что можем мы сказать убийце трех офицеров или тому, кто лично офицера приговорил к смерти за «буржуйство и контр-революционность». Или как отвечать тому, кто являлся духовным вождем насилий, грабежей, убийств, оскорблений, их зачинщиком, их мозгом, кто чужие души отравлял ядом преступления?! Мы живем в страшные времена озверения, обесценивания жизни. Сердце, молчи, и закаляйся, воля, ибо этими дикими разнузданными хулиганами признается и уважается только один закон: «око за око», а я скажу: «два ока за око, все зубы за зуб». «Подъявший меч…»

В этой беспощадной борьбе за жизнь я стану вровень с этим страшным звериным законом — с волками жить…

И пусть культурное сердце сжимается иногда непроизвольно

— жребий брошен, и в этом пути пойдем бесстрастно и упорно к заветной цели через потоки чужой и своей крови. Такова жизнь… Сегодня ты, а завтра я. Кругом враги… Мы, как водою остров, окружены большевиками, австро-германцами и украинцами. Огрызаясь на одних, ведя политику налево и направо, идешь по пути крови и коварства к одному светлому лучу, к одной правой вере, но путь так далек, так тернист!

22 марта, м. Новый Буг.

Утром прибыл в 10 часов штабс-капитан, начальник одного из летучих партизанских отрядов; их 7 офицеров совместно с хуторянами одного из хуторов севернее деревни Малеевки сорганизовались и вели борьбу с бандами; вчера сделали налет на Малеевку (11 человек с чучелом пулемета!), сплошь большевистскую, захватили их пулемет и удрали благополучно; малеевцы собираются их бить, и они, укрепившись на хуторе, просят помощи — обезоружить Малеевку; это нам почти по дороге, — послал отряд: 3-ю роту, конно-горный взвод и 2-й эскадрон, все под командой Неводовского. Обещают, что часть офицеров поступят к нам добровольцами. Отряд выступил только в 3 часа. Войналович оттянул отдачу приказания, не сочувствуя экспедиции! А предполагали выступить в $12^1/_2$ часов. Вскоре прибыли 2 раненых офицера Ширванского полка, помещены в больницу. Они с командиром полка и несколькими солдатами со знаменем пробирались на Кавказ; в районе Александрово (Долгоруково) банда красногвардейцев и крестьяне арестовали их, избили, глумились всячески, издевались, четырёх убили, повыкалывали им глаза, двух ранили, ведя на расстрел, да они еще с двумя удрали и скрылись во Владимировке, где крестьяне совершенно иные, но сами терроризированы долгоруковцами и фонтанцами; еще человека 4–5 скрылись в разных местах. Из Владимировки фельдшер привел их сюда в больницу, так как там фонтанцы и долгоруковцы требовали выдать их на убой. Внутри все заныло от желания мести и злобы. Уже рисовались в воображении пожары этих деревень, поголовные расстрелы и столбы па месте кары с надписями, за что; потом немного улеглось, постараемся, конечно, разобраться, но расправа должна быть беспощадной: «два ока за око»! Пусть знают цену офицерской крови!

Всем отрядом решил завтра раненько выступать, чтобы притти днем на место и тогда же успеть соорудить карательную экспедицию.

22 марта, Владимировка.

Голова колонны прибыла во Владимировку в 5 часов. Конница (первый эскадрон), прибывшая много раньше, получив на месте подробные указания от жителей о том, что творится в Долгоруковке и что какие-то вооруженные идут оттуда на Владимировку, двинулась сразу туда с горным взводом под общей командой Войналовича. Окружив деревню, поставив на позицию горный взвод и отрезав пулеметом переправу, дали две-три очереди из пулеметов по деревне, где все мгновенно попряталось, тогда один конный взвод мгновенно ворвался в деревню, нарвался на большевистский комитет, изрубил его, потом потребовал выдачи убийц и главных виновников в истязаниях четырех ширванцев (по точным уже сведениям — 2 офицера, один солдат — ширванец, писарь и один солдат, приставший к ним по дороге и тоже с ними пробиравшийся). Наш налет был так неожидан и быстр, что ни один виновник не скрылся… Были выданы и тут же немедленно расстреляны; проводниками и опознавателями служили два спасшихся и спрятанных владимирцами ширванских офицера. После казни пожгли дома виновных, перепороли жестоко всех мужчин моложе 45 лет, при чем их пороли старики; в этой деревне до того озверелый народ, что когда вели этих офицеров, то даже красногвардейцы не хотели их расстреливать, а этого требовали крестьяне и женщины… и даже дети… Характерно, что некоторые женщины хотели спасти своих родственников от порки ценою своего собственного тела, — оригинальные нравы. Затем жителям было приказано свезти даром весь лучший скот, свиней, птицу, фураж и хлеб на весь отряд, забраны все лучшие лошади; все это свозили к нам до ночи… «око за око»… Сплошной вой стоял в деревне. Уже экзекуция была кончена, когда донесли, что 8 красногвардейцев с повозкой едут в деревню с востока, — те, очевидно, не знали, что здесь творится, они были немедленно атакованы нашими кавалеристами, которые бросились с шашками на стрелявших в них даже в упор красногвардейцев: 6 человек легли, одного привезли раненого, а один, предводитель, казак, удрал — сидел на чудной кровной лошади; за ним гнался Колзаков, тоже на отличной лошади, но догнать не смог. Всего истреблено было 24 человека.

Около 8-ми прибыл отряд Неведовского. С 22-го на 23-е он ночевал на хуторе партизан, что верстах в 6-ти севернее Малеевки. Хуторяне встретили их хлебом-солью, называли своими спасителями, накормили всех прекрасно, лошадям дали фуража до-отвала и ни за что не хотели взять ни копейки. 23-го с

утра двинулись, сразу оцепили деревню Малеевку конницей; помешали попытке удрать, поставили орудия и пулеметы на позицию и послали им ультиматум — в 2-часовой срок сдать все оружие, пригрозив открыть огонь химическими снарядами, удавить газами всю деревню (кстати, ни одного химического снаряда у нас нет). В срок все было выполнено, оружие было отобрано, взяты казенные лошади; найдены списки записавшихся в красную гвардию — кажется, человек 30 — эти доблестные красногвардейцы после записи, получив деньги и прослужив с недельку, дружно все убежали домой; этих горе-красногвардейцев всех крепко перепороли шомполами по принципу унтер-офицерской вдовы. Вой столбом стоял, — все клялись больше никогда не записываться. Кормился отряд, как хотел, от жителей даром, — в карательных целях за приверженность к большевизму.

Об автомобилях ни слуху, — искровая не получает никакого ответа; злюсь и волнуюсь.

Выставлено охранение, выслана разведка, подчеркнута бдительность, — все наготове. Мы находимся уже полностью в полосе военных действий, среди более или менее крупных банд…

Главная масса владимирцев нас приветствовала. Мы обещали им помочь начавшей у них создаваться самообороне, которой усиленно грозили долгоруковцы, с коими совместно настроены были немало жителей северо-восточной окраины Владимировки. Вместо уже распавшегося, еще раньше прихода нашего, большевистского комитета, вступило во власть прежнее волостное земское правление. Жителям приказано сдать все оружие, которое потом будет роздано самообороне.

Завтра в 8 часов приказано выслать карательную экспедицию в Фонтан в составе эскадрона с пулеметом и 2-х легких пушек с конными номерами, без зарядных ящиков.

24 марта, Владимировка.

В 19 часов вернулась экспедиция Двойченко — нашли только одного главного участника убийств, — расстреляли, остальные бежали; сожгли их дома, забрали фураж, живность и т. п. Оттуда заехали в Долгоруковку, — отряд был встречен хлебом-солью, на всех домах белые флаги, полная и абсолютная покорность всюду; вообще, когда приходишь, кланяются, честь отдают; хотя никто этого не требует, высокоблагородиями и сиятельствами величают. Как люди в страхе гадки, нуль достоинства, нуль порядочности, действительно сволочной, одного презрения достойный народ: наглый, безжалостный, полный издевательств против

беззащитных, при безнаказанности не знающий препон дикой разнузданности и злобе, а перед сильными такой трусливый, угодливый и низкопоклонный…

А в общем — страшная вещь гражданская война; какое озверение вносит в нравы, какою смертельною злобой и местью пропитывает сердца; жутки наши жестокие расправы, жутка та радость, то упоение убийством, которое не чуждо многим из добровольцев. Сердце мое мучится, но разум требует жестокости. Надо понять этих людей, из них многие потеряли близких, родных, растерзанных чернью, семьи и жизнь которых разбиты, имущество уничтожено или разграблено, и среди которых нет ни одного, не подвергавшегося издевательствам и оскорблениям; надо всем царит теперь злоба и месть, и не пришло еще время мира и прощения… Что требовать от Туркула, потерявшего последовательно трех братьев, убитых и замученных матросами, или Кудряшева, у которого недавно красногвардейцы вырезали сразу всю семью? А сколько их таких?..

25 марта, Владимировка.

В 15 часов собирал начальствующих лиц (с отделенного и выше), говорил о самоуправстве, избиениях, насилиях, караулах арестованных, обращении с солдатами, пьянстве, небрежности служебной и неисполнительности, требовал поналечь; не знаю, что из этого выйдет; самоуправства вызывают даже у части офицеров недовольство.

Фураж почти весь за счет покоренных деревень, мясо полностью за их счет.

Мы отлично живем у купца — кормят до-отвала, чудное масло, дивные коржики, мед, хорошее помещение — живи — не умирай…

30 марта, Любимовка.

Было несколько самочинных арестов, большинство отпущено — следующий раз буду отдавать под суд. Приказал предупредить последний раз в приказе. При отводе к нам один из евреев бежал и был пристрелен. Самоуправство, но все данные, что это великий мерзавец, однако, все евреи за него горой. Все они теперь невинные. Свидетельские показания не-евреев и двух из пострадавших были убийственны. В Конце концов, ему поделом, но офицеров от таких самоуправств придется отучить.

В Торгаевке узнаем от бежавших из Нижней Серогозы о бесчинствах местной красной армии, состоявшей из 25 человек. Просьба местной интеллигенции, преимущественно эвакуированной Рижской гимназии, помочь самообороне. Выпустил объявление о сдаче оружия, о падении большевистского комитета и вступлении в силу земства.

Заварив кашу, пришлось помогать. Оборона уже сорганизовалась: записалось много гимназистов. Обещал выдать завтра 10 русских винтовок. Был гимназический праздник. Набились в буфет, где и шла организация и запись в оборону. Оригинальный колорит — дамские вечерние платья, мужские форменные, учебные и штатские пиджаки и косоворотки демократов и наши походные формы и оружие. Во 2-м часу ночи все кончили. Выдали в распоряжение директора гимназии оружие и патроны, дали советы и уехали. Под шумок офицеры выдрали самочинно большевистского председателя комитета шомполами, — приказали не кричать, — случайно узнал. Удивительно ловка эта молодежь, — впрочем, он того стоит.

2 апреля.

Колонна задержалась на час. Только что собрались выступать, — донесение (на автомобиле от Войналовича) о появлении большевистских эшелонов на ст. Акимовке. Приказал одной роте с легкой батареей итти немедленно переменным аллюром на поддержку, если бы таковая потребовалась, а остальным тоже не задерживаться, идя частью рысью. Сам на автомобиле. Приехал в местечко Акимовку — на вокзале все уже было кончено: шло два эшелона из Мелитополя на Акимовку. На запрос ответили, чтобы подождали, пока еще путь неисправен. Потом приготовились и вызвали[62]. Должны были взорвать путь позади второго эшелона, а первый направить в тупик. Второй не удалось — раньше времени взорвали путь. Первый же приняли в тупик и встретили пулеметным огнем кавалеристов и с броневика, который стрелял почти в упор. Всюду вдоль поезда масса трупов, в вагонах, на буферах, частью убитые, частью добитые. Несколько раненых. Между прочим, машинист и три женщины. Когда пришел, еще выуживали попрятавшихся по укромным уголкам. Пленных отправили на разбор в штаб к Семенову. Всего на вокзале было убито человек 40. Как жили большевики: пульмановские вагоны, преимущественно 1-й и 2-й классы, салон; масса сахару, масло чудное, сливки, сдобные булочки и т. п. Огромная добыча — 12 пулеметов, масса оружия,

патронов, ручных гранат, часть лошадей (много убитых и раненых). Новые шинели, сапоги, сбруя, подковы, сукно матросское шинельное, рогожка защитная, калоши, бельевой материал. Обилие чая, шоколада и конфет. Всего эшелон был человек около 150, — следовательно, считая пленных, не спасся почти никто. Вскоре запросился по телеграфу эшелон большевиков с юга, хотели его принять, но на разъезде южнее Дмитровки его предупредил, повидимому, кто-то из бежавших, — он не вышел с разъезда и вернулся. У нас без потерь, одному оцарапало палец, у другого прострелен бинокль, но выбыло 5 лошадей; второй эшелон отошел после взрыва и, скрылся из виду.

К вечеру были передопрошены все пленные и ликвидированы; всего этот день стоил бандитам 130 жизней, при чем были и «матросики» и 2 офицера, до конца не признавшиеся в своем звании.

3 апреля.

Начинало светать, — стук в окно — донесение о снятии «заставы». Поднял всех, телефон в полк не отвечает, послал, благо близко. Вся артиллерия, кроме взвода у вокзала, уже стояла на север, пристрелка конно-горной по будке, к которой подходил поезд; остановился, вышли цепи. Цепи остановлены и бежали от двух шрапнелей. Огонь большевиков: 2 легких с поезда, по трубе, разброс, масса неразорвавшихся, зажигательные (все без разбора по городу), убита одна еврейка. Части были подняты по тревоге и распределены — пулеметная рота заняла северо-восточную окраину деревни, первая стала уступом за левым флангом, третья сначала оставалась во внешнем охранении, потом была стянута в район штаба полка, а вторая рота с частями Жебрака под его начальством (кроме взвода, что в коннице). На станции артиллерия вся смотрела на север, обозы сосредоточены на северо-западной окраине, у дороги на Ейгенфельд. Постепенно поезд, отогнанный снарядами, отошел за перегиб местности. Конный отряд в 8-м часу двинулся в обход в направлении на Дармштадт, отряд должен был выступить в 9 часов, как было раньше решено. Но выход задержался, так как мы не имели сведения о вывозе оружия со станции (повывозили конфеты, шоколад, калоши, дамскую обувь, а существенное, самое важное — задержали)…. Колонна выступила в начале 11-го. Броневик шел с конницей по дороге левее и рядом с полотном.

К началу движения конницы, банды, высадившиеся с эшелонов (2), растянули длинную, редкую охватывающую цепь по

линии колонии Дармштадт — колонии Гутерталь и почти до русла Тащенак. Продвижение конницы совершилось с перестрелкой: двигаясь в направлении на Дармштадт, эскадроны, прогнав, несколькими шрапнелями конно-горной, цепи на участке между Дармштадт и дорогой Гутерталь — Иоганнесру, прорвали цепь, разделили ее и, заходя в тыл, грозя окружением разрозненных групп, принялись их уничтожать: в то же время конно-горная стреляла по поезду, при чем одна граната попала почти в платформу, большевики частью успели сесть на эшелоны и уехать, частью разбежались в дикой панике, кидая сапоги, шинели, портянки, оружие, спасаясь по разным направлениям. Уничтожение их продолжалось, в плен не брали, раненых не оставалось, было изрублено и застрелено, по рассказу конницы, до 80 человек. Броневик помогал своим огнем по цепи. Когда дело было кончено, броневик вернулся к колонне главных сил, а конница пошла через Иоганнесру на вокзал Мелитополя с целью обойти с запада и севера.

В этой операции конница потеряла 5–6 убитых и раненых лошадей и был легко ранен в ногу серб-офицер Патек.

Перед выступлением главной колонны часть имущества, что не могли поднять, была продана на месте (чай, калоши), часть роздана на руки. Тронулись в начале 11-го.

Подход к Мелитополю — сплошное триумфальное шествие; уже в деревне Песчаное (пригород) встретили толпы крестьян с хлебом-солью и приветствиями; ближе к городу — еще хлеб-соль, в городе улицы, проходящие на вокзал, запружены. Делегация железнодорожников с белым флагом и речью — приветствие избавителям, еще хлеб-соль. Цветы, приветственные крики. Входили спасителями и избавителями. На вокзале депутация инвалидов с приветом. Большевики бежали спешно на Антоновку, оставалась подрывная команда анархистов и еще кое-какие мерзавцы, которых частью перебила, частью арестовала вооружившаяся железнодорожная милиция.

На квартиры стали в предместье Мелитополя в Кизьяре в районе вокзала. Меня с Неводовским и адъютантами пригласил к себе инженер К. Квартира была пуста, все было вынесено в ожидании боя, так как эти банды похвалялись, что дадут нам бой; квартира — мерзость запустения. Настроение всей массы железнодорожников до нашего прихода было ужасное — измучены, терроризированы, озлоблены — много помогали в розысках и ловле анархистов и большевиков. В Мелитополе нашли громадный запас новых обозных повозок, — решили заменить все потрепанные повозки, бензину мало, фуража много.

Намечается довольно большая прибыль добровольцев.

Прибыли в Мелитополь в $15^1/_2$ часов.

7 апреля, Константиновка.

В Мелитополе с помощью населения изловлены и ликвидированы 42 большевика.

Странные отношения у нас с немцами; точно признанные союзники, содействие, строгая корректность, в столкновениях с украинцами всегда на нашей стороне, безусловное уважение. Один между тем высказывал — враги те офицеры, что не признали нашего мира. Очевидно, немцы не понимают нашего вынужденного союзничества против большевиков, не угадывают наших скрытых целей или считают невозможным их выполнение. Мы платим строгой корректностью. Один немец говорил: «Мы всячески содействуем русским офицерам, сочувствуем им, а от нас сторонятся, чуждаются».

С украинцами напротив — отношения отвратительные: приставанье снять погоны, боятся только драться, — разнузданная банда, старающаяся задеть. Не признают дележа, принципа военной добычи, признаваемого немцами. Начальство отдает строгие приказы не задевать, — не слушают. Некоторые были побиты, тогда успокоились, — хамы, рабы. Когда мы ушли, вокзальный флаг (даже не строго национальный) сорвали, изорвали, истоптали ногами…

Немцы — враги, но мы их уважаем, хотя и ненавидим… Украинцы — к ним одно презрение, как к ренегатам и разнузданным бандам.

Немцы к украинцам — нескрываемое презрение, третирование, понукание. Называют бандой, сбродом; при попытке украинцев захватить наш автомобиль на вокзале присутствовал немецкий комендант, кричал на украинского офицера: «чтобы у меня это больше не повторялось». Разница отношения к нам, скрытым врагам, и к украинцам, союзникам, — невероятная.

Один из офицеров проходящего украинского эшелона говорил немцу: надо бы их, т.-е. нас, обезоружить; и получил ответ: они также борются с большевиками, нам не враждебны, преследуют одни с нами цели, и у него язык не повернулся бы сказать такое, считает непорядочным… украинец отскочил…

Украинцы платят такой же ненавистью.

Они действительно банда, неуважение к своим начальникам, неповиновение, разнузданность — те же хамы.

Украинские офицеры больше половины враждебны

украинской идее, в настоящем виде и по составу не больше трети не-украинцы — некуда было деваться… При тяжелых обстоятельствах бросят их ряды.

Кругом вопли о помощи.

Добровольцев, в общем, немного, поступило в пехоту человек 70, — для Мелитополя стыдно, намечалось сначала много больше, пришли немцы и украинцы — успокоились, шкура будет цела, или полезли в милицию — 10 р. в день. Интенсивно ведется шитье.

8 апреля, Константиновка.

Обедал в ресторане. Разговор с украинским комендантом. Помогу, если будут грабить жителей. Он просил, если нужно будет расстреливать, дать, людей, кто мог бы не дрогнуть при расстреле; ответил: роль исполнителей приговоров не беру, расстреливаем только своих приговоренных. — Имею большие полномочия приказывать всем германским и украинским войскам в районе. — «Приказывать не можете». — Могу. — «Можно только тому, кто исполнит, я — нет». — Вы обязаны! — «Не исполню». — Вы на территории Украины. — «Нет. Где войска и сила, там ваша территория. Мы же идем по большевистской и освобождаем». — Никто не просит. — «Нет, просят. Мы лойяльны, не воюем, но должны с войны вернуться через ваши земли».

Еще много прекословил, не совсем трезв. В конце концов просил помощи окружным селам и деревням; я согласился охотно, если помощь в направлении нашего пути. Наконец разошлись, оба, очевидно, недовольные друг другом. Вечером в оперетте, масса офицеров. Вообще за время Мелитополя поведение корректное. Играли, как полагается в провинции, но некоторое было недурно. Ужин в ресторане, пьяный комендант (по рассказам, ему в конце разбили голову стаканом).

Немного жаль покидать Мелитополь. Другая жизнь, отдых нервам. Хотя мне нет отдыха. Всегда окружен врагами, всегда страх потерпеть неудачу, каждое осложнение волнует и беспокоит. Тяжело…

11 апреля, кол. Ивановка у г. Бердянска.

Взаимные соотношения: исполнительный комитет и видные деятели инвалидов с нами в дружбе, помогают во всем; город же ведет политику, желая спасти арестованных комиссаров,

инвалиды настаивают на их казни. Мы чувствуем себя не вполне хозяевами; с приходом австрийцев комиссар опирается на них, и ввиду того, что большевиков скинули инвалиды сами, заигрываем с ними, говоря любезности, обещая поддержку, настраивая против австрийцев и украинцев.

Днем инвалиды, опасаясь освобождения арестованных под влиянием политических партий или передачи их гражданскому суду, просили передать их нам. Освободили двух, которые с риском для себя воспротивились избиению офицеров, задуманному в период господства матросов.

В думе было специальное заседание вечером, вопль шел, набросились на представителей инвалидов, те отгрызались, ругали управу и думу за ее двусмысленную политику и разошлись недовольные друг другом, признав, что укорами и спорами дела не поправишь и разрушенных домов не восстановишь. Два ока за око…

Перед возвращением к себе в Куцую поймал меня австрийский гауптман: по распоряжению Рады все деятели большевизма должны арестовываться и отправляться на специальный суд в Одессу. Мы не можем казнить. Как офицер, он вполне понимает, что их нужно убивать, но, как исполнитель воли начальства, обязан мне заявить настоятельно: комиссаров, еще не казненных, передать ему; дружески переговорили и, так как все, кого нужно было казнить, были уже на том свете, конечно, обязательнейше согласился исполнить все…

14 апреля, Мангуш.

По дороге дважды жалобы от хуторян о грабежах и насилиях, чинимых большевиками — часть удалось ликвидировать (менее виновных выдрать и угнать вон).

15 апреля, Косоротовка — 3 версты восточнее Мариуполя.

Ночью придрала депутация фронтовиков из Мариуполя с бумагами как от «военной коллегии фронтовиков», так и от австрийского коменданта, что на территории Украины всяким отрядам воспрещены реквизиции какого-либо фуража или продовольствия не за наличный расчет или забирать лошадей или подводы. Указал, что, путешествуя 800 верст, первый раз получаю такую штуку. Чего им взбрело на ум писать, кто им сказал, что я что-либо беру даром? Мангуш оказалась

здоровенным кляузником. Получив требование на фураж (зерно и сено) и на подводы, она, не разобрав, как и что, сразу по телефону жалобу в Мариуполь.

Высказал депутации свое недоумение и удивление их поступку. Отговорились, что не знали, что за отряд — врут, правильно адресовали!..

Отряд направился, пройдя Мариуполь, через речку и стал в деревнях Косоротовка и Троицкое на земле войска Донского. Я — в Мариуполь, в «военную коллегию фронтовиков». Физиономия оказалась поганая, много бывших большевиков, все еще близко советская власть. Предъявили миллион кляуз, фактически вздорных и их не касающихся.

Настаивали на возвращении лошадей особенно, — решил разобрать, может и придется часть вернуть. Все это, очевидно, такая дрянь, их коллегия, много евреев, что надо прежде ознакомиться, стоит ли с ними считаться. Они уже позабежали к австрийцам, понажаловались им на нас, думая, дураки, что австрийцы из-за них станут с нами ссориться. Разошлись якобы дружно, в душе враждебные вполне.

Австрийцы — враги, но с ними приятнее иметь дело, нежели с этими поистине ломброзовскими типами.

Результатом жалоб австрийцам за лошадей явилась их претензия на этих лошадей, переговорили, помирились, отдав меньшую и, конечно, худшую часть швабам, а «фронтовики» остались с носом: я извелся, говори либо со мной, либо жалуйся, и не только уже не вернул из взятого, но даже больше — и не разговаривал с ними, как обещал было.

Сначала по телеграфу, потом около 23 часов делегат от казаков ст. Новониколаевки, — просят помощи от банд на Кривой Косе, из Антоновки и из ст. Вознесенской. Послал 80 трехлинеек и 30 патронов, но выступить решил только утром 17-го — крайней надобности нет, а нам изнурение и нужно дождаться добровольцев. Пока продержатся.

Население Мариуполя и наших деревень большевистского типа, масса против нас, сказываются фабрики… Интеллигенция, конечно, — за, но её мало.

17 апреля, станица Новониколаевская.

Встреча в станице, первой станице войска Донского, восторженное отношение казаков, скрытое недоброжелательство и страх пришлого, иногороднего. Казаки понадевали погоны, лампасы, шпалерами пешая и конная сотня, отдание чести,

воинский вид; вражда между половинами населения, — пришлого больше. Казаки очень сплочены, много выше по качествам, особенно боевым. Станица вообще одна из лучших, не было ограблений, мешали другим. Долгая политика с нашим приходом вылилась наружу. Энергично стали арестовывать виновных в большевизме, комитетчиков. Колонна отдает честь, ура, рапорт офицера.

Сильный запах цветов, жжет солнце…

Восстановлено казачье самоуправление, атаман, выборные, судьи. Сформировали сами полки. Продолжают организовываться.

Много добровольцев из простых казаков, — сразу видно воины.

А ведь по роду занятий — те же крестьяне, как и солдаты.

Станица богатая. Прекрасные чистые дома, преимущественно каменные, обстановка с запросами культуры… Сады, все цветет.

Особое чувство — первая станица. Мы у грани поставленной цели. Иные люди, иная жизнь… Много переживаний, — что-то ждет впереди. Большевики, повидимому, всюду бегут, всюду у них паника…

В станице и соседних поселках идет обезоружение неказачьего населения.

Тюрьма пополняется изо всех закоулков. Казаки волокут за жабры вчерашних властелинов — колесо истории вертится.

Много главарей расстреляно…

18 апреля.

Ночью и утром донесения из слободы Платовой, что большевики идут колонной в 600 человек от Мелентьева по правому берегу Миуса и колонной в 400 (приблизительно вдоль моря, якобы есть артиллерия и броневики). Очевидно, отрезанные банды… Платовцы беспокоятся. Хотя паром через Миус испорчен, но платовцы боятся правобережной миусской колонны.

Решили, чтобы не пропустить, изловить, послать две колонны: правую вдоль правого берега Миуса — рота со своими пулеметами, взвод легкой артиллерии, взвод конницы и вспомогательная сотня казаков, которым: в Платовой взять еще одну-две сотни вспомогательных. Все прочие силы на Федоровку, так едва ли проскочат отрядом, ну а рассеются, — все равно всех не выловим.

Выступили в 8 часов. Солнце жжет. Ветра почти нет… Иду с конницей.

По дороге на мостике через проток провалился задом броневик. Этой поломкой моста задержал всю колонну, обязанную проходить болотину в брод, а сам просидел часа три, пока, наконец, постепенным созданием фундамента из бревен и с помощью домкрата не подняли.

Стали на ночлег в Федоровке, — одна из паскуднейших деревень таганрогского округа, гнездо красной гвардии и ее штаба. Отобрали всех лучших лошадей из награбленных, не имеющих хозяев. Отобрали оружие. Много перехватали разбегавшихся красногвардейцев, захватили часть важных, прапорщика, начальника контр-разведки, предателя, выдавшего на расстрел полковника и часть казаков из станицы Новониколаевской и т. п. Трех повесили, оставили висеть до отхода, указали, что есть и будет возмездие, попа-красногвардейца выдрали. Только ради священства не расстреляли, ходил с ружьем с красной гвардией, брал награбленное, закрыл церковь и ограбил ее. Страх нагнали. Левее, оказывается, шла еще казачья колонна, по Ягорлыку вверх, обезоруживая население, казня виновных.

[На этом обрывается незаконченный дневник М.Г. Дроздовского, оставшийся в необработанном виде. Повидимому, тяжелые бои помешали его продолжить, также можно предположить потерю приведенных в порядок законченных его записок.

Дальнейшее изложение составлено по рассказам участников похода.

21 апреля, в страстную субботу, отряд Дроздовского подошел к Ростову; и 2 колоннами начал атаку с вокзала. Весь день шел упорный бой с превосходящими силами противника. Количество оборонявших Ростов большевиков достигало 12 тысяч при 6 батареях; помимо организованных частей красной гвардии, латышских стрелков и матросов Гвардейского экипажа, большевикам много помогли рабочие из предместья Ростова — Темерника, стрелявшие на улицах из окон домов, также «Колхида» обстреливала наступавших с реки. Приходилось брать улицу за улицей и нести большие потери.

Подошедшие со стороны Таганрога немцы, видя тяжелое положение отряда, прислали своего ротмистра с предложением помощи Дроздовскому, который коротко ответил: «Не надо, справимся сами».

К вечеру того же дня Ростов и часть Нахичевани были заняты отрядом, но 22-го утром с севера подошли новые подкрепления большевиков, и Дроздовский, видя полную невозможность вести дальнейший бой, не желая принципиально обращаться за помощью к немцам, приказал отступать. Но вывод из города увлекшейся борьбой пехоты, на которой был сосредоточен весь огонь большевистской артиллерии, оказался делом нелегким, а гибель ее означала бы и гибель всего отряда и той идеи помощи добровольческой армии, с которой шли они из Румынии. Тогда Дроздовский дает следующее распоряжение: указав открытый холм, он приказал, чтобы кавалерия медленно передвигалась по холму редкой цепью (через 30 шагов всадник). Такой приказ показался окружавшим Дроздовского безумием, послышались возражения, некоторые предположили, что от потрясений он сошел с ума, но властный голос его потребовал: «Исполнить немедленно мое приказание без рассуждений». Как и рассчитал Дроздовский, большевики перевели весь артиллерийский огонь на смело и открыто передвигавшуюся конницу, чем дали возможность отойти пехоте, ценой незначительных жертв в кавалерии. Пехота, а следовательно, и отряд были спасены.

Дроздовцы отступали в район станции Чалтырь и короткими ударами

беспокоили большевиков. В боях под Ростовом они понесли тяжелые потери: 82 бойца выбыло из строя, между прочим, начальник штаба отряда, полковник Войналович. Его беззаветная отвага служила примером для всех, она влекла его в самые опасные места, нередко его храбростью спасалось положение. Для Дроздовского эта потеря была крайне тяжела, он писал тогда: «Я понес великую утрату — убит мой ближайший помощник, начальник штаба, может быть, единственный человек, который мог меня заменить».

На пост начальника штаба был назначен полковник генерального штаба Лесли.

В Чалтыре Дроздовскому казалось положение безвыходным, полное отсутствие сведений, невозможность боя с большевиками, но также и дальнейшее пребывание в Чалтыре не входило в его планы. Неожиданно в ночь с 23 на 24 апреля прибыл в штаб к Дроздовскому казак-есаул. По одной версии он был послан атаманом Поповым, до которого дошли глухие слухи о прибытии какого-то отряда, по другой же версии этот есаул никем не был послан, а, будучи на разведке, случайно натолкнулся на отряд Дроздовского. Есаул дал подробное описание положения дел: Корнилов убит, добровольческая армия, истощенная Ледяным походом, не будучи в состоянии вести активную борьбу с большевиками, слабо обороняясь, подходила к границам Донской области. Донские же казачьи силы сконцентрировались в восточных степях и производили нападения на большевиков в направлении Новочеркасска и Александровска-Грушевска. 23 апреля Новочеркасск был взят, но на севере от него, а также в Ростове находились большие силы большевиков, которые стремились соединиться, наметив базой Ростов; лежащему на пути Новочеркасску угрожала, главным образом, северная группа большевиков, слабые казачьи силы должны будут отступать от города.

В Новочеркасске царило угнетенное настроение, к слухам о прибывшей помощи относились скептически и с ужасом ждали с часу на час нового захвата большевиками Новочеркасска. Дроздовский через есаула передал письмо атаману Попову о немедленном выступлении ему на помощь и 25-го утром со своим отрядом был уже под Новочеркасском. Впереди наступавших шел броневик «Верный» и артиллерия, а в это время наседавшие с севера большевистские силы ворвались уже в предместье города Хотунок, в котором вспыхнули сейчас же в нескольких местах пожары. Броневик и тяжелая артиллерия немедленно обратили в паническое бегство красные войска, и разгром их был довершен казачьей конницей, бросившейся немедленно с флангов и в тыл отступающим.]

[Достигнув Новочеркасска, «1-я отдельная русская бригада добровольцев» — официальное название отряда Дроздовского прекращает свое самостоятельное существование и поступает в «полное подчинение» к ген. Деникину.]

П.Н. КРАСНОВ. Всевеликое войско Донское [63]

Глава I

Работа «Круга спасения Дона». — Состав круга и его настроение. — Выборы донского атамана. — Основные законы, предложенные донским атаманом. — Отношение к ним общества и генерала Деникина.

Общее собрание членов Временного донского правительства и делегатов от станиц и войсковых частей в заседании 28 апреля в здании судебных установлений в Новочеркасске, «признавая число присутствующих в настоящем собрании делегатов от войсковых частей и станиц, принявших участие в изгнании из Донской области советских войск, достаточным, постановило объявить настоящее собрание Кругом спасения Дона».

В нем было 130 членов. Это было едва ли не самое народное, или демократическое собрание, какое когда-либо бывало. Круг называли серым. В нем не было интеллигенции. Трусливая интеллигенция сидела в эту пору по подвалам и погребам, трясясь за свою жизнь, или подличала перед комиссарами, записываясь на службу в советы и стараясь устроиться в более или менее невинных учреждениях — по народному образованию, по продовольствию или по финансовой части. Ей было не до выборов в такое смутное время, когда и выборщики, и выбранные играли своими головами. Круг собирался без партийной борьбы. Было не до партий. В круг выбирали и на круг были выбраны исключительно казаки, которые страстно желали спасти родной Дон и для этого готовы были и жизнь свою сложить за него. И полагали жизнь, потому, что большинство выборщиков, послав своих делегатов, сами разобрали оружие и пошли спасать Дон.

И потому название — Круг спасения Дона — было им как нельзя более к лицу.

Круг не имел политической физиономии, и потому в нем не было и не могло быть политической борьбы. Этот серый круг имел одну цель — спасти Дон от большевиков, спасти во что бы то ни стало и какою бы то ни было ценой.

Он был истинно народным и потому кротким, мудрым и деловым в своих заседаниях и решениях. Он коротко и просто сказал, что хочет Дон теперь: порядка.

И этот серый, то-есть истинно демократический круг разумом народным и спас Дон. К 15 августа 1918 года, ко времени созыва полного войскового круга, большевиков не было на Донской земле, и, не вмешайся в дела войска генерал Деникин и союзники, может быть и сейчас войско Донское существовало бы на тех же основаниях, как существуют Эстония, Финляндия,

Грузия, — существовало бы отдельно от Советской России.

Конечно, вопрос об отношении к немцам и к Украине был в данное время самым острым вопросом, и в заседании 29 апреля круг постановил утвердить избранное временным донским правительством полномочное посольство на Украину в составе М.А. Горчукова, И.Т. Семенова, полковника Гущина и генерал-майора Сидорина. Посольству этому поручить командироваться в город Киев, для выяснения отношений к Дону самой Украины и осведомления о целях вступления германских войск на территорию Донской области, а также твердо отстаивать существующие ныне границы области, ее независимость и самобытность казачества.

Круг повел этот деликатный вопрос хитро, по-народному. Он не признал Украины, он не признал и немцев, хотя и сознавал, что без них он не сидел бы в Новочеркасске, и членами посольства он избрал именно тех людей, которые больше всего кричали о ненависти к немцам и о вечной преданности союзникам. Эти-то люди уж не выдадут и не продадут. Здесь круг именно и ошибся, но и ошибся правильно. Он мог загубить все дело, испортить совершенно отношения с Украиной и немцами, но он для этого потом и избрал атамана, который все это должен был исправить, а сам сохранил свое лицо, национальную гордость, и на суд истории и грядущих союзников войско Донское явилось непоколебимо верным союзникам и ненавидящим немцев.

В том же заседании круг поставил вопрос «об организации на Дону постоянной армии, упорядочении казачьих сил, поднявшихся для борьбы с большевиками, и об установлении законов об организации армии и установлении в ней дисциплины».

То, вокруг да около чего топтался почти целый год атаман Каледин с войсковым правительством и Малым кругом, составленным из интеллигентных болтунов, народный «Круг спасения Дона» вырешил на втором же заседании. Он точно и определенно сказал, что Дону нужна настоящая армия, а не партизаны, добровольцы или дружинники, армия старого режима, повинующаяся законам и строго дисциплинированная.

И еще армия эта не существовала, как уже генерал Деникин сделал попытку подчинить себе донские части и осуществить единое командование, как это сделал Корнилов в ауле Шенджи, 14 марта, с кубанскими казаками. На вопросы представителя добровольческой армии, «кто должен фактически командовать военными силами добровольческой армии и донскими воинскими силами, и каково отношение Дона к Украине и Германии», круг

ответил: «Верховное командование всеми без исключения военными силами, оперирующими на территории Донского войска, должно принадлежать войсковому атаману, или, как в данном случае, походному атаману, и так как вопрос об отношениях к Украине и Германии еще не выяснен, то, для выяснения этого вопроса Временным Правительством командируется в город Киев посольство от войска Донского»…

Ответ этот не удовлетворил генерала Деникина. Планы генерала Деникина были иные. Он думал в лице донских казаков получить большие пополнения людьми и материальною частью, усилить добровольческую армию, а не иметь рядом «союзную» армию. Когда этот ответ дошел до Деникина, он решил лично переговорить об этом с донским атаманом.

Круг работал интенсивно. Заседания шли утром и вечером. Он торопился восстановить порядок и не боялся упреков в стремлении возвратиться к старому режиму.

Так, в заседании 1 мая круг постановил: «В отличие от большевистских банд, которые никаких внешних знаков отличия не носят, всем частям, участвующим в защите Дона, немедленно принять свой воинский вид и одеть, кому положено, погоны и прочие знаки отличия».

На утреннем заседании круга 3 мая по вопросу об организации областной власти, «Круг спасения Дона», выразив общее желание избрать временно, до созыва Большого войскового круга, войскового атамана, вынес принятую единогласно следующую резолюцию: «Впредь до созыва Большого войскового круга, каковой должен быть созван в ближайшее время и, во всяком случае, не позже двух месяцев по окончании настоящей сессии «Круга спасения Дона», вся полнота верховной власти в области принадлежит «Кругу спасения Дона». На время прекращения работ «Круга спасения Дона» вся полнота власти по управлению областью и ведению борьбы с большевизмом принадлежит избранному войсковому атаману».

На вечернем заседании того же числа были произведены закрытой баллотировкой выборы атамана. 107 голосами против 13 при 10 воздержавшихся на пост донского атамана был избран генерал-майор Краснов.

Генерал Краснов не принял этого избрания впредь до того, как круг утвердит те основные законы, которые он считает нужным ввести в войске Донском для того, чтобы иметь возможность исполнить задачи, поставленные ему «Кругом спасения Дона».

Законы эти были рассмотрены кругом на утреннем заседании 4 мая.

Они представляли из себя почти полную копию основных законов Российской империи[64].

«Впредь до созыва Большого войскового круга из представителей всех округов войска Донского и полного успокоения войска на всем его пространстве, государственный строй всевеликого войска Донского и порядок правления основываются на следующих законах:

Об атаманской власти. 1. «Власть управления войском во всем ее объеме принадлежит войсковому атаману в пределах всего всевеликого войска Донского.

2. «Атаман утверждает законы, и без его утверждения никакой закон не может иметь силы.

3. «Атаман назначает как председателя совета управляющих отделами, так и самих управляющих отделами, которые являются ответственными перед Большим кругом.

4. «Атаман есть высший руководитель всех сношений всевеликого войска Донского с иностранными государствами.

5. «Атаман есть верховный вождь донской армии и флота.

6. «Атаман объявляет местности на военном, осадном или исключительном положении…

О вере. 10. «Первенствующая в всевеликом войске Донском есть вера христианская, православная.

О законах. 24. «Впредь до издания и обнародования новых законов всевеликое войско Донское управляется на твердых основаниях свода законов Российской империи, за исключением тех статей, которые настоящими основными законами отменяются.

25. «Все воинские части, как постоянной армии, так и временно вызываемые по мобилизации, руководствуются законами, уложениями и уставами, изданными в Российской-империи до 25 февраля 1917 года.

26. «Все декреты и иные законы, разновременно издававшиеся как Временным Правительством, так и Советом народных комиссаров, отменяются.

27. «Сила закона равно обязательна для всех без изъятия донских подданных и для иностранцев, в всевеликом войске Донском пребывающих.

28. «Законы, изданные специально для какой-либо местности или части населения (например, евреев? *Ред.*), новым общим законом не отменяются, если в нем именно такой отмены нет.

О совете управляющих и самих управляющих отделами 37. «Направление и объединение действий отдельных ведомств по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления возлагается на совет управляющих…

39. «Председатель совета управляющих и управляющие ответствуют перед атаманом, а потом, по созыве Большого войскового круга, — перед ним, за общий ход войскового управления. Каждый из них в отдельности ответствует за свои действия и распоряжения…

Этими законами вся власть из рук коллектива, каковым являлся Большой или Малый круг, переходила в руки одного лица — атамана. Перед глазами «Круга спасения Дона» стояли окровавленные призраки застрелившегося атамана Каледина и расстрелянного атамана Назарова. Дон лежал в обломках, он не только был разрушен, но он был загажен большевиками, и немецкие кони уже пили тихие струи Дона, священной для казаков реки.

К этому привела работа кругов, потому что и Каледин, и Назаров боролись с их постановлениями, но победить не могли, потому что не имели власти.

— Творчество, — сказал в одной из своих речей перед Большим войсковым кругом атаман Краснов, — никогда не было

уделом коллектива. Мадонну Рафаэля создал Рафаэль, а не комитет художников…

Донскому атаману предстояло творить, и он предпочитал остаться один вне критики круга или кругом назначенного правительства.

— Вы хозяева земли донской, я ваш управляющий, — сказал кругу атаман. — Все дело в доверии. Если вы мне доверяете, вы принимаете предложенные мною законы, если вы их не примете, значит, вы мне не доверяете, боитесь, что я использую власть, вами данную, во вред войску. Тогда нам не о чем разговаривать. Без вашего полного доверия я править войском не могу.

Этими законами отметалось все то, что громко именовалось «завоеваниями революции» и «ее углублением». И это высказали атаману. Но атаман этого и хотел. Законы императорской власти были привычные народу законы, народ их знал, понимал и исполнял. После революции Временное Правительство спешно издало целый ряд законов, которые не были известны в народе, к которым народ не привык. Законы эти возбуждали кривотолки. А затем последовал ряд безумных декретов народных комиссаров. Все перемешалось в мозгах несчастных русских граждан, и многие не знали, что представляет из себя закон правительства Львова или Керенского и что — декрет Ленина. Атаман счел необходимым вернуться к исходному положению — до революции. В особенности это было важно для войска, да еще ввиду военного времени, чтобы совершенно аннулировать приказ № 1, разрушивший всю великую русскую армию.

На вопрос одного из членов круга атаману, не может ли он что-либо изменить или переделать в предложенных им законах, атаман ответил: «Могу. Статьи 48, 49 и 50. О флаге, гербе и гимне. Вы можете предложить мне другой флаг — кроме красного, любой герб, кроме еврейской пятиконечной звезды или иного масонского знака, и любой гимн, кроме интернационала»…

Круг рассмеялся и принял законы, предложенные атаманом, в полном объеме.

Законы эти создали атаману многих врагов. Та часть интеллигенции, которая пряталась до сих пор по подвалам и погребам и вылезла наружу, как только исчезли большевики, стала упрекать атамана в стремлении к проведению принципа «l'etat c'est moi»[65]. Стремящаяся к власти, воспитанная на критике ради критики, на разрушение, а не на творчество, она повела широкую кампанию против атамана. В своих нелепых обвинениях она доходила до того, что, например, С.П. Черевков, редактор издававшейся в Екатеринодаре газеты, писал, что атаман стремится устроить на Дону феодальные порядки и

восстановить крепостное право и «jus primae noctis»[66].

Не удовлетворили эти законы и генерала Деникина. Они показали ему, что Дон становится на путь самостоятельного строительства, вне зависимости от добровольческой армии, что он не признает добровольческой армии за Россию и Деникина — за своего диктатора. Отсюда последовали обвинения атамана в стремлении к самостийности, к отделению от России. Донского атамана в добровольческой армии прихвостни Деникина ославили едва не изменником России, самостийником и человеком «немецкой ориентации». Его слова — «Здравствуй царь в Кременной Москве, а мы казаки на тихом Дону», — повторение слов, которые говорились в эпоху смутного времени на Руси, до избрания Романовых, — создали атаману в добровольческой армии репутацию монархиста.

4 мая было последнее заседание «Круга спасения Дона», и 5 мая круг разъехался. Атаман остался один править войском.

Глава II

Письма атамана к императору Вильгельму и к гетману Скоропадскому. — Сношения с немцами. — Свидание атамана с генералом Деникиным 15 мая. — Результаты этого свидания.

Все лежало в войске Донском в обломках и запустении. Самый дворец атаманский был загажен большевиками так, что поселиться в нем сразу без ремонта было нельзя. Церкви были поруганы, многие станицы разгромлены, и из 252 станиц войска Донского только 10 были свободны от большевиков. Не только пушечная, но ружейная и пулеметная стрельба была слышна кругом Новочеркасска. Бои шли под Батайском и у Александровска-Грушевского. Полиции ни городской, ни станичной, ни железнодорожной стражи не было. Грабежи и убийства были ежедневным обычным явлением. Немцы прочно заняли Таганрог и Ростов, немецкая кавалерия занимала всю западную часть Донецкого округа, станицы Каменская и Усть-Бело-Калитвенская были заняты германскими гарнизонами. Немцы подвигались к Новочеркасску, и аванпосты баварской конницы стояли в 12 верстах к югу от Новочеркасска. Планы и намерения немцев были совершенно неизвестны атаману.

Но все это были пустяки в сравнении с тем ужасным злом, которое сделали большевики в душах населения. Все понятия нравственности, чести, долга, честности были совершенно стерты и уничтожены. Совесть людская была опустошена и испита до дна. Люди отвыкли работать и не желали работать, люди не считали себя обязанными повиноваться законам, платить подати, исполнять приказы. Необычайно развилась спекуляция, занятие куплей и продажей, которое стало своего рода ремеслом целого ряда лиц и даже лиц интеллигентных. Большевистские комиссары насадили взяточничество, которое стало обыкновенным и как бы узаконенным явлением.

В стране, заваленной хлебом, мясом, жирами и молоком, начинался голод. Не было товаров, и сельчане не хотели везти свои продукты в города. В городах не было денежных знаков, и их заменяли суррогаты, купоны займа свободы и другие, что до крайности затрудняло торговлю.

Перед атаманом лежал целый ряд задач, разрешить которые он должен был во время страшной и упорной борьбы с большевиками. В голову всего атаман поставил главную задачу, данную ему «Кругом спасения Дона» — освобождение земли Донской от большевиков.

Для выполнения ее ему нужно было создать армию, выяснить

отношения немцев к Дону и войти в тесную связь с Украиной и добровольческой армией, чтобы привлечь их к совместной работе против большевиков.

5 мая атаман вступил в управление войском, и в тот же день вечером доверенный его, адъютант есаул Кульгавов, поехал с собственноручными письмами атамана к гетману Скоропадскому и к императору Вильгельму. Императору Вильгельму атаман писал на немецком языке о своем избрании, сообщал о том, что войско Донское не находится в войне с Германией, просил, чтобы дальнейшее продвижение немецких войск в Донскую землю было приостановлено, чтобы войско Донское было признано, впредь до освобождения России от большевиков, самостоятельною республикою, управляемою основными законами, приложенными к письму. Атаман просил о помощи оружием, взамен чего предложил установить через Украину правильные торговые отношения.

Есаул Кульгавов должен был передать это письмо в Киеве командующему немецкими войсками на Украине генералу Эйхгорну, которому была послана копия этого письма. Гетману атаман писал о своем избрании, о вечной дружбе, которая была между Украиной и донскими казаками, указывал, на то, что украинцы неправильно считают свои границы, и просил о скорейшем восстановлении старой границы земли войска Донского.

Результатом посылки письма императору Вильгельму было то, что уже 8 мая вечером к атаману явилась делегация от генерала от кавалерии фон-Кнёрцера из Таганрога, заявившая, что германцы никаких завоевательных целей не преследуют, что они заинтересованы в том, чтобы на Дону восстановился возможно скорее полный порядок, что Таганрогский округ и Ростов они заняли лишь потому, что украинцы им сказали, что они принадлежат Украине, и что этот пограничный спор надо разрешить с гетманом Скоропадским. Что касается станиц Донецкого округа, то немцы их заняли по приглашению самих казаков. Депутация заявила, что она считает в интересах казаков, чтобы германские войска оставались временно на Донской территории, что они уйдут, как только увидят, что на Дону восстановился полный порядок.

Свидание атамана с представителями германского командования носило самый деловой характер. Атаман убедился в том, что немцы боятся казаков, и что они действительно заинтересованы в помощи Дону. На первом же свидании было решено, что немцы дальше продвигаться не будут, и что в Новочеркасск ни германские офицеры, ни солдаты без особого

разрешения атамана ездить не будут, чтобы не раздражать казаков.

9 мая в Новочеркасск прибыли для жительства кубанский атаман полковник Филимонов и кубанское правительство, а также депутация от Грузинской республики. Донской атаман вошел в тесные дружеские сношения с теми и с другими. Он искал союзников и помощников в жестокой борьбе с большевиками, и главным союзником своим он считал генерала Деникина и добровольческую армию и искал скорейшего свидания с генералом Деникиным.

14 мая атаман получил известие о том, что 15 мая генералы Алексеев и Деникин прибудут из Мечетинской станицы в Манычскую и хотели бы иметь переговоры с атаманом.

В небольшой хате станичного атамана у разложенной карты с показанием расположения войск произошла беседа, длившаяся до самых сумерек.

Деникин начал в довольно резкой форме выговаривать атаману за то, что в диспозиции, отданной для овладения селением Батайск, было указано, что в правой колонне действует германский батальон и батарея, в центре — донцы, а в левой колонне — отряд полковника Глазенапа добровольческой армии.

— Согласитесь с тем, что это недопустимо, чтобы добровольцы участвовали с немцами. Добровольческая армия не может иметь ничего общего с немцами. Я требую уничтожения этой диспозиции, — говорил генерал Деникин.

Атаман ответил, что уничтожить истории нельзя. Если бы эта диспозиция относилась к будущему — другое дело, но она относится к сражению, которое было три дня назад и закончилось полной победой полковника Быкадорова, и уничтожить то, что было, невозможно.

Генерал Деникин заговорил о едином командовании и о том, что желательно поступление донских частей в добровольческую армию. Атаман ответил на это, что единое командование возможно осуществить только при условии существования единого фронта. Если генерал Деникин считает возможным со своими добровольческими отрядами оставить Кубань и направиться к Царицыну, то все донские войска Нижне-Чирского и Великокняжеского районов будут подчинены автоматически генералу Деникину. Движение на Царицын при том настроении, которое замечено в Саратовской губернии, сулит добровольцам полный успех. В Саратовской губернии уже начались восстания крестьян. Царицын даст генералу Деникину хорошую, чисто-русскую базу, пушечный и снарядный заводы и громадные запасы всякого войскового имущества, не говоря уже о деньгах.

Добровольческая армия перестанет зависеть от казаков. Кроме того, занятие Царицына сблизило бы, а может быть и соединило бы нас с чехословаками и Дутовым и создало бы единый грозный фронт. Опираясь на войско Донское, армии могли бы начать марш на Самару, Пензу, Тулу, и тогда донцы заняли бы Воронеж…

— На Царицын я теперь не пойду, — упрямо сказал Деникин. — Я обязан раньше освободить кубанцев, — это мой долг, и я его исполню.

Генерал Алексеев поддержал Деникина. Он считал, что направление на Царицын действительно создаст единый фронт, но вся беда в том, что кубанцы из своего войска никуда не пойдут, а добровольческая армия бессильна что- либо сделать, так как в ней всего около 2.500 штыков. Ей надо отдохнуть, окрепнуть и получить снабжение, и войско Донское должно ей в этом помочь. Кубань, хотя и поднялась против большевиков, но сильно нуждается в помощи добровольцев. Если оставить кубанцев одних, можно опасаться, что большевики одолеют их, и тыл Донской армии будет угрожаем со стороны Кубани.

На совещании было решено, что добровольческая армия пойдет вместе с кубанцами на Екатеринодар и только после освобождения его она может помочь донцам в операциях на Царицын. Таким образом обе армии — донская и добровольческая — расходились по двум взаимно противоположным направлениям: одна шла на север к сердцу России — Москве, другая шла на юг, к Минеральным Водам. Вопрос о едином командовании отпадал.

Атаман настаивал на немедленном наступлении. Надо использовать настроение казаков, их порыв, надо воспользоваться растерянностью комиссаров.

Деникин отказал и в этом. После тяжелого похода добровольческая армия нуждалась в отдыхе и пополнении. Ей необходимы были широкие квартиры и правильная организация тыла. Дон должен был снабдить добровольческую армию всем необходимым и быть ее тылом.

Совещание свелось к тому, что добровольческая армия потребовала устройства лазаретов и госпиталей, этапных пунктов и вербовочных бюро в Ростове и Новочеркасске, потребовала оружия и снаряжения и взяла заимообразно шесть миллионов рублей у Донского войска, обязуясь обеспечивать тыл Донского войска со стороны Кубани. Кубанский атаман никакой роли на совещании не играл.

Начать активные действия добровольцы и кубанцы могли только через месяц.

О союзниках не было сказано ни слова. К Украине и немцам генерал Деникин высказывал самое непримиримое отношение и старательно закрывал глаза на то, что оружие и снаряжение для добровольческой армии донской атаман может получить только из Украины, то-есть, от немцев. Этот вопрос был повернут так, что на Украине остались громадные склады российской юго-западной армии. Добровольческая армия является прямою наследницею юго-западной армии, и потому Украина должна передать ей имущество складов. Про то, что эти склады были опечатаны немецкими печатями и к ним приставлены немецкие часовые, командование добровольческой армии умалчивало.

Генерал Деникин потребовал немедленного присоединения отряда полковника Дроздовского к добровольческой армии.

Со смутным чувством неудовлетворенности ехал донской атаман из Манычской со свидания с генералом Деникиным. Войско Донское стояло одно-одинёшенько перед громадной задачей освободиться от большевиков и положить начало освобождению и самой России.

Глава III

Тыл добровольческой армии на Дону. — Поведение офицеров. — Две разные точки зрения на Дон. — Мелочность характера генерала Деникина. — Враждебное отношение его к атаману и генералу Денисову.

Обе столицы Донского войска — Ростов и Новочеркасск — стали тылом добровольческой, армии. Это уж такой непреложный закон всякой армии, как бы строго дисциплинирована она ни была, что совершенно механически совершается отбор ее представителей. Все прекрасное, храброе, героическое, все военное и благородное отходит на фронт. Там совершаются подвиги, красотою которых умиленно любуется мир, там действуют чудо-богатыри Марковы, Дроздовские, Нежинцевы, там — красота, благородство и героизм. Но чем дальше отходишь от боевых линий к тылу, тем резче меняется картина. Все трусливое, уклоняющееся от боя, все, жаждущее не подвига смертного и славы, но наживы и наружного блеска, все спекулянты собираются в тылу. Здесь люди, не видевшие раньше и сторублевого билета, ворочают миллионами рублей, и у них кружится голова от этих денег, здесь продают «добычу», здесь постоянно вращаются герои с громадной популярностью в тылу и совершенно неизвестные на фронте. Фронт оборван, бос и наг, фронт голоден, — здесь сидят люди в ловко сшитых черкесках, в цветных башлыках, во френчах и галифэ, здесь пьют вино, хвастают своими подвигами, звенят золотом и говорят, говорят. Там, в передовых окопах, про политику не говорят, о будущем не думают, смерть сторожит эти думы, — здесь политиканствуют и создают такую окраску и физиономию, которой армия на деле не имеет.

В тылу — лазареты с врачами, санитарным персоналом и сестрами. В тылу — любовь и ревность. Раненые и больные часто бывают капризны и требовательны, и на правах раненых и больных позволяют себе весьма многое, оскорбляющее тех здоровых, которые отдали себя на служение им. Но настоящие раненые и больные не в счет, им это охотно прощают, но в лазаретах всегда бывает известный процент таких раненых, которые никогда ранены не были, таких больных, болезнь которых не найдет и не определит самый искусный врач. Эти «раненые» и «больные» приносят вино в лазареты, эти «раненые» и «больные» до глубокой ночи шатаются по городу, горланя песни, и управы на них нет нигде. Что может им сделать дежурная сестра, которая сама их безумно боится? Так было во

всех армиях, так было и в добровольческой армии. В добровольческую армию вместе с идейными юношами шли «шкурники», и эти шкурники прочно оседали в тылу и теперь наводнили Ростов и Новочеркасск. И вот, начались те тяжелые отношения между Доном и добровольческой армией, которые бросались в глаза человеку вдумчивому. Сами армии были дружны вечной дружбой, спаянной вместе пролитой кровью, но тылы ссорились, и генерал Деникин и его окружающие, которые жили в тылу тыловой жизнью, поддались этому тыловому, враждебному Дону настроению.

Атаман восстановил старинный, до-петровский титул «Всевеликое войско Донское», и все войско, от казака до генерала подхватило этот титул. В Новочеркасске спешно печатались свои уставы, широко распространялась история войска, писали его географию, составляли особую хрестоматию. В школах и гимназиях после молитв дружно пели: «Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон», и гимн этот подхлестывал и взвинчивал, как марсельеза. Над дворцом гордо реял сине-желто-красный флаг, и новочеркасские жители ходили им любоваться. Все это было «свое», особенное, новое, принадлежащее «Всевеликому войску Донскому».

Большевизму атаман противопоставил шовинизм, интернационалу — яркий национализм. Ездя по станицам и полкам, атаман везде говорил одно: «Любите свою великую, полную славы родину — тихий Дон и мать нашу Россию! За веру и родину, — что может быть выше этого девиза!»

Что такое было всевеликое войско Донское для офицера добровольческой армии? Донская область, Донская губерния и больше ничего. Казаки — четвертые полки кавалерийских дивизий, штабная конница, прикрытие обозов и конвои, словом — презрительно-ласковое — казачки.

Тем, кто в сердце своем носил священное бело-сине-красное знамя великой и неделимой России, претил новый донской флаг. Немногие понимали значение его, как переходного флага. Не понимал его и Деникин. Гимн донской для них был не гимн, но только песня. В войске Донском была старая дисциплина со всем старым воинским ритуалом, со знаменами, встречаемыми звуками похода, и с караульной службой, где часовой был лицом неприкосновенным. В добровольческой армии была дисциплина новая, упрощенная и бьющая на внешность, часто офицерски распущенная.

Атаман строго преследовал пьянство, и офицеров, замеченных в нетрезвом поведении, увольнял вовсе от службы без мундира и пенсии. И он, и особенно командующий донской

армией генерал-майор Денисов требовали не только полного соблюдения воинской дисциплины и порядка, но и форменной, щегольской, насколько позволяли обстоятельства, одежды и благопристойного поведения в общественных местах. Разлад между Доном и добровольческой армией начался с мелочей и пустяков, но вылился в тяжелые формы вследствие крайнего самолюбия Деникина.

Его постоянно раздражала мысль, что войско Донское находится в хороших отношениях с немцами, и что немецкие офицеры бывают у атамана. Генерал Деникин не думал о том, что благодаря этому добровольческая армия неотказно получает оружие и патроны, и офицеры едут в нее через Украину и Дон совершенно свободно, но он видел в этом измену союзникам и сторонился от атамана…

В Новочеркасске, в Александровском саду по приказанию генерала Денисова действовало летнее гарнизонное собрание, куда могли приходить обедать офицеры с их семьями, и где они могли иметь дешевую (за 2 р. 50 к.) и здоровую пищу. По вечерам там играл войсковой хор и пели войсковые певчие. Офицеры добровольческой армии допускались туда на совершенно одинаковых условиях с офицерами донцами. Добровольцы не раз устраивали там пьяные кутежи со скандалами и, наконец, пустили по адресу войска Донского «крылатое» слово — всевеселое войско Донское.

Денисов промолчал. Вскоре на одном вечере в присутствии Денисова и одного полковника из добровольческой армии на войско Донское стали жестоко нападать за его сношения с немцами.

— Но что же войску делать, — сказал Денисов, — немцы пришли на территорию его и заняли. Войску Донскому приходится считаться с совершившимся фактом. Не может же оно, имея территорию и народ, ее населяющий, уходить от них, как то делает добровольческая армия. Войско Донское — не странствующие музыканты, как добровольческая армия.

Эти «странствующие музыканты» были переданы генералу Деникину, и он в свое время припомнил это словцо Денисова. Когда войско Донское начало свои сношения с союзниками, в штабе Деникина сказали: «Войско Донское — это проститутка, продающая себя тому, кто ей заплатит».

Денисов не остался в долгу и ответил: «Скажите добровольческой армии, что если войско Донское — проститутка, то добровольческая армия есть кот, пользующийся ее заработком и живущий у нее на содержании».

Это были мелочи. Но они разожгли самолюбие Деникина, и

он стал добиваться удаления Денисова.

Деникин хотел, чтобы войско Донское было Донскою областью с некоторой автономией; он не соглашался признать донской армии, но желал иметь донские полки там, где они понадобятся; он решительно шел к тому старому режиму, о котором при обстоятельствах теперешнего момента атаман не мог и заикнуться. И Деникин стал во враждебные отношения к атаману, считая его главным виновником шовинистической политики Дона.

Но пока у донского атамана на фронте была 60.000-я армия, а у него вместе с кубанцами насчитывалось 12.000, пока все снабжение шло через донского атамана, взявшегося быть посредником между Украиной и немцами, с одной стороны, и добровольческой армией — с другой, Деникин молчал, и только окружающие его готовили грозную кампанию против генерала Денисова, атамана и всех донских патриотов. Они стремились свалить войско Донское, и впоследствии при помощи союзников они свалили его…, но в результате погубили последний ресурс в своей борьбе. Как только война перестала быть национальной, народной, она стала классовой и, как таковая, не могла иметь успеха в беднейшем классе.

Казаки и крестьяне отпали от добровольческой армии, и добровольческая армия погибла. Говорят об измене казаков Деникину, но нужно посмотреть, кто изменил раньше: казаки Деникину или Деникин казакам. Если бы Деникин не изменил казакам, не оскорбил бы жестоко их молодого национального чувства, они не покинули бы его. И прав был атаман, когда в числе своих врагов ставил и генерала Деникина. Генерал Деникин, быть может, сам того не понимая, работая на разрушение Донского войска, рубил сук, на котором сидел…

Глава IV

Отношение к немцам. — Второе письмо донского атамана к императору Вильгельму.

Очень остро и болезненно проходили для атамана отношения к немцам. Без немцев Дону не освободиться от большевиков, — это было общее мнение фронтового казачества, которое умирало, защищая с оружием в руках свои станицы и освобождая станицы своих соседей.

Совершенно иначе смотрела донская интеллигенция и особенно пришлые из России люди, которые хотели и на Дону сыграть ту крупную роль, которую они играли когда-то в царской России. К числу таковых нужно отнести и бывшего председателя Государственной Думы двух последних созывов М.В. Родзянко, жившего в Новочеркасске, и всю кадетскую партию, которая объединилась в борьбе против атамана. Отозванные из Украины члены первого посольства генерал Сидорин и полковник Гущин вели сильную пропаганду против атамана, постоянно проповедуя о том, что победа союзников, несомненно, будет, и союзники не простят донским казакам того, что они сносились с немцами.

Дон раскололся на ориентации. Весь простонародный, хлебородный Дон и большая часть интеллигенции держались германской ориентации; напротив, члены могущественной кадетской партии и многие политические беженцы считали, что все спасение Дона — в демократии Англии и Франции, которые придут и спасут и Дон, и Россию. Как спасут? — непременно и не иначе, как живой силой.

Во время сессии августовского круга атаман, отвечая на нападки в сношениях с немцами и слыша, что ему ставят в пример голубиную чистоту добровольческой армии, которая на знамени своем неизменно носит непоколебимую верность союзникам, воскликнул:

— Да, да, господа! Добровольческая армия чиста и непогрешима. Но ведь это я, донской атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, омываю их в волнах тихого Дона и чистенькими передаю добровольческой армии! Весь позор этого дела лежит на мне!

Буря аплодисментов покрыла слова атамана. Нападки за «германскую ориентацию» прекратились.

Нелегки были и отношения с самими немцами. Атаман не хотел, чтобы германское командование имело хотя бы какой-нибудь намек, что оно имеет влияние на управление Доном. Поэтому никаких миссий, никаких представителей от немцев в

Новочеркасске допущено не было. Дон считается с фактом занятия части территории германскими войсками, смотрит на них не как на врагов, но как на союзников в борьбе с большевиками и старается использовать их для вооружения и снабжения всеми средствами борьбы своей армии. Так было сказано в первом приказе атамана, отданном 4 мая ночью.

Немцы сами шли навстречу желаниям атамана. Они — победители в данное время — всеми силами старались упрочить положение атамана и возвысить его в глазах населения. И этому иногда мешали те темные силы, которые были в интеллигенции. Одни боролись против атамана потому, что считали его врагом революции и неискренно сочувствующим идее народоправства, другие выступали против него «страха ради иудейска», стараясь заслужить в будущем благодарность союзников, большинство же было лично обижено тем, что они или не получили того высокого поста, который хотели получить, или были сняты с занимаемого поста. Все эти люди собрались в Екатеринодаре, при штабе генерала Деникина, и, пользуясь теми тяжелыми отношениями, которые установились между атаманом и Деникиным, вели свою работу против атамана и немцев, и работа эта скоро возымела свои последствия.

27 июня в Ростов прибыл майор фон-Кокенхаузен, назначенный официально для сношений с донским атаманом. Сношения вылились в чисто деловую форму. Установлен был курс германской марки в 75 коп. донской валюты, сделана была расценка русской винтовки с 30 патронами в один пуд пшеницы или ржи, заключен был контракт на поставку аэропланов, орудий, винтовок, снарядов, патронов и т. п., установлено было соглашение, что в случае совместного участия германских и донских войск половина военной добычи передавалась Донскому войску безвозмездно, выработаны были планы действий под Батайском. Наконец, немцы со значительными потерями для себя отразили безумную попытку большевиков высадиться на Таганрогской косе и занять Таганрог. Немцы не особенно охотно вступали в бои с большевиками, но тогда, когда боевая обстановка этого требовала, они действовали вполне решительно, и донцы могли быть совершенно спокойны за ту полосу, которая была занята немецкими войсками. Вся западная граница с Украиной от Кантемировки до Азовского моря, длиною более 500 вёрст, была совершенно безопасна, и донское правительство не держало здесь ни одного солдата.

Сначала германское командование не обращало внимания на то, что офицеры едут из Украины в добровольческую армию, и даже оказывало им содействие в этом: оно пропускало

снаряжение одинаково как на Дон, так и на Кубань и в добровольческую армию. Но когда после взятия добровольцами Екатеринодара туда прибыл бывший редактор «Киевлянина» Шульгин, а во главе отдела внешних сношений стал генерал А. М. Драгомиров, в Екатеринодаре стали появляться в газетах статьи с призывом объявления войны Украине и изгнания немцев. Майор фон-Кокенхаузен обратился к донскому атаману с просьбой повлиять на Деникина в том смысле, чтобы он прекратил газетную травлю гетмана Скоропадского и возбуждающие против немцев статьи. Деникин не обратил внимания на просьбу атамана, и тогда немцы стали делать затруднения офицерам в проезде к Деникину, поставили атаману условие, чтобы выдаваемое ему оружие и снаряды не были отправляемы в добровольческую армию. Для наблюдения за этим в селении Батайск немцами была поставлена застава. Войско Донское продолжало, однако, снабжать добровольческую армию и оружием, и патронами, посылая часть того, что получало, Деникину, минуя немцев, через Новочеркасск и далее степью на грузовых автомобилях на станцию Кагальницкую. Немцы знали про это, но закрывали на это глаза.

Но к добровольческой армии отношения немцев резко изменились. Немцы стали считать Деникина своим врагом и в противовес добровольческой армии стали формировать южную армию и астраханский корпус. Формирования эти по причинам, которые будут указаны ниже, большого успеха не имели.

За первые полтора месяца немцы передали Дону, кубанцам и добровольческой армии 11.651 трехлинейную винтовку, 46 орудий, 88 пулеметов, 109.104 артиллерийских снаряда и 11.594.721 ружейный патрон. Треть артиллерийских снарядов и одна четверть патронов были уступлены Доном добровольческой армии.

В середине июня на Дону распространились слухи о том, что чехо-словаки занимают Саратов, Царицын и Астрахань с целью образовать по Волге «восточный фронт» для наступления на Германию. Как ни были невероятны эти слухи, тем не менее они взволновали германское командование, и 27 июня в Новочеркасск к атаману прибыли майоры фон-Стефани, фон-Шлейниц и Кокенхаузен. Разговор происходил в присутствии председателя совета управляющих генерала Богаевского. Немецкое командование заявило атаману, что оно всеми силами, до вооруженного вмешательства, поддерживало и помогало Донскому войску в его борьбе с большевиками, что оно готово и впредь оказывать эту помощь, что германское командование отстаивает перед Украиной неприкосновенность границ войска

Донского, и Германия считает себя союзницей донских казаков в борьбе с большевиками. Со стороны же Донского войска немцы видят только холодное отношение к себе. Теперь, когда создается опасность войны на востоке, когда на волжском фронте может образоваться чехо-словацкий фронт, который союзники могут использовать для своего наступления, Германия хотела бы знать, какую политику поведет в этом случае Донское войско, Кубань и вообще юго-восточный союз.

Это были дни, когда войско Донское только что начало освобождаться от большевиков. Оно по прежнему было одиноко в борьбе. Немцы помогали оружием, но живою силою помогать избегали. Добровольческая армия и кубанцы были заняты своим делом и настолько мало интересовались Доном, что как раз в эти дни части добровольческой армии, обеспечивающие Кагальницкую и Мечетинскую станицы, по стратегическим соображениям, без уведомления о том донского атамана, были сняты, и угроза висела над Новочеркасском.

Сказать германцам, что войско Донское примкнет к чехо-словакам и пойдет войною на немцев, значило, в лучшем случае, лишиться и последней помощи, в худшем — быть раздавленными немцами. Атаман не верил в это чехо-словацкое наступление. Взвесив все эти обстоятельства, атаман заявил майору фон-Стефани, что Дон останется нейтральным и не допустит войны на своей территории.

Представители германского командования удовлетворились его ответом, но пожелали, чтобы это были не только слова, но чтобы они были закреплены в письменной форме. Было решено, что атаман напишет германскому императору письмо, в котором выскажет свои взгляды на отношения к Германии.

28 июня атаманом было составлено следующее письмо главе германского народа[67]:

«Ваше императорское и королевское величество…

«Два месяца борьбы доблестных донских казаков, которую они ведут за свободу своей родины с таким мужеством, с каким в недавнее время вели против англичан родственные германскому народу буры, увенчались на всех фронтах нашего государства полной победой, и ныне земля всевеликого войска Донского на девять десятых освобождена от диких красногвардейских банд.

«Государственный порядок внутри страны окреп, и установилась полная законность. Благодаря дружеской помощи войск создалась тишина на юге войска, и мною приготовлен корпус казаков для поддерживания порядка внутри страны и воспрепятствования натиску врагов извне. Молодому государственному организму, каковым в настоящее время является Донское войско, трудно существовать одному, и поэтому оно заключило тесный союз с главами астраханского и кубанского войск, полковником князем Тундутовым и полковником Филимоновым, с тем, чтобы по очищении земли астраханского войска и Кубанской области от большевиков составить прочное государственное образование на началах федерации из всевеликого войска Донского, Астраханского войска с калмыками Ставропольской губернии, Кубанского войска, а впоследствии, по мере освобождения, и Терского войска, а также народов Северного Кавказа… Вновь образуемое государство… решило не допускать до того,

чтобы земли его стали ареной кровавых столкновений, и обязалось держать полный нейтралитет.

«Атаман Зимовой станицы нашей (посланник) при дворе в. и. в. уполномочен просить признать права всевеликого войска Донского на самостоятельное существование, а по мере освобождения последних — Кубанского, и Астраханского и Терского войск и Северного Кавказа, — право на самостоятельное существование и всей федерации под именем Доно-Кавказского союза…

«Просить содействовать к присоединению к войску по стратегическим соображениям городов Камышина и Царицына Саратовской губернии и города Воронежа и станций Лиски и Поворино и провести границу войска Донского, как это указано на карте, имеющейся в Зимовой станице.

«Просить оказать давление на советские власти Москвы и заставить их своим приказом очистить пределы всевеликого войска Донского и других держав, имеющих войти в Доно-Кавказский союз, от разбойничьих отрядов Красной гвардии и дать возможность восстановить нормальные мирные отношения между Москвой и войском Донским. Все убытки населения войска Донского, торговли и промышленности, происшедшие от нашествия большевиков, должны быть возмещены советской Россией.

«Просить помочь молодому нашему государству орудиями, ружьями, боевыми припасами и инженерным имуществом и, если признаете это выгодным, устроить в пределах войска Донского орудийный, ружейный, снарядный и патронный заводы…

«Всевеликое войско Донское обязуется за услугу соблюдать полный нейтралитет во время мировой борьбы народов и не допускать на свою территорию враждебные германскому народу вооруженные силы, на что дали свое согласие и атаман Астраханского войска кн. Тундутов и кубанское правительство, а по присоединении — остальные части Доно-Кавказского Союза.

«Всевеликое войско Донское предоставляет Германской империи права преимущественного вывоза избытков, за удовлетворением местных потребностей, хлеба, зерном и мукой, кожевенных товаров и сырья, шерсти, рыбных товаров, растительных и животных жиров и масла и изделий из них, табачных товаров и изделий, скота и лошадей, вина виноградного и других продуктов садоводства и земледелия, взамен чего Германская империя доставит сельскохозяйственные машины, химические продукты и дубильные экстракты, оборудование экспедиции заготовления государственных бумаг с соответствующим запасом материалов, оборудование суконных, хлопчатобумажных, кожевенных, химических, сахарных и других заводов и электротехнические принадлежности.

«Кроме того, правительство всевеликого войска Донского предоставит германской промышленности особые льготы по помещению капиталов в Донские предприятия, промышленные и торговые, в частности по устройству и эксплоатации новых водных и иных путей»…[68]

Письмо это было рассмотрено 2 июня в Совете управляющих отделами. Отношение к нему было сдержанное, скорее даже отрицательное. После доклада командующего войсками о том тяжелом положении, в котором находятся войска не только донской, но и добровольческой армии, о полной зависимости от того, будут ли эти армии в достаточном количестве и своевременно снабжены патронами и снарядами, Совет управляющих одобрил это письмо.

Глава V

Результаты письма императору Вильгельму. — Активная помощь Дону. — Восстановление старых границ земли войска Донского. — Ослабление натиска большевиков. — Большой войсковой круг. — Интриги против атамана. — Вмешательство немцев. — Атаман Краснов вторично избран атаманом.

Письмо это имело громадные последствия.

29 июля Украина сообщила о признании старых границ Донского войска, и донские власти вошли в Таганрог и Таганрогский округ. Натиск большевиков действительно ослабел, и донские войска вышли за пределы земли войска Донского и победоносно вступили в Воронежскую и Саратовскую губернии. Германские гарнизоны были поставлены в зависимость от атамана и оставались лишь там, где атаман считал их присутствие необходимым. Таким образом, они вскоре покинули Донецкий округ и оставались только в Ростове и Таганроге, где атаман находил их присутствие необходимым до тех пор, пока полки молодой донской армии не будут в состоянии их сменить. В Ростове была образована смешанная доно-германская экспортная комиссия, нечто вроде торговой палаты, и Дон начал получать сначала сахар из Украины, а затем должен был получить все просимые им товары из Германии. В войско Донское были отправлены тяжелые орудия, в посылке которых до этого времени германцы отказывали. Наконец, германское командование предложило участие своих войск для операций по овладению Царицыном, но атаман это предложение отклонил, надеясь, что добровольческая армия, как это было условлено в Манычской 15 мая, по овладении Екатеринодаром перейдет в наступление на север и вместе с донцами овладеет Царицыным. Дон был весь свободен от большевиков и достиг большого процветания внутри. Атаман созвал Большой войсковой круг на 15 августа. Германцы были настолько внимательны к атаману, что в районе ими занимаемом сами следили за охранением внутреннего порядка во время выборов на круг…

Все это были положительные результаты письма и тех переговоров, которые велись герцогом Лейхтенбергским и генералом Черячукиным (посланниками войска Донского в Берлине. *Ред.*) в эти трудные дни. Это было время последнего германского наступления на Париж, и гордые своими победами немцы возили генерала Черячукина на позиции, где он лично мог убедиться в силе и мощи германской армии и страшном могуществе ее артиллерии.

Но вместе с тем, письмо это было употреблено во вред атаману. Вследствие предательства отдела иностранных дел, где письмо это переводилось и печаталось, копия этого письма попала в руки враждебной атаману партии. Она была размножена с соответствующими комментариями и послана во все станицы для того, чтобы повлиять на окружные круги, где обсуждались кандидаты в атаманы. Наконец, оно было напечатано в екатеринодарских газетах.

Донского атамана обвиняли в измене России, в предательстве Дона немцам, в страшной «германской ориентации». Агитаторы из Екатеринодара поехали по станицам и прямо говорили, что атаман продал Дон немцам.

Но агитация эта не имела успеха. Простым умом своим донской казак понял одно, что атаман стремится всеми силами дать мир и благосостояние Донскому войску и считается с силами его, те же, кто говорит против атамана, стараются вовлечь его в бесконечные войны и заставить служить для союзников.

Круг собрался 15 августа. Это уже не был сплошной, однородный серый круг, каким был «Круг спасения Дона». Интеллигенция и то, что еще хуже, полуинтеллигенция, народные учителя, мелкие адвокаты вошли в него, сумели овладеть умами казаков, и круг разбился уже не только географически по округам и по станицам, но и по политическим партиям. Председателем круга был не пылкий патриот Янов, вся вера которого заключалась в горячей любви к Донскому войску и казаку, но лидер кадетской партии В.А. Харламов, бывший членом Государственной Думы, опытный парламентарий, искушенный в политической борьбе. Партии, настроенные против атамана, повели свою подпольную работу.

Управляющий отделом иностранных дел генерал-майор Богаевский, выставляемый добровольческой армией как кандидат в атаманы, сдавая перед кругом отчет о работе отдела, упомянул и о письме имп. Вильгельму, написанном единолично атаманом. Письму была придана особая таинственность. Это было сделано с целью повлиять на умы серой части круга и пошатнуть ее доверие к атаману.

После речи А.П. Богаевского встал атаман и громко и четко прочел кругу свое письмо имп. Вильгельму и заявил, что всю ответственность за него он берет на себя.

В заседании 24 августа круг постановил:

«Одобрить общее в отношении центральных держав направление политики правительства, основанной на принципе взаимного и равноправного удовлетворения обеих сторон в практических вопросах, выдвигаемых жизнью, без вовлечения

Дона в борьбу ни за, ни против Германии.

«Приветствовать наладившиеся добрососедские отношения с родственной Украиной и указать правительству на необходимость дальнейшего сближения в общих интересах Дона и Украины».

Народная мудрость и национальный эгоизм одержали верх над хитрыми выпадками политических партий. Победа осталась за атаманом. Одновременно политические враги шли по другому пути, более опасному для атамана. Благодаря большевистской и социалистической пропаганде слово царь было все еще жупелом для многих людей и из серой части круга. С именем царя неразрывно связывали представление о суровом взимании податей, о продаже за долги государству последней коровенки, о засилии «помещиков и капиталистов», о белопогонниках-офицерах и об «офицерской палке». Царь и монархия противопоставлялись понятию свобода. Между тем, атаман служил торжественную панихиду по зверски убитом большевиками царе и отдал об этом приказ; официозная газета «Донской Край» редактировалась опытным и талантливым писателем И.А. Родионовым, считавшимся ярым монархистом, и в ней помещались статьи, говорившие благожелательно о восстановлении монархии в России. Для членов круга, желавших свалить атамана, была благодарная почва, и 18 августа было весьма бурное заседание, где левые партии требовали немедленной смены редактора Родионова. Им удалось так разжечь настроение на кругу, что атаман не счел возможным оставаться на своем посту. 20 августа атаман заявил об отставке.

Депутация от круга во главе с председателем его поехала во дворец и уговорила атамана вернуться и оставаться на посту впредь до выборов. Атаман согласился, но просил ускорить выборы.

Германское командование с глубоким интересом следило за всем происходящим на кругу. Немцы волновались оттяжкой выборов, они видели разлагающее действие круга на армию и, несмотря на всю свою сдержанность, решили предупредить атамана, что если Дон станет опять ареной политической игры, то они откажутся ему помогать.

4 сентября майор Кокенхаузен писал из Ростова атаману в этом духе.

К этому времени на Дону наметились два кандидата в атаманы: генерал Краснов — «германской ориентации», сторонник свободного Дона, и генерал Богаевский — «союзнической ориентации», сторонник подчинения генералу Деникину.

12 сентября, наконец, круг приступил к выборам атамана.

В 1-м часу ночи 13 сентября закончился подсчет записок, поданных для выборов атамана. Из 338 записок 234 были поданы за генерала Краснова, 70 — за генерала Богаевского, 33 записки пустых и одна — за войскового старшину Янова…

Атаман Краснов остался на своем посту.

Глава VI

«Ориентация» атамана. — Его взгляд на союзников по речам и действиям. — Отношение к немцам. — «Самостийность» атамана. — Подготовка к движению для освобождения Москвы.

Был ли действительно атаман «германской ориентации» и самостийником? Это обвинение было пущено врагами атамана, собравшимися в Екатеринодаре, — Сидориным и Гущиным, которых атаман отозвал из Киева и к которым высказал полное недоверие в виду их прошлой некрасивой деятельности (Сидорина — в дни похода Корнилова на Петроград и Гущина — в первые дни революции), Семилетовым, уволенным от командования партизанами, Родзянко, высланным из Новочеркасска за вредную политическую деятельность, С.П. Черевковым и другими. Оставшись без дела при шумном и многолюдном штабе Деникина, они вымещали свою злобу на атамана в клевете на него.

Если обратиться к речам и поступкам атамана, то трудно найти в них какую-либо особую симпатию к немцам и тем более самостийность.

Россию должна спасать сама Россия, — это он понимал твердо. Он гнал всякую мысль о помощи извне, и родной Дон он стремился спасти силами донских казаков. Но он отлично понимал, что спасти Дон — это одна задача, спасти Россию — задача другая. Ко всем иностранцам, — будут это союзники или немцы, — атаман относился отрицательно. Он твердо верил, что прошли те времена, когда проливали кровь и воевали «pour les beaux yeux de la reine de Prusse»[69] он знал, что и немцы, и французы, и англичане едут в Россию не для России, а для себя, чтобы урвать с нее, что можно, и отлично понимал, что Германии и Франции по взаимно противоположным причинам нужна Россия сильная и могущественная, «единая и неделимая», а Англии, напротив, — слабая, раздробленная на части, быть может, федеративная, пожалуй даже — большевистская. И потому Германии и Франции атаман верил, Англии же не верил нисколько. Все стремления атамана были направлены к тому, чтобы независимо от иностранцев поставить Дон на ноги, дать ему все, что нужно для борьбы.

Едва только он получил Таганрог, как сейчас же забрал Русско-Балтийский завод, приспособил его для выделки ружейных и артиллерийских трех-дюймовых патронов и достиг к ноябрю 1918 года выделки 300.000 ружейных патронов в сутки; он вел переговоры об устройстве своего порохового завода и

снаряжательной мастерской. Атаман поставил на работу все ремесленные школы и гордился тем, что вся донская армия одета с ног до головы в «свое», что она сидит на своих лошадях и на своих седлах. У императора Вильгельма он просил машин, фабрик, чтобы опять-таки как можно скорее освободиться от опеки иностранцев. Его ориентация сквозила во всех его речах и на кругу, и особенно в станицах и войсковых частях. Это была ориентация русская — так понятная простому народу и так непонятная русской интеллигенции, которая привыкла всегда кланяться какому-нибудь иностранному кумиру и никак не могла понять, что единый кумир, которому стоит кланяться, — это родина.

Добровольческая армия, как армия не народная, а интеллигентская, офицерская, не избежала этого и рядом со знаменем «единой и неделимой» воздвигла алтарь непоколебимой верности союзникам во что бы то ни стало. Эта верность союзникам погубила императора Николая II, она же погубила и Деникина с его добровольческой армией.

Атаман смотрел на немцев, как на врагов, пришедших мириться с протянутою для мира рукою, и считал, что у них он может просить, но когда пришли союзники, то на них он смотрел, как на должников перед Россией и Доном, и считал, что они обязаны вернуть свой долг и с них нужно требовать.

Дальше история сношений войска Донского покажет ярко, какова была ориентация атамана.

В деле обвинения в самостийности вопрос гораздо сложнее. Атаман вступил в управление войском вскоре после Каледина, которого погубило доверие к крестьянам, знаменитый «паритет». Дон раскололся в это время на два лагеря — казаки и крестьяне. Крестьяне за малым исключением были большевиками. Там, где были крестьянские слободы, восстания против казаков не утихали. Весь север войска Донского, где крестьяне преобладали над казаками, Таганрогский округ, слободы Орловка и Мартыновка 1-го Донского округа, города Ростов и Таганрог, слобода Батайск были залиты казачьей кровью в борьбе с крестьянами и рабочими. Попытки ставить крестьян в ряды донских полков кончались катастрофой. Крестьяне изменяли казакам, уходили к большевикам и насильно, на муки и смерть, уводили с собою донских офицеров. Война с большевиками на Дону имела уже характер не политической или классовой борьбы, не гражданской войны, а войны народной, национальной. Казаки отстаивали свои казачьи права от русских. Атаман, являясь ставленником казаков, не мог с этим не считаться. Он не мог допустить и мысли о каком-либо паритете, потому что это

погубило бы Дон, погубило бы все дело.

«Казачий круг! — говорит он кругу 16 августа. — И пусть казачьим он и останется.

«Руки прочь от нашего казачьего дела — те, кто проливал нашу казачью кровь, те, кто злобно шипел и бранил казаков! Дон для донцов!

«Мы завоевали эту землю и утучнили ее кровью своею, и мы, только мы одни, хозяева этой земли.

«Вас будут смущать обиженные города и крестьяне. Не верьте им. Помните, куда завел атамана Каледина знаменитый паритет. Не верьте волкам в овечьей шкуре. Они зарятся на ваши земли и жадными руками тянутся к ним. Пусть свободно и вольно живут на Дону гостями, но хозяева только мы, только мы одни… казаки!»

Вот где самостийность атамана. В страшном домашнем споре о земле и правах на нее! Атаман понимал, что этого вопроса трогать нельзя, но, как только вопрос коснулся общей политики, атаман счел, что Дон не только неразделимая часть России, но что он обязан бороться и восстановлять «единую и неделимую»…

Атаман решил итти с казаками спасать Россию не только на словах, но и на деле. Он готовил и берег для этого особый корпус молодых казаков: 1-я Донская казачья дивизия — 5 тысяч шашек и 12 конных орудий; 1-я пластунская бригада — 8 тысяч штыков, 8 полевых орудий, 4 тяжелых орудия; 1-я стрелковая бригада — 8 тысяч штыков, 8 полевых орудий и 4 мортиры; 1-й саперный батальон — 1 тысяча штыков; все технические войска — броневые поезда, аэропланы, броневые машины и пр. — должны были итти с Деникиным на Москву. Их особо снаряжали, особо воспитывали и прививали им идею похода для спасения России. Но Деникин требовал, чтобы пошло все войско, чтобы оно дошло до полного напряжения и выставило 200–300 тысяч борцов, атаман же давал всего около 30 тысяч, — в этом была его самостийность. Но атаман знал, что все казаки на Москву ни за что не пойдут, а эти 30 тысяч, а за ними столько же охотников наверное пойдут. Атаман чувствовал, что у него нет силы заставить пойти, и потому делал все возможное, чтобы пошли сами. Деникин решил заставить пойти…

21 сентября круг, наконец, разъехался. Врагам атамана не удалось ни свалить его, ни уменьшить или обрезать его права. Напротив, в заседании 15 сентября круг составил указ, в котором было сказано:

«Пусть казак и гражданин всевеликого войска Донского памятует о своем долге перед родным краем. Пусть в каждом из нас атаман найдет верных исполнителей. Одна мысль, одна воля

да объединит нас: помочь атаману в его тяжелом и ответственном служении Дону»…

Эта мысль была у всего круга, кроме маленькой части политических врагов атамана. Эти политические враги не разъехались. Они остались вместе с председателем круга В.А. Харламовым в Новочеркасске в законодательной комиссии, завели тесные сношения с Екатеринодаром и повели серьезную подпольную работу для замены атамана Краснова — «германской ориентации» — атаманом Богаевским — «союзнической ориентации». На случай прибытия союзников готовилась полная перемена декорации.

Глава VII

Первоначальная организация народной донской армии. — Вооружение. — Снаряжение. — Офицерский состав. — Дисциплина. — Тактика. — Отношение к пленным. — Реорганизация армии. — Сведение дружин и станичных полков в тактические единицы. — Молодая армия. — Донской флот. — Численность армии к осени 1918 года. — Снабжение ее.

Ко времени занятия казаками Новочеркасска и вступления в управление войском Донским атамана все вооруженные силы Донского войска состояли из шести пеших и двух конных полков при 7 орудиях и 11 пулеметах, составлявших северный отряд полковника Фицхелаурова, одного конного полка в Ростове и нескольких небольших отрядов, разбросанных по всему войску, — сила, численность и вооружение которых ни атаману, ни командующему войсками не были известны. Дон кипел восстаниями и поднялся весь от крайнего севера до юга. Но сведения о восставших, об их силе, об успехах их борьбы первое время приходили лишь со случайными людьми, прорывавшимися сквозь большевиков и привозившими известия в Новочеркасск.

Полки имели дружинную, станичную организацию. Каждая станица выставляла свой полк из казаков-охотников, добровольцев. Сила полков была разная и колебалась от величины станицы и от того, каков был патриотический подъемов станице. Обыкновенно после прочтения воззвания и речей служили молебен, и после молебна выходило на фронт очень много. Но по пути многие отдумывали, других отговаривали жены. Шли больше старики и юная зеленая молодежь, фронтовики серьезничали, ждали приказа и если собирались, то «своим» полком, и тогда были по большей части отлично одеты и сорганизованы. От этого и сила полков была разная. Одни станицы выступали почти поголовно и дали полки в 2.000 — 3.000 человек, в других, напротив, едва насчитывалось 300–500. Полки были пешие, но при каждом полку была непременно своя конная часть от 30 до 200–300 человек.

Район военных действий был так близок к станицам, что с наступлением темноты, когда бой затихал, на «позицию» являлись пешком и на телегах жены, отцы, матери и дети бойцов и приносили хлеб, молоко, мясо. Здесь иногда происходили душу раздирающие сцены, когда пришедшие находили своего близкого убитым или тяжело раненым. Легко раненые оставались в строю, и были казаки, имевшие по пяти-шести ранений.

Офицеры в полках были свои же станичники. Если их не

хватало, брали казаков-офицеров из других станиц, брали офицеров и не-казаков, но им первое время не доверяли и к ним присматривались. Если офицер оказывался молодец, его зачисляли к себе в станицу казаком и не отказывали в земельном наделе.

С казаками бороться против большевиков пошли и многие крестьяне, жившие поблизости от станиц и в самых станицах. Этих казаки приговором станичного общества зачисляли в казачье сословие. Такие добровольцы дрались отлично и подавали пример удали казакам.

Казаки в бою действовали великолепно, с громадным мужеством и искусством. Младшие офицеры были хороши, но в сотенных и полковых командирах ощущался большой недостаток. Пережившие за время революции слишком много оскорблений и унижений, старшие начальники недоверчиво относились к казачьему движению и первое время прятались по станицам и в Новочеркасске, избегая итти на фронт.

Одеты казаки были в свое полувоенное платье, многие по форме и по летнему времени достаточно хорошо. Недоставало только сапог. До 30 % вместо сапог имели опорки, лапти, а многие и вовсе были босиком. Почти все носили погоны. Если у кого не было погон, то не потому, что он их не признавал, а потому, что у него их не имелось и негде было достать, но при первом же случае он их добывал и с гордостью надевал на себя. Офицеры за редким исключением были в погонах. Все имели на фуражках или папахах белую полоску для отличия в рукопашном бою от красной гвардии.

Дисциплина была братская. Офицеры ели с казаками из одного котла, жили в одной хате, — ведь они и были роднею этим казакам: часто у сына в строю во взводе стоял отец или дядя, — но приказания их исполнялись беспрекословно, за ними следили и, если убеждались в их храбрости, то поклонялись им и превозносили.

Штабы были маленькие. Штаб «отряда», ведшего совершенно самостоятельные операции, состоял из начальника штаба и одного-двух адъютантов. Для хозяйственных целей сами станицы отряжали к отряду нескольких «общественных деятелей», представителей кооперации или торговых казаков, которые распределяли добычу, взятую у неприятеля, и заботились о правильном снабжении всем необходимым отряда. Добыча, из чего бы она ни состояла, считалась собственностью отряда и сейчас же шла: одежда и оружие на пополнение отряда, а остальное отправлялось в станицу, к себе, в дома, или в общую станичную казну. На случай получения оружия от неприятеля, в

тылу всегда бывало достаточно мобилизованных, но еще не вооруженных казаков.

Бой был краткотечен. Если он начинался с рассветом, то обыкновенно к полудню он уже завершался полною победою. Окопов и укреплений не строили. Самое большее, что окапывались лункою для защиты плеч и головы, большею же частью лежали открыто. Шанцевого инструмента было мало, да и окапываться мешала природная казачья леность. Тактика была проста. Обыкновенно на рассвете начинали наступление очень жидкими цепями с фронта, в то же время какою-либо замысловатою балкою двигалась обходная колонна главных сил с конницею во фланг и тыл противнику. Если противник был в десять раз сильнее казаков, — это считалось нормальным для казачьего наступления. Как только появлялась обходная колонна, большевики начинали отступать, тогда на них бросалась конница с леденящим душу гиком, опрокидывала их, уничтожала и брала в плен. Иногда бой начинался притворным отступлением верст на двадцать казачьего отряда, противник бросался преследовать, и в это время обходные колонны смыкались за ним, и он оказывался в мешке. Такою тактикою полковник Гусельщиков с Гундоровским и Мигулинским полками, в 2–3 тысячи человек, уничтожал и брал в плен целые дивизии красной гвардии в 10–15 тысяч, с громадными обозами и десятками орудий. Отличное знание местности, природная военная сметливость казаков, их неутомимость в преследовании сильно помогали им в этой тактике, всегда основанной на маневре.

Казаки требовали, чтобы офицеры шли впереди. Поэтому потери в командном составе были очень велики. Начальник целой группы генерал Мамонтов был три раза ранен и все в цепях.

В атаке казаки были беспощадны. Так же они были беспощадны и с пленными. Когда казаки у хутора Пономарева захватили знаменитого Подтелкова, сопровождаемого 73 казаками, оставшимися при нем, они устроили полевой суд. Полевой суд приговорил Подтелкова и двух его помощников комиссаров к повешению, а 73 казаков конвоя — к расстрелу. Казнь сейчас же была приведена в исполнение в присутствии всех хуторян. Старуха-казачка соседнего хутора жалела очень, что она не поспела посмотреть, «как этих злодеев вешать будут»… Пленных отправляли на работы в поля и каменноугольные копи, пленные же чистили Новочеркасск и исправляли все то, что испортили и запакостили большевики. Лишь очень небольшое число пленных ставили в строй. Особенно суровы были казаки с пленными казаками, которых считали изменниками Дону. Тут отец спокойно приговаривал к смерти сына и не хотел и

проститься с ним.

Атаман и командующий армией приложили все усилия к тому, чтобы внести полный порядок в организацию армии и боевые действия, построить организацию на началах военной науки, добиться правильного управления отрядами, не нарушая в то же время ее народного характера.

12 мая войсковому штабу было подчинено 14 самостоятельных отрядов.

К 1 июня командующему армией удалось связать мелкие отряды в более крупные соединения, и в управлении его находилось уже всего шесть групп: полковника Алферова — на севере Дона, генерала Мамонтова — под Царицыном, полковника Быкадорова — под Батайском, полковника Киреева — под Великокняжеской, генерала Фицхелаурова — в Донецком районе и генерала Семенова — в Ростове. Все эти группы были связаны с Новочеркасском телеграфом (по большей части с аппаратами Юза) и телефоном. Кроме того, работали три радиостанции: в Новочеркасске, Каменской и Мечетинской. Все это имущество было отбито у большевиков.

Командующий армией приступил к постепенной реорганизации отрядной системы в общеармейскую. К этому времени 25 возрастов казаков было мобилизовано, а всего под ружьем находилось 27.000 пехоты, 30.000 конницы, 175 орудий, 610 пулеметов, 20 самолетов и 4 бронированных поезда, не считая молодой, постоянной армии. В августе месяце по приказу атамана командующий армией постепенно заканчивал реорганизацию Мобилизованных частей. Станичные полки сводились по несколько в один, образуя номерные пешие полки двух- и трех-батальонного состава по 1.000 штыков в батальоне при 8 пулеметах на батальон, конные полки были сведены в шестисотенные полки, по 16 рядов во взводе при 8 пулеметах на полк, орудия были выделены из состава полков, сведены в четырех-орудийные пешие и конные батареи. Пешие полки были сведены в бригады и дивизии, конные полки тоже составили бригады и дивизии, к ним приданы артиллерийские четырех-батарейные бригады и двух-батарейные дивизионы. Дивизии сведены в корпуса, которые поставлены на 4 фронтах: северном — для наступления на Воронежскую губернию, северо-восточном — для обороны балашовского направления — между Урюпинской и Усть-Медведицкой станицами, восточном — у Царицына и юго-восточном — у станицы Великокняжеской.

К этому же времени почти было закончено формирование постоянной армии из молодых казаков 19- и 20-летнего возраста. Эта молодежь, не бывшая на русско-германской войне, не

усталая, не развращенная большевистской пропагандой, не знавшая ни комитетов, ни комиссаров, была собрана в 3 лагерях — Персиановском, Власовском и Каменском и составила 2 пехотных бригады — пластунскую и стрелковую, 3 конных дивизии, саперный батальон и технические части, а также легкую, конную и тяжелую артиллерию. Части эти были нормального российского штата, имели казенных лошадей и все казенное обмундирование и снаряжение от войска, штатный обоз, были воспитаны, муштрованы и обучены по старым русским уставам и составляли гордость войска Донского.

26 августа донской атаман представил Большому войсковому кругу всю молодую армию, собранную под Новочеркасском в Персиановском лагере. Всего было 7 батальонов, 33 сотни спешенных казаков, 6 батарей без запряжек (одна прислуга), 16 конных сотен, одна мортирная батарея и 5 аэропланов.

В виду того, что почти все станицы войска Донского расположены по реке Дону, и в летнее время река Дон является такою же важною артерией, как и железнодорожные пути, атаман одновременно с постройкою броневых поездов был озабочен и созданием речной флотилии. Часть пассажирских пароходов была приведена в боевое положение, на них доставлены полевые орудия на вращающихся платформах и установлены пулеметы. Было положено начало боевому флоту. К зиме 1918 года в донском флоте было 8 судов: яхта «Пернач», бывшая океанская яхта великого князя «Тамара», речные пароходы — «Донец», «Кубанец», «Цымла», «Вольный Казак» и «Новочеркасск» и морские пароходы — «Христофор» и «Сосьетэ». Речные пароходы несколько раз совершали боевые плавания по Дону, очищая от большевиков захватываемые ими станицы — особенно Цымлянскую и Нижне-Курмоярскую, а пароходы «Христофор» и «Сосьетэ» плавали в порты Румынии и Крыма и доставили оттуда для донской армии 12 шестидюймовых морских длинных пушек Канэ, которые были установлены на изготовленные в Ростове броневые поезда, 4 мелких орудия Канэ, 100 пулеметов, 9 аэропланов, 500.000 ружейных патронов и 10.000 снарядов. Для подготовки личного состава донского флота был устроен в городе Таганроге флотский береговой батальон.

К зиме 1918 года донская армия и флот приняли стройную организацию, были снабжены всем необходимым, закалены в постоянных боях с неприятелем и были готовы к наступлению совместно с союзниками и добровольческой армией на Москву для спасения России.

Армия имела к этому времени 1.282 офицера, 31.300 бойцов на фронте, 79 пушек и 267 пулеметов и, кроме того, молодую

армию в составе 20.000 бойцов. Технические средства армии состояли из 68 самолетов, 14 броневых поездов, 3 броневых автомобилей, химического взвода, имевшего 257 баллонов с удушливыми газами и 15 тысяч дымовых шашек, 450 самокатов, более 3.000 верст телеграфного и телефонного кабеля и слишком 2.000 аппаратов.

Артиллерийским, инженерным и интендантским довольствием донское войско снабжалось сначала исключительно ввозом из Украины, но постепенно все снабжение становилось самостоятельно.

Для этой цели войсковое интендантство организовало суконную фабрику с производством 500 аршин сукна шинельного и рубашечного в месяц и поставило на работы все военно-ремесленные школы.

С весны 1919 года донская армия должна была совершенно выйти из-под иностранной опеки, но обстоятельства сложились иначе. Нужно внимательно проследить за ходом боевых операций на Дону для того, чтобы вполне уяснить, почему войско донское, так успешно развивавшееся до прихода союзников на юг России, погибло, как только слилось с добровольческой армией.

Историю борьбы донцов с большевиками можно разделить на следующие три периода:

Период первый — народная война казачьей народной армии против разбойничьих шаек большевиков — Красной гвардии.

Период второй — народная война казачьей народной армии против Красной рабоче-крестьянской народной армии за целость своих станиц.

Период третий — классовая война добровольческой армии, в которую влились, как части, казачьи армии, против рабоче-крестьянской Красной армии.

Первые два периода были при косвенной помощи германцев, последний — под руководством и при материальном участии союзников — французов и англичан.

Глава VIII

Постепенное очищение войска Донского от большевиков. — Соединение восставших казаков на севере с южными округами. — Образование единого фронта. — Движение за пределы войска. — Необходимость посторонней поддержки.

Немедленно по овладении Новочеркасском полковник Денисов, произведенный «Кругом спасения Дона» в генерал-майоры, решил для окончательного закрепления за собою Новочеркасска овладеть городом Александро-Грушевским, куда отступили красные войска. Эта операция была поручена северной группе войск под начальством генерал-майора Фицхелаурова.

28 апреля[70] генерал Фицхелауров с боем занял город, а вслед за тем своими конными частями очистил весь угольный район и призвал рабочих к мирной работе.

Одновременно в Донском округе, на реке Белой Калитве, 25 апреля, самостоятельный станичный Ермаковско-Екатерининский отряд разбил красногвардейский эшелон и отнял целый поезд с боевыми припасами (около 5.000 артиллерийских снарядов и 600.000 ружейных патронов), и тогда же пришло известие о крупной победе казаков Мигулинской станицы над большевиками, где тоже была взята значительная добыча.

Все это заставило только что назначенного командующим армией молодого и решительного генерала Денисова спешить для соединения с восставшими казаками и развить действия на север и на северо-восток.

Генералу Фицхелаурову было приказано начать наступление к станице Каменской, по овладении которой повернуть на восток и стремиться к соединению с восставшими казаками 2-го Донского округа, ведшими упорные бои у Нижне-Чирской станицы.

В отряде генерала Фицхелаурова насчитывалось 9.000 пехоты и конницы при 11 орудиях и 36 пулеметах.

Между 15 и 19 мая генерал Фицхелауров выбил сильный отряд товарища Щаденко из Морозовской станицы, заставил его отойти к станции Суровикино и начал наступление на Суровикино. Отходящие вдоль железной дороги к Царицыну части Щаденко напали с тыла на части генерала Мамонтова и поставили его в очень тяжелое положение, принудив бороться на два фронта. Были дни, когда положение генерала Мамонтова, имевшего очень мало патронов, было критическим. Казаки мамонтовской группы уже готовы были призвать на помощь немцев, но донской атаман не разрешил им этого, убедивши, что

они сами справятся с большевиками.

1 июня войска генерала Фицхелаурова и генерала Мамонтова совместными усилиями овладели станицей Суровикино и принудили Щаденко бросить железную дорогу и грунтовыми путями отойти к станции Чир.

Это была первая победа донцов, имевшая стратегическое значение. Благодаря уничтожению отряда Щаденко казаки Верхне-Донского, Донецкого и 2-го Донского округов объединились с казаками южных округов, и, таким образом, из 10 округов восемь получили единое командование, да и с боровшимися на севере войска Донского — в Хоперском и Усть-Медведицком округах — отрядами была установлена связь. Главное было достигнуто, командующий армией приступил к систематической очистке станиц и слобод от Красной гвардии.

Здесь ему и донскому атаману пришлось столкнуться с местным казачьим патриотизмом. В некоторых казачьих частях были митинги и выносились резолюции о том, что сражаться надо только за станицы своего округа и не переходить его границ. Многие окружные атаманы, атаманы станиц и даже просто коменданты станций и пристаней самовольно выносили постановления о невывозе из пределов станицы хлеба, реквизировали проходящие через них грузы. Большевистский яд крепко впитался в их натуру, и Дону грозила опасность расколоться на части и погибнуть во взаимной вражде. Атаман суровыми мерами расправился с митинговавшими полками, предал полевому суду самовольцев; эти меры, с одной стороны, с другой, — благородный порыв некоторых полков, как, например, Гундоровского и Егорлыцкого, которые по первому приказу выступили за пределы своих округов и пошли отстаивать Войско, а не свои станицы, вернули армию к порядку. Эти случаи заставили спешить атамана с постепенным уничтожением станичных дружин и заменой их номерными полками, где местный патриотизм был бы сглажен и заменен патриотизмом общевойсковым. Эти случаи показали атаману, как нужно быть осторожным при подготовке армии к походу за пределы Войска.

Наступление донских частей на север и восток продолжалось. Генералу Фицхелаурову скоро удалось связаться с полковником Алферовым, который еще 14 мая, собравши казаков подле Зотовской станицы, начал успешную борьбу против Красной гвардии. В Хоперском округе ничего не знали ни об освобождении Новочеркасска, ни об избрании атамана. Почти одновременно и генерал Мамонтов вошел в связь с отрядами полковников Старикова и Сехретева, очищавших от большевиков Усть-Медведицкий округ.

К концу мая все войско Донское представляло единый фронт, подчиненный командующему армией и атаману и имеющий своею базой Новочеркасск и Украину. Отделу снабжения надо было лихорадочно работать, чтобы укрепить этот фронт оружием и средствами борьбы и не дать храбрецам дойти до отчаяния.

Прочная база на Украине, возможность, благодаря германским гарнизонам, быстро наладить транспорт и заставить работать железные дороги помогли атаману довести восстание казаков до страшного напряжения и обратить его в правильную планомерную войну с Красной гвардией.

5 июня командующий армией снарядил речной десантный отряд из пароходов «Новочеркасск» и «Донец» в составе Каменского полка, силою около 2.000 штыков, и конной сотни под общим начальством полковника Дубовского и послал этот отряд вверх по Дону для окончательной очистки левобережных станиц. Отряд освободил от большевиков станицы Каргальскую и Романовскую и помог Цымлянскому, Нижне-Курмоярскому и Потемкинскому отрядам овладеть всем левым берегом. Красногвардейцы должны были покинуть богатые придонские станицы и хутора и уходить в степь. Здесь им пришлось столкнуться с отрядами, посланными в Задонье. Красная гвардия базировалась на железную дорогу Царицын — Торговая — Тихорецкая. Центральные станции этой дороги — Котельниково и Великокняжеская — явились сильными узлами обороны. Кавказские большевики, не тревожимые пока никем, сообщались с Царицыным, и силы казаков, слишком незначительные, не могли сломить сопротивления большевиков.

В первых числах июня добровольческая армия, снабженная и окрепшая в Мечетинской, вышла из своего инертного состояния и начала наступление на Сосыку и Торговую. Одновременно и войска задонской группы донской армии были двинуты на Торговую и Великокняжескую.

17 июня донцы совместно с добровольцами заняли Великокняжескую станицу. В Великокняжеской добровольцы оставили свой гарнизон, а донцы самостоятельно продолжали наступление и заняли станции Двойную, Куберле и Зимовники и таким образом стали выходить во фланг и тыл большевистским бандам, боровшимся против Мамонтова у станции Чир. Гнездо большевиков, слобода Мартыновка, упорно защищавшаяся от казаков и не признававшая атаманской власти, была окружена и через месяц осады сдалась…

История этого периода борьбы в глубине донских степей изобилует полными драматизма эпизодами. Нет возможности описать всех ужасов, всей нравственной нелепости гражданской

войны братьев со своими братьями. Казаки долго не могли овладеть Мартыновкой лишь потому, что против нее действовали полки 1-го Донского округа. Большинство казаков имело своих жен из Мартыновки, и, обратно, многие крестьяне слободы были женаты на местных казачках. Борьба между родичами обращалась в нелепость. Ни казаки, ни слободские большевики не подходили друг к другу ближе чем на две версты, боясь поранить своих. Только тогда, когда атаману удалось вывести части 1-го Донского округа на фронт 2-го Донского округа, а к Мартыновке направить полки Донецкого округа, «родственная» война окончилась, и Мартыновка была захвачена.

Движение добровольческой армии наперерез Владикавказской железной дороги заставило большевиков, торчавших под самым Новочеркасском — в Азове, покинуть побережье Азовского моря и отходить на Кубань. 13 июля на юге Войска не оставалось больше большевиков, и Новочеркасск мог быть совершенно спокойным.

Командующий армией стал перебрасывать войска с юга для развития операций на севере по направлению к Воронежу и Камышину.

17 июля казаки-хоперцы овладели станциями Филипово, Панфилово и Кумылга и отрезали Царицын от станции Поворино. Одновременно генерал Фицхелауров вышел к границам Саратовской губернии.

Генерал Мамонтов, оправившись после тяжелых июньских боев у Суровикино, пополнивши свои части и, главным образом, получивши сильную артиллерию, 21 июля перешел в наступление и, сбивши противника с позиции у станции Чир, к 31 июля выгнал его за пределы области и сдавил у Царицына.

Наконец, 27 июля части полковника Алферова вышли на севере за пределы Войска и захватили город Богучар Воронежской губернии, который стал опорным пунктом казаков для освобождения России от большевиков.

Войско Донское было свободно от Красной гвардии, в Новочеркасске собрался войсковой круг и приступил к созданию «конституции» и внутреннему строительству. Интеллигентная часть круга, понимая, что не может быть войска Донского вне и независимо от России, стояла на дальнейшем развитии военных действий, серая часть круга, громадное большинство, стояла на принципе «без аннексий», «при свободном самоопределении народов», и самоопределилась в пределах земли войска Донского, не желая переходить его границы.

И несмотря на всю свою силу почти самодержца, атаман чувствовал себя бессильным. Перейти границы войска Донского,

это значило из народной войны сделать войну гражданскую, завоевательную в лучшем случае, итти ради добычи, ради грабежа.

Создавался заколдованный круг — итти надо, но итти нельзя. Пойдешь вперед — не будешь иметь успеха, все повернется против тебя.

Атаману удалось добиться постановления круга о переходе границ войска Донского, которое было выражено в приказе всевеликому войску донскому следующими словами: «Для наилучшего обеспечения наших границ, донская армия должна выдвинуться за пределы области, заняв города Царицын, Камышин, Балашов, Новохоперск и Калач в районах Саратовской и Воронежской губерний».

Но это была мертвая буква. За границу шли неохотно.

— Пойдем, если и «русские» пойдут, — говорили казаки.

Атаман снесся с генералом Деникиным. Он снова и весьма настойчиво просил его оставить кубанцев самих доканчивать освобождение Кубани, как это сделало войско донское, а самому итти на Царицын и Воронеж. Атаман писал, что добровольческая армия и кубанцы имеют против себя одну деморализованную банду товарища Сорокина, тогда как на севере силы большевиков крепнут и сопротивление их почти неодолимо. Екатеринодар занят, 11 сентября на Кубани созывается рада казачья, самое время генералу Деникину итти и становиться самостоятельным, вне казаков.

Но генерал Деникин отказал в этом атаману. Он должен оставаться на Кубани, пока не освободит от большевиков всего Северного Кавказа. Он откладывал свое движение на север и совместные действия с донцами. Он не хотел работать рядом с атаманом, сила и популярность которого в войске были сильнее его популярности. Ему приятнее было иметь дело с мягким и податливым Филимоновым, нежели с крутым и твердым донским атаманом. С радой он не считался, с кругом и донским атаманом пришлось бы считаться. Генерал Деникин в это время уже не был ни солдатом, ни горячим патриотом, — он был политиком. Политика приковывала его к Екатеринодару и Новороссийску.

Он ждал союзников.

Глава IX

В поисках союзников. — Украина. — Состояние воинских сил Украины. — Беспомощность гетмана Скоропадского. — Переговоры Украины с Советской Республикой. — Свидание гетмана Скоропадского с донским атаманом на станции Скороходово. — Переписка по этому поводу со штабом генерала Деникина. — Необходимость создания не-казачьей армии на севере Донского войска.

В этом тяжелом положении атаман все чаще и чаще присматривался к тому, что делалось рядом на Украине. Левый фланг его армии и отчасти тыл — губернии Харьковская, Екатеринославская и Херсонская — были Украиной. Пока на Украине был порядок, пока была дружба и союз с гетманом, атаман мог быть спокоен за свой левый фланг. На гетмана Скоропадского атаман мог положиться. Мало того, с Украиной начинался правильный товарообмен, Дон получал от нее не только оружие и снаряжение, но получал сахар, кожу, сукно и мог развивать свою торговлю.

Но мог ли атаман быть спокоен и уверен в том, что в буре, бушевавшей над Россией, гетман Скоропадский устоит?

У гетмана армии не было. Немцы мешали ему создать таковую. Они боялись осложнений, они оккупировали Украину для своих целей, и им украинская армия была не нужна. Украинские верхи, посаженные волею немцев, боялись объявлять мобилизацию и собирать армию: большевизм был слишком силен в низах, и такая армия могла легко подпасть под пропаганду большевиков или быть увлеченной авантюристами, коих много бродило тогда по Украине.

Гетман и его приближенные считали, что в то время можно было рассчитывать только на немцев, а если уже придется создавать армию, то создавать ее на особых началах из вольнонаемных добровольцев, набираемых из крестьян-собственников.

На Украине создание армии шло прямо противоположно тому, как создавалась армия на Дону. На Дону народ поднялся против большевиков, собрался в дружины, дружины призывали офицеров, а затем уже работою командующего армией генерала Денисова и его штаба эти дружины выкристаллизовались в полки, дивизии, корпуса и армии, и туда пришлось назначать соответствующих начальников. На Украине целый ряд генералов и офицеров получили назначения командиров корпусов, начальников дивизий и командиров полков, одели оригинальные

украинские жупаны, расшитые шнурами, со сборками сзади, отпустили оселедцы, навесили кривые сабли, заняли казармы, наклеили вывески на украинском языке, напечатали уставы по-украински, ввели немецкие слова в команды, издали множество очень интересных военных книг с обложками на украинском языке и с содержимым на русском, но солдат в армии не было.

Создавалась в Киеве из молодых земельных собственников прекрасная дивизия «сечевых стрельцов», были офицерские баталионы и нарядный Сумской гусарский полк, но это были тысячи человек тогда, когда для защиты Украины и для войны с большевиками требовались сотни тысяч.

Переговоры о мире с Советской республикой затягивались и выливались в форму праздной болтовни и пустого митинга. Советская республика недвусмысленно грозила восстанием в тылу, общественные деятели левого толка, подобные Петлюре, поднимали голову и говорили против гетмана, и если все это еще не выступало открыто, то только потому, что молчаливо стояли повсюду часовые в германских касках, и грозное «Halt» заставляло поджимать хвосты самых смелых политических шавок.

Однако гетман чувствовал, что опираться вечно на германские войска невозможно, что Украина одна не может существовать, и он решил создать тесный оборонительный союз, слившись с Доном, Кубанью, Крымом и народами Кавказа, а также с самостоятельною Грузией. Это входило и в немецкие планы, и при содействии германского командования 20 октября (ст. ст.) на станции Скороходово, между Полтавой и Харьковом, в поезде гетмана Скоропадского между атаманом и гетманом состоялось политическое свидание.

— Вы, конечно, понимаете, — говорил гетман, — что я, флигель-адъютант и генерал свиты его величества, не могу быть щирым украинцем и говорить о свободной Украине, но в то же время именно я, благодаря своей близости к государю, должен сказать, что он сам погубил дело империи и сам виноват в своем падении. Не может быть теперь и речи о возвращении к империи и восстановлении императорской власти. Здесь, на Украине, мне пришлось выбирать — или самостийность, или большевизм, и я выбрал самостийность. И, право, в этой самостийности ничего худого нет. Предоставьте народу жить так, как он хочет. Я не понимаю Деникина. Давить, давить все — это невозможно… Какую надо иметь силу для этого? Этой силы никто не имеет теперь. Да и хорошо ли это? Не надо этого! Дайте самим развиваться, и, ей-богу, сам народ устроит это все не хуже нас с вами…

На совещании было решено, что атаман снесется с генералом

Деникиным для устройства совместных с украинцами переговоров. Там же атаман заручился согласием гетмана на создание на средства гетмана особой русской армии в юго-восточном углу Харьковской губернии, которая заслоняла бы войско Донское от большевиков со стороны Воронежской и Курской губерний.

В 6 часов вечера атаман уехал со станции Скороходово и 21 октября прибыл в Новочеркасск. В тот же день он писал генералу Лукомскому, заведующему политическою частью Деникина, в Екатеринодар:

«Я вчера виделся с гетманом Скоропадским. Цель нашего свидания — установление более дружеских отношений, слияние отдельных частей раздробившейся России, объединение для общей борьбы с большевизмом, борьбы для освобождения России. Вы отлично понимаете, что гетман не может громко говорить о борьбе с большевиками, потому что он не имеет для этого армии и вынужден «играть в мир» с Советской Республикой. Но тайно и он, и те русские люди, которые его окружают, хотят и готовы помогать и войску Донскому, и добровольческой армии, и Кубани в этом общем нашем деле — освободить Россию от нестерпимого гнета большевизма. Гетман готов делиться со всеми нами имуществом складов, патронами, снарядами и т. п., готов помогать и денежно, потому что Украина все-таки богаче Дона и добровольческой армии…

«Гетман предполагает на этих днях обратиться к добровольческой армии, Дону и Кубани, если возможно — Тереку, Грузии и Крыму, чтобы всем этим образованиям выслать определенное число депутатов на общий съезд. Цель этого съезда пока только одна: выработка общего плана борьбы с большевиками и большевизмом в России, чтобы наши действия не были отрывочными и эпизодическими, но в полной мере планомерными. И я надеюсь, что протянутая рука единения и дружбы не будет вами оттолкнута…».

Но протянутые гетманом и атаманом руки остались непринятыми.

28 октября помощник главнокомандующего и начальник военно-морского отдела добровольческой армии генерал Лукомский письмом за № 007 ответил атаману, что он считает необходимым начать переговоры по выработке соглашения и об условиях такового, но в основу этих переговоров должно быть поставлено единое командование, единая власть генерала Деникина.

Итак, в задачах добровольческой армии и в тех задачах, которые ставили себе Украина и Дон и к которым они хотели

привлечь добровольческую армию, Грузию, Крым, Кубань и народы Северного Кавказа, было существенное расхождение. Гетман и атаман первою задачею ставили борьбу с большевиками и уничтожение большевизма в России, и только по завершении этой задачи они склонялись решать вопрос о будущем России. Добровольческая армия ставила если не первой своей задачей, то по крайней мере задачей одновременной с борьбой с большевиками, «объединение осколков бывшей России в единую неделимую Россию», иными словами, — уничтожение самостоятельной Украины, самостоятельной Грузии, посягательства на полную автономию Крыма, Дона и Кубани. Если Скоропадский и Краснов, как русские люди, не менее русские, нежели Деникин, могли пойти на это, то гетман и атаман итти на это, не предавая избравший их народ, не могли.

Генерал Лукомский указывал атаману, что добровольческая армия несогласна с политикой атамана и энергично протестует против некоторых действий атамана. Так, атаман 21 октября для успокоения умов казаков, взволнованных сильною затяжкой и изнурительностью войны с большевиками, в приказе войску Донскому за № 1263 писал: «Недалеки те дни, когда вновь сформированная народная армия сменит в боевой линии донских казаков». Генерал Лукомский усматривал в этом, что «дальнейшая борьба за воссоздание единой России уже не составляет задачи и обязанности войска Донского, как части общего организма, стремящегося к этой конечной цели. Проводимые таким образом в народную казачью массу воззрения верхов безусловно могут в будущем послужить благодарной и не лишенной юридической обоснованности почвой для отказа донских казачьих частей к выполнению общих боевых задач по освобождению центра России от деспотизма большевиков и тем, следовательно, могут причинить трудно даже ныне предвидимый вред общему делу спасения отечества. Опасность такой постановки вопроса ясна до очевидности. Всецело разделяя вашу оценку значения заслуг войска Донского в деле борьбы с большевизмом, командование добровольческой армии тем не менее считает, что до окончания борьбы и до полного низложения власти большевиков не может быть речи об уклонении казачьих войск от этой общей цели, и потому считает указанное место приказа одним из очень серьезных поводов к порождению недопустимых разногласий»[71]…

Командование добровольческой армии настаивало на уничтожении этого приказа.

Академически генерал Лукомский и генерал Деникин, конечно, были правы, Донские казаки должны были умирать за

свободу родины. Но мог ли требовать этого атаман, когда рядом воронежские, харьковские, саратовские и т. д. крестьяне не только не воевали с большевиками, не освобождали этой родины от них, но шли против казаков? Атаман стоял перед фактами суровой действительности. Казаки отказывались выходить за пределы войска Донского. В полках были митинги протеста.

«Расстреливать виновных», — говорили Деникин и Лукомский. Но кто же будет расстреливать, когда все войско солидарно с протестующими? Почему же Деникин и Лукомский не мобилизовали население Ставропольской губернии и Кубанского войска и не создали свою русскую армию, которая пошла бы вместе с казаками? Почему же они держались принципа добровольчества? Да потому, что, когда мобилизовали, то мобилизованные передавались красным и уводили с собою офицеров. То, что было невозможно для Деникина, Лукомский считал возможным для донского атамана.

У атамана было единственное средство заставить казаков итти к Москве — это дать им хотя немного передохнуть от боевых лишений за чьею-то спиною и потом заставить их примкнуть к русской народной армии и итти с нею на Москву. Атаман просил это сделать добровольцев. Он просил это дважды и дважды получил отказ. Атаман дошел до границ Войска и понял, что один не может итти дальше. Фронт расширялся, база удалялась, удлинялись коммуникационные линии, фланги повисали в воздухе. Должен же был кто-либо помочь ему. Он искал союзников. Союзников не было. Ему оставалось одно: самому приступить к созданию новой русской армии, и он приступил к устройству южной армии.

Но идея эта успеха не имела. Генерал Деникин препятствовал этой организации.

Глава X

Создание южной армии. — Поиски командующего. — Генерал Деникин против этой армии. — Воронежский, Саратовский и Астраханский корпусы. — Работа монархистов в Воронежской губернии. — Организация Красной армии.

Какая-то — все равно какая, но армия, составленная из русских людей на северной границе войска Донского, была необходимо нужна атаману в виду крайнего утомления донских казаков, решительного отказа их бороться и спасать Россию в полном одиночестве и, наконец, ввиду усиления напора большевиков с севера.

Атаману предложили организацию, подготовленную в Киеве союзом «Наша родина», предложили средства на эту армию. Атаман просил генерала Деникина взять на себя организацию и руководство этой армией, снова и снова указывая ему, что обстановка повелительно требует переноса центра тяжести операций от окраин к середине и выдвижения на главный операционный путь Харьков — Москва. Переговоры велись с М.М. Драгомировым, которому атаман при проезде его через Новочеркасск предложил занять место начальника штаба этой армии, которая получила название южной армии с подчинением ее генералу Деникину. На место командующего этой армией предполагалось пригласить генерала Щербачева или генерала Н.И. Иванова.

Генерал М.М. Драгомиров сказал, что раньше, нежели ответить, он должен съездить в Екатеринодар.: Из Екатеринодара он привез категорический отказ. Без чувства гадливого пренебрежения он, не мог говорить о южной армии.

— Это немецкая затея!.. Это делается на немецкие деньги лишь для того, чтобы помешать работе добровольческой армии. Эта армия создается не на пользу, а во вред России ее заклятыми врагами немцами…

Напрасно атаман доказывал ему, что армия будет обеспечена деньгами, которые дает на нее гетман, что гетман дает деньги потому, что он лично заинтересован в том, чтобы границы Украины были защищены от большевиков, что кроме того деньги дадут русские банки и войско Донское. Генерал Драгомиров получил категорическое приказание в Екатеринодаре отказаться от этой армии, и отказался.

Вести переговоры с генералом Щербачевым не удалось, и атаман остановился на бывшем главнокомандующем юго-западным фронтом и герое Львова и Перемышля генерале от

артиллерии Н.И. Иванове. Генерал Иванов проживал в бедности в Новочеркасске без всякого дела. Скромный и благородный, он постоянно отказывался от всякой помощи от атамана, и атаману приходилось ему помогать тайно. Пережитые им в Петербурге и Киеве страшные потрясения и оскорбления от солдат, которых он так любил, а вместе с тем и немолодые уже его годы, отозвались на нем и несколько расстроили его умственные способности. Он сильно ослабел. Но он был знамя, к которому охотно шли офицеры. Он пользовался репутацией и был в действительности безупречно честным человеком и стоял вне политики. Однако и он не решался взять на себя этот пост без переговоров в Екатеринодаре с генералом Деникиным. Из Екатеринодара он приехал сумрачный и недовольный. Видимо сильно его расстроили тамошние политики, но командовать армией согласился.

— Я об одном прошу, чтобы пока что, — сказал он атаману, — армия была подчинена командующему донской армией и вам. Святославу Варламовичу (Денисову) и вам я верю. Это — русское дело и отказываться от него грех. По мере сил моих буду работать. А там — не судите строго. Времена-то нынче не те.

Начальником штаба он взял себе энергичного, талантливого, но немного суетливого генерала П.И. Залесского. Армию предполагалось составить из трех корпусов: Воронежского, формируемого союзом «Наша родина» из Киева, Саратовского, формируемого из саратовских крестьян-беженцев полковником генерального штаба Манакиным, и Астраханского, возглавляемого астраханским атаманом князем Тундутовым. Впоследствии предполагалось каждый корпус развернуть в армию и создать южный фронт, в который должна была влиться донская армия. Но эти широкие замыслы не удались, потому что с самого начала в южную армию вмешалась политика, и армия эта была не народной, а политической, и как ни боролся с этим атаман и Н.И. Иванов, им не удалось исправить ошибки, положенные в самом начале организации.

Атаман принял готовый материал для создания южной армии, но материал этот оказался гнилым, и армия распалась, ничего для России не давши.

Союз «Наша родина» был чисто монархической организацией. Во главе его стоял опытный и ловкий общественный деятель, г. Акацатов. И он и члены союза хотели, чтобы армия вела Россию к старому порядку и восстановлению монархии хотя бы насильственным путем. Еще армия не существовала, и только между крупными земельными собственниками и монархическими

организациями собирались на нее деньги, как уже около нее сплеталась политическая интрига, и каждый старался использовать ее для политических целей. Проживавший в это время в Харькове бывший командир III кавалерийского корпуса гр. Келлер, рыцарь, оставшийся безупречно верным государю и непоколебимо преданный идее монархии, писал еще 9 октября, то-есть до свидания атамана с гетманом, следующее относительно этой армии атаману:

…«Скоропадский, по видимому, предполагает ввести всех в заблуждение, намеревается сформировать под видом русской армии — украинскую, отнюдь не монархическую армию, с единой целью охраны северных границ Украины от большевиков, предвкушая прелести своего коронования на престол украинского королевства, которое он рисует себе в том же положении относительно России или Австрии (это не доказано), в каком была Саксония относительно Германии.

«К новой армии, которую надумал формировать Скоропадский, он, Лейхтенбергский и Бискупский рядом интриг силятся притянуть и южную армию.

«Положение нашего отечества в настоящую минуту, когда союзники каждый день могут высадиться у нас на юге, настолько серьезно, что, мне казалось бы, времени терять нельзя, так как высадившиеся англо-французы могут ложно учесть положение в России; видя, что есть фронт Учредительного Собрания, существует добровольческая армия с программою далеко не монархическою и т. п., но не видя реальной силы, открыто стремящейся к объединению России и монархии, они могут вообразить, что в нашем отечестве все только мечтают о республике.

«Казалось бы, настала минута, когда необходимо спешить изо всех сил, дабы сорганизовать из астраханской и южной армий одну сильную монархическую армию, которая, поддержанная Доном и всем казачеством; а также торгово-промышленниками и народом в Малороссии, представилась бы союзникам реальной силой, не признающей другой идеи, кроме единой неделимой России с законным государем на престоле»…

Такие планы совершенно не соответствовали политической обстановке на Дону. Атаман всегда считал, что армия должна быть вне политики. Лучшая — та армия, которая слепо и не рассуждая повинуется своему вождю, но если невозможно создать такую армию, то армия должна быть национальной и стремиться только к освобождению России от большевиков, предоставив вопросы будущего вырешить истории, вождям, народу через Учредительное Собрание, земский собор, словом, кому угодно, но

не солдатам и офицерам.

В Киеве союз «Наша родина» готовил армию определенно монархическую. Ею руководили герцог Лейхтенбергский, генерал Шильдбах (Литовцев) и генерал Семенов. Последний фактически являлся начальником уже собранной группы офицеров, солдат и юнкеров. Генерал Семенов, гвардейский офицер, любитель покутить, человек недалекий, сделался центром, к которому стремились те офицеры и та молодежь, которая не хотела ехать к Деникину, опасаясь попасть в бой. Южная армия только формировалась, когда она попадет на фронт, было неизвестно, и к ней выгодно было приписаться героям тыла, любителям воевать на Крещатике и на Подоле. Офицеры понадевали на себя погоны, нашили на рукава полоски бело-желто-черного цвета — «романовских» цветов — и двуглавые орлы, распевали по кафэ «боже, царя храни» и очень мало думали о спасении родины и о царе.

Атаман настойчиво потребовал переселения их из Киева в Кантемировку, где в деревенской глуши они больше могли заниматься делом. С большим трудом, отрешивши от командования корпусом Шильдбаха-Литовцева, атаману удалось добиться переселения Семенова со штабом и «организацией» в район Черткова и Кантемировки. Здесь атаман и Н.И. Иванов произвели смотр приезжим и убедились в том, что союз «Наша родина» работал в целях не военного, боевого дела, но политики. В «корпусе» едва насчитывалось 2.000 человек. Из них не более половины было боеспособных, остальные были священники, сестры милосердия, просто дамы и девицы, офицеры контр-разведки, полиция (исправники и становые), старые полковники, расписанные на должности командиров несуществующих полков, артиллерийских дивизионов и эскадронов, и, наконец, разные личности, жаждущие должностей губернаторов, вице-губернаторов и градоначальников, с более или менее ярким прошлым.

Вся эта публика наполнила Кантемировку шумом и скандалами. Семенов начал водворять по уездам Воронежской губернии, только что очищенным казаками, земскую полицию старого режима со всеми ее недостатками — взятками и лихоимством.

Это так не согласовалось с обещаниями атамана и его программой, так не соответствовало вожделениям населения, что возбудило общее неудовольствие, вылившееся местами в бунты, усмирять которые пришлось казакам.

В боевом отношении армия эта немногого стоила. В политическом — она повредила атаману и создала для врагов его

благодарную почву для обвинения атамана в стремлении вернуть все «к старому режиму» и способствовала разложению северных округов.

Атаман повыгнал больше половины офицеров, порвал сношения с союзом «Наша родина», обратился к генералу Деникину с просьбой снабдить воронежский корпус опытными офицерами из добровольческой армии, но Деникин ответил ему отказом, под предлогом неимения офицеров, хотя Екатеринодар был переполнен офицерами резерва.

Самозванный астраханский атаман, князь Тундутов, гордо именовавший себя другом императора Вильгельма, оказался пустым и недалеким человеком, готовым на всяческую интригу, и очень плохим организатором. Он играл роль не то царя, не то полубога у калмыков, то предлагал себя и всех калмыков в полное распоряжение атамана, носился с фантастическим проектом создания особого юго-восточного союза, возглавляемого «великим атаманом», то, напротив, грозил итти со своими калмыками против донского войска. Его калмыки были босы и оборваны, сидели на двухлетках и трехлетках, большинство не имело седел и оружия. Он был не страшен и не опасен, но беспокойства и тревоги доставил много. Астраханский «корпус» численностью около 3.000 пехоты и 1.000 конных, несмотря на всю безалаберность управления, все-таки хорошо дрался и довольно крепко оборонял восточные степи за Манычем от бродячих шаек Красной гвардии. В предвидении приезда союзников князь Тундутов со своим начальником штаба полковником Рябовым переехал в Екатеринодар, где, желая услужить штабу генерала Деникина, занялся клеветою на атамана.

Саратовский корпус никак не мог вырасти больше бригады. Бригада эта, составленная преимущественно из крестьян, ушедших от большевиков из Саратовской губернии и крепко их ненавидевших, отлично дралась вместе с казаками на царицынском, камышинском и балашовском направлениях.

Продолжая активную борьбу с большевиками на всех своих фронтах, атаман и командующий армией всеми силами старались закрепить положение войска. Вдоль границы с востока от Кантемировки на Богучар, Калач и далее командующий армией строил укрепленную полосу. Население было вызвано рыть окопы, забивались колья, устраивались проволочные заграждения. Ночью подходили к ним большевистские разведчики, пытались выдернуть колья и скверно ругались: «буржуйская затея!».

Атаман искал помощи и союзников. Он понимал, что одному

ему не устоять против большевиков. Он видел реформы Красной армии и сознавал, что на реформы надо ответить усилением своей боевой мощи.

Осенью 1918 года заканчивается первый период борьбы с большевиками. Период, когда народная донская армия боролась против разбойничьих красногвардейских банд.

Наступал второй период — против народной донской армии появилась только что созданная народная Красная рабоче-крестьянская армия, построенная на принципах военной науки.

Усилиями военных «спецов» различных чинов и различного положения к зиме 1918 года на фронте Донского войска были уже не разбойничьи банды, а худо ли, хорошо ли, но сорганизованная армия, правильно управляемая своими штабами. Советское командование, объявивши к осени 1918 года своим главным врагом донского атамана, сосредоточило на южный фронт 99 полков, из которых на донском фронте было 44 полка, на добровольческо-кубанском — 22, на астраханском — 5 полков, на курско-брянском — 28 полков.

В это время западный — польско-латвийский — фронт занимало 65 полков, северный — германо-финский фронт — 38 полков и восточный — против Колчака[72] — 97 полков. А всего Советская армия насчитывала 299 полков.

Для уничтожения всех дефектов Красной армии в заседании от 15 ноября (нов. ст.) 1918 года ВЦИК постановил учредить Совет рабочей и крестьянской обороны под председательством Ленина. Совету обороны была предоставлена вся полнота прав в деле мобилизации сил и средств обороны в интересах обороны. Непосредственное руководство армией и флотом осталось по прежнему в руках революционного военного совета республики. В целях большего сосредоточения деятельности этого учреждения было выделено его бюро в составе Троцкого, главнокомандующего Вацетиса и одного члена — Аралова.

Это уже был переход к диктатуре одного лица, так как при наличии в бюро Вацетиса и Аралова Троцкий явился единоличным вершителем судеб Советской армии.

Троцкий к началу декабря 1918 года сосредоточил на донской фронт 127 тысяч солдат при 414 орудиях и на фронт добровольческой армии (к 3 декабря) — 60 тысяч при 60 орудиях.

К весне 1919 года советское командование предполагало закончить организацию Красной армии и поставить под красные знамена 3 миллиона человек.

Однако осуществить эту программу Советской власти мешало внутреннее неустройство страны. Власть держалась исключительно силою штыков. Необыкновенно показательным

является распределение броневых машин Советской армии. Всего в распоряжении советского командования имелось к концу 1918 года 122 машины, из которых 6 находилось на западном фронте, 25 — на восточном, 45 — на южном и 46 — в городах в тылу. Одна Москва обслуживалась 24 машинами, и кроме того 12 машин было при латышской дивизии, употреблявшейся со специально карательными целями (против врага внутреннего — крестьянской бедноты).

Штаб южной армии, получивший в октябре месяце определенное задание — смести с лица земли все донское казачество и занять во что бы то ни стало Ростов и Новочеркасск, считавшийся главным гнездом контр-революции, находился в Козлове. Фронтом командовал генерал генерального штаба — «товарищ» Сытин. Фронт состоял из 11-й армии — Сорокина (штаб в Невинномысской), действовавшей против добровольцев и кубанцев, 12-й армии — Антонова (штаб в Астрахани), 10-й армии — Ворошилова (штаб в Царыцыне), 9-й армии — генерального штаба генерал-майора Егорова (штаб в Балашове) и 8-й армии — генерала Чернавина (штаб в Воронеже).

Сорокин, Антонов и Ворошилов являлись остатками прежних выборных главнокомандующих, все остальные высшие начальствующие лица были генералами императорской российской армии, отлично разбиравшимися в обстановке.

Таким образом к зиме 1918 года положение дел на донском фронте слагалось весьма грозным образом. Донской атаман и командующие армиями, генералы Денисов и Иванов вполне отдавали себе отчет в том, что происходит. Они отлично понимали, что период «кустарнических операций» миновал, что те времена, когда одного казака было достаточно на десять красноармейцев, прошли, и серьезно готовились к отпору.

В виду крайнего утомления казаков, донской атаман совместно с Командующим армией решил к началу зимы закончить укрепленную полосу по границе земли войска Донского, прекратить наступательные операции, отойти из занятых мест Воронежской губернии и временно перейти к обороне. Этого повелительно требовали обстановка и настроение казачьих войск. Опираясь левым флагом на Украину, занятую германскими войсками, а правым на Волгу с трудно доступным Заволжьем, атаман надеялся держать войско Донское до весны, а за это время усилить и укрепить свою армию.

Глава XI

Наступление донцов в Воронежскую губ. — Подвиги Гундоровского Георгиевского полка. — Мобилизация всего войска поголовно.

Еще в начале августа донская армия занимала часть Богучарского уезда. Донское правительство не вмешивалось в дела внутреннего управления уездом; оно восстановило разрушенную большевиками городскую думу и все земские учреждения и субсидировало богучарское казначейство деньгами для того, чтобы жизнь в уезде могла итти нормально. Атаман приказал приступить к занятиям во всех учебных заведениях, собрать суды и другие правительственные учреждения и впредь до устройства русского центрального правительства предписал сноситься с отделами в Новочеркасске.

Войска генерала Алферова, работавшие здесь, были усилены освободившимися после удаления с берегов Азовского моря большевиков войсками южного фронта, и им было приказано развить успех, воспользоваться благоприятным настроением среди жителей и овладеть городом Новохоперском, ст. Таловой и городом Калачом.

26 августа донцами был занят Калач, 22 сентября город Павловск и слобода Бутурлиновка. Противник громадными силами, около шести дивизий (однако не более 12 тысяч), в конце сентября перешел в наступление со стороны ст. Таловой. Казачий отряд Гундоровского и Мигулинского полков, силою около 2 тысяч пехоты и 400 конницы, под начальством генерала Гусельщикова прибегнул к своей обычной тактике. Быстрым отступлением до самой Бутурлиновки вовлек противника в мешок между своею пехотой и затем решительным ударом с обоих флангов сдавил его в долине Бутурлиновки и принудил к сдаче.

В первых числах ноября гундоровцы обрушились неожиданно на врага и нанесли ему страшный удар. Озлобленный противник, в рядах которого уже появились коммунисты, перешел в контр-атаку, но гундоровцы бросились на него у слободы Васильевки с таким мужеством, в таком грозном боевом порядке не стреляющих и не ложащихся цепей, что красноармейцы побросали оружие и сдались. Были взяты 5.000 пленных и богатая военная добыча. Командующий армией генерал Денисов учел, что на том месте, где было взято 5.000 пленных, образовалось пустое место, и приказал ударить туда всеми силами. Донские части после упорного боя овладели городом Бобровым, а 10 ноября

штурмом заняли важный железнодорожный узел — станцию Лиски.

Эта осень 1918 года была для донской армии временем жестоких и упорных боев на севере и востоке Войска. Командование Красной армии, для того, чтобы парировать успехи казаков в Воронежской губернии, где казаки доходили до станции Анны и были в 35 верстах от Воронежа, собрало значительные силы в Тамбовской и Саратовской губерниях, присоединило к ним всех красных казаков Миронова и, пользуясь тем, что в этом месте Грязе-Царицынская железная дорога охватывает северную границу войска, бросило все это на Хоперский округ. 40 тысяч пехоты и конницы при 110 орудиях, 6 по-новому отлично организованных дивизий были двинуты по направлению к Урюпинской и Усть-Медведицкой станицам. Операция этого наступления была задумана в широком масштабе, и с самого начала ее исполнения казаки увидали, что они имеют дело с регулярной армией, руководимой опытными и знающими свое дело штабами.

Хоперцы были малочисленны. Их не было и восьми тысяч.

Генерал Денисов пожертвовал успехами на воронежском фронте, оставил Лиски и Бобров и спешно перебросил лучшие части северного фронта к Усть-Медведицкой станице. Он ослабил нажим на Царицын, собрал конницу генерала Мамонтова и смелыми маневрами сбил неприятеля.

К 10 ноября Красная армия была выброшена из Хоперского округа, а в Усть-Медведицком округе Миронов «непобедимый» был дважды разбит на-голову и бежал в Саратовскую губернию.

Казачья конница с орудиями подходила на 12 верст к городу Камышину на Волге.

Весь север войска кипел войною. Орудия, непрерывно гремели от Воронежа к Камышину и от Камышина к Царицыну. Два раза здесь казачьи части генерала Мамонтова подходили к Царицыну, занимали уже Сарепту, и оба раза принуждены были отходить. Не было тяжелой артиллерии, чтобы парировать огонь царицынских батарей, мало было сил, чтобы преодолеть и взять опутанную проволокой и весьма пересеченную оврагами царицынскую позицию. Атаман не терял надежды до зимы овладеть Царицыным, чтобы этим закончить наступательные операции. Для усиления царицынского фронта спешно укомплектовывались и вооружались 3-я Донская дивизия и 2-я стрелковая бригада молодой постоянной армии, и выписаны были пушки из Севастополя, для которых в Ростове, в мастерских Владикавказской железной дороги, делали особые бронированные платформы.

Чтобы закрепить до зимы все войско Донское, на Дону были мобилизованы все казаки. Не было ни одной казачьей семьи, где кто-либо из мужчин не был убит или ранен. Были семьи, которые потеряли главу семьи и двух сыновей. Все отдавалось за свободу родины — жизнь и достояние. Все лошади были отданы или в строй или в обозы, коров и волов резали без сожаления, чтобы кормить фронт, хлеб возили туда же, туда же отдавали последнее платье и белье…

Таково было войско Донское, одинокое в своей великой борьбе, но сильное своим глубоким патриотизмом и национальным чувством, когда произошло величайшее событие: победа союзников над центральными державами, отречение Вильгельма от престола, разложение германской армии и прибытие союзников на помощь добровольцам.

На Дону эти события выразились в том, что в грозную минуту страшного напряжения борьбы, когда ни одного лишнего человека не было на фронте, прибавился новый, западный украинский фронт протяжением в 600 верст и явилась глубокая вера, что союзники придут и выручат, и все данные для этой веры были налицо…

Глава XII

Посольство донцов к союзникам. — Письмо атамана к генералу Франшэ- д'Эсперэ. — Декларация войска Донского. — Английский адмирал посылает миноносцы в Таганрог для осведомления о Донском войске.

При первом же известии о событиях в Болгарии, атаман поручил находившемуся в городе Яссах по делам снабжения предметами артиллерийского довольствия генералу барону Майделю войти в связь с союзниками и нащупать почву для сношения с ними. Известия от барона Майделя были получены самые благоприятные. Союзники вполне благожелательно относятся к Донскому войску, считают, что сношения и связь его с германцами были вызваны обстоятельствами, но не изменой и предательством, наконец, союзники при первой же к тому возможности помогут Дону и добровольческой армии оружием и живой силой. Союзникам нужна точная ориентировка о том, что происходит на Дону и чем они могли бы помочь Донскому войску и его атаману в борьбе против большевиков. Наконец, союзники стоят на том взгляде, что Россия должна быть восстановлена в прежних границах 1914 года, за исключением Польши, то-есть должна быть «великая, единая и неделимая».

Лучшего ответа атаман не мог ожидать.

6 ноября[73] атаман снарядил зимовую станицу, то-есть посольство, в лице двух горячих донских патриотов — генерал-майора Сазонова и товарища председателя Большого войскового круга, бывшего председателя «Круга спасения Дона», полковника Янова. Лица эти были назначены официальными представителями войска Донского перед державами Согласия. Они должны были передать письмо на французском языке генералу Франшэ-д'Эсперэ, командовавшему союзными войсками на востоке, и копию этого письма — посланнику русскому в Румынии. С.А. Поклевскому-Козеллу. К письму этому был приложен изданный донским атаманом 22 мая 1918 года политический меморандум под названием «Декларация всевеликого войска Донского».

В этой декларации говорилось:

«…Мужеством и энергией донского казачества! и его вождей и руководителей войско Донское освобождено от большевиков, и «Кругом спасения Дона» я выбран 17 сего мая (нов. ст.) донским атаманом с предоставлением мне впредь до созыва Большого круга чрезвычайной власти, в основных законах указанной.

«Объявляя об этом, я прошу вас, милостивый государь,

передать вашему правительству, что:

1) «Впредь до образования в той или иной форме единой России, войско Донское составляет самостоятельную демократическую республику, мною возглавляемую.

2) «На основании ранее, 21 октября 1917 года, при атамане Каледине заключенных договоров, Донская республика, как часть целого, входит в состав юго-восточного союза — из населения территорий Донского, Кубанского, Терского и Астраханского казачьих войск, горских народов Северного Кавказа и Черноморского побережья, вольных народов степей юго-востока России, Ставропольской губернии, Черноморской губернии и части Царицынского уезда Саратовской губернии, и обязуется поддерживать интересы этих государств и их законных правительств.

3) «Относительно установления точных границ и торговых и иных отношений между Донским войском и Украиною ведутся переговоры, для чего послано посольство в лице Черячукина и Свечина.

4) «Донское войско не находится ни с одною из держав в состоянии войны, но, держа нейтралитет, ведет борьбу с разбойничьими бандами красногвардейцев, посланных в Войско Советом народных комиссаров.

5) «И впредь Донское войско желает жить со всеми народами в мире на основании взаимного уважения прав и законности и соблюдения общих интересов.

6) «Донское войско предлагает всем государствам признать его права, впредь до образования в той или иной форме единой России, на самостоятельное существование, и государствам, заинтересованным в торговых или иных отношениях прислать в войско, в его столицу Новочеркасск, своих полномочных представителей, или консулов.

7) «В свою очередь Донское войско пошлет в эти государства свои «зимовые станицы», то-есть посольства, для установления дружеских отношений.

«Обо всем этом прошу вас, милостивый государь широко объявить, с согласия вашего правительства, всем гражданам вашего государства. Донской атаман генерал-майор Краснов».

В письме генералу Франшэ-д'Эсперэ атаман писал, что без иностранной помощи Россию не спасти. Донской атаман указывал, что единое командование будет возможно осуществить лишь тогда, когда добровольческая армия повернет на настоящее направление и пойдет на Москву. Наиболее желательными вождями для такового объединенного командования атаман называл генералов Щербачева и Николая Иудовича Иванова.

…«Без помощи союзников освободить Россию невозможно», заканчивал свое письмо атаман. «Помощь эта может выразиться в присылке снаряжения, оружия, технических средств борьбы, обмундирования и денег, — тогда борьба затянется на один, на два года, или в присылке кроме этого еще 3–4 корпусов войск (90 — 120 тысяч), тогда в 3–4 месяца можно всю Россию освободить.

«Советские власти ненавидимы русским народом, и русский народ ждет только толчка, чтобы свергнуть их. Красная армия труслива, подвержена панике и бежит даже от наших войск, численно раз в 10 меньших нежели она.

«Если назначить один корпус для освобождения Кавказа, один — вверх по Волге на Царицын, Саратов, Самару, Пензу, Тулу и Москву, один — на Воронеж, Рязань и Москву и один — на Харьков, Курск и Москву, можно с уверенностью сказать, что только до Саратова, Воронежа и Курска придется итти походом и с боями, — по взятии их Москва падет, и дальнейшее движение примет характер триумфального шествия и торжественных встреч.

«Украину временно придется занять иностранными войсками…»

Когда донские посланцы прибыли в Яссы, ясское заседание там уже закончилось. Генерала Франшэ-д'Эсперэ в Яссах не было и вместо него был генерал Бертелло. У Бертелло были уже готовые инструкции. В Версале было решено признать одного вождя, и этим вождем был заочно признан генерал Деникин. С ним шла слава кристальной чистоты и верности союзникам, он глубоко ненавидел немцев. Его агенты уже были при французском командовании. Они доложили об измене гетмана Скоропадского России, они нарисовали Донское войско полубольшевистским государством, руководимым немцами, не имеющим никакой армии, словом «quantite negligeable»[74], а донского атамана, как ставленника и клеврета императора Вильгельма.

Все это было высказано генералом Бертелло на первом приеме Сазонову и Янову и встретило с их стороны горячий, страстный отпор. Может быть, слишком горячий и более страстный, нежели позволяли требования дипломатии. Было сказаны упреки по адресу добровольческой армии, было сказано, что самым бытием своим добровольческая армия обязана донскому войску и немцам…

Расстались холодно, и дальнейшие переговоры прервались. Только благодаря глубокому такту генерала Щербачева и его примирительной политике через три дня генералу Сазонову удалось добиться вторичного свидания с генералом Бертелло, на

котором все шероховатости были сглажены и Дону была обещана помощь в одинаковой мере с добровольческой армией.

Там же было выяснено, что Украина непременно вся будет занята иноземными войсками. Или союзники принудят оставить там германские войска, или Украина будет занята англо-французской армией. Помощь была обещана широкая, готовилась к перевозке на юг России вся салоникская армия. От союзников веяло победой, и донские посланники вынесли то убеждение, что победители Германии сокрушат и большевиков.

Донесения об этом успокоили атамана за его левый фланг — Украину, и атаман приказал взять 36-ю Донскую дивизию из района Каменской станицы для усиления Царицынского направления, где ожидали только прибытия купленных у немцев 12 шести-дюймовых морских орудий Канэ, платформы и установки для которых были уже готовы и собраны в Таганроге. За пушками этими был послан в Севастополь донской пароход «Сосьетэ».

Непосредственным сношениям с союзниками атаман придавал только моральное значение, как поддержке его влияния и авторитета в Войске. Большевики знали, конечно, о событиях на западе и повели сейчас же широкую пропаганду о том, что союзники никогда не будут помогать ни Деникину, ни донскому атаману, потому что демократия Западной Европы с большевиками заодно и не допустит, чтобы ее солдаты пошли против большевиков.

Эта пропаганда имела большой успех как в Красной армии, так и у донских казаков. Прибытие союзнических полков на фронте показало бы красноармейцам, что их комиссары лгут. Красная армия только что зарождалась. Факты сдачи целыми тысячами, убийства комиссаров на фронте, митинги и обсуждения боевых приказов ясно показывали ее неустойчивость. Появление на фронте даже незначительных частей иноземных войск должно было поразить воображение противника, а в той войне, которая была тогда, это было девять десятых успеха.

Обратно, неприезд союзников на Дон, отсутствие их военных частей на фронте или хотя бы в тылу у казаков должно было окончательно подорвать силы казаков. А эти силы были напряжены теперь до крайности. Казаки держались только надеждами на скорую выручку и на помощь союзников. Донскому атаману нужно было добиться того, чтобы союзники были на Дону, на донском фронте, потому что именно на донском фронте разыгрывались теперь события первостепенной важности, события, которые грозили самому существованию Дона. И с этой стороны прибытие союзников только в Новороссийск подрывало у

казаков веру в своего атамана в минуту решительного сражения на фронте.

Но то, чего не удалось добиться официальной донской миссии генерала Сазонова и полковника Янова у генерала Бертелло, то совершенно частным образом устроил адмирал Кононов, донской казак по происхождению, бывший случайно в Севастополе на встрече англо-французской эскадры. Ему удалось свести с английским адмиралом атамана зимовой станицы Донского войска при крымском правительстве полковника Власова, они рассеяли те неправдоподобные слухи, которые распускались агентами генерала Деникина про Донское войско, и его атамана, заинтересовали адмирала в военной строительной работе Донского войска, и он отправил 21 ноября (ст. ст.) из Севастополя два миноносца в Таганрог. Официальная цель похода миноносцев была заняться промерами Азовского моря, неофициально английскому капитану Бонду и французскому капитану Ошэну (Hochain) было приказано с несколькими офицерами и матросами посетить Донское войско и доложить, кто прав, — донские казаки, которые говорят о том, что войско Донское вполне самостоятельное, организованное государство с армией, опирающееся на законы, или добровольческая армия, которая говорит, что Донское войско есть полубольшевистская страна, раздираемая анархией и находящаяся в полувассальном отношении к германской империи.

На Дону начали готовиться к встрече так давно и так жадно ожидаемых союзников. И казалось, что яркое солнце появилось в хмурые и холодные осенние ноябрьские дни.

ГЛАВА XIII

Положение добровольческой армии на Кубани. — Смерть лучших вождей этой армии — генерала Маркова и полковника Дроздовского. — Генералы Покровский и Шкуро. — Отношения к Кубани и Дону. — Требование признания Доном над собою власти генерала Деникина.

После освобождения Екатеринодара и созыва Кубанской Рады положение добровольческой армии на Кубани стало двойственным. Кубанское войско, видя быстрые успехи Донского войска в государственном строительстве, мечтало освободиться от опеки добровольческой армии и начать устраиваться так же, как и донцы. Оно и план государственного устройства взяло донской. Устроило у себя военное училище, приступило к устройству офицерской школы, создавало Политехнический институт и мечтало о своем университете. Рада разбилась на два главных течения: украинское и самостийное. Украинцы уговаривали кубанцев совершенно слиться с ними и стать частью Украины. Об этом вели переговоры председатель Рады Быч и Рябовол, самостийники стояли за устройство федерации, в которой Кубань была бы совершенно самостоятельной, и для проведения этого они искали тесного союза с донскими казаками. И те и другие соединялись в одном, — в стремлении освободиться от опеки генерала Деникина. Умеренная часть Рады — фронтовые казаки и войсковой атаман Филимонов — держалась за добровольцев. Они боялись остаться одинокими в борьбе с большевиками, хотели за счет добровольцев освободиться от большевиков. Атаман Филимонов всем был обязан генералу Деникину, но для казаков он был ничто. Война выдвинула своих героев, кумиров народной толпы. Жадный до наживы кубанский казак боготворил тех вождей, которые добычей считали не только оружие и снаряды, но и имущество магазинов и кооперативных лавок занятых городов и сел, которые налагали на жителей контрибуции, взыскивали их и делились полученными деньгами с казаками. Такими вождями были генералы Покровский и Шкуро. Тот самый Покровский, который в апреле пробовал самостийничать перед генералом Корниловым, стал послушным слугою у генерала Деникина. Характера он был решительного и в основу войны положил грабеж. Когда соединенный доно-кубанский отряд переходил весною 1918 года снова в Кубанскую область, генерал Покровский до основания взорвал фундаментальный железнодорожный мост через реку Кубань лишь для того, чтобы донцы не перешли в Кубань и не

стали там требовать своей части добычи. Пока в его отряд входили Донские части, между кубанцами и донцами были постоянные споры из-за добычи.

Другой кумир кубанцев был генерал Шкуро. Молодой еще человек, он в русско-германскую войну командовал партизанским отрядом при 111 кавалерийском корпусе. Как и все партизаны в эту войну, он ничем особенно не отличался. Во время войны с большевиками он выдвинулся быстрым освобождением и такою же быстрою сдачею Кисловодска.

Покровский и Шкуро нравились кубанцам. Они отвечали и духу добровольческой армии — духу партизанскому.

По мере освобождения Кубанского войска от большевиков число кубанцев увеличивалось, и они преобладали над добровольцами. Ко времени прибытия союзников, т.-е. к ноябрю 1918 года, в добровольческой армии считалось $35^1/_2$ тысяч кубанцев и $7^1/_2$ тысяч добровольцев. Не было прежних вождей добровольческой армии.

Убит был и красиво, истинным героем, умер генерал С.Л. Марков. 12 июня в одном из первых боев добровольческой армии после отдыха на Дону в станице Мечетинской — «предводительствуемые генералом Марковым части 1-й пехотной дивизии, после упорного боя овладели мостом и станцией «Шаблиевка». Задача, поставленная дивизии, составлявшей левый фланг добровольческой армии, была блестяще выполнена. Враг бежал, но часть его артиллерии еще продолжала стрелять, и одним из последних снарядов был ранен генерал Марков».

Был ранен в ногу и умер от заражения крови в ростовском госпитале другой герой-рыцарь добровольческой армии — Дроздовский.

Генерал Деникин становился одиноким. Покровский, Шкуро, новая знаменитость — генерал из рядовых казаков, окончивший всего учебную команду военного времени — Павличенко не могли быть ему ни советниками, ни помощниками, они сами нуждались в советах и руководстве, а генерал Деникин все более удалялся от армии и углублялся в политику.

В Новочеркасске политике не было места. Донской атаман определенно отмежевался от политики и искал только работников. Его кабинет управляющих отделами был совершенно пестрый. В нем были кадеты, были монархисты, управляющим отделом народного просвещения был левый социалист-революционер, почти большевик. Атаман одинаково разрешал собрания эсеров, кадетов и монархистов и одинаково их прикрывал, как только они выходили за рамки болтовни и пытались вмешаться во внутренние дела Войска. На Дону

одновременно с эсеровской газетой «Приазовский Край» выходил монархический «Часовой». На Дону разрешалось работать, но воспрещалось мешать работе других. «Общественные деятели», если они не были у дела, на Дону не ценились. С Дона был выслан М.В. Родзянко, и на Дону дали понять А.И. Гучкову, что ему делать там нечего.

Все это собралось теперь в Екатеринодаре. Генерал Деникин оказался в центре самых сложных и запутанных политических интриг. Он поставил на своем знамени «единую и неделимую Россию», и все то, что не совпадало с этим, было ему ненавистно.

Скоропадский был изменником, изменниками были все украинцы, а с ними вместе изменниками были и руководители Рады — Быч, Рябовол, П.Л. Макаренко и все те, которые мечтали о федерации.

Как-то несколько позднее генерал Деникин был на большом официальном обеде у кубанского атамана в его дворце. Над дворцом, подобно тому, как это было на Дону, реял свой кубанский национальный флаг. Атаман сидел на первом месте, Деникин — на втором. Это его оскорбило и взорвало. Когда дошло дело до речей, он сказал почти буквально следующее:

— Недавно над этим дворцом развевалось красное знамя и под ним во дворце сидела разная сволочь. Теперь над дворцом развевается знамя иных цветов и сидят иные, прочие люди. Я жду, когда над этим дворцом взовьется флаг единой великой России! За единую, неделимую Россию, ура!..

Заслуги кубанцев в боях и на походе затирались. В донесениях о них умалчивали; или ставили на втором месте. Природные кубанские казаки, за исключением Шкуро, Улагая и Павличенко, не занимали видных мест. В штабе Деникина кубанцев не было, а генералы русской службы Май-Маевский, барон Врангель, Эрдели, Покровский выдвигались на видные места. Это злило кубанцев.

К Дону отношение было сдержанное. На него тоже смотрели, как на неблагодарного сына, и стремились прибрать к рукам.

Пока дела Германии были хороши, и все снабжение шло в добровольческую армию из Украины через Дон, отношения Деникина к атаману были холодные, но сдержанные. Не желая оставить никаких следов о том, что добровольческая армия получала патроны и снаряды от немцев, генерал Деникин не требовал письменно или через свой штаб нужного ему снаряжения, но к атаману или к командующему донской армией прибывали из добровольческой армии частные люди (инженер Крюгер-Войновский и др.), или кто- либо из «общественных деятелей» и рассказывали о тяжелом положении добровольцев, о

том, что у них не хватает ни патронов, ни снарядов, и что им необходимо послать столько-то того-то или того-то. Или об этом передавал представитель Донского войска при добровольческой армии генерал от кавалерии Смагин, и Донское войско, если только имело просимое, сейчас же, иногда в ущерб своим частям, отправляло транспорты добровольцам. Отношения между обеими армиями были вначале дружные, но равные. Дон не считал себя подчиненным генералу Деникину, и генерал Деникин, избегая прямых сношений с Доном, считал Дон независимым от себя.

Как только стало известно о победе союзников и о близкой перемене «ориентаций», добровольческая армия стала требовать от Дона все ей необходимое.

19 октября генерал Лукомский писал атаману: «Представитель артиллерийской части всевеликого войска Донского на Украине, генерал-майор барон Майдель, довел до сведения главного начальника снабжения добровольческой армии, что Украина может уступить Дону 640 пулеметов «Льюиса» и 30 миллионов патронов к ним, 20.000 ручных гранат, около 10 миллионов 3-линейных патронов россыпью и 100–200 тысяч 3-дюймовых пушечных патронов.

«В виду острой нужды в предметах артиллерийского снабжения обращаюсь к вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою, не признаете ли возможным уделить добровольческой армии часть из указанных запасов или оказать ваше содействие к получению армией от Украины, под видом снабжения Дона, следующих предметов артиллерийского довольствия: 1) 100 пулеметов «Льюиса» и 5 миллионов патронов к ним, 2) 10 тысяч ручных гранат, 3) 5 миллионов ружейных патронов россыпью, 4) 75 тысяч 3-дюймовых пушечных патронов, из них 25 тысяч шрапнелей и 50 тысяч гранат, по возможности французских, 5) горных 5 тысяч, из них 2 тысячи шрапнелей и 3 тысячи гранат, 6) 48-линейных — 5 тысяч, из них 500 шрапнелей и 4.500 бомб с зарядами, 7) 6-дюймовых — три тысячи бомб. О последующем прошу вас не отказать уведомить меня»…

Атаман не мог исполнить в полной мере этой просьбы добровольческой армии, потому что он сам ничего из обещанного не получил. Способ требования через него запасов от Украины, нежелание добровольческой армии сноситься непосредственно с гетманом, ее брезгливость к гетману и немцам и вследствие этого выставление атамана каким-то посредником, наконец, та властная обособленная политика, которую вел Деникин, — все это огорчало и возмущало атамана.

С прибытием союзников генерал Деникин нашел возможным дать понять донскому атаману, что он во всем зависит от него и

что, хочет или не хочет он, но ему придется подчиниться ему и подчинить донскую армию единому командованию. Донская армия к ноябрю месяцу подошла к Царицыну. Царицын был обложен с трех сторон, и сообщение его с его тылом прервано. Атаман ожидал прибытия тяжелых орудий, которые были куплены в Севастополе у немцев, и за которыми в Севастополь прибыл донской пароход «Сосьетэ».

Командированный на этом пароходе за орудиями офицер телеграфировал 18 ноября в Новочеркасск: «Адмирал Канин получил приказание генерала Деникина никому покамест ничего не давать». Одновременно с этим капитан 1-го ранга Лебедев телеграфировал по поводу тех же орудий: «Генерал Лукомский приказал доставить платформы в Новороссийск, где и будут установлены орудия по доставке их морем из Севастополя. Посылать орудия по железной дороге и в Ростов не признано возможным».

Генерал Деникин начинал мстить донскому атаману и показывать ему, что все находится теперь в его руках. После длительных переговоров и при содействии союзников эти орудия удалось получить только к февралю 1919 года, когда Азовское море замерзло, донская армия находилась в разложении, и не только нельзя было думать о штурме Царицына, но приходилось спешно убирать войска с царицынского фронта!

Вопрос о едином командовании был особенно важен генералу Деникину в виду того, что по мере освобождения Кубанского войска от большевиков Кубанская Рада все более хотела освободиться от опеки генерала Деникина. Один из ее членов П.Л. Макаренко предполагал, что настало время собрать конференцию из представителей добровольческой армии Дона и Кубани для решения вопросов, между которыми стояли и такие:

Будущая Россия — федеративное или унитарное государство?

Какое положение в ней займет Юго-Восточный союз, и из кого он будет состоять? Возможна ли теперь единая власть, и кому она может принадлежать?

Макаренко обратился со всеми этими вопросами к донскому атаману, который в декабре 1918 года отвечал ему:

…«Рассмотревши вопросы, подлежащие предварительному обсуждению в согласительной комиссии, т.-е. на конференции представителей добровольческой армии, Дона и Кубани, я полагаю, что заседания таковой комиссии являются преждевременными, так как большинство вопросов в данное время решено быть не может, а гадание о будущем, не имея никаких данных, явится лишь пустыми разговорами, для чего у меня нет свободных людей, ни средств, чтобы оплачивать их

напрасную поездку и жизнь в Екатеринодаре, потому что:

«Будущая Россия — федеративное или унитарное государство? — праздный вопрос. Надо раньше освободить Россию от большевиков. Тогда прислушаться к голосу подлинной России, России, пережившей муки большевизма, и всем вместе обсудить этот вопрос. Говорить об этом Дону и Кубани — одной тридцатой России — преждевременно. Логически, конечно, Россия — единая и неделимая, потому что самим создавать принцип divide et impera[75] на свою голову не годится»…

На 13 ноября в Екатеринодаре генералом Деникиным было собрано совещание между представителями добровольческой армии, Дона и Кубани под председательством генерала Драгомирова. Предстояло решить три главных вопроса — о единой власти (диктатуре генерала Деникина), едином командовании и едином представителе перед иностранными союзными державами. От Донского войска были командированы генерал-лейтенанты Греков и Свечин и начальник войскового штаба генерал-майор Поляков. Им от донского атамана были даны готовые ответы: диктатура генерала Деникина не может быть признана, единое командование может быть лишь при едином фронте, и единый представитель возможен и желателен.

Совещания продолжались два дня. Генерал Драгомиров настаивал на полном подчинении Дона добровольческой армии и на осуществлении единого командования настолько, чтобы добровольческая армия могла распоряжаться каждым полком донской армии независимо от донского атамана.

К соглашению комиссия не пришла, а отношения обострились еще больше. Непосредственно за комиссией начались репрессии по отношению войска Донского. Не были отпущены из Севастополя столь нужные войску тяжелые орудия, генерал Семилетов получил разрешение на формирование «донского отряда» в добровольческой армии, что давало возможность укрываться от мобилизации и нарушало организацию донской армии. В отряд этот собирались все недовольные и враждебные атаману лица.

Наконец, было решено не допускать представителей союзных держав на Дон и всячески мешать непосредственным сношениям Дона с союзниками.

Когда в Екатеринодаре узнали о том, что капитаны Бонд и Ошэн едут на Дон, министр торговли и промышленности добровольческой армии В.А. Лебедев телеграфировал председателю войскового круга В.А. Харламову, что Бонд и Ошэн никем не уполномочены ехать на Дон и являются подставными лицами, нанятыми атаманом, чтобы инсценировать его дружбу с

союзниками…

Так, с приездом союзников началась жестокая интрига против атамана и войска Донского, но им было уже не до того, чтобы парировать ее. Военные события изменились, войску Донскому угрожала гибель.

ГЛАВА XIV

События на Украине и в Германии осенью 1918 год. — Разложение германской армии. — Восстание Петлюры и Винниченко. — Обещания французов. — Уход гетмана. — Большевики на Украине.

10 ноября (нов. ст.) атаман Зимовой станицы, на Украине Черячукин писал управляющему отделом иностранных дел войска Донского генерал-лейтенанту Богаевскому: «События идут быстрыми шагами. Император Вильгельм отказался от престола. В Германии социалистическая республика. В Киле делается то же самое, что у нас было в Кронштадте. Говорят, образовалось несколько республик. Отказ Вильгельма страшно гнетуще подействовал на армию, особенно убито духом офицерство. Здесь украинцы начинают побаиваться, поддержат ли их немецкие солдаты против большевиков, и не станут ли они заодно с совдепами. Вообще, настало время скорее вызывать союзников, если действительно последние хотят нам помочь в борьбе с большевиками. Вчера слышал, что переговоры Украины с союзниками в Яссах начались и благоприятно; говорят здесь, что союзники требуют от немцев посылки двух корпусов против совдепов и что будто сами готовы дать на Украину сколько угодно войск. Австрийцы совсем разложились и грабят все. Предназначенные нам к отпуску из Ярмолинец тяжелые орудия трудно вывезти из-за той разрухи, которую устроили там австрияки; вагоны и поезда ими запружены, вообще картинка из недавнего нашего прошлого. Третьего дня гетман вызывал меня, кубанцев, терца и представителя Грузии для предварительного обсуждения вопросов о тесном единении и о будущем положении. Будут заготовлены письма от гетмана к правительствам с приглашением обсудить предварительно всеобщей мирной конференцией назревшие вопросы о будущем России и о тех государствах, которые теперь отделились от России. Я боюсь, что это уже поздно. Сегодня мы должны были быть вновь вызваны для прочтения и получения этих писем, но, очевидно, опять задержка».

Это письмо было написано 28 октября, а еще 24 октября на Дону надеялись на совершенно иное. В этот день у управляющего отделом иностранных дел был германский майор Кокенхаузен, который сообщил ему, что под влиянием неудач на западном фронте в Германии произошел целый ряд перемен. Рейхсканцлером назначен принц Макс Баденский, германское правительство нашло необходимым изменить свое отношение к

Советской России, между Советской республикой и Германией прекращены дипломатические сношения, условия Брест-Литовского мирного договора аннулированы, Германия отозвала своего дипломатического представителя из Москвы и выслала Иоффе, советского посла, из Берлина. Майор Кокенхаузен весьма секретно сообщил, что в ближайшие дни германские войска, стоящие на Украине, начнут военные действия и перейдут в наступление против советских войск…

Тогда — и это по тогдашнему настроению и состоянию Красной армии, совершенно не желавшей драться с немцами, несомненно так и было бы — тогда немецкие полки освободителями вошли бы в Москву. Тогда немецкий император явился бы в роли Александра Благословенного в Москву, и вся измученная интеллигенция обратила бы свои сердца к своему недавнему противнику. Весь русский народ, с которого были бы сняты цепи коммунистического рабства, обратился бы к Германии, и в будущем явился бы тесный союз между Россией и Германией. Это была бы такая громадная политическая победа Германии над Англией, перед которой ничтожной оказался бы прорыв линии Гинденбурга на западном фронте и занятие Эльзаса. И державы Согласия приняли все меры, чтобы не допустить этого. Они усилили свой напор на фронт, а требование Вильсона и нежелание союзников говорить о мире с имп. Вильгельмом, но лишь с германским народом, пошатнуло положение династии. Имп. Вильгельм был принужден отказаться от престола, власть в стране перешла в руки социалистов во главе с Эбертом, а Вильгельм с наследным принцем покинул страну. В войсках немедленно образовались Советы солдатских депутатов, а в городах — Советы рабочих депутатов. Ни о каком выступлении германских войск против Советской республики уже нельзя было думать. В самой стране начались беспорядки, поднятые большевистски настроенными группами «Спартака». Грозные германские солдаты, всего неделю тому назад суровым «Halt» останавливавшие толпы рабочих и солдат на Украине, покорно давали себя обезоруживать украинским крестьянам. Украинские большевики останавливали эшелоны со спешившей домой баварской кавалерийской дивизией, отбирали оружие и уводили из вагонов лошадей!

Первыми покинули Украину австрийцы. Их места пришлось занять германцам, для чего германцы вывели свои гарнизоны из Ростова и Таганрога, это входило в планы донского атамана, и Ростов был занят образцово обученными частями молодой донской армии — л. — гв. казачьим полком, двумя батальонами 1-го Пластунского полка и 1-й конной казачьей батареей, в

Таганрог были поставлены л. — гв. атаманский полк, батальон 1-го Пластунского полка и саперный батальон.

Но когда германские части стали покидать восточную границу Украины, и угольный район, где среди рабочих оставалось много большевиков, остался незащищенным, атаман, с согласия гетмана, выдвинул части 3-й и 2-й Донской дивизий и занял Луганск, Дебальцево и Мариуполь. Для этого пришлось прекратить наступательные операции на царицынском фронте. С печалью смотрел командующий донской армией, как постепенно, но очень быстро обнажался весь левый фланг с тремя дорогами, идущими в Войско, и тыл его фронта, и открывались прямые пути на Ростов и Новочеркасск к сердцу войска Донского. В дни страшного напряжения на севере Войска, когда все резервы были уже введены в боевую линию, командующему армией пришлось создавать новый фронт — западный, протяжением в 600 верст. Донской атаман обратился с просьбой о помощи к генералу Деникину. Генерал Деникин перебросил освободившуюся пехотную дивизию генерала Май-Маевского, которая заняла линию от Мариуполя до Юзовки. Эта линия была занята очень слабо, но ведь шли же, наконец, на подмогу союзники!

В середине ноября последнею ушла из Кантемировки наиболее дисциплинированная 2-я германская кавалерийская дивизия, а 4 декабря из города Ростова ушел германский штаб с майором Кокенхаузеном.

Левый фланг и тыл донской армии на протяжении слишком в шестьсот верст уже не защищался, даже не охранялся, а только наблюдался кавалерийскими и пешими заставами.

Украина кипела и бурлила восстаниями. Петлюра, окруженный сечевыми стрельцами, соединившись с Винниченко, поднял мятеж, обвиняя гетмана в стремлении соединиться с Россией. К ним примкнули щирые украинцы и масса голытьбы, желавшей пограбить помещичьи усадьбы и богатые города и села.

В ночь с 3-го на 4 ноября по улицам Киева было расклеено воззвание Винниченко и Петлюры с призывом к низвержению гетмана и объявлению директории украинской республики во главе с Винниченко (голова), Петлюрой, Швецом и Андреевским.

Директория, опираясь на сечевых стрельцов в Белой Церкви, подняла восстание и, пополнив их бандами из окрестных деревень, двинулась на Фастов и далее на Киев.

Почти одновременно с этим вспыхнуло восстание в других центрах Украины: в Харькове появился атаман Балбочан, потребовавший от донского правительства, чтобы оно убрало свои гарнизоны из угольного района, и грозивший войною, в Ровно, в Житомире, Ромодане, Крутах, Елисаветграде и

Екатеринославе, — по всей Украине резали, жгли и под шумок расхищали имущество.

Идейно восстание это не пользовалось никаким успехом. На Петлюру и на его сообщников смотрели просто как на разбойников, но подавить это восстание, уничтожить этих разбойников было некому. Немецкие солдаты не повиновались своим офицерам. Надеяться на них было нельзя. Своей силы не было.

Русские «общественные деятели» успокаивали гетмана, говоря, что восстание заглохнет само собою, что украинцы покончат с Винниченко и Петлюрой, союзники из Ясс дали знать, что они поддерживают правительство гетмана, и французский консул Энно 9 ноября должен был приехать в Киев, а за ним было обещано прислать и французские войска.

Между тем, к 7 ноября сечевые стрельцы продвинулись к ст. Боярка и потом подошли к Жульянам.

Энно настаивал перед немецким командованием, что немцы должны поддерживать порядок на Украине, но что могло сделать германское командование, когда войсками уже правили Советы! 15 ноября германский совдеп заключил с повстанцами перемирие, одним из пунктов которого было то, что войска гетмана должны отойти с позиции в Киев, оставив только сторожевое охранение, а петлюровцы должны были отойти на 30 верст от Киева. Перемирие это было заключено без ведома главнокомандующего украинскими войсками в Киеве генерала кн. Долгорукова и фактически не соблюдалось. Немцы не только не охраняли Киева, но местами сдавали петлюровцам оружие и уезжали в эшелонах, поданных Петлюрою для желающих ехать на родину.

Союзники обещали, что 20 ноября в районе Жмеринки, Могилева на Днестре, Одессе и Бирзуле будет сосредоточено до дивизии союзников, 27 ноября из Константинополя прибудут две дивизии, а ко 2 декабря с устья Дуная еще 2–3 дивизии…

Это были обещания французского командования на Черном море. Обещания генерала Бертелло. Но в Версале смотрели иначе. В Версале одни не понимали или не хотели понять всей важности назревающего момента, всей его психологической ответственности, другие желали видеть Россию уничтоженной, сгоревшей на медленном огне. Кроме той маленькой политики, которую вели военные начальники, видевшие в русских союзников, друзей, несчастных, погибающих братьев и от всей души желающие им помочь, была еще другая большая политика, видевшая в России угрозу Персии, Индии и Ближнему Востоку, и вот эта-то другая политика и отставляла все распоряжения первой

политики.

Зло получилось ужасное.

В Советской республике со страхом и трепетом следили за всем тем, что происходит в России. Победа союзников была поражением большевизма. Это понимали и комиссары, понимали и красноармейцы. Как донцы говорили, что не могут они одни бороться против всей России, так и красноармейцы заявляли, что они не могут сражаться против всего мира. Появись в эту минуту, именно зимою 1918 года, на фронте в Украине и на Дону синие капоты французских солдат или английские шинели — и большевизм бы рухнул. Но тогда рухнул бы и интернационал. Тогда началось бы братство народов, национальностей, тогда были бы Россия, Франция, Англия, но не было бы одного лица, вернее одной безличной народности. И вот в Версале отложили помощь Украине.

Была и другая, грозная, причина. Хотя французы и англичане уверяли, что большевизм есть болезнь побежденных армий, что они — победители, и их армии не тронуты этою страшною болезнью, на деле было не так. Французские и английские солдаты не желали воевать с большевиками, их армии уже были разъедаемы тою страшною гангреною усталости, которая явилась следствием войны.

И когда союзные войска не пришли на Украину, когда уже высадившиеся было в Одессе союзные войска покинули город и снова сели на суда[76], у большевиков явилась надежда на то, что в мировой войне победят они, потому что демократии Англии и Франции идут не против них. И они стали ожидать того, что будет на Дону.

Защищать Украину и гетмана остались наскоро сформированные, состоящие из одних офицеров и учащейся молодежи дружины.

Петлюра требовал разоружения всех русских офицеров, обещая им за это право свободного выхода из Украины. Слабые колебались. Помощи не было ниоткуда. Гетманские войска у Раздельной были разбиты и отходили к Одессе.

Совет украинских министров послал Петлюре делегацию, и в ее составе секретаря французского консульства Мулена, с просьбою разрешить офицерам проезд с оружием на Дон или Кубань; в случае согласия на это Киев должен был быть сдан без боя.

Гетману нечего было делать. Те самые «общественные деятели», которые убеждали его в необходимости вести более русскую политику и говорили, что с Петлюрою никто не пойдет, предали его и повели переговоры с Петлюрою. Гетман скрылся из

Киева. Совет министров передал всю власть городской думе, и в тот же день в Киев вошли войска Директории. Начались казни и самочинные убийства русских людей, началось жестокое преследование всего того, что носило имя русского. Мать городов русских, стольный град Владимира Святого и Ольги, Киев, стал ареной мучений русских людей за исповедание ими любви к родине…

Командование Советскими войсками, как только узнало об удалении гетмана и о занятии Петлюрой Украины, двинуло туда армию Антонова, и она без труда одолела Петлюровские банды, и вскоре Харьков, а затем и Киев, были заняты большевиками. Петлюра со своими сечевиками бежал в Каменец-Подольск.

Все внимание атамана было обращено теперь на то, чтобы отстоять западные границы войска Донского. Но в виду ожидания скорой помощи от союзников атаман надеялся не только отстоять войско Донское, но вместе с добровольческой армией и союзниками итти освобождать Москву от большевиков.

ГЛАВА XV

Прибытие союзнической миссии генерала Пуля в Екатеринодар. — Приезд капитанов Бонда и Ошэна на Дон. — Торжественная встреча их в Новочеркасске. — Поездка по Войску.

На Дону союзников ожидали уже около года. Большая часть интеллигенции была настроена к союзникам любовно и восторженно. Благодаря широкому распространению в России английской и французской литературы, французы и англичане, несмотря на свою удаленность, были ближе русскому сердцу, нежели немцы. Немцы пользовались симпатиями и нравились простым казакам, как серьезный, трудолюбивый народ, на француза простые люди смотрели с некоторым презрением, на англичанина с недоверием. Крепко сидело в простом русском народе убеждение, что в решительные минуты успехов русских всегда «англичанка гадит». Но интеллигенция вся была на стороне союзников и ожидала их с восторженным нетерпением.

Прибытие союзников, это была эра в понятиях всего русского общества. Поворотная точка в борьбе с большевиками. Придут союзники, и сейчас же быстрое наступление, победы, и Москва и Петроград, и свидание с родными, и конец казням и большевистскому застенку. И время до занятия Москвы при помощи союзников измерялось неделями. Ну, через два месяца, весною, самое позднее, все будет кончено. И одни видели земский собор и выборы царя, другие — Учредительное Собрание и президента, — это было неоспоримо.

Ведь должна же была вся эта разруха, наконец, кончиться!!..

Союзники приехали в Новороссийск; их торжественно встречали. В Новочеркасске знали до мелочей, до самых мельчайших подробностей все, что было. От Англии приехал генерал Пуль, немного знающий по-русски, и полковник Кисс, хорошо говорящий по-русски, от Франции — капитаны Фукэ и Бертелло и лейтенант Эрлих (Erlich). Последний говорит по-русски, как русский. Знали, что у добровольцев вышло недоразумение с русским гимном. Пили на торжественном обеде за великую, единую, неделимую Россию. Музыкантам надо было играть что-либо после. Заиграли преображенский марш. Тогда генерал Пуль попросил сыграть русский гимн. Переглянулись, пошептались и опять заиграли преображенский марш. Это оттолкнуло от Деникина монархически настроенные элементы, а их было немало, особенно в гварском отряде Кутепова.

Когда в Новочеркасске узнали об этом, командующий армией, в распоряжении которого находился войсковой хор,

спросил атамана, что играть, если будут пить за Россию.

— Русский гимн, — отвечал атаман.

— Какой? — спросил генерал Денисов.

Я знаю только один русский гимн — «боже, царя храни», и, пока не написан и не утвержден другой, мы и должны его играть. Великая Россия относится к прошлому, в настоящем — России нет, а будущего мы не знаем… — ответил атаман.

Вопрос был сделан не напрасно. По видимому, в программу союзников входило нащупывание политических настроений в массах и этим путем.

25 ноября в Новочеркасск прибыли союзники. Они шли до Мариуполя на миноносцах, а потом по железной дороге на Таганрог, Ростов и Новочеркасск. Как потом признавался капитан Бонд, ехали не без страха. А что, если на Дону большевики? Как-то проедут? Небольшие рабочие команды, которые они видели в Севастополе, принадлежавшие к составу добровольческой армии, внешним видом своим доверия не внушали. Союзных офицеров отговаривали ехать на Дон. Там, дескать, весь порядок держится на немцах, а немцы ушли, и там, как на Украине, беспорядки и большевики.

Однако, в Мариуполе их ожидал поезд атамана. Прекрасные вагоны, вагон-ресторан с обильной едой и винами, которых они давно не видели, электрическое освещение, безупречная чистота, бравые провожающие поезд конвойные казаки и точное, по расписанию, движение поезда их успокоили.

Новочеркасск был полон гостей. Прибытие союзников на Дон было торжеством политики атамана, ожидались речи глубокого политического значения, и присутствовать на этом торжестве были приглашены представители добровольческой армии, Кубани и народов Северного Кавказа и астраханский атаман.

Автомобили длинной вереницей двигались по середине бульвара Крещенского спуска, и им сопутствовали тихо-торжественные певучие звуки донского гимна и несмолкаемое ура жителей и войск. По одну сторону бульвара стояли войска, по другую — дети учебных заведений. И за теми, и за другими толпа народа, из которой непрерывно летели и сыпались дождем цветы осени, нежные пушистые хризантемы.

С собора шел перезвон; все духовенство в золотых ризах ожидало своих избавителей. Как только союзники вошли в собор, приехал атаман, и начался молебен.

После молебна мимо союзников, окруженных восторженной толпой народа, проходили войска.

В тот же день в большом зале атаманского дворца был обед на 100 кувертов.

Атаман произнес свою речь по-французски, — он приветствовал союзников, как друзей великой России. Он напомнил о вековом долге Франции, обязанной и за свою свободу в 1814 году и за свое спасение в 1914 — 15 и 1916 годах….

…«Сто четыре года тому назад в марте месяце французский народ приветствовал императора Александра I и российскую гвардию. И с того дня началась новая эра в жизни Франции, выдвинувшая ее на первое место.

«Сто четыре года тому назад наш атаман граф Платов гостил в Лондоне.

«Мы ожидаем вас в Москве! Мы ожидаем вас, чтобы под звуки торжественных маршей и нашего гимна вместе войти в Кремль, чтобы вместе испытать всю сладость мира и свободы!

«Великая Россия! В этих словах все наши мечты и надежды!

«А пока… Пока мы печальны, ибо все так же льется кровь казаков, и наши силы напряжены до последней степени, чтобы спасти отечество…»

После речи атамана встал капитан Бонд и заявил, что он И капитан Ошэн уполномочены заявить донскому атаману, что они являются официально посланными от союзников, чтобы узнать о том, что происходит в России. Союзники помогут всеми силами и всеми средствами, не исключая и войск, донским казакам и добровольческой армии.

Эти слова были покрыты громовым ура! И особенно ликовали члены круга, фронтовые казаки, те люди, которых война касалась непосредственно.

Затем шли тосты за войско Донское, за союзников, и, наконец, капитан Бонд сказал:

— Я провозглашаю тост за великую Россию и я хотел бы услышать здесь ваш прекрасный старый гимн. Мы не будем придавать значения его словам, но я бы хотел услышать только его музыку!..

Едва только переводчик кончил переводить слова английского офицера, как атаман, при гробовом молчании всего зала отчетливо сказал:

— За великую, единую и неделимую Россию! Ура!

Величаво мощные, волнующие сердце, могучие звуки старого русского гимна были исторгнуты из скрипок и труб. Все мгновенно встали и застыли в молитвенных позах. Архиепископ Гермоген плакал горькими слезами, и слезы лились по его серебристой седой бороде. Все были глубоко растроганы охватившими вдруг воспоминаниями прошлого и тяжелыми думами о настоящем.

Едва гимн кончился, громовое ура потрясло зал и не

смолкало до тех пор, пока музыканты не начали играть снова гимн. Они принуждены были повторить его четыре раза.

Англичане и французы вынесли впечатление, что на Дону настроение монархическое. Но это было верно только отчасти. Русский гимн напомнил всем собравшимся времена великой славы русской, времена побед, а не поражений, времена благородного самопожертвования, а не подлой измены. Но если бы спросили казаков, хотят ли они вполне вернуться к старому, более половины решительно ответили бы — нет!

Простые казаки и крестьяне не желали реставрации, потому что с понятием о монархии первые связывали поголовную принудительную воинскую повинность, обязанность снаряжаться за свой счет и содержать верховых лошадей, не нужных в хозяйстве, казачьи офицеры связывали с этим представление о разорительной «льготе», плохие стоянки и бесправное положение. Крестьяне думали о возвращении помещиков и о наказании за те разорения, которые они сделали в помещичьих усадьбах, в остальном им было все равно, республика или монархия, потому что по существу немногие понимали разницу. Казакам, кроме того, нравился их новый самостоятельный строй, их тешило, что они сами теперь обсуждают такие серьезные вопросы, как вопросы о земле и земельных недрах. Что предполагала и чего желала донская интеллигенция, сказать трудно. Она давно уже раскололась на два противоположных лагеря — монархистов и социалистов-революционеров. Все, кто считал себя передовыми, просвещенными людьми — учителя, юристы, — все это было настроено крайне лево, и тем не менее и они восторженно приветствовали русский гимн. Русский гимн был для них русским, но не царским гимном. Играли же и признавали они донским гимном «Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон», но когда пели его, то пели с новыми словами, где исключалась и преданность монарху, и готовность отдать свои жизни за царя, за славу и победу.

Позднее, когда французский лейтенант Эрлих, встретивший новый год в офицерском собрании л. — гв. казачьего полка и слышавший, как там играли русский гимн, настойчиво говорил атаману, что «такая проповедь монархизма неуместна и не входит в планы союзников», атаман сказал ему:

— Что прикажете мне играть, когда величают великую, единую и неделимую Россию?

Эрлих молчал.

— Большевики играют вашу марсельезу, но это гимн Франции, но не России, — продолжал атаман.

— Да, марсельезу играть неудобно, — согласился Эрлих.

— У меня две возможности: играть в таких случаях «боже, царя храни», не придавая значения словам, или играть похоронный марш. Я глубоко верю в великую, единую и неделимую Россию и потому играть похоронный марш не могу!.. Я играю русский гимн, и он всегда останется русским, что бы ни случилось.

Атамана за это за границей считали монархистом.

Русский гимн как бы еще теснее спаял все общество, собравшееся в атаманском дворце. Капитан Бонд, взволнованный всем виденным, несколько раз повторил: «Как это хорошо! Как хорошо все то, что я вижу!».

27 ноября союзники посетили Донской мариинский и Смольный институты.

— А не забыли ваши барышни своего русского гимна? — спросил капитан Ошэн у начальницы института. — Не могли бы они нам спеть его на прощанье?

Начальница бросила вопросительный взгляд на атамана. Атаман кивнул головой.

— Mesdemoiselles, — сказала начальница детям, — иностранные гости спрашивают, не забыли ли мы наш русский гимн. Споем им его!

Никто ничего не говорил и не подсказывал девушкам, это все случилось в полной мере неожиданно. Все институтки, как одна, повернулись к иконе своей покровительницы Марии-Магдалины, и девичий хор дружно и согласно запел «боже, царя храни». И это была молитва, а не гимн, молитва, пропетая с глубоким чувством, с чистыми слезами умиления на глазах…

Вечером был раут, на котором присутствовало все новочеркасское общество и с которого атаман в 12 часов ночи увез гостей прямо на позицию.

28 ноября иностранцы были представлены на станции Кантемировка командующему южной армией генералу от артиллерии Иванову, смотрели его войска, а затем по морозу при небольшой метели поехали в Богучар, Калач и Бутурлиновку. Повсюду в слободах и селах их встречали крестьяне Воронежской губернии с хлебом-солью. В Бутурлиновке союзники видели доблестный георгиевский Гундоровский полк.

По возвращении с позиций северного фронта атаман показал союзникам Русско-балтийский завод в Таганроге, на котором только что начиналась работа, чистились и устанавливались станки для изготовления снарядов и ружейных патронов. Из Таганрога после интимного сердечного обеда в собрании л. — гв. атаманского полка союзники поехали на свои миноносцы в Мариуполь, а капитаны Бонд и Ошэн отправились в Екатеринодар

с подробным докладом главам миссий генералу Пулю и капитану Фукэ о всем, что они видели и слышали на Дону.

Они вывозили с собою самые отрадные и самые светлые воспоминания, о донских казаках, они видели прочное, живущее полною жизнью государственное образование, где правил народ через свой круг, и где был атаман, и по некоторым, чисто внешним признакам они полагали, что весь Дон политически — монархисты…

ГЛАВА XVI

Переписка донского атамана с генералом Пулем. — Почему атаман не хотел признать генерала Деникина главнокомандующим и диктатором? — Свидание атамана с генералом Пулем на ст. Кущевка. — Речь атамана генералу Пулю.

Впечатление от приезда союзников на Дону было сильное. Оно отозвалось и на всех фронтах. Но случилось именно то, чего так боялся атаман. После короткого подъема настроения, выразившегося в частичных переходах в наступление, при чем отряд генерала Гусельщикова овладел Борисоглебском и ст. Поворино и выгнал красные войска из Хоперского округа, где было взято более пяти тысяч пленных, наступил упадок духа. Приезд союзников был доппинг, был наркоз, опьянивший казаков и заставивший их совершить небывалые подвиги, но работать под наркозом постоянно нельзя, после одной дозы нужна более сильная, нужно исполнение обещания — помощь и помощь реальная — войсками.

Большевики усилили свою агитацию, не дремала и екатеринодарская партия врагов атамана. Она стала распространять слухи, что те офицеры, которые были на Дону, просто туристы, совершенно невольно сыгравшие роль Хлестаковых, что настоящие иностранцы находятся в Екатеринодаре, это — Пуль и Фукэ, и они никакого дела не желают иметь с германофилом атаманом. Этому сильно помогал Эрлих, парижский адвокат, поведший кампанию против атамана в Екатеринодаре и всеми силами старавшийся дискредитировать скромного и молчаливого капитана Ошэна.

На фронте шла небывалая борьба, усугубленная наступившими сильными морозами, вьюгами и метелями, усталость казаков сказывалась все сильнее, а в тылу шла своя работа. Уже и председатель круга в законодательной комиссии высказывал сомнение, что союзники будут помогать Дону. Атаману было необходимо войти в сношения с генералом Пулем и добиться присылки на Дон войск. В этих целях атаман написал письмо Пулю, в котором просил его не верить всему тому, что про него говорится в Екатеринодаре, и лично посмотреть ту работу, которая сделана донскими казаками.

Доклад капитанов Бонда и Ошэна поколебал генерала Пуля, и хотя он не пожелал и смотреть всего того, что привезли с Дона эти офицеры, считая все это провокацией, но к письму атамана отнесся уже более внимательно. Этому немало помогли громкие победы, совершенные казаками в эти дни на северном фронте и в

Хоперском округе.

7 декабря генерал Пуль писал атаману из Екатеринодара:

«Я осмелюсь указать вашему превосходительству, что я считаю вопрос назначения главнокомандующего пунктом, о котором следовало бы сперва посоветоваться с союзниками, так как я вынес впечатление из вашего письма, что вы считаете, что только с союзной помощью и союзным снабжением вы сможете, наступать или даже удержать занятое вами.

«Инструкции от моего правительства указали мне войти в связь с генералом Деникиным, представителем в британском мнении русских армий, действующих против большевиков. Поэтому я сожалею, что для меня невозможно обдумывать признание какого-либо другого офицера таковым представителем.

«Если я буду вынужден вернуться и доложить моему правительству, что между русскими генералами существуют взаимная зависть и недоверие, это произведет самое болезненное впечатление и безусловно уменьшит шансы того, что союзники окажут какую-либо помощь. Я предпочел бы донести, что ваше превосходительство показали себя настолько великим Патриотом, что согласились даже подчинить ваши собственные желания общему благу России и согласились служить под командой генерала Деникина…».

Атаман не хотел признавать генерала Деникина главнокомандующим не потому, что войско Донское и Деникин жили не в ладу, не потому даже, что генерал Деникин не хотел отрешиться от старого взгляда на казаков, как на часть русской армии, а не как на самостоятельную армию, чего добивались казаки и за что боролись, но потому, что атаман считал генерала Деникина неспособным на творчество и притом совершенно не понимающим характера войны с большевиками и считал, что генерал Деникин погубит все дело. Кто угодно, но только не Деникин с его прямолинейною резкостью и уверенностью, что можно силой заставить повиноваться.

Атаман считался с обаятельною внешностью Деникина, с его умением чаровать людей своими простыми солдатскими честными речами, которыми он подкупал толпу, но за этими речами атаман видел и другое. В то время как на Дону были вызваны все производительные силы страны и создана покорная армия, генерал Деникин опирался на кубанских казаков и офицерские добровольческие полки. Солдатам он не верил, и солдаты не верили ему. Армия не имела правильного снабжения, не имела точных штатов, не имела уставов. От нее все еще веяло духом партизанщины, а партизанщина при возникновении

Красной, почти регулярной, армии была неуместна.

Генерал Деникин борьбе с большевиками придавал классовый, а не народный характер, и при таких условиях, если его не подопрут извне иностранцы, должен был потерпеть крушение. Боролись добровольцы и офицеры, то-есть, господа, буржуи, против крестьян и рабочих, пролетариата, и конечно за крестьянами стоял народ, стояла сила, за офицерами — только доблесть. И сила должна была сломить доблесть.

Генерал Деникин угнетал проявление кубанской самостоятельности, он не считался с Радой, такого же отношения надо было ожидать и к Дону, это охладило бы казаков и могло бы окончиться катастрофой.

Генерал Деникин не имел ничего на своем знамени, кроме единой и неделимой России. Такое знамя мало говорило сердцу украинцев и грузин, разжигало понапрасну страсти, а силы усмирить эти страсти не было. Деникин боялся сказать, что он монархист, и боялся пойти открыто с республиканцами, и монархисты считали его республиканцем, а республиканцы — монархистом. В учредительное собрание уже никто не верил, потому что каждый понимал, что его фактически не собрать, презрительным названием «учредилки» оно было дискредитировано, унижено и опошлено в глазах народных масс.

Иди Деникин за царя, он нашел бы некоторую часть крестьянства, которая пошла бы с ним, иди он за народ, за землю и волю, и за ним пошли бы массы, но он не шел ни за то, ни за другое. «Демократия» отшатнулась от него и не верила ему, и Деникин боялся призвать ее под знамена.

Добровольцы были плохо одеты, плохо дисциплинированы, они не были войском, — армия Деникина всего была только корпусом, и хотя Деникин уже владел тремя громадными губерниями, он ничего не создал, и атаман боялся, что он не только ничего не создаст в будущем, но развалит и созданное такими трудами, неокрепшее и хрупкое.

Атаман не считал Деникина хорошим стратегом, потому что Деникин действовал по плану, который казался атаману не крупным и бесцельным. План Деникина состоял в покорении окраин, в этом Деникин видел обеспечение своего тыла. Сначала Кавказ, потом Крым, далее Украина. Атаман считал, что с окраинами, в том числе и с Украиною, воевать нельзя и не стоит: с ними должно столковаться, признавши их права на свободное существование. Главной целью казалась атаману борьба с большевиками и большевизмом: с первыми — оружием, со вторым — воспитанием, и только после победы над ними и освобождения от коммунистов всей России, можно говорить о

«единой и неделимой России». Генерал Деникин прямо шел к этой единой и неделимой и, по мнению атамана, создавал себе новых врагов, не справившись и со старым. Деникин не признавал гетмана Скоропадского потребовал подчинения ему Крыма, ссорился с Грузией, был в холодных отношениях с Кубанскою Радою, и атаман боялся, что он раздражит и донских казаков. Атаман считал, что во время войны не время заниматься мелочами. Надо итти прямо к цели, и цель эта — гнездо большевизма — Москва и Петроград. Еще недавно атаман сговаривался с гетманом Скоропадским и завязывал сношения с Польшей и Грузией, — он искал друзей. Он считал, что путь к Москве один — создание единого фронта с чехо-словаками и Колчаком. Движение на северо-восток к Царицыну, Саратову и Самаре, посылка большого конного отряда для связи с атаманом Дутовым, собрание сначала единой русской армии, а затем поход на Москву. Генерал Деникин работал по обратным операционным линиям — на юг и запад. На Владикавказ — Дербент, Петровск, Баку, на Сочи и Гагры, потом на Киев….

После приезда союзников и письма генерала Пуля, перед атаманом стояла непременная задача согласиться на признание генерала Деникина верховным главнокомандующим и подчинить ему не только донскую армию, но и все Войско. События на фронте, появление большевиков на Украине, создание нового западного фронта и вследствие этого необходимость во что бы то ни стало, получить помощь извне, требовали от атамана уступок и изменения своего мнения. Генерал Деникин, так сказать, авансом послал дивизию Май-Маевского на Украину, но дивизия эта очень вяло работала и долго оставалась в районе Мариуполя и Юзовки, не продвигаясь на север и не занимая Луганска, Купянска и Харькова, особенно последнего, на чем настаивал атаман. Дивизия эта оказывала мало помощи, и было похоже, что генерал Деникин и не окажет большей помощи, пока не будет признан войском Донским.

Атаман просил о присылке подкрепления Май-Маевскому и о побуждении его энергично продвигаться на север и занимать северную границу Украины. Деникин отвечал телеграммами, полными участия, и писал, что у него нет ни одного свободного полка. А между тем атаман знал, что большевики так поспешно отступали к Каспийскому морю, что преследовала их только одна конница, пехота же, две кубанские пластунские дивизии, которые были поставлены на отдых, легко могла покончить с большевиками, еще не окрепшими на Украине. Но политика заслоняла от Деникина соображения стратегии. Раньше признание его власти над Войском, потом уже помощь. А время

не терпело. При таких условиях состоялось 13/26 декабря на станции Кущевке свидание между атаманом и генералом Пулем. Свидание началось очень холодно. Генерал Пуль настаивал на том, чтобы атаман первым явился к нему в вагон, и чтобы разговоры происходили у него. Атаман отказался от этого, и одно время казалось, что свидание не состоится. К атаману был послан для переговоров английский полковник Кис.

Как два индейских петуха, важных и надутых, встретились атаман и генерал Пуль. На вопрос о полном подчинении всего войска Донского с его населением и армией генералу Деникину, атаман ответил категорическим отказом. Армия — да, армия может подчиниться, но как совершенно самостоятельная армия. Войско теперь не может признать Деникина иначе, как через атамана.

— Вы имеете, — сказал атаман, — австралийскую армию, она отлично дралась у вас, но она самостоятельна. Поверьте, что генерал Деникин только выиграет от того, если донская армия не распылится и не уничтожится, а будет в руках у своего атамана.

Присутствовавший при разговоре генерал Драгомиров стал настаивать на том, что донская армия должна войти в добровольческую армию не как нечто целое, а подчиниться вполне. Все назначения, все распоряжения по ней должны итти только через штаб добровольческой армии, иначе какое же это единое командование! Все войско Донское, со всем его населением, хлебом и иными средствами снабжения должно отойти в распоряжение генерала Деникина, который должен распределять все это согласно с требованиями всего фронта, всей армии.

Атаман не согласился с этим, и Пуль стал на его сторону. Генерал Пуль считал, что предложение атамана передать полностью всю армию и самого себя в подчинение генералу Деникину, который будет иметь сношения с войском Донским через него, атамана, вполне приемлемо. После этого разговор стал итти спокойнее. Генерал Пуль становился все более сторонником атамана, и против предложений и требований генерала Драгомирова уже было два голоса — атамана и генерала Пуля.

Генерал Пуль спросил атамана о его дальнейших планах. Атаман принес карты и показал, как он полагал бы при помощи иностранных войск освободить Россию. Первое — оккупация и успокоение Украины — как Украины, а не России, второе — движение на соединение с чехо-словаками и Колчаком, третье — движение всеми силами на Москву.

Оказалось, что и у Пуля был тот же план — создать единый

фронт от Сибири до берегов Черного моря.

Около трех часов дня после слишком трехчасового разговора генерал Пуль покинул вагон атамана, обещая ему в ближайшие дни посетить войско Донское и на месте ознакомиться, как и куда направить войсковые части для помощи Дону в его наступлении на Воронеж и Царицын.

Уже в темноте разошлись по своим вагонам генерал Пуль и атаман, и поезда пошли один на восток, другой на запад.

Атаман приобрел себе союзника в лице генерала Пуля и ехал с глубокою верою в то, что англичане и французы на этих же днях прочно займут Украину и, может быть, двинутся и к Царицыну…

ГЛАВА XVII

Свидание донского атамана с С.Д. Сазоновым. — Приезд генерала Щербачева в Новочеркасск. — Общее заседание Щербачева, Деникина, донского атамана и чинов добровольческой и донской армий в Торговой. — Приказ генерала Деникина о вступлении в командование всеми вооруженными силами юга России.

Как результат свидания с генералом Пулем должно было последовать соглашение с генералом Деникиным, и отношения между Доном и добровольческой армией должны были вылиться в строго определенные формы.

16 декабря в той же Кущевке атаман съехался с С.Д. Сазоновым и Нератовым и представил им генерал-лейтенанта Свечина, генерал-майора Герасимова, члена Большого войскового круга Георгия Ивановича Карева и г. Павлова, назначенных атаманом, как Донская совещательная комиссия при С.Д. Сазонове, отправлявшемся в Париж как представитель Дона и добровольческой армии. Атаман настаивал на признании за Доном прав на управление своим кругом и атаманом и на праве содержать свою армию. Со стороны С.Д. Сазонова это возражений не встретило.

21 декабря в Новочеркасск прибыл генерал от инфантерии Щербачев. Цель его поездки была примирить и согласовать деятельность генерала Деникина и атамана и устроить единое командование, без чего союзники отказывались чем бы то ни было помогать.

Было решено, что в ближайшие дни атаман съедется и сговорится с генералом Деникиным о формах осуществления единого командования.

В тот же день вечером генерал Щербачев уехал из Новочеркасска в Екатеринодар.

26 декабря атаман свиделся с генералом Деникиным на станции Торговой. В поезде у генерала Деникина состоялось под его председательством совещание, в котором приняли участие генералы: Щербачев, Драгомиров, начальник штаба добровольческой армии Романовский, атаман Донского войска, командующий донской армией Денисов и др. От Кубанского войска не было допущено никаких представителей.

Заседание открыл генерал Деникин, который сказал, что с приходом союзников борьба с большевиками принимает более планомерный характер, и что необходимо столковаться и притти к сознанию необходимости единой воли и единого управления в

делах внешних сношений, устроить единую общую сеть железных дорог, одну банковую систему, общий почтовый союз, общий суд и, наконец, гласно признать единое командование.

Донская армия и донской флот должны быть наравне с прочими вооруженными силами подчинены главнокомандующему. Донская конница должна быть передана на те участки, которые ей укажет главнокомандующий с тем, что добровольческая армия компенсирует ее пехотой, свободный резерв Дона должен быть передан в полное распоряжение главнокомандующего, в донской армии не могут быть на командных должностях только донские казаки, но должны находиться также и начальники от добровольческой армии. Воронежский, Саратовский и Астраханский корпуса должны быть переданы в распоряжение добровольческой армии, должны быть напечатаны общие уставы и установлены общие правила чинопроизводства во всех армиях, действующих на юге России. Назначения на должности командиров корпусов и выше делаются главнокомандующим в донской армии по соглашению с донским атаманом. Все офицеры генерального штаба подчиняются главнокомандующему, минуя донского атамана, в донской и добровольческой армиях устанавливаются одинаковые нормы содержания и пенсий. Право мобилизации принадлежит главнокомандующему, все снабжение, откуда бы оно ни шло, принадлежит главнокомандующему, который распоряжается также и хлебом и углем, беря и то и другое на учет.

Вопросы гласного признания единого командования вызвали крайне резкие возражения со стороны командующего армией генерала Денисова. Возражая ему, генерал Драгомиров употребил неосторожное, а может быть и умышленно сказанное выражение — «временная автономия Донского войска». Это вызвало яростный ответ Денисова.

После очень долгих переговоров при участии генерала Щербачева удалось установить, что все-таки донская армия в полном составе должна перейти в подчинение генералу Деникину.

— Это непременное требование союзников, — сказал генерал Щербачев, — без исполнения этого условия они отказываются чем бы то ни было помогать нам.

— Для Дона, — снова упрямо сказал Денисов, — единого командования не надо, и Дон без такового свободно может жить. Единое командование нужно для России, и вы требуете этой жертвы во имя ее. Но казак этой жертвы не поймет, и самый факт признания открыто и публично такого подчинения разложит Дон.

— Но поймите, — сказал Щербачев Денисову, — что без этого

союзники нам ничего не дадут.

— Дону ничего и не надо, — возразил Денисов. — Разве только моральная поддержка. А вот если Дон вследствие этого подчинения со всеми его последствиями развалится и разложится, то, полагаю, союзникам это не будет все равно.

— Но почему же Дон развалится от того, что я вступлю в командование? — спросил Деникин.

— Это сделает пропаганда, — ответил Денисов.

— Против этой пропаганды мы устраиваем контр-пропаганду, — возразил генерал Драгомиров, — на этих днях будет устроен особый отдел, целое министерство агитации и пропаганды.

— И во главе его поставлен Н.Е. Парамонов, личный враг атамана, мстительный социалист-революционер, известный тем, что еще в 1905 году своими брошюрами издательства «Донская Речь» разлагал русскую армию, — сказал Денисов.

— Но ничего подобного, — вспыхнув, воскликнул генерал Деникин. — Кто вам это сказал?

— Это пишут в газетах, — отвечал Денисов, — против атамана в Екатеринодаре идет определенная кампания, и мы знаем, что специально для его ареста или уничтожения генерал Семилетов формирует в Новороссийске отряд.

— Я первый раз об этом слышу, — сказал Деникин. — Абрам Михайлович, разве поручены нами какие-либо формирования генералу Семилетову?

Генерал Драгомиров промолчал.

— Мало ли что пишут в газетах, — сказал Деникин. — Меня в них не меньше, нежели вас, ругают.

— Я не знаю, Антон Иванович, — отвечал атаман, — какие меры принимаете вы в Екатеринодаре, но могу засвидетельствовать одно: ни в одной из выходящих на Дону газет нет ни одного слова против вас; что касается екатеринодарских газет, то они полны такой гнусной клеветы по моему адресу, что я должен был запретить их ввоз на Дон. И их все-таки везут и подпольным путем распространяют на позициях, и когда площадную брань по моему адресу усталый от войны казак читает в «Царицынских Известиях», прокламациях Миронова или какой-нибудь «Красной Газете», он этому не верит, но когда ему то же самое пишут из союзного Екатеринодара, в нем зарождается сомнение и тревога. И как не тревожиться?! Атаман — немецкий ставленник, союзники ни за что не помогут атаману, с атаманом ездили ряженые донские офицеры, а не англичане и французы и т. д., и т. д., — согласитесь, что это может сломать и самого правоверного. А последнее время стали

ездить семилетовские офицеры и просто уговаривать казаков прекратить войну, пока я у них атаманом.

Переговоры постоянно заходили в неизбежный тупик. Два раза, видя бесплодность добиться искреннего признания единого командования в его лице от донцов, генерал Деникин хотел прекратить переговоры, но всякий раз генерал Щербачев его останавливал. Атаман понимал, что это необходимо сделать, необходимо для союзников, и искал такой формы, которая наименее дала бы почвы для пропаганды в войсках. Даже мелочи, и те вызывали страстный отпор.

Переговоры шли уже шестой час, сгущались сумерки короткого зимнего дня, а решения никакого вынесено не было.

Наконец, атаман сказал генералу Деникину:

— Антон Иванович, в виду сложившейся обстановки, я считаю необходимым признать над собою ваше верховное командование, но при сохранении автономии донской армии и подчинении ее вам через меня. Давайте, составим об этом приказ.

Генерал Деникин собственноручно написал приказ о своем вступлении в командование и о подчинении ему всех вооруженных сил юга России, действующих против большевиков.

— Хорошо, — сказал атаман, — я отдам этот приказ по войску Донскому, но для того, чтобы избежать кривотолков о нарушении донской конституции, я сделаю к нему следующую добавку: «Объявляя этот приказ главнокомандующего вооруженными силами на юге России донским армиям, подтверждаю, что по соглашению моему с генералом Деникиным конституция Всевеликого войска Донского, Большим войсковым кругом утвержденная, нарушена не будет. Достояние Дона, вопросы о земле и недрах, условия быта и службы донской армии этим командованием затронуты не будут, но делается это с весьма разумною целью достижения единства действий против большевиков».

— Но этим, добавлением совершенно уничтожается весь смысл приказа о едином командовании, — сказал Драгомиров.

Деникин махнул рукою, — делайте, мол, как хотите.

— Вы подписываете себе и Войску смертный приговор, — сказал генерал Денисов атаману.

Итак, первое, что потребовали союзники, было выполнено. Единое командование осуществлено. Теперь оставалось только ожидать помощи от союзников и активной их работы.

ГЛАВА XVIII

Утомление казачьей армии. — Измена трех полков. — Комиссары в Вешенской станице. — Советская власть на севере Дона. — Красная армия занимает северные станицы. — Неистовства большевиков в Вешенской станице.

На позициях казачьей армии от Мариуполя, где стоял дивизион Л.-гв. атаманского полка, через Чертково и Кантемировку, через Богучар и Новохоперск, к Балашову и Царицыну и далее в заманычских степях до самого стыка с добровольцами под Ставрополем шла кипучая, страшно тяжелая, боевая жизнь. Тяжести войны усугубились зимним временем. Зима наступила сразу в конце ноября и стояла суровая и холодная, с крутыми метелями и большим снегопадом. Примитивные казачьи окопы совершенно занесло снегом, черные фигуры казаков стали далеко видными, войска, жившие раньше в поле под открытым небом, или в неглубоких землянках, стали жаться к деревням и селам. Борьба с Красной армией часто шла уже не по тактическим соображениям закрепления за собою того или иного узла позиции, того или другого опорного пункта, а из-за тепла и крыши. Уходящий, кто бы он ни был, старался возможно более ухудшить положение врага и жег, что только мог успеть сжечь и уничтожить. Вместо домов доставались обгорелые стены с зияющими окнами и дверьми, без стекол и без мебели. Здесь новые части устраивались, как могли. Завешивали, чем попало — мешками и рогожами — окна и битком набивались в комнаты, чтобы согреваться животным теплом. В брошенных большевиками деревнях находили лазареты, полные больных, среди которых нередко лежали мертвые. Сыпной тиф косил Красную армию и сыпной тиф передался и на донскую армию. Нужна была частая смена белья, а его не было, нужно было мыло, его не хватало, нужны были лазареты, их не успевали открывать.

Болезнь, полубредовое состояние перед нею понижали дух армии. Казаки приходили в отчаяние. Война шла уже десятый месяц, а не только не видно было конца, но с каждым шагом вперед положение становилось все более грозным и тяжелым. Красноармейцы осенью говорили, что они воевать будут только до зимы, а зимою разойдутся по домам, а на деле зимою их атаки стали более решительными и смелыми, нежели раньше.

Казаки спрашивали пленных, почему это так.

— Нельзя, — отвечали красноармейцы. — Не пойдешь, — расстреляют. Комиссар требует, чтобы шли. А откажешься, и самого убьют, и семье не сдобровать.

Вся Россия шла на Дон. Вся Россия шла уничтожить казаков и мстить им за 1905 год. И страшно становилось казакам. Как же будут они одни против всей России? Весною, когда дрались под Новочеркасском, и фронт был маленький, кругом была помощь. Слева стояли прочною стеною немцы, справа недалеко были кубанцы и добровольцы.

Теперь фронт стал непомерно большой, немцы ушли, и сколько слышно, у них тоже советская республика, добровольцы застряли на Кавказе, и донцы остались совсем одинокими.

Приехали союзники. В ледяных окопах и в хатах, набитых людьми, рассказывали, что были англичане и французы, что они обещали помощь, а где же она? Атаман говорил и писал, что они высадились на берегу Черного моря, что они займут Украину и станут на место немцев, а вместо того атаманцев послали в Мариуполь, а из Каменской и из-под Царицына спешно послали резервы на западную границу войска, к Луганску и Гундоровской станице. Говорят, там нехорошо.

Фронт остался без резерва. Сзади никого нет, а когда сзади никого нет, жутко становится на фронте.

Если бы союзники пришли помогать, разве было бы так? Невольно напрашивалось сравнение с немцами. Как быстро подавались части корпуса генерала фон-Кнёрцера в апреле и мае. Не успели оглянуться, как уже низкие серые каски торчат перед носом оторопелого «товарища», и слышны грозные окрики: «halt> и «ausgeschlossen». А ведь это были враги! Если враги так торопились помогать атаману, как же должны были спешить друзья?! Сегодня были разведчики, офицеры, — это понятно каждому казаку, что без разведки нельзя, — ну, а завтра или дня через три должны показаться и авангарды и главные силы, а вместо того, атаман объявил новую мобилизацию и прямо говорит, что столица войска Донского в опасности.

Тут и пропаганды не нужно было, — дело было ясное — обман.

На рождестве, к 28-му, Верхне-донскому, Мигулинскому и Казанскому полкам, стоявшим в Воронежской губернии, к северу от Богучара, пришли парламентеры от Красной армии. Это были не обычные парламентеры, приходившие и раньше сдаваться, это были люди, посланные от «рабоче-крестьянской» армии. Командиры полков и офицеры не успели ничего сделать, как казаки сбежались к ним толпою, и на позиции устроился митинг, на котором казаки, развесив уши, слушали то, что им говорили пришедшие от Красной армии люди.

Они говорили хорошие и правильные, как казалось простому измученному войною казаку, вещи.

— Мы вашего не трогаем, — говорили они, — зачем же вы идете на нас? Вы донские?

— Донские, — отвечали дружно казаки.

— Так зачем же вы сидите в Воронежской губернии? Чай, всю Россию не освободите. Вас мало, а Россия как велика! Всех крестьян не перебьете, а если мир станет против вас, и от вас ничего не останется.

— Правильно! — вздыхали казаки.

— Идите, товарищи, по домам. Мы вас не тронем. Вы живите у себя спокойно по станицам, и мы будем жить спокойно. Повоевали и довольно.

— Что ж, это правильные речи, — говорили казаки.

— А приказ атамана? — вспоминали некоторые.

— Атамана? Да ведь он, товарищи, давно продался немцам за четыре миллиона.

Цифра поражала. Четыре миллиона! Может быть, и правда продался.

— Так что же, станичники, здесь что ли стоять будем да вшей кормить?! А, так что ль? — раздавались голоса. — Айда по домам, ребятушки, праздник христов. Они нас не тронут. Такие же хрестьяне, должны понимать!

Офицеры попытались помешать уходу с позиции, но кого арестовали, — со времен Временного Правительства это было привычное занятие — арестовывать офицеров, — а кто и сам, чуя недоброе, бежал от своих казаков. Во главе 28-го пешего полка стал бойкий и развратный казак Фомин. Он повел полк в станицу Вешенскую, где находился штаб северного фронта с генералом Ивановым (Матвей Матвеевичем). Генерал Иванов не имел силы арестовать Фомина, окруженного большою толпою своих приверженцев. Фомин и казаки Верхне-донского полка не решались напасть на штаб, охранявшийся несколькими десятками обозных казаков. Это опять была бы война, а воевать они не хотели. В одной и той же станице, в полном напряжении, стояли два враждебных лагеря. Работа штаба стала невозможной, и генерал Иванов переехал на тридцать верст, в станицу Каргинскую, где казаки еще держались и даже собирались жестоко наказать вешенцев за измену казачьему делу. Фомин захватил телеграф с Новочеркасском. Атаман передал ему приказ образумиться и стать на позицию, угрожая полевым судом. Фомин ответил площадной бранью. Атаман отправил в Вешенскую карательный отряд, но события развивались уже быстрым темпом.

Три полка, оставившие фронт, занимали линию около сорока верст. За ними была укрепленная Богучарская позиция с

проволочными заграждениями, та самая «буржуйская» затея, которая так не нравилась Красной армии. Изменники-казаки оставили ее без защиты. У Богучара было только две сотни пешего пограничного полка, составленные из молодых крестьян Донского войска, и те передались большевикам.

Фомин, отвечая бранью атаману, знал, на что он идет, но он уже рассчитывал, что сила будет на его стороне.

Первые три дня по приходе казанцев и мигулинцев домой все было спокойно. Потом в Казанскую станицу на хорошей тройке приехало три молодых человека, в отличных шубах. Они потребовали общего сбора казаков. Когда казаки собрались в станичном управлении, молодые люди поднялись на трибуну и оказались прекрасно одетыми в ловко сидящих на них френчах, с кольцами с самоцветными камнями на холеных пальцах и очень бойко говорящими. Они доказывали превосходство народной Советской власти перед какою-либо другою и предлагали немедленно приступить к выборам Совета и исполнительного комитета. Станичного атамана не было. Он поехал с докладом в Новочеркасск; появилось на собрании вино, «царские деньги» целыми пачками, и «Советская власть» была признана. Ворчали только старики, но как-то так оказалось, что их живо связали и отправили в станичную тюрьму…

Вешенская станица не отстала от Казанской. Фомин объявил себя комиссаром, и при нем тоже появились приезжие молодые люди для того, чтобы руководить его действиями и учить, как устроить станицу по советскому образцу.

Донской атаман приехал с английскими и французскими офицерами в станицу Каргинскую в 30 верстах от Вешенской, где собирал казаков и указывал им на скорую помощь союзников и необходимость немного потерпеть и уничтожить крамолу внутри войска. Из станицы Усть-Бело-Калитвенской походным порядком шел отряд в шестьдесят отборных казаков с войсковым старшиною Романом Лазаревым для того, чтобы привести к повиновению бунтующих вешенцев.

Не дремал и Фомин. В ту же ночь, когда атаман был в Каргинской, он собрал казаков в Вешенской и там повел такую речь:

— В Каргинской не настоящий атаман, а самозванец, и с ним ряженые офицеры под француза и англичанина, и нам надо его выманить сюда и здесь посмотреть, какой он есть. Здесь и рассудим, — или к стенке его поставим с союзниками, или препроводим для суда в Москву, или своим судом здесь накажем. Оборвем погоны и изобличим переодетых союзников.

Нашлись на собрании и благоразумные казаки.

— Атамана мы знаем, — заявили они, — мы с ним в Атаманском полку служили.

— Я шесть лет трубачом ездил, когда атаман полковым адъютантом был, — слава богу, узнаю, он или нет.

Решено было снарядить сани в Каргинскую, чтобы посмотреть на атамана. Так и сделали. Посланные не только повидали атамана, но, несмотря на то, что за ними следили агенты Фомина, успели передать атаману о настроении в Вешенской станице и просили его не приезжать в Вешенскую без значительной воинской силы. Между тем Фомин, чувствуя, что ему не миновать петли и что он зашел слишком далеко, принял более серьезные меры. Вешенцы волновались. Старики, помнившие и отца и деда атамана, который сам был родом из Вешенской станицы, требовали подчинения атаману. Вернувшиеся сослуживцы — однополчане атамана — передали, что атаман подлинный, настоящий, и они его и он их узнал, даже фамилии помнил. Только постарел очень. А все-таки тот же. Без обмана. И союзники с ним настоящие. Все, как следует быть! Заколебались вешенцы. У них уже явилась мысль связать Фомина и с покаянной ехать к атаману. Но тут пришло известие, что девять дивизий Красной армии перешли границу войска Донского и быстро идут к Вешенской станице. Фомин сам принялся арестовывать приверженцев атамана и готовиться к встрече Красной армии.

Красная армия шла походным порядком, не разворачиваясь и даже не высылая мер охранения. Растерянные казаки встретили ее хлебом-солью.

Прорыв фронта, углубление в Верхне-Донской округ больших сил Красной армии тяжело отозвались на соседнем Хоперском округе, и он без всякого давления со стороны противника покатился назад, сдавая мироновским казакам станицу за станицей.

У атамана в это время не было ни одного свободного казака. Все было послано на оборону западного фронта. Там спешно формировалась ударная группа для защиты Зверева и Лихой. Угроза нависла над Новочеркасском. Спасти положение могли только добровольцы или союзники.

ГЛАВА XIX

Приезд английской и французской миссий в Новочеркасск. — Речь атамана на официальном обеде. — Союзники на фронте под Царицыном. — Посещение союзниками заводов и мастерских. — Посещение северного фронта.

В эти тяжелые дни атаман принимал екатеринодарских гостей — союзные миссии, прибывшие в полном составе ознакомиться с положением на фронте, чтобы немедленно помочь. Это уже не была повышенно радостная ликующая встреча, какою встречали капитанов Бонда и Ошэна, но это было серьезное деловое свидание с людьми, желающими помочь и спасти Россию.

Так казалось… Этому верили…

28 декабря в Новочеркасск прибыли английский начальник военной миссии на Кавказе генерал-майор Пуль, его начальник штаба полковник Кис и с ними три английских офицера и представитель генерала Франшэ-д'Эсперэ — капитан Фукэ, представитель генерала Бертелло капитан Бертелло и лейтенанты Эглон и Эрлиш. В 6 часов вечера в атаманском дворце был парадный обед, на котором обменялись речами. Атаман по-французски говорил о том, что последние часы бытия России наступают, и вооруженная помощь нужна немедленно.

Если первая речь атамана союзникам, если его первая мольба о помощи России была пропитана слезами, то здесь из каждого слова сквозила кровь, раны и мучения.

Союзники поняли это. В медленной, полной величавого достоинства ответной речи генерал Пуль засвидетельствовал, что помощь будет. После него говорил о том же Фукэ, затем встал лейтенант Эрлиш. Он восторженно и радостно на чисто русском языке, лишь с незначительным южным акцентом, сказал о том, что французы пойдут вместе с добровольцами и казаками на Москву. Он говорил, что атаман проявил большую мудрость, признавши над собою власть генерала Деникина. Теперь союзники безотлагательно явятся помочь казакам. Его речь, полная истерических выкриков, немного митинговая, не понравилась образованной части донского общества, бывшей на обеде, но наэлектризировала простых казаков, членов круга. События на севере Войска казались уже пустяками. Через неделю явится сюда бригада англичан, и все будет ликвидировано.

Генерал Пуль искренно верил в то, что по его слову будут переброшены войска из Салоник и Батума, о чем и сказал атаману.

В 10 часов обед был окончен, и все приехавшие отправились в атаманский поезд, чтобы ехать на фронт. Время было серьезное, боевое, медлить было нельзя. Все «фронты» настойчиво требовали союзников.

В 10 часов утра холодного зимнего дня поезд медленно, подходил к станции Чир на царицынском фронте, к штабу генерала К.К. Мамонтова. На перроне замер, взявши «на караул», почетный караул, подобный которому можно было видеть только во времена Наполеоновских войн…

От штаба генерал Пуль поехал к резервам. Там при нем поднялись, несмотря на мороз, пять донских аэропланов и полетели бросать бомбы в Царицын. Генералу Пулю показали броневые поезда, отбитые у Красной армии, и самодельный броневой поезд, построенный в мастерских Владикавказской дороги в Ростове, потом поехали на позицию.

У последней батареи вышли из автомобиля. Уже было темно, и были видны, лишь когда подойдешь вплотную, врытые в землю пушки и коренастые фигуры тепло одетых в шубы артиллеристов. Много было среди них бородатых старообрядцев.

Генерал Пуль отвел атамана в сторону и сказал ему медленно, раздельно, подыскивая слова, по-французски:

— Теперь я все понимаю. Благодарю вас. Там в, добровольческой армии мне показывали батальоны. Шестьдесят человек — батальон. Молодежь. Дети. Интеллигенция… Я поздравляю вас, генерал, вы имеете настоящую армию…

На другой день атаман с союзниками посетили Провальский войсковой конный завод. Опять генерал Пуль был поражен богатством войска Донского. Еще летом атаман скупил Харьковский пункт Гальтимора, и теперь он показывал отличных жеребцов, кобыл и молодежь, любовался ими в прекрасном манеже, где шла выводка по строго заведенному коннозаводческому порядку, а сам в это время вполголоса совещался с генералом Бобриковым, начальником завода, о том, куда вывести завод, если придется его эвакуировать, потому что уже и заводу угрожала опасность.

30 декабря союзные миссии осматривали владикавказские мастерские в Ростове, где шел ремонт паровозов и где заново строили паровозы. Союзники были потом в экспедиции заготовления государственных бумаг, где печатали в это время денежные знаки, и на заводе сельскохозяйственных машин «Аксай».

2 января капитан Бертелло осматривал новочеркасскую военно-ремесленную школу, где видел изготовление седел, ранцев, патронташей, шитье сапог, мундиров и белья для донской

армии. 3 января союзники видели уже оживший и пущенный в ход Русско-балтийский завод в Таганроге, где при них выделывали гильзы, отливали пули, вставляли их в мельхиоровую оболочку, насыпали порохом патроны, — словом, завод уже был в полном ходу. Потом смотрели кожевенный завод.

Чем больше видел Пуль, тем становился он любезнее к атаману и вместе с тем озабоченнее. В промежутках между поездками и осмотрами он часами совещался с атаманом о том, как помочь Войску. Он понял, что помощь нужна немедленная.

— Вы могли бы дать для наших солдат две тысячи тех прекрасных шуб, которыми вы снабжали нас во время поездки на позицию? — спросил он атамана.

— Конечно, мог бы.

— Хорошо. Подготовьте их к посылке в Новороссийск. Я надеюсь устроить так, что дней через пять у вас будет батальон, а через две недели бригада. И я уверен, что если ваши люди увидят наших людей, они быстро ликвидируют этот прорыв. Я теперь же поеду в Екатеринодар, а оттуда в Лондон. В Лондоне я скорее все это устрою. Это будет лучше для вас, если я буду хлопотать за вас в Лондоне.

Генерал Пуль отказался от поездки на северный фронт. Он торопился в Екатеринодар и Лондон, чтобы активно помогать Донскому войску.

Пуль не знал в это время, что политика Англии уже переменилась.

Пуль уехал в Лондон, ничего не сделавши. Его приказ о посылке бригады из Батума не был исполнен. В Лондоне он был отстранен от ответственных должностей. Ему дали понять, что Англии нужны друзья Англии, но не России. На его место был прислан сухой и точный бригадный генерал Бриггс, этот мог лучше вести политику и на каждый вопрос генерала Деникина или кого-либо неизменно отвечал: «Об этом я снесусь с Константинополем», «из Константинополя еще нет по этому поводу указаний». Даже такой пустяк, как разрешение русскому человеку въехать в русский Батум, требовал запроса Константинополя, а оттуда Лондона. Дела решались неделями и месяцами, а Троцкий и Ленин в это время не дремали и спешили убедить Красную армию, что союзники России не помогут.

6 января атаман с двумя молодыми английскими офицерами Эдвардсом и Олькот и французами Бертелло и Эрлишем поехал в Вешенскую станицу. Был сильный мороз — 14° Р. при ветре, а в степи и того больше. Несмотря на то, что всем иностранным офицерам были выданы большие бараньи папахи и шубы, они, непривыкшие к холоду, сильно мерзли. Пришлось ехать с

остановками, отогреваясь по хуторам. Только в 4 часа дня, уже в сумерки, прибыли в Каргинскую. Здесь в станичном правлении атаман призывал собранных там казаков к верности Войску и к терпению, говорил о том, что союзники прибыли, и союзные войска скоро помогут со всею своею могучею техникой казакам. Молча слушали казаки. Когда атаман говорил о насилиях большевиков, сзади из толпы кто-то крикнул: «неправда!»

Это было первый раз на Дону, что прервали речь атамана.

Потом говорил Эрлиш. Слишком хорошо по-русски сказанная им речь возбудила подозрение, что он не француз, а ряженый русский офицер или еврей, нанятый атаманом.

Ночь провели в Каргинской. Каргинские казаки не спали. Они караулили у дома, где был атаман и союзники, и несли патрули по станице. Опасались нападения вешенских казаков, да и в самой станице уже начинался раскол. С кем итти — с атаманом ли или с большевиками?

Трусливое большинство решило итти с тем, кто будет сильнее.

8 января союзники уехали. Капитан Фукэ и капитан Бертелло обещали настоять на том, чтобы французские войска немедленно были двинуты вдоль западной границы Донского войска и заняли бы Харьков.

— Если бы это было так, — сказал атаман, — я мог бы всю молодую армию бросить в Верхне-Донской и Хоперский округа и снова быть в Воронежской губернии.

Смутно было на душе у атамана. Он понимал, какой разлад внесли союзники в настроение войск и фронта, и знал, что, если теперь они не придут, как не пришли после ноябрьского посещения, казаки не устоят.

ГЛАВА XX

Переписка атамана с генералом Деникиным о помощи войску Донскому. — Интриги некоторых членов круга против атамана. — Атаман готов сложить свои полномочия. — Беседа атамана с Городысским, Харламовым и членами круга. — Отказ генерала Деникина поддержать атамана.

После отдания приказа о вступлении генерала Деникина в командование всеми вооруженными силами юга России, донской фронт подчинился ему, и потому та катастрофа, которая произошла в Верхне-Донском округе, не могла не интересовать главнокомандующего. Помимо обычных, по прямому проводу ежедневно передаваемых точных сведений о всем, что происходит на фронте, донской атаман писал об этом неоднократно главнокомандующему. Донской атаман не боялся побед красной армии, но он боялся разложения донской армии. Его не то смущало, что части Хоперского и Усть-Медведицкого округов отступают вглубь Войска и уже находятся недалеко от железнодорожной линии Лихая — Царицын, и группа генерала Мамонтова может быть отрезана от своей базы — Новочеркасска, а его смущало то, что эти части отступали без боя, что многие части сдавались красным, что бросали обозы, орудия и патроны, — все то, что было создано такими трудами.

10 января атаман издал приказ по Войску, где, рассеивая все толки о том, что он немецкий ставленник, что союзники идут не с ним и добровольческой армией, но с большевиками, что с атаманом на фронте ездили не английские и французские офицеры, но ряженые казачьи офицеры, что теперь атаман якобы продает донских казаков русским генералам и пр., призывал казаков к дальнейшему исполнению ими долга, указывая на то, что с прибытием союзников недалек день общей победы над большевиками и торжества правды над насилием. Приказ этот был послан во все казачьи части. Екатеринодарские газеты, продолжая травлю атамана, перепечатали этот приказ с недостойными комментариями, искажая смысл приказа и в эту грозную минуту развала натравливая казаков против атамана…

8 января атаман писал генералу Деникину:

«События идут скорее, нежели я ожидал. На Украине, в Харьковской и Екатеринославской губерниях, разложение полное. Большевики послали туда пока четыре свои полка, около которых спешно формируют целую армию. По имеющимся у меня сведениям, они предполагают двинуть 90 тысяч войска при сильной артиллерии на Луганск, Дебальцево, Юзовку, чтобы

выйти в Таганрогский округ, где они рассчитывают найти благодарную почву для поднятия всего населения округа против казаков, а также перехватить у станций Зверево и Лихой Юго-восточную железную дорогу и отрезать центр войска от северного и царицынского фронтов…

«На севере нас побеждает не сила оружия противника, но сила его злостной пропаганды, при чем в этой последней принимали участие и агенты генерала Семилетова (разложение Вешенской, Казанской и Мигулинской станиц). Вот почему меня очень удивило, что один из деятельных работников по организации пропаганды против меня Н.Е. Парамонов назначается вами управляющим отделом российской пропаганды. Свои соображения по этому поводу я высказал в письме А.М. Драгомирову, в копии при сем прилагаемом»…

Генералу Драгомирову относительно устройства отдела пропаганды и назначения начальником его Н.Е. Парамонова атаман, между прочим, писал: «Всем известно, что деятельности и капиталам Н.Е. Парамонова обязано русское общество и русская армия своим разложением в 1905 и 1917 годах. Это его книгоиздательство «Донская Речь» выпустило те миллионы социальных брошюрок, которые влились в русский народ и привили ему яд бунта и большевизма. Социал-демократ по убеждениям, капиталист, а последнее время и крупный спекулянт Н.Е. Парамонов все восемь месяцев моего управления войском Донским шел против меня. Это на его деньги велась сильная агитация на Большом войсковом кругу против меня. Это на его деньги содержится и формируется генералом Семилетовым отряд политического, а не боевого назначения, это на его деньги ведется и сейчас пропаганда против меня в войсках донского фронта. Не характерно ли то, что на этих днях взбунтовались четыре полка, все имеющие своими депутатами на кругу или самого Н.Е. Парамонова или его ставленников? Если командование добровольческой армии желает непременно устранить меня с моего тяжелого поста, не проще ли и не честнее ли прямо мне сказать, чтобы я ушел, нежели валить меня путем пропаганды, потому что этим путем вы и меня свалите, но и Дон не устоит. Выгодно ли это для России да и для добровольческой армии? Я не тянусь к власти. Более того, — она меня тяготит, я ее ненавижу. Когда соберется круг, я поставлю вопрос ребром о моем увольнении и сошлюсь на желание такого удаления меня из добровольческой армии, для которой я слишком непослушный сын»…

Ответом на эти письма было некоторое усиление деятельности дивизии генерала Май-Маевского, которая подошла

к Бахмуту, отправление Воронежского корпуса на ст. Синельниково и последовавшее через пять дней после этого назначение Н.Е. Парамонова управляющим отделом пропаганды. Все эти пять дней генерал Деникин почти ежедневно совещался с председателем войскового круга В.А. Харламовым и некоторыми членами войскового круга из оппозиции атаману. Атаман понял, что после этого поступка ему нельзя оставаться на своем посту: помогать Войску, пока он атаман, генерал Деникин не будет.

11 января атаман писал генералу Деникину: «…С одной стороны, вследствие крайнего утомления от непрерывных в течение девяти месяцев боев, без всякой смены и отдыха, потому что сменить было некем, а отдыха не давали непрерывно напиравшие советские войска, с другой стороны, вследствие пропаганды, идущей как с севера от врагов внешних, так и с юга от врагов внутренних, северный фронт мой разлагается и колеблется. Из тех телеграмм, которые доложит вам начальник войскового штаба генерал-майор Поляков, выезжающий завтра в Екатеринодар, ваше превосходительство увидите, в каком крайне тяжелом положении находится сейчас донской фронт. Казанская, Мигулинская и Вешенская станицы изменили и передались Советским властям. В Вешенской уже сидит комиссар, и учрежден Совет. Это на широком фронте в сто верст образовало прорыв и угрожает левому флангу полковника Савватеева, работающего у Урюпинской станицы, и правому флангу генерала Фицхелаурова у Талов и Богучара. Это совершенно разрушило управление северным фронтом, штаб которого находился в самой Вешенской станице!..

«…Как моральная поддержка, необходима немедленная, теперь же, в течение трех-пяти дней, присылка в Верхне-Донской и Хоперский округа хотя бы двух батальонов иностранцев…»

Это письмо и обстоятельный доклад начальника донского штаба заставили генерала Деникина направить еще два полка на подкрепление генералу Май-Маевскому и несколько беспокоить союзные миссии просьбою начать продвижение французского десанта вглубь Украины.

17 января вечером председатель войскового круга В.А. Харламов с членами Солдатовым, Бондыревым и Дувакиным явились к атаману с настойчивою просьбою, в виду грозных событий на фронте, немедленно собрать круг и объявить открытыми его заседания. Атаман отказал, мотивируя свой отказ тем, что такой экстренный созыв круга излишне взволнует фронт, и без того уже достаточно потрясенный, что всякий раз, когда бывает сессия круга, фронт болезненно относится ко всему, что там происходит, и что вообще атаман предпочел бы впредь до

улучшения обстановки на фронте круга не созывать, но раз уже сессия его объявлена на 1 февраля, пусть и будет 1 февраля.

Из разговоров с прибывающими членами круга председатель круга мог выяснить, что о смене атамана и новых выборах не может быть и речи. Неудачи на фронте приписывали не атаману, а общему утомлению казаков и неумелому командованию генерала Денисова, которого многие офицеры не любили за его резкий правдивый характер и крутой нрав. Смены его многие желали, но не смены атамана.

Тогда было решено усилить пропаганду против атамана и привлечь для этого не только парамоновские деньги, но и деньги ростовских евреев. Были пущены слухи, что в Ростове и Екатеринодаре ожидаются жестокие еврейские погромы, и что атаман этому сочувствует.

В двадцатых числах января к атаману явился председатель еврейской общины в Ростове, присяжный поверенный Городысский, и попросил разрешения задать два совершенно прямых и откровенных вопроса.

— Задавайте. И я вам так же прямо и откровенно отвечу, потому что у меня тайн нет, — отвечал атаман.

— Носятся слухи — слов нет, темные слухи — о том, что в Ростове и Екатеринодаре ожидаются еврейские погромы, — сказал Городысский.

— Эти слухи пущены моими врагами, — сказал атаман, — и никакой почвы под собой не имеют. Вы знаете, что я никакого ни над кем насилия ни справа, ни слева не допущу. В Ростове у меня для этого есть хорошая полиция и достаточный и вполне надежный гарнизон, что касается Екатеринодара, то этот город находится вне моего ведения, и о нем я ничего не могу сказать.

— Очень вам благодарен за ваше утешительное слово, — сказал Городысский, — я и не сомневался, что вы мне так ответите. Теперь, скажите мне, могут ли рассчитывать ростовские евреи, ну хотя, бы и не сейчас, но впоследствии быть допущены в круг, хотя бы в виде депутации, и иметь возможность перед кругом отстаивать свои права.

— Пока я донским атаманом, — отвечал атаман, — никто, кроме донских казаков, не будет допущен к решению судеб Дона.

Городысский поклонился и вышел.

20 января атаман в еще более решительной форме написал генералу Деникину о военном и политическом положении Донского войска и просил у него уже не только помощи, но и совета:

«…Под влиянием злостной пропаганды, — писал атаман, — пущенной большевиками с севера и подкрепленной громадными

суммами романовских денег (достаточно сказать, что в одной Вешенской станице в один день на угощение казаков, признавших Советскую власть, было отпущено пятнадцать тысяч рублей), при помощи пропаганды с юга, так как статьи газет «Кубанец», «Великая Россия» и других используются большевиками, как средство агитации против меня, при помощи наезжих гастролеров с юга, северный фронт донской армии быстро разваливается. Части генерал-майора Савватеева отходят к рекам Дону, Арчаде и Медведице без всякого сопротивления. Командный состав снова терроризован арестами, срыванием погон и насилиями. Утомление десятимесячной борьбой при полном одиночестве на северном фронте, жестокие морозы, стоявшие этот месяц (21° — 27° Р.), вьюги, глубокие снега, отсутствие обуви и теплой одежды довершили дело разложения казачьей массы. Яд недоверия стал слишком силен, и люди в лучшем случае расходятся с оружием в руках по домам, в худшем — передаются «товарищу Миронову», который сулит им золотые горы и рай Советской власти. Если этот пожар перекинется за Дон, где в Донецком, 2-м Донском, 1-м Донском и особенно Таганрогском округах слишком много горючего материала среди крестьянской массы, то к марту месяцу мы вернемся к тому, что имели год тому назад, и кровавая годичная борьба сведется на-нет.

«На быструю помощь союзников рассчитывать нельзя. Они своими неисполненными обещаниями сыграли немалую роль в разложении фронта. Генерал Пуль 5 января обещал мне, что не позже как через 10–12 дней он пришлет мне два батальона на северный фронт, и просил приготовить 2.000 валенок и шуб, но прошло уже шестнадцать дней, а о них не слышно, и сколько можно догадываться, в союзном командовании идут большие трения по поводу присылки войск. Капитан Фукэ определенно работает на разложение донской армии, громогласно всюду провозглашая, что войску Донскому никакой помощи оказано не будет, потому что атаман Краснов — немецкий ставленник, не признал единого командования и пр. и пр., на чем играют большевики.

«А между тем, благодаря блестящим победам доблестной добровольческой армии, является полная возможность спасти Россию и без всякой иностранной помощи. Мы еще не потеряли нашего оружия, и самого малого толчка достаточно теперь, чтобы оздоровить казаков и вернуть их к исполнению ими долга.

«Теперь это возможно, через неделю это, может быть, будет поздно.

«Ваше превосходительство, мы на переломе, и если теперь не помочь Дону, — я боюсь, что его так расшатают мои враги, что

весною вместо этого придется завоевывать Дон от Миронова иностранной силой…

«…Я очень просил бы ваше превосходительство с полной откровенностью ответить мне на следующий вопрос:

«Не считаете ли вы своевременным, чтобы в февральскую сессию круга я настойчиво просил круг освободить меня от должности атамана. Я вижу, что имя мое слишком неприятно для Екатеринодара и представителя Франции, капитана Фукэ. Может быть, оставаясь на своем посту, я приношу более вреда, нежели пользы для войска, и настало время уйти. Я не хотел этого места; не жаждал власти, я ее ненавижу, и травля, поднятая против меня в Екатеринодаре, слишком утомляет меня и не дает возможности спокойно работать. К сожалению, кроме генерала Денисова, я не имею заместителя, так как все остальные по своей слабохарактерности вряд ли справятся с тою бурною обстановкою, которая сложилась теперь. 1 февраля съезжается круг, и, если я не получу от вас моральной поддержки и требования остаться на своем посту, я буду настаивать об освобождении меня от несения обязанностей донского атамана».

На это письмо генерал Деникин не замедлил ответить, что он сам замечает, что газетная травля атамана переходит границы приличия, и что им закрыта издававшаяся С.П. Черевковым газета; что же касается до того, оставаться атаману на своем посту или нет, то генерал Деникин считает, что это личное дело атамана с кругом, и вмешиваться в него он не будет.

Одновременно с этим генерал Деникин начал сношения с председателем совета управляющих отделами на Дону, генерал-лейтенантом Богаевским, считая его вполне приемлемым заместителем атамана.

Для помощи Дону были собраны две дивизии кубанских казаков, но с посылкою их на север генерал Деникин медлил. Они были посажены в вагоны и эшелонированы по линии Тихорецкая — Ростов.

Деникин выжидал круга и того, что на нем будет.

Атаман понял, что он дольше оставаться на своем посту не может, хотя бы этого и хотел круг и требовали долг и присяга его перед войском…

ГЛАВА XXI

«Условия» французского представителя капитана Фукэ. — Письмо атамана генералу Франшэ-д'Эсперэ. — Отношение генерала Деникина к вымогательству французов.

В эти тяжелые дни, когда катастрофа надвигалась на войско Донское, и атаман тщетно молил о помощи, именно, 27 января к нему прибыл с чрезвычайными полномочиями начальник французской миссии капитан Фукэ и с ним английский капитан Келзет. Капитан Фукэ накануне потребовал, чтобы за ним был выслан специальный поезд. Он ехал облагодетельствовать Донское войско и считал, что он имеет право на особый почет. Капитан Келзет ехал с целью осмотреть платформы для перевозки танков и дать указания, какие надо построить подпорки для их погрузки. По его словам, танки уже выехали из Англии и должны были дней через пять быть на Дону.

Капитан Фукэ просидел целый вечер у атамана, интересуясь положением на фронтах. Он подробно расспрашивал атамана о том, какая ему нужна помощь от иностранцев.

— Вы понимаете, — говорил он, — что наши солдаты не могут ни жить, ни воевать в тех условиях, в каких находятся ваши. Они требуют хороших теплых казарм, жизни в городе и вполне обеспеченной коммуникационной линии, чтобы они имели железнодорожную связь со своим тылом, со своими госпиталями и базой снабжения. Укажите такие пункты, куда мы могли бы поставить свои войска и где они оказали бы помощь казакам.

— Если бы вы заняли Луганск и обеспечили угольный район своими гарнизонами, вы имели бы для своих войск и культурные условия и помогли бы добровольцам итти дальше к северу, а я мог бы бросить весь отряд генерала Коновалова на север в Хоперский округ, — отвечал атаман.

— Отлично. Завтра же туда будет послана бригада пехоты через Мариуполь, — сказал Фукэ.

Он просил провести его на прямой провод с Екатеринодаром и в присутствии атамана, командующего армией и начальника штаба передал донским шифром зашифрованную телеграмму о том, что он требует немедленной отправки бригады пехоты в Луганск.

— Ну, вот видите, — говорил он атаману нагло покровительственным тоном, — mon ami, теперь все будет отлично. Верьте мне, что только Франция является, вашим искренним союзником. Я попрошу вас составить письмо с

изложением положения на Дону генералу Франшэ-д'Эсперэ, где, главное, удостоверьте его в том, что вами признано единое командование генерала Деникина. Это вопрос, который очень беспокоит генерала. Все будет хорошо. О! я чувствую, что все будет отлично… Не зайдете ли вы завтра ко мне в 10 часов утра, чтобы окончательно закрепить наше дело, и я сообщу вам уже сведения о движении нашей бригады В Луганск.

28 января в 10 часов утра, атаман зашел к капитану Фукэ, помещавшемуся в номере Центральной гостиницы. Он застал у него французского консула в Ростове г-на Гильомэ. Фукэ просил остаться втроем без посторонних свидетелей. Он был взволнован. Он достал несколько листов, напечатанных на машинке и, видимо, спешно, этою же ночью или рано утром изготовленных, и, подавая их атаману, сказал:

— Здесь условие в четырех экземплярах. Два — для меня, потому что, вы понимаете, что я должен обо всем, обо всем доносить моему генералу, одно оставит у себя консул и одно для вас. Видите ли вы, я настаиваю на том, чтобы я периодически получал из вашего штаба все карты и сводки, которые вы отправляете генералу Деникину, и тоже в двух экземплярах — для меня и для генерала Франшэ-д'Эсперэ. Вы мне передадите обещанное письмо для генерала Франшэ-д'Эсперэ с изложением положения дел на Дону и с указанием того, что для вас необходимо нужно, а затем я попрошу вас подписать эти условия.

И капитан Фукэ передал атаману свои листки. В них значилось: «Мы, представитель французского главного командования на Черном море, капитан Фукэ, с одной стороны, и донской атаман, председатель совета министров Донского войска, представители донского правительства и круга, с другой, сим удостоверяем, что с сего числа и впредь:

«1. Мы вполне признаем полное и единое командование над собою генерала Деникина и его совета министров.

«2. Как высшую над собою власть в военном, политическом, административном и внутреннем отношении признаем власть французского главнокомандующего генерала Франшэ- д'Эсперэ.

«3. Согласно с переговорами 9 февраля (28 января) с капитаном Фукэ, все эти вопросы выяснены с ним вместе, и что с сего времени все распоряжения, отдаваемые Войску, будут делаться с ведома капитана Фукэ.

«4. Мы обязываемся всем достоянием войска Донского заплатить все убытки французских граждан, проживающих в угольном районе «Донец» и где бы они ни находились, происшедшие вследствие отсутствия порядка в стране, в чем бы они ни выражались, — в порче машин и приспособлений, в

отсутствии рабочей силы, мы обязаны возместить потерявшим трудоспособность, а также семьям убитых вследствие беспорядков и заплатить полностью среднюю доходность предприятий с причислением к ней 5-процентной надбавки за все то время, когда предприятия эти почему-либо не работали, начиная с 1914 года, для чего составить особую комиссию из представителей угольных промышленников и французского консула…»

Атаман прочел это оригинальное условие и смотрел широко раскрытыми глазами на Фукэ.

— Это все? — спросил он возмущенным тоном.

— Все, — отвечал Фукэ. — Без этого вы не получите ни одного солдата. Mais, mon ami, вы понимаете, что в вашем положении il n'y a pas d'issu!..

— Замолчите! — воскликнул атаман. — Эти ваши условия я доложу совету управляющих, я сообщу всему кругу… Пусть знают, как помогает нам благородная Франция!..

И атаман вышел с этими листками.

Легко сказать: «Я сообщу об этом кругу и казакам». Легко сказать, что Франция, ничего не обещая и ничем не обязываясь, требует полного подчинения всего войска Донского в политическом, военном, административном и внутреннем отношениях, да и не только войска, но и самого Деникина и добровольческой армии генералу Франшэ-д'Эсперэ, представителями которого являются Эрлиш и Фукэ! Сказать это значило бы лишить войско Донское последней надежды на помощь, лишить надежды тогда, когда фронт держался исключительно этой надеждой! Не только сказать этого, но и показать было нельзя!

Так вот она, так долго и так страстно ожидаемая помощь союзников, вот она пришла наконец, и что же она принесла!

Жизнь предъявляла свои требования. Пока никто не мог видеть, что между атаманом и представителем Франции произошел разрыв, и атаман с капитаном Фукэ поехал показывать ему Новочеркасское военное училище и Донской корпус. И тут и там капитан Фукэ говорил патриотические речи и заверял молодежь, что Франция не забыла тех услуг, которые оказали ей русские в великой войне, и что она скоро широко поможет войску Донскому.

И слушали его дети тех, кто в это время умирал в снегах на жестоком морозе, отстаивая каждый шаг Донской земли, дети тех, кто, изверившись в этой помощи, в отчаянии бросал оружие и уходил, куда глаза глядят, в сознании своего бессилия…

Вернувшись домой, атаман написал письмо Франшэ-д'Эсперэ.

Это письмо повез капитан Фукэ в тот же вечер для отправки с

особым курьером, и с тем же поездом атаман отправил генералу Деникину офицера с письмом, где в выражениях, полных негодования, описывал требования капитана Фукэ и прилагал подлинные условия, данные ему Фукэ.

29 января атаман получил телеграмму от капитана Фукэ, в которой тот писал, что он не пошлет войска в Луганск до тех пор, пока не получит с особым курьером присланного ему подписанного атаманом и прочими лицами соглашения о подчинении генералу Франшэ-д'Эсперэ и об уплате всех убытков французских горнопромышленников.

В 8 часов вечера атаман собрал чрезвычайное совещание управляющих отделами и членов круга и прочел им требования представителя Франции. Все правительство и интеллигентная часть круга высказали свое полное негодование по поводу наглого поступка капитана Фукэ, — простые казаки молчали. Вопрос слишком близко касался их, и они готовы были подчиниться не только французскому генералу, но самому чорту, лишь бы избавиться от большевиков. Члены правительства и круга в лице его председателя В.А. Харламова выразили одобрение действиями атамана и сказали, что атаман иначе и не мог поступить.

Генерал Деникин на письмо атамана отозвался сейчас же следующей телеграммой:

…«0109. Главнокомандующий получил ваше письмо и приложенные документы, возмущен сделанными вам предложениями, которые произведены без ведома главнокомандующего, и вполне одобряет ваше отношение к предложениям. Подробная телеграмма следует вслед за этим. Екатеринодар, 30 января 1919 года. 01524. Романовский»…

Но легче от этого не было. Факт оставался фактом. Прошло почти три месяца со дня первой связи с союзниками, а помощи от них не было никакой. Фронт быстро разлагался.

30 января еще четыре хороших полка на северном фронте перешли на сторону красных.

В Новочеркасске служили панихиды по атамане Каледине, — была годовщина его смерти, — и хоронили командующего южной армией генерала от артиллерии Иванова, — он умер 29 января в Новочеркасске от сыпного тифа, и невольно печальные воспоминания и сопоставления шли в голову.

Тяжелые это были дни. Дни смятения и сомнения, и в эти дни на свою вторую сессию собирался Большой войсковой круг.

ГЛАВА XXII

Положение на фронте донской армии к 27 января 1919 года. — Планы командующего армией.

К 27 января положение на фронте донской армии было очень тяжелым, но не безнадежным. Красная армия занимала весь Верхне-Донской округ и местами вошла клином в Донецкий округ, весь Хоперский округ и северную часть Усть-Медведицкого округа. Фронт Красной армии шел от станций Картушино и Колпаково Екатерининской железной дороги к ст. Первозвановка, станице Луганской, при чем Луганск с его патронным заводом был занят большевиками, потом, огибая границу войска Донского, к Стрельцовке, Великоцкому и пограничной железнодорожной станции Чертково, за которой круто спускался к югу в войско Донское и доходил до слободы Макеевки; этот фронт занимала группа товарища Кожевникова (начальник штаба — генерального штаба Дуткевич), состоявшая из 4-й дивизии матроса Дыбенко, 1-й дивизии Козина и 3-й дивизии Сиротина — всего 20.000 штыков при 20 орудиях. Против нее успешно действовала группа генерала Коновалова из частей молодой армии и старых мобилизованных казаков, всего около 8.000 штыков и сабель при 16 конных орудиях и двух броневых поездах.

Далее фронт красных занимала VIII армия Гиттиса из 12-й дивизии Ратайского и 13-й дивизии Кольчигина, всего 22.000 штыков и сабель при 62 орудиях. Это была ударная группа, направленная для овладения станицей. Миллерово. Ее успешно сдерживал генерал Фицхелауров с 10.000 казаков и небольшим отрядом добровольцев Харьковской губернии. Настроение отряда было хорошее, но генерал Фицхелауров сильно тревожился за свой правый фланг, который обходила Уральская дивизия IX Красной армии Княгницкого, имевшей начальником штаба офицера генерального штаба. Эта Уральская дивизия, пользуясь событиями в Вешенской станице и растерянностью казаков, то и дело изменявших войску, прошла по реке Чиру до станицы Краснокутской и угрожала станице Чернышевской. От Краснокутской фронт, сдерживаемый казаками Хоперского округа генерала Савватеева, шел к северу к станице Усть-Хоперской (15-я дивизия Гусарского), Усть-Медведицкой, где была собрана для удара 14-я дивизия Ролько (генерального штаба) и корпус казачьего офицера Миронова из 23-й и 16-й дивизий (Сдобнова), фронт IX армии доходил до ст. Каменской Усть-Медведицкого округа. В IX армии было 44.000 штыков и сабель при 130 орудиях. Против генерала Мамонтова действовала X армия Худякова —

26.000 штыков и сабель и 239 орудий, состоявшая из 1-й камышинской дивизии Антонюка, 1-й Донской кавалерийской дивизии Думенко, Украинской коммунистической конной бригады, Доно-Ставропольской дивизии Семенова, Коммунистической дивизии Савицкого, 1-й Морозовско-Донецкой дивизии Мухоперцова, Стальной дивизии Греленко, 1-й Донской советской стрелковой дивизии (Котельниковской) Шевкоплясова и конной бригады. Фронт X армии шел по реке Дону от Каменской Усть-Медведицкого округа до Качалинской, потом шел к реке Волге у Орловки и огибал Царицын через Гумрак, Воропоново и Сарепту. Наконец, с востока на село Торговое Астраханской губернии и Ремонтное нажимали части степного фронта Терехова (5.500 штыков и сабель и 6 орудий) и группа Ригельмана (6.000 штыков и сабель и 11 орудий). Всего на войско Донское наступало 123.500 красноармейцев при 468 орудиях. Войско же Донское, считая и железнодорожную стражу и гарнизоны городов и станиц, имело 76.500 человек под ружьем при 79 орудиях. Однако, далеко не все эти люди могли стать на оборону границ. Сильно свирепствовал сыпной тиф и ослаблял ряды войск, начало обнаруживаться, особенно, в частях, составленных из казаков Верхне-Донского, Хоперского и Усть-Медведицкого округов, уже занятых Красной армией, большое дезертирство. Казаков тянуло в родные станицы узнать, что там делается, живы ли их родные, и они уходили из армии.

Командующим армией был составлен следующий план действий, одобренный атаманом. В районе станиц Каменской и Усть-Бело-Калитвенской генерал Денисов сосредоточивал ударную группу в 16.000 при 24 орудиях, в которую должны были войти лучшие части молодой армии и старые испытанные в боях войска (в том числе и Гундоровский георгиевский полк). По сосредоточении, примерно к 5–6 февраля, группа эта должна была ударить на слободу Макеевку, совместно с частями генерала Фицхелаурова сбить 12-ю дивизию и, действуя во фланг и тыл 13-й и Уральской дивизий, итти в Хоперский округ оздоровлять и поднимать казаков. Такое движение сулило быстрый успех и возможное очищение Хоперского округа, даже без помощи добровольцев, на которую атаман уже особенно не рассчитывал.

Атаман и командующий армией верили в успех и победу. Они понимали, что неудачи их кроются не в силе Красной армии, а во внутреннем разложении казачьих частей, происходящем от сознания своего одиночества. Появление небольших иностранных или добровольческих частей, хотя бы только в ближнем тылу, изменило бы настроение и дало бы победный импульс донской армии. Приближалась весна, проходили последние морозы.

Разлив реки Дона задержал бы наступление Красной армии, а с весною всегда пробуждалась и казачья доблесть, и атаман за фронт не боялся. Он боялся за внутреннее положение страны. Накануне созыва Большого войскового круга он получил известие, что отряд партизана Семилетова двинут из Новороссийска к Ростову для оказания давления в случае нужды на него, атамана. Гвардейские полки волновались и предлагали атаману уничтожить семилетовцев и, если нужно, разогнать круг. А сзади стоял Деникин с его невмешательством на словах во внутренние дела Дона, считавший, что вопрос об оставке атамана, избранного на три года, — вопрос только атамана и круга, его, так сказать, частное дело, и союзники с представителями, подобными Фукэ.

Командующему армией генералу Денисову атаман безусловно верил. Он с ним сжился за время войны — с 1915 по 1917 г., два года Денисов был начальником штаба у атамана, тогда начальника дивизии. Они думали одними думами и понимали друг друга с полуслова. Генерал Денисов был создателем донской армии, и его трудам и талантам войско Донское было обязано своими победами и освобождением. Эти последние дни и генерал Денисов и его начальник штаба генерал Поляков работали непрерывно дни и ночи. Днем им приходилось отбиваться от членов круга, депутатов различных округов, требовавших от них объяснений; почти каждый день Харламов собирал съехавшихся депутатов на частные совещания и приглашал на них Денисова и Полякова для докладов. Работать в штабе днем не приходилось, и всю сложную и ответственную работу по перегруппировке и сосредоточению сил, по отдаче приказаний и переговорам по прямому проводу пришлось перенести на ночь. Атаман знал и видел эту работу и еще более ценил этих самоотверженных, преданных Войску генералов.

ГЛАВА XXIII

Заседание Большого войскового круга 1 февраля 1919 г. — Требование отставки генералов Денисова и Полякова. — Речь атамана. — Доклад генерала Денисова. — Травля его членами круга. — Заступничество атамана.

Первое заседание круга было назначено на 1 февраля после молебна в соборе в 11 часов утра. В 9 часов утра к атаману приехал председатель круга В.А. Харламов и сообщил ему, что круг решил требовать отставки Денисова и Полякова в категорической форме.

— В такой же категорической форме и я потребую своей отставки, — сказал атаман…

Уже при беглом взгляде на круг, в зале Дворянского областного собрания, атаман увидал, что круг не тот, что был 15 августа в дни побед. Да, лица были те же, но выражение их было не то. Тогда все фронтовики были в своих полковых погонах, с медалями и крестами на груди. Теперь все казаки и урядники и некоторые из младших офицеров были без погон. И это не была случайность. Даже спутник атамана по Абиссинии и большой его поклонник, правоверный старовер, урядник л. — гв. атаманского полка Архипов, не желая видимо выходить в атаманском мундире без погон, явился в какой-то вычурной синей гусарской венгерке, расшитой черными шнурами. Круг в лице своей серой части на всякий случай «демократизировался» и играл под большевиков. В президиуме заседал толстый и жирный Н.Е. Парамонов и узкими острыми глазками гипнотизировал круг. В августе его не было. Тогда его, за две недели до круга, арестовали немцы, обвинивши его в сношениях с союзниками. Теперь он был здесь, и чувствовалось, что многие из членов круга уже подавлены его миллионами. Да он и сам не скрывал, что несколько десятков тысяч брошено им на обработку серой части круга.

При входе атамана круг не встал. Но когда атаман вышел на трибуну, чтобы говорить речь, его приветствовали аплодисментами, которые стали общими и захватили круг.

Донской атаман в большой речи обрисовал современное положение Дона. Он не скрывал трудности момента. Подробно изложил историю и роль немецкой оккупации Украины, ход переговоров и сношений с союзниками, историю вопроса об едином командовании вооруженными силами юга России. Высказываясь о причинах поражения, он относил их, главным образом, к чрезмерной растянутости фронта, увеличившейся после ухода немецких гарнизонов с пограничной территории

Украины, к непосильности для донской армии борьбы с противником, численно превосходным и технически лучше оборудованным, и к болезни, охватившей фронт и именуемой большевизмом. Вполне понимая всю ответственность момента, атаман предложил в секретном заседании прослушать в ряде документов о тех мерах, которые им принимались и принимаются для исправления положения. Он закончил свою речь выражением полной уверенности, что с помощью добровольческой армии беда будет уничтожена и враг снова выгнан за пределы Донского войска.

Речь атамана захватила круг, и по окончании ее его уже приветствовали по-старому.

Был объявлен перерыв, и посторонняя публика удалена из залы заседаний. Снова вышел атаман и в простой беседе, без ораторских приемов, рассказал о подлости представителя Франции капитана Фукэ, прочел его «условия», свое письмо по этому поводу генералу Деникину и его ответ и огласил свою переписку с генералом Деникиным и кубанским атаманом о помощи Донскому войску и сказал, что две дивизии кубанцев обещаны ему. Он намекнул и о том плане, который был выработан командующим армией и при помощи которого он надеется восстановить в ближайшие дни положение. В 4 часа дня заседание кончилось и возобновилось в 7 часов вечера.

Вечером около часа читал свой доклад председатель совета управляющих генерал-лейтенант Богаевский о внешнем положении войска Донского. Он напирал на то, что теперь при осуществлении единого командования войско Донское может ни за что не тревожиться, так как сила добровольческой армии несокрушима, и дело находится в надежных руках.

После генерала Богаевского говорил генерал Денисов. Бледный, страшно исхудавший за эти последние дни, нервный и измученный чрезмерной лихорадочной работой и бессонными ночами, он на ряде громадных наглядных карт и схем пояснил кругу, что войско Донское поставлено в слишком тяжелые условия борьбы. 10 месяцев войны, зима необычайно суровая в этом году, болезни не могли не отозваться на нем.

«Утомление казаков, — говорил Денисов, — чувствовалось ясно еще в ноябре месяце. Начальник штаба генерал Поляков докладывал, что его не радуют все те огромные успехи, какие были нами достигнуты, и если нам не будет оказана посторонняя помощь, то вряд ли мы удержим все то, чем завладели.

«Второй причиной была гибель надежды на иноземную помощь, — продолжал командующий, — об этой помощи много говорилось и писалось, и фронт слишком долго ждал прибытия

этой помощи. Нам присылалось много телеграмм с вопросом: когда же, наконец, придут союзники? И их неприход сыграл роковую роль.

«Но главную роль в наших неудачах сыграла агитация. Агитация не только большевистская, пустившая в ход все средства — подкупы, посулы, обман, клевету и прочее, но и иная, которая выражалась в том, что общественные деятели домогались несколько раз моего свержения, настаивая несколько раз на моей отставке»…

Председатель круга понял, что в заседании 1 февраля победа осталась за атаманом. Он предложил, за поздним временем (было 12 часов ночи) и утомлением членов круга, закрыть заседание и обсудить отчеты донского атамана и генерала Денисова на другой день в окружных заседаниях, на свежую голову.

ГЛАВА XXIV

Покушение на убийство члена круга П.М. Агеева. — Заседание круга 9 февраля. — Отставка атамана. — Приезд генерала Деникина в Новочеркасск. — Речь генерала Деникина на кругу 3 февраля. — Отъезд из Новочеркасска бывшего атамана.

Когда на другой день члены круга стали собираться на совещания по округам в женское епархиальное училище, где им было устроено общежитие, их поразили страшным известием: вчера ночью при возвращении с круга в глухой и пустынной улице двумя неизвестными молодыми людьми в солдатских шинелях ранен в живот член круга от Усть- Медведицкого округа и лидер донской социал-демократической партии, известный сотрудник атамана Каледина, Павел Михайлович Агеев.

На Дону за все это время не было никаких террористических актов и политических убийств. Дон жил патриархальною, тихою жизнью, и потому это событие взволновало членов круга. Каждый почувствовал, что, исполняя свой Долг перед родиной, он подвергает свою жизнь опасности.

Кто мог интересоваться смертью Агеева? — Конечно, атаман! — говорили казакам. Агеев стоял во главе оппозиции правительству, Агеев разрабатывал земельный закон. Атаман, или его приспешник Денисов, или по его приказу земельные собственники совершили это покушение на убийство!

Что им за дело было до того, что покушение было сделано необыкновенно грубо, сыграно под атамана и притом с желанием наименьшей опасности для здоровья П.М. Агеева. Следили за ним от самого зала заседаний люди откровенно одетые в военную форму, стреляли из малокалиберного детского револьвера, и только случайность — попали в живот причинила довольно большие страдания и продолжительное лежание в лазарете Агееву; спутник Агеева и не побеспокоился преследовать преступников, наконец, стреляли именно в тот день и час, когда атаман более нежели кто-либо был заинтересован в спокойствии и полном благоволении к нему членов круга. Но покушались на жизнь «левого», оппозиции правительству, — значит, покушались «правые», покушалось правительство.

То настроение, которое удалось создать, атаману на заседаниях 1 февраля, сменилось у одних озлоблением, у других растерянностью. Участь Денисова, а с ним и атамана была решена.

В 6 часов вечера круг собрался на заседание. После прочтения атаманом приказа по поводу покушения на Агеева, где

атаман, высказывая общее осуждение всяким террористическим актам, требовал, чтобы виновные были во что бы то ни стало разысканы, выслушанного кругом в зловещей тишине, председатель круга предложил председателям окружных собраний высказаться по поводу вчерашних докладов атамана и генерала Денисова. 7 округов выразили недоверие командующему донской армией генералу Денисову и начальнику штаба армии генералу Полякову и требовали их немедленной отставки. Только общее заседание представителей Черкасского, Ростовского и Таганрогского округов вынесло им доверие…

Тогда встал атаман. В речи, короткой и сказанной в очень сильных выражениях, он указал кругу, что круг берет на себя перед Войском всю ответственность за такое решение. «Вы становитесь на путь России…, — говорил атаман. — Сначала великий князь Николай Николаевич, потом Брусилов, потом Гучков, затем Керенский и главковерх Крыленко. Вы знаете, ибо сами это пережили, к чему это привело. Одумайтесь, что вы делаете, и не шатайте власти тогда, когда враг идет, чтобы вас уничтожить. Выраженное вами недоверие к командующему армией генералу Денисову и его начальнику штаба Полякову я отношу всецело к себе, потому что я являюсь верховным вождем и руководителем донской армии, а они только мои подчиненные и исполнители моей воли. Я уже вчера говорил вам, что устранить от сотрудничества со мною этих лиц — это значит обрубить у меня правую и левую руки. Согласиться на их замену теперь я не могу, а потому я отказываюсь от должности донского атамана и прошу избрать мне преемника».

И атаман оставил зал заседаний круга при возгласах с мест:

— Нет, это не так… Атаману остаться. Атаману верим. Просим остаться.

Председатель круга объявил перерыв заседания и просил собраться по округам.

И здесь были сказаны те страшные слова, которые заставили поколебаться друзей атамана: «Это требование союзников», «это желание генерала Деникина», «без этого нам не будет оказано союзниками никакой помощи».

Отставку атамана вопреки закона баллотировали открытой баллотировкой, и она большинством голосов была принята.

В половине двенадцатого ночи председатель совета управляющих генерал-лейтенант Богаевский привез во дворец атаману следующее «Постановление войскового круга Всевеликого войска Донского созыва 1919 года 2-й сессии, принятое в закрытом заседании 2 февраля 1919 года. В силу того, что донской атаман, генерал от кавалерии П.Н. Краснов, после

выраженного войсковым кругом недоверия командующему донской армией генерал-лейтенанту С.В. Денисову, заявил, что выражение этого недоверия простирается и на него, донского атамана, как верховного руководителя армии, и потому он отказывается от должности донского атамана и просит круг озаботиться выбором ему преемника, войсковой круг постановил: отставку донского атамана П.Н. Краснова принять.

«Согласно ст. 21 основных законов Всевеликого войска Донского, атаманская власть в войске Донском переходит к председателю совета управляющих отделами генерал-лейтенанту А.П. Богаевскому, впредь до избрания кругом атамана Всевеликого войска Донского. Председатель круга В. Харламов. Товарищи председателя круга Н. Парамонов; Ис. Быкадоров, П. Дудаков, И. Зенков, Б. Уланов, К. Попов. Секретарь: Ф. Крюков».

Атаман в это время собирался ехать навстречу генералу Деникину, которого ожидали в Новочеркасске 3 февраля. Богаевский отговаривал атамана ехать, но атаман решил встретить главнокомандующего, чтобы лично доложить ему о своей отставке и, главное, о положении на фронтах.

В 8 часов утра атаман встретил генерала Деникина на пограничной станции Кущевка и доложил обо всем происшедшем. Генерал Деникин знал об этом по телеграфу.

— Как жаль, что меня не было, — сказал Деникин. — Я бы не допустил вашей отставки.

— Настроение круга и Войска такою, что всякое ваше желание будет исполнено. Казаки от вас ожидают спасения и все для вас сделают, — сказал атаман.

3 февраля генерал Деникин посетил войсковой круг. Круг встретил его бурными аплодисментами. Председатель круга сказал ему приветственное слово.

Отвечая на его приветствие, генерал Деникин сказал: «Пронося вместе с добровольческой армией по ее крестному пути неугасимую и непоколебимую веру в великое будущее единой, неделимой России, я не отделяю от блага и пользы России интересов Дона, я знаю, что сила, благоденствие и процветание Донского края служат залогом спасения России…

«Я верю в здоровый разум, русское сердце и в любовь к родине донского казака, я верю, что ваша внутренняя разруха, которой я не могу и не хочу быть судьею, не отразится на нашей общей дружной работе в борьбе против врага Дона и России, и Дон будет спасен! (Бурные аплодисменты.)…»

Из этой речи круг понял, что генерал Деникин одобряет отставку атамана и обещает помочь донским казакам. Так растолковали, по крайней мере, его речь те, кто в этом был

заинтересован.

Генерал Деникин завтракал у председателя совета управляющих генерала Богаевского и обедал у бывшего атамана. И тут и там он совещался с бывшим атаманом о дальнейшем устройстве Войска. Он спросил бывшего атамана, кого он наметил бы на пост командующего армией и начальника штаба. Бывший атаман указал на генерал-лейтенанта Ф.Ф. Абрамова, как на высоко образованного человека, понимающего военное дело, глубоко порядочного и честного. Начальником штаба он назвал генерала Кельчевского. К назначению предложенных ему Сидорина и Семилетова бывший атаман отнесся с полным отрицанием, как к личностям нечестным, беспринципным и способным на всяческую интригу.

4 февраля утром генерал Деникин уехал на западный фронт к генералу Май-Маевскому, а 6 февраля вечером поехал и бывший атаман в свое изгнание.

Еще 2 февраля донской атаман приказал напечатать в «Донских Ведомостях» свой прощальный приказ. Благодаря своих сотрудников и всех казаков за девятимесячную героическую борьбу за свободу казачества, донской атаман заклинал казаков беречь будущее Войска, детей и молодежь, дать им спокойно окончить учебные заведения и не пакостить молодые души участием в гражданской войне.

Завет атамана не был услышан. Еще не покинул атаман пределов, занятых добровольческой армией, как узнал, что новый командующий донской армией генерал Сидорин назначил генерала Семилетова командующим партизанскими отрядами всего Войска и поручил ему набор студентов, кадет и гимназистов в боевые дружины. Чья-то злобная рука под корень уничтожала надежды донских казаков — казачьих детей…

Р. ГУЛЬ. Ледяной поход. [77] (Отрывки.)

Штаб армии

С каждым днем в Новочеркасске настроение становится тревожнее. Среди казаков усиливается разложение. Ожидается выступление большевиков. Каледин по прежнему нерешителен. Войсковой круг теряется…

Но и с перенесением штаба в Ростов, общая тревога за прочность положения не уменьшается. Каждый день несет тяжелые вести. Казаки сражаться не хотят, сочувствуют большевизму и неприязненно относятся к добровольцам. Часть из еще не расформированных войск перешла к большевикам, другие разошлись по станицам. Притока людей из России в армию нет. Командующий объявил мобилизацию офицеров Ростова, но в армию поступают немногие — большинство же умело уклоняется.

На вокзале

Офицеры караула арестовали подозрительных: громадного роста человека с сумрачным лицом, «партийного работника», пьяного маленького лакея из ресторана, человека с аксельбантами и полковничьими погонами, офицера-армянина и др. Пьяный лакей, собрав на вокзале народ, кричал: «афицера, юнкаря — это самые буржуи, с кем они воюют? С нашим же братом — бедным человеком! Но придет время — с ними тоже расправятся, их тоже вешать будут!»

Ночь он проспал в караульном помещении. «Отпустите его, только сделайте внушение, какое следует» — говорит утром полковник С. поручику З.

Мимо меня идут З. и лакей. З. делает мне знак: войти в комнату. Вхожу. Они за мной. З. запирает дверь, вплотную подошел к лакею и неестественным, хриплым голосом спрашивает: «Ну, что же, офицеров вешать надо? да?» — «Что вы, ваше благородие», — подобострастно засюсюкал лакей, — «известно дело — спьяна сболтнул». «Сболтнул!.. твою мать!» кричит З., размахивается и сильно кулаком ударяет лакея в лицо раз, еще и еще… Лакей шатнулся, закрыл лицо руками, протяжно завыл. З. распахнул дверь и вышвырнул его вон.

«Что вы делаете? И за что вы его?» рванулся я к З.

«А, за что? За то, что у меня до сих пор рубцы на спине не зажили… Вот за что», прохрипел З. и вышел из комнаты.

Я узнал, что на фронте солдаты избили З. до полусмерти шашками.

Человека с полковничьими погонами и странно привешенными аксельбантами допрашивает полковник С. «Кто вы такой?» «Я — полковник Заклинский», — нетвердо отвечает опрашиваемый и стоит по-солдатски, вытянувшись. «Где вы служили?» «В штабе северного фронта». «Вы генерального штаба?» «Да». «А почему у вас погон золотой и с синим просветом?» Заклинский мнется, смущается. «Я кончил пулеметную школу», — выпаливает он. «Так», — тянет полковник. — «А почему вы носите аксельбанты так, как их никогда никто не носил?» Заклинский молчит. «Ракло ты! а не полковник! обыскать его!» — звонко кричит полковник С.

Заклинский вздрагивает, бледнеет и сам начинает вытаскивать из карманов бумаги. Его обыскивают: бумаги на полковника, поручика и унтер-офицера. «К коменданту», — отрезает полковник С.

На вокзале офицер-армянин просил часового продать ему

патроны. Часовому показалось это подозрительным, он арестовал его. При допросе офицер теряется, путается, говорит, что он «просто хотел иметь патроны».

Полковник С. приказывает его отпустить. Офицер спускается с лестницы. Кругом стоят офицеры караула. Вдруг поручик З. сильно ударяет его в спину. Офицер спотыкается, упал, с него слетели шпоры и покатились, звеня по лестнице…

Многие возмутились, напали. «Что это за безобразие! Одного вы бьете, другого с лестницы спускаете!» «Что у нас — застенок, что ли!» «Да он и не виноват ни в чем». «Это чорт знает что такое!» З. молчит.

На Новочеркасском фронте

Мы стоим на Горной в поездах, охраняясь полевыми караулами. На случай наступления большевиков выбрана позиция. В вагонах день проходит в питье чая, разговорах о боях и пеньи песен… Из караула пришли подпоручик К-ой и капитан Р. Подсели к нашему чайнику. «Сейчас одного «товарища» ликвидировал», говорит К-ой. «Как так?» спрашивает нехотя кто-то. «Очень просто», быстро начал он, отпивая чай, «стою вот в леске, вижу — «товарищ» идет, крадется, оглядывается. Я за дерево — он прямо на меня, шагов на десять подошел. Я выхожу — винтовку на изготовку, конечно», захохотал К-ой. «Стой!» говорю. Остановился. «Куда идешь?» «Да вот домой, в Сулин», а сам побледнел. «К большевикам идешь, сволочь! шпион ты… твою мать!» «К каким большевикам, что вы, домой иду», — а морда самая комиссарская. «Знаю, говорю… вашу мать! Идем, идем со мной». «Куда?» «Идем, хуже будет, говорю». «Простите, говорит, за что же? Я человек посторонний; пожалейте». «А нас вы жалели, говорю… вашу мать?! Иди!..» «Ну и «погуляли» немного. Я сюда — чай пить пришел, а его к Духонину направил…»

«Застрелил?» спрашивает кто-то. «На такую сволочь патроны тратить! вот она, матушка, да вот он, батюшка». К-ой приподнял винтовку, похлопал её по прикладу, по штыку и захохотал[78].

Хопры

«Там на станции сестра большевистская, пленная и два латыша», говорит, влезая в вагон прапорщик Крылов.

«Где? Где? пойдем, посмотрим!» заговорили…

«Ну их к чорту, я ушел… Ну и сестра», начал он: «держит себя как!» «А что?» «Говорит: я убежденная большевичка… Этих латышей наши там бить стали, так она их защищает, успокаивает. Нашего раненого отказалась перевязать»…

«Вот сволочь!» протянул кто-то.

«Пойдемте, посмотрим». «Да нет, их в вагон приказано перевести».

Часть вылезла из вагона и пошла к станции…

Немного спустя ко мне быстро подошел штабс-капитал князь Чичуа: «Пойдемте, безобразие там! караул от вагона отпихивают, хотят сестру пленную заколоть»…

Мы подошли к вагону с арестованными. Три офицера, во главе подпоручик К., и несколько солдат Корниловского полка с винтовками лезли к вагону, отпихивали караул и ругались: «Чего на нее смотреть… ее мать!.. Пустите! Какого чорта еще!».

Караул сопротивлялся. Кругом стояло довольно много молчаливых зрителей. Мы вмешались.

«Это безобразие! Красноармейцы вы или офицеры?!»

Поднялся шум, крик…

Бледный офицер, с винтовкой в руках, с горящими глазами, кричал князю: «Они с нами без пощады расправляются! А мы будем разводы разводить!» «Да ведь это пленная и женщина!» «Что же, что женщина?! А вы видали, какая это женщина? как она себя держит, сволочь!». «И это вы ее хотите заколоть? Да?».

Крик, шум увеличивался…

Из вагона выскочил возмущенный полковник С., кричал и приказал разойтись.

Все расходились.

Подпоручик К-ой шел, тихо ругаясь матерно и бормоча: «Все равно, не я буду, заколю»… Я припомнил, как его, плача, провожала и крестила женщина с добрым и хорошим лицом.

Солдаты расходились кучками. В одной из них шла женщина-доброволец… Они, очевидно, были в хорошем настроении, толкали друг друга и смеялись.

«Ну, а по-твоему, Дуська, что с ней сделать?» спрашивал курносый солдат женщину-добровольца.

«Что? — завести ее в вагон да и… всем, в затылок, до смерти», — лихо отвечала «Дуська»[79]. Солдаты захохотали.

Последний день Ростова

Откуда-то привели в казармы арестованного плохо одетого человека. Арестовавшие рассказывают, что он кричал им на улице: «Буржуи, пришел вам конец, убегаете, никуда не убежите, постойте!» Они повели его к командующему участком молодому генералу Б. Генерал — сильно выпивши. Выслушал и приказал: «Отведите к коменданту города, только так, чтоб никуда не убежал, понимаете?»

На лицах приведших легкая улыбка: «Так точно, ваше превосходительство».

Повели… недалеко в снегу расстреляли…

А в маленькой, душной комнате генерал угощал полковника С. водкой. «Полковник, ей-богу, выпейте». «Нет, ваше превосходительство, я в таких делах не пью». «Во-от, а я, наоборот, в таких делах и люблю быть в пол-свиста», улыбался генерал.

Темнело. Кругом гудела артиллерия. То там, то сям стучал пулемет…

Вдруг в комнату вбежала обтрепанная женщина, с грудным ребенком на руках. Бросилась к нам. Лицо бледное, глаза черные, большие, как безумные… «Голубчики! родненькие! скажите мне, правда, маво здесь убили?» «Кого? Что вы?» «Да нет! мужа маво два офицера заарестовали на улице, вот мы здесь живем недалечека, сказал он им что- то… миленькие, скажите, голубчики, где он?» Она лепетала, как помешанная; черные большие глаза умоляли. Грудной ребенок плакал, испуганно-крепко обхватил ее шею ручонками… «Миленькие, они сказали, он бальшавик, да какой он бальшавик! голубчики, расстреляли его, мне сказывал сейчас один». «Нет, что вы, тут никого не расстреливали», попробовал успокоить ее я, но почувствовал, что это глупо, и пошел прочь.

А она все твердила: «Господи! Да что же это? Да за что же это? Родненькие, скажите, где он?»

Отступление армии

Тихий синий вечер. Идем городом. Мигают желтые фонари. На улицах — ни души. Негромко отбивается нога. Приказано не произносить ни звука. Попадаются темные фигуры, спрашивают: «Кто это?» Молчание. «Кто это идет?» Молчание. «Давно заждались вас, товарищи», говорит кто-то из темных ворот. Молчание…

Город кончился — свернули по железной дороге. Свист — дозоры остановились. Стали и все, кто-то идет навстречу.

«Кто идет?» «Китайский отряд сотника Хоперского». Подошли: человек тридцать китайцев, вооруженных по-русски. «Куда идете»? «Ростов, большевик стреляй». «Да не ходите, город оставляем, куда вы?» говорим мы идущему с ними казаку. Казак путается: «Мы не можем, нам приказ». «Какой приказ? Армия же уходит. А где сотник?» «Сотника нет».

Китайцы ничего не хотят слушать, идут в Ростов, скрылись в узкой темноте железной дороги…

«И зачем эту сволочь набрали, ведь они грабить к большевикам пошли», говорит кто-то. «Это сотник Хоперский, он сам вывезенный китаец, вот и набрал. В Корниловский полк тоже персов каких-то наняли…»

Дошли до указанной в приказе отступления будки. Здесь мы должны пропустить армию и двигаться в арьергарде.

Мимо будки в темноте снежной дороги торопится, тянется отступающая армия. Впереди главных сил с мешком за плечами прошел Корнилов. Быстро прошли строевые части, но обоз бесконечен.

Едут подводы с женщинами, с какими-то вещами. На одной везут ножную швейную машину, на другой торчит граммофонный рупор, чемоданы, ящики, узлы. Все торопятся, говорят вполголоса, погоняют друг друга. Одни подводы застревают, другие с удовольствием обгоняют их.

Арьергард волнуется. Хочется скорее уйти от Ростова: рассветет, большевики займут город, бросятся в погоню, — нас всего 80 человек, а тут бесконечно везут никому ненужную поклажу. Наконец, обоз кончился, и мы отходим на станицу Александровскую. В Ростове слышна стрельба, раз долетело громовое ура. В Александровской на улицах казачьи патрули, казаки настроены тревожно. И не успели мы остановиться, как от станичного атамана принесли бумагу: немедленно уходите, казаки не хотят подвергать станицу бою.

Отступаем на Аксай. Уже день. Расположились по хатам.

Опять от станичного атамана такая же бумага. Полковник С. резко отвечает.

Ночью аксайские казаки обстреливают наши посты. Полковник С. грозит атаману вызвать артиллерию, «смести станицу».

Сутки охраняем мы переправу через Дон. Здесь сходятся части, отступающие из Новочеркасска и Ростова.

По льду едут орудия, подводы, идут пешие.-

Кончилась переправа, и мы уходим через Дон в степи на ст. Ольгинскую…

Лежанка

Мы выступили…

Те же войска, тот же обоз потянулись по той же степи.

В авангарде генерал Марков. В главных силах — мы.

День чудный! На небе ни облачка, солнце яркое, большое. По степи летает теплый, тихий ветер.

Здесь степь слегка волнистая. Вот дойти до того гребня, — и будет видна Лежанка.

Приближаемся к гребню.

Все идут, весело разговаривая.

Вдруг, среди говора людей, прожужжала шрапнель и высоко впереди нас разорвалась белым облачком.

Все смолкли, остановились…

Ясно доносилась частная стрельба, заливчато хлопал пулемет…

Авангард встречен огнем.

За первой шрапнелью летит вторая, третья, но рвутся высоко и далеко от дороги.

Мимо войск рысью пролетел Корнилов с текинцами. Генерал Алексеев проехал вперед.

Мы стоим недалеко от гребня, в ожидании приказаний.

Ясно: сейчас бой. Чувствуется приподнятость. Все толпятся, оживленно говорят, на лицах улыбки, отпускаются шутки…

Приказ: Корниловский полк пойдет на Лежанку вправо от дороги, партизанский — влево, в лоб ударит авангард генерала Маркова.

Мы идем цепью по черной пашне. Чуть-чуть зеленеют всходы. Солнце блестит на штыках. Все веселы, радостны — как будто не в бой…

Расходились и сходились цепи,
И сияло солнце на пути.
Было на смерть в солнечные степи
Весело итти…

бьется и беспрестанно повторяется у меня в голове. Вдали стучат винтовки, трещат пулеметы, рвутся снаряды.

Недалеко от меня идет красивый князь Чичуа, в шинели нараспашку, следит за цепью, командует: «Не забегайте, вы, там! ровнее, господа».

Цепь ровно наступает по зеленеющей пашне… вправо и влево

фигуры людей уменьшаются, вдали доходя до черненьких точек.

Пиу… пиу… долетают к нам редкие пули.

Мы недалеко от края села…

Но вот выстрелы из Лежанки смолкли…

Далеко влево пронеслось «ура»…

«Бегут! бегут!» пролетело по цепи, и у всех забила радостно-охотничья страсть: бегут! бегут!

Мы уже подошли к навозной плотине, вот оставленные свежевырытые окопы, валяются винтовки, патронташи, брошенное пулеметное гнездо…

Перешли плотину. Остановились на краю села, на зеленой лужайке, около мельницы…

Куда-то поскакал подполковник Нежинцев.

Из-за хат ведут человек 50–60 пестро одетых людей, многие в защитном, без шапок, без поясов, головы и руки у всех опущены.

Пленные.

Их обгоняет подполковник Нежинцев, скачет к нам, остановился — под ним танцует мышиного цвета кобыла.

«Желающие на расправу!» кричит он.

Что такое? — думаю я. — Расстрел? Неужели?

Да, я понял: расстрел вот этих 50–60 человек с опущенными головами и руками.

Я оглянулся на своих офицеров.

Вдруг никто не пойдет, — пронеслось у меня.

Нет, — выходят из рядов. Некоторые смущенно улыбаясь, некоторые с ожесточенными лицами.

Вышли человек пятнадцать. Идут к стоящим кучкой незнакомым людям и щелкают затворами.

Прошла минута.

Долетело: пли!.. Сухой треск выстрелов, — крики, стоны…

Люди падали друг на друга, а шагов с десяти, плотно вжавшись в винтовки и расставив ноги, по ним стреляли, торопливо щелкая затворами. Упали все. Смолкли стоны. Смолкли выстрелы. Некоторые расстреливавшие отходили.

Некоторые добивали штыками и прикладами еще живых.

Вот она, гражданская война; то, что мы шли цепью по полю, веселые и радостные чему-то, — это не «война»… Вот она, подлинная гражданская война…

Около меня — кадровый капитан, лицо у него, как у побитого: «Ну, если так будем, на нас все встанут», тихо бормочет он.

Расстреливавшие офицеры подошли.

Лица у них бледны. У многих бродят неестественные улыбки, будто спрашивающие: ну, как после этого вы на нас смотрите?

«А почем я знаю! Может быть, эта сволочь моих близких в Ростове перестреляла!» кричит, отвечая кому-то, расстреливавший офицер.

«Построиться!» Колонной по отделениям идем в село. Кто-то деланно лихо запевает похабную песню, но не подтягивают, и песня обрывается.

Вышли на широкую улицу. На дороге, уткнувшись в грязь, лежат несколько убитых людей. Здесь все расходятся по хатам. Ведут взятых лошадей. Раздаются выстрелы…

Подхожу к хате. Дверь отворена — ни души. Только на пороге, вниз лицом, лежит большой человек в защитной форме. Голова в лужи крови, черные волосы слиплись…

Идем по селу. Оно — как умерло: людей не видно. Показалась испуганная баба и спряталась…

На углу — кучка, человек 12. Подошли к ним: пленные австрийцы. «Пан! пан! не стрелял! мы работал здесь!» торопливо, испуганно говорит один. «Не стрелял теперь!» «Знаю, сволочи!» кричит кто-то. Австрийцы испуганно протягивают руки и лопочут ломанно по-русски: «Не стрелял, не стрелял, работал».

«Оставьте их, господа, — это рабочие».

Проходим дальше…

Начинает смеркаться. Пришли на край села. Остановились. Площадь. Недалеко церковь. Меж синих туч медленно опускается красное солнце, обливая все багряными алыми лучами…

Здесь стоят и другие части.

Куча людей о чем-то кричит. Поймали несколько человек. Собираются расстрелять.

«Ты солдат… твою мать?!» кричит один голос.

«Солдат, да я, ей-богу, не стрелял, помилуйте! невиновный я!» почти плачет другой.

«Не стрелял… твою мать?!» Револьверный выстрел. Тяжело, со стоном падает тело. Еще выстрел.

К кучке подошли наши офицеры.

Тот же голос спрашивает пойманного мальчика лет восемнадцати.

«Да, ей-богу, дяденька, не был я нигде!» плачущим, срывающимся голосом кричит мальчик, сине-бледный от смертного страха.

«Не убивайте! Не убивайте! Невинный я! Невинный!» истерически кричит он, видя поднимающуюся с револьвером руку.

«Оставьте его, оставьте!» вмешались подошедшие офицеры. Князь Чичуа идет к расстреливающему: «Перестаньте, оставьте его!» Тот торопится, стреляет. Осечка.

«Пустите, пустите его! Чего, он ведь мальчишка!»

«Беги… твою мать! Счастье твое!» кричит офицер с револьвером.

Мальчишка опрометью бросился… Стремглав бежит. Топот его ног слышен в темноте.

К подпоручику К-ому подходит хорунжий М., тихо, быстро говорит: «Пойдем… австриец… там». «Где?.. Идем». В темноте скрылись. Слышатся их голоса… возня… выстрел… стон — еще выстрел…

Из темноты к нам идет подпоручик К-ой. Его догоняет хорунжий М. и опять быстро: «Кольцо, — нельзя только снять». «Ну? нож у тебя?..» Опять скрылись… Вернулись. «Зажги спичку», говорит К-ой. Зажег. Оба, близко склонясь лицами, рассматривают. «Медное!., его мать!» кричит К-ой, бросая кольцо, «знал бы, не ходил, мать его…»

Совсем темно. Черным силуетом с крестом рисуется церковь. Едет кавалерия.

Идем размещаться на ночь. Около хат спор, ругань.

«Мы назначены сюда, — это наш район! Здесь корниловцы, а не артиллеристы!» Артиллеристы не пускают. Шум. Брань.

Все-таки корниловцы занимают хаты. Артиллеристы, ругаясь, крича, уходят.

Хата брошена. Хозяева убежали. Раскрыт сундук, в нем разноцветные кофты, юбки, тряпки. На стенах налеплены цветные картинки, висят фотографии солдат. В печке нетронутая каша. Несут солому на пол. Полезли в печь, в погреб, на чердак. Достали кашу, сметану, хлеб, масло. Ужинают. Усталые засыпают вповалку на соломе…

Утро. Кипятим чай. На дворе поймали кур, щиплют их, жарят.

Верхом подъехал знакомый офицер В-о. «Посмотри, нагайка-то красненькая!» смеется он. Смотрю: нагайка в запекшейся крови. «Отчего это?» «Вчера пороли там молодых. Расстрелять хотели сначала, ну, а потом пороть приказали». «Ты порол?» «Здорово, прямо руки отнялись, кричат, сволочи!» захохотал В-о. Он стал рассказывать, как вступали в Лежанку с другой стороны.

«Мы через главный мост вступили. Так, знаете, как пошли мы на них, — они все побросали, бегут! А один пулеметчик сидит, строчит по нас и ни с места. Вплотную подпустил. Ну, его тут закололи… Захватили мы несколько пленных на улице. Хотели к полковнику вести. Подъехал капитан какой-то из обоза, вынул револьвер… раз… раз… раз… — всех положил, и все приговаривает: «Ну, дорого им моя жинка обойдется». У него жену, сестру милосердия, большевики убили…»

«А как пороли? Расскажи!» спросил кто-то.

«Пороли как? Это поймали молодых солдат, человек двадцать, расстрелять хотели, ну, а полковник тут был, кричит: «Всыпать им по пятьдесят плетей!»

«Выстроили их в шеренгу на плащади. Снять штаны! Сняли. Командуют: ложись! Легли.

«Начали их пороть. А есаул подошел: «Что вы мажете? — кричит, — разве так порют! Вот как надо!»

«Взял плеть, да как начал! Как раз! Сразу до крови прошибает! Ну, все тоже подтянулись. Потом по команде: встать! — Встали. Их в штаб отправили.

«А вот одного я совсем случайно на тот свет отправил. Уже совсем к ночи. Пошел я за соломой в сарай. Стал брать — что-то твердое, полез рукой — человек!.. Вылезай, кричу. Не вылезает. Стрелять буду! — Вылез. Мальчишка лет двадцати…

«Ты кто, говорю, солдат?» «Солдат». «А где винтовка?» «Я ее бросил». «А зачем ты стрелял в нас?» «Да как же всех нас выгнали, приказали». «Идем к полковнику». Привел. Рассказал. Полковник кричит: расстрелять его, мерзавца! Я говорю: он, господин полковник, без винтовки был. Ну, тогда, говорит, набейте ему морду и отпустите. Я его вывел. Иди, говорю, да не попадайся. Он пошел. Вдруг выбегает капитан П-ев, с револьвером. Я ему кричу: его отпустить господин полковник приказал! Он только рукой махнул, догнал того… Вижу, стоят, мирно разговаривают, ничего. Потом вдруг капитан раз его! из револьвера. Повернулся и пошел… Утром смотрел я — прямо в голову».

«Да», перебил другой офицер: «я забыл сказать. Знаете, этих австрийцев, которых мы не тронули-то, всех чехи перебили. Я видал, так и лежат все кучей».

Я вышел на улицу. Кое-где были видны жители: дети, бабы. Пошел к церкви. На площади в разных вывернутых позах лежали убитые… Налетал ветер, подымал их волосы, шевелил их одежды, а они лежали, как деревянные.

К убитым подъехала телега. В телеге — баба. Вылезла, подошла, стала их рассматривать подряд… Кто лежал вниз лицом, они приподнимала и опять осторожно опускала, как будто боялась сделать больно. Обходила всех, около одного упала сначала на колени, потом на грудь убитого и жалобно, громко заплакала: «Голубчик мой! Господи! Господи!..»

Я видел, как она, плача, укладывала мертвое непослушное тело на телегу, как ей помогала другая женщина. Телега, скрипя, тихо уехала…

Я подошел к помогавшей женщине…

«Что это, мужа нашла?»

Женщина посмотрела на меня тяжелым взглядом, «мужа», —

ответила и пошла прочь.

Зашел в лавку. Продавец — пожилой благообразный старичок. Разговорился. «Да зачем же нас огнем встретили? Ведь ничего бы не было! Пропустили бы, и все». «Поди ж ты», развел руками старичок… «все ведь это пришлые виноваты — Дербентский полк да артиллеристы. Сколько здесь митингов было. Старики говорят: пропустите, ребята, беду накликаете. А они все одно: уничтожим буржуев, не пропустим. Их, говорят, мало, мы знаем. Корнилов, говорят, с киргизами, да буржуями. Ну, молодежь и смутили. Всех наблизовали, выгнали окопы рыть, винтовки поразда́ли.

«А как увидели ваших, ваши как пошли на село, — бежать. Артиллеристы первые, — на лошадей, да ходу. Все бежать! Бабы! Дети!» Старичок вздохнул.

«Что народу-то, народу побили… невинных-то сколько… А из-за чего все? Спроси ты их…»

Я подошел на главную площадь. По площади носился вихрем, джигитовал текинец.

Как пуля, летала маленькая белая лошадка, а на ней то вскакивала, то падала, то на скаку свешивалась до земли малиновая черкеска текинца.

Смотревшие текинцы одобрительно шумно кричали… Вечером, в присутствии Корнилова, Алексеева и других генералов, хоронили наших, убитых в бою.

Их было трое.

Семнадцать было ранено.

В Лежанке было 507 трупов.

На Кубани

Пришли в ст. Плотскую, маленькую, небогатую. Хозяин убогой хаты, где мы остановились, — столяр, иногородний. Вид у него забитый, лицо недоброе, неоткрытое. Интересуется боем в Лежанке.

«Здесь слыхать было, как палили… а чевой-то палили-то?»

«Не пропустили они нас, стрелять стали…»

По тону видно, что хозяин добровольцам не сочувствует.

«Вот вы образованный, так сказать, а скажите мне вот: почему это друг с другом воевать стали? из чего это поднялось?» говорит хозяин и хитро смотрит.

«Из-за чего?.. Большевики разогнали Учредительное Собрание, избранное всем народом, силой власть захватили — вот и поднялось». Хозяин немного помолчал. «Опять вы не сказали… например, вот скажем, за что, вот, вы воюете?»

«Я воюю? — За Учредительное Собрание. Потому что-думаю, что оно одно даст русским людям свободу и спокойную трудовую жизнь».

Хозяин недоверчиво, хитро смотрит на меня. «Ну, оно, конечно, может вам и понятно, вы человек ученый».

«А разве вам непонятно? Скажите, что вам нужно? что бы вы хотели?» «Чего?., чтобы рабочему человеку была свобода, жизнь настоящая и, к тому же, земля…» «Так кто же вам ее даст, как не Учредительное Собрание?»

Хозяин отрицательно качает головой. «Так как же? кто же?»

«В это собрание-то нашего брата и не допустят».

«Как не допустят? ведь все же выбирают, ведь вы же выбирали?»

«Выбирали, да как там выбирали, — у кого капиталы есть, те и попадут», упрямо заявляет хозяин.

«Да ведь это же от вас зависит!» «Знамо, от нас, — только оно так выходит…»

Березанская

Новая смена. Старая спряталась в окопчике. Четыре человека скорчились, плотно прижавшись. Тепло. Тихий разговор.

«Слыхали? Корнилов приказал старым казакам на площади молодых пороть?» «Ну? за что?» «За то, что с большевиками вместе против нас сражались». «И пороли?» «Говорят, пороли».

Наутро мы уходим на станцию Выселки.

Укладываем на подводу тело князя, а в дверях хаты, жалко согнувшись, плачет старая хозяйка. «Что ты, бабушка?»

«Как что, наш-то, может, тоже где так лежит», всхлипывает старуха…

Выселки

Вся армия идет на Журавскую. Мы — на Выселки. Они заняты большевиками, и Корниловскому полку приказано: выбить.

Идем быстрым маршем. Все знают, что будет бой. Разговаривают мало, больше думают.

Спустились в котловину, поднялись к гребню и осторожно остановились. Командир полка собрал батальонных и ротных, отдает приказания…

Громыхая, проехали на позицию орудия. Развели по батальонам, а командир полка с штабом остался у холмика.

Мы вышли в открытое поле. Видна станция Выселки, дома, трубы. Идем колонной. Высоко перед нами звонко рвется белое облачко шрапнели. «Заметили, началось», думает каждый.

«В цепь!» раздается команда. Ухнули наши орудия. С хрипом, шуршаньем уходят снаряды. Вдали поднялась воронкой земля. Звук. Разрывы удачны. «Смотрите, господа, там цепи, вон, движутся!»

Идем широко разомкнувшись — полк весь в цепи. Визжат шрапнели, воют гранаты. Мы близимся…

Вот с мягким пеньем долетают пули. Чаще, чаще…

Залегли, открыли огонь…

«Варя! Таня! Идите сюда! Где вы легли! Ну, зачем вы пошли, — говорили же вам!» слышу я сзади себя.

Во второй цепи лежат Варя и Таня в солдатских шинелях с медицинскими сумками…

«Цепь вперед!» Поднялись. Наша артиллерия гудит, бьет прямо по виднеющимся цепям противника.

«Смотрите! смотрите! отступают!» несется по цепи.

Видно, как мелкие фигурки бегут к станции.

Их артиллерия смолкла. Наша усиленно заревела.

«По отступающему — двенадцать!» Все затрещало. Заварилась стрельба… Чаще, чаще… Слов команды не слышно…

С правого фланга из лощины вылетела лавой кавалерия, карьером понеслась за отступающими, блестят на солнце машущие шашки…

Мы идем быстро. Мы недалеко от станицы. Впереди, перебежав полотно, бегут уже без винтовок маленькие фигурки. Пулеметчик прилег к пулемету, как застыл. Пулемет захлопал, рвется вперед. Маленькие фигурки падают, бегут, ползут, остаются на месте…

Мы на полотне. Кругом бестолково трещат выстрелы. Впереди взяли пленных. Подпоручик К-ой стоит с винтовкой

наперевес — перед ним молодой мальчишка кричит: «Пожалейте! помилуйте!»

«А… твою мать! Куда тебе — в живот, в грудь? говори…» бешено-зверски кричит К-ой.

«Пожалейте, дяденька!»

Ах! Ах! слышны хриплые звуки, как дрова рубят. Ах! Ах! и в такт с ними подпоручик К-ой ударяет штыком в грудь, в живот стоящего перед ним мальчишку…

Стоны… тело упало…

На путях около насыпи валяются убитые, недобитые, стонущие люди…

Еще поймали. И опять просит пощады. И опять зверские крики.

«Беги… твою мать!» Он не бежит, хватается за винтовку, он знает это «беги»…

«Беги… а то!» — штык около его тела, — инстинктивно отскакивает, бежит, оглядываясь назад, и кричит диким голосом. А по нем трещат выстрелы из десятка винтовок, мимо, мимо, мимо… Он бежит… Крик. Упал, попробовал встать, упал и пополз торопливо, торопливо, как кошка.

«Уйдет!» кричит кто-то, и подпоручик Г-нь бежит к нему с насыпи.

«Я раненый! раненый!» дико кричит ползущий, а Г-нь в упор стреляет ему в голову. Из головы что-то летит высоко-высоко во все стороны…

«Смотри, самые трусы в бою, — самые звери после боя», говорит мой товарищ.

В Выселках на небольшой площади шумно галдят столпившиеся войска. Все, толкаясь, лезут что-то смотреть в центр.

«Пленных комиссаров видали?» бросает проходящий офицер.

В центре круга наших солдат и офицеров стоят два человека, полувоенно, полуштатски одетые. Оба лет под сорок, оба типичные солдаты-комитетчики, у обоих растерянный, ничего не понимающий вид, как будто не слышат они ни угроз, ни ругательств.

«Ты какой комиссар был?» спрашивает офицер одного из них.

«Я, товарищ…» «Да я тебе не товарищ… твою мать!» оглушительно кричит офицер.

«Виноват, виноват, ваше благородие…», и комиссар нелепо прикладывает руку к козырьку.

«А, честь научился отдавать!..»

«Знаете, как его поймали», рассказывает другой офицер, показывая на комиссара, «вся эта сволочь уже бежит, а он с

пулеметными лентами им навстречу: куда вы, товарищи! что вы, товарищи! и прямо на нас… А другой, тот ошалел и винтовку не отдает, так ему полковник как по морде стукнет… У него и нога одна штыком проколота, когда брали — прокололи».

Вошли на отдых в угловой большой дом. Пожилая женщина вида городской мещанки, на смерть перепуганная, мечется по дому и всех умоляет, ее пожалеть.

«Батюшки! батюшки! белье взяли. Да что же это такое! Я женщина бедная!»

«Какое белье? что такое? кто взял?» вмешались офицеры.

Штабс-капитан Б. вытащил из сундука хозяйки пару мужского белья и укладывает ее в вещевой мешок. Меж офицерами поднялся крик.

«Отдайте белье! сейчас же! Какой вы офицер после этого!»

«Не будь у вас ни одной пары, вы бы другое заговорили!»

«У меня нет ни одной пары!» «Вы не офицер, а бандит», кричит молодой прапорщик. Белье отдали…

Бой под Лабинской

Брат рассказывает нам о бое под Лабинской: «Нас под самой станицей огнем встретили. Мы в атаку пошли, отбросили их. Потом к ним с Тихорецкой эшелон подъехал — они опять на нас. Тут вот бой здоровый был. Все-таки погнали их и в станицу ворвались. На улицах стали драться. Они частью к заводу отступили, частью за станицу. Нам было приказано за станицу не итти, а Нежинцев зарвался, повел, ну, которые на завод отступили и очутились у нас в тылу. Тут еще начали говорить, что обоз с ранеными отрезан. Мы бросились на завод — выбили. Они бежать в станицу, а там их Марковский полк штыками встретил, перекололи. Здесь такая путаница была, чуть-чуть друг друга не перестреляли… Из тюрьмы мы много казаков освободили. Часть большевики расстреляли перед уходом, часть не успели». — «А пленных много было?» — «Да не брали… Когда мы погнали их за станицу, видим один раненого перевязывает… Капитан Ю. раненого застрелил, а другого Ф. и Ш. взяли. Ведут — он им говорит, что мобилизованный, то, другое, а они спорят, кому после расстрела штаны взять (штаны хорошие были). Ф. кричит: смотрите, капитан, у меня совершенно рваные и ничего больше нет! А Ш. уверяет, что его еще хуже… Ну тут как раз нам приказ на завод итти. Ш. застрелил его, бросил, и штанами не воспользовались».

Крестьянскими хуторами

Еще с вечера пошли строевые части по выработанному маршруту. Но каждый шаг надо брать с боя.

Под Некрасовскую подошли сильные части большевиков, поднялись крестьяне окрестных хуторов.

Первый бой недалеко от Некрасовской, за переправу через реку Лабу. Мосты разрушены. На противоположном берегу в кустах засели большевики, не подпускают добровольцев к реке, открывая частый губительный огонь. А пробиться, уйти от Некрасовской — необходимо. Необходимо потому, что и сзади со стороны Усть-Лабинской давят большевики, подъезжая эшелонами из Екатеринодара.

Образуется кольцо и становится все уже.

Но вот впереди затрещало, бьет артиллерия. Под Киселевскими хуторами бой — долгий, упорный. В обоз прибывают раненые — рассказывают: «Здесь крестьянские хутора — так все встали, даже бабы стреляют; и чем объяснить? ведь пропусти они нас — никого бы и не тронули, нет, поднялись все».

Заняли хутора. Нигде ни души. Валяются убитые. По улицам бродят, мыча, коровы, свиньи, летают еще не пойманные куры. Переночевали на подводах и утром выезжаем на Филипповские. Над селом подымается черными клубами дым, его лижет огонь красными языками. И скоро все село пылает, разнося по степи сизые тучи…

А впереди опять треск ружей, гул орудий.

Ранним утром из Филипповских выезжают последние подводы, и опять все село застилается сизыми тучами. Сожгли. Недалеко от него спустились в лощину. Обозу приказано остановиться. Опять — бой кругом. Сегодня в обоз ведут, несут особенно много раненых. Раненым на подводы раздают винтовки.

Горькая Балка

Скачут подводы с крутого ската и, перелетев мост, тихо подымаются в гору, в село. У первой хаты лежит мертвая женщина, вверх лицом, согнулись в коленях ноги, ветер раздувает синюю с цветами юбку… Рядом с обозом — верховые. «Что это за женщина, не знаете?» спрашиваю я одного. Верховой тронул коня, едет с подводой и рассказывает, перегнувшись с седла: «Эта сволочь выдала наш первый разъезд; они у нее остановились — она их приняла хорошо, а сама к комиссару послала; их захватили, перестреляли, топорами перерубили; а когда второй разъезд утром приехал — опять к ней заехали, большевиками прикинулись, она и рассказала, как кадетов выдала… ну, вот и валяется…»

Вечереет. Смолкли выстрелы. Тронулся обоз по узкой улице, а Горькая Балка заклубилась черным дымом.

«Зажгли Балку», говорит казак-возчик. «Черкесы это», отвечает раненый: «они не щадят крестьян; раньше крестьяне их вырезали, а теперь они, вот, ни одной слободы не оставляют…»

Опять на Дону

В Новочеркасске как будто ничто не менялось. Опять на чистеньких улицах мелькают разноцветные формы военных, красивые костюмы женщин, несутся автомобили, идут казачьи части. Только рваные корниловцы явились диссонансом. Хромые, безрукие, обвязанные, с бледными лицами идут они по шумящим, блестящим улицам…

В лазарете

В зеленом саду в синих, белых халатах раненые лежат, читают ростовские, новочеркасские газеты. Во всех одно и то же: «вернулись герои духа», «титаны воли», «горсть безумно-храбрых», «воодушевленных любовью к родине»…

Но в лазарете белья не хватает, некоторые спят без простынь и одеял. Какие-то дамы, девушки, девочки хлопочут о питании, но до сих пор вместо хлеба за обедом дают хлебные крошки.

В Ростове пущен лист сбора пожертвований в пользу «героев», от ростовского купечества собрано… 470 рублей, а раненых прибыло всего тысячи две.

В.М. КРАСНОВ. «Добровольцы» на Северном Кавказе [80]

I

Законодательные экспромты генерала Уварова. — Основные законы. — «Какие еще там суды?» — Попытка окрестить социал-демократов в социал-революционеров. — «Мы будем праздновать по-своему, а вы празднуйте по-своему». — «Уничтожайте преступников на месте». — Прием крестьянских депутаций. — «Марш по домам!» — Наступление красных. — Подвиг корниловцев.

В то время, когда проф. К.Н. Соколов вырабатывал государственно-правовой экспромт для верховного руководителя добровольческой армии, генерал Уваров производил законодательные экспромты на Ставропольской территории, — первой губернии, принятой под правовую охрану добровольческой армией.

Очевидцы передавали мне классическую, в своем роде, сцену первых законодательных опытов Уварова.

По номеру гостиницы нервно шагал генерал, диктуя в присутствии представителей города свои первые приказы.

Пишите: приказ номер один, точка. Ставропольская губерния управляется на основании законов Российской империи, изданных до 27 февраля 1917 года. Приказ номер два, точка. Восстанавливаются суды: волостной, мировой… Какие еще там суды, — обратился генерал к офицеру, выстукивающему на машинке.

— Не могу знать, ваше превосходительство.

— Может быть, вы знаете, — обратился генерал к представителям.

Один из них, юрист по образованию, и сам судебный деятель по магистратуре, подал генералу реплику:

— По закону 1912 года не могут действовать, генерал, одновременно суды волостные и мировые, что-нибудь одно…

— Ну, этих тонкостей мне не надо… Я знаю суд полевой, волостной и мировой, а дальше?

— Окружной, ваше превосходительство…

— Да-да, как же, чуть не забыл. Пишите, — обратился генерал к офицеру… и военно-окружные… Точка.

— Просто окружной, ваше превосходительство, — перебил судейский чин.

— Разве есть и такие? Ну, ладно, пишите: и просто окружные, — согласился генерал Уваров, — точка.

Таков был первый щедринский генерал-губернатор, назначенный добровольческим командованием для первой

губернии, перед населением которой добрармия держала свой государственный экзамен.

Дальнейшие экспромты генерала Уварова я уже наблюдал самолично.

Вот еще несколько эпизодов из времен генерал-губернаторствования Уварова.

Как-то по приходе моем в прокурорский кабинет мне доложил мой секретарь, что меня просил генерал Уваров прибыть к нему.

— Видите-ли в чем дело, — обратился ко мне генерал, когда я вошел в кабинет к нему. — Тут издается газета, содержание которой мне безразлично, но мне не нравится ее подзаголовок: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Я хочу им посоветовать, пусть печатают девиз: «В борьбе обретешь ты право свое». Это мне больше нравится, а то пахнет каким-то интернационалом…

— А при чем же здесь я, ваше превосходительство, — спросил я.

— Ну, вы все-таки человек местный и знаете местные обычаи…

— Приведенные вами девизы, генерал, не местные. Первый — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» — социал-демократов, а «В борьбе обретешь ты право свое» — социалистов-революционеров… Едва ли социал-демократы захотят воспользоваться, хотя бы и по вашему совету, генерал, девизом другой партии. Вот все, что я могу доложить вам, а затем разрешите, генерал, мне отправиться к исполнению моих служебных обязанностей. — Я сделал ударение на слове служебных.

— Постойте, — остановил меня генерал, — я придумал. Пусть пишут: пролетарии всея Руси, соединяйтесь.

На этом мы с генералом расстались.

В другой раз мне прислали приказ генерала Уварова, где он устанавливал расписание неприсутственных дней, не совпадающие, до двунадесятых праздников включительно, с табелью праздников, указанных в законе и дальнейших дополнениях. При встрече я указал на это генералу, сославшись на 24 ст. уст. о предупреждении и пресечении, где помещена табель праздников.

— Какой такой устав пресечения? — переспросил генерал.

— Он напечатан в XIV томе свода законов.

— В XIV томе, — удивился генерал, — ну так что ж?

— Суд, как и другие правительственные органы, есть учреждение подзаконное, связан судебными сроками, и чины его могут понести материальную и судебную ответственность за

несоблюдение законов.

— Вот как? Ну тогда вот что: вы празднуйте по-своему, а мы будем праздновать по-своему, — согласился генерал.

Так мы и праздновали.

Как-то раз я с удивлением прочел приказ буквально следующего содержания: предписывается всем чинам: преступников, пойманных на месте преступления, уничтожать на месте, а менее виновных — предавать военно-полевому суду. Подписано Уваровым.

Воспользовавшись свиданием с А.И. Деникиным, я передал ему непосредственно этот приказ.

— Вы меня не мистифицируете? — улыбнулся главнокомандующий. — Я его отменю по телеграфу, а Уварова отчислю[81].

Тем не менее, генерал Уваров продолжал пребывать в Ставрополе, перемещенный, правда, из звания самостоятельного помпадура на роль помощника полковника Глазенапа, вплоть до внезапной эвакуации Ставрополя в октябре 1918 года. Ведать этой эвакуацией поручено было тому же генералу Уварову.

Случай с последним приказом дал основание генералу Уварову и его правой руке, начальнику его штаба, полковнику Яковлеву, называть меня не иначе, как «большевик Краснов».

В первые же дни приезда П.В. Глазенапа, 34-летнего гвардейского полковника, в Ставрополь, стали прибывать депутации из больших сел, приехавшие приветствовать высшего администратора губернии и вместе с тем носителя в глазах населения героических идей добровольческой армии.

Повидавшись кое с кем из депутатов, среди которых были почтенные местные люди, с безупречным служебным и общественным стажем, я посоветовал П.В. Глазенапу обласкать их, ибо, как говорил, я, это первые ласточки проявления крестьянских симпатий к добровольческому командованию.

Полковник Глазенап обещал переговорить в этом смысле с генералом Уваровым.

Один из депутатов, бывший председатель, мирового съезда, потом рассказывал мне об этом приеме, порученном советнику губернского правления Губаревскому.

Выйдя к депутатам, Губаревский приказал прибывшим разделиться по уездам и стать по разным углам. Наступила пауза. Молчал советник, молчали и депутаты, среди которых были и лица с высшим образованием. Один из депутатов заявил о желании присутствующих ознакомиться с задачами добровольческой армии, чтобы в свою очередь информировать население, в частности же население интересуется отношением

власти к Учредительному Собранию.

— Што-о? — перебил Губаревский, — вы думаете, что попали на митинг? Исполнять приказы и распоряжения начальства — вот ваша задача. А теперь марш по домам и помнить, что карательных отрядов у нас хватит на все уезды.

Говорил это Губаревский повышенным голосом, почти доходящим до крика. Ошеломленные депутаты покинули Ставрополь, и я не знаю, приезжали, ли потом какие-либо крестьянские депутации к полковнику Глазенапу.

Между тем, красные, оправившись от охватившей их паники, возобновили попытки к захвату Ставрополя.

Наиболее угрожающее наступление их развернулось 9 августа, когда передовая лавина вторглась на окраины города, и с возвышенных площадей и улиц можно было наблюдать невооруженным глазом перипетии уличного боя.

Здесь моральная сила добрармии вышла победительницей, но в сфере государственного строительства этого морального героизма и даже простого понимания задач и престижа власти добровольческой администрацией на территории Ставропольской губернии пока не проявлялось.

Больше того, административные приемы генерала Уварова, усовершенствованные на местах Уваровыми les petits[82] в лице начальников уездов, чинов контр-разведки, государственной стражи и сельских комендантов, на первых же порах являли собою совершенно определившуюся картину разложения власти. Не надо было быть пророком, чтобы почувствовать и предсказать, к чему это должно было привести, если разнузданности не будет положен самый решительный предел.

Недоброжелатели и враги добрармии не замедлили учесть и использовать создавшееся положение. Большевики за дорогую плату скупали приказы генерала Уварова и, размножая, выпускали их вторым изданием, маленькие же диктаторы в уездах и волостях, по мере сил и способностей, дополняли антидобровольческую агитацию наглядным примером разнузданности и своеволия.

II

Совещание у генерал-губернатора. — Вопрос об учреждении сената и судебной палаты. — Спор о наименовании полиции. — Основной статут генерала Уварова. — Восстановление силы узаконений, изданных и после 27 февраля 1917 г. — Перед приездом главнокомандующего.

Вскоре по приезде, полковник Глазенап созвал из представителей ведомств совещание, обсуждению которого был предложен ряд вопросов, в том числе об учреждении местного сената и палаты и об организации полиции. Наиболее боевым на совещании оказался вопрос об организации полиции. Спор возгорелся, главным образом, вокруг названия, которое должно быть присвоено этому институту.

Дал такое направление спору все тот же генерал Уваров, выступивший с резкой критикой не самого положения о милиции временного правительства, а замены названия полиции — милицией, что могли невежественно допустить, по словам Уварова, только глубоко штатские люди.

Продолжая мысль генерала Уварова, врачебный инспектор Абрамов привел в качестве ultima ratio, окончательно убеждающего в необходимости сохранения прежних терминов — полиция, городовой, пристав и полицеймейстер, следующий эпизод, рассказанный ему полковником Глазенапом.

В одном из петербургских кафешантанов среди номеров этуалей неожиданно выступил городовой, просвистел в свисток и скрылся. Номер этот имел исключительно шумный успех у публики, и, как утверждал врачебный инспектор, эпизод этот воочию вскрыл, как Россия тоскует по прежнему милому городовому.

Эта справка из кафешантанных наблюдений ставропольского генерал-губернатора все же недостаточно убедила совещание в том, что и Ставропольская губерния разделяет тоску России о городовом, и организуемому институту охраны предложено было дать название государственной стражи.

Впредь до издания в законодательном порядке нового положения действовал этот институт применительно к прежнему положению Временного Правительства о милиции, за исключением подчинения стражи органам общественного управления, что, конечно, было совершенно естественно для для того исключительного времени.

Некоторыми из участников совещания предполагалось поднять вопрос о приказе генерала Уварова, возвращавшем

Ставропольскую губернию одним взмахом пера вспять к порядку, существовавшему до 27 февраля 1917 года, с упразднением всех изданных после этой даты актов узаконений, до акта отречения государя включительно.

Приказ этот, не говоря уже о том, что на издание таких основных статутов генерал Уваров надлежаще не был уполномочен, вносил невероятную путаницу в действия правительственных учреждений и, рано или поздно, нуждался в отмене главным командованием.

Но после справки увеселительного характера о тоске России по городовому инициаторы предположения раздумали ставить этот вопрос на генерал-губернаторском совещании.

Доклады о восстановлении действия ряда узаконений, изданных Временным Правительством, были представлены председателем окружного суда и делегацией городской думы непосредственно генералу Деникину, и главнокомандующим был издан особый приказ о силе этих узаконений.

Генерал Уваров, хотя после назначения П.В. Глазенапа и был лишен права самостоятельного помпадурства, тем не менее ухитрялся на время выездов губернатора из Ставрополя развивать свою административную энергию.

Так, уже будучи помощником губернатора, он успел, за время отсутствия полковника Глазенапа, издать приказ, о котором я упоминал, на имя всех должностных лиц об уничтожении преступников на месте преступления и о предании менее виновных военно-полевому суду.

Перед самым приездом в Ставрополь генерала Деникина, когда предполагалось чествование главнокомандующего городской думы in corpore, он заарестовал некоторых влиятельных гласных, задержал до ночи оповещение городского самоуправления об ожидающемся утром прибытии, а на обед, которым губернатор чествовал главнокомандующего, позабыл пригласить председателя губернской земской управы А.М. Кухтина, но зато не забыл пригласить того самого Левицкого, который вместе с пьяными матросами играл отходную заключенным большевиками в ставропольской тюрьме заложникам буржуазии.

Словом, старался по мере сил и способностей, пока, наконец, не был отчислен в резерв чинов добровольческой армии.

III

Приезд генерала А.И. Деникина. — «Начальнику сыскного отделения и… председателю думы». — Приветствия на вокзале и на Соборной площади. — Обед в губернаторском доме. — Речь генерала Деникина. — Выступление сотрудника генерала Уварова. — Поездка городской делегации в Екатеринодар.

Осенью 1918 года состоялся приезд в Ставрополь командующего добровольческой армией ген. А.И. Деникина.

Губернатор П.В. Глазенап, сообщив о желании генерала Деникина посетить Ставрополь, просил наметить программу встречи с тем, чтобы он мог своевременно доложить командующему.

Программа эта была выработана небольшой комиссией и передана П.В. Глазенапу, при чем представители городского самоуправления, ввиду того, что предполагалось чествование генерала А.И. Деникина раутом от городской думы, просили уведомить их о приезде командующего армией, по возможности, хоть за день до приезда, или же, если такое уведомление по каким-либо соображениям будет признано неудобным[83], определить приезд не в праздничный день, ввиду трудности собрать учащихся и широко оповестить население.

П.В. Глазенап отбыл к командующему.

В субботу днем была получена генералом Уваровым телеграмма о прибытии командующего в воскресенье, в 9 часов утра. Доставлено было уведомление в городскую управу около 9 часов вечера. Офицер, которому поручено было размножить и разослать текст оповещения, передавал мне, почему произошло такое замедление.

В сущности, текст оповещения состоял всего из нескольких слов: сообщается для сведения, что командующий армией прибывает в Ставрополь в воскресенье, такого-то числа, в 9 часов утра. Впереди же шел длинный, занимающий почти лист, перечень лиц и учреждений, кому это должно быть сообщено.

Когда оповещение было изготовлено, начальник губернаторского штаба, полковник Яковлев, раздраженно указал офицеру, что, по мнению генерала Уварова, председатель городской думы помещен не в надлежащем порядковом ранге.

— Потрудитесь поставить его в самом хвосте, с союзом: начальнику сыскного отделения и — председателю думы.

Вместо забракованного было изготовлено новое оповещение, и рассылалось оно в порядке расположения адресатов, почему и дошло до председателя думы последним, ибо он, по указанию

генерала Уварова и полковника Яковлева, в ряду других учреждений и лиц должен занимать самое последнее место — с союзом.

Эта задержка лишила городское самоуправление возможности выполнить программу чествования генерала Деникина полностью, как она была намечена, и раут в городской думе не мог состояться, тем более, что за время отсутствия из города губернатора его контр-разведкой были арестованы некоторые из гласных думы, в том числе член Учредительного Собрания Е.А. Дементеев. Арестованы они были без всяких оснований и после усиленных хлопот были освобождены накануне приезда генерала Деникина.

Ввиду того, что посещение городской думы командующим армией не состоялось в этот приезд и делегация думы аудиенции по поводу этого доклада у генерала Деникина не имела, было испрошено разрешение командующего на представление этого доклада в Екатеринодаре, куда несколько позднее делегация городской думы и выехала.

В продолжительной беседе с делегатами генерал Деникин согласился с большинством из тезисов представленного доклада и обещал примять меры к скорейшему проведению их в жизнь.

Кроме того, делегации было обещано освободить Ставрополь от генерала Уварова.

Это было незадолго до 25 сентября 1918 года, — даты смерти верховного руководителя добровольческой армии М.В. Алексеева[84].

IV

Положение на фронте. — Нажим генерала Врангеля на красных. — Тревога в Ставрополе. — Заявление губернатора. — Внезапная эвакуация города. — Разговор с П.В. Глазенапом. — Разлука с больной семьей.

Отбросив красных от Екатеринодара, главные силы добровольцев продолжали теснить их из Майкопского отдела и в направлении на юг, вдоль линии Владикавказской железной дороги.

Ставрополь охранялся сравнительно слабыми силами, и судьба его зависела от направления, которое изберут главные силы красных при их отступлении.

В начале сентября 1918 года с переменным счастьем шла борьба в районе станиц Петропавловской и Михайловской, где была сосредоточена группа красных численностью около 15.000 бойцов.

Против них действовали 1-я конная дивизия генерала Врангеля, в составе около 1.200 бойцов, и пехотные дивизии Казановича и Дроздовского, занимавшие район Армавира и линию железнодорожной магистрали до станции Овечка.

В первых числах октября конницей генерала Врангеля были взяты станицы Урупская и Бесскорбная и начались бои за переправу через Уруп.

Тем временем красные, заслонившись Урупом, наступали вразрез между конницей и 1-й пехотной дивизией, тесня пехотные части генерала Казановича с юга на Армавир.

13 октября, форсировав Уруп, конница генерала Врангеля обратила красных в бегство. Полчища их откатились к станице Успенской на Кубань — в район, где сближается магистральная железнодорожная линия с Армавир — Туапсинской линией на Ставрополь.

Не ожидая форсирования генералом Врангелем Кубани, силы красных, переправившись на правый берег, начали распространяться вниз по течению Кубани и железнодорожной линии на Ставрополь. Этим движением красных сил предрешена была участь Ставрополя.

В субботу, 13 октября, началась в Ставрополе тревога. Собравшиеся на очередное думское заседание гласные просили городского голову осведомиться у губернатора о положении на фронте. Вернувшись от полковника Глазенапа, городской голова, открывая думское заседание, заявил по поручению губернатора, что нет решительно никаких оснований для тревоги. Положение

на фронте вполне устойчиво. Никакой угрозы городу со стороны красных не намечается.

Уже следующее утро определило цену этого заявления губернатора, а кстати и цену, в глазах этого администратора, тех последствий внезапной эвакуации города, которые стоили населению неисчислимых и частью невознаградимых потерь.

Вернувшись домой после думского заседания, я провел часть ночи у постели жены и двух дочерей-малюток, находившихся в разгаре скарлатины. Жена и младшая дочь метались и бредили, переживая кризис болезни, старшая была так слаба, что ей вспрыскивали камфару.

Смененный под утро, я едва успел в кабинете забыться сном, как раздался телефонный звонок. Городской голова меня спрашивал, принял ли я какие-либо меры к отъезду.

— Почему? — удивился я.

— Посмотрите на улицу.

Из окна моего кабинета видно было, как по панели улицы, в одних халатах, не взирая на пронизывающий холодный ветер, тянулись из лазаретов больные и раненые, некоторые на костылях. Порою их обгоняли разрозненные группы пехотинцев и всадников. Тротуары были забиты спешащими с узелками горожанами…

Я бросился к губернатору П.В. Глазенапу. Его конвой расположился у гостиницы «Россия», против здания окружного суда. Губернатор стоял в подъезде гостиницы.

— Что случилось? — спросил я.

— Мы эвакуируем город, — спокойно ответил полковник Глазенап.

— Но позвольте, ведь еще вчера вы утверждали… Как же это произошло?

— Так и произошло, — улыбнулся губернатор.

— Как же быть с учреждениями, судом, делами?

— Оставьте все на месте. Мы поджидаем подхода резервов. А впрочем, как хотите.

Помолчав, губернатор посоветовал все же выехать на несколько часов из города, так как городские улицы могут стать ареною боя.

Приглашенный к больной семье врач категорически высказался против возможности эвакуировать больных, ввиду острозаразного характера заболевания и неизбежности столь опасных при скарлатине простудных осложнении, и указал единственный выход — поместить больных под чужой фамилией в городской больнице.

Очнувшиеся от забытья, поняв происходящее, жена и дети

смотрели испуганными, полными слез глазами, пытались, преодолевая слабость, подняться и одеться, и просили взять с собою…

— Мне совсем лучше, возьмите нас с собою, — протягивала ручонки семилетняя дочь Злата.

Через два дня, 16 октября, когда красноармейцы ворвались в городскую больницу, всех их не стало. Об этом я узнал лишь две недели спустя…

V

Ставропольский фронт. — Диктатура г.г. комендантов. — Пой «боже, царя храни». — Приказ о поклонах. — Порка по передоверию. — «Мало вас резали». — В контр-разведках. — «Право офицерское».

Со второй половины октября 1918 года Ставропольская губерния, через которую с Северного Кавказа откатывались силы красных, на несколько месяцев стала ареною главной борьбы добровольческих и красных сил.

С 14 октября по ноябрь шла борьба вокруг Ставрополя. В первой половине ноября развивались упорные бои за обладание Константиновским и Петровским, в район которых откатились из-под Ставрополя красные, пока 15 ноября они не были разбиты и обращены в бегство Улагаем.

В двадцатых числах ноября красные бросились на отряд генерала Станкевича, занимавший приманычский угол губернии, но, угрожаемые конницей генерала Врангеля, затем метнулись на армейский корпус генерала Казановича в районе подступов к уездному селу Благодарному.

Здесь 22 декабря в районе сел Шишкино и Медведки при участии войск генерала Врангеля разыгрался большой бой, ход которого наблюдали с возвышенности генерал Деникин и прибывшая с ним союзническая миссия с генералом Пулем во главе.

Разбитые в вечер этого дня, красные были отброшены к селу Благодарному, а оттуда к городу Святого Креста, где Улагай захватил большую военную добычу.

В начале января 1919 года красные были оттеснены к начальному пункту Прикумской железной дороги, окружены в Георгиевске, разбиты и, оставив богатую добычу, бросились к Каспийскому морю, гонимые конницей генерала Покровского.

Во второй половине января 1919 года XI красная армия растаяла, отдав добровольцам огромные обозы, бронепоезда, орудия, пулеметы и свыше 30.000 пленных.

На короткое время манычская операция затронула юго-восточный угол губернии, но уже через несколько дней, в первых числах мая, фронт передвинулся в область войска Донского и затем далеко и надолго отодвинулся в северном направлении.

Таким образом, в январе 1919 года можно считать фронт военных действий ушедшим из пределов Ставропольской губернии, и, в меру его отдаления, население в праве было ожидать смягчения той диктатуры, которая в верхах теоретически

мыслилась полнотой власти главнокомандующего, а на местах претворялась в произвол людей, имеющих на плечах военные погоны, какой бы малый чин на этих погонах ни был обозначен.

Я приведу несколько примеров проявления этой местной диктатуры.

В Николин день, 6 декабря 1918 года, ставропольский комендант полковник Архипов, по совету одного из своих сотрапезников, послал солдат за гласным местной городской думы М., принадлежавшим к левому крылу эсеровской партии.

Когда М. прибыл в помещение комендатуры и спросил о причинах его вызова, полковник Архипов приказал ему:

— Пой «боже, царя храни», такой-сякой.

— Неужто вы меня, полковник, только для этого и вызывали?

— Да ты еще разговаривать? Всыпать ему!

К приходу М. уже были заготовлены шомпола и мокрые мешки. По приказанию коменданта солдаты схватили М. и надругались над ним в присутствии находившихся здесь сотрапезников коменданта.

— Теперь вы свободны, — объявил комендант гласному М. по окончании экзекуции.

Это происходило в центре губернского города, против здания окружного суда.

После того как вокруг этого дела была поднята буча, в Ставрополь для производства следствия прибыл военный следователь г. Мирославский, очень холодно, как он рассказывал мне, принятый военным губернатором П.В. Глазенапом.

Приговоренный военным судом[85] к семидневному, кажется, домашнему аресту, полковник Архипов вернулся к своей прежней должности, а затем был назначен начальником государственной стражи Больше-Дербетовского улуса.

В селе Летницком Медвеженского уезда местный комендант вызвал к себе одного из местных жителей, и между ними произошел следующий диалог:

— Ты судился с таким-то?

— Судился.

— Сколько тебе присудил мировой?

— Двенадцать сотен.

— Всыпать ему по одной за каждую сотню.

Когда истцу всыпали, комендант проводил его словами:

— Передай мировому, что и ему то же будет, если он будет обижать моих знакомых.

В селе Ладовско-Балковском местный комендант издал приказ, чтобы мужчины при встрече с мим останавливались и кланялись, снимая головной убор, а женщины приветствовали бы

его поясным поклоном, сложив руки на животе.

Как видите, даже это было предусмотрено..

Через некоторое время в отдел пропаганды явилась рыдающая сельская учительница и рассказала, что комендант приказал ее выпороть за неисполнение приказа.

В подгородном селе Кугульме местный комендант Л. передоверил свои права матушке, и урядник Гладков порол баб по приказу последней среди белого дня у волостного правления.

Хуже всего было то, что случаи эти превращались в бытовое явление, и притом явление или безнаказанное, или, во всяком случае, не влекущее за собой устранения от дальнейшей деятельности такого администратора.

Бороться с этой разнузданностью было очень трудно цивильным людям, да и не всякий рисковал на эту борьбу, зная, какая бешеная атака поднималась против жалобщика или должностного лица, принявшего жалобу, по обвинению их и в большевизме, и в содействии красным, а иногда просто в сожительстве с… красноармейкой[86].

Обычным ответом генерала Уварова, когда к нему обращались с жалобами на случаи произвола и обид, была стереотипная фраза:

— Мало вас еще большевики резали. Погодите, вот мы уйдем, так вас дорежут.

На одну из жалоб городского головы о невероятных реквизициях на окраинах города, военный губернатор П.В. Глазенап ответил:

— А я нахожу это справедливым. Раньше они грабили, теперь пусть их пограбят…

Я намеренно пока не касался деятельности полевых судов, военно- и судебно-следственных комиссий и контр-разведок, ибо от нас, цивильных людей, учреждения эти были отгорожены высокими стенами.

Помню только, как при первом же посещении офицерской контр-разведки, на Барятинской улице, я был поражен криками и стонами, исходившими откуда-то снизу.

— Это пьяных вытрезвляют, — пояснил мне начальник разведки.

— А разве и это входит в круг ваших обязанностей? — спросил я.

Это была контр-разведка вспомогательная, временная. Другая, постоянная, помещалась в барском особняке Европейского переулка, а затем перешла под одну крышу с синагогой.

В числе сотрудников-добровольцев этого учреждения

состояли бывший председатель союза русского народа В.А. Соколов (о преступной деятельности которого в партизанском отряде имени ставропольского военного губернатора докладывал мне судебный следователь по важнейшим делам) и недавно перед этим отбывший наказание за подлоги и растраты подпольный ходатай Сопнев.

В связи с деятельностью этого учреждения припоминаю один случай убийства, когда виновных обнаружено не было.

В ноябре 1918 года, вскоре после очищения Ставрополя от красных, к Н.А. Косенкову, местному хлеботорговцу, бывшему гласному думы, вечером явились военные лица, назвавшие себя чинами контр-разведки, и потребовали немедленной явки Косенкова в помещение разведки. На утро труп Н.А. Косенкова был обнаружен на площади Верхнего базара.

Как претворялась эта местная диктатура в понимании местного населения?

В одну из моих служебных поездок ко мне обернулся с облучка ямщик и, вглядываясь в меня, задал вопрос:

— А что, барин, вы не из судейских?

— Из судейских. А что?

— Да вот у нас тут одно дело случилось. Сказать прямо — пьяные офицеры брата до смерти убили.

— Как убили?

— Да так, заругались да и убили. Так вот хотел я вас спросить, есть такие права, чтобы жаловаться?

— Конечно. Заявите следователю или прокурору, а хотите, я приму от вас заявление.

— Вишь ты, какое дело. А старики порешили не жаловаться, потому, говорят, теперь право офицерское…

VI

В ожидании перелома. — Особое совещание. — Акт о подчинении адмиралу Колчаку. — Адрес объединения организаций. — «Потерпите немного». — Военная иерархия. — Партизанские отряды имени ставропольского военного губернатора. — «Делу этому не бывать».

Весна и лето 1919 года были месяцами развертывания сил юга России на фронтах военном и гражданском.

Военные успехи армии перенесли линию фронта далеко на север и запад, и для значительной части территории, освободившейся от боевого хаоса, казалось бы, наступило время водворения порядка и осуществления обещаний, провозглашавшихся главным командованием.

При главнокомандующем вооруженными силами юга России развивало деятельность особое совещание, в состав которого разновременно входили: генерал Драгомиров, генерал Лукомский, генерал Романовский, генерал Санников, генерал Тихменев, Н.И. Астров, М.М. Федоров, В.В. Шульгин, М.В. Бернацкий, Э.П. Шуберский, И.А. Гейман, А.А. Нератов, В.Н. Челищев, Н.Н. Чебышев, В.А. Степанов, К.Н. Соколов, Н.Е. Парамонов, С.В. Безобразов, А.А. Лодыженский, С.Н. Маслов, В.П. Носович, И.П. Шипов.

Центральные управления ведомств из скромных отделов развернулись в подлинные министерства.

Иностранными сношениями ведал А.А. Нератов. Во главе управления финансов стоял М.В. Бернацкий, на которого возлагались большие надежды в смысле упорядочения финансовой системы. Начальником управления юстиции был назначен испытанный судебный деятель, бывший председатель московского съезда мировых судей, а затем судебной палаты, В.Н. Челищев. Ведомство внутренних дел было вверено бывшему прокурору московской судебной палаты Н.Н. Чебышеву, а затем обер-прокурору уголовного департамента В.П. Носовичу, пользовавшемуся в былые времена репутацией непоколебимого законника и недреманного ока.

Узаконения и распоряжения центральной власти, получая почин в ведомствах, проходили путь обсуждения в особом совещании и облекались отделом законов в форму, выгодно отличающую их от недавних законодательных экспромтов властей самого разнообразного калибра и интеллекта.

6 марта 1919 года были учреждены временные положения: о гражданском управлении, об общественном управлении городов,

о выборах городских гласных. Несколько позднее — положения: о государственной страже, о губернских и уездных земских учреждениях и, наконец, о волостном земстве.

Казалось, с внешней стороны бурная река жизни начала вливаться в мирное русло эволюции.

30 мая 1919 года получил силу следующий акт генерала А.И. Деникина:

«Безмерными подвигами добровольческих армий, кубанских, донских и терских казаков и горских народов освобожден юг России, и русские армии неудержимо движутся к сердцу России.

«С замиранием сердца весь русский народ следит за успехами русских армий, о верой, надеждой и любовью.

«Но наряду с боевыми успехами в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий, не останавливающихся перед расчленением великой, единой России.

«Спасение нашей родины заключается в единой верховной власти и нераздельном с нею едином верховном командовании.

«Исходя из этого глубокого убеждения, отдавая свою жизнь служению горячо любимой родины и ставя превыше всего ее счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку, как верховному правителю Русского государства и верховному главнокомандующему русских армий.

«Да благословит господь его крестный путь и дарует спасение России. Генерал-лейтенант Деникин».

После опубликования этого рыцарски-необходимого[87] акта главнокомандующему была представлена, за подписями председателя «Национального центра» М.М. Федорова, председателя Совета государственного объединения России А.В. Кривошеина и председателя Союза возрождения В.А. Мякотина, следующая резолюция, принятая на объединенном заседании этих организаций:

«Пятого июня, собравшись в торжественном объединенном заседании, значительнейшие русские политические организации: Союз возрождения России, Совет государственного объединения России и всероссийский «Национальный центр» засвидетельствовали общее согласие взглядов и полное единодушие в высокой оценке исторического акта, изданного генералом Деникиным 30 сего мая.

«Названные организации, объединяющие в своем составе представителей самых различных партий и групп и имеющие свои разветвления по всей стране, сомкнутым национальным фронтом встречают радостную и волнующую весть о воскрешении Русского государства, как единого Целого.

«Видя в этом событии залог дальнейшего исцеления,

возрождения и преуспеяния России, русские политические организации приветствуют генерала Деникина, в самозабвенном подвиге служения России неуклонно сохранившего идею единства России и провозгласившего ее объединение под властью верховного правителя.

«Политические организации, собравшиеся в настоящем заседании, выражают твердую уверенность, что верховный правитель России, торжественно возвестивший о своем обязательстве довести страну до Учредительного Собрания, имеющего заложить основы новой жизни согласно воле народа, будет приветствован широкими народными массами, как избавитель от тирании большевиков и глава объединенной России, всероссийское же правительство, возглавляемое адмиралом Колчаком, получит санкцию международного признания.

«Да здравствует воскресшая Россия! Да здравствует единое Русское государство и его доблестные вожди, адмирал Колчак и генерал Деникин, взявшие на себя подвиг возрождения России к новой свободной жизни».

На местах и в частности в Ставропольской губернии не менее восторженно был встречен этот акт главного командования, окрылявший надежду, что приближается на смену царившему хаосу какая-то новая грань бытия.

— Потерпите немного, — несколько ранее говорил мне влиятельный член особого совещания Н.И. Астров в ответ на мою информацию, что творится в Ставропольской губ.

— Потерпите немного, скоро все наладится, все образуется…

Но терпеть Ставропольской губернии, неповинной в предательстве на почве личных честолюбий, чуждой каких бы то ни было самостийных стремлений, пришлось очень долго.

Позднее, уже осенью 1919 года, Н.И. Астров, характеризуя соотношение центра и мест, принужден был признать центр работающим без приводных ремней. Власть, поставленная центром на места, была самостийна в своих увлечениях, злоупотреблениях и порой — преступлениях.

И в этом отношении Ставропольская губерния, первозванная, как я уже говорил, под правовую защиту добрармии, являла собою наглядный пример.

В первые месяцы 1919 года в Ставрии, как тогда называли губернию продолжал губернаторствовать П. В. Глазенап, произведенный в генеральский чин после возвращения в Ставрополь.

Правильнее было бы сказать, не губернаторствовал, а командовал губернией, ибо вся иерархическая лестница местной

администрации была выстроена из военных чинов.

Начальниками уездов назначались офицеры, во главе государственной стражи стояли также офицеры, в губернии действовали военно-следственные комиссии[88] и полевые суды, деятельность которых объединялась в лице заведующего судной частью при губернаторе.

В каждом населенном пункте диктаторствовали военные коменданты, примеры деятельности которых я уже приводил выше.

Но генералу Глазенапу казалось и этого мало. С его согласия были сорганизованы особые партизанские отряды имени ставропольского губернатора, слывшие в населении под именем таврическанских отрядов.

История возникновения этих отрядов, насколько мне удалось выяснить впоследствии, такова.

Союз ставропольских землеробов, в котором значительную роль играл бывший председатель союза русского народа, а позднее член-инициатор коммунхоза в селении Ореховском овцевод В.А. Соколов, обратился к главному командованию с предложением организовать из надежного зажиточного элемента местные отряды, которые могли бы быть противопоставлены, в силу своего «классового самосознания», большевистским рабоче-крестьянским отрядам.

Предложение это главным командованием было отвергнуто, но ставропольским командованием, в лице П.В. Глазенапа, принято. Отряды сорганизовались и начали развивать свою деятельность в губернии.

Каков был их состав?

Не берусь ставить всех за одну общую скобку но, по видимому, к одному из действующих лиц этих отрядов относятся следующие слова генерала А.И. Деникина.

— Один оказался пьяницей и садистом и, будучи исключен из армии, впоследствии подобрал шайку, нанялся к ставропольским овцеводам и терроризировал население, пока не был предан суду[89].

Подобрал шайку… но ведь шайка-то эта действовала с ведома ставропольского губернатора.

Каковы были результаты деятельности этих отрядов и им подобных в других местах? Ответ на это находим в следующих строках приказа генерала Деникина от 6 июня 1919 года:

«Крупные успехи армии на фронте омрачились донесениями, что крестьяне освобожденных от большевиков районов начинают изменять свое первоначальное отношение к армии вследствие того, что во многих местах началось при помощи войск

восстановление в правах помещиков».

Телеграмма генерала Деникина на имя командующих армиями от 9 июня 1919 г. говорит о подобном проявлении «военно-классового самосознания» еще более определенно.

«По дошедшим сведениям, вслед за войсками, при наступлении в очищенные от большевиков места, являются владельцы, насильственно восстанавливающие, нередко при прямой поддержке воинских команд, свои нарушенные в разное время права, прибегая при этом к действиям, имеющим характер сведения личных счетов и мести.

«При том смятении и путанице, которые внесены в жизнь гражданской войной и большевистским владычеством, при полном разрушении судебного и административных аппаратов, воинские части не могут принимать на себя обязанности разбираться с должными гарантиями справедливости в спорных правовых взаимоотношениях.

«Власти обязаны в переходное время, впредь до установления законного порядка, предупреждать всякие новые очередные захваты прав, не разрешая прежних споров и не допуская насилия с чьей бы то ни было стороны и во имя чего бы оно ни делалось.

«Урегулирование этого вопроса принадлежит законодательной власти. Насильников как с той, так и с другой стороны буду привлекать к суду. Всякие направленные к тому самочинные, путем насилия, действия отдельных лиц и групп должны пресекаться самым настойчивым образом.

«Иначе порядку не скоро суждено восстановиться; взаимное ожесточение будет расти, авторитет и популярность армии — падать; вместо одного насилия появится другое: население не будет видеть в войсках добровольческой армии избавителей от произвола, а пристрастных заступников за интересы одного класса в ущерб другим».

Когда я, после ликвидации ставропольского кассационного суда, вернулся вновь к обязанностям прокурора, до меня стали доходить сведения о такого рода действиях партизанских отрядов, что я поставлен был в необходимость задать однажды губернатору Глазенапу вопрос:

— Известно ли вам, Петр Владимирович, о действиях в губернии шаек, присвоивших себе название партизанских отрядов имени ставропольского военного губернатора Глазенапа?

— Почему же присвоивших, — спокойно ответил мне генерал Глазенап, — это и есть отряды моего имени.

— В таком случае должен поставить вас в известность, что мною сделано предложение о возбуждении предварительного следствия по одному из дел такого отряда.

— Этому делу не бывать, — пристально взглянув на меня, ответил генерал Глазенап,

Ввиду того, что дело начиналось при таких ауспициях, я подробно доложил об этом прокурору палаты Н.С. Ермоленко, и он обещал мне полное содействие по охране следствия от могущего последовать со стороны военных властей натиска, в связи с возбуждением этого дела.

Выдающийся следователь по важнейшим делам ставропольского суда, В.Н. Яроцкий, закопался на несколько недель в губернию и, вернувшись, вручил мне несколько томов производства по делу об убийстве бр. Макаровых[90], сделав при этом доклад, подтвердивший правильность моего наименования этих отрядов пред губернатором П.В. Глазенапом.

Информатором одного из отрядов состоял В.Н. Соколов, о котором я уже говорил, как об организаторе в более ранние времена союза русского народа в Ставрополе, а в более поздние — коммунхоза в селе Ореховском.

Он же состоял и интендантом по сбору у населения фуража и иного довольствия для нужд отряда. Он же поставлял в контр-разведку на расправу своих недавних товарищей по коммунхозу.

В.Н. Яроцкий, в числе других иллюстраций, привел мне такую картинку партизанских действий по сбору фуража и иного довольствия.

К Ставрополю медленно тянется большой обоз, везущий шерсть[91] в городские склады.

Внезапно и почти одновременно на обоз нападают две вооруженных группы и открывают спор, какая из этих групп первая захватила этот военный приз.

Спор разгорается и принимает настолько острый характер, что единственным выходом из положения является формальное объявление войны. Обе армии рассыпаются цепями и открывают одна против другой, выражаясь языком военных реляций, беглый огонь, а обозчики, по видимому привыкшие к положению подобного рода внезапностей, мирно щелкая подсолнухи, наблюдают с ближайшего пригорка, оружие какого из партизанских отрядов имени ставропольского губернатора увенчает судьба успехом.

Не успел я ознакомиться подробно с производством, как последовало предписание представить дело об убийстве бр. Макаровых в управление юстиции для обозрения, и, пока я оставался прокурором, дело это обратно в мою камеру не вернулось.

VII

Продолжение распада на местах. — Губернатор генерал А.М. Валуев. — Особый агитационный отряд и общества «За Россию». — Дикая дивизия в Святокрестовском уезде. — Власть в селе Благодарном. Медвеженская полиция. — Места заключения. — Восьмилетний каторжанин. — По подозрению в родстве с Троцким. — Тиф. — Меры генерала Валуева.

По соглашению с прокурором палаты было установлено, что мои участковые товарищи прокурора возможно чаще будут объезжать свои районы и представлять мне доклады о положении на местах, я же периодически, в свою очередь, буду представлять сводку этих сведений прокурору палаты.

Генерал-лейтенант А.М. Валуев, заменивший к тому времени генерал-майора П.В. Глазенапа на посту Ставропольского губернатора, был вполне лойялен к действиям прокурорского надзора, не ставил никаких препятствий к раскрытию во всей полноте существующего на местах административного распада и неукоснительно присылал мне на распоряжение накоплявшиеся у него материалы по жалобам на должностные злоупотребления.

В связи с административным неблагополучием, в Ставропольскую губернию был командирован особый агитационный отряд, на обязанности которого лежала пропаганда и закрепление в сознании населения подлинных идей главного командования, не омраченных местной диктатурой.

По мысли С.Н. Сирина, стоявшего во главе отряда, на территории губернии возникла сеть аполитических организаций, именовавшихся обществами «За Россию», лойяльных по отношению к власти, ставивших своей задачей содействие власти по укоренению на местах правовых начал.

Связанный непрерывным общением со многими десятками открывшихся в губернии обществ «За Россию», С.Н. Сирин сообщал власти и мне, как прокурору, обо всех известных ему случаях должностных преступлений и злоупотреблений и в значительной степени содействовал подзаконной борьбе с этими явлениями.

Первая же сводка докладов моих участковых товарищей и материалов по имевшимся у меня сведениям и жалобам дала удручающую картину разложения власти на местах.

В Святокрестовском уезде безнаказанно буйствовала дикая дивизия, способствуя превращению лойяльных до того времени крестьян в зеленых камышанников.

В одном месте чины этой дивизии, ворвавшись в больницу,

оставили после себя несколько десятков трупов. Зарегистрированы были случаи повешения для острастки первых же встречных на улице. Со всех сторон шли жалобы на угон чинами дивизии рабочего скота и лошадей прямо с полей, где производились работы[92].

Во главе уезда стоял полковник Л., признававшийся начальнику особого агитационного отряда, что он не сторонник судебного преследования преступников и предпочитает вместо этой волокиты просто ликвидировать преступников на месте.

В селе Благодарном, уездном центре обширной территории, власть начальника уезда полковника Ч. была на откупу у какой-то полуграмотной женщины и буфетчика уездного притона З., открыто торговавшего у буфетной стойки и напитками и благоволением уездного начальства.

Редкий день я не подписывал предложения о возбуждении, в порядке закона от 11 апреля 1917 года, преследования против чинов государственной стражи по Медвеженскому уезду, притом в таких преступлениях, которые влекли за собою безусловное содержание под стражей.

Места заключения, в которых не утихали эпидемии тифов, были переполнены сверх меры подследственными разведок и комиссий, заставлявших по несколько месяцев ожидать первоначального допроса. При обходе мною мест заключения в Ставрополе обнаружился такой, например, своеобразный титул содержания под стражей: препровождается неизвестный для содержания под стражей, впредь до особого распоряжения, арестованный мною на ст. Гулькевичи. Подпись — поручик такого-то полка. Арестованный делал все зависящее, чтобы выйти из положения неизвестности, опровергая свою безликость имеющимися у него документами, но проехавший станцию Тулькевичи поручик, по видимому, давно забыл об обещанном им особом распоряжении и этим обрек его пребывать в состоянии неизвестности и под стражей многие месяцы[93].

В помещении каторжан я обнаружил восьмилетнего мальчика, приговоренного полевым судом к пятнадцатилетней каторге по подозрению в шпионаже в пользу красных[94]. Там же отбывал наказание присужденный полевым судом к каторге за внебрачное сожительство с родственницей.

Впрочем, указание преступления, влекущего пребывание под стражей, было сравнительно редкостью.

В большинстве случаев подследственные или осужденные присылались органами временной или полевой юстиции при краткой записке без копии определения о заключении под стражу или приговора, иногда просто с лаконическим указанием:

содержать. Поэтому в графе тюремных журналов, требующей указания, по обвинению в чем содержится заключенный, сплошь и рядом значилось: сведений не имеется[95].

За переполнением тюремной больницы сыпно-тифозные размещались в общем тюремном корпусе. Вид камер, превращенных в очаги заразы, представлял собой, поистине, одну из картин Дантова «Ада».

В лучшем случае — на нарах, а в худшем — на голом асфальтовом полу, ютились вповалку больные, в грязном, рваном белье, держа очередь, чтобы хоть плечом прислониться к печи, скудному источнику тепла. При проходе по камерам под ногами хрустели насекомые. Переживавшие кризис, а может быть и последние минуты, больные катались в бреду по полу. Один из них в состоянии бредовой экзальтации при моем появлении заявил мне:

— Прошу, прокурор, ходу моей жалобе не давать, ибо вчера ночью я умер[96].

От тифа погиб начальник тюрьмы С.З. Дейниковский, два его помощника лежали в тифу, несколько надзирателей — тоже. Курсирующие же ежедневно от тюрьмы к кладбищу подводы разгружали переполненную в три раза против комплекта тюрьму, чтобы освободить места новым и новым толпам арестованных, препровождаемых сельскими комендантами, комиссиями и разведками с своими лаконическими записками: содержать!

Я обратил внимание генерала Валуева на это совершенно недопустимое положение. После личного посещения мест заключения им был издан приказ, напоминающий об уголовной ответственности за несоблюдение предписываемых законом гарантий при заключении под стражу, объявлены были правила письменного производства дел в полевых судах, а для обзора и разгрузки дел во временные военное-следственные учреждения были командированы юристы, изнемогшие в этой сизифовой работе.

Власть, даже при искреннем желании бороться с царившей разнузданностью, действовала без приводных ремней и была бессильна в этом жестоком быту своеобразной «диктатуры».

VIII

Убийство Н.Н. Безменова. — Казнь Р.Г. — «Прости, господи, виноватых и не осуди за кровь невинных».

В имении «Николина пристань», близ большого села Петровского, проживали с своими семьями обломки дворянского рода, Николай Николаевич и Иван Николаевич Безменовы.

Имя их когда-то гремело в губернии. В детстве, когда я был частым гостем в семье бессменного ставропольского губернатора Н.Е. Никифораки[97], я знавал в старом губернаторском доме безменовскую комнату, где обычно останавливались братья Безменовы, приезжая из имения с челядью и верховыми лошадьми.

Позднее Безменовы, ведшие тяжбу с соседями и кредитными учреждениями, обеднели.

Имение их, кроме небольшого хуторка «Николина пристань», пошло с молотка, а жизненные удары превратили Н.Н. Безменова сначала в административного ссыльного, а затем, в 1906 году, — в главного подсудимого по большому политическому безменовскому процессу, где он предстал во главе 100 крестьян пред особым присутствием палаты в качестве председателя ставропольского крестьянского союза.

По отбытии трехгодичного заключения в крепости, Н.Н. Безменов вел тихую жизнь хуторянина на своем захудалом хуторке, пока преобразованное в 1917 году земство не призвало его на пост председателя ставропольской Уездной земской управы.

После разгона земства большевиками в 1918 году, Н.Н. Безменов вновь вернулся к себе на хутор и уже не играл никакой роли в протекавших перипетиях борьбы, хотя популярность его среди крестьянского населения была равноценна ненависти окружавших его хуторок соседей — тавричан.

Уже в дни добровольцев, осенью 1918 года, к нему на хутор ворвалась группа военных, выволокла на двор усадьбы, поставила к стенке, но жена Безменова, еще не оправившаяся от родов, умолила на этот раз офицеров пощадить жизнь мужа. Безменова бросили, раздробив ему два ребра и изувечив прикладами.

Жена и ребенок Безменова вскоре после этого случая скончались. Это было еще не все.

Весной 1919 года я получил телеграмму от И.Н. Безменова, умолявшего предотвратить военную расправу над его братом, увезенным офицерами в село Петровское.

Я снесся по телефону с губернатором Валуевым и, когда

прибыл к нему по его приглашению, узнал следующие подробности этого бытового дела.

В Ставропольскую губернию случайно забрела из астраханских степей заблудившаяся часть какого-то полка.

Землевладельцы, во время совместной пирушки с офицерами этой части, жаловались на беспокойное соседство социалиста Безменова. Офицеры распорядились заарестовать Н.Н. Безменова; тут же на залитом напитками столе был написан приказ об учреждении военно-полевого суда и о предании ему Н.Н. Безменова.

Чуть ли не за этим же столом ночью Н.Н. Безменова осудили к повешению и, заняв телеграф и телефон военным патрулем, чтобы весть об этой расправе не проникла в город, наутро Безменова казнили.

После этого заблудившаяся часть вновь откочевала в астраханские степи, скрывшие в своих песках имена участников этого ночного дела.

Вот и все.

Читатель задаст, пожалуй, вопрос: не спутал ли я даты? Может быть это было в дни владычества красных? Может быть эту расправы над обломками дворянского рода, председателем земской управы, сотворила красная банда товарища Трунова?

Нет, это была воинская часть, под предводительством людей, носящих офицерские погоны.

Я срочно донес по телеграфу в управление юстиции об этом деле. Позднее генерал Валуев, рассказывая об этой пьяной шалости прибывшему прокурору палаты, добавил, что окрестные крестьяне совершают паломничество к месту казни Николая Николаевича Безменова.

* * *

Ставропольский хлеботорговец Г. поведал мне в моем прокурорском кабинете следующую печальную повесть.

В разгар большевистского террора на территории кавказских Минеральных вод, его дочь — девушка Р. Г. — бежала с несколькими офицерами оттуда в Ставрополь, уже занятый добровольческими частями.

Ехать приходилось на лошадях через красноармейские кордоны и села, где митинговали красные, призывая население на фронт против белых.

Спасая себя и своих спутников, Р. Г. в критические моменты

выступала на митингах, заявляя себя большевичкой, едущей с товарищами по особо важному поручению. В конце концов она благополучно добралась вместе с офицерами до Ставрополя.

Там, по рапорту своего спутника, офицера Б., она была арестована, предана полевому суду и казнена.

По словам ее отца, в ночь перед казнью в помещение, где она содержалась, явился один из ее судей.

— Что, барышня, скоро подвесят… Страшно, небось? А хорошенькая. Глазки-то какие! Небось, кто-нибудь целовал их? Ну, поцелуй меня…

Через несколько часов Г. была повешена на опушке леса…

* * *

Я знаю, какие упреки по моему адресу может вызвать эта часть моих воспоминаний.

Но когда я взялся за перо, я дал обещание своей совести человека, много верившего, много пережившего, не скрыть ничего из этих ужасов, задавивших своею тяжестью общерусское идейное дело.

Ведь диктатура этого быта была так неотвратимо жизненна, что даже генералу А.И. Деникину в моменты, когда он слышал заглушенный сухой треск одиночных выстрелов, творящих расправу, оставалось только молиться:

— Прости, господи, виноватых и не осуди за кровь невинных[98].

А между тем, эти заглушенные выстрелы наносили смертельные раны не только телу невинно-убиенных, но и самому делу добровольческой армии.

IX

«Он в погонах». — Соблюдение необязательно. — Совещание по вопросу о введении в судах ст. 279 воинского устава о наказаниях.

Следует признаться, что давление военного усмотрения чувствовалось ощутительно, и не всегда можно было предвидеть апельсинную корку, о которую поскользнешься.

Помню, вызванный срочно в Ростов, я получил разрешение коменданта, за отсутствием других служебных мест, занять место в офицерском вагоне.

У входа в вагон офицер, проверявший комендантские ярлычки, потребовал у меня документ о личности. Просмотрев мое служебное удостоверение, он заявил:

— Вас допустить в вагон я не могу.

И обратился к стоявшему за мной претенденту:

— А вы кто такой?

— Капельмейстер такого-то оркестра.

— Пожалуйте.

— Почему же мне тогда нельзя? — спросил я.

— Он в погонах, а вы?

И он недоумевающе-удивленно вздернул плечами.

Против такого аргумента возражать в те времена не приходилось.

Это вскидывание плеч, отягченных погонами, поднималось значительно выше перрона железнодорожного вокзала.

«Собственно, мы, штатские люди, — указывает близкий к главному командованию К.Н. Соколов[99], — никогда не пользовались полноправным положением в системе нашей правительственной иерархии, и наше управление было, по преимуществу, управлением через генералов».

Это управление через генералов властно вторгалось в жизнь гражданских ведомств, в том числе и в ведомство юстиции, — и в те времена, когда во главе юстиции стоял генерал А.С. Макаренко, и когда на смену последнему пришел испытанный судебный деятель В.Н. Челищев.

Ко мне, когда я был прокурором, поступило свыше предложение о возбуждении, с устранением от должности, преследования против председателя александровского съезда мировых судей Ф.Л. Есаулова.

Я принужден был ответить, что затрудняюсь исполнить это предложение в силу существующего порядка, требующего санкции соединенного присутствия сената, предварительно

уголовной репрессии в отношении судей, по классу же должности преследование должно получить инициативу от прокурора палаты.

В ответ я получил разъяснение, что соблюдение этого порядка необязательно, ввиду состоявшейся резолюции генерала А.М. Драгомирова о предании суду и устранении Ф.Л. Есаулова[100].

В эти дни «управления через генералов» стало возможным внесение по предложению свыше на обсуждение общих собраний окружных судов таких, например, вопросов, как вопрос о целесообразности или нецелесообразности существования суда присяжных заседателей.

Прокурор палаты Н.С. Ермоленко рассказывал мне о совещании под председательством, кажется, сенатора Романова, в котором он участвовал по должности прокурора.

Совещанию этому, состоявшему из судебных деятелей, предложено было не больше, не меньше, как обсудить вопрос о возможности применения в гражданских судах смертной казни по ст. 279 воинского устава о наказаниях.

Единодушный отрицательный ответ собравшихся вызвал, как передавал Н.С. Ермоленко, нервное восклицание председательствующего:

— Таким отношением к предложению военных сфер вы ставите, господа, под угрозу и самое существование гражданской юстиции.

Но в судебном ведомстве, к счастью, это давление атмосферы военных обстоятельств все еще встречало сопротивление судейской независимости и преданности судебным уставам 1864 года, что нередко давало повод в военном понимании судейскую независимость подводить под понятие мятежной самостойности.

Г. ПОКРОВСКИЙ. Белая Кубань в начале гражданской войны [101]

Глава I

Сословность и начало революционного движения на Кубани. — Первый кубанский поход и союз с командованием добровольческой армии.

17 марта (нового стиля) 1920 года в Екатеринодар при ликовании окраинного населения победоносно вошла Красная армия. Генерал Деникин и прочие власти юга России[102] выехали заблаговременно. Отступающие войска добровольческой армии и казаков преследовались орудийным огнем. Тащившиеся за отступающими тысячи подвод беженцев, преимущественно калмыков и киргизов, у моста через реку Кубань образовали затор, и часть их походного убогого скарба сделалась добычей победителей.

С падением Екатеринодара закрылась страница небольшой, но весьма поучительной истории южных краевых государственных образований, где зарождался, рос и позорно был разбит генералитет во главе с Корниловым, Алексеевым, Деникиным и другими dii minores[103], и где за это короткое время исторически поддерживаемое падшей российской самодержавной властью экономическое и национально-правовое неравенство местного населения особенно дало себя знать с самой отрицательной стороны.

Как известно, Кубанский край имеет весьма пестрый состав населения: казаки, иногородние и горцы. Казаки, исторически пользовавшиеся привилегированным экономическим и социально-правовым положением, имеют в своих рядах 1.339.430 душ обоего пола; иногородние — 1.646.901 душу и, наконец, туземное население, горцы, — 136.574 души[104].

Казаки делятся на черноморцев и линейцев. Первые — выходцы из Запорожской Сечи. Название черноморцев получили в 1781 году при образовании из них войска. Первоначально это войско было названо «войском верных казаков» в отличие от запорожцев, убежавших при разрушении Сечи в Турцию. Но потом, по роду несения военной службы на Черном море, получили название Черноморского казачьего войска. Что же касается линейцев, то это частью переведенные на Кубань с Дона в конце XVII века, частью бывшее Екатеринославское казачье войско, переселенное на Кубань в 1802 году. Линейцами они называются потому, что служили на пограничной линии с другими народностями, поселенными на реке Кубани. В 1860 году и черноморские и линейные казаки обращены были в одно Кубанское казачье войско, и с тех пор обе части казачества

составили одно общее нераздельное войско, состоящее в одних и тех же условиях военной службы и объединенное единством интересов и политических и экономических. Иногородние, в отличие от казаков, считаются пришлым элементом, распадающимся по административной статистике на три группы:

1) «коренных», имеющих в области собственную землю, 2) «имеющих оседлость», под которыми администрация подразумевала жителей, не обладающих собственной землей сельскохозяйственного значения, имеющих лишь усадебную землю с постройками на них» 3) «не имеющих оседлости», куда относились жители, не имеющие ни собственной земли, ни собственных усадеб.

История происхождения «иногороднего» населения, как и казачества, уходит вглубь седой старины, когда богатые и обширные кубанско-черноморские земли, находившиеся в области казаков, а позднее в ограниченном количестве в обладании николаевских солдат и солдат кавказской армии, все же требовали пришлых рабочих рук. Земельный голод центральной России гнал эти рабочие руки на «косовицу» в Таврию, на Кубань, в «Черноморье». Здесь многие из них оставались, беря землю на обработку. Многие оседали в качестве арендаторов, перетаскивая сюда свои семьи. Однако, благодаря условиям полицейского строя, не переставали числиться крестьянами Рязанской, Тамбовской или другой какой-либо губернии, где они «приписаны» и откуда должны были брать паспорта. Приобретая усадьбы, обзаводясь на новых местах скотом и инвентарем, пришельцы все время числились и числятся «посторонними», а по административной терминологии «иногородними». Числятся и до сих пор, несмотря на то, что многие из «иногородних» успели на Кубани родиться, состариться и ни разу не быть на своей «родине». Поэтому «иногородние» несмотря на свое количественное превосходство — 52 % — были ограничены как в политическом, так и экономическом отношениях. Администрация и суд находились в руках казаков. Из 3.561.344 дес. посевной земельной площади на долю казачьего населения области приходится 2.000.000 дес. (60 %), на долю горцев — 100.000 дес. (2,8 %), а на долю иногороднего населения, самой большой группы, приходится 1.300.000 дес. (37 %)[105].

Экономическое неравенство между казаками и иногородними обнаруживается весьма ясно следующими цифрами:

В 1914 году [2])	У казаков	У иногородн.
На 100 дес. посева приходится всех земледельч. орудий . .	23	15
На одно земледельческое хозяйство приходится голов скота	20,5	7

До революции это неравенство между казачьими и неказачьими сословиями скрывалось за рамками сурового полицейского режима, не было выявляемо ни в области политики, ни в области экономики. Революция разрушила рамки, обнажив не только неравенство, но и стремления казачества удержать свои привилегии, а со стороны иногородних — улучшить свое экономическое и правовое положение.

Борьба между казаками и иногородними то затихала, в момент намерений казачества отказаться от своих сословных привилегий, то, наоборот, с новой силой возрастала, когда это намерение затушевывалось желанием сохранить свои привилегии.

На заре русской революции, в момент общего народного подъема, когда под влиянием падения царизма радостные чувства, охватившие весь русский народ, потопили в себе на время практическо-житейские интересы, 12 мая 1917 года в Тифлисе первое казачье совещание краевого съезда Кавказской армии, обнимавшее собой семь казачьих войск, признало «условия жизни старой казачьей вольницы умершими, обособленные интересы современного казачества привитыми старым режимом искусственно, а посему, — говорится далее в резолюции, — интересы современного казачества общи с интересами крестьян и трудового народа. Будущее устройство казачества приветствовать на общих началах со всем русским народом. Имея в виду остроту земельного вопроса в некоторых станицах, принять общий лозунг: вся земля всему трудящемуся на ней народу». Таково было тогда настроение казачества, в том числе и кубанского.

В апреле 1917 г. в Екатеринодаре собирается единый всесословный «съезд уполномоченных от всех населенных пунктов Кубанской области». Съезд утверждает, вместо упраздненных на местах должностей аульных и волостных старшин, возродившиеся в революционном порядке бессословные гражданские комитеты. Однако, в некоторых местах и тогда уцелели и существовали наряду с гражданскими комитетами старые станичные правления ввиду наличия специально казачьих интересов и казачьих прав. Гражданские комитеты съездом были признаны «высшими органами гражданской власти на местах», а

казачьим станичным сборам была оставлена «компетенция только в вопросах казачьего хозяйства». Высшим областным органом временно съезд признал избранный им областной исполнительный комитет и областной совет. Для заведывания областным казачьим хозяйством казачьей частью съезда — войсковой радой — избрано было войсковое правительство.

Оставление обломков казачьего управления являлось свидетельством силу уклада сословности и подсказывало руководителям иногороднего населения трудность и сложность разрешения социально-экономических вопросов, в частности вопроса земельного, в интересах бессословности. Ища более безболезненного разрешения земельного вопроса, иногородняя часть участков областного съезда тогда же вынесла резолюцию, в которой, единогласно отвергая самовольные запашки иногородним населением казачьих земель, просила президиум съезда «довести до сведения войсковой рады и войсковых частей фронта, что иногороднее население области никаких притязаний к казачьим паевым землям и к казачьему войсковому имуществу предъявлять не намеревается, будучи убеждено, что Учредительное Собрание найдет возможность удовлетворить насущные нужды иногороднего населения области, не нарушая интересов трудового казачества».

Но по мере охлаждения революционного ликования и форсирования «углубления» революции началось расслоение идей в среде иногороднего населения и казачества; резче стали выявляться классовые и сословные интересы. Небольшая часть представителей иногороднего населения на областном съезде не удовлетворилась решением областного съезда — «не предъявлять никаких претензий к казачьим паевым землям и к казачьему войсковому имуществу». Эта часть пошла дальше требования бессословного правопорядка, дальше требования учреждения земельных комитетов по закону Временного Правительства. Впоследствии она признала Советскую власть и, отказавшись от происходившего в декабре 1917 года съезда иногородних, вышла из состава его. В свою очередь, и в среде казачества начали раздаваться голоса об «особенностях» быта и уклада жизни Кубанской области, о неприменимости к условиям местной жизни бессословных земств и земельных комитетов, как они проектировались Временным Правительством. Для казачества ясно было, что с введением на Кубани полного народоправства оно должно лишиться своего привилегированного положения, уступить часть своих и политических и экономических благ иногороднему населению. Отсюда-то идет начало антагонизма между казачеством и иногородним населением, существующего

исторически ранее и заглохшего в момент общего революционного подъема.

Разрыв назревал неизбежно. И разрешился он в 1917 году, в июльскую сессию областного совета. Казачья часть членов совета вышла из его состава, образовала свой Кубанский войсковой совет. За этим выходом последовал выход казаков из состава членов областного исполнительного комитета. И пользуясь большей организованностью казачества в сравнении с иногородними, кубанский войсковой совет 4 июля 1917 года властно объявляет, что «так называемый областной исполнительный комитет отныне не существует», хотя в то же время выражает пожелание ввести на Кубани бессословное земство.

Этот акт фактически передал власть казацкому войсковому правительству в Екатеринодаре и возродившимся старым сословным органам — станичным правлениям на местах. Но чтобы затушевать происшедшую реставрацию дореволюционного порядка, кубанский комиссар Временного Правительства казак К.Л. Бардиж санкционировал этот акт, как закономерный, и в спешном порядке издал циркуляр, в котором разъяснял населению, что это сделано в тех целях, чтобы «население могло спокойно продолжать великую организационную работу, направленную на укрепление нового демократического строя и на подготовку к Учредительному Собранию».

Само собой разумеется, что суть заключалась не в «спокойствии продолжения великой организационной работы», а в сословных интересах казачества, в целях закрепления которых руководители казачества начали выдвигать мысль об организации юго-восточного союза казачьих областей и вести переговоры с Доном и Тереком, кстати сказать, переживавшими, за малым исключением, аналогичные фазы[106].

В сентябре того же 1917 года казачья краевая рада официально признает принцип федерации, обходя гробовым молчанием вопрос о всесословном земстве. В октябре ею создается первая конституция Кубанского края: «Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае», в которой уже без всяких оговорок закрепляется сословный характер государственного строя на Кубани, и иногородние в этой конституции рассматриваются, как неправомочная часть населения.

Вызов был брошен. Завязалась борьба между казачеством и иногородними. В среде последних под влиянием этого вызова создалась весьма благоприятная почва для роста большевистского настроения. В ноябре того же 1917 года созывается областной

съезд иногороднего населения для выявления его мнения. Областной исполнительный комитет иногороднего состава, созывая этот съезд, обратился к населению с воззванием, в котором объявлял: «В течение всего времени своего существования, начиная с мая месяца и до сего времени, областной исполнительный комитет напрягал все силы и принимал все меры к тому, чтобы все население области было объединено едиными для всего населения органами самоуправления. Но, к сожалению, все его попытки, все его усилия ввести на Кубани демократическое бессословное управление разбивались об упорное сопротивление некоторых кругов казачества и его представителей. В настоящее время краевая рада, несмотря на пожелание войскового совета, выраженное в его постановлении от 4 июля, ввести на Кубани бессословное земство на самых демократических началах, даже не сочла нужным рассматривать проект этого земства, а самочинно провозгласила федерацию с управлением, основанным исключительно на представительстве «коренного населения», лишив при этом, вопреки существующим законам, полуторамиллионную массу иногороднего населения неотъемлемого права представительства в органах управления. Областной исполнительный комитет, стоя на страже законности и свобод, завоеванных революцией, считает своим долгом созвать областной съезд всего иногороднего населения в области, дабы оно могло выразить волю свою и отношение к постановлениям рады».

Воля и отношение съезда иногородних к новеллам казачества определились далеко не в мирном тоне. Иногороднее население не могло помириться с совершившимся. Настаивая на скорейшем проведении в жизнь бессословного демократического земства и земельных комитетов «для подготовки материалов к решению земельного вопроса», съезд осудил решение казачества ввести в жизнь без санкции Всероссийского Учредительного Собрания, захватным правом, форму федеративного правления и вместе с тем категорически заявил, что «войсковая рада, не выражая собою волю всего населения Кубанской области, не может создавать никаких проектов гражданского управления и самоуправления в области, обязательных для всего населения».

Государственный переворот в Петрограде, бурливо катящиеся волны большевизма, угрожающие захлестнуть Кубань, наконец, протест иногородних, в среде коих создавалась почва для большевистских настроений, — все это побудило руководителей казачества идти на компромиссное решение. К концу ноябрьского съезда между иногородними и казаками в целях примирения

была образована согласительная комиссия, работа которой закончилась выработкой трех основных положений: 1) население Кубанской области, впредь до издания Всероссийским Учредительным Собранием основных законов для государства Российского, создает органы местного самоуправления и управление как в пределах области, так и в пределах организующегося юго-восточного союза самостоятельно; 2) безотлагательно создает бессословные органы местного самоуправления на демократических началах, но с одногодним цензом оседлости в области для приобретения активного избирательного права[107], и 3) до введения постоянного положения о самоуправлении состав станичной администрации и станичных сборов обновляется привлечением в них представителей от иногороднего населения на пропорциональных началах. Кроме того, по предложению законодательной рады решено было ввести трех представителей от иногородних в состав краевого правительства.

Но примирения не состоялось. Работа согласительной комиссии, правильно понявшей необходимость единения, не получила одобрения законодательной рады. Это обстоятельство еще более углубило рознь между казачеством и иногородними, прибавив последним излишнее раздражение, горечь и чувство обиды. Руководители казачества, в частности избранный 11 октября первый выборный атаман полковник Филимонов, толкая казачество на разрыв, надеялись, с одной стороны, на помощь юго-восточного союза Дона, Кубани и Терека, в котором казачество должно было занимать господствующее положение, с другой, на устойчивость казачества на германском и турецком фронтах. Филимонов надеялся, что кубанские казацкие части, возвращение с фронта коих ожидается, станут на защиту казачьих сословных интересов, и грозовая туча большевизма пронесется мимо Кубани[108]. Однако расчет оказался весьма ошибочным: прибывающие военные казацкие части не оправдали надежд руководителя казачества. Экономическое неравенство в среде самого казачества[109] и отчаянная большевистская демагогия о немедленном предоставлении «мира, хлеба и свободы» сделали свое дело — казаки разлагались. Получилось тревожное известие, что 39-я пехотная дивизия, идущая с кавказского фронта, самочинно хочет явиться в Кубанскую область и захватить в свои руки власть.

Таким образом, гроза политической бури уже нависла в воздухе, проявляя время от времени жуткие симптомы, и тем не менее близорукие руководители казачества упорно держались за свои сословные привилегии. Краевое правительство совместно с

атаманом Филимоновым срочно обратилось с просьбой к главнокомандующему Кавказской армией генералу Пржевальскому не допустить прибытия на Кубань 39-й пехотной дивизии. Пржевальский, бессильный задержать злополучную дивизию, в целях помощи кубанцам отпустил батальон надежных кубанских пластунов, при помощи коих кубанцы могли бы обеспечить себя от вторжения в пределы Кубани 39-й дивизии. Однако, пластуны отказались от выполнения задачи, поставленной кубанским правительством, и ставка на пластунов была проиграна. Также проигрывались ставки и на рядовое казачество, отказывавшееся выполнять распоряжения правительства и войскового атамана. «Казачество зашаталось, разделилось. Появились два лагеря: отцы и дети. Последние рвались к чему-то новому»[110].

Наряду с этим, разрыв казачества с иногородними вызвал бурю негодования в среде последних. По адресу руководителей казачества посыпались упреки, протесты со стороны политических партий, городских дум, общественных и профессиональных организаций[111]. Протесты исходили даже из среды молодого фронтового казачества, выразившего на декабрьской сессии рады желание разрешить вопрос об иногородних путем компромиссов и заявивших, «что иногородние — наши братья, и что они должны пользоваться такими же правами, как и мы, казаки»[112].

Чувствуя дыхание большевизма и свою изолированность от иногороднего населения, части казачества, политических партий, общественных организаций и городских дум, руководители казачества вынуждены были итти на уступки по вопросу об иногородних. На совместном заседании рады и съезда иногородних (с 13 по 21 декабря 1917 года) вновь наметились пути соглашения, по которым Советская власть не признается, конструкция центральной власти всецело предоставляется воле Всероссийского Учредительного Собрания. Идея немедленного признания федерации без воли Учредительного Собрания на время была оставлена; краевое правительство и законодательная рада создавались на паритетных началах между иногородними и казачеством; утверждены были и приняты отвергнутые ранее постановления ноябрьской согласительной комиссии, с изменением ценза оседлости для активного избирательного права при выборах в бессословные органы местного самоуправления до двух лет. 25 января 1918 года сорганизовалось новое правительство: пять членов правительства от казаков, пять от иногородних и один от горцев. Иногородние, понимая причины уступок руководителей казачества, при входе в состав вновь

избранной законодательной рады и правительства потребовали реальных гарантий прочности соглашения в виде отмены права veto войскового атамана, как лица по инструкции обязательно принадлежащего к казачьему сословию, а в данный момент персонально не сочувствующего соглашению. Нужно ли говорить, что верхи казачества рассматривали такие притязания иногородних, как разрушение «казачьей власти», как узурпацию власти казачества, забывая, что с момента подписания соглашения такой власти уже не существовало и не должно было существовать.

«В законодательную раду вошло половинное число от иногородних на равных правах с казаками, — говорит войсковой атаман Филимонов, — были призваны и иногородние к управлению. Лично я не верил в этот компромисс, в этот паллиатив, но так угодно было раде… и новая законодательная рада начала, по моему мнению, разрушать казачью власть. Так, в организацию власти было внесено новое существенное изменение, умаляющее власть войскового атамана. От войскового атамана в этой компромиссной законодательной раде было отнято право veto, т.-е. право протеста против решений законодательной рады, не отвечающих интересам войска. Была изменена самая сущность атаманской власти. После этого власть атамана сводилась в смысле административного управления к нулю[113]. А председатель правительства Л.Л. Быч стремления иногородних, кстати сказать, одобренные большинством законодательной рады и принятые, считал вопросом «верховенства» иногородних, стремлением последних «взять власть в свои руки из рук казачества»[114].

При таких условиях работа нового правительства не налаживалась. Да и поздно было ее налаживать: под Энемом и Афинской, в 10–12 верстах от Екатеринодара, уже грохотали пушки приближающихся большевиков. Дни паритетной власти были сочтены. 28 февраля 1918 года в Екатеринодар вступили большевики, вытеснив из него кубанское краевое правительство, ушедшее в глубь области вместе с радой в первый исторический поход.

Кубанский поход, продолжавшийся с февраля по август 1918 года, действительно может считаться одной из героических страниц истории жизни Кубани. В то время когда станица за станицей захватывались большевиками, когда бросавшие германский и турецкий фронты вооруженные по последнему слову техники солдаты врывались в пределы Кубани и восстанавливали Советскую власть, обещавшую рай земной, когда большевизм охватил целые отделы (уезды), окружая кольцом

Екатеринодар, — горсточка почти безоружных храбрецов во главе с законодательной радой, правительством и войсковым атаманом покидает Екатеринодар с единственной целью борьбы с большевизмом. Блуждая по станицам, горсточка ощупью, случайно, сталкивается с отрядом Корнилова и Алексеева — зародившимся ядром добровольческой армии, — подают друг другу руки и заключают договор, который связывает их судьбу и определяет всю внешнюю и внутреннюю политику кубанцев вплоть до второго, позорного, неудачного кубанского похода.

По этому договору «ввиду прибытия добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления тех задач, которые поставлены кубанским правительством (борьба с большевизмом), для объединения всех сил и средств, признается необходимым переход кубанских правительственных отрядов в полное подчинение генерала Корнилова, которому предоставлено право реорганизовать отряды, как это будет признано необходимым. Законодательная рада, войсковое правительство и войсковой атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям командующего армией. Командующий кубанскими войсками с его начальником штаба отзывается в состав правительства для дальнейшего формирования постоянной кубанской армии»[115].

После ряда совещаний законодательной рады и правительства, в целях связи и испрошения материальной помощи, посылаются делегации на Украину и Дон. Кроме того, с информационной целью шлется делегация и к немцам, господствовавшим на юге России. Дон и Кубань, установив существующую между ними границу, обязались оказывать друг другу содействие. Далее было признано, что основная задача договорившихся сторон — борьба с большевизмом и анархией во всех ее проявлениях сначала на территориях Кубани и Дона, в дальнейшем в пределах всего Северного Кавказа. Для осуществления этой задачи должен быть учрежден совместный совет, в обязанности которого входила бы разработка плана борьбы с большевизмом и ведение общего руководства военными операциями. И, наконец, в последнем пункте этого соглашения говорилось о необходимости создания на юге России прочного государственного образования на федеративных началах, в состав которого должны войти и Дон и Кубань, как полноправные члены федерации.

Первые пункты этого договора были выполнены: большевики были вытеснены из пределов Северного Кавказа усилиями казачества совместно с добровольческой армией. Что касается создания на юге России прочного государственного образования

на федеративных началах, то вопрос о юго-восточном союзе, хотя был все время предметом обсуждения политических деятелей, в конце концов повис в воздухе и решен окончательно не был. Первое время осуществлению идеи союза мешал целый комплекс причин: невозможность обсуждения и подписания договора некоторыми из образований в условиях военно-походной обстановки; трения, возникшие по этому поводу между атаманом Филимоновым и законодательной радой с правительством, наконец, осторожность кубанцев, с которой они подходили к разрешению данного вопроса в виду различия ориентаций у Дона с Кубанью. Дон, во главе которого стоял войсковой атаман генерал Краснов, ориентировался на немцев, пребывавших в Ростове и фактически являвшихся хозяевами Дона. Кубань, связавшая свою судьбу с добровольческой армией, инспирируемая последней, ориентировалась на Антанту. Впоследствии же, когда владычество немцев на юге России пало и вместе с ними пала и немецкая ориентация, когда вследствие этого неизбежно померкла звезда генерала Краснова, ставленника немцев, и последний получил отставку, — осуществлению идеи юго-восточного союза противилось главное командование добровольческой армии, выкинувшее лозунг «великой, единой, неделимой России», смысл которого практически выявлялся в стремлении максимума реставрации дореволюционного политического и социального строя, не приемлющего федерацию.

Насколько ориентация была решающим моментом, можно судить по такому частному и мелкому случаю, как посылка делегации к немцам с информационными целями. Эта посылка послужила одним из поводов кубанскому атаману Филимонову сделать попытку изменить конституцию, предоставляющую широкие права законодательной раде в ущерб его власти, как атамана. В ст. Мечетинской 30 мая атаман Филимонов, инспирируемый все тем же главным командованием добровольческой армии, собирает офицеров, жалуется им на свое бесправие, как атамана, говорит об отнятии у него прав законодательной радой и паритетным правительством. По адресу членов законодательной рады и паритетного правительства из среды некоторой части офицерства раздались угрозы вроде: «Давно бы их нужно перебить, переколоть» и т. п. Эти трения в среде самой кубанской власти далеко не способствовали разрешению вопроса конституционного характера, в который вклинивался вопрос об ориентации. Кроме трений, принятию кубанцами проектируемого юго-восточного союза мешало еще слишком усердное и настойчивое желание немцев видеть этот союз.

Как сказано выше, немцы являлись фактическими хозяевами Дона. В Новочеркасске находились представители германского командования, немецкие офицеры — ротмистры Фрейберг и Энгельс. В Ростове находился присланный генералом Гинденбургом майор Баккенгаузен. Действуя через своего ставленника, генерала Краснова, немцы усиленно торопили последнего довершить организацию юго-восточного союза, что Краснов по мере возможности и делал. Расчеты немцев были ясны: на востоке России образовался чехословацкий фронт; на итальянском и французском фронтах к этому моменту немцы с австрийцами понесли тяжелое поражение; на Украине, находившейся под пятой немцев, начали вспыхивать восстания, заставлявшие немцев усиливать количество оккупационных отрядов, — все это весьма беспокоило немцев и заставляло опасаться активных действий казаков, успешно борющихся с большевиками. Необходимо было войти с ними в контакт и обезвредить их, создав на юге онемеченной Украины «молодое самостоятельное государство» наподобие Украинской республики. В этих целях 28 июля генерал Краснов в Новочеркасске, в атаманском дворце, под своим председательством устраивает собрание представителей казачьих территорий, на котором и излагает идею образования казачьего союза[116]. Ввиду того, что часть собрания нашла заключение договора излишним, ибо заключенный ранее союзный договор между Доном и Кубанью по борьбе с большевизмом действует, собрание не пришло ни к какому заключению. И так как кубанцы особенно были против такого союза, то в процессе обсуждения разгоряченный генерал Краснов бросает фразу о невозможности создания юго-восточного союза, так как кубанцы не хотят его организации. Последствием такой фразы был визит к генералу Краснову уполномоченного Кубанского краевого правительства при правительстве Всевеликого войска Донского П.Л. Макаренко, намеревавшегося заявить генералу Краснову, что «кубанцы не являются противниками идеи юго- восточного союза, но воплощение ее в жизнь в спешном порядке при настоящих условиях не является приемлемым». Визит не увенчался успехом из-за отъезда ген. Краснова[117].

4 июля вновь состоялось заседание в Новочеркасске, в атаманском дворце, под председательством ген. Краснова[118]. Присутствовавший на этом заседании уполномоченный Кубанского правительства П.Л. Макаренко делает заявление: 1) что его «присутствие не санкционирует от имени Кубани тех решений и постановлений, которые могут быть приняты собранием»; 2) что он может «участвовать в дебатах о юго-

восточном союзе, если вся дальнейшая работа является развитием переговоров и решений по этому же вопросу, которые велись и были приняты кубанским и донским правительствами». Наконец, по заслушании первой части декларации союза, уполномоченный П.Л. Макаренко вновь делает официальное заявление, что «кубанское правительство и атаман оставляют за собой право соглашаться или не соглашаться с текстом декларации в целом; или внести в нее те или иные изменения и поправки как по существу, так и в деталях»[119].

Заявление П. Л. Макаренко вызвало желание большинства членов собрания обязать кубанское правительство определенным сроком дать свое заключение по существу обсуждаемого вопроса. Но и здесь представитель Кубани не связал себя никаким ограничением времени, заверив лишь собрание, что «кубанское правительство, как и донское, является самым искренним и горячим сторонником организации на юге России прочного государственного образования»[120].

Проект образования юго-восточного союза был выработан и 8 июля 1918 года доставлен П.Л. Макаренко при официальной бумаге. А позднее тот же майор Баккенгаузен в официальном разговоре с П.Л. Макаренко высказывал свое искреннее желание и радость видеть Кубанскую область самостоятельным государством во всех отношениях и, конечно, вступившим в организуемый юго-восточный союз[121]. Не лишен интереса самый проект союза, который мы и приводим полностью с предшествующей последнему правительственной декларацией, обращенной к П.Л. Макаренко.

«Под тяжестью ударов судьбы, обрушившихся на нашу родину, в видах сохранения своей независимости, благополучия, достояния и общности интересов близких по духу народов, населяющих юго-восток, с октября 1917 года мы провозгласили себя юго-восточным союзом, пребывая в уверенности, что общими усилиями союз этот сумеет противостоять наступающим темным силам, поправшим все божеские и человеческие законы. Начавшаяся борьба с большевиками дала временный успех последним. Ныне господь благословляет успехом наше оружие: край наш ожил. Однако, имея в виду, что для похода в наши степи и горы готовятся новые полчища, и в видах государственной необходимости, атаманы Всевеликого войска Донского, войска Кубанского, войска Астраханского, войска Терского и представителя Союза горцев Северного Кавказа, беря на себя всю полноту верховной государственной власти, настоящим провозглашают суверенным государством Доно-Кавказский союз. Объявляя об этом, просим вас, милостивый

государь, передать вашему правительству нижеследующее:

1. Доно-Кавказский союз состоит из самостоятельно управляемых государств: Всевеликого войска Донского, Кубанского войска, Терского войска, Астраханского войска и Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана, соединенных в одно государство на началах федерации.

2. Каждое из государств, составляющих Доно-Кавказский союз, управляется во внутренних делах своих согласно с местными законами на началах полной автономии.

3. Законы Доно-Кавказского союза разделяются на общие для всего союза и местные, каковые каждое государство имеет свои.

4. Доно-Кавказский союз имеет свой флаг, свою печать, свой гимн.

5. Во главе Доно-Кавказского союза стоит верховный совет из атаманов (или их заместителей) донского, кубанского, терского, астраханского и главы Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана, избирающих из своей среды председателя, который и приводит в исполнение постановления верховного совета.

6. При верховном совете периодически собирается не менее раза в год сейм представителей от населения государств, входящих в Доно-Кавказский союз.

7. Сейм собирается распоряжением верховного совета, объявленным через его председателя, и вырабатывает общегосударственные законы, утвержденные верховным советом.

8. Доно-Кавказский союз имеет общую армию и флот. Командующий всеми вооруженными силами союза назначается верховным советом.

9. Доно-Кавказский союз имеет следующих общих министров, назначаемых верховным советом: иностранных дел, военного и морского, финансов, торговли и промышленности, путей сообщения, почт и телеграфа, государственного контроля и государственного секретаря.

10. Временной резиденцией правительства Доно-Кавказского союза объявляется г. Новочеркасск.

11. Доно-Кавказский союз имеет общие: монетную систему, кредитные билеты, почтовые и гербовые марки и общие тарифы: железнодорожные, таможенные и портовые, а также почтовые и телеграфные.

12. Доно-Кавказский союз, провозглашая себя самостоятельной державой, объявляет вместе с тем, что он находится в состоянии нейтралитета, не будучи в положении войны с какой-либо державой мира, борется лишь с большевистскими войсками, находящимися на его территории.

13. Доно-Кавказский союз намеревается и впредь

поддерживать мирное отношение со всеми державами и не допускать вторжения на свою территорию никаких войск, хотя бы для этого пришлось отстаивать интересы свои и своих граждан вооруженной силой.

14. Доно-Кавказский союз настоящим изъявляет свое намерение вступить в торговые и иные сношения с державами, которые признают его державные права.

15 Границы Доно-Кавказского союза очерчиваются на особой карте, при чем в состав территории входят Ставропольская и Черноморская губернии, Сухумский и Закатальский округа и, по стратегическим соображениям, южная часть Воронежской губернии со станцией Лиски и городом Воронежем, а также часть Саратовской губернии с городом Камышиным, Царицыным и колонией Сарепта.

16. Доно-Кавказский союз выражает уверенность, что образование его будет благоприятно принято всеми державами, заинтересованными в его существовании, и что они не замедлят прислать своих представителей, равно как и союз не замедлит послать свои дипломатические миссии к признавшим его державам».

Однако, кубанцы дело организации союза тянули. С одной стороны, от вступления в союз удерживало их слишком прозрачное просвечивание интересов немцев в создании Доно-Кавказского союза и их подозрительное и недоверчивое отношение к немцам, а с другой, кубанцы, связав свою судьбу с добровольческой армией, ориентирующейся на союзников, не желали порывать этого союза, который давал хорошие результаты: Кубань постепенно освобождалась от большевиков. Посланная на Украину делегация кубанцев добывала нужные снаряды и орудия, и немцы этому не препятствовали. Наконец, к этому времени немцы высаживают десант на Таманском полуострове в самой Кубани, хозяйничая, арестовывают там кубанского генерала Борисевича, делегированного на Тамань кубанцами, — все это способствовало тому, что кубанцы умышленно уклонялись от создания Доно-Кавказского союза, а на Таманском полуострове казаки восстали против немцев и очистили от них полуостров. Таким образом, все хлопоты немцев, действовавших через генерала Краснова, мнящего себя главой нового крупного государственного образования, не увенчались успехом.

Хозяйничая на Дону, немцы через ротмистров Фрейберга и Энгельса вели с казаками переговоры по ликвидации группы большевиков, занимавшей Батайск, о пропуске большевиков, сгруппировавшихся на Кубани, в Северную Россию, о взятии

Царицына. В целях скорейшего и наиболее успешного разрешения первого вопроса немцами признано было необходимым соединить немецкие и донские силы под общим командованием, при чем генерал Кнерцер будет на положении командующего корпусом, а ростовский градоначальник, генерал Греков, — на положении командира дивизии. Предположено взять город Азов и город Ейск и оттеснить большевиков на линии реки Ей. На-ряду с этим находящийся в Ростове уполномоченный генерала Гинденбурга майор Баккенгаузен вел дипломатическую политику и особенно интересовался зародившейся тогда добровольческой армией, о которой немцам только еще стало известно. Небезынтересен доклад генерала Краснова совету управляющих донского правительства о разговоре его, Краснова, с упомянутым Баккенгаузеном.

Баккенгаузен. Под чьим командованием находится и кому подчиняется, добровольческая армия?

Краснов. Действует самостоятельно. Донскому правительству не подчиняется. Иногда действует во вред Дону, — например, оголила фронт, уйдя из ст. Кагальницкой и Мечетинской[122].

Баккенгаузен. Какой состав?

Краснов. Двенадцать тысяч, из коих 75 %, казаков.

Баккенгаузен. На какие средства содержится?

Краснов. Средств союзники не дают. Донцы сначала давали, но с уходом добровольческой армии с донской территории вопрос о помощи остается открытым.

Баккенгаузен. Не верю. Генерал Алексеев должен придерживаться союзнической ориентации. Как комплектуется офицерский состав добровольческой армии?

Краснов. Без участия донского правительства. Иногда нельзя проверить, действительно ли поступающий есть офицер и каких убеждений. Среди офицерства раскол: отряд Дроздовского хочет уйти и поступить на службу или к Донскому или к Астраханскому войску.

Баккенгаузен. Можно ли организовать на Дону, на германские деньги, монархические офицерские отряды?

Краснов. На Дону их формировать неудобно, но на границах Дона можно, например, в Богучарском уезде[123].

Баккенгаузен. На границах Дона немцами устраивается ряд артиллерийских складов. Потребуется ли что-либо для Дона?

Краснов. Да, потребуется. Наш генеральный штаб представит списки[124].

Генерал Краснов, надеявшийся сорганизовать юго-восточный союз и от союза уже отправить посольство в Берлин, благодаря

упрямству кубанцев и несогласию других представителей, надежду эту теряет и решает отправить в Берлин, а также и в Киев письмо с особой делегацией в составе герцога Лейхтенбергского, полковника Кунакова и одного представителя от торгово-промышленного класса[125]. Выбор на герцога Лейхтенбергского пал по указанию генерала Эйхгорна, как на отдаленного родственника германского императора Вильгельма II. Посылая Лейхтенбергского, генерал Краснов надеялся на большую удачу в виду родственных отношений[126].

В отличие от Дона, кубанцы готовились к борьбе или, в крайнем случае, к ограждению себя от возможностей вторжения немцев на Кубань. Еще в апреле месяце, в станице Мечетинской, отрезанные от всего остального мира бушующими волнами большевизма, кубанцы, когда узнали, что немцы намерены продвигаться на юг, и не имея реальных сил этому воспрепятствовать, в совместном совещании рады, правительства, атамана и высшего командного состава добровольческой армии решили держаться следующей тактики: Если немцы пойдут на Кубань, то нужно сделать их пребывание на Кубани возможно менее болезненным для населения. Поэтому не исключается возможность разговоров с ними от имени правительства и выставление известных условий, как временного сожительства. Однако, немцы не пошли в глубь Кубани. Они ограничились занятием ее западной части — Таманского полуострова, необходимого им для охраны Керченского пролива, но и отсюда вскоре были вытеснены восставшими кубанскими казаками.

В той же станице Мечетинской был решен вопрос и об отношении кубанцев к Украине. Идея федерации с Украиной в раде возражений не встретила, ибо это было признано средством избавиться от включения Кубани в территорию Советской власти, на чем чрезвычайно упорно настаивал тогда Раковский в переговорах с Украиной о мире. Делегированный на Украину Н.С. Рябовол и др. подали мирной конференции меморандум, в котором от имени Кубани заявили, что никогда Кубань не признавала Советской власти, ведет с ней борьбу, объявила себя свободной и независимой, и просили Украину при заключении договора с Советской властью иметь в виду Кубань, как не находящуюся во власти большевиков.

ГОППЕР. Белогвардейские организации и восстания внутри Советской Республики [127]

Глава I. В Москве. (Февраль 1918 г.)

В конце января 1918 г. я приехал из Петрограда в Москву с небольшой группой офицеров, собранной в Петрограде для активной защиты Учредительного Собрания. 13 декабря 1917 г. для этого в Петрограде собралось около 120 бывших офицеров латышских стрелковых полков с целью поступления на должности командиров взводов и отделений в те полки, которые обещали защищать Учредительное Собрание. Но в решительный момент эти полки от своего обещания отказались, и нам пришлось распустить собранных офицеров, ибо средств для их содержания вовсе не имелось. Субсидировавшему нас Т.И. Чайковскому с большим трудом удалось собрать небольшую сумму на наш отъезд из голодного Петрограда. Большая часть офицеров разбрелась, небольшой процент поехал на Дон и Украину и только несколько человек вместе со мною выехало в Москву.

В Москву я приехал без определенной цели, собственно говоря, решив уехать в Сызрань к семье, и в Москве остановился лишь для розысков полковника Фридриха Брэдиса, бывш. командира 1-го лат. стр. полка, чтобы получить от него подробные сведения о положении в Москве и о его намерениях, так как он собрал в Москве около 40 офицеров своего полка. Полковник Брэдис верил, что в Москве удастся сформировать сильную офицерскую организацию, которая сумеет очистить древнюю столицу от большевиков и протянуть руку генералу Алексееву. Познакомившись с его намерениями, я решил остаться в Москве и работать вместе с ним. До начала февраля Брэдису удалось найти в Москве до 12-ти разных офицерских организаций, большая часть которых только что начала организовываться. Наша цель была связаться с наисильнейшей из этих организаций или даже войти в одну из них отдельной группой и приложить все силы для объединения разных организаций, создания общего центра и выработки общего плана деятельности. Для этой цели мы посетили известного кадетского деятеля, присяжного поверенного К., которому генерал Алексеев доверил представительство в Москве.

Наша группа к середине февраля разрослась до 60 человек офицеров. Средств у нас никаких не было. Некоторые из офицеров имели в Москве родственников, у которых и находили квартиру и содержание. Некоторым удалось найти службу, по большей части места сторожей; им приходилось дежурить и часто исполнять обязанности швейцаров, получая за это маленькую комнатушку, иногда и пищу, и в очень редких случаях —

мизерное жалованье. Но большая часть офицерства все таки была без работы, и им приходилось устраиваться в одной маленькой комнате по 4–5 человек, приобретая средства существования самым тяжелым трудом. В марте одна из таких групп работала больше восьми недель по разгрузке угля. Работая сдельно, можно было заработать около 30 рублей в день, и в то время эта плата считалась хорошей. Но оставаться дальше в таком положении было весьма трудно, и потому начался разброд этих групп, ибо каждого, которому удавалось найти хоть сколько нибудь подходящую работу, можно было считать потерянным для организации. В виду этого наибольшей нашей заботой было отыскание средств для укрепления организации. Мы обратились к адвокату К., но при первой встрече он хотя и согласился с нашим проектом об объединении и обещал созвать совещание представителей организаций, но на получение от него денежных средств рассчитывать не приходилось. Он утверждал, что он — единственный человек в Москве, снабжающий деньгами, но что он принципиально против субсидирования, так как в этом отношении имеет кое-какой опыт. Он в свое время выдал больше чем тысяче офицеров средства для поездки к ген. Алексееву на Дон, но из этой тысячи уехало не больше ста человек. Остальные остались спокойно жить в Москве или уехали в другие места, и потому К. уезжающим в Донскую область офицерам теперь выдавал только билеты на поезд. Финансирование московских организаций К. считал возможным только тогда, если удастся создать настолько сильные и объемистые организации, что с ними можно будет освободить Москву от ига большевиков. На следующей неделе было созвано три заседания в конспиративных квартирах. Целью этих заседаний было выяснить количество уже сорганизованной силы, организовать центральный штаб, выяснить, на какие силы можно рассчитывать в следующие месяцы и после этого, если собранных сил будет достаточно, выработать план захвата Москвы. При подсчете цифр, поданных представителями разных организаций, получились вполне удовлетворяющие результаты, тем более, что в то время в Москве большевики имели совсем ничтожное количество войск. Но мы не были уверены, существует ли в действительности в каждой организации столько людей, сколько числится в списках, ибо были случаи, что одно и то же лицо числилось в списках двух разных организаций. Поэтому решили подробно проверить количество членов каждой организации.

Мне пришлось проверить две группы: одну — в Замоскворецком районе и другую — в районе Красных ворот. Результат оказался весьма плачевным. В одной из групп, в

которой на бумаге числилось 60 человек, мне удалось найти только четырех, во второй группе, в которой по списку числилось более 100 человек, я нашел только 20. На следующем заседании объединенных организаций оказалось, что такие же результаты получились и при обследовании остальных групп. Таким образом, результаты проверки окончательно подорвали нашу веру и ожидания. Вместе с тем открылись еще новые неожиданные обстоятельства. На одном из заседаний нашего центрального штаба появилось два члена боевой организации социалистов-революционеров. Оба эсера были офицеры, и все-таки большая часть членов нашего штаба держалась по отношению к ним весьма враждебно; хотя эсерам разрешили сделать доклад, но после того дали им понять, что они здесь лишние. Когда я высказал удивление по этому поводу, то один из главных членов нашего штаба ответил мне вопросом: не принадлежит ли и латышская группа к эсерам?

До этого времени я был уверен в том, что все силы русского народа могут и должны общими силами бороться против немцев и большевиков, что только таким образом мы добьемся успеха и что окончательное слово на Руси будет за Учредительным Собранием, в которое войдет и партия эсеров. Но случай, переданный выше, дал мне понять, что многие считают общую борьбу под одним знаменем с эсерами невозможной.

На одном из собраний неожиданно выяснилось еще одно обстоятельство. Представитель «организации Прилукова» объявил нам, что из Берлина только что вернулась наша делегация во главе с одним из бывших царских министров, которая будто бы заключила с Германией секретный мирный договор, при чем условия этого договора иные, чем предусмотренные в Бресте (Брестский договор в то время еще окончательно не был подписан). По условиям нового договора, часть Российской империи, оккупированная немцами, возвращается, и Россия за это заключает с Германией на 25 лет весьма невыгодный для России торговый договор, а Германия обязуется после окончания войны восстановить в России монархию. Мне до сего дня не удалось выяснить, было ли это только провокацией или действительно фактом, хотя должен сказать, что все виднейшие члены нашего штаба, в том числе и председатель, адвокат К., приняли это сообщение, как безусловный факт. Хотя во время последних двух лет подтверждения этого факта я не слышал, но я считаю его вполне возможным, ибо уже тогда замечалась немецкая ориентация кадетской партии[128] и всех партий, стоящих правее кадетов. Кроме того, по сведениям контр-разведчиков Брэдиса, все члены Прилуковской организации получали порядочное

вознаграждение (300–500 руб. в месяц) из германских источников.

Так постепенно выясняя все обстоятельства, мы увидели, что попали в весьма невыгодное положение, ибо наши убеждения заключались в том, что невозможно говорить о мирных договорах до тех пор, пока не заключен мир на западно-европейском фронте. Столь же невозможным мы считали заключение мира с большевиками. Поэтому мы с полк. Брэдисом решили не посещать больше собраний штаба объединенного центра, хотя сами не могли придумать ничего другого для дальнейшей работы, ибо наши средства были весьма жалки. За все это время полк. Брэдис получил от адвоката К. на содержание нашей группы только 3000 рублей. Наши собственные силы были слишком ничтожны для самостоятельного предприятия. Примкнуть к какой-нибудь партии, могущей субсидировать нас, мы тоже не хотели, ибо желали остаться вне всяких партий, считаясь только боевой единицей. Оставался как будто бы только один выход: ликвидировать свои дела и разойтись. Но вдруг появились новые перспективы продолжения начатой работы.

Глава II. «Союз Защиты Родины и Свободы»

Теперь я могу лишь приблизительно указать время, когда случилось все то, о чем я рассказываю. В середине или в начале марта я получил от полковника Брэдиса записку, в которой он просил меня вечером быть дома, так как он придет по очень важному делу. Вечером он явился ко мне в штатском и просил меня быть весьма внимательным и следовать за ним, не объясняя мне, зачем и куда. Мы пошли по узким и темным переулкам, и мне казалось, что он нарочно меня так водит, или что он заблудился. Наконец, после продолжительной «прогулки» мы вошли в один двор, спустились по лестнице вниз и позвонили у двери подвальной квартиры. На вопрос, кто там, Брэдис ответил, что хочет видеть Марью Ивановну. Нас пригласили в переднюю, а затем привели в столовую, где за накрытым столом сидело двое мужчин и одна женщина. За столом было два места свободных, очевидно, для нас. Брэдис познакомил меня с одним из мужчин, который назвал свою фамилию. Это был — Б.В. Савинков, который в свою очередь познакомил меня с другим господином — его адъютантом. Кто была квартирная хозяйка, я до сего дня не знаю. Не стану описывать Савинкова, достаточно сказать, что мне бросились в глаза энергичные черты лица этого славного мужа. В этот вечер мы не говорили о секретных вещах. Савинков интересовался исключительно тем, что мы пережили и что делали раньше. Он интересовался также бывшим северным фронтом, возникновением большевизма в латышских стрелковых полках, командующим составом и т. д. Мы сговорились, что о следующей встрече нас известит «Флегонт», как был прозван адъютант Савинкова (самого Савинкова звали «Мария Ивановна»). Я отмечаю эти подробности для того, чтобы показать, насколько конспиративно мы должны были действовать. Но приемов конспирации у нас вовсе не было, исключая Савинкова, который в этом отношении был виртуоз.

Вторая встреча с Савинковым произошла на следующий же день, и при этом я познакомился с его сотрудниками, с которыми он недавно приехал от генерала Алексеева. Сотрудники, с которыми нам потом приходилось вместе работать, были: полковник Александр Петрович Перхуров (он же Александр Александрович), полковник С. и врач Николай Сергеевич Григорьев (он же доктор Аксенов). Последний погиб в ноябре 1919 года во Владивостоке, где он участвовал в восстании генерала Гайды. Указанные лица составляли штаб в Москве.

Идеей Савинкова было создание новой, вполне беспартийной

офицерской организации в Москве, с целью свергнуть большевиков и продолжать войну с Германией до окончания военных действий на западном фронте. Для достижения этого было решено после свержения большевиков организовать в Москве военную диктатуру, трудовое правительство и во главе союза в Москве выдвинуть одного из самых популярнейших генералов. Все это не противоречило нашим стремлениям, и хотя Савинков не мог субсидировать нас, мы с радостью согласились работать вместе с ним.

Приехав в Москву, Савинков не имел никакой организованной силы, и наша группа была единственной ячейкой для начала организации. Но так как у Савинкова были обширные связи, то организация скоро должна была разрастись. Оказалось, однако, что этого недостаточно, ибо самым главным фактором организации являлись «проклятые деньги», и пока их не было, работа подвигалась очень медленно. За один месяц к нам присоединились только некоторые наилучше снабженные группы, именно две батареи, находившиеся на службе у большевиков, и часть уголовной милиции. Отдельные офицеры поступали в организацию только тогда, когда нам удавалось найти им какое-нибудь место. Вопросу об устройстве на службу офицеров было уделено много внимания, так как не всегда определенные на службу офицеры оставались реальной боевой силой, которую можно использовать во всякое время. Но были и случаи, когда к нам поступали офицеры целыми группами, главным образом приезжие из провинции. Я помню, что приехали две небольшие группы, остатки тех объединений, которые в начале 1918 года боролись с большевиками с оружием в руках в Рязанской и Тульской губерниях за существование земских и городских самоуправлений.

Кроме организационной работы, было много других хлопот. Нужно было приобрести оружие, сохранить приобретенное и следить за тем, что делают наши враги большевики и их друзья — немцы, каковы их силы и намерения. Поэтому функции нашего штаба напоминали отдел армейского штаба в миниатюре, ибо у нас в каждом отделе работало 1–2 человека. Отдел контр-разведки был вверен энергичному полковнику Брэдису, артиллерийское снабжение — Перхурову, обязанности дежурного генерала исполнял я, конспирацией и связью заведывал врач Григорьев, начальником штаба был полковник З., который вырабатывал все операционные планы, а Савинков объединял все отделы и указывал их направление. Кроме того, он хлопотал о финансах и был единственным из нас, который заведывал политической стороной.

Не меньше двух-трех раз в неделю мы собирались на общие совещания, где давали отчеты о работе каждого отдела и вырабатывали планы дальнейшей деятельности. Интереснее всего были отчеты полковника Брэдиса, который быстро сумел ознакомиться с конспирацией и так наладить свою работу, что уже в первом месяце мог дать весьма необходимые сведения. Брэдис успел втиснуть в штабы большевиков своих людей, от которых мы получали все сведения, интересовавшие нас, о лагере противника. Иногда он нас предупреждал о грозящей опасности. Мы имели сведения о всех полках, находящихся в Москве, знали запасы оружия и патронов, знали многое и о том, что происходило в других городах. Однажды Брэдис сообщил нам, что на двух улицах были выставлены заставы с пулеметами с задачей — поймать Савинкова, и что у каждого пулемета дежурили люди, знающие Савинкова в лицо. В первое время после организации большевистского правительства в Москве работа их контр-разведки была очень слаба, и большевики довольствовались только теми сведениями, которые им давали немцы. О том, что Савинков в Москве, большевики, очевидно, узнали только тогда, когда газета «Русские Ведомости» напечатала статью Савинкова, за что газета немедленно была привлечена к ответственности и вскоре совсем закрыта. Большевистские войска в то время в Москве были весьма ничтожны. По большей части они состояли из небольших небоеспособных частей старой армии. Большая часть этих бойцов осталась бы нейтральной в случае вооруженного восстания. Сильнее всех были две матросских группы и полки 1-й Лат. стр. бригады. Три полка этой бригады находились в Москве и несли караульную службу, а один полк (3-й) был на пути из Харькова в Москву. Но и эти полки были малы численностью: около 400 штыков в полку, и только в 3-м полку было 600 штыков. Настроение латышских полков было большевистское, хотя не очень уверенное, как мы это увидим впоследствии. Одним словом, все большевистские силы в Москве могли быть биты организацией в 3–4 тысячи людей.

Интересны были сообщения начальника снабжения артиллерии полк. Перхурова. Не раз он нам сообщал, что взял под свою опеку оружие, хранящееся в складах большевиков, но охраняющееся нашей охраной, поступившей на службу к большевикам. Он сообщал также, что там, где охрана оружия производится самими большевиками, она ведется весьма халатно и что никакого труда не стоит это оружие захватить. О всех таких складах Перхуров имел хорошую информацию и наблюдал за ними зорко. Однажды, когда нам пришлось вооружить наших

членов, помещенных в клубах анархистов, Перхуров придумал новый способ приобретения оружия. Узнавши, что на одном из вокзалов Москвы приехавшие с фронта солдаты желают продать оружие — два пулемета и несколько десятков винтовок, — Перхуров сговорился, что уплатит за все оружие 2.000 рублей, но с таким условием, что продавцы сами отвезут купленное оружие в одну из необитаемых загородных дач. Но так как некоторые обстоятельства заставляли нас опасаться, что солдаты после получения денег укажут большевикам местонахождение проданного оружия, а также и покупателей, то Перхуров заранее организовал группу «анархистов», которые напали на автомобиль с оружием и отвезли его в клуб анархистов. Таким образом, это оружие нам досталось совсем даром.

В конце марта Перхуров для того, чтобы успешнее вести работу, поступил в штаб большевиков инспектором артиллерии организуемого партизанского отряда. Он использовал свое положение для того, чтобы из поступающих в отряд вербовать подходящие элементы для нашей организации. Но во время этой работы он чуть не попал в руки красных. Между завербованными членами нашей организации было несколько воспитанников московского кадетского корпуса. Все завербованные помещались с партизанским отрядом, где, понятно, были и большевики. Один из кадет написал своему другу письмо и забыл в какой-то книге, которую, в свою очередь, читали и другие бойцы, при чем прочли и письмо кадета. Последний был арестован и на допросе выдал всех своих товарищей, а также и Перхурова. К счастью, один из кадет увернулся от ареста и сообщил обо всем во-время Перхурову; тот успел скрыться из партизанского штаба. Начиная с этого дня, Перхуров должен был окончательно перейти на нелегальное положение. Начальнику конспиративного отдела доктору Григорьеву приходилось использовать чисто технические задания, и его работа облегчала всю остальную работу. Особенно благодарны были ему за организацию конспиративного штаба в Молочном переулке, ибо, начиная с этого времени, нам не нужно было собираться в чужих квартирах. Кроме того, Григорьев умел создавать весьма остроумно шифры и пропуска. Один из большевистских комиссаров, скомпрометировал себя, взяв от врача Григорьева «взятку». Это обстоятельство Григорьев сумел использовать, и комиссар, боясь за свое положение и жизнь, попал в полную зависимость от Григорьева. От него Григорьев получил целую пачку бланков для удостоверений с печатями и подписями, на право ношения оружия, удостоверений личности, на въезд и выезд из Москвы и т. п.

Из всех сотрудников Савинкова, должен сознаться, с

наименьшей продуктивностью работал я, ибо у меня в Москве не было ни знакомых, ни связей с политическими кругами. Проработав больше месяца в штабе, я просил Савинкова освободить меня, но он меня задержал до конца апреля, т.-е. до того времени, когда мы убедились, что деятельность нашей организации должна пока прерваться. К этому убеждению мы пришли после получения сведений от нашей контр-разведки и после закрытия тех анархистских клубов, в которых помещались члены нашей организации.

На боеспособность организации можно надеяться только тогда, если её члены соблюдают формы военного строя, т.-е. если, проживая в отдельных частных квартирах и работая на частной службе, они все-таки находятся вместе, в распоряжении известного начальника. Такую возможность создавали клубы анархистов. Хотя большевики анархистов не любили, но и не тревожили их. Я не помню, каким образом явилась мысль использовать анархистские клубы, но знаю только, что уже в начале апреля 60–70 членов нашей организации было помещено в этих клубах. Это обстоятельство весьма облегчило организационную работу, так как после этого не нужно было ломать голову, придумывая, где помещать приезжающих из провинции членов нашей организации. Теперь я мог снабдить их пропуском и направлять к нашему «главанарху», который их размещал в занятом анархистами особняке. Во главе наших анархистов стоял «Сережа» — артиллерийский капитан, наружность и характер кот. во всех деталях напоминал литературный тип анархиста.

В апреле большевики разогнали и закрыли наши клубы. Возникло подозрение, что мы преданы немцами, так как ни один из клубов немецких анархистов не был тронут. Иногда подозрительные действия «Сережи» заставляли нас отказываться от его услуг. Арестованные при закрытии наших клубов офицеры после месячного ареста были освобождены.

Для развития союзной деятельности мне часто приходилось разговаривать с военными организациями разных партий, а именно, с боевыми организациями правых эсеров и народных социалистов. Но, несмотря на все их желание, они нам помочь не могли из-за своей бедности. В конце апреля Савинков получил авансом некоторые суммы из тех кредитов, которые он собрал из дипломатических сфер. Вместе с тем удалось поставить организацию на более твердую почву: было решено временно приостановить расширение организации и сосредоточить всю деятельность на рабочей пропаганде. В связи с этим, я постарался получить отпуск отчасти для того, чтобы устроить свою семью,

отчасти же потому, что в Москве мне начала грозить опасность.

Выше я упомянул, что самой серьезной боевой силой большевиков были полки 1-й Лат. стр. бригады, т.-е. те полки, которыми я командовал на Рижском фронте. Понятно, что все стрелки этих полков знали меня лично, и так как им была доверена караульная служба в Москве, они не могли не заметить моего хождения по московским улицам и очень легко могли меня выследить. Нам не раз приходила мысль воздействовать на эту опору большевизма, и, наконец, мы принялись за дело.

Между стрелками началась такого рода пропаганда, что конец большевиков не далеко, что после их падения родина не примет примкнувших к большевикам стрелков и что поэтому настало время действовать. Вместе с тем им рекомендовалось использовать ожидаемую демобилизацию и не записываться в Красную армию, как этого добивались народные комиссары, а уехать из Москвы и найти работу в далекой Сибири. Свободную дорогу и пропитание на два месяца им гарантировало «Национальное Объединение Латышских воинов», которое уже приехало в Москву. Пропаганда имела большой успех. Очевидно, самим стрелкам надоело такое положение. Во время демобилизации 1 — го Лат. стр. полка (полки демобилизовались по очереди, начиная с первого) в Красную армию из 400 человек записались только 60. Остальные пожелали уехать в Сибирь. Когда был сформирован первый эшелон уезжающих и на Ярославском вокзале погружен в вагонах, явилась группа матросов с бронепоездом под начальством членов «Исколастрела» (Исполнительного Комитета латышских стрелков) и арестовала двух офицеров, у которых хранились продовольственные деньги эшелона. Эшелон, в котором было около 120 стрелков, частью был задержан, а частью уехал без денег. Вскоре после того меня на квартире искали два раза за один день три военных человека, но меня, к счастью, не было дома. Все это говорило о том, что мне в Москве работать больше не дадут. Поэтому я решил приняться за работу вне Москвы, там, где у меня больше знакомых и связей. Обстоятельства благоприятствовали осуществлению этой мысли.

Большевики в это время серьезно принялись за организацию Красной армии. В салон-вагонах на Брестском вокзале находился штаб формирования. Там же в поезде жили генералы, назначенные окружными начальниками. Я познакомился с некоторыми из них и кое-что предпринял для того, чтобы забронировать за собой должность какого-нибудь начальника в тех войсковых частях, которые предполагалось сформировать в Ярославле и в Костроме. В этих городах, а также в Рыбинске в мирное время стояла дивизия, в которой я служил, и здесь у меня

было много знакомых как из офицерства, так и из гражданского населения. Я очень хорошо знал эти города и их окрестности. Одним словом, здесь было все то, чего не было в Москве, необходимо было только найти такое легальное положение, которое могло бы обеспечить меня в ближайшем будущем. Оставив свой адрес будущему командующему Ярославским военным округом, я выехал из Москвы в конце апреля, передав исполнение своих обязанностей Перхурову. Вместе со мною выехал ближайший мой помощник — капитан Рублис, бывший адъютант 2-го Рижского Лат. стр. полка.

Глава III. Ярославль

Телеграммы из Ярославля я ждал целый месяц. Все это время я провел в Сызрани вместе с семьей.

Совдеповцы в Сызрани в то время по большей части занимались своими личными делами и спекуляцией. Поэтому они не были так страшны, как их товарищи в Москве. Только впоследствии, когда я в Сызрани доживал последние дни, из центра пришло предписание организовать «Чрезвычайку», которая начала свою деятельность обходом квартир буржуазии и интеллигенции и произвольными арестами. Три таких бандита, вооруженные револьверами, вломились в мою квартиру, но мною уже тогда от командующего Ярославским военным округом была получена телеграмма, которая произвела на них должное впечатление.

В Сызрани я собрал сведения о местном офицерстве. Оказалось, что их здесь около 500 человек, но ни один из них не состоит в организации, ибо цены на продукты здесь стояли очень низкие, и недостатка никто из офицерства не чувствовал. Сведения я отослал в Москву, но ответа не получил, и в ночь с 1-го на 2 июня выехал в Ярославль.

События в Ярославле протекали иначе, чем я предполагал. Правда, работа носила спешный характер благодаря восстанию чехов в Самаре. В Ярославле я отыскал командующего Ярославским военным округом генерала Ливенцова, который жил в поезде на вокзале. Он очень обрадовался тому, что я явился во-время, так как окружной штаб уже сформирован и поэтому можно взяться за формирование войск. Он пояснил, что о моем назначении на должность командира дивизии он уже говорил со штабом формирования красной армии в Москве, где согласились на это, и что поэтому мне приходится подать только заявление на его имя о моей явке. После этого ген. Ливенцов высказал надежду, что в ближайшие же дни я буду утвержден и можно будет приняться за формирование штаба дивизии и войсковых соединений по заранее выработанному плану. Для того, чтобы занять легальное положение и связаться с нужными лицами, я хотел возможно скорее получить утверждение. Но прошла неделя, а о нем не было никаких известий. На мой вопрос Ливенцов ответил, что против моего назначения окружной комиссар. По собранным сведениям выяснилось, что комиссар округа, некий Аркадьев, мне вовсе не знаком и, следовательно, обо мне ему ничего не могло быть известно. За это время я успел собрать адреса некоторых знакомых и боевых товарищей, главным

образом проживавших в Костроме, Шуе и Рыбинске. Кроме того, мне пришлось еще поехать в Москву, чтобы восстановить прервавшуюся связь и подробно ориентироваться о состоянии нашего союза. Для этой цели я попросил ген. Ливенцова дать мне временное удостоверение и хотел уже выехать из Ярославля, как вдруг на бульваре встретил врача Григорьева вместе с бывшим начальником хозяйственного отдела 2-го Латышского стрелкового полка капитаном Скраббе, который еще в 1917 г. энергично боролся с большевистскими ораторами на заседаниях полковых комитетов.

От них я узнал много интересного, а именно, что офицерский союз за последние месяцы значительно вырос благодаря, главным образом, провинциальным городам. По словам Григорьева, в союзе в настоящее время числится около 3000 организованных офицеров. От вооруженного восстания в Москве наша организация окончательно отказалась. Это решение приняли после провала нашего штаба на Молочном переулке, где в мае было арестовано несколько близко стоящих к штабу офицеров. Между ними был также и мой помощник штабс-капитан Рублис и один из деятельных членов организации — штабс-капитан Пинка.

Вместе с провалом нашего штаба был арестован также генерал Довгерт, который во время моего пребывания в Москве стоял во главе одной из сильнейших организаций. Мы с генералом Довгертом поддерживали связь, хотя боялись его, думая, что он базируется на немцев. Теперь нам врач Григорьев рассказывал, что генерал Довгерт сидит в штабе графа Мирбаха в Москве.

Ликвидировав свою деятельность в Москве, наш союз эвакуировался в города Поволжья и, в связи с восстанием чехов, решил произвести вооруженное восстание в одно и то же время в целом ряде поволжских городов, создавая таким образом целый поволжский фронт, задача которого — облегчить движение чехов по Волге и приближение французского десанта из Архангельска[129]. На этот десант были возложены большие надежды, и постановление о таком срочном выступлении было принято согласно французским указаниям.

Большая часть союза, во главе с генералом Рычковым, который был назначен командующим всеми вооруженными силами союза, эвакуировалась в Казань. Часть москвичей и Калужское отделение эвакуировалось в Ярославль, небольшая группа с полковником Брэдисом — в Рыбинск, другая часть москвичей с врачом Григорьевым — в Муром. Не выработанными остались планы о Костроме, Вологде, Шуе, и Иваново-Вознесенске, где также хотели произвести восстание, но где ещё

не было местных организаций. Это решение, как мне потом передал Савинков, было принято в окончательной форме в связи с постановлением объединенных политических партий. Таким образом, осталось только приложить все силы, чтобы добиться успеха в объеме принятых планов. Времени осталось очень мало, ибо восстание поднять было решено в конце июня. Этим и объясняется прибытие в Ярославль врача Григорьева, так как заведующих ярославской организацией необходимо было ознакомить со всесторонне разработанным планом и начать подробную выработку плана восстания. Так как полковник Перхуров сам приехать не мог, то эти обязанности взял на себя врач Григорьев, которому по этому же делу необходимо было поехать в Кострому, а Перхурову — в Вологду. Так как Григорьев встретил меня в Ярославле, то я взялся исполнить часть его обязанностей и в тот же вечер выехал в Кострому, чтобы по полученному адресу и пропуску связаться с местной организацией г. Костромы.

В Костроме я сперва отыскал своего старого товарища подполковника Колпака. Колпак недавно прибыл с румынского противогерманского фронта, который держался до самого Брестского мира. О каких-нибудь офицерских организациях в Костроме Колпак ничего не мог рассказать. На второй день я пошел по данному адресу, где нашел штабс- капитана И., известного мне еще со времен фронта. Он передал мне не особенно удовлетворяющие сведения. Организация, представителем которой он был, состояла только из 8-ми человек. Это была слишком маленькая сила, с которой я никак не мог считаться. Поэтому я решил на скорую руку попытаться здесь что-нибудь создать. С помощью некоторых знакомых мне удалось найти еще вторую офицерскую организацию и познакомиться с ее представителями, но и эта организация была слишком ничтожной и имела в своем составе не более 20 человек. Костромские организации стояли вне политических платформ и соглашались действовать под знаменем ген. Алексеева. Сильнейшая из организаций имела полные сведения о силах красных в Костроме, об их целях, военных припасах и т. д. В то время в Костроме находился один полк советского правительства, но очень слабый, ибо он был отправлен на Екатеринбургский фронт и здорово потрепан чехами, после чего полк разбрелся. Остатки его на второй день после поражения собрались и по своей инициативе приехали в Кострому. Мой приезд совпал с приездом этого полка. Это был довольно печальный, но и комичный случай. Полк в составе около 150 человек, прибыв на Костромской вокзал, не пожелал оставить вагонов до тех пор, пока им не дадут

обмундирования. Когда это было исполнено, он потребовал оркестр и только после этого гордо во главе с оркестром зашагал в казармы. Кроме войск, костромские большевики имели сильную и опасную для нас опору в виде хорошо организованных коммунистов, по большей части рабочих, эвакуированных из бывшего прифронтового района. По нашим сведениям, коммунисты легко могли выставить около 600 штыков. Кроме того, в их распоряжении была вся артиллерия, в городе — один тяжелый дивизион. Батареи были установлены на левом берегу Волги, недалеко от вокзала, где находилась одна из эвакуированных фабрик. В костромских складах было много разного оружия, снарядов и патронов. О всех этих припасах наша организация имела подробные сведения.

На следующий день йз Вологды приехал Березовский и привез известия весьма печальные. Офицера, которому там было поручено взять инициативу и организовать вологодскую группу, Березовский не нашел. По сведениям из Рыбинска, там обстоятельства были лучше. Была организована сильная группа офицерства во главе с капитаном Г. Эта организация согласилась сама своими силами поднять в Рыбинске вооруженное восстание, тем более, что в то время в Рыбинске почти что не было большевистских сил. Кроме того, в Рыбинске была сконцентрирована в большом количестве артиллерия. Команда и офицеры, обслуживающие эту артиллерию, были против большевиков, а некоторые состояли даже членами нашей организации. Мы могли быть уверены, что успех в Рыбинске будет за нами. Можно было также надеяться, что рыбинская артиллерия поможет Ярославлю. Хотя я не был в Рыбинске лично, но получил все эти сведения от Савинкова, Брэдиса и Перхурова, с которыми часто встречался в Ярославле во время вооруженного восстания.

В Ярославле положение было таково: в городе, в здании кадетского корпуса был расположен один советский полк, состоящий из 4-х рот, всего около 600 штыков. Три роты можно было считать весьма неустойчивыми, ибо в них находились наши люди, утверждавшие, что ни одна из них сопротивляться не будет. Напротив, четвертая рота, при том наибольшая, состояла из мадьяр и считалась самой верной большевикам. В центре города в одном частном доме помещалась отдельная группа коммунистов, на которую смотрели как на самую твердую и боеспособную большевистскую войсковую часть. Кроме них, была небольшая часть конных милиционеров, которую можно было считать на нашей стороне. И, наконец, авто-пулеметное отделение, состоящее из двух бронеавтомобилей и пяти пулеметов. Вся автомобильная команда в числе 25 человек

состояла из офицеров, членов нашей ярославской организации. Ее начальник поручик В. был один из самых деятельных членов организации. Кроме того, он, как военный авторитет, стоял высоко в глазах большевиков, и они его приглашали на все важнейшие заседания; таким образом, для нас не было почти никаких секретов.

Ярославская организация во главе с полк. Л. имела около 120 членов, не считая автопулеметчиков. Члены организации были разбиты по отделениям по 5–6 человек. Все отделения составляли два батальона. Большая часть членов организации находилась на службе у большевиков, в разных артиллерийских, инженерных и интендантских складах, поэтому при их содействии легко можно было собрать сведения о всех тех боевых припасах, которые находились в руках большевиков. Оценив силы обеих сторон, можно было ожидать, что успех будет на нашей стороне, особенно, если удастся поднять восстание неожиданно и получить поддержку из Москвы и Калуги, а потом и из Рыбинска.

Вышеупомянутые сведения были нами собраны к 20 июня. В течение всего этого времени я посещал штаб формирования большевистской армии. Прошло уже три недели после подачи заявления, но ответа о моем утверждении еще не было. Теперь я и не желал его получить, так как это не имело никакого значения. Только теперь я понял настоящие причины моего неутверждения. Я узнал, что помощником окружного комиссара Аркадьева был московским наркоматом назначен бывший редактор «Окопной Правды» и душа разгрома всего Рижского фронта в 1917 г. — еврей Нахимсон. Так как не было никаких сомнений в том, что Нахимсон меня знает еще со времен Рижского фронта, то понятно, что я в Ярославле ничего хорошего не мог ожидать. Генерал Ливенцов обнадеживал меня, рассказывая, что он лично, без ведома комиссара, телеграфировал в Москву, категорически требуя моего утверждения, но через несколько дней и сам Ливенцов был отставлен, якобы за очень категорическое требование утвердить поданные им проекты. На место Ливенцова был назначен его нач. штаба генерал Зайченко, после чего я этим штабом перестал интересоваться и заходил туда только для того, чтобы отвлечь подозрения и иногда по штабным приказам и документам удостовериться о правильности тех сведений, которые мы успели собрать о силах и припасах противника.

В конце июня приехал в Ярославль на постоянное жительство Перхуров, который был назначен командующим ярославской группой. Мы имели два заседания нашего штаба, на которых подробно рассмотрели план восстания и составили приказ о нем. В первые дни июля приехал Савинков, от которого зависело

назначение дня выступления. В то же самое время начали стекаться отдельные члены нашей организации из Москвы и Калуги. Мы ожидали всего около 200 человек.

Просматривая наши силы, я не указал на ту солидную помощь, которая была нам обещана и, по моему мнению, должна была быть фундаментом всего восстания — а именно: помощь рабочих. Должен сказать, что среди ярославских рабочих было большое недовольство большевистским режимом. По нашим сведениям, почти все рабочие железно-дорожных мастерских согласились восстать против большевиков и их советов. Почти то же наблюдалось и среди рабочих фабрики Корзинкина.

В разговорах с Савинковым, который остановился у меня, я старался подробно выяснить этот вопрос, указывая, что во время восстания инициативу должны проявить рабочие, а наша организация должна быть только поддержкой их и главной боевой силой. Если мы поступим иначе, сказал я Савинкову, то дойдем до таких же печальных результатов, как и в Тамбове и в Пензе, а именно: поголовное убийство офицеров и интеллигенции, после того как в самый критический момент широкие народные массы оставили их одних. Савинков согласился, но указал, что это практически не выполнимо, ибо рабочее движение тщательно пронюхивается рабочими-большевиками, и таким образом невозможно организовать рабочих для начала выступления.

Находясь в Ярославле, Савинков все время вел переговоры с представителями рабочих, которые, наконец, гарантировали, конечно, на словах, свою помощь следующим образом: через полтора часа после нашего выступления к нам присоединится 150 рабочих из одной железнодорожной мастерской, после 4-х часов прибудут еще 300 и вечером еще 300 железнодорожников. Кроме того, они убеждали нас, что на второй день к нам присоединятся рабочие фабрики Корзинкина, а остальные рабочие, если и не примкнут к нам, то останутся нейтральными и ни в коем случае не будут способствовать красным.

Днем восстания было назначено 5 июля. Накануне вечером наш штаб еще раз собрался у Перхурова для окончательного утверждения плана борьбы и для выяснения могущих возникнуть вопросов. После окончательного подсчета наших сил оказалось, что мы имеем всего около 300 офицеров; мы ожидали 400, но не все приехали. Из Калуги приехало только 30, из Костромы — 12 человек, и только 50 москвичей. (Во время моего вторичного посещения Костромы мне удалось выяснить, что в Костроме о восстании в данное время и думать не приходится, а потому мы пригласили костромских членов нашей организации в

Ярославль.) Нужно было удовлетвориться этими тремя сотнями людей, которых было решено разделить на три группы. Половине, т.-е. 150 чел. с 2-мя орудиями, предстояло разоружить советский полк в здании кадетского корпуса, 80 чел. с бронеавтомобилем предстояло разоружить и арестовать группу коммунистов и заключить ее в большой театр. Остальным 70 чел. была дана задача — занять большевистский штаб, находящийся в доме губернатора, почту, телеграф, радиостанцию, казначейство и выставить там охранение. После этого двум первым группам надлежало выслать охранение за город, а штабу — приняться за формирование новых войсковых соединений. На сборное место должны были прибыть в час ночи. Местом сбора было назначено кладбище, находящееся на расстоянии одной версты к северо-западу от города. Вблизи кладбища были склады оружия и патронов. Вооруженное восстание должно было начаться нападением на эти склады.

На последнем нашем заседании начальник автоотряда поручик З. рассказал нам интересные новости. На одном из заседаний совета депутатов обсуждался вопрос о немедленном аресте нашего штаба, при чем упомянулись фамилии пяти лиц: Перхурова, моя, Масло, подполковника П. и капитана С., и только ему, поручику З., удалось уговорить совдеповцев отложить эти аресты на более удачное время, когда представится возможность арестовать весь наш штаб в полном составе. Очевидно, им не хватало Савинкова. Это известие явилось для нас неожиданным, так как мы не предполагали, что у большевиков так хорошо налажена информация. Но все-таки мы решили, что это обстоятельство не может помешать выступлению будущей ночью и сговорились собраться еще раз вечером в 17 часов в столовой профсоюза официантов, но не разговаривать между собой иначе, как в случае крайней необходимости. На другой день, кроме меня, в столовую явилось только двое: капитан С., назначенный на место отказавшегося от командования полковника И., и начальник автоотряда поручик З. Последний спустя несколько минут подошел ко мне и предложил вопрос, почему на вчерашнем заседании ничего не говорилось о том, как поступить с эшелоном красных войск, который стоит на вокзале. Мне, как и никому из членов нашего штаба, об этом не было известно, и поэтому я с удивлением спросил, что это за эшелон, и почему З. об этом не сообщил на вчерашнем заседании. Он ответил, что был уверен в том, что мы все об этом знаем, так как эшелон на вокзале стоит уже третий день и что уже отдано распоряжение отыскать для него квартиры. На самом же деле, на вокзале стоял не один, а два эшелона: один в составе 470 человек пехоты, а

другой — в составе 280 человек конницы. О целях их появления З. ничего не знал. На меня это известие произвело сильное впечатление. Два эшелона — это была такая сила, с которой мы никоим образом не могли покончить. Но отложить начало восстания без санкции Перхурова мы тоже не могли, а потому решили его отыскать. Ожидая Перхурова, я сел на бульваре на скамейку, и здесь произошла еще одна неприятная встреча. За прожитый в Ярославле месяц я более или менее уже познакомился с публикой ярославского бульвара. Но в последнее время на бульваре начали появляться совершенно новые, раньше не замеченные личности, но большею частью — элегантно одетые молодые люди. Сначала я думал, что это — новоприбывшие члены нашей организации, но в то время как я, будучи сильно взволнован прибытием новых эшелонов, сидел на бульваре в ожидании Перхурова, ко мне подошел один из таких молодых людей, очень хорошо одетый, и начал со мной разговор на латышском языке, извиняясь за беспокойство и высказывая удивление тому, что я его не знаю, так как он, по его словам, служил на фронте в моем штабе писарем. Дальше он выразил удивление, что видит меня здесь, ибо он читал в газетах, что я уехал и поступил на службу к чехам. Молодой человек вытащил из кармана номер советских «Известий» и показал мне передовицу о чехах, где между прочим было упомянуто, что контр-революционное офицерство переходит фронт, отправляясь к чехам, как это, напр., сделал известный стратег, полковник Г., который, уехав из Москвы, поступил на службу к чехам. У меня возникла мысль, что я имею дело с агентом красной контр-разведки. В дальнейшем разговоре, узнав, что я в Ярославле занимаюсь формированием красной дивизии, молодой человек просил меня определить на какое-нибудь место его брата — студента рижского политехнического института. Когда я пообещал ему это, он начал расспрашивать меня, когда он с братом может ко мне притти и просил дать ему адрес. На мой вопрос, давно ли он в Ярославле и чем занимается, он мне ответил, что приехал из Москвы на закупку кож, т.-е. указал на ту самую цель, на которую всегда указывали офицеры нашей организации, приезжая в Ярославль.

Теперь я больше не сомневался в том, что каждый мой шаг наблюдается и, боясь даже встретиться с Перхуровым, ушел с бульвара, чтобы отыскать его в другом месте и потом вызвать к нему капитана С.

По моим соображениям, находящиеся на вокзале эшелоны представляли серьезную помеху. С другой стороны, я боялся менять уже принятые постановления без согласия Перхурова.

Через полчаса вернулся офицер, которого я послал отыскивать Перхурова, и сообщил, что последнего он найти не мог. Тогда мы решили издать приказ о том, что восстания сегодня не будет.

Так как было уже восемь часов вечера, то приказ опоздал, ибо всех оповестить не представилось возможным. Около 60 человек прибыло на сборное место, но, дождавшись восхода солнца, разбрелось. На другой день меня вызвали в известное место, где я встретил полковника Брэдиса, который сообщил мне следующее: он приехал из Рыбинска прошлой ночью и уже встретил Перхурова, который вчера нарочно не показывался, ибо боялся ареста. Хотя эшелоны представляют серьезное препятствие, но другого исхода, кроме восстания, нет, ибо, в Рыбинске все готово и ожидается только сигнал Ярославля.

На следующую ночь начался кровавый бред Ярославля. Бои продолжались беспрерывно 16 дней и ночей. Очевидно, большевикам кое-что было известно, так как они уже успели кое-как укрепиться. На окраинах города ночью были выставлены посты, и по улицам разъезжали конные разведчики, а потому многие из членов организации не явились во-время на сборное место. На сборное место я пошел вместе с офицером Бойка из латышской группы. Опасаясь наблюдения, мы сделали большой круг мимо земской больницы, но на окраине города наткнулись на конных наблюдателей. От первых двух мы счастливо отделались, обойдя их, но на третий раз нас заметили и выслали для наблюдения одного всадника, который все время следовал за нами. Мы были принуждены вернуться в город и примкнуть к нашей группе только тогда, когда она уже заняла оружейные склады и вошла в город, что было около 5 часов утра. На сборное место собралось только около 106 человек, которые под начальством полковника Перхурова начали наступление. Но для того, чтобы охватить все, такое маленькое количество людей было недостаточно, тем более, что задание необходимо было выполнить на всех местах сразу.

После короткого боя был разоружен и арестован весь отряд коммунистов в полном составе. Мы захватили также и большевистские штабы. На квартирах было захвачено несколько комиссаров, между которыми был и Нахимсон, которого там же на улице расстреляли. Не хватило только сил разоружить полк, стоявший в кадетском корпусе, и потому Перхуров отдал приказ начать переговоры о капитуляции этого полка и временно занять против него позицию по направлению реки Которосль. Как известно, эта река отделяет ту часть города, в которой находился кадетский корпус.

В начале переговоров можно было ожидать добровольной

сдачи этого полка, но когда Перхуров потребовал разоружения его, то полк отказался исполнить это требование до тех пор, пока не выяснится, примкнули ли к нам рабочие или нет. Но не прошло и двух часов, как полк со своей стороны открыл огонь и начал активные действия. С этого момента начались бои.

Я по возможности постараюсь избегать описания этих боев и не буду останавливаться на тех ужасах, которые происходили во время восстания, ибо о них много писала пресса. Здесь я постараюсь осветить развитие наших действий с точки зрения наших интересов и целей.

Все свои силы в виде небольших застав мы выслали по разным направлениям: на кладбище, железную дорогу и железнодорожный мост. Наши заставы не успели еще дойти до охраны города, как наткнулись на красных, наступавших со стороны железной дороги. Это означало, что те эшелоны, которые до сих пор стояли там, где железная дорога разветвляется на Бологое и Вологду (станция Всполье), тоже принимают участие в боях. Нам во что бы то ни стало необходимо было выдержать это наступление. Все-таки, несмотря на все трудности и критическое положение, мы не отчаивались, ибо: 1) жители радовались как во время праздника, и уже с самого утра большие толпы народа осаждали наш штаб, желая добровольно вступить в организуемые отряды, из которых мы думали составить довольно большие боевые единицы, 2) мы ожидали, что уже на первый раз к нам присоединится 700–800 человек, 3) можно было ожидать также подкрепления из Рыбинска, 4) большевики не могли ожидать помощи, так как дорогу в Петроград преграждал Рыбинск, а преградить путь в Москву обещали железнодорожники, взрывая ж.-д. мосты в Ростовском районе. Из Костромы большевики не могли ничего привезти, ибо не могли надеяться, что и там восстания не будет. Снять какие нибудь части с чешского фронта и подвезти их по Вологодской дороге тоже не представилось возможным. Поэтому первые три дня восстания были полны розовых надежд. Но уже вечером первого дня нас постигло первое разочарование. Рабочие не пришли, хотя окончательной надежды мы на их помощь не теряли, так как они все еще обсуждали вопрос, — примкнуть к нам или нет. На другое утро пришло 80 железнодорожников, которые остались у нас и ждали до вечера, но видя, что их товарищи не приходят, начали расходиться.

Также и следующий день не дал нам никакой ясности в этом вопросе. Хотя у нас не было определенных сведений, но в городе ходили слухи, что рабочие на митинге приняли постановление — остаться нейтральными. Вечером следующего дня пришла делегация двух заволжских деревень просить оружия для участия

в восстании. Это нас очень обрадовало. Мы сговорились, что крестьяне соберутся в селе Яковлевском (3–4 версты за Волгой) и что оружие для них будет отправлено в Тверицу — в часть города, лежащую за Волгой. На следующий день в Яковлевское мы послали офицера- инструктора, который нашел около 800 человек крестьян. Эти 800 человек могли бы заменить недостаток стольких же рабочих, хотя в моральном отношении выступление крестьян на красные войска не произвело бы большого впечатления, но и здесь нас постигла неудача. Крестьяне категорически отказались принять участие в ярославских боях, а просили оружия лишь для того, чтобы очистить свои деревни и села от большевиков. Но когда на таких условиях оружия им не дали, все они разошлись по домам и только около 70 человек примкнуло к нам. Но мы все-таки мечтали составить из крестьянства активный отряд. Больше всего мы надеялись на Томскую волость, где один энергичный прапорщик из сверхсрочных фельдфебелей на свой риск и страх сформировал отряд в 30 человек. Этот отряд нам очень много помог, мешая красным переправляться через Волгу в Томском районе. После этого мы послали в две соседние волости агитаторов, которым надлежало вербовать бойцов и отправлять их в с. Яковлевское, в распоряжение командированного туда офицера. Это предприятие имело весьма заметный успех, и уже по истечении 2–3 дней в Яковлевском собралось около 300 крестьян, которых надлежало вооружить. Мы уже начали отправлять оружие, но произошло совершенно неожиданное наступление красных со стороны Вологды, о котором я расскажу ниже. Чтобы более не возвращаться к рассказу об организации крестьянства, отмечу только то, что все попытки в этом направлении остались безрезультатными, несмотря на то, что крестьяне держались по отношению к нам весьма благожелательно. Для того, чтобы их организовать, необходимо было время и спокойствие. Организовать их в грохоте выстрелов, притом так спешно, было совсем невозможно.

Я уже указал, что с первого же дня наш штаб осаждался толпой жителей, желающих добровольно вступить в наши ряды. Выпущенные в первый день восстания воззвания и приказ о призыве всех офицеров имели известный успех. Наскоро сформированные маленькие части немедленно рассылались на все улицы городских окраин — в виде застав. Для этого требовалось много сил, и поэтому наше дело вперед не двигалось. Обстоятельства требовали разбить все силы противника, ибо пока их было немного. Но для достижения этого необходимо было иметь такую боевую единицу, с которой можно было бы активно

действовать.

Красные, окружившие нас очень жидкой линией, безусловно были очень слабы и вовсе не имели резервов. Отряд в 200–300 человек, напав на один из флангов красных, мог бы очень легко окружить их, и таким образом положение совершенно изменилось бы в нашу пользу; поэтому наш штаб приложил все старания, чтобы создать такой отряд, но безрезультатно. В первые дни я лично был занят формированием этих отрядов, но мне никак не удавалось сформировать более 50 чел., так как с фронта я получал категорические требования поддержки. Принимая во внимание категорический тон этих требований, я не мог оставить их неудовлетворенными. Необходимость поддержки можно было объяснить двояким образом. Между добровольцами было много таких, которые никогда еще не нюхали пороха; они простую артиллерийскую перестрелку считали уже за наступление и потому часто грешили в своих донесениях. Но главной причиной было то, что большая часть приходящих регистрироваться, очевидно, думала, что восстание уже окончено, когда же узнавала, что борьба еще продолжается, то исчезала вместе с оружием. Наблюдать за всеми во время уличных боев просто не представлялось возможным. Вместе со своими бойцами иногда пропадали и начальники застав, оставляя без наблюдения и охраны целые улицы и кварталы. Для заполнения этих брешей приходилось жертвовать всеми сформированными силами. Должен сознаться, что только благодаря неустанным нападениям и энергии красных командиров красные так обеспечили себя, что нам напасть никогда не удавалось.

Когда не удалось сформировать новые отряды для активных действий из находившихся в городе добровольцев, то мы предполагали сформировать их из крестьян и рабочих, если последние переменят свою тактику. Но все старания в этом направлении не увенчались даже и малейшим успехом. Наше безвыходное положение выяснилось уже на четвертый или пятый день восстания. Как офицеры, так и большая часть добровольцев остались верными своему долгу и на позиции очень часто показывали свою храбрость и выдержку. Но вечно такое положение продолжаться не могло, ибо в виду сильного утомления наблюдалась усталость. Мы созвали совещание, дабы решить, как поступить в будущем. На этом совещании было ясно видно, что из города мы должны эвакуироваться, пока не поздно, хотя поднялись голоса против: некоторые все еще мечтали о помощи из Рыбинска и о десанте союзников в Архангельске. Лично я помощи от десанта не ждал, ибо она, в виду большого расстояния, была невозможна.

Но я все же верил, что удастся сформировать крестьянские отряды в Томской волости. Если бы этим отрядам удалось перейти Волгу в районе старых лагерей, то им можно было бы напасть на красных с тыла. Поэтому наше совещание ни к чему окончательному не пришло, а решило: с одной стороны, заготовить все распоряжения, необходимые для эвакуации, а с другой стороны, приложить все силы и старания к тому, чтобы сформировать крестьянский отряд. На этом же заседании, для борьбы с самовольным уходом бойцов с фронта, приводившим к исчезновению всех наших с большим трудом собранных резервов, я предложил ввести строгую боевую дисциплину на фронте, без которой нельзя было и мечтать о командовании районами. Уже тогда мы имели пять боевых районов с отдельными начальниками во главе, но ни офицеры, ни бойцы в этих районах не были разделены на взводы, отделения и роты. Не было также никаких знаков отличия, по которым можно было бы определить, в каком районе каждый значится; в виду этого многие, самовольно переходили из одного района в другой или уходили совсем. Начальники районов в виду этих же обстоятельств не могли организовать районных резервов и производить правильно смену в местах наиболее тяжелых, чтобы дать бойцам известный отдых. Также и штаб не имел никакой возможности регулировать боевые силы, находящиеся в разных районах.

Рекомендуемое мною средство мне удалось провести в жизнь. В каждом районе составили списки, после чего разбили бойцов по отделениям, взводам и ротам, организуя таким образом замену находящихся на фронте. Начальникам районов дали права командиров полков. В результате наш фронт значительно окреп. И только начиная с этого момента штаб имел возможность выяснить численность наших сил. На всем нашем фронте на шестой или седьмой день было около 700 вооруженных бойцов, хотя регистрировано и выдано оружие было на 2.000 человек.

В то же время произошло третье и наисерьезнейшее наступление красных со стороны Вологды. По полученным нами сведениям, это была пулеметная команда 1-го Лат. стр. полка, подкрепленная коммунистическим отрядом Данилова. Свое первое наступление они произвели дня на три раньше, прибыв с поездом, который состоял из двух бронированных платформ с двумя орудиями и несколькими пулеметами. Тогда они ограничились захватом станции Филино и разграблением села Яковлевского.

В том же селе они разогнали крестьян и уехали. До сего времени красные имели только заставы у села Савино и у станции Филино и Уроч и у железнодорожного моста. После

последнего их наступления мы усилили свои силы у Филино, организуя новый фронтовой район. Некоторое время спустя красные опять повторили свое наступление, от которого потерпела одна из застав латышских офицеров, но удачным маневром нам удалось прогнать красных. Но в тот же день красным удалось захватить западный конец железнодорожного моста, где они тотчас принялись устанавливать пулеметы, угрожая таким образом сообщению через Волгу. В тот же день, когда я вместе с полковником Масло и капитаном Скраббе переезжал Волгу, большевики обстреляли нас из пулеметов и смертельно ранили капитана Скраббе, одного из деятельных участников Ярославского вооруженного восстания.

Свое третье наступление на Тверицу большевики, как видно, производили с более крупными силами. Они вытеснили нас со станции Филино и на короткое время заняли также и станцию Уроч, почти около самого берега Волги. Теперь положение для нас стало угрожающим, ибо Тверица была нашим единственным путем отступления из Ярославля. При захвате Тверицы красными были бы прерваны все наши связи с миром, а также и с крестьянством, на которое мы все же еще надеялись. В тот момент, когда в штаб пришло известие о наступлении красных на Тверицу, я находился на фронте, объединяя его, отыскивая пассивные районы, с которых можно было бы снять часть сил, для начала эвакуации. Вернувшись вечером в штаб, я нашел большой переполох. Перхуров назначил в наряд почти весь штаб. Я узнал, что все в последние дни сформированные резервы, включая писарей и телеграфистов, общим числом 150 человек, Перхуров передал генералу Л., приказал итти на Тверицу и восстановить положение. Но генерал Л. отказался, говоря, что он, как артиллерист, не имеет достаточного опыта, чтобы с успехом выполнить это трудное задание. Тогда Перхуров приказал произвести этот маневр пехотному полковнику А., но и тот отказался. После того Перхуров вверил это дело мне. Я пошел, не ручаясь, конечно, за полный успех. Переезжая тогда через Волгу, я навсегда простился с Ярославлем, ибо мне ни разу за пять дней боев у Тверицы не удалось вернуться в Ярославль. Поэтому я мало знаю о том, что происходило в городе после моего выезда. Но прежде чем рассказывать о происшествиях в Тверице, я кратко упомяну о том положении, какое сложилось в Ярославле.

Наш фронт начинался с истока реки Которосль, продолжался по берегу этой реки и против Сенного рынка поворачивал через Базарную площадь, до земляного вала, который находился западнее земской больницы. Больница, находящаяся за городским районом, была теперь между фронтами. Раньше наша линия

тянулась от земской больницы до ж.-д. линии и моста через Волгу, но в последнее время этот фланг был оттеснен и находился против разрушенной городской водокачки. Городские кварталы, находившиеся западнее Сенного рынка, большей частью были сожжены, ибо красные по ночам обливали дома керосином и поджигали их, дабы принудить нас постепенно отступать. Кварталы, находящиеся вблизи водокачки, были сожжены артиллерийским огнем. Также и все лучшие городские дома, начиная от Демидовского юридического лицея, равно как и фабричные здания были разрушены или сожжены огнем красной артиллерии. Но все-таки, несмотря на громадное опустошение кругом, защитники города чувствовали себя довольно бодро. Когда они получили известие об ожидаемой эвакуации, большая часть из них категорически заявила, что она города не оставит, так как не может бросить своих семейств.

Фронт на берегу реки Которосль, как более пассивный, можно было в известной степени ослабить, снимая оттуда какую-нибудь часть сил и соответствующе усиливая районы Сенного рынка и водокачки, где красные беспрерывно вели наступление. В каждом из наших боевых районов было около 6 пулеметов, также хватало и винтовок, но можно было ожидать, что не хватит патронов, а поэтому мы решили все русские винтовки заменить японскими, которых в складах, как и патронов к ним, было достаточное количество, а русские патроны оставили только на пулеметы. В качестве резерва для всех боевых районов служил единственный бронеавтомобиль. Вначале их было два, но один испортился. Второй все-таки успевал во-время являться в наиболее критические места и каждый раз исправлял наше, иногда весьма критическое, положение. В таком состоянии был город, когда я уезжал в Тверицу.

Не знаю, потому ли, что наш отряд переправился через Волгу, или по другим причинам, но красные опять оставили занятые в Тверице места и со своим бронепоездом отошли по направлению Данилова. Мы использовали этот случай для восстановления своего прежнего положения. Но занять достаточными силами весь длинный фронт от ж.-д. моста до ст. Филино и дальше на д. Савино было невозможно, так как из всего отряда, который был здесь, мне удалось собрать только 40 человек, которых я присоединил к своему отряду. Теперь у меня было 150 человек, и поэтому я совсем иначе поставил наблюдение и охранение. Выставив заставы только на самых опасных направлениях, я приказал разобрать ж.-д. путь в 2–3 верстах за ст. Филино, а в хорошо замаскированных окопах спрятал по одному отделению с пулеметами с таким расчетом, чтобы они хорошо могли бы

обстрелять каждого приходящего восстановить путь. Оставшуюся роту, около 80 человек, я все время держал вместе на случай активных действий, при чем использовал местность в целях защиты и маскировки. У себя на ст. Уроч я оставил около 20 человек в качестве общего резерва — это были остатки прибывших из Калуги, которым после жестоких боев необходим был отдых. Такая боевая подготовка действительно была нужна в местных условиях, но уже вечером генерал Л., которого по его собственному желанию я оставил командующим ротой у Филино, без моего ведома перестроил все иначе, даже не сообщив мне об этом. Он снял обе заставы, которые наблюдали за тем, чтобы путь не был восстановлен, и присоединил их к своим силам, а потом вытянул всю роту на очень широком фронте в лесу, около станции Филино. Уже на другое утро, он понес заслуженную кару, так как красные стали наступать компактной массой, и хотя наша редкая цепь приняла их огнем, но все-таки была принуждена отступить. С большим трудом удалось задержать отступление с помощью ничтожного резерва, бывшего в моих руках, при чем начался бой, который продолжался 4 дня беспрерывно.

Уже с начала этих боев я видел, что такая оборона не годится, и потому я энергично требовал по телефону от полковника Перхурова, чтобы наш отряд был переведен в Тверицу, из которой, освобождая путь в Данилово, мы могли бы отступить с целью присоединиться к французскому десанту, идущему от Архангельска. Но в штабе ссылались на ожидаемое присоединение рабочих двух небольших фабрик и отказались принять мое предложение. В это время, мой маленький отряд таял на глазах, так как многие ушли ранеными, а многие, видя наше безвыходное положение и чувствуя громадную усталость, самовольно оставляли свои места. Вечером второго дня у меня осталось не более 80 человек. Перхуров обещал мне поддержку своими силами, сообщив об этом по телефону. Из его туманных пояснений я понял, что он решил ночью выехать на пароходе с одним отрядом и пополнить свои силы крестьянами, после чего обрушиться на красных у Тверицы с тылу. Благодаря белой летней ночи мы действительно убедились, что пароход отошел с противоположного берега, проехал под мост и исчез в темноте. Всю ночь и весь следующий день мы отчаянно боролись с очень большими силами противника, ожидая обещанной помощи «с другой стороны», — но напрасно. Вечером следующего дня генерал Карпов, который после ухода Перхурова взял на себя командование, получив мое сообщение о безвыходном положении, просил меня продержаться еще только один день, ибо

возможно, что Перхурова задержали какие-нибудь непредвиденные обстоятельства; если же до вечера следующего дня помощи не будет, то мне со своим отрядом было разрешено переправиться обратно в город. Когда я указал, что нет никакого смысла переправляться обратно в город, Карпов мне напомнил нашу совместную службу раньше на западном фронте, и я сдался. Он сообщил еще, что переходит на приемы инженерной обороны.

Прождав зря еще целый день, мы с приближением вечера стали ждать обещанного парома, чтобы переправиться через Волгу обратно в Ярославль. В час ночи с противоположного берега отчалил пароход; когда он подошел к нашему берегу, я со своим адъютантом побежал снять с постов своих людей. Когда же я вернулся с последними бойцами и подбежал к берегу, то пароход, несмотря на наши крики, ушел. Очевидно, он не мог ждать, так как находился под пулеметным огнем красных со стороны ст. Уроч. Пароход успел забрать людей с ближайших постов, я же и остальные 16 бойцов остались в самом безвыходном положении. Красные могли каждую минуту подойти к самому берегу Волги и захватить нас, пока мы стояли на берегу, не зная, что предпринять.

Наиболее спокойный район нашего фронта был южнее д. Савино, — оттуда за весь тот день красные совсем не стреляли. Мы направились по берегу Волги в ту сторону, но не отошли еще и 300 шагов, как заметили, что с того берега отходит опять пароход, на этот раз другой, меньше первого. Мы бегом бросились к нему навстречу. Нас разделяла полоса воды, шириной около 30 саженей, когда, красные открыли пулеметный огонь; пароход был вынужден вернуться.

Теперь мы были в значительно худшем положении, так как красные нас заметили и направили весь свой огонь по нас. Теперь приходилось бежать под пулями, путаясь в телефонной проволоке, которая во время артиллерийского обстрела была сорвана со столбов, но в конце-концов береговые бугры закрыли нас от пулеметного огня, и мы продолжали свой путь заметно спокойнее, прячась за разрушенными домами, пока, наконец, не пришли в д. Савино, где, спрятавшись в канаве, произвели разведку, как нам лучше всего добраться до леса. Застава красных, находящаяся в д. Савино, или спала, или была снята, и мы благополучно достигли громадного болотистого леса, который тянулся на несколько верст вдоль берега Волги и в сторону от нее. Здесь мы почувствовали себя на известное время спасенными и потому решили найти сухое место для отдыха и ночлега. После того еще в продолжение двух дней мы пытались найти Перхурова, но когда это не удалось, пришли к

единственному заключению — проститься с Ярославлем.

Вспоминая теперь ярославские события, я вспоминаю и много мелочей, интересных встреч и разговоров. Укажу на два случая, которые до сего времени мне не ясны. В первые дни вооруженного восстания наш штаб заполняла масса разных людей, которые требовали разных справок и удовлетворения своих нужд. Понятно, что это обстоятельство использовали большевики, и их разведчики попали даже в штаб на некоторые должности. Один из них, ходивший все время обвешанный ручными гранатами, револьверами и кинжалами, нечаянно «влопался» и был расстрелян. Но к нам приходили и такие лица, причин прихода которых мы никак не могли понять.

Таково было посещение нас двумя французскими летчиками в дни восстания. Они явились в шта во французской военной форме с целью узнать, что происходит в Ярославле и можно ли выехать из города. Оба они довольно хорошо говорили по-русски и рассказывали, что они приехали из Москвы и что туда обратно попасть трудно. Когда полковник Перхуров начал их расспрашивать о десанте союзников в Архангельске и выразил желание по возможности скорее соединиться с ним, то они хотя и не могли ничего сообщить по этому поводу, но выразили желание поехать уже не в Москву, а в Архангельск. Так как они предъявили документы, то мы в них не сомневались, и полковник Перхуров предложил им автомобиль для поездки до Данилова, ибо оттуда они могли поехать дальше железной дорогой. Только позднее, уже в Сибири, я встретился с французским офицером, который летом 1918 года занимал высокий пост во французской военной миссии в Москве. Этот французский офицер, выслушав меня, выразил сильное сомнение в том, чтобы эти господа были действительно французскими летчиками, ибо всех бывших тогда в России летчиков он знал лично, и между ними не было ни одного, кто бы умел говорить по-русски.

Когда я еще раз теперь вспоминаю время отъезда этих летчиков, в Данилово и наступление красных на Тверицу со стороны Данилова, то подозрения французского офицера мне кажутся совершенно основательными, тем более, что у большевиков в Ярославле не было связи с Даниловым.

Мне хочется отметить еще один факт, который в свое время нас очень поражал в Ярославле. Это был чрезвычайно точный, по великолепно выработанному плану, обстрел города из артиллерии с очень точной наводкой. У большевиков в то время не было артиллеристов, но в этом точном обстреле всех ярославских промышленных учреждений чувствовалась очень опытная и умелая рука. Меня иногда мучают угрызения совести

за ненужные жертвы на алтарь Ярославля, и я нахожу маленькое успокоение только в том, что я не был инициатором этих событий, а лишь простым исполнителем. Нельзя отрицать того, что восстание в Ярославле было большой услугой чешскому движению, ибо Ярославль почти целый месяц связывал руки большевикам в этом стратегически важном пункте, так как требовал много большевистских сил, а потому безусловно облегчал в сильной степени выступления чехов в Екатеринбурге и движение народной армии от Самары.

К.В. САХАРОВ. Чехо-словацкий корпус [130]

I

Настоящая глава не может иметь своей задачей дать полный очерк чехо-словацкой эпопеи в Сибири; это заняло бы очень много места и времени, слишком отклонило бы нас в сторону от главной темы. Несомненно, в недалеком будущем появится не одно исчерпывающее исследование «чехо-словацких подвигов» в России. Наша цель — осветить лишь общие причины, давшие Интернационалу победу над белым национальным движением, дать ответ на то, какими силами располагал международный социалистический комплот; мы не можем пройти поэтому, не коснувшись многих сторон чехо-словацкого корпуса, который играл большую и печальную роль в направлении и исходе борьбы белых за национальное возрождение России.

Война, которую с 1914 года вел великий русский народ во главе с царем-мучеником Николаем II, имела, в числе многих других благотворительных целей, и задачу освободить от австрийского владычества Богемию, восстановить самостоятельность древней державы св. Вячеслава.

Чешские патриоты возлагали все свои надежды на Российскую империю; в течение 1914, 1915 и 1916 годов центр всей их работы был в Петрограде. В 1916 году создана на русские средства и русскими властями первая чехо-словацкая дивизия, состоявшая из добровольцев-чехов, живших в России или бежавших туда для активного участия в борьбе. В 1917 году начали формировать вторую дивизию, на этот раз уже из военно-пленных чехов и словаков, захваченных русской армией в боях, при этом брали в полки из концентрационных лагерей только лучших, испытанных людей.

Когда из туч, вызванных затянувшейся войной, грянул гром, когда величайшее несчастие стряслось над нашим отечеством; когда бунт распущенных солдат петроградского гарнизона, с помощью союзных и доморощенных «общественных» деятелей, обратился в дикую уродливую революцию; когда те же деятели вперегонки начали развращать боевые полки русской армии и топтать в грязь старые славные знамена, — зашатался русский боевой фронт; опьяненные полной разнузданностью солдаты жадно впитывали в свою массу «демократизацию», начатую Гучковым, Поливановым и Нахамкесом, охотно поддавались и следовали новым лозунгам, бросаемым демагогами всех оттенков, от толстого Родзянки до Ленина. Люди точно посходили с ума. Началась травля офицерства. Отказ от наступления. Пошли братания с врагом. Затем дезертирство,

распродажа немцам орудий, пулеметов. И гнусное массовое избиение лучших генералов и офицеров.

Только самые крепкие части, где имелось больше старых настоящих офицеров и солдат, сохраняли еще вид воинской силы. И среди них была первая чехо-словацкая дивизия. За этот период она проявила много доблести и оказала немало подвигов; эта дивизия пыталась сдержать натиск германской пехоты на Стоходе, она старалась сдержать около себя и худшее, а именно — разложение русской армии, сохраняя в себе и дисциплину, и боеспособность, и даже внешний воинский вид; в грустные дни тарнопольских боев в июне 1917 года 1-я чешская дивизия совместно с немногими крепкими русскими частями прилагала все силы, чтобы остановить бегство «революционных войск 18 июня» и преградить вражеское вторжение вглубь страны.

Но каиново дело — русская революция — шло гигантскими шагами и докатилось до своего логического конца, до «похабного» Брест-Литовского мира. Тогда чехо-словацкие части, сведенные к этому времени в отдельный корпус, решили, что им в России больше делать нечего, — надо выбираться на западный фронт, во Францию. Да и небезопасно им было дальше пребывание в свободной Советской республике, так как в случае выдачи их австро-германцам (а тогда большевики исполняли еще все приказы главной германской квартиры), что ожидало бы чехов, как изменников присяги и верности своему отечеству? Чехо-словацкий корпус в полном составе, с оружием в руках, погрузился в эшелоны, чтобы выбраться из России. Не было надежды пробиться в Архангельск, решили ехать на Владивосток через Сибирь.

Большевики как будто были согласны выпустить чехо-словаков, но требовали сдачи оружия; Бронштейн (Троцкий) отдал приказ об этом и предписал принять решительные меры. Многие подчинились приказу и сдали пушки, пулеметы и винтовки. Но часть чехов, лучшая, понимала, что безоружные они будут игрушкой в руках коммунистов, и решила пробиваться силой.

Произошел почти одновременно ряд выступлений, от Пензы до Байкала, так как чешские эшелоны успели уже растянуться чуть не по всей длине Великого сибирского пути.

Всюду чехам оказали помощь тайные организации русских офицеров и казаки. Общими их усилиями была очищена от красных банд вся огромная восточная часть России. Как раз около этого времени прозвучали, как мировой набат, призывы союзных народов Великобритании, Америки, Японии, Италии и Франции всем сплотиться вокруг русского национального знамени и

образовать снова восточный фронт для борьбы против Германии и большевиков. Отпала поэтому необходимость чешским дивизиям выбираться из России на французский фронт. Надо было усиливать и развивать действия здесь; все взоры были устремлены на Сибирь и Урал; на Волге образован был фронт. Загорелась борьба.

Это был период героев. Русские и чехи дрались вместе, как братья, не считаясь жертвами и подвигами, видя перед собой общую священную цель освобождения России от большевиков, этих «апостолов социализма и насадителей на земле нового рая».

Справедливость требует сказать, что без помощи офицерских организаций восстание чехо-словаков не имело бы успеха, — на каждой станции по уходе чехов снова появлялись бы большевистские банды, борьба приняла бы затяжной характер в чужой для чехов стране, на железной дороге длиной в пять тысяч верст, со всеми преимуществами на стороне красных; чехи были бы разбиты по частям и уничтожены. Доблестное многострадальное русское офицерство встало с оружием в руках на всем пространстве от Волги до Тихого океана и оказало братским славянским полкам могучую поддержку. Да и самые боевые действия чехо-словацких полков, имевшие такое славное начало, направлялись также русскими офицерами (как полковник Ушаков, павший в бою у Байкала, Войцеховский, Степанов и много других). Целый ряд городов, — Омск, Иркутск, Челябинск, Орск, Оренбург и Троицк, — был очищен от большевиков без всякого участия чехов, одними белогвардейскими организациями и казаками. В освобождении Сибири от банд кроваво-красной армии летом 1918 года первая и большая заслуга была за русскими белогвардейскими организациями. Но эти настоящие герои, русский офицер и доброволец, ценили помощь братьев-чехов, рады были ей бесконечно и уступали в благодарность им первое место. Население же встречало чехо-словаков повсюду, как избавителей, засыпало цветами и подарками.

Временное сибирское правительство, образовавшееся 30 июня (1918 г.), после свержения большевиков, издало в первый же день своей власти благодарственную грамоту, где отмечало крупные заслуги чехов и словаков в истории освобождения и спасения Сибири и даже перед всем славянством.

После быстрых успехов первого выступления чехи были повернуты, по приказу из Парижа, на запад, к Волге, — союзникам необходимо было образовать восточный фронт против немцев, — тогда судьба мировой войны еще далеко не была ясна.

Так развивались события. Без особых трудов и потерь были взяты города Уфа, Самара и Симбирск. 7 августа 1918 года

заняли Казань, после чего и был создан волжский фронт, командование которым было вручено чешскому поручику Чечеку, произведенному в генералы. Операции на этом фронте велись, главным образом, также русскими добровольцами-белогвардейцами, отряды которых шли безропотно в подчинение чешским безграмотным офицерам и генералам; из последних только один Чечек был лейтенантом военного времени австрийской службы, Ян Сыровой служил раньше коммивояжером, Гайда — фельдшером…

Порыв в то время, летом 1918 года, был грандиозен. Наша, тогда еще не выбитая и не забитая, интеллигенция посылала тысячами свою учащуюся молодежь в ряды белой гвардии; офицерство поголовно бралось за винтовки, даже старые генералы становились простыми номерами к орудиям. Выдвинулся блестящий военный талант молодого полковника генерального штаба В.О. Каппеля, который делал чисто суворовские чудо-маневры, поспевал везде и бил красных, как хотел. Чешские полки, увлеченные этим порывом и успехом, шли вместе с нашими; их охватила та же могучая волна, и увлекли легкие победы. И опять-таки вся слава и благодарность радостными волжанами, освобожденными от гнета большевиков, отдавалась чехо-словакам. Их только-только не носили на руках. И дарили им все, дарили широко, по-русски, от сердца. Забитые и полуголые бедняки-чехи стали богатеть от русской щедрости, аппетиты у них разожглись, и очень скоро у чехов вошло в обычай — тотчас по занятии города, — нашими ли белогвардейцами или ими, — приступать уже просто к реквизиции русских казенных складов, налагая руку иногда и на частное имущество. И на это вначале махали рукой наши: «Все бери, наплевать, — только помоги с большевиками покончить».

Бронштейн и Ленин, напутанные успешными действиями белых на Волге, начали собирать все возможные силы и направлять их на Казань; сюда шли лучшие и наиболее надежные красноармейские части во главе с латышскими полками. В начале чехи, под командой отличного офицера, полковника Швеца, сдерживали здесь натиск красных и отбивали их атаки. Но с каждым днем боеспособность чехов понижалась, — они привыкли за первый период к легким победам, к веселой службе быстрых налетов, триумфальных занятий пустых городов; теперь приходилось иметь дело с многочисленным и упорным противником, нужно было вести серьезные и трудные оборонительные бои с бессонными ночами, тяжелыми потерями.

В то же время падали, выбывали из строя лучшие силы, те чехи-герои, имена и память которых для России будут всегда

священны. А на их место шли худшие элементы: брались пополнения из числа военнопленных, из концентрационных лагерей Сибири. Этими людьми начали заполнять небольшие кадры уже без всякой меры, довели состав чехо-словацкого корпуса свыше пятидесяти тысяч человек. Большинство из этих новых людей меняло убогую жизнь военнопленного концентрационного лагеря на почетное звание стрелка для того, чтобы получить новую нарядную одежду и сытую привольную жизнь; драться же, а тем более подвергать риску в боях свою жизнь они не желали. Только железная дисциплина и хорошие начальники могли бы сделать эту массу боеспособной, сумели бы добиться хороших результатов.

А на место этого пришло вот что. Чехо-войском руководил теперь чешский национальный комитет, члены которого состояли к концу лета 1918 года почти сплошь из социалистов, вроде Богдана Павлу, Гирса, Патейдль, Краль, Модек, Клофач, Благош (предавший в декабре 1919 года адмирала Колчака) и др. Все они были нашими военно-пленными и отсиживались в лагерях, ожидая конца мировой войны. Теперь, когда Америка, Франция и Англия взяли чехов под покровительство, эти милостивые государи выползли на свет и, чтобы попасть к власти и пользоваться большим влиянием на солдатскую массу, пустили в ход самую беззастенчивую демагогию.

Повторилась печальная история лета 1917 года, развала русской армии Керенским и его партийными соратниками. Со всех углов России полезли русские социалисты, главным образом эсеры, и устремились на Волгу к своим «товарищам-чехам»; приплыл в Самару на пароходе «Дед» один из главных разрушителей и предателей России В. Чернов, целый ряд «ответственных» партийных работников и много рядовой мелкоты. Все они были приняты чешским национальным советом, как свои люди, с распростертыми объятиями. Закипела общая работа, зачадила политическая кухня. Совместными усилиями и ловкими вольтами было образовано самарское правительство — комитет членов учредиловки (по сокращенному Комуч).

Опираясь на чешские штыки, центральный комитет партии социалистов-революционеров захватил власть в Волжском районе, чтобы продолжать свой преступный и кровавый опыт насаждения в России социализма.

Понятно, чешские дельцы, политиканы-социалисты из национального комитета, получили за это свою плату; уже с самой Самары они повели сначала осторожные коммерческие дела, затем открытую и беззастенчивую спекуляцию и, наконец, чистый грабеж.

Этот пример вдохновителей и политических вожаков чешского воинства подействовал заразительно на их массы. Их руководящими стимулами скоро стали обогащение и борьба «против русской реакции». На этой почве шел быстро развал чешских полков. Политиканы чешско-русского социалистического блока поспешили удалить с чешской службы, с ответственных постов, всех русских офицеров, заменяя их своими людьми.

Удержание Казани для нас, русских, было крайне важно; поэтому сюда были направлены из-под Симбирска отряды полковника Каппеля, его чудо-богатыри, волжские добровольцы. Каппель обрушился на большевиков с фланга и готов был нанести им сокрушительный удар, но в самую решительную минуту чехи не поддержали его, отказались выполнить боевой приказ, очистили свой участок. Вследствие этого наши части понесли большие потери и, продержавшись несколько дней на оборонительных позициях, должны были отступить. 9 сентября Казань пала и подверглась еще большим ужасам красного террора.

Через два дня большевики заняли Симбирск, затем Сызрань и Самару. Чехи перестали сражаться. Они уходили при первом натиске красных, увозя на подводах и в поездах все, что могли забрать из богатых войсковых складов, — русское казенное добро. Надо иметь в виду, что на Волге оставались тогда еще колоссальные заготовки времени 1916 и 1917 годов для нужд мировой войны.

За чехами тянулись толпы беженцев с Волги, — стариков, женщин, детей; то население, которое несколько недель тому назад забрасывало чехо-словацкие полки цветами и восторженно приветствовало их, как братьев-освободителей, шло теперь пешком, редкие ехали на подводах, потревоженные с насиженных мест, на восток, в неизвестное будущее; оставаться им по домам было нельзя, ибо не только за помощь чехам, но даже за простое сочувствие им большевики истребляли целые семьи.

Можно себе представить, какие чувства были у этой обездоленной и преданной толпы.

Царил неописуемый ужас, и невольно среди многих тысяч беженцев и населения, брошенного на произвол чрезвычаек, возникал вопрос: зачем было все это? Лучше и не было бы чехов совсем, чтобы они и не выступали…

Действительно, это было бы лучше, так как их выступление было преждевременно, оно сорвало тайную работу белогвардейских организаций, творящуюся подпольно тогда на всем пространстве России, сорвало в тот момент, когда дело не было еще налажено и объединено.

На заборах и стенах всех городов и железнодорожных станций еще пестрели разноцветные обращения и прокламации чехов к русскому населению с призывом общей борьбы против большевиков, с громкими обещаниями драться до победного конца.

А вместо этого — сдача всех позиций, отказ от выполнения боевых приказов, предательство по отношению к русским добровольцам.

Не все чехи и словаки были виноваты в этом. В рядах их полков немало состояло еще настоящих солдат, истинных героев. Эти искренно возмущались недостойным поведением своей массы, негодовали, но бессильны были что- либо изменить. Да и не понимали они ясно, где причина этого, кто истинные виновники позора и неудач.

Озлобленная всеми этими неудачами, чешская солдатская масса готова была проклинать всех и вся, не видя, что главные преступники свалившегося несчастья и напрасных жертв сидели в чешском национальном комитете и в Комуче — в лице узких, партийных дельцов-социалистов.

На их ответственности и на их совести лежала вся кровь, пролитая за эти месяцы, и моря слез.

II

Совершенно ошибочное мнение, что чехо-словацкий корпус выступил в борьбу с большевиками идейно, для освобождения России, для возрождения великой славянской страны, потрясенной до основания бессмысленной, ужасной революцией. Первые их действия, как уже было сказано, диктовались интересами личного спасения от возмездия за их измену тогдашнему отечеству, Австро-Венгерской империи. Нельзя требовать от людей и ожидать больше того, что они могут дать, но недопустимо, с другой стороны, считать героями тех, которые представляли массу, состоявшую из среднего и худшего элемента. Это было сборище вооруженных людей, бывших наших военнопленных, правда, сдавшихся частью добровольно, но опять-таки не из-за идейных причин, как то привыкли считать, а из-за того же мелкого и низкого желания спасти свою драгоценную жизнь, которое доминировало у них и в описываемый период.

Ясно, что из массы военнопленных-шкурников не могли образоваться крепкие воинские части. Когда им грозила опасность быть выданными большевиками графу Мирбаху, германскому посланнику в Москве, они рванули, ведомые своими лучшими и храбрыми; в первых же стычках многих из них, героев, потеряли и, как только встретили опасность, столкнулись с крепкими красными частями, то повернули назад. Отступление чехов с их «военной добычей» легло теперь всей тяжестью на русское многострадальное офицерство и добровольцев; плохо снабженные, полуголодные, недостаточно даже вооруженные, эти истинные герои прикрывали чешские эшелоны, наполненные здоровыми сильными людьми, с изобилием всяких запасов.

Естественно, что чувства русских начали меняться, и, вместо прежних иллюзий восхищения освободителями и братьями, стало нарождаться чувство возмущения и презрения к жадным и трусливым чужакам, нашим же военнопленным.

Собственно говоря, отступлением от Волги и кончилась боевая деятельность чехо-словацкого корпуса. Некоторые время они стояли еще на фронте, правильнее сказать, обозначали свое там место, каждый раз только до первого появления красных сил, затем сматывались и уходили на восток. Все бои и вся арьергардная служба легли своей тяжестью исключительно на русские добровольческие отряды волжан и уфимцев.

Всякое отступление вносит в ряды войск некоторую деморализацию, это лежит в самой природе события. Такое же отступление, как то было осенью 1918 года с чехо-словацкими

полками, — беспорядочное, безнаказанное, — быстро дополнило их разложение; этот процесс еще более усиливался от той демагогии, которую расплодили и усиливали с каждым днем тогдашние их руководители, социалисты из национального комитета.

Они прокричали на все концы, что «их цель — борьба за демократию», что «вмешиваться во внутренние дела России они не желают»[131]. И в то же время они самым беззастенчивым образом поддерживали партию эсеров, добывали для нее власть над русскими массами. Так было, когда они оказали, в лице доктора Павлу, давление на образование социалистической директории, в Томске чехи открыто выступили на поддержку Сибирской областной думы, состоявшей почти поголовно из эсеров, шедшей против Временного сибирского правительства, и командовавшего сибирской армией генерала Гришина-Алмазова. В низах чехо-словацких полков велась постоянная и все усиливающаяся пропаганда: дельцы-социалисты, обделывая свои темные махинации, уверяли солдатскую массу, что они соблюдают интересы их и русского народа, стоят на страже революции и «борются против реакции». Между прочим, как ясный признак ее, выдвигалось то, что русские офицеры и солдаты одели погоны, свою старую историческую форму.

Чехо-словацкий национальный комитет скоро повел козни даже против созданной при его помощи социалистической уфимской директории и стал всецело на сторону левых эсеров, группировавшихся около Б. Чернова. Несмотря на это, с чехами продолжали носиться. Директория и входящий в нее членом верховный главнокомандующий генерал Болдырев оставили командование всем уральским фронтом в руках чешского генерала Яна Сырового, несмотря на то, что фактически боевая служба неслась одними русскими добровольческими отрядами, и чехи лишь местами еще занимали второстепенные участки, да кое-где стояли в резервах. В ответ на такой реверанс Сыровой отказался исполнять приказы генерала Болдырева. После долгих сцен и уговариваний он заявил, что будет подчиняться Болдыреву лишь временно, до приезда французского генерала Жанэна; на самом деле не выполнялось и это, чехи действовали совершенно самостоятельно.

Не было у них уже и внутренней, своей дисциплины; скоро полки их приобрели такой же вид, как наши «товарищи» конца семнадцатого года. Без погон, в умышленно-небрежной и неформенной одежде, с копной длинных кудлатых волос, с насупленным злобным взглядом, вечно руки в карманах, чтобы по ошибке и по старой привычке не отдать честь офицеру; толпы их

были на всех станциях, молчаливые, державшиеся кучками по десять — пятнадцать человек, ничего не делавшие, кроме регулярного наполнения своих желудков и бесконечных, бестолковых словопрений. Было у них еще одно занятие: они сторожили свои огромные запасы, охраняли их усиленными караулами, с винтовками в руках.

Вот краткий перечень вывезенного чехами в первый период после отступления от Волги («Чехо-словаки», — статья Славянофила в газете «Дело России» № 12, 1920 г.).

«Отойдя в тыл, чехи стали стягивать туда же свою военную добычу. Последняя поражала не только своим количеством, но и разнообразием. Чего-чего только не было у чехов. Склады их ломились от огромного количества русского обмундирования, вооружения, сукна, продовольственных запасов и обуви. Не довольствуясь реквизицией казенных складов и казенного имущества, чехи стали забирать все, что попадало им под-руки, совершенно не считаясь с тем, кому имущество принадлежало. Металлы, разного рода сырье, ценные машины, породистые лошади объявлялись чехами военной добычей. Одних медикаментов ими было забрано на сумму свыше трех миллионов золотых рублей, резины на 40 миллионов рублей, из Тюменского округа вывезено огромное количество меди и т. д. Чехи не постеснялись объявить своим призом даже библиотеку и лабораторию Пермского университета. Точное количество награбленного чехами не поддается даже учету. По самому скромному подсчету эта своеобразная контрибуция обошлась русскому народу во многие сотни миллионов золотых рублей и значительно превышала контрибуцию, наложенную пруссаками на Францию в 1871 году. Часть этой добычи стала предметом открытой купли-продажи и выпускалась на рынок по взвинченным ценам, часть была погружена в вагоны и предназначена к отправке в Чехию. Словом, прославленный коммерческий гений чехов расцвел в Сибири пышным цветом. Правда, такого рода коммерция скорей приближалась к понятию открытого грабежа, но чехи, как народ практический, не были расположены считаться с предрассудками».

К этому добавим, что чехами было захвачено и объявлено их собственностью огромное количество паровозов и свыше двадцати тысяч вагонов. Один вагон приходился, примерно, на двух чехов; понятно, что такое количество им было необходимо для провоза и хранения взятой с бедной России контрибуции, а никак не для нужд прокормления корпуса и боевой службы.

Пропаганда и демагогия социалистов, руководителей из национального комитета, попустительство русских властей и

представителей Антанты, безнаказанный грабеж, сытая и бездеятельная жизнь, — вот те факторы, которые окончательно разложили чехо-словацкий корпус.

Уже в октябре 1918 года чехи окончательно отказались драться и потребовали вывода их в тыл, мотивируя это тем, что они хотят быть отправленными в Европу, на французский фронт. Русское командование против этого не протестовало, так как иметь на фронте подобную разнузданную, доведенную социалистами до степени большевизма массу было только во вред. Русское командование настаивало на одном и обращалось с этой просьбой — подождать несколько недель и дать возможность закончить начатое формирование наших частей; чешское командование, кроме генерала Гайды, не соглашалось и на это. И к началу ноября 1918 г. весь чехо-словацкий корпус был убран в тыл, на фронте остались только русские молодые полки.

Около этого времени доблестный чешский полковник Швец, один из ветеранов первой чешской дивизии, не стерпел развала своей части, не мог перенести позора и застрелился.

Возмущение среди армии и населения Сибири против чехов росло с каждым днем. Когда чехо-словацкие полки уходили в тыл, они забрали с собой все вооружение, при чем некоторые их батареи имели двойной комплект пушек; увезли они большие склады обмундирования и обуви. И это в то время, когда на фронте им на смену становились русские полки, плохо и недостаточно вооруженные, полураздетые и полуобутые, с огромным недостатком орудий, пулеметов и винтовок. Терпели мы и переносили все это потому, что не было силы расправиться с этими пятидесятитысячными бандами, не было возможности обезоружить их и загнать снова в концентрационные лагери, — единственно чего они заслуживали. В свою очередь, среди чехов росло недружелюбное чувство ко всем русским, к самой России. Доктор Павлу и другие политические руководители разжигали это чувство еще тем, что умышленно натравливали свою массу на русское офицерство, на русскую армию.

В начале ноября военный и морской министр директории адмирал А.В. Колчак прибыл особым поездом в Екатеринбург, чтобы лично ознакомиться с нуждами фронта. Разнузданные чешские солдаты начали задевать самой площадной бранью всех чинов конвоя русского военного министра; чешские офицеры, стоявшие тут же, не только не останавливали их, но даже подзадоривали. Один из офицеров направился к вагонам адмирала, проход куда был запрещен. Русский часовой пытался остановить чеха-офицера; со стороны последнего в ответ последовала отборная ругань, а затем попытка ударить часового.

Тогда русский стрелок пустил в ход оружие, — что он был обязан сделать по закону, — и смертельно ранил чеха.

Все иностранцы проявили возмущение этим случаем и стали на сторону безобразников, нарушителей порядка — чехов. Создали помпезные похороны, анти-русскую демонстрацию; политиканы из национального комитета говорили над могилой этого печального героя речи, полные ненависти к России и русским.

Характерно то, что союзнические военные части и высокие комиссары ведь видели и знали все это, им была открыта истинная картина, и до мелочей было знакомо положение дела: и предательство на фронте, и бесконечный грабеж союзника — России, и вмешательство в государственные дела, и угрозы самой возможности дальнейшей борьбы от присутствия в тылу этой многотысячной разнузданной вооруженной массы. Но они стыдливо закрывали глаза, загадочно улыбались и бездействовали; втайне же, за спиной, они всячески ублажали и поощряли чехов.

В ноябре приехал в Сибирь французский генерал Жанэн, глава миссии, и вступил в главнокомандование чехословацким корпусом, как равно и другими «союзными» войсками. К этому времени война с центральными державами была окончена победой Антанты. Чехо-Словакию провозгласили самостоятельным государством. С Жанэном приехал новый чешский военный министр генерал Стефанек. Он имел задачу ликвидировать национальный комитет, привести в порядок части, наладить дисциплину и добиться их фактического подчинения Жанэну; кроме того, Стефанек надеялся, — как он говорил в первые дни приезда в Сибирь, — заставить чешские полки драться против большевиков. Высокой честности, доблестный солдат, человек, не затемненный политической партийной мутью, генерал Стефанек пришел в ужас от того, что он увидел в своем воинстве в Сибири.

Но чешскому военному министру ничего сделать не удалось. Он встретил сильное противодействие и среди своего командного состава, и у политических руководителей, и в солдатской массе; последняя ответила даже тем, что открыто потребовала учреждения полковых и дивизионных комитетов солдатских депутатов, наподобие тех, что были созданы Гучковым и Керенским для развала русской армии в 1917 году.

Ничего не добившись, генерал Стефанек уехал обратно в Прагу, сконфуженно прощаясь с русскими друзьями и открыто выражая им свои искренние и глубокие сожаления.

Все больше росло недовольство среди чехов, все чаще и

громче раздавались их требования об эвакуации из Сибири и о возвращении на родину, — война с центральными державами была кончена. Верховный правитель, заменивший собою кастрата-директорию, а равно наше высшее командование поддерживали перед союзниками эту просьбу чехов: нам было необходимо убрать как можно скорее из Сибири этот вредный балласт, 50.000 разнузданных вооруженных и враждебных России солдат.

Какое это было зло и какая угроза в тылу! И какой гибельный пример нашим солдатам! Приходится еще больше и ниже преклониться перед отличными свойствами русского человека, — ведь на-ряду с этими полу-большевиками, потерявшими человеческий образ, не желавшими отдавать честь не только своим и русским офицерам, но даже французам и американцам, перед которыми чехи все время благоговели, зная, что от них зависит отсылка их на родину, — наряду с этими массами в наших русских полках дисциплина укреплялась с каждым днем, отдание чести было не только исправное, но даже отчетливое, щеголеватое, служба неслась и на фронте и в тылу на совесть, по уставу.

Союзники не нашли возможным удовлетворить просьбу чехов, объяснили им, что сейчас-де нет достаточного количества транспортов для перевозки всего корпуса, но обещали, что при первой возможности их вывезут. Этим обещанием чехов заставили подчиниться приказу Жанэна — стать вдоль железной дороги и охранять ее.

Невольно возникает вопрос: что же за отношение у союзных держав было к России и русскому народу? Представители их в Сибири знали всю вопиющую правду о тех неслыханных, безобразных преступлениях, которые произвел в России чехословацкий корпус, знали, в каком состоянии находилось это войско, не могли не видеть постоянной угрозы русскому национальному делу со стороны этой взрывчатой массы. А кроме того, к ним были обращены и неоднократные просьбы русского правительства убрать чехов из России. Но не нашли возможным сделать это.

Может быть, действительно не было транспортов и достаточного количества тоннажа? Допустим, что так, но у них, этих руководителей союзнической, а к тому времени и мировой политики, было зато достаточно в Сибири сил, — три доблестных японских дивизии, одна канадская, по батальону сербов, румын, итальянцев и французов, два батальона англичан, — чтобы обуздать чешскую массу, обезоружить, привести в порядок. Это сделать можно было, это сделать должны были наши бывшие союзники, на это им не раз указывали. Но они этого не сделали.

А, может быть, и не хотели сделать?

III

Чехо-словацкие части двигались все более в глубокий тыл, чтобы там выжидать возможности эвакуации; среди их масс продолжался все тот же процесс разложения, и параллельно шло укрепление эсеровского влияния. Полное бездельничанье и разгильдяйство среди чехов стало нормальным явлением; единственно, чем они продолжали усиленно заниматься, — развили торговлю и спекуляцию не только награбленным имуществом, но и новыми товарами, привозимыми с Дальнего Востока. Для этой цели чешское командование и политические руководители начали беззастенчиво использовать русскую железную дорогу, которая при всем напряжении не могла даже удовлетворить потребностей боевых армий и населения Сибири. Довольствие чехо-войска брало треть всего наличного транспорта, обращавшегося тогда на Сибирской железной дороге, что давало на каждого чешского солдата по несколько десятков пудов ежемесячно. На действительные потребности войсковых частей из этого количества шла меньшая часть, — львиную долю транспорта составляли различные ходкие товары, поступавшие потом от чехов на сибирский рынок. Не довольствуясь этим, чешские руководители начали вскоре передавать частным лицам, ловким спекулянтам, свое право на целые вагоны.

Возникло несколько громких дел. Однако омское правительство, имевшее среди своих членов партийных социалистов, закрывало на это глаза, проповедуя нежелание обострять отношения; с другой стороны, так это все надоело и так все еще дорожили помощью союзников, что предпочитали терпеть и ждать, когда эти «доблестные» воины- спекулянты уберутся из Сибири.

Но адмирал Колчак твердо решил положить в будущем конец этому вопиющему безобразию; он ждал также, когда можно будет выбросить чехов из Сибири во Владивосток, чтобы там, перед их посадкой на суда, произвести ревизию всех их грузов. От участия в этой ревизии не могли бы уклониться и союзники. И несомненно, тогда преступление встало бы во весь рост и во всей своей неприглядной наготе: грабителей уличили бы с поличным.

Вся зима 1918–1919 года прошла в передвижении чехо-словацкого корпуса по железной дороге, в долгих уговариваниях солдат стать в тот или другой город или на станцию, в упрашиваниях со стороны союзных миссий согласиться на службу по охране железной дороги.

Всю зиму эти пятьдесят тысяч военнопленных, разжиревших

на сибирских хлебах, ничего ровно не делали. Всюду были толпы этих парней; наглое одутловатое лицо, чуб выпущен из-под фуражки по большевицкой моде, бегающий взгляд глаз, останавливающийся на каждом русском с враждебным и виноватым выражением. Все чехи были одеты щеголями, как наши писаря главного штаба былых времен, — новенькая форма, сшитая из русских сукон, форсистые сапоги бутылками и перчатки. Нельзя не повторить, что многострадальная боевая русская армия в то же время была в рубищах и терпела недостаток во всем.

К весне, наконец, разместили чехов по квартирам, но они заявили, что поездов не отдадут, выставили к ним караулы и оставили вагоны, нагруженными накраденным добром, чтобы в любую минуту быть готовыми к отъезду. Во всех городах междусоюзническая комиссия отвела для чехо-словацких частей лучшие помещения, в большинстве русские школы.

Союзные представители продолжали всячески ублажать чехов; как будто русских интересов совершенно не существовало для этих миссий, приехавших в Сибирь нам же помогать.

Вдобавок ко всем качествам чехо-войска среди солдат их появился огромный процент больных скверными, секретными болезнями. Для них очистили госпитали и наводнили ими все города включительно до Владивостока. Наших раненых выбрасывали или отказывали в месте, так как больным чехам необходимы были лучший уход и заботы.

Ранней весной проездом в Омск я и генерал Нокс остановились на несколько дней в Иркутске. Командующий войсками этого округа генерал-лейтенант Артемьев развернул перед нами ужасную картину безобразного поведения солдат-чехов; старый боевой русский генерал трясся от гнева и от сдерживаемого желания поставить на место разнузданную массу чехов, которых в свое время и корпус генерала Артемьева взял немало в плен в Галиции и в Польше. Представитель Великобритании Нокс, который был отлично в курсе всего, который сам возмущался в интимном кругу этими порядками, теперь пожимал только плечами и говорил, что надо терпеть, так как в будущем чехо-словацкие войска принесут-де пользу.

Ненависть и презрение к дармоедам, обокравшим русский народ, возрастали в массах населения сибирских городов, в деревнях и в армии. Когда мы проезжали по улицам Иркутска, Красноярска и Новониколаевска, то видели на заборах почти всех улиц надписи мелом и углем: «Бей жидов и чехов. Спасай Россию».

Нокс опять пожимал плечами и бормотал что-то о

несдержанности русского народа.

На остановке в Красноярске в апреле 1919 года я долго говорил с начальником 3-й чехо-словацкой дивизии, майором Пржхалом, бравым офицером типа полковника Швеца. Он высказывал также полное возмущение своей массой и допущенным развалом; офицерская совесть майора Пржхала не мирилась с сиденьем за спиной русской армии. Но, по его мнению, дело можно было исправить, можно было даже получить для борьбы с большевиками хорошую и достаточную силу, — для этого требовалось провести лишь три меры: упразднение всяких политических руководителей, отделить около половины негодного элемента, обезоружить его, заключив в концентрационные лагери, и вернуть строевым начальникам всю дисциплинарную власть, с учреждением военно-полевых судов. Понятно, на это не шли ни политические руководители чехов, ни союзные представители, ни «главнокомандующий русскими военнопленными» Жанэн. Им нужно было не то…

Лето и начало осени 1919 года чехи провели на охране железных дорог. Весьма характерно то, что с их появлением в этой роли нападения и порча железной дороги участились и, наконец, сделались местами повседневным, регулярным явлением.

Постепенно усиливался комплот в тылу, креп заговор, росли вражеские силы; какие были у них планы и расчеты, тогда нельзя было в точности выяснить. Но документально установлено, что восстание против власти адмирала Колчака во Владивостоке и Иркутске было поднято и проведено при близком участии и даже при помощи чехов. Гайда, живший с июля во Владивостоке и готовивший при широкой поддержке тамошнего чешского штаба восстание, получил после падения Омска телеграмму от официального чешского представителя при омском правительстве доктора Гирсы такого содержания: «Начинайте, все готово».

Вслед за этим тот же доктор Гирса и Павлу издали в конце ноября меморандум, обращенный ко всем союзным представителям. Они драпировались в тогу гуманности и законности, они требовали или вывоза их войск на родину или «предоставления им свободы воспрепятствования бесправию и преступлению, с какой бы стороны они ни исходили»…

В начале меморандума эти обогатившиеся русским добром политические шулера обращаются «к союзным державам с просьбой о совете, каким образом чехо-словацкая армия могла бы обеспечить собственную безопасность и свободное возвращение на родину, вопрос о чем разрешен с согласия всех союзных держав»…

Далее говорится о произволе русских военных органов, об «обычном явлении расстрелов без суда представителей демократии по простому подозрению в политической неблагонадежности», «об ответственности за все это перед судом народов всего мира, почему мы, имея военную силу, не воспротивились этому беззаконию».

Это точные цитаты из документа. И все здесь от начала до конца ложь, — даже и касательно расстрела так называемых представителей демократии, т.-е. русских социалистов.

Во всем меморандуме правда лишь в его начале, а именно в просьбе совета, каким образом чехо-словацким эшелонам выбраться из Сибири на родину и вывезти все захваченные богатства. Цель же меморандума была одна — оправдать заранее участие чехо-войска в мятежных и изменнических восстаниях.

Но руководители заговора, видимо, не все рассчитали. После падения Омска, когда отступление белой армии пошло быстрым и ежедневным ходом, чехо-словацкие полки, жившие постоянной мыслью выезда из Сибири, охватила паника. Как стадо, напуганное призраком смерти, рванулись легионеры назад, на восток, ничего не видя, кроме страха опасения за свои жизни. Под влиянием паники, пользуясь силой, и покровительством высоких русских гостей — союзных представителей, эти банды стали совершать подлинно каиново дело. Остановить взбунтовавшиеся, бешеные массы можно было только силой японских и английских штыков, да резкими крайними мерами; возможность этого была в руках генералов Нокса и Жанэна, но они не захотели помочь нам это сделать.

Вот короткое описание происходившей трагедии («Чехо-словаки», статья Славянофила в газете «Дело России», № 14, 1920 года):

«Длинною лентой между Омском и Новониколаевском вытянулись эшелоны с беженцами и санитарные поезда, направлявшиеся на восток. Однако лишь несколько головных эшелонов успели пробиться до Забайкалья, все остальные безнадежно застряли в пути.

«Много беззащитных стариков, женщин и детей были перебиты озверевшими красными, еще больше замерзло в нетопленных вагонах и умерло от истощения или стало жертвой сыпного тифа. Немногим удалось спастись из этого ада. С одной стороны надвигались большевики, с другой — лежала бесконечная, холодная сибирская тайга, в которой нельзя было разыскать ни крова, ни пищи.

«Постепенно замирала жизнь в этих эшелонах смерти. Затихали стоны умирающих, обрывался детский плач, и умолкало

рыдание матерей.

«Безмолвно стояли на рельсах красные вагоны-саркофаги со своим страшным грузом, тихо перешептывались могучими ветвями вековые сибирские ели, единственные свидетели этой драмы, а вьюги и бураны напевали над безвременно погибшими свои надгробные песни и заметали их белым снежным саваном.

«Главными, если не единственными, виновниками всего этого непередаваемого словами ужаса были чехи.

«Вместо того, чтобы спокойно оставаться на своем посту и пропустить эшелоны с беженцами и санитарные поезда, чехи силою стали отбирать у них паровозы, согнали все целые паровозы на свои участки и задерживали все, следовавшие на запад. Благодаря такому самоуправству чехов, весь западный участок железной дороги сразу же был поставлен в безвыходное положение».

И дальше: «Более пятидесяти процентов имеющегося в руках чехов подвижного состава было занято под запасы и товары, правдами и неправдами приобретенные ими на Волге, Урале и в Сибири. Тысячи русских граждан, женщин и детей были обречены на гибель ради этого проклятого движимого имущества чехов».

Доктор Гире и Богдан Павлу взывали в своем меморандуме к суду народов всего мира, — как раз накануне этого дела, подобного которому не было в истории всех веков…

IV

Цепь злодеяний, совершенных иностранной интервенцией в Сибири, дополнилась еще и предательством чехо-словацкими вожаками самого адмирала Колчака в руки их политических единомышленников и соучастников, в руки эсеров.

Впоследствии чешские политики выпустили обращение к Сибири; в нем они заявляли, что, взяв адмирала Колчака под свою охрану, чехи предали его «народному суду не только, как реакционера, но и как врага чехов, так как адмирал приказал атаману Семенову не останавливаться перед взрывом туннелей для того, чтобы задержать чешское отступление на восток».

Тотчас после ареста верховного правителя чехами на станции Нижнеудинск совет министров как-то сам собой распался, и большинство их уехало на восток; а в Иркутске тотчас же образовался политический центр, состоящий из трех авантюристов: харьковского спекулянта Фельдмана, Косьминского и подпоручика-дезертира; этот «политический центр» объявил себя носителем российской верховной власти. Первое распоряжение министра финансов этого нового правительства, жидка-фактора и партийного эсера, Патушинского, было телеграфное приказание управляющему Владивостокской таможней Ковалевскому: «Беспрепятственно и без всякого досмотра пропускать к погрузке на пароход все, что пожелают вывезти чехи, в виду их заслуг перед Россией».

Российское государственное достояние, двести восемьдесят тысяч пудов золотого запаса, чехи довезли до Иркутска, при чем было установлено, что по дороге один вагон, т.-е. тысяча пудов, был ими разграблен («Чехи и эсеры», статья в газете «Дело России», № 10, 1920 г.). В Иркутске золото было сдано своим людям, тому же политическому центру; на сдаточной ведомости были подписи спекулянта Фельдмана и еще какого-то рядового эсера, бывшего владельца ресторана в Иркутске.

Эсеры и их политический центр продержались в Иркутске только восемь дней, после чего власть была захвачена большевистским совдепом во главе с агентом московской советской власти. Чехи сумели сговориться и с ними.

Где нашли Патушинские и компания заслуги перед Россией: теперь ли, в предательстве чехов, или в их выступлении летом 1918 года, когда они, добиваясь личной безопасности, потревожили русский муравейник? Ответ ясен: помощь Московскому интернационалу, погубление русского дела, — вот заслуга перед Россией, по мнению Патушинских.

И ведь представить себе только, что все это проделывалось на глазах всех союзных стран, ибо эти глаза существовали тогда еще в Сибири в лице высоких комиссаров и военных миссий; все они внимательно и пытливо следили за разворачивавшимися событиями, ежедневно ставя о них в известность Париж, Лондон и Нью-Йорк. Знаменитая в истории фигура, достойная быть поставленной на-ряду с искариотским Иудой, французской службы генерал Жанэн телеграфировал в Париж, что «доблестные» чехо-словаки по его приказанию передали золотой запас политическому центру.

Место не позволяет еще подробнее развернуть и вырисовать все детали этой картины, как военнопленные России под командой французского генерала топтали в грязи и крови все, что было в России национального, честного, готового до конца остаться верным долгу: очевидно, за то, что простецкая наша страна слишком усердно спасала Париж; видно, это была расплата за то, что святая Русь положила за дело союзников в мировой войне свыше трех миллионов своих лучших сынов убитыми в боях.

Цель настоящего очерка — лишь обрисовать в общих чертах те трудные условия, в какие было поставлено дело белых со стороны пресловутых интервентов, как были собраны и подготовлены ими силы, враждебные национальному возрождению России, как было совершено предательство.

Передав в руки эсеров верховного правителя, сдав политическому центру русский золотой запас, чехо-словацкие эшелоны продолжали свое движение на восток. По пути они захватили наличную кассу иркутского казначейства и клише экспедиции заготовления государственных бумаг для печатания денежных знаков; купюры их они начали усиленно печатать, преимущественно билеты тысячерублевого достоинства. («Чехи и эсеры», статья в газете «Дело России», № 10, 1920 г.)

На их пути встретился еще один крепкий русский район — Забайкалье с Читой, где сохранилась русская национальная сила под начальством атамана Семенова. Чехи знали, что им не пройти мимо этой заставы безнаказанно.

Но и здесь они находят помощь интервентов-союзников. Ян Сыровой сосредоточивает несколько эшелонов к станции Мысовой и к городу Верхнеудинску, высаживает свои части и, при содействии и вооруженной поддержке 30-го американского пехотного полка, нападает внезапно на русские части; после короткого боя чехи и американцы обезоружили эти отряды атамана Семенова. Разоружение в Верхнеудинске сопровождалось похищением восьми миллионов казенных денег. («Чехо-словаки»,

статья Славянофила в газете «Дело России», № 114, 1920 г.)

То же самое собирались чехи проделать и в Чите, главной квартире атамана Семенова, но там был уже район охраны железной дороги японцами; со стороны их командования чехи встретили серьезный отпор, вступать с ними в бой не посмели, а обратились к заступничеству своего соучастника и руководителя Жанэна. Союзным концертом было оказано на японцев давление, после чего атаман Семенов был принужден разрешить чехо-словакам проезжать через Читу на восток, но с условием, чтобы ни один чех-солдат не смел выходить из поезда на станцию и в город.

Первые чешские эшелоны вышли в полосу отчуждения Восточной-Китайской железной дороги и добрались до Харбина. Вот как описывает это очевидец («Чехо-словаки», статья Славянофила в газете «Дело России», № 14, 1920 г.):

«Интересную картину представлял Харбин в дни прохода чешских эшелонов. Прежде всего прибытие чехов отмечалось резким падением курса рубля. Китайские менялы сразу учитывали, что на рынок будет выброшено много рублей, и играли на этом. Меняльные лавки были полны чехами, менявшими русское золото и фунты кредиток на иены и доллары. На барахолке шла бойкая распродажа движимого имущества, начиная от граммофонов и швейных машин и кончая золотыми брошками и браслетами.

«На станции же железной дороги распродавались рысистые лошади и всякого рода экипажи».

Целые мешки сибирских кредитных билетов, частью похищенных, частью напечатанных самовольно, были выпущены чехами на харбинский денежный рынок. Во Владивостоке они представили для обмена 100 миллионов свежих купюр тысячного достоинства.

То были первые эшелоны. Задние же в это время еще находились западнее Иркутска. Казалось бы, что для пропуска их на восток чехам необходимо было выгнать боем большевиков, засевших в Иркутске, выхвативших там власть из рук эсеровского политического центра. Чехи отлично знали, что белая русская армия окажет им в этом самую действительную помощь. Но руководители чехо-словацкого воинства во главе с Яном Сыровым остались верны себе до конца. Они предпочли пойти с комиссарами на мировую и заключили форменное условие, где было предусмотрено, какое расстояние должно быть между последним, задним чешским эшелоном и авангардом советской Красной армии, кого еще чехи должны выдать большевикам, в каких условиях они должны обезоружить отряды нашей, белой,

армии; негласно чехи снабжали местные красноармейские банды оружием и боевыми припасами.

Больше того, они возили в своих поездах большевистских агитаторов; доставили во Владивосток представителя московского Советского правительства жида Виленского; предоставили в распоряжение большевиков пользование чехословацкой войсковой почтой. Словом, дошли до предела.

Бесконечно тяжелое положение было многих русских офицеров, добровольцев, беженцев и женщин, так как многие отбились от нашей армии, шли и ехали одиночным порядком. Так как русских поездов не было, и вся железная дорога была набита исключительно чешскими эшелонами, то естественно, что все они обращались за помощью к чешским офицерам, рассчитывая на их самое примитивное благородство, а главное из-за безвыходности положения: приходилось спасать жизнь от большевиков и эсеров.

Чаще всего чехи отказывали русским в их просьбе поместиться в вагонах, где просторно ехали их нижние чины, наши военнопленные, и везли грузы. Иногда они принимали, но затем на одной из следующих станций выдавали большевикам.

За разрешение проехать в нетопленном конском вагоне чехи брали от пяти до пятнадцати тысяч рублей или золотые вещи; но и плата не всегда гарантировала жизнь и доставление до Забайкалья, где была уже безопасная от большевиков зона.

Около станции Оловянная из проходящего чешского эшелона было выброшено три мешка в реку Онон. В мешках нашли трупы русских женщин. Нет возможности установить хотя бы приблизительно синодик погубленных и преданных за этот период.

Благодаря случайно спасшемуся полковнику барону Делинсгаузену выяснилась вся грязь предательства чехами славного сибирского казака генерал-майора Волкова и его небольшого отряда.

Генерал Волков отбился от армии и не мог догнать ее. Между тем наседали красные с запада и появились банды с востока, от Иркутска; тогда около станции Ангара Волков обратился за помощью и спасением к начальнику стоявшего там чешского эшелона.

— Впереди никаких красных нет, — ответил тот, — вы смело можете двигаться вдоль полотна, но только торопитесь.

В полутора верстах от станции отряд был встречен залпами; первыми выстрелами был убит генерал Волков и смертельно ранена его жена. Из всего отряда спаслись только шесть человек с бароном Делинсгаузеном. По возвращении на станцию они были встречены словами:

«Как!.. Вы не пробились? Ведь красных было так мало…»

Через короткое время большевики подошли к станции, и все шесть спасшихся были выданы им по приказанию того же начальника эшелона. Все выданные были расстрелены; только барону Делинсгаузену удалось спастись буквально чудом. Подробный рассказ его приведен был тогда же, по прибытии его в Харбин, во всех дальне-восточных газетах.

V

Дойдя до Владивостока, чехи стали постепенно, по мере предоставления им «союзниками» транспорта, грузиться на суда, стаскивая сюда же и награбленное имущество. Никто не мог защитить интересы нашего народа и страны, так как все русское национальное было истреблено почти начисто, остатки белой армии совершали тяжелый поход через Сибирь, временно наверху у власти оказалась снова социалистическая муть; во Владивостоке распоряжалось эсеровское правительство Медведева и К°, которое помогало чехам дополнить их запасы, не забывая и себя[132]. Многое осталось неизвестным, но тогда же было кое-что обнаружено; так, например, было опубликовано, что эсеры продали чехам сотни тысяч пудов меди по 8 иен за пуд, вместо минимальной рыночной цены в 20 иен пуд.

Иностранцы смотрели на все это холодно, равнодушно и только иной раз, кто почестнее, с презрением; лишь один раз английский консул остановил погрузку резины на общую сумму около пяти миллионов иен, взятой чехами из владивостокских пакгаузов, остановил только потому, что там пострадали бы интересы и английских подданных.

Отдельные русские люди и несоциалистическая пресса пробовали протестовать, опубликовывать вопиющие факты открытого, безнаказанного ограбления России. Чехи или оставляли без ответа или отвечали отписками, иногда только подтверждавшими все эти факты. Прочие страны Согласия хранили упорное молчание.

Вот один из документальных примеров. В номере от 1 мая 1920 г. газеты «Japan Advertiser» была помещена телеграфная корреспонденция из Владивостока следующего содержания:

«Вчерашний отъезд транспорта «Президент Грант» оставил еще 16.000 чехов для эвакуации; транспорт для них еще не предусмотрен и не ожидается раньше конца июня. Есть предположение зафрахтовать японские пароходы, так как ничем не занятые чехи суть причина постоянных волнений и недоразумений. «Президент Грант» увез 5.500 чехо-словаков, а также сотни тонн золота, серебра, меди, машин, сахара и всяких других продуктов, как и другое награбленное добро, которое чехи увозят с собою из Сибири».

Чехо-словацкий посланник в Токио г-н Перглер нашел нужным и возможным представить такой ответ, помещенный вслед за тем в той же газете и в русской дальне-восточной прессе:

«Газеты содержат сообщение из Владивостока от 28 апреля

касательно возвращения на родину чехо-словацкой армии из Сибири, а также относительно отъезда американского транспорта «Президент Грант», увозящего 5.500 чехо-словаков. Сообщение газеты: «Президент Грант» увозил 5.500 чехо-словаков, сотни тонн золота, серебра, меди, машин, сахара, снаряжений и другого награбленного добра, которое чехи увозят с собою из Сибири. Газеты озаглавливают это сообщение следующими словами: «Чехи увозят награбленное из Сибири» и «чехи грабят Сибирь». Словарь определяет слово награбленное, как обозначающее грабеж в связи с войной и всеобщим расстройством порядка; чехо-словацкие солдаты, таким образом, обвиняются в весьма серьезном преступлении.

«Обязанности дипломата, насколько я их понимаю, заключают в себе также защиту доброго имени своей страны и своих сограждан. Эта обязанность особенно существенна, когда ставится вопрос о добром имени армии, которою восторгался весь свет, как в данном случае чехо-словацкой армией в Сибири. Тот факт, что чехо-словаки увозят из Сибири, в этом случае на американском транспорте, свое собранное имущество, приобретенное на свои собственные деньги. Чехи-словаки находились в Сибири очень долго. Эти солдаты все воспитанные люди, многие из них окончили университеты, интеллигентные рабочие и ремесленники. Как солдаты они получали известное количество денег. Вместо того, чтобы расходовать свое жалованье, они сложили свои финансы и основали большое торговое общество, а также значительные банки, банк чехо-словацких легионеров. Эти доходы увеличивались при русских условиях потому, что жалованье было уплачиваемо во франках и выплачивалось по курсу дня русскими деньгами. Солдаты скупали большое количество запасов и именно эти запасы теперь увозят в республику. Для них было особенно важно купить хлопок, необходимый в текстильной промышленности, и в этих покупках они дошли до таких размеров, что в октябре русский экономист рекомендовал сокращение покупок хлопка чехами; это, очевидно, доказывает, что эти сделки были законные, основанные на обычных методах покупки и продажи.

«Что чешские солдаты делают со своим жалованьем, как бы незначительно оно ни было, видно из того, что в 1918 году они подписали пять миллионов франков на заем чехо-словацкого национального совета для поддержки этой же армии».

Поставим и мы точку. Этот документ говорит сам за себя, и в нем есть подтверждение всего, что изложено в настоящей главе, — подтверждение частью словами, частью формой умолчания.

Лейт. N.N. Записки белогвардейца [133]

Начало белого движения

Неудавшееся выступление Корнилова[134] показало, что гражданская война неизбежна, и, как только падение Риги выяснило[135], что фронт фактически не существует, что война, объединяющая и заставляющая офицерство честно сидеть на своих постах, окончена, невольно началось белое движение. Оно началось без общего предварительного сговора: все потянулось на Дон, на Кубань, где положение казалось более надежным. К этому же времени большевики, захватившие силой власть в руки, оттолкнули от себя и чиновничество.

Одновременно с концентрированием военных на Дону, начали организовываться контр-революционные центры и ячейки по всей России.

Отсутствие опыта в подпольной работе осложнялось природной мягкотелостью и скупостью буржуазии, не отдававшей себе отчета в происходящем и упорно цеплявшейся за остатки своего имущества и капитала; организационное дело шло весьма туго. Приходилось начинать все с азов, устанавливать между ячейками связь, находить их, объединять платформами и т. д.

Полный недостаток средств очень осложнял работу. Благодаря этому активные части организаций, состоящие из вооруженных людей, не могли долго выдерживать и дожидаться момента выступления, ибо, за отсутствием средств, люди принуждены были расходиться, ища себе заработка на стороне. Правда, они старались совместить свою платную работу с борьбой с большевизмом, но это, конечно, удавалось редко.

Мне пришлось принять участие в этих организациях совершенно случайно. Организации создавались не по письменной, обдуманной программе или уставу, а просто образовывались везде, где приходилось; и в столицах, и в больших городах, и в малых, и даже в захолустных местечках были свои ячейки, состоящие из людей, или видящих гибель всего ценного кругом, или пострадавших тем или иным способом от революции и потому не могущих ею восторгаться.

Группировка происходила везде по двум главным признакам: с одной стороны, — общественные элементы, более знакомые с политическими вопросами, а с другой, — военные круги, где находились люди, стоявшие ближе к оружию. Были, конечно, люди и из указанных категорий, не принимавшие участия в этом движении, но это происходило по каким-либо чисто индивидуальным причинам.

Как бы то ни было, ячейки организаций возникали к зиме

1917 года повсеместно. В мелких центрах политические и военные составляли одно целое, в крупных же образовывались раздельно и только с течением времени переходили на совместную координированную работу.

Я был в январе 1918 года проездом в Москве и, уже принимая в то время близкое участие в работе одной из провинциальных ячеек Поволжья, разыскал в Москве людей, которые, по моим соображениям, должны были сочувствовать переживаемому нами и потому не сидеть со сложенными руками.

Найдя интересующих меня людей, я увидал, что они, отбросив тогда всякую партийность, уже признали, как единственное государственное начало, добровольческую армию, начавшую тогда свою деятельность на Дону, и старались направлять свою деятельность в соответствии с нею.

Мне было дано поручение, как ехавшему в Петроград и знакомому по войне с некоторыми центральными учреждениями, связаться с ними. Это было мной исполнено, но тогда Петроград уже работал самостоятельно, и потому практически это имело мало значения. По возвращении через довольно короткий промежуток времени в Москву, я был послан одним из крупных политических объединений, начавшим тогда принимать более определенные формы, в Среднее Поволжье, куда в течение марта 1918 года и съездил, побывав в Самаре, Саратове и Пензе.

Везде в этих местах ячейки нашлись, но носили они различный характер. Так, например, в Саратове была хорошая военная организация, и, начнись тогда, как многие ожидали, восстания в столицах или приблизься части генерала Алексеева с Дона, эта ячейка могла бы сыграть серьезную роль, захватив в свои руки город Саратов, который тогда играл для большевиков серьезную роль, как база в их борьбе с уральскими казаками, не признавшими до того времени власти коммунистов.

Эта же группа держала связь с Уралом.

В Самаре политическая организация, которую мне пришлось нащупать, была близка к местным социалистическим кругам, и впоследствии, при обстреле Самары летом 1918 г., эта организация выявилась, оказав при занятии города помощь в борьбе с местными красными войсками.

В Самару я попал в момент выступления анархистов, матросов и местных извозчиков против Советов. Это оригинальное соединение произошло вследствие того, что извозчики, предъявившие экономические требования к власти, были поддержаны матросами, находящимися в городе и на волжских пароходах, а также анархистами, игравшими почти везде в это время по городам довольно серьезную роль.

Из Самары я проехал в Пензу. Пенза в ту пору производила с виду более спокойное впечатление. Эсеровские и другие комитеты времен последнего периода власти Временного Правительства были заменены Советами лишь в январе месяце, и притом это произведено было большевиками так несмело, что власть их, казалось, будет весьма недолговечной. Кроме этого, местный губернский комиссар по фамилии Кураев, по видимому, более идейный человек, чем какие встречались в других городах, оказался довольно культурным, и дикостей проявлялось значительно менее.

А это клало известный отпечаток на весь город.

Пензенский кружок оказался довольно незначительным и особенно страдал из-за отсутствия денежных средств, но имел хорошие связи с окружающими губерниями, организовал в свое время ячейки, помещая их в различные продовольственные отряды и части милиции, имел связь с крепкими крестьянами. При наступлении армии с Дона эта местность должна была играть роль плацдарма перед Волгой и казачьими войсками, кои в Оренбурге организовывал атаман Дутов, а на Урале — генерал Мартынов, мобилизовавший своих казаков и не допустивший туда большевиков.

Одним словом, работа везде шла, и она могла бы принести существенную помощь, если бы добровольческая армия была в состоянии перейти в наступление. Однако, этого не произошло, деньги, которые обещали дать французы, даны не были.

Путешествие, которое мне тогда пришлось совершить по железным дорогам, было почти невообразимым. Не говоря уже о разбитых окнах и дверях, опоздании поездов на пол суток и более, страшном холоде в теплушках вследствие отсутствия печей и дров, что-то неописуемое творилось из-за огромного наплыва пассажиров.

По направлению к Волге тянулись тогда солдаты с кавказского фронта. Вследствие дальности расстояния, непровозоспособности железных дорог по Кавказу, они от Батума и Трапезунда ехали до Новороссийска морем. Выгрузившись там, им приходилось или дожидаться без конца очереди, или проезжать с неимоверными трудностями через места, где шли бои казаков с Красной гвардией. Путь у Ростова тогда был местами разрушен, и потому возвращающимся домой солдатам приходилось ехать, окружным путем через Царицын, что их очень задерживало.

Настроение солдат, я бы сказал, было довольно спокойное и не столь большевистское, как у солдат с западного фронта. Но рассказы их о распродаже полкового и казенного имущества и

запасов с присвоением денег в свою пользу были поистине потрясающими. Между прочим, они говорили, как они погрузили на пароход где-то на Анатолийском берегу несколько тысяч пудов муки и сахару из своих полковых запасов для продажи их в России, где цена на эти продукты была выше, и по уговору с матросами военного транспорта, на котором они шли, груз должен был быть между ними поделен. Однако, когда они дошли до места назначения, матросы отказались признать договор и, высадив солдат на берег, груза им не выдали, а увезли его куда-то еще в другое место, где думали получить еще большую прибыль.

Часть уцелевших винтовок, которые, по приказанию Троцкого, должны были быть оставлены на руках солдат, продавалась ими на узловых станциях. Покупатели находились, плата в это время колебалась от 25 до 40 рублей за штуку. Настроение, повторяю, у большинства солдат, в особенности у запасных, было довольно миролюбивое, и стремились они лишь домой.

Зато, попав случайно в вагон 4-го класса, который был полон возвращающимися делегатами с крестьянского съезда, я получил совершенно другое впечатление. Это было что-то невозможное! Видно было, что люди наэлектризованы до последней степени руководителями съезда и возвращаются они как настоящие рассадники большевизма.

У этих людей все спуталось в голове, для них все мировые вопросы были ясны, и решались они весьма просто. С этими надо было быть осторожным, ибо неудачная фраза могла повести к тому, чтобы быть выкинутым, без дальнейших разговоров, за дверь вагона.

В это время проезд по железным дорогам разрешался еще беспрепятственно. Билеты выдавались свободно, мешечники преследовались мало, и ими и солдатами поезда были переполнены. Тогда только впервые появилась на станциях железнодорожная милиция, старавшаяся проявлять свою деятельность, не давая публике спать на вокзалах и т. д. Но местами уже началось воспрещение вывоза съестных припасов в багаже и требовалось иметь разрешение от станционного продовольственного комиссара.

В своих разъездах в конце марта месяца я столкнулся по линии Рязано-Уральской железной дороги с чехо-словацкими войсками, тянувшимися через Самару на восток. Вид был у них хороший, дисциплинированный, и они разительно отличались от растерзанных наших солдат, оставшихся еще до того времени по гарнизонам.

По дороге и на станциях я слыхал, что появление их в этих

местах произвело на местных крестьян потрясающее впечатление, и тотчас же разнесся слух, что пришли немцы для восстановления порядка. Это сразу сбавило у всех тон.

Некоторые местные организации пытались войти в контакт тогда же, еще в марте месяце, с чешским командованием и начальником их корпуса, генералом русской службы Шохор-Троцким, но из этого ничего не вышло, ибо чехи отказывались от переговоров, ссылаясь на объявленный ими нейтралитет и на то, что они находятся в зависимости от французского правительства, которое предполагает их отправить на западный фронт во Францию. На роли чехо-словаков я еще остановлюсь дальше.

Вернувшись в Москву, я доложил комитету организаций о мною виденном и сделанном.

В политических кругах раздавались тогда рассуждения об ориентациях, т.-е. на чью помощь надо России базироваться (Антанты или Германии) для восстановления государственности в стране, ибо ясно уж тогда стало, что русским внутренним силам с этим справиться нет возможности.

Надеявшиеся на помощь Германии, как в виду ее географической близости, так как в виду ее нужды в нашем сырье, называли себя «реальными политиками» и считали необходимым завести с ней переговоры или во всяком случае прозондировать эту возможность (это фактически и было сделано). Они считали, что германские войска, стоявшие тогда в Пскове и под Смоленском, могут легко, с силой одного лишь корпуса, подойти к обеим столицам и помочь водворить твердую власть. Но для этого нужно было, чтобы Берлин порвал с большевиками и понял, что ему не по пути с ними, а надо мириться и искать сближения с русскими государственными элементами. При этом Германия должна была определенно признать, как базу, следующие условия: 1) оказание реальной помощи в свержении большевистской власти, 2) полное аннулирование Брест-Литовского мира и 3) предоставление России самой установить себе образ правления.

Необходимость обратиться к помощи Германии политические деятели видели в том, что веденные до того времени переговоры с Антантой реальных успехов не достигали, главным образом оттого, что Антанта не понимала сущности большевизма, и, например, представитель С.-А. Штатов Фрэнсис, давал своему правительству такую картину о положении России, что ясно было, что он совершенно не отдает себе отчета в происходящем. Это влияло и на решение Франции притти на помощь генералу Алексееву денежной субсидией, что тормозило дело с организацией добровольческой армии и заставляло только

понапрасну терять время.

Противники же этой постановки вопроса исходили из того мнения, что Антанта продолжала быть нашей союзницей, что вести дело с Германией, заставившей принять позорные условия Брест-Литовского мира, невозможно, и порывать с Антантой для Германии, искренности желания которой восстановить Россию нельзя было верить, было бы нецелесообразно.

Вопрос оставался в стадии «академических рассуждений» и обострился более к началу лета того же года, к какому времени и относится знаменитое письмо Милюкова, написанное им из Украины. Разногласие между членами организаций повело к выходу группы лиц, присвоивших себе название «Национального центра». Не касаясь политической платформы этих групп или объединений, могу лишь указать, что они шли под лозунгом неизбежности активного, насильственного свержения коммунистической, террористической власти Советов.

Москва обвиняла немецких дипломатов, не желавших итти на переговоры с антибольшевистскими элементами.

Поделившись добытым мной, я рассказал о появившемся чехо-словацком корпусе, и тут же начались попытки договориться с французами, которые, однако, что-то медлили, обещали снестись с Парижем и т. д. В общем, в тот момент мы не смогли добиться ничего реального.

А жаль! Уже в это время чехи могли сыграть роль, а этим выиграно было бы 2 месяца, а за 2 месяца Красная армия, с легкой руки генерала Шварца, положившего ее основание, сделала много успехов. Нам казалось тогда заманчивым остановить чехов, появившихся головным своим эшелоном в Самаре, захватить в свои руки губернии (Самарскую, Пензенскую, Саратовскую и часть Симбирской) и положить этим начало помощи донской армии, опираясь на Заволжье с ее уральскими и оренбургскими казаками. Прельщало нас еще то, что в Пензу, ввиду угрозы немцев Петрограду, была эвакуирована часть экспедиции заготовления государственных бумаг, а иметь сразу аппарат, печатающий деньги, и получить заготовленный уже запас было более чем важно и, главное, легко осуществимо: развернуться можно было бы шутя.

Однако, все это разбилось о непонимание обстановки союзниками, да и наши круги действовали недостаточно энергично, не дерзали, — чем так сильны всегда большевики.

К концу апреля я уехал из Москвы и поселился у своих родственников в имении Саратовской губернии.

* * *

Перехожу теперь к описанию образования восточного фронта, сыгравшего затем такую серьезную роль во всем антибольшевистском движении в России.

Моментом образования восточно-большевистского фронта является занятие чехо-словаками средней Волги с городами Сызранью, Самарой, Уфой, когда был отрезан восток от центра России. Эти события относятся к началу июня месяца 1918 года. Они имели огромное значение в том отношении, что способствовали развитию борьбы с большевиками в отрезанных от центра России районах; и накоплявшиеся до этого антибольшевистские силы в Сибири получили возможность вылиться в формы, годные для борьбы с большевизмом.

Появление чехо-словацких войск в приволжских губерниях относится, как я уже указывал, к первой половине марта 1918 года, и появление их в этой местности объясняется осуществлением договора их командного состава с Советской властью, по которому чехо-словацкий корпус, начало формирования которого относится еще к дореволюционному периоду, и насчитывавший при появлении его на Волге до 60 тысяч человек, должен был быть эвакуирован в Чехию через Сибирь.

По первоначальному плану, эвакуация должна была быть произведена через Архангельск, но какие-то осложнения, а может быть, и всегдашняя путаность и нерешительность в союзнических действиях помешали приведению этого плана в исполнение, почему чехи из пределов Украины были направлены к Волге. Эвакуация производилась с большими затруднениями, как из-за возникновения различных препятствий, чинимых чехам комиссарами, требовавшими отдачи оружия, снаряжения, аэропланов и т. д., так и вследствие малой пропускной способности железных дорог, которые, как, например, Самаро-Златоустовская, могли пропускать лишь по 1 эшелону в сутки.

Однако, несмотря на все это, чехи постепенно продвигались, и к 20 числам мая по новому стилю головные эшелоны уже достигали Челябинска, хвост же их подходил к городу Балашову, стоящему на Рязанско-Уральской железной дороге. Независимо от этого, небольшой отряд находился в Забайкалье.

Но к этому времени отношение Советской власти к чехам, по настоянию германского посла в Москве графа Мирбаха, стало проявляться все в более и более настойчивом требовании приостановки их передвижения и разоружения. По видимому, Мирбах, по указанию из Берлина, должен был препятствовать

усилению союзной армии чехо-словацким корпусом и потому задачей его было остановить корпус в пределах России, разоружить его, а личный состав перевести на положение военнопленных. Уступчивость чехов, проявленная ими в начале весны в центральных губерниях и приведшая к отдаче части своего оружия, прекратилась, и они стали выказывать явное желание не подчиняться.

Тогда из Москвы было отдано распоряжение отобрать оружие силой, и в город Пензу, где в это время их находилось около 4 тысяч, после безрезультатных уговоров местного комиссара, был послан большевиками отряд мадьяр для приведения московского приказа в исполнение. Последнее обстоятельство страшно возмутило чехов, появление мадьяр оскорбило их национальное достоинство, и солдаты потребовали у своего командования дать отпор. 20 мая большевики открыли из орудий огонь по поездам, чехи же начали подтягивать свои отставшие эшелоны, выдержавшие за это время бой около ст. Ртищево Рязанско-Уральской железной дороги. Не надеясь удержать город в своих руках, ввиду высылки красным командованием из Москвы тяжелой артиллерии и войск, они через 3 дня оставили Пензу и ушли на восток, где в это время шли бои у Самары и Уфы.

Создавшееся положение вызвало у большевистских комиссаров страшную панику. Они, как мне говорили очевидцы, видимо, совершенно не ожидали быстрых и решительных действий со стороны чешского командования, а также не предвидели и не рассчитали неспособности своих частей оказывать сопротивление; небоеспособность же их действительно оказалась феноменальной. Потери чехов за этот бой выразились что-то цифрой около полутора десятка, тогда как у красных она достигала более полутораста человек, в числе коих попалось и несколько комиссаров.

Местный Совет обратился с воззванием за помощью к населению, призывая его стать на защиту крестьянского и рабочего правительства.

Но отношение крестьян было самое отрицательное или в лучшем случае — выжидательное. Часть сел просто отказалась дать помощь, часть же, после долгих обсуждений, решила послать ходоков узнать, как обстоит на самом деле дело. Испугали еще крестьян прибежавшие из города односельчане, служившие в Красной армии, дезертировавшие во время паники и рассказывавшие различные ужасы о происшедшем бое: будто бы, часть города сравнена с землей и т. д. Комиссаров, удиравших на поездах, провожали по дороге на станциях со свистом и улюлюканьем.

То, что делалось в освобожденных чехами городах, как, например, в Пензе, Сердобске, Кузнецке, Сызрани, нельзя себе и представить. Все облегченно вздохнули, чувствовали себя как на светлом празднике.

В городах собрались немедленно думы выборов времен Керенского. Но в Пензе, например, открыто взять на себя власть опасались, ограничиваясь лишь специальной работой, организацией продовольственной помощи или милиции, словом, той, без которой обойтись нельзя было. Это происходило оттого, что чехи предупредили, что они оставаться в городе не предполагают из-за военных соображений, но думают все же скоро вернуться. Однако, побывать им в этой местности больше не было суждено.

Отойдя по Сызрано-Вяземской железной дороге по направлению на Сызрань, которая в это время уже была в их руках, они остановились примерно верстах в 70 от Волги.

Самара, получив соответствующее распоряжение из Москвы об обезоружении чешского корпуса, пробовала тоже сопротивляться, но гарнизон ее был на-голову разбит. Чехи начали обстреливать город, затем, сделав вид, что отступают, неожиданно отрезали красных от города и загнали их в речку Самарку. Поднявшееся в это время в Самаре восстание помогло освобождению города. Часть комиссаров была растерзана рассвирепевшей толпой, при чем ловили и спасшихся из воды красных, вбегавших в город голыми.

После освобождения Самары от большевиков, там начала организовываться народная армия, мобилизуя офицеров и призывая добровольцев. Приблизительно через месяц пал Симбирск, а вскоре и Рязань[136]. Вниз по Волге очищен был Хвалынск, а также и Вольск, в котором при приближении белых произошло офицерское восстание. В течение лета были полностью очищены местности к востоку от Самары, взята Уфа, Екатеринбург, Челябинск. Одновременно шли бои и в Западной Сибири, и в Забайкалье, и на Дальнем Востоке. В особенности стоило много трудов очищение от красных байкальского района, где, благодаря горной местности, они долго оказывали сопротивление, сильно разрушив Круго-байкальскую железную дорогу. Все же, к концу августа железная дорога была от красных очищена, и Владивосток с Самарой соединился.

Как я указал выше, я жил в это время в деревне. Жилось там сравнительно спокойно и рассчитывали на скорое приближение чехов, к чему было полное основание, ибо красные отскакивали с невероятной легкостью и быстротой, оставляя нейтральную зону в 50 и более верст.

Как-то в июле месяце красная печать оповестила, что большевиками взята Сызрань, через 2 дня появилось по Сызранской железной дороге много раненых и оказалось, что чехи, заманив большевиков, вновь перешли в небольшое наступление, при котором Кузнецк, находившийся на полпути между Сызранью и Пензой, был красными очищен, хотя чехи и не думали к нему подходить. Пенза же стала экстренно эвакуироваться, для чего большевики пользовались ночами, в течение которых выход на улицу запрещался.

Бои, конечно, шли преимущественно по линиям железных дорог, фронт же обозначался лишь разведочными отрядами как с той, так и с другой стороны.

Внутренняя политика Советов к этому времени выражалась в учреждении по деревням комитетов бедноты, в стремлении через продовольственные комитеты получить оставшийся от помещиков хлеб, в реквизициях у городского населения продовольственных запасов. В составы комитетов бедноты, однако, не попадали одни лишь бедняки, как это проектировалось декретами: крестьяне ухитрялись зачастую ставить туда средняков. Вообще же, власть чувствовала себя, по крайней мере в прифронтовой полосе, весьма непрочно. Из городов и со станций эвакуированы были все запасы и подвижной состав, а комиссары в городах неоднократно были наготове к бегству, для чего всегда держались паровозы под парами.

Однако, видя, что чехи не наступают, что донская армия, взяв Новохоперск, на Балашов не двигается, большевики постепенно начали успокаиваться и чувствовать себя увереннее, и к концу июля стали появляться симптомы более агрессивной деятельности, и в связи с этим по городам России начались требования различных регистраций как военных, так и гражданских, между прочим, судейских чинов; была также объявлена офицерская мобилизация.

Таковы были, по видимому, задания из центра.

Все это кончилось появлением по всем уездным городам особых чрезвычайных комиссий по борьбе с контр-революцией, состоявших из петроградских и московских рабочих. В том уезде, где я был, во главе ее стоял местный молодой еврей, а в помощь ему даны были два петроградских рабочих. Приехав на место, эта комиссия сразу произвела аресты самых видных людей в городе, при чем вначале ограничивались только задержанием более известных своей предыдущей деятельностью на общественном поприще и потому, по видимому, казавшихся им более строптивыми.

[Автор решил бежать к белым, именно, в занятую чехами Сызрань, куда и добрался, после ряда приключений, 6 сентября 1918 г.]

У белых

Если прилегающая местность к Сызрани не была занята войсковыми частями и не имела вида театра военных действий, то сам город Сызрань был настоящим военным лагерем.

Вся власть как в городе, так и на станции железной дороги, была в руках чехо-словаков, образовавших свои штабы, комендатуры, контр-разведки. Русские части были в этот момент на фронте, и жизнь населения руководилась чехами.

Порядок в городе был сравнительно хороший, т.-е. никаких, поражающих глаза, ненормальностей или уклонений от общего типа прежней жизни русских городов заметно не было. В магазинах товары были, продажа съестных продуктов шла везде. На базаре, на площади, в лавках по городу можно было видеть и белый хлеб, и сливочное масло и притом по весьма недорогим ценам. Урожай 1918 г. был очень хороший, и потому недостатка продуктов при свободной торговле не было.

Но в это время население уже переживало неприятные дни, так как после падения Казани, Симбирска, Хвалынска фронт стал постепенно приближаться и к Сызрани. Появились слухи о продвижении красных на степном берегу Волги, в пределах Николаевского уезда. Речная волжская флотилия вела в эти дни бои с красными пароходами всего в 30–70 верстах по реке книзу, и в виду серьезности положения, было отдано распоряжение рыть окопы вокруг Сызрани. Для этой цели было мобилизовано население, и можно было видеть лавочников и местных буржуев, нанимающих для работы за себя охотников из чернорабочего люда, на что стояла цена около 12 рублей за день.

Сдавать Сызрань врагу, видимо, в расчет чехов не входило, и потому принимались меры для ее удержания.

Сызрань, как охранявшая подступы к Александровскому железнодорожному мосту через Волгу, имела большое значение, так как, с отдачей его, невозможно было бы удержать Самары и вообще всего левого берега.

Однако, слухи о неудачах ползли, с Волги передавали о происходящих перестрелках пароходов, и по наименованиям сел было видно, что красные имеют успех. Население, т.-е. та часть его, которая не желала оставаться в руках красных, стало собираться за Волгу.

В первый же день своего приезда в Сызрань, я случайно встретил в чешской контр-разведке двух своих приятелей из антибольшевистской организации, бежавших, как оказалось, от арестов в те же дни, что и я.

В виду нахождения штабов и центра власти в Самаре, мы втроем решили двинуться туда. Пришлось брать у чехов пропуск на проезд, и, получив его, мы отправились на пароходную пристань, где очередного парохода пришлось ждать ровно сутки, ибо на только что ушедший мы опоздали.

Волга представляла из себя тихое зрелище; и кто ее помнил по экскурсиям довоенного времени, дававшим такое наслаждение и отдых всем городским жителям, теперь не узнал бы ее. Она была совершенно мертва. У пристаней стояло несколько маленьких буксиров и с десяток барж. Часть барж, пришедших при нас сверху, была полна беженцами из западных губерний, попавшими еще на Волгу в течение 1915–1916 г.г. На эти баржи они были посажены не то в Казани, не то в Симбирске еще при весеннем владычестве большевиков для отправки их на родину, а в виду мешавшего по дороге фронта, их направили на Саратов, откуда, якобы, они должны были ехать по железной дороге дальше. Судьбы этих несчастных я не знаю, но вид их и положение было ужасное, более чем тяжелое.

7-го вечером я со своими спутниками попал на шедший вверх пароход, и 8 сентября по старому стилю мы добрались до Самары.

Самара кишела народом. Места, где можно было бы остановиться, абсолютно не было. Гостиницы были все переполнены. В конечном итоге, после долгих скитаний, случайно в одной из грязных, находящихся на берегу Волги у пристаней гостиниц, нам сказали, что место можно найти на пароходах, находящихся в распоряжении комендатуры речной флотилии.

Отправившись на пароход «Харьков», стоявший у пристани «Кавказ и Меркурий», я нашел штаб боевой флотилии; там я встретился со знакомыми моряками, тут же давшими нам приют на одном из пароходов, где мы и прожили до момента эвакуации Самары. Вскоре нас зачислили в списки флотилии, дав мне, например, работу по службе связи с береговыми учреждениями и штабом сухопутных войск, где у меня оказались сотрудники по антибольшевистской работе.

Военное управление области было разделено между чехословацким командованием (державшим в своих руках главное командование и управление по оперативной части, железнодорожное сообщение с телеграфом) и штабом народной армии.

Народная армия была организована на добровольческих началах, при чем обязательность службы была объявлена на 3 месяца. Офицерство было мобилизовано. Во главе народной армии стоял полковник Галкин, находившийся до освобождения

Самары в конспиративной организации, поднявшей при приближении чехо-словаков восстание.

Части, входящие в состав народной армии и находящиеся на фронте, состояли из нескольких самостоятельных отрядов или групп. Во главе этих отдельных групп в течение лета и осени 1918 года, между прочим, находились: полковник генерального штаба Махин, тяготевший к эсерам и командовавший отрядом, оперировавшим к югу и юго- востоку от Самары; затем, капитан Степанов, оперировавший под Казанью; подполковник генерального штаба Каппель на Бугульминской железной дороге; волжской флотилией командовал мичман Ершов, камской — капитан 2-го ранга Феодосьев; были еще отдельные части Ижевского и Боткинского заводов. Самой популярной частью из вышеназванных был, бесспорно, отряд Каппеля. Каппелевцы признавались всеми самой стойкой и цельной частью; они позже без перерыва защищали позиции вплоть до падения Уфы при необычайно тяжелых условиях, почти раздетыми при сильных морозах, и своим поведением внесли не одну красивую страницу в борьбу за освобождение родины.

Вообще почти все, как стоящие во главе боевых частей, так и сами части вели себя с большой доблестью.

Во главе чехо-словаков стоял полковник Чечек, который и считался главнокомандующим всеми военными силами.

К моменту борьбы, в которой я принял участие, начался период неудач. Заняв на севере Казань и Симбирск, а на юге Хвалынск, красные перешли за Волгу и своим движением на Николаевск и Самару обнаруживали стремление перерезать Самаро-Златоустовскую линию железной дороги, отрезав Самару.

Одновременно красные двигались от Симбирска по правому берегу Волги, угрожая отрезать Сызрань, а с севера из казанского района от Чистополя нажимали на ст. Нурлаты Бугульминской железной дороги.

Народная армия оказалась нестойкой, частью из-за плохого обмундирования и полного недостатка снаряжения, пополнявшегося исключительно отбиранием его от красных в бою, частью же благодаря неспайке фронтовых отрядов, формировавшихся по случайным признакам, с приемами времен Керенского, что, конечно, устойчивости и боеспособности не давало.

Вследствие этого, несмотря на весьма низкое состояние тогда Красной армии, бывшей лишь в стадии формирования, все же преимущество оказалось на стороне последней.

Чехо-словацкий корпус, проявивший столько доблести в начале лета, к этому времени начал проявлять усталость; в

существовавших у них при частях комитетах появилось разложение, начали учащаться случаи неподчинения боевым приказаниям, стали обнаруживаться разговоры об усталости, о нежелании воевать за Россию, что является обязанностью самих русских и т. д.

Колоссальную роль в этом отношении сыграла неустойчивая, колеблющаяся политика Антанты. С одной стороны, все говорило, что союзники решили поддержать антибольшевистское движение, как продолжение борьбы с Германией, и потому поддержка руководителей и лояльных элементов, не допускающих приятие позорного Брест-Литовского договора, казалась и естественной, и логичной. При этом такие факты, как работа французского консула (Гине) в Самаре, позиция англичан (сэра Элиота, Нокса) и японцев во Владивостоке и на Дальнем Востоке, высадка десанта на Мурмане, поддержка армии генерала Алексеева, говорили за желание союзников оказывать помощь в этой борьбе, и потому распространявшиеся по городу слухи, как, например, слух об ожидаемом на-днях прибытии тяжелой артиллерии, снаряжения и т. д., вызывали вполне естественные надежды, создавая известные расчеты на эту, казалось, законную в общем деле поддержку.

Одновременно с этим, явное покровительство и имеющиеся данные об активной роли Германии в лице графа Мирбаха, в связи с проявленным им весной отношением при разоружении чехов, определенно делил> и идеологическую и практическую сторону дела на две части: антибольшевистскую с союзниками, с одной стороны, и германобольшевистскую, с другой.

Эта сторона дела очень важна, и можно видеть, как она проходит красной чертой во всем последующем периоде, вплоть до 1920 года.

До чего помощь Германии большевикам считалась бесспорным фактом, видно хотя бы из того, что момент происшедшей революции в Германии, в ноябре 1918 года, учитывался всеми деятелями белого движения и печатью как скорый разгром Красной армии, остающейся без немецкой помощи. Однако, проявленный уже тут явный разброд мысли и многогранная политика союзников, считавших себя окончательно застрахованными от немцев, привела к тому печальному положению, в котором оказалась Европа в период после Версальского договора, к гибели стольких русских людей и культурных сил, к обескровлению надолго России.

Это положение всецело отразилось на чехо-словаках, уронило сперва их боеспособность и привело их затем в такое состояние, которое вызвало презрение и негодование среди русских в

Сибири и Владивостоке. Между тем, летом 1918 года отношение к ним было более чем восторженное и благодарное.

Что касается времени, о котором я говорю, то поколебавшаяся дисциплина среди чехов привела к преждевременному оставлению ставропольского района (к северу от города Самары), что немедленно отразилось на общем положении фронта и, в частности, Самары.

До чего дисциплина поколебалась и до какой степени разложение стало прогрессировать, видно из того факта, что полковник Швец, командир одной из чешских боевых групп, не перенес создавшегося положения и незадолго до оставления Уфы кончил самоубийством. Факт этот произошел в серьезный момент, когда приказание его не было исполнено подчиненной ему частью во время сражения, и он тут же, не выходя из вагона, где находился его штаб, пустил себе пулю в лоб. Швец считался одним из выдающихся и лучших чехо-словацких военноначальнников.

Говоря об общем положении дела на волжском фронте, нужно указать, что, при занятии чехо-словаками Самары, бывшие в это время там члены Учредительного Собрания — Брушвит, Вольский, Фортунатов и другие — взяли гражданскую власть в свои руки. В скором времени примкнули к ним и другие товарищи, выделившие из себя комитет, получивший сокращенное название «Комуч», члены которого и поделили между собой министерские портфели. Не останавливаясь на том, как у них шла работа по управлению областью, могу лишь указать, что, например, министерством внутренних дел заведывал Климушкин, бывший в свое время волостным писарем и, конечно, оказавшийся совершенно неподготовленным к взятым на себя обязанностям. Что это так, видно из того, что, несмотря на всю его развязность, ему пришлось обратиться к бывшему самарскому губернатору, проживавшему там (кн. Голицыну), за частичными указаниями для дел, в которых Климушкин запутался.

Само собой понятно, что направление «Комуча» было совершенно социалистическое, ибо почти все члены Учредительного Собрания небольшевики принадлежали к партии эсеров. Знаменательно при этом, что одновременно с «Комучем» существовал в городе «Совет солдатских и рабочих депутатов».

Из состава учредильщиков главное участие принимали: Вольский (присяжный поверенный из Твери), Фортунатов и Климушкин от Самары (первый — штабс-капитан), Авксентьев (от Пензы), Лебедев (бывший морской министр времен Керенского), Брушвит, Федорович и кое-кто другие, фамилии которых сейчас не помню. Лебедев больше разъезжал по фронту. Отличался еще

некий Мейстрах, выступавший в Самаре по сбору денег на нужды антибольшевистской работы. Этот Мейстрах замечателен тем, что в течение следующего лета (1919 г.) он уже при большевиках занимался усиленной критикой работы «Комуча», писал ярые статьи в самарской красной печати в защиту Советской власти, одним словом, продался ей совсем, принеся повинную за свою деятельность.

Виктор Чернов появился только к концу августа и, конечно, был принят учредилкой нескончаемыми овациями, заняв место председателя. Общее число учредильщиков к этому времени, если не ошибаюсь, достигало 70.

Как на характерный факт отношения гражданской власти к военной, можно указать на то, что при начальнике штаба народной армии полковнике Галкине был приставлен в качестве его помощника (по крайней мере, так говорили среди военных) некий поручик Взоров, партийный эсер (мало похожий с виду на офицера), на обязанности которого лежал надзор за работой Галкина и чинов его штаба и недопущение проявления контр-революции в командовании. Он ни минуты не оставлял Галкина одного, и, даже при приемах посторонних, фигура Взорова неотступна следовала по пятам Галкина, обходившего приемную залу.

Насколько позиция учредильщиков сделалась среди военных непопулярной, видно из того, что многие из офицеров в прилегающих к Волге местностях (я слыхал это незадолго до бегства своего к чехам) предпочитали идти на юг в добровольческую армию, несмотря на ее отдаленность, а не в народную, в надежность которой не верили, усматривая в общем курсе политики определенное партийное течение.

Вначале, по освобождении Самары, как говорили, этого не было заметно, но чем дальше, тем нагляднее начала проскальзывать та тенденциозность, которую особенно ярко проводил председатель комитета Учредительного Собрания Вольский в своих крикливых, полных демагогии воззваниях.

В конечном итоге, крепкой армии создать не удалось, чехословакам сражаться надоело, и, вместо движения на Москву (на чем настаивали в своих сношениях агенты Антанты), начался общий отход, ряд неудач. Сперва пали Симбирск и Казань, немного погодя отдали Вольск и Хвалынск, затем стали очищать сызранский район, а потом Самарскую и Уфимскую губернии. Так блистательно начатая операция, на которую возлагали надежды мыслящие, остававшиеся в России круги, постепенно начала сходить на-нет. Единственный отряд, крепко державшийся и отступавший шаг за шагом с боем, был отряд доблестного

полковника Каппеля.

Справедливость требует, однако, сказать, что в течение лета как отряды чехов, так и народной армии проявляли чудеса храбрости и самоотвержения. Но общая обстановка, в связи с неоказанием помощи союзниками, неправильной позицией партийных руководителей, не сумевших поддержать главную опору армии — офицеров, и неполучением, с другой стороны, серьезной, длительной помощи и сочувствия у крестьянства, дала возможность большевикам не только занять приволжский район, но даже продвинуть свой фронт на 60 верст за Уфу.

Отношение населения к белому движению я бы охарактеризовал так: наступающие, освободительные части встречались везде восторженно. Городское население — мещанская, чиновничья часть его, пригороды, — чаяло получить усиленное продовольствие, свободную торговлю, известный порядок старого уклада, личную безопасность. Однако, невозможность удовлетворить все эти чаяния и надежды делала городское население пассивным к борьбе.

Крестьянское население в своей массе относилось более инертно, как вообще более недоверчивое, менее к тому времени пострадавшее от красного режима, чем городское, и, кроме того, боявшееся до известной степени ответственности за учиненные им грабежи и самовольство. Немалую роль, конечно, играли и репрессии, производимые красными в случае их успеха. Кроме того, в Самарских степях большевики к тому времени своей власти вполне проявить еще не успели, а степное население, как я буду иметь еще случай указать впоследствии, до известной степени всегда было склонно к анархии или, вернее, нежеланию подчиниться властям.

Если меня спросили бы, в чем разница между народной и Красной армиями и почему в то время, в первый период борьбы, преимущество оказалось у красных, я бы кроме вышеуказанных причин указал бы на следующее: преимущество красной армии заключалось в том, что она опиралась, как ни как, на некоторые организованные части (например, латышские, красногвардейские, матросские и другие), либо не потерявшие офицерский кадр, либо уже испытанные, спевшиеся в своих делах, состоявшие из фанатичных, искренно увлекающихся, распропагандированных людей, оказывающих потому огромное сопротивление. Кроме того, эти части, как ни как, были хорошо снабжены и экипированы.

Народная армия этих свойств не имела. Достаточно указать на различную идеологию ее элементов, не понимавших военного духа, не дававших возможности спаяться, а затем и на отсутствие

как административного аппарата, так и воинского снаряжения, в особенности, винтовок. Кроме того, большевики принуждали выполнять намеченное, не стесняясь средствами, здесь же думали о правах, демократических требованиях, искали поддержки у людей, мягких по своему существу. Последнее относится ко всему белому движению за весь период этих двух лет.

Народная армия держалась, пока были чехо-словаки, служившие известной канвой, но как только сдали они, то все остальное, руководимое партийностью, неопытными людьми, начало распадаться. А условия начала борьбы, в первой ее стадии, были во всех отношениях весьма благоприятны. При всем этом, среди руководителей и в управлении белых было много авантюристов, а также людей, стремящихся вводить немедленно порядки и нормы правового уклада, что, конечно, после пережитого было невозможно.

В лучшем положении была сибирская армия, заслоненная от Москвы волжским фронтом; она вела у себя борьбу не всеми кадрами сразу, почему смогла сорганизовать ядро, удержавшее в итоге красных на Урале, и даже взять к весне 1919 года инициативу в свои руки. Разложилась она лишь после затяжки гражданской войны, вследствие атаманческих тенденций, руководящихся лишь местными целями, а также эсеровской и большевистской разрушительной работы в тылу, по всей необъятной Сибири.

Казачьи войска, как более однородные, оказались более способными для борьбы, и город Уральск, например, гордился, что он не знал большевистского режима и системы вплоть до весны 1919 года, т.-е. $1^1/_2$ года после 25 октября. Но отсутствие снаряжения погубило и его.

Вернемся, однако, к описываемому мною времени.

Дела волжского фронта, как я упоминал, стали к этому времени все ухудшаться. В последних числах сентября по новому стилю пала Сызрань, и, несмотря на уничтожение одного из пролетов Александровского железнодорожного моста, наступление большевиков развивалось, в результате чего, в первых числах октября, решено было оставить Самару.

Я был по эвакуации штаба речной флотилии оставлен для связи штаба армии с пароходами, державшими линию фронта вверх и вниз по Волге. В городе в это время уже чувствовалось нервное напряжение, появились кучки шушукающихся, ночью раздавались по улицам выстрелы, а затем уже начались грабежи складов пристаней на Волге, оставшихся к этому времени без хозяев.

6 октября, в воскресенье, остатки войск двинулись по

направлению ст. Кинель, находящейся в 40 верстах к востоку от Самары. К вечеру сложился и штаб народной армии, передав защиту города полковнику Махину, только что вернувшемуся с южной линии фронта.

Грохот орудий в этот великолепный летний день, отдельные части с обозами, тянувшиеся по улицам города, которые были полны народа, усиливали напряженность момента. Но радости на лицах я не видал. Чувствовалась у большинства тревога как от неизвестности, так и от связанных с переменой хозяев неизбежных репрессий.

Придя на вокзал, откуда должен был отправляться штаб армии, я увидел полную невозможность эвакуироваться с ним. Тогда я решил уговорить нескольких офицеров, не попадавших тоже на поезд, итти самостоятельно по большой дороге догонять свои части. Мне, прошедшему перед этим почти что 400 верст, это путешествие казалось пустяшным, тем более, что дивная погода способствовала этой прогулке.

Взяв винтовку и мешок со сменой белья за плечи, мы двинулись в путь. Настроение было хорошее, верилось в правоту дела, рисовалось, что все происходящее — плод какого-то недоразумения.

Пройдя Бугурусланским трактом верст 15, мы подошли к полотну Самаро-Златоустовской железной дороги, по которой проходили каждые четверть часа эшелоны из Самары.

Железнодорожное сообщение было, как я указывал выше, в руках чехов, и потому, естественно, они заботились сперва об эвакуации своих, отстраняя и мало интересуясь нуждами русских. В особенности трудно было жителям, стремящимся к выезду и не могущим получить места в поездах и потому принужденным выбираться из Самары самыми разнообразными способами. Но интересно было то, что настроение беженцев было такое, что будто они оставляют насиженные места на 2–3 недели, и потому большинство ехало налегке. Я знаю людей, зимовавших затем в Сибири, оставивших даже теплую одежду дома и бедствовавших потом от холода.

Но сравнительно жители Самары и Сызрани все же эвакуировались с большим удобством, чем, например, жители Казани, которым пришлось бросить город неожиданно в течение 2 часов и бежать пешком, ибо другого сообщения ни водой, ни железной дорогой не было. Одних беженцев из Казани, по большевистским сведениям, насчитывалось 78 тысяч. Путь, как говорят, между Казанью и Лаишевым (на Каме) представлял из себя черную ленту от массы людей, тянувшихся по дороге. Бедствовали эти люди ужасно, ибо хлеба или вообще питания

получить в селах почти было нельзя. От Лаишева их везли на баржах до Уфы, что также принесло много горя, но страх перед властью красных, уже раз пережитый, гнал этих несчастных хоть на край света.

Добравшись 7-го до Кинеля, я разыскал эшелон Волжской флотилии и кое-как пристроился к нему. Движение по железной дороге было трудное; недоставало паровозов, и потому всякий эшелон, заполучивший таковой, тут же и ставил на него часовых с винтовками, дабы не завладел им кто-либо другой.

Эвакуация вообще дело трудное, а тут, при плохо функционирующем аппарате, массе хозяев, недостатке всего, дело шло из рук вон плохо, и, кроме того, каждая часть стремилась захватить как можно более вагонов, стараясь вместе с тем не принимать к себе посторонних. В вагонах можно было, например, видеть железнодорожных служащих, вывезших из Сызрани все свое имущество, вплоть до рогатого скота — рядом же военные части оставались без места.

Чехи в этом отношении побили рекорд. Они захватили подвижной состав, расположились жить в нем с большим комфортом, поставили кровати с пружинными матрацами и так прочно засели в них, что и в следующий период не оставили загонов, загромоздив, в особенности в течение следующей зимы, все станции Сибирской железной дороги своими эшелонами и не уступая недостающего для транспорта подвижного состава. Их эшелоны можно было узнать по различным украшениям и эмблемам, вывешенным на дверях теплушек. Вели они себя, конечно, полными хозяевами.

Эшелон флотилии, в который я попал, двигался с трудом. На всех станциях были постоянные задержки. То пропускали какой-либо специальный поезд, то ещё что-либо мешало. В итоге с большим трудом добрались мы на 12-й день до Челябинска. Тут начались хлопоты о пропуске эшелона в другое царство, в Сибирь. Что это совсем другой район, что это чужое владение, не входящее в состав Самарской области, говорило все. Офицерство на станциях и в эшелонах мечтало ехать в Западную Сибирь, где, как им казалось, нет партийного начала, где крепка работа практического сибирского правительства. Поднимало дух в среде моряков, в которой я был, сведение о приезде с Дальнего Востока в Омск адмирала Колчака.

Но общий вывод был тот, что самарские неудачи надо приписывать исключительно тенденциозному ведению дел и партийному составу эсеровского правительства, решившему скорее предать дело, чем отступить от своих социалистических идеалов.

Всей подоплеки, конечно, никто не знал, и общая обстановка была неясна, в особенности нашему брату, жившему и питавшемуся слухами, а не подлинными данными, но всем военным казалось, что давно желаемому и требуемому природой вещей установлению твердой власти сознательно мешает курс партии Чернова, предавшей в свое время и Корнилова, и всю Россию. Пусть это был психоз, несоответствие действительности, но оно характерно с той точки зрения, что ведь одни военные кадры могли противостоять красным: они являлись реальной силой, и неумение на них опереться лежит на ответственности «Комуча». Одним словом, у всех была вера в Сибирь и стремление попасть в те ряды, где рисовалось нечто другое, сильное, могучее, идущее по пути спасения родины. В это время сибирская армия не только не сдала, как народная, а, наоборот, вела бои с успехом, да и вид ее частей, формировавшихся и обучавшихся повсеместно, начиная с Челябинска, невольно бодрил, говоря об успехе и правильности взятой линии.

Здесь приходится немного остановиться на окончившемся к этому времени уфимском совещании.

Не пытаясь дать подробной картины политического положения, предшествовавшего этому этапу исторических событий, я остановлюсь лишь вкратце на образовании власти Временного Правительства, или, как его называли, директории.

Как известно, одновременно с образованием правительства из членов Учредительного Собрания в Самаре, возникло самостоятельное западно-сибирское правительство в Омске, дербердское и хорватское (по имени «премьеров» Дербера и Хорвата) — на Дальнем Востоке, казачьи — на своих войсковых землях.

В Западной Сибири было создано многое в смысле укрепления государственных начал в течение первого летнего периода: правительство успело сорганизоваться из людей дела и взяться за него твердо. Вологодский, ставший во главе его, Михайлов, Гришин-Алмазов, Белов и другие, работая настойчиво, сумели создать крепкую армию, освободившую Сибирь до Байкала, и в то время как народная армия уже стала разлагаться, сибирская была только на пути к своему развитию.

Во всяком: случае, на Волге из приходящих газет, а также по слухам чувствовалось, что именно в Сибири растет нечто здоровое и надёжное. Отношения между самарским и этими правительствами были не особенно дружные; центры деятельности были отдалены и между областями чуть ли не была таможенная граница (в Челябинске).

Однако к концу лета стало ясным, что несколько

правительств существовать рядом не могут, тем более, что Владивосток являлся единственной для всех базой питания, и потому надо было искать какого-нибудь начала для сближения и общей работы. Это совпало с очищением от красных всей сибирской линии до Тихого океана включительно. После долгих переговоров решено было созвать совещание в Уфе. Конструкция его сейчас у меня ускользает, но, насколько помню, на нем участвовали представители всех почти правительств как казачьих, так и других, представители политических партий и национальностей, члены профессиональных союзов, учредиловцы, промышленники и союз землевладельцев. В итоге была выбрана директория из 5 членов и столько же к ней заместителей. Это были: ген. Алексеев, Чайковский, Астров, Авксентьев, Вологодский и кандидаты: ген. Болдырев, Виноградов, Аргунов, Зензинов, проф. Сапожников. Директория должна была осуществить верховную власть во всей освобожденной области. К исполнению должности вступили: проф. Виноградов (кадет, член III и IV Дум), Авксентьев (эсер, бывший министр внутренних дел при Керенском), Зензинов и Аргунов (оба эсеры), ген. Болдырев. Последний принял звание главнокомандующего всеми вооруженными силами, взяв к себе начальником штаба ген. Розанова. Резиденцией сперва намечался Екатеринбург, однако, неудачи на фронте и отход народной армии принудили переехать в Омск, хотя это и не соответствовало желанию директории.

22 октября эшелон флотилии, в котором я находился прибыл в Омск. Путь от Челябинска до Омска был пройден нами в течение $2^1/_2$- суток, т.-е. в 5 раз быстрее предыдущего равного с ним расстояния. Железнодорожный путь оказался свободным, и у всех отлегло на сердце. Казалось, что первая трудная часть пройдена, что мы вступили во второй фазис, и окрепшей Сибири суждено стать источником возрождения родины. Как ни тяжело теперь вспоминать все прожитое и пройденное за эти 2 года, тем не менее сибирский период, казалось, давал такие определенные надежды на восстановление нормальной, человеческой жизни в России, что и сейчас вспоминаешь с теплым чувством это время.

Омск видом войсковых частей производил хорошее впечатление. Можно было видеть везде по улицам города марширующих солдат, которые выправкой и молодцеватым своим видом говорили о дисциплине и возрождении боевой силы, без которой явно в это время Россия возродиться не могла. Это, впрочем, относится и к другим городам, как, например, Челябинску, Кургану, Петропавловску, где везде шло интенсивное обучение. По данным штаба сибирской армии, к тому времени под ружьем насчитывалось 105 тысяч солдат и около 5 тысяч

офицеров. Эта армия формировалась в течение лета 1918 года в Западной Сибири, имея первоначально (до Омска) штаб формирования в Новониколаевске, состояла из двух призывных возрастов и была, в полном смысле этого слова, на высоте. По освобождении своего края, в следующий период, она перешла в наступление и к Рождеству заняла Пермь, где взяла в плен более 30.000 тысяч человек и огромную военную добычу на заводах. В марте месяце, при общем наступлении, она продвинулась вперед, достигнув в конечном итоге города Глазова Вятской губернии, и только уже после постигших неудач всей восточной армии стала отходить назад.

Организация сибирской армии была построена на иных основаниях, чем народной, и в значительной степени более походила на регулярную. Сибирская армия была очень хороша, пока она состояла из одних лишь молодых возрастов, не бывших раньше на призыве, и ее успехи под Пермью сказочны. Но тогда уже вопрос о необходимости пополнять ее, в виду предстоящих задач, начал беспокоить правительство, и ясно вырисовывалась опасность, что пополнение новыми контингентами из лиц более старших возрастов, принимавших участие в германской войне, переживших керенщину и потому в большей своей массе деморализованных, может испортить дело.

Для смягчения этого, молодым сибирским генералом Пепеляевым, героем взятия Перми, был поднят вопрос о призыве сперва сибирской интеллигенции для составления из нее известной основы, которую можно было бы, в ближайшем будущем, пополнить мобилизованными солдатами. Вопрос этот возник при участии общественных кругов. Он был обсужден всеми политическими группами, имевшимися в то время в Омске, после чего был внесен в совет министров, где и прошел. Однако этот план в жизнь не претворился вследствие опоздания прибытия обмундирования от союзников, а также получения сведений о намерении красных перейти в наступление. Последнее же обстоятельство было весьма серьезно, ибо в гражданской войне инициатива играет, несомненно, роль гораздо более серьезную, чем в обыкновенной, что и следовало учитывать, даже при сознании, что своя армия к этому неготова.

Поход, как известно, начат был блестяще. Армия, пройдя более 400 верст в течение месяца, находилась в 60 верстах от Самары, и только весенний разлив заставил ее остановиться. Последнее обстоятельство ее и погубило, ибо красным удалось, сделав отчаянное усилие, собрать ударные части со всей России, прорвать фронт к северо-западу от Оренбурга и, вырвав инициативу, остановить дальнейшее наступление всей огромной

армии, насчитывавшей несколько сот тысяч человек.

Жизнь в Омске к моменту моего туда приезда была недорога; продукты были в изобилии. (Цены, примерно, стояли такие: пшеничный хлеб менее рубля за фунт, масло $3^1/_2$ — 4 рубля за фунт, обед в ресторанах с неограниченным количеством хлеба 4–5 рублей.) Зато с квартирами было более чем трудно. Город, вмещавший в мирное время немного более 100 тысяч жителей, должен был принять беженцев количеством превышающим 500 тысяч, и потому буквально нельзя было найти себе места. Даже сама директория, как и иностранные миссии, помещалась в вагонах. Мне пришлось поселиться в вагоне адмирала Колчака, только что приехавшего с Востока.

После переезда директории в Омск, что произошло, как я говорил, в десятых числах октября, отношения ее к сибирскому правительству создались довольно странные и были мало урегулированы; все время чувствовалось, что роль директории — какая-то вымученная, неестественная. Авторитета власти у нее не было, деловитости тоже. Искать объяснения этого надо в искусственном ее создании, вынужденном компромиссе. Надо отметить, что сибирские представители на уфимском совещании порывались неоднократно уехать, предвидя, что реальных и полезных результатов достигнуто не будет. Слишком разно представляли себе разрешение вопросов деловые сибиряки и искушенные в программах члены Учредительного Собрания. Даже главнокомандующий генерал Болдырев и его штаб не чувствовали себя хозяевами в своем деле. Одним словом, вся обстановка сложилась неблагоприятно, и в скором времени в поисках выхода из создавшегося положения, а именно в 25 числах октября, был поднят вопрос о реорганизации правительства.

Тут начинает фигурировать имя адмирала Колчака. Колчак появился в Омске незадолго перед тем, проездом из Японии в Европейскую Россию. Во время остановки своей в Омске он был приглашен местными кадетами, с председателем комитета неким Жардецким во главе, а также и другими близкими к ним кругами для обсуждения общего политического положения. В конечном итоге правительством было предложено Колчаку занять сперва пост морского министра, а через несколько дней и военного. Переговоры эти затянулись в связи с общей реконструкцией кабинета более чем на две недели. Вопрос осложнился тем, что Колчак высказался категорически против сохранения эсером Роговским должности товарища министра внутренних дел по заведыванию полицией, находя, что Роговский, как член партийного комитета, не должен занимать этой должности, ибо вооруженная сила, каковой является полиция, должна

непременно быть в нейтральных, а не партийных руках. Этот факт я могу лично удостоверить, так как случайно мне пришлось помогать в конце октября переписывать указанные им доводы в секретном письме, адресованном на имя генерала Болдырева. После долгих переговоров удалось убедить Колчака принять портфели военного и морского министра, оставив эсера Роговского на месте. Его вступление в состав кабинета, как и назначение инженера Устругова на должность министра путей сообщения, считались весьма желательными в целях поднятия известными именами престижа сибирского правительства за границей. В состав правительства усиленно приглашался на пост министра иностранных дел и кн. Кудашев, наш посол в Пекине, а также Щепьин, советник посольства в Токио. Однако эти приглашения не увенчались успехом, ибо дипломаты наши предпочитали без риска, с комфортом, сидеть в посольских домах.

Таким образом было переформировано сибирское правительство, и 6 ноября оно в обновленном составе вступило в исполнение обязанностей, имея над собой в качестве верховной власти — директорию.

Во, время существования директории было много толков как в правительственных сферах, так и в печати, о созыве сибирской областной думы. В конечном итоге работа последней была признана вредной и было принято компромиссное решение о созыве ее для объявления об ее роспуске. Произвести это должен был председатель директории Авксентьев, что, и было им исполнено в Томске, кажется, в конце октября, после чего областная дума и не собиралась.

Отношение сибирского правительства к директории было неясное, но чувствовалось определенно, что искусственное создание всей этой комбинации тормозит созидательную работу. Политика директории по отношению к левым течениям, появлявшимся в армии, была явно нерешительна, чуть ли не благожелательна. Это отношение во всех кругах, мечтавших об укреплении и создании армии (что было вообще лейт-мотивом), вызывало недовольство. Конечно, проявлялось оно более ярко в военных сферах, но и общественные круги определенно выражали свое недовольство, объясняя себе подобное поведение временного правительства зависимостью некоторых его членов (как Зензинова, Авксентьева) от партии эсеров, в комитет которых они входили. Это показывает, до какой степени вышеупомянутые лица не отвечали моменту. Взяв на себя такое ответственное дело, они не сочли даже нужным хоть на время снять с себя партийную зависимость. Между тем, слухи и газеты, приходившие в Омск из

Екатеринбурга, где основался комитет Учредительного Собрания, говорили определенно о недружелюбном его отношении к Омску. Мало того, комитет эсеров выпустил в 20 числах октября листовки с призывом к вооруженной борьбе и созданию особых эсеровских военных частей как для охраны своих комитетов, так и вообще для создания своих военных ячеек т.-е. другими словами, среди антибольшевистских войск создавалось расслоение в то время, когда война с красными еще не была окончена. И на это директория не только не реагировала, но продолжала сноситься с Екатеринбургом и давать отчет о своей деятельности центральному комитету партии эсеров.

Тогда даже самым лойяльным элементам казалось, что дальше итти некуда.

В результате, в ночь на 18 ноября три члена директории — Авксентьев, Зензинов и Аргунов, а также товарищ министра внутренних дел Роговский были группой офицеров во главе с казаками Волковым, Красильниковым и Катанаевым неожиданно арестованы. Молва говорила, что за их спиной, якобы, принимал деятельное участие в аресте министр финансов Михайлов.

Тотчас же по получении сведений о совершившемся, собрался совет министров и, в виду создавшегося острого положения и боязни эксцессов в эту трудную минуту, решил, взяв всю полноту власти в свои руки, передать ее затем в руки военного, который только один мог поддержать порядок. Намеченных кандидатов оказалось двое: генерал Болдырев и вице-адмирал Колчак. Первый получил, однако, лишь один голос, почему Колчаку была вручена верховная власть, которую он принял после блестящей патриотической речи, произведшей огромное впечатление на всех присутствующих.

Арестованных чинов директории Колчак хотел тут же выпустить на свободу, взяв лишь обязательство с них о немедленном выезде из пределов Сибири, на что, однако, арестованные не согласились, боясь эксцессов со стороны военных, настроение которых было повышено. Через несколько дней арестованные под иностранной охраной были вывезены в Китай. Как говорят, Колчаком было им ассигновано по 75 тысяч рублей на дорогу каждому, что по тогдашнему курсу составляло солидную сумму и на иностранную валюту.

Колчак, считая недопустимым покушение на верховную власть, предал офицеров, произведших «coup d'etat» (государственный переворот), военному суду, который, однако, вынес им оправдательный приговор.

Верховным правителем Колчак признан был окраинами не сразу. Атаман Дутов, командующий Приамурским корпусом на

Дальнем Востоке, генерал Иванов-Ринов, атаман Анненков ему подчинились, генерал Хорват, находившийся в Харбине, тоже его признал, выговорив лишь себе автономное положение и звание верховного уполномоченного. Но атаманы Семенов и Калмыков долго боролись против его власти, не желая признавать его, и лишь к лету 1919 года этот вопрос уладился, но, конечно, это принесло немало вреда ходу последующей борьбы. В Чите была выпущена специальная брошюра (издания русских патриотов) под заглавием «Адмирал Колчак и атаман Семенов». Одна из статей этой брошюры говорит об отношении к Омску. Она озаглавлена «Что делать с Колчаком?» и гласит: «Граждане! Теперь тяжелый политический момент, и не таким грязным и больным людям, как адмиралу Колчаку, быть нашим верховным правителем… Долой его! Сам Колчак — это олицетворение честолюбия — добровольно не уйдет, нужно его убрать… Помните, граждане, что с появлением у власти Колчака большевизм уже поднимает голову…»

Конечно, такое отношение к центральной власти служить к ее укреплению не могло.

Г.К. ГИНС. Организация белой власти в Сибири [137]

1. «Подпольное» Сибирское Правительство

В момент выступления чехов [в мае 1918 г.], к ним, кроме офицерских организаций, присоединились очень скоро и другие силы. На Волге образовалась народная армия, почти сплошь состоявшая из интеллигентной молодежи и даже пожилых общественных деятелей. На Оренбургском направлении вышел Дутов с неразложившимися частями казаков, на Дальнем Востоке чехов встретили отряды Семенова.

Наименьшим доверием пользовались последние. В народную армию привлекала идея борьбы за Учредительное Собрание и свободу. Дутов был известен и раньше как атаман и офицер генерального штаба. Семенов был случайной фигурой. К нему не стекались общественные деятели, как это было в Новочеркасске у донских атаманов. За ним не шло и солидной массы забайкальского казачества, подобно тому, как за Дутовым шли оренбуржцы (правда, далеко не единодушно к нему расположенные). Семенову сразу пришлось работать с элементом авантюристическим, питаться помощью иностранцев (японцев и отчасти французов) и не гнушаться случайной добычей.

Во главе всех русских военных сил в Сибири встал тоже случайный человек, полковник Гришин, который жил под конспиративной фамилией Алмазова.

Гришин-Алмазов вместе с П. Михайловым, членом Учредительного Собрания (оба погибли в 1919 году: один от большевиков, другой от семеновцев), изъездили все города Сибири и повсюду вносили систему и единство плана в кустарно формировавшиеся офицерские организации. В этом деле требовалось много смелости, в виду подозрительной бдительности большевиков, не раз нападавших на следы организации, а еще больше такта, в виду разнородности политического состава организаций.

Гришин-Алмазов сообщал мне как-то, что, когда он приехал в Омск, то тамошнее офицерство с возмущением рассказывало, как на вопрос: «Кто станет у власти после переворота?» — был дан ответ: «Вы спросите местный комитет социалистов-революционеров». Надо заметить, что во главе Омской организации стоял полковник Иванов, назвавший себя Риновым, который служил в Туркестане в военной администрации, на должности начальника уезда, что равносильно полицейской должности исправника. Потом Иванов был помощником военного губернатора. Человеку с таким прошлым, при всей его гибкости, трудно было усвоить свою подчиненность партии социалистов-

революционеров. Гришин-Алмазов умел найти примиряющую среднюю линию и привлечь Иванова и других, склонявшихся на сторону более правых группировок (дальневосточного комитета), под знамя Сибирского Правительства.

* * *

Для успеха всякого военного выступления нужна не только ненависть к существующему, но и определенность стремлений, ясность положительной задачи.

На Волге такою задачею было поставлено восстановление Учредительного Собрания. В Сибири объединяющим лозунгом явилось «Сибирское Правительство». С именем Сибирского Правительства связывалось представление об автономии Сибири, и в этом представлении объединялись люди различных партий и убеждений.

Идея организации Сибирского Правительства выросла постепенно. Сначала, в августе 1917 г., представители революционных демократических организаций Сибири созвали в г. Томске конференцию для обсуждения вопроса о создании в Сибири истинных основ народоправства, и здесь уже впервые стал на реальную почву вопрос о необходимости конструировать сибирскую власть на особых основаниях. Далее, в октябре месяце созывается всесибирский съезд представителей тех же организаций, который уже решает созвать в декабре того же года чрезвычайный Сибирский областной съезд из представителей тех же организаций; на этом съезде уже прямо был поставлен вопрос о настоятельной необходимости организовать особую сибирскую власть для управления автономной Сибирью. Этот чрезвычайный съезд объявил созыв Сибирской Областной Думы, выработал положение о временных органах управления Сибири и избрал Временный Сибирский Областной Совет — исполнительный орган съезда.

* * *

В обстановке большевизма надежда на осуществимость созыва Думы могла опираться на удачное использование тех организаций, которые сложились в период советского режима. Составители закона приспособлялись к моменту. Поэтому

положение о Сибирской Областной Думе оказалось крайне несовершенным. Почти половина состава избиралась советскими организациями: советами крестьянских, казачьих, киргизских депутатов. Входили представители фронтовых организаций солдат-сибиряков, включались представители союзов полу-профессионального, полу-политического характера (почтово-телеграфного, железнодорожного, учительского и даже студенческого). Много места отводилось кооперации, профессиональным союзам и национальным организациям.

Представительство буржуазии было вовсе исключено, так же, как и в советах. Верховную власть, по образцу советского строя, положение предоставляло Думе, так что исполнительный орган (министерства) должен был ей всецело подчиняться (система конвента французской революции).

Искусственность подбора представителей в Сибирской Областной Думе вооружила против нее значительную часть интеллигенции, особенно из партии «народной свободы». Вызывала сомнения и самая идея сибирской автономии, которая казалась проявлением сепаратизма. Вооружились против Думы и большевики.

«Сибирская Речь» назвала Сибирскую Областную Думу «новой социалистической затеей». Другие влиятельные газеты, как, например, газета Дальнего Востока «Голос Приамурья», сторонница еще большей децентрализации, назвала фантастической идею объединения всей Сибири и Степного края в одно целое, связывающего в одном централистическом учреждении, Сибирской Областной Думе, чуть ли не шестую часть земной суши.

Советы, поддерживаемые Москвой и Петроградом, по отношению к Сибирской Думе заняли непримиримую позицию. Ачинский совет рабочих и солдатских депутатов, соглашаясь с Красноярским Исполнительным Комитетом, «попытку контр-революции, под видом автономии Сибири и созыва Сибирского Учредительного Собрания, признает недопустимой» и просит Томский совдеп принять все меры, начиная с разгона и ареста, не останавливаясь перед использованием вооруженной силы, «для того, чтобы отстоять власть советов».

* * *

В состав Временного Областного Совета вошли Потанин, ушедший в конце декабря, Дербер, Патушинский, Шатилов,

Новоселов и Захаров.

Областному Совету была поставлена съездом очень узкая и ограниченная задача: созвать к 10 января [1918 г.] Областную Думу, на основаниях, выработанных съездом.

Только к 20 января собралось около ста человек, и на 1 февраля назначено было открытие Думы. До тех же пор происходили совещания фракций Думы и частные совещания членов Думы. Наиболее сильные группировки Думы были: фракция социалистов-революционеров и фракция представителей различных народностей Сибири (называлась она «фракцией национальностей»). Эта фракция была настроена умереннее, чем эсеровская. В составе ее, кроме туземцев: киргиз, бурят, якутов, были поляки, украинцы и немцы-колонисты.

Главное внимание во фракциях было сосредоточено на вопросах о пополнении состава Областной Думы представителями «цензовых» элементов и о выработке избирательного закона в Сибирское Учредительное Собрание, которое, по мысли декабрьского чрезвычайного съезда, должно было быть созвано в марте 1918 г. Временное Правительство, которое предположено было избрать в Думе, должно было, в сущности, заняться только проведением выборов в Сибирское Учредительное Собрание.

В то время как Областной Совет и Сибирская Дума стремились собрать Сибирь и начать совместно с другими частями России борьбу с большевиками, большевизм начал уже укрепляться в Сибири не как политическая партия, а как власть. В середине декабря [1917 г.] Омск перешел в руки большевиков. Но партия эсеров ожидала, что Всероссийское Учредительное Собрание одолеет большевизм, и что, в случае посягательства на Учредительное Собрание, по всей России вспыхнет гражданская война с большевиками. В январе большевики стали распространять свое влияние на Томск, не решаясь, однако, выступать решительно против Областного Совета и Думы. В ночь с 25 на 26 января большевики, желая, очевидно, предупредить открытие Думы, неожиданно для Областного Совета, арестовали членов его: Патушинского, Шатилова и нескольких членов Думы, в том числе Якушева, намеченного фракциями в председатели. Из остальных членов Областного Совета в Томске находился Дербер, которому удалось избежать ареста. Дербер и представители фракций, собираясь конспиративно, решили устроить тайно от большевиков заседание Областной Думы, на котором было избрано Временное Сибирское Правительство.

На частной квартире собравшаяся исподтишка небольшая группа членов Думы, человек около двадцати из полутораста,

«избрала» шестнадцать министров с портфелями и четырех без портфелей. Шесть человек присутствовавших самоизбрали себя в совет министров.

Постоянно прислушиваясь, не идут ли большевики, храбрые заговорщики быстро выкрикивали имена кандидатов, едва успевая остановиться на их оценке, избирая даже случайных незнакомых лиц, каким был, например, И. Михайлов, предложенный в министры финансов одним случайным участником из состава «аппарата». Никто не задумывался и над тем, согласны ли избираемые, будут ли они довольны «компанией» Дербера и др. Так попали в министры не запрошенные никем об их согласии Вологодский, Устругов, Серебренников, Крутовский.

Процедуры избрания никакой не было. Применена была система «par acclamation».-

В результате, Дума избрала:

Председателем — Дербера, министрами: Вологодского, Крутовского, Краковецкого, Новоселова, Ив. Михайлова, Серебренникова, Патушинского, Ринчино, Колобова, Устругова, Юдина, Тибер-Петрова, Сулима, Жернакова, Моравского, Шатилова, Кудрявцева, Захарова, Неометуллова. Председателем Думы был избран Якушев.

Дербер давал заверения представителям фракции социалистов-революционеров, что Вологодский, Крутовский, Михайлов — правоверные социалисты-революционеры, хотя сам не был уверен в этом. Он ошибся, и, между тем, именно эти деятели сыграли потом наиболее видную роль.

* * *

Тем временем большевики объявили Думу распущенной, а «членов временного Сибирского Областного Совета — подлежащими аресту и преданию суду революционного трибунала, по обвинению их в организации власти, враждебной рабочим и крестьянским советам».

Оставалось разъехаться и готовиться к борьбе. 27 января Дербером была составлена, по поручению Думы, помещаемая ниже декларация.

Декларация начинается словами возмущения против большевиков.

«Надежда всех областей и народностей, составляющих великую революционную Россию, — Всенародное Учредительное Собрание — преступно разогнано большевиками и так называемыми «левыми эсерами».

То, что составляло мечту и цель многих революционных поколений в тяжелой борьбе с царизмом; то, что являлось единственным якорем спасения великой революции; то истинное полное народоправство, которое только и могло закрепить и углубить завоевания революции — разбито и предано большевиками.

Совет народных комиссаров, посягнувший на власть Учредительного Собрания, является врагом народа. Изменниками революции являются большевики, противопоставляющие Учредительному Собранию советы крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Учредительное Собрание, призванное учреждать основные законы хозяйственной, общественной и политической жизни всей страны, — отнюдь не против советов, как классовых организаций: наоборот, в своем законодательном творчестве оно опирается на советы, как и на все трудовые демократические организации страны».

Дума заигрывает, таким образом, с советами рабочих депутатов, не решаясь покончить с ними.

Дальше устанавливаются программные положения:

«1. Все силы и средства Дума отдает для защиты и скорейшего возобновления работ Всероссийского Учредительного Собрания, признавшего законом о федеративном устройстве Российской демократической республики автономию Сибири и других частей государства.

2. До созыва Всесибирского Учредительного Собрания вся полнота власти в пределах Сибири принадлежит временной Сибирской Областной Думе.

3. Дума примет все меры к незамедлительному созыву Сибирского Учредительного Собрания, которое явится опорой Всероссийского Учредительного Собрания и будет строителем новой жизни трудящихся классов и народов Сибири.

4. Дума выражает свой решительный протест против сепаратного мира, и, в случае заключения его большевиками, она ни в какой мере ни моральной, ни материальной ответственности за этот преступный шаг на себя не принимает.

5. До заключения мира Дума считает необходимым принять безотлагательно меры:

а) к планомерному отозванию с фронта и ближайшего тыла уставших солдат-сибиряков на родину;

б) к роспуску гарнизонов, находящихся на территории Сибири, и

в) к созданию добровольческой сибирской армии, имеющей целью защиту Всероссийского Учредительного Собрания, автономной Сибири и Сибирского Учредительного Собрания.

6. Народы, живущие на своей территории, в разное время присоединенные к Российскому Государству, решают свободно выраженным волеизъявлением, путем конгрессов и референдума, — отделяются ли они от Российской федеративной республики и образуют самостоятельные государства, или входят, как автономно-федеративные единицы, в состав Российской Республики.

7. В области земельных отношений Дума считает необходимым провести в жизнь принятый Всероссийским Учредительным Собранием закон о безвыкупном переходе всех помещичьих земель, а также всех частновладельческих, казенных и других, с водами, лесами и недрами, в общенародное достояние, устанавливающий незыблемое право всякого трудящегося на землю. В пределах и на основании основного закона о земле, Сибирское Учредительное Собрание издает закон о земле в Сибири, учитывающий климатические, этнографические, естественно-исторические и культурно-хозяйственные условия последней.

8. В области добывающей и обрабатывающей промышленности — начало национализации копей, рудников и т. д. и организацию общественного контроля и регулировки»…

«С верою в народно-трудовые силы, с сознанием великой ответственности, с беззаветным стремлением спасти погибающую Сибирь, Дума вступает на путь верховной законодательной власти в свободной отныне автономной Сибирской республике».

Из декларации этой видно, что Сибирская Областная Дума

построила свою программу на черновских принципах.

Переход земель без выкупа в народное достояние (смысл этого трафаретного положения в Сибири всегда останется непонятным, если не смотреть на декларацию как на выступление демагогическое), национализация добывающей и обрабатывающей промышленности (без обозначения каких-либо пределов ее), сохранение советских организаций, объявление Сибири автономной республикой (по принципу федерации) и в то же время предрешение подчиненности Сибирского Учредительного Собрания верховной власти Всероссийского — все это была не реальная программа, а только политическая игра в соперничество с большевиками. Как только Сибирское Правительство приступило к практическому осуществлению власти, оно должно было отойти от всех этих программных положений.

* * *

Избрав правительство, приняв основы декларации, поручив разработку ее президиуму Думы, члены Думы решили разъехаться, с тем, чтобы в одиночку затем пробираться на Дальний Восток, куда немедленно должен был направиться президиум Думы и правительство.

Однако находившиеся в Тобольске члены правительства Дербер и Моравский задержались в Томске для организации Комиссариата, который объединил бы в своих руках подготовку борьбы с большевиками в Западной Сибири. Задача эта была возложена на недавно вернувшихся из Петрограда после разгона Учредительного Собрания членов его П. Михайлова и Линдберга.

Были образованы военные антибольшевистские организации, установлена связь с уже существовавшими тайными офицерскими организациями. Аналогичные организации были затем установлены и в Восточной Сибири, в частности, в Иркутске и Чите.

Обстановка на Востоке постоянно менялась. Появившиеся было в Забайкалье большевики были ликвидированы вернувшимся с фронта 1-м Забайкальским казачьим полком, но к моменту переезда в Читу президиума Думы и некоторых членов правительства (конец февраля) там восстановилась советская власть, благодаря приходу с фронта большевистски настроенного 2-го Забайкальского полка.

Президиуму Думы, некоторым ее членам и членам

правительства, в составе Дербера, Моравского, Тибер-Петрова, Юдина, Колобова, Жернакова — пришлось ехать дальше на Восток, в Харбин. В дальнейшем во Владивосток приехали Краковецкий, Новоселов, Кудрявцев, Неометуллов. Уже раньше там находился Захаров. Прочие члены правительства во Владивосток не приехали.

2. Западно-Сибирский Комиссариат

Переворот в Омске прошел так быстро и безболезненно, что как-то не верилось глазам, когда вечером стали ходить не «красные», а «белые», появились воззвания новой власти и все комиссары исчезли.

Вступивший в командование военными силами полковник Иванов-Ринов не обнаружил ни военного таланта, ни военной находчивости и распорядительности: большевики вывезли из омского отделения государственного банка большие запасы денег, погрузились на пароходы и целой флотилией двинулись вверх по Иртышу, направляясь на Тюмень. По дороге их можно было перехватить, но никто этого не сделал.

Декларация новой власти гласила:

«Западная Сибирь очищена от большевиков. Они бегут, унося с собой все, что можно захватить. Ярмо нового самодержавия уничтожено, Сибирь вновь свободна. Власть перешла к Временному Сибирскому Правительству, выдвинутому Областной Думой. Высшей местной властью в Западной Сибири временно, впредь до окончательного освобождения всей Сибирской территории, является Западно-Сибирский Комиссариат, состоящий из уполномоченных Временного Сибирского Правительства: членов Всероссийского Учредительного Собрания Павла Михайлова, Бориса Маркова и Михаила Линдберга, и председателя Томской уездной земской управы Василия Сидорова.

«Законодательные мероприятия и реформы не поручены уполномоченным. Они входят в компетенцию лишь Сибирской Областной Думы, — временного, до созыва Сибирского Учредительного Собрания, законодательного органа.

Задачей Областной Думы и ее исполнительного, ответственного перед ней органа — Временного Сибирского Правительства — является восстановление нарушенного большевиками правильного товарообмена, обеспечение граждан продовольствием, предотвращение вторжения в Сибирь с Востока путем возобновления дружественных отношений с союзными странами; созыв Сибирского Учредительного Собрания, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права и пропорционального представительства, и, наконец, всемерное содействие скорейшему возобновлению работ Всероссийского Учредительного Собрания, которое одно может спасти страну путем объединения всех сил революционной демократии, для разрешения всех выдвинутых революцией политических и социальных задач и воссоединения отторгнутых ныне друг от друга частей Великой Всероссийской Федеративной Демократической Республики».

Фактически на освобожденной территории правил всем Иванов-Ринов, как опытный администратор и человек с характером.

[С прибытием в Омск члена Зап. — Сиб. Комиссариата П. Михайлова (эсер) началось формирование так наз. «отделов управления», т.-е. министерств, управляющие которыми были назначены по «деловым» признакам. Автор книги Гинс получил пост управляющего делами.]

* * *

Почти с первых же шагов политической и административной работы выяснилось расхождение делового аппарата с Западно-Сибирским Комиссариатом. Последний считал себя как бы наместником Сибирского Правительства и, следовательно, носителем верховной власти. Управляющие отделами считались только исполнителями и не должны были вмешиваться в политику.

Но высшее управление — это и есть политика. Отделить одно от другого нельзя. По отделу юстиции возник вопрос, как относиться к сохранившимся организациям советов рабочих депутатов. Отдел земледелия решил упразднить земельные комитеты, покровительствовавшие захватам земель, и восстановить частные владения в Сибири, которые, при незначительности их общей площади, имели большое культурное значение, как показательные хозяйства. Отдел торговли решил приступить к денационализации промышленных предприятий.

По всем этим вопросам у Комиссариата проявлялись либо нерешительность, либо прямые симпатии к сложившимся при большевиках порядкам.

Кроме того, Комиссариат никак не мог отказаться от идеи коллегиального управления и насаждал повсюду, и в губерниях и в уездах, местные комиссариаты, работа которых была очень слабой.

[Управляющие отделами, т.-е. фактические министры, были недовольны «партийностью» эсеровского «комиссариата» и выработали проект положения об «административном совете», в который входили бы все управляющие отделами и который присваивал себе существенные функции высшего правительства, ограничивая права комиссариата. Проект этот встретил энергичные возражения со стороны эсеров, усматривавших в нем нарушение прав «демократии», непосредственным органом которой было «Врем. Сибирское Правительство и выделенный им Комиссариат».

Вопрос об организации власти разрешился, однако, иначе. Пять членов «секретно» избранного областной думой Сибирского Правительства: Вологодский (бывш. член II Гос. Думы из фракции «прогрессистов», примыкавший к кадетам), Патушинский (из так наз. «областников», сторонников «государственного самоопределения» Сибири), И. Михайлов («умеренный демократ», сторонник решительной борьбы против «левых течений»), Крутовский («сочувствующий» эсерам) и Шатилов (эсер) предложили комиссариату сдать им власть, что и было в конце концов, осуществлено 30 июня 1918 г., хотя и не без трений. Председателем правительства стал Вологодский.]

3. Первые шаги Сибирского Правительства

30 июня подписана была грамота Временного Сибирского Правительства, призывавшая «все государственно мыслящие элементы, всех, кому дорого возрождение России и свобода Сибири, объединиться вокруг правительства в его государственном строительстве на предуказанных Сибирскою Областною Думою началах народоправства». Грамота возвещала, что правительство вступает в верховное управление страною, что оно считает Сибирь нераздельною частью великой Всероссийской демократической республики, и что оно не потерпит «ни малейшего поползновения каких-либо общественных групп на незакономерное вмешательство в деятельность органов правительственной власти».

Внутренняя политика нового правительства выразилась, прежде всего, в стремлении ликвидировать следы советской власти.

Все декреты объявлены были незакономерными, а потому ничтожными, все существующие советы депутатов было постановлено закрыть. Восстановлены были исключительные положения военного времени на железных дорогах и водных путях, и введены новые правила о военном положении. На-ряду с этим, последовало восстановление судов, централизованного порядка назначения на должности и единоличного управления губерниями и областями.

Решительный и последовательный тон законодательства сразу создал благоприятное для правительства впечатление и расположил в его пользу элементы, которые, не доверяя авторитету правительства, происходившего от Сибирской Думы, готовы были его игнорировать.

11 июля была подписана декларация о государственной независимости Сибири, хотя последовательным и горячим защитником отстаивания сибирской независимости был среди членов Правительства только один Патушинский.

* * *

Вскоре же после принятия власти Сибирское Правительство встало перед вопросом, оказавшимся для него роковым, — перед вопросом о созыве Сибирской Областной Думы.

Вопрос этот был разрешен с мудростью Соломона.

Правительство не изменило положения о Думе, предоставив ей собраться в прежнем составе, но объявило в правительственном сообщении, что оно вносит на рассмотрение Думы первым законопроект о пополнении ее цензовыми элементами и представителями профессиональных союзов, вместо представителей советов рабочих депутатов.

Однако, такое решение не удовлетворило очень многих. К правительству стали поступать протесты. Первою поступила записка социалистов-революционеров-оборонцев, трудовиков, народных социалистов и социал-демократов «Единства», обстоятельно излагавшая все соображения против созыва Думы.

На записке этой стоит остановиться как потому, что она составлена умеренными социалистами, группами, политически наиболее близкими Сибирскому Правительству, так и потому, что в ней исчерпаны почти все доводы против созыва Думы.

Первое соображение сводится к тому, что чрезвычайные обстоятельства момента и исключительное положение страны требуют от правительства максимума твердости и определенности, каковые качества, по мнению авторов записки, Временное Сибирское Правительство может проявить, только будучи «властью самодовлеющей, независимой от чьего бы то ни было доверия или недоверия».

Во втором пункте докладной записки содержится упрек Областной Думе в однобокости ее состава и опасение, что, в виду такой однобокости Думы, всегда возможны коллизии с ней Временного Сибирского Правительства, которому придется, в случае таких коллизий, уйти, или, как выражаются авторы, «выронить власть».

Третье — цензовые элементы едва ли пойдут в Думу, так как они, однажды уже не допущенные в ее состав, рассчитанный главным образом на левых, относятся к Думе с предубеждением.

Наконец, авторы записки указывают на пример Временного Российского Правительства, которое вышло из недр Государственной Думы, но оставалось суверенною государственною властью, независимою от Думы.

Во второй половине июля в Омске состоялся съезд представителей торговли, промышленности и домовладения Сибири и Урала, которые, по вопросу о Сиб. Думе вынесли следующую резолюцию:

«Съезд решительно возражает против какого бы то ни было касательства какого бы то ни было представительного учреждения к деятельности правительственной власти. Поэтому он отвергает возможность влияния на власть так называемой Сибирской Областной Думы и потому, находит ее существование излишним.

В своем составе искусственно построенная, в корне искажающая подлинное выражение общественного мнения, Сибирская Областная Дума никакими изменениями ее состава не может быть исцелена в своей непригодности и бесполезности. Между тем, своим существованием и своими неизбежными вторжениями в ход управления Дума эта может бесконечно осложнить и без того трудное положение временной власти и помешает ей надлежащим образом выполнить долг перед государством. Посему съезд объявляет, что выборы от торговых и промышленных учреждений края в означенную Областную Думу производиться не будут».

Резолюция о бойкоте Областной Думы вынесена была, несмотря на горячие призывы министра юстиции Патушинского избрать своих представителей в Думу.

* * *

Психология всех коллизий, происходивших вокруг вопроса о Думе, свидетельствует, что в то время еще не пережит был угар

партийных и классовых увлечений: происходила борьба за власть, а не борьба за возрождение родины. Переворот произошел слишком рано. Большевизм должен был сплотить всех в стремлении воссоздать правовое государство, чтобы обеспечить населению спокойное существование, но он успел только обострить жажду реванша классового и партийного. В Сибири стала нарождаться подлинная контр-революция.

Для текущей работы правительством было постановлено «образовать совещание в составе управляющих министерствами, управляющего делами совета министров и товарищей министров, для предварительного обсуждения вопросов, представляемых на решение совета министров, и окончательного разрешения тех вопросов, которые могут быть переданы на разрешение совещания советом министров».

[Совещание это («административный совет») стремилось захватить и область высшей политики, что нередко приводило к конфликтам с «советом министров».]

* * *

В отличие от Западно-Сибирского Комиссариата, совет министров не считался с декларацией Сибирской Думы и пошел определенно в сторону восстановления частно-правового строя и свободы торговли.

Денационализация промышленности, восстановление частных землевладельческих хозяйств и отмена монополий были главными основаниями законоположений, принятых в течение июля и августа, при отсутствии подписи одного только Шатилова. Но следует признаться, что практическое осуществление всех этих мероприятий надолго затормозилось, отчасти из-за неумения власти дать надлежащие директивы, отчасти (особенно в земельном вопросе) из-за саботажа на местах.

В продовольственном законодательстве постановления Временного Сибирского Правительства заменяют систему монополий системою контроля.

К закупке хлеба, фуража, скота, мясных продуктов, масла допускаются общественные организации и частные фирмы, но под условием предварительной регистрации у органов министерства продовольствия.

Покупка у производителей происходит по вольным ценам. Закупщики могут приобретать продукты дешевле и дороже, в зависимости от местных условий. Министерство продовольствия устанавливает предельные цены, обязательные только для сдачи продукта казне. Скупщики могут компенсировать себя при

продаже на сторону, а казна может умерять вольные цены, выпуская на рынок свои запасы.

Вся эта система представляет искусственное смешение начал свободной торговли с государственным вмешательством. Она характерна для переходного времени и представляет значительное улучшение по сравнению с системой монополий. Принятием этой системы Сибирское Правительство признало преимущества свободной торговли.

* * *

Первые два месяца после выступления чехов с большевиками дрались только офицеры и те, кто добровольно присоединился к восстанию. Сил этих было достаточно в Сибири, но когда борьба перенеслась на Урал, когда встал на очередь вопрос о возможности восстановления русско-германского фронта — стала необходимою мобилизация.

Гришин-Алмазов не считал возможным приступить к мобилизации до того, как будут подготовлены казармы, обмундирование, снаряжение, унтер-офицерский состав, подробный план набора, распределение контингента. Гришина упрекали потом, что он подготовил все только на бумаге; действительно, сделано было немного, но враги Гришина не хотели считаться с фактическими затруднениями. И после его ухода дело не пошло лучше. Во всяком случае, 31 июля 1918 года указом Сибирского Правительства были призваны на действительную военную службу все родившиеся в 1898 и 1899 г.г. Все изъятия и льготы были отменены. Повинность была сделана действительно всеобщею.

Гришин-Алмазов строил армию на началах строгой дисциплины, но он не вводил погон и не раздавал орденов. В речи своей, произнесенной в Сибирской Областной Думе 17 августа, Гришин-Алмазов так характеризовал основы организации сибирской армии: «она должна быть создана и будет создана по типу, диктуемому во все времена, во всех странах, непреложными выводами военной науки, на основах строгой воинской дисциплины, без каких бы то ни было комитетов, съездов, митингований, без ограничения прав начальствующих лиц и без подчинения «постольку — поскольку» своему законному правительству».

Так действовала беспартийная, чуждая старой психологии, демократическая сибирская власть в те лучшие месяцы своего

существования, когда и внутренние и внешние интриги еще не давали себя чувствовать.

4. Борьба между Омским правительством и Сибирской областной думой [138]

Когда в Томске собралась довольно значительная группа членов Думы, перед правительством было возбуждено ходатайство об издании указа о созыве Думы. Без такого указа кворума не набралось бы. С точки зрения положения о Думе, как о верховном органе власти, указ правительства был излишен, с точки же зрения правительства, которое, в согласии с председателем Думы Якушевым, объявило при вступлении в управление, что вся полнота власти принадлежит ему, издание указа было необходимо.

Судьба Думы зависела, таким образом, от правительства. Еще раз вставал вопрос: созывать или нет?

В составе правительства не было колебаний по вопросу о необходимости хотя бы суррогата народного представительства для укрепления авторитета власти. Но все отчетливо сознавали неизбежность конфликта с Думою, если работа последней не будет находиться под контролем власти. Слишком ясны были политические вожделения эсеров, добивавшихся подчинения власти своему влиянию.

Отлично понимая, насколько недолговечна могла быть власть эсеровского правительства, которое, так же, как и большевистское, производило бы опыты социализации, но поддаваясь при этом компромиссам, каковые делали бы его менее приемлемым и понятным для массы; не желая, естественно, давать волю эсерам, чтобы восстановлять большевизм, Омское правительство решило бороться с попытками Думы присвоить себе активную политическую роль. Поэтому, соглашаясь издать указ о созыве Думы на 15 августа, Сибирское Правительство пожелало установить программу занятий Думы.

Резиденцией Думы был Томск. Ко дню открытия Думы туда прибыл почти в полном составе совет министров. Накануне открытия Думы, на заседание совета министров был приглашен совет старейшин Думы в полном составе; всего было около 15 человек. Каково же было наше удивление, когда эта делегация предъявила правительству совершенно новые вопросы программы: рассмотрение наказа Думы, вопрос о посылке делегации от Думы в Челябинск на совещание по организации всероссийской власти и, наконец, вопрос о включении в состав Думы членов Учредительного Собрания от Сибири.

Каждый из этих вопросов представлялся настолько

серьезным, что высказать по ним тут же, без внимательного рассмотрения, мнение правительства была рискованно. Но Вологодский, который не обладал способностью противостоять настояниям, тут же перелистал наказ, выразил удивление, что его не сообщили раньше, но, не придав особенного значения наказу, заявил, что он, по видимому, приемлем. Равным образом, не было возражений и против включения в состав Думы членов Учредительного Собрания. Между тем, наказ Думы был построен на началах признания ее органом верховной власти. Он предоставлял, например, Думе возможность командировать своих членов с поручениями, содержание которых определялось самою Думою, он определял совершенно неприемлемый кворум для открытия Думы. Что же касается участия членов Учредительного Собрания в составе Областной Думы, то оно было крайне неудобно при наличии недружелюбных отношений Омской власти с Самарским Комитетом, членами которого те же лица состояли в качестве членов Учредительного Собрания. Кроме того, это укрепляло и легализировало в Думе влияние той самой эсеровской группы, которую правительство стремилось устранить от влияния на дела.

Единственный вопрос, на котором Вологодский и другие члены совета министров остановились внимательнее, был вопрос о посылке делегации в Челябинск. Об этом много говорилось в Омске. Представители Думы согласились там исключить этот вопрос из программы сессии, и вдруг он всплыл опять. Правительство возражало, указывая, что двух делегаций, правительственной и думской, на совещании по вопросу об организации всероссийской власти быть не может, и что поэтому никаких обсуждений подобного вопроса не должно быть допущено. Тогда члены Думы разъяснили, что делегацию от Думы предполагается послать только для приветствия совещания, и правительство согласилось поэтому на включение в программу сессии и вопроса о делегации в Челябинск.

Дума обсудила свою тактику и, застигнув правительство врасплох, выиграла позицию.

* * *

Открытие произошло с помпою. После молебна, на соборной площади был произведен парад русским и чешским частям.

Зал заседания был декорирован бело-зелеными и национальными флагами союзников, сибирских народностей,

гербами воссоединенной Сибири. Над председательским местом надпись зеленым по белому: «Через автономную Сибирь — к возрождению свободной России». Члены Думы занимают места по фракциям, справа налево, в следующем порядке: областники, кооператоры, представители национальностей, эсеры, эсдеки и на крайней левой представители профессиональных союзов. При торжественной тишине председатель И. А. Якушев объявляет заседание Сибирской Областной Думы открытым.

Прежде чем выступил Вологодский, Дума, или, вернее сказать, фракция эсеров, которая составляла подавляющее большинство, провела и включение в свой состав членов Учредительного Собрания и наказ.

В омской сутолоке правительство не успело обдумать программной речи, и уже в поезде, по дороге в Томск, мне, как управляющему делами, пришлось заняться составлением проекта декларации. Основные мысли вступительной политической части декларации были приняты единодушно, а в них выразилось все существо сибирской власти.

«Временное Сибирское Правительство, — говорилось в декларации, — действует как власть суверенная, с полномочиями, почерпаемыми не только от Областной Думы, совет министров избравшей, но также из создавшегося переворотом фактического положения вещей и единодушного признания правительства со стороны всех кругов населения и общественных организаций. В обстановке, при которой совет министров принял на себя тяжелое бремя управления, он не мог поступить иначе, как объявить себя суверенною, ни от кого не зависящей властью».

«Вы хорошо знаете, — говорится дальше, — сколько горькой обиды, справедливого возмущения накопилось во время большевизма в кругах, наиболее в этот период обездоленных. С каким чувством должно относиться к большевикам и примыкавшим к ним элементам доблестное офицерство, претерпевшее не только лишения, но и незаслуженные оскорбления. Сколько ненависти вызывает пережитое со стороны той части славного казачества, которое привыкло дорожить своею честью и традициями и считает разложение войска при большевиках надолго не смываемым позором и для себя.

Переворот создал благоприятную обстановку, и притом благоприятную не только психологически, для самых реакционных вожделений. Имена популярных генералов, легенда о возникающих союзах и комитетах самого правого направления — все это носится в воздухе, выражая настроение известных кругов. Вместе с разговорами о военной диктатуре, не только неприемлемой, но и неизбежно обреченной на неудачу, это свидетельствует, что пресыщение революцией достигло чувствительной степени, что жажда сильной власти очень велика, и что слабость правительства еще более усилила бы правые течения.

Есть два способа предотвратить укрепление реакции: один находится в руках левых партий, — он заключается в сознательной умеренности требований и устранении выступлений против вынуждаемых обстоятельствами решительных мер. Можно утверждать без всяких преувеличений, что контр-революцию справа питают, главным образом, крайние левые течения.

Другой способ противодействовать реакции — это твердость и решительность самого правительства. Демократическое по составу, однородное по настроению, как в части так называемой «пятерки», так и в части деловой, правительство ставит своей конечной задачей сохранить для русского общества те позиции гражданских свобод, во имя которых произведена была революция, но которые больше всего пострадали именно во время революции. Но для того, чтобы занять позиции, которые уже были покинуты, а затем отстоять их, нужна сначала железная дисциплина и решительная

непоколебимая политика. Опыт революции показал, что надо начинать с твердых мер, чтобы избежать беспощадных.

И вот, демократическая власть вынуждается обстоятельствами переходного периода к введению исключительных положений, усилению ответственности за противогосударственные преступления, к временной передаче милиции в руки комиссаров. Все эти меры диктуются желанием создать сильную гражданскую власть, чтобы избежать применения более крутых военных мер, создать уверенность в строгом суде правительства, чтобы предотвратить кровавые самосуды».

[Главным пунктом, по которому дума повела борьбу против правительства, был вопрос о том],

«Чья» будет всероссийская власть. Захватить ее в свои руки — означало бы полную победу. Тогда все «вредные влияния» на Сибирское Правительство могли бы быть, устранены, Дума укрепилась бы, и грехи Омска были бы искуплены догматически-правоверною политикою.

Постановка вопроса была совершенно правильна, и, начиная со второго заседания Думы, основным мотивом всех речей и ответов на декларацию становится вопрос о всероссийской власти и о коварных замыслах авантюристов.

— Этого не будет! — истерически кричит «товарищ» Колосов, стуча кулаком по пюпитру и обращая взоры на Гришина-Алмазова. — Не будет того, чтобы случайный претендент захватил власть!

«Никакая власть, кроме Сибирского Учредительного Собрания, противопоставляться Областной Думе не может», — гласит декларация социалистов-революционеров.

«Учредительное Собрание — исходный пункт возрождения России. Старое Учредительное Собрание должно существовать». — Вот лозунги, выброшенные большинством Думы.

По вопросу об организации всероссийской власти единомыслия в Думе достигнуто не было. Преобладавшее большинство не пожелало внести в свою формулу даже частичные поправки для согласования с формулою меньшинства. Разногласие заключалось в том, что большинство стояло: 1) за признание Всероссийского Учредительного Собрания полномочным создать верховную власть, 2) за организацию лишь временной всероссийской власти, вплоть до воссоздания Учредительного Собрания прежнего созыва, 3) за предоставление права решающего голоса на совещании по организации власти не только представителям областных правительств, но и всем наличным членам Учредительного Собрания, всем представителям политических партий и национальностей.

Меньшинство же стояло: 1) за созыв нового Учредительного Собрания, а не за воссоздание старого, 2) за организацию

безответственной и полномочной власти, 3) за организацию совещания для избрания всероссийской власти исключительно из представителей областных правительств, для которых мнения партий должны быть только материалом.

В связи с резолюцией по вопросу об организации всероссийской власти, Дума избрала делегацию, для приветствия совещания[139] и зачтения резолюции. Последнее опять противоречило соглашению, но правительство и этот шаг Думы оставило без ответа, обнаружив и ненаходчивость и слабость воли и поощрив, таким образом, Думу на более смелые политические выступления.

Одним из главных вопросов, рассмотренных Думою в августовской сессии, был вопрос о пополнении состава Думы цензовыми элементами.

Я уже указывал, что единственно целесообразным было бы совершенное изменение конструкции Областной Думы. Вместо этого, в каком-то импровизированном заседании, в котором я не участвовал, по видимому, за стаканом чая и трубкою мира, раскуривавшейся в вагоне Патушинского после бурных сцен в официальном заседании, было решено внести от имени правительства тот самый законопроект, который разработало частное совещание членов Думы. Законопроект этот был совершенно безграмотен не только политически, но и юридически. Представительство промышленников устанавливалось без всякого учета соотношения отдельных групп в Думе, интересов отдельных видов промышленности и без указания способа избрания. Представительство советов рабочих депутатов заменялось представительством «соответствующих» профессиональных и политических рабочих организаций; представлялось загадочным, от каких именно. Представительство советов крестьянских депутатов заменено было представительством тоже «соответствующих» крестьянских организаций, еще более таинственных.

Тем не менее, Патушинский, этот «рыцарь» Областной Думы, ухаживавшей за нею, как за Дульцинеею, выступил с краткою защитительною речью и просил принять законопроект сейчас же. Дума не могла отказать галантному министру и поспешила исполнить его просьбу. Это взаимное расшаркиванье не привело, конечно, к серьезным результатам. Состав Думы не пополнился ни одним членом. Новый закон остался пустою забавою.

К двадцатому августа программа Думы была исчерпана. Утром 20-го Сибирское Правительство постановило прервать занятия Думы до 10 сентября, и соответствующий указ тотчас же был отправлен Якушеву. Одновременно Сибирское Правительство

утвердило и подписало, в качестве своего постановления, одобренное Думой положение о пополнении ее состава.

А. БУДБЕРГ. Дневник [140]

5–9 апреля. Вернулся в Харбин; в конце пути вновь почувствовал русские порядки в виде невероятно грязного вагона. Здесь узнал, что 5 апреля японцы высадили во Владивостоке десант, как ответ на ограбление конторы Исида и убийство трех японцев; японцам очень везет на такие подходящие случаи. За японцами высадили десант американцы и англичане.

Прибывшие из Благовещенска беженцы делали сообщение о бывшем там погроме буржуазии; погибло до 1.500 человек офицеров, служащих и коммерсантов; хулиганам помогла, как всегда, полная неорганизованность и растерянность обывателей: ведь, одни молокане, будь они только сорганизованы, могли раздавить всю местную красноту.

11 апреля. Сформировавшиеся здесь под негласным покровительством и на денежные субсидии Хорвата отряды спасителей родины, под фирмами Семенова и Орлова, по моему мнению, самые анархические организации, так как для них не существует никаких законов, и слушаются они только тех, кто дает им деньги, и до тех пор, пока дает и пока имеет возможность так или иначе наступить им на хвост; последние случаи очень редки, так как ни власти, ни силы у дающих нет, и условное повиновение приобретается только подачками и уступками.

По внешности власть как-будто принадлежит Хорвату, но тот совершенно заблудился в разных комбинациях и компромиссах, вплоть до желания — весьма реакционные желания осуществить и демократический капитал-невинность сохранить.

Он продолжает свою дряблую, компромиссную политику, стараясь всех примирить и все уладить без углов, обострений и взрывов, при помощи уговоров, убеждении и прочих словесных тонкостей.

Но то, что было очень подходяще в сложных отношениях с китайцами, с приамурским начальством и с петербургским правлением, никуда не годится при современном положении; получается какое-то микроскопическое и столь же ничтожное повторение керениады, только по другому меридиану. Организации распустились, признают только право силы и очень хотят сами стать этой силой и поступать так, как им приятно и выгодно; первым делом всем хочется господствовать над Харбином и над самим Хорватом, долженствующим быть только курицей, несущей им золотые яйца.

А при характере и решительности Хорват мог стать действительной властью и скоро привести все здесь в порядок, но

«рожден кто ползать — летать не может…»

Уходить из Харбина никто не хочет и не собирается, предпочитая ничего не делать и весело жить. Семенова всячески поддерживают японцы и французы, или, вернее, их местные представители — капитаны Куроки и Пеллио; попав в таких чинах в вершители местных судеб и в своего рода американские, богатые всякими возможностями дядюшки, эти иностранцы, умело угощаемые и умело чествуемые, видят только внешний порядок, козырянье и внешнюю дисциплину и неспособны разобраться в духовной, идейной стороне всего происходящего. Внутренней гнили они не видят или не хотят видеть и не в состоянии трезво, спокойно, проникновенно заглянуть в русское будущее.

Для возглавления всех отрядов сюда выписали Плешкова, но ничего путного от этого не получилось; была одна дряблая бесхарактерность, а теперь стало их две, схожие еще и в том, что у обоих экстерьер великолепный и внушительный, и что оба в обхождении милы, обворожительны.

Не слушали Хорвата; так же не слушают и Плешкова и их обоих вместе, — совсем то же, что на фронте, только что не дерутся и не убивают. Вчера организация полковника Орлова арестовала подполковников Никитина и Сулавко; Хорват и Плешков приказали их освободить, а Орлов и его банда приказа не слушают — совсем большевики sauce royale[141]. Разве при такой закваске возможны какие-нибудь прочные и благодетельные последствия. Внутренняя дисциплина всегда была у нас не особенно крепка, и сохранялась только в виде esprit du corps[142] в лучших частях нашей армии; революция же с ее экспериментами рассосала последние остатки этого драгоценного качества… и в этом-то весь ужас нашего положения; нужны решительные крепительные средства, а их нет. Семеновцы бросили даурский фронт и отошли на ст. Манчжурию; офицеры, ушедшие из Семеновского отряда по невозможности мириться с происходящими там безобразиями, рассказывают, что, стоя на Даурии, чины отряда пьянствовали, охранения и разведки не было; когда услыхали, что большевики обходят их с юга, то удрали, бросив целый поезд с запасами продовольствия и снаряжения.

В общем, однако, шило лезет из мешка, и в Харбине начинают разбирать, каких беспокойных утят высидела здесь хорватская курица; усидчивость спасителей по части кабаков, швырянье денег, скандалы, заставляют задумываться даже коммерсантов, подкармливавших организации, насчет того, куда идут их деньги, и правильно ли они помещают свой капитал.

Нельзя спорить против того, что офицерам надо помочь, надо дать средства существования, но все это в минимальном размере; здесь же зеленой, неустойчивой и уже хватившей революционного развала и хмеля молодежи дают по 200 руб. в месяц на всем готовом; рассказывают даже, что, во избежание скандалов, дежурные по отрядам офицеры получают авансы, чтобы расплачиваться с извозчиками, привозящими в казармы господ офицеров. Занятий в отрядах нет, молодежь бесится, никто ее не сдерживает, и развал неудержимо прогрессирует.

Многие командиры сознают это, но бессильны что-либо сделать; на замечание (не говоря уже о попытке наложить взыскание), получается обыкновенно доклад подчиненного о переходе в другую организацию.

Сейчас здесь на-лицо следующие власти: 1) Хорват, считающийся наследником всех русских законных властей по званию главноначальствующего в полосе отчуждения К.-В. железной дороги; сейчас в Харбине идет тайная кампания, чтобы выдвинуть Хорвата на пост диктатора русского Дальнего Востока, при чем уверяют, что эта идея поддерживается японцами. Не все ли равно, какая вывеска будет на Хорвате; ведь он останется тем же бессильным главноуговаривающим, неспособным даже справиться с образовавшимися здесь офицерскими организациями, барахтающимся среди разных компромиссов и танцующим какой-то чрезвычайно пестрый танец.

Говорят, что диктаторская махинация строится теми, кому выгодно вытолкнуть длиннобородого харбинского Улисса на высоту власти, тесно к ней примазаться и снять, сколько удастся, пенок.

2) Далее идет Дальневосточный комитет защиты родины и Учредительного Собрания, какая-то полуанонимная организация, сложившаяся из смеси авантюристов, спекулянтов, перепуганных коммерсантов и очень свойственных Дальнему Востоку темных дельцов и ловителей рыбки в мутной воде; сначала эта организация очень гремела, но теперь киснет и обещает скоро заглохнуть.

В громком названии под родиной надо понимать потерянные и угрожаемые капиталы, предприятия и привилегии; Учредительное Собрание пристегнуто для демократичности и в качестве фигового листа: большинство этих господ желает его, как чорт ладана.

3) Имеется начальник российских войск полосы отчуждения, добродушный и безобидный генерал Плешков, безропотно несущий все наряды по разным представительным случаям и блистающий там свежестью, превосходным настроением духа и

целым иконостасом всевозможных орденов.

Его никто и ни в чем не слушает, но, судя по его настроению, сие мало его беспокоит; он вообще принадлежит к разряду людей, не любящих беспокоиться. При нем учрежден штаб отдельного корпуса, с большими штатами, но с малым числом настоящих работников.

4) Разные вольные атаманы — Семенов, Орлов, Калмыков, — своего рода винегрет из Стенек Разиных двадцатого столетия под белым соусом; послереволюционные прыщи Дальнего Востока; внутреннее содержание их разбойничье, большевистское, с теми же лозунгами: побольше свободы, денег и наслаждений; поменьше стеснений, работы и обязанностей. Мне кажется, что большинство из них лишь случайно не на красной стороне: кому не пришлось по случайно сложившейся обстановке, а кто по привычке шарахнулся на свою, оказавшуюся белой, сторону. У многих все это случилось, конечно, невольно, и обвинять их самих было бы даже несправедливо.

Среди этого многовластия, а в сущности настоящей анархии, идет общая грызня, ссоры, слежка за другими, сплетни, провокация и интриги.

Офицерская вольница беззаботно живет, ничего не делает, бесконечно много хвастается, особенно по части разгрома большевиков и спасения России. Актив же весь пока — человек 700 у Семенова на ст. Манчжурия, человек 400 у Орлова в Харбине и кучка у Калмыкова на ст. Пограничной; есть несколько старых японских орудий системы Арисака. С этими силами нельзя дойти даже до Онона, так как не хватит чем обеспечить тыл и железную дорогу на сто верст назад; но это мало кого здесь тревожит, ибо никто в наступление не собирается; достаточно шуметь и от шума этого кормиться. Кому не охота «и без драки попасть в большие забияки»? Глубоко жаль ту молодежь, которая в большинстве бросилась в эти организации совершенно искренно, завертелась в этом омуте и обречена на сгноение.

Имеется здесь еще какое-то сибирское правительство, состоящее из нескольких членов разогнанной сибирской областной думы, считающее себя законной властью и очень охочее ею de facto[143] сделаться.

Единственной реальной, проявляющейся время от времени властью, являются только китайцы, постепенно сбрасывающие с себя старые путы и показывающие иногда свои зубы.

Издалека надвигается влияние японское, пока еще торговое, но за которым уже виднеются раскосые лица японских солдат.

Среди этих влияний и призрачных и реальных властей мечется разношерстная, больная нервами, русская беженская

толпа и варится в каком-то котле, где красными и черными ведьмами намешаны эгоизм, глупость, жадность, легковерие, бесшабашный авантюризм, острая тоска по всему потерянному, с примесью донкихотского благородства, искреннего порыва, верности старым традициям и готовности на подвиг и жертву; но невелики эти благородные примеси, и тонут они в массе низменных похотей, густо разведенных на людской подлости.

Немногочисленные глубокосимпатичные Дон-Кихоты, которые искренно и самопожертвованно пытаются что-то сделать, не замечают, как бессильны их потуги зажечь это эгоистическое, жадное и равнодушное море огнем их высоких и благородных лозунгов. Сейчас пришло царство того, у кого глотка позычнее, кулак поувесистее, но зато совесть поменьше, и все задерживающие центры порассосались основательнее.

13 апреля. Вечер провел в компании в лице трех беженских полковников, которые очень много говорили, жаждали мести, вторжения в Россию и истребления всех серых шинелей; бахвалились, что сами берутся уничтожать по нескольку десятков товарищей за прием, «собственноручно пуская им пули в живот». Пока же сидят в Харбине, живут на-шармака, на фронт не собираются, а двое, по моему убеждению, никогда туда не поедут. К сожалению, столь свирепые угрозы красным товарищам не страшны; печально только то, что такие глупые и бахвальные излияния показывают чаяния и глубину понимания уже не зеленой молодежи, а трех штаб-офицеров, имеющих за собой побольше десятка лет кадровой службы. Какое-то помешательство на идее реванша скорого и жестокого, отождествляемого со спасением России. Такие уроды неспособны понять того, что стряслось с Россией в прошлом году; им не дано сообразить, что многого уже не вернуть и что многое надо забыть.

Харбин начинает наполняться тянущими с запада семеновцами; говорят, что у атамана иссякли все деньги, и поэтому наиболее пронырливые ловкачи стараются заблаговременно поискать более хлебных организаций; сейчас ведь это просто: не понравилось в одном отряде — перекочевывают в другой; появились даже особые антрепренеры по переманиванию при помощи разных посулов; начинает напоминать времена ландскнехтов, но только в российской раскраске.

Гремевшие здесь горе-генералы Потапов и Доманевский навастривают уже лыжи, но требуют на дорогу денег.

14 апреля. Куда ни пойдешь, наслушаешься такой гнили и дряни, что потом не спишь целую ночь. Хорош я был, когда в Петрограде уговаривал всех пробираться в полосу отчуждения,

считая, что там только и можно организовать здоровое сопротивление большевизму.

В городе ожидают какого-то выступления со стороны семеновцев и орловцев, так как иссякли средства на их содержание. У Семенова сбежали некоторые хозяйственные чины, прихватив бывшие у них на руках авансы. Хорват вертится, лавирует, обещает и уговаривает.

Орлов и его вольница распустились и угрожают; доссоримся до того, что вмешаются опять китайцы и займутся разоружением; будь Хорват порешительнее, он мог бы при своей дружбе с китайцами ликвидировать все существующие организации и начать формирование новых, в виде офицерских, юнкерских, унтер-офицерских и специальных школ.

16 апреля. Истощение местных кошельков заставляет атаманов распускать слухи, что японцы просят их итти на Владивосток и там соединиться с их десантом; очевидно, хотят напугать местных буржуев, что оставят их на съедение большевикам. Ведь только с перепугу можно поверить тому, что японцам на что-либо нужны несколько сот разболтанных русских офицеров, да еще и во Владивостоке, где положение самих японцев довольно сложное и деликатное. Первый этап движения на восток — ст. Пограничная, где сидит Калмыков, самый обыкновенный разбойник, и грабит поезда по способности. Не понимаю Хорвата, его советников и сотрудников; разве в багаже их жизненного опыта нет данных о том, что такое распущенная, растерявшая все сдерживающие стимулы и дерзкая, вооруженная толпа, чувствующая свое значение и понимающая, что ее некому одернуть? Нужно во что бы то ни стало остановить развал и покончить с этими белыми большевиками; промедление времени смерти подобно; чем дальше, тем больше потребуется решительности, железа и крови, чтобы ввести все это в рамки долга, порядка, обязанностей, беспрекословного повиновения, здоровой дисциплины и тяжелой работы-подвига. При такой реорганизации не надо жалеть никаких средств, взять и отдать все, обеспечить семьи, но при современном положении надо зажать кошелек и хоть этим путем потребовать подчинения.

17 апреля. Весь город полон разговорами о предстоящем походе отрядов на Никольск, как об уже решенном деле; молодежь, покорившая немало харбинских сердец, довольно откровенно прощается с побежденными.

Первыми этапами для отрядов назначены станции Эхо и Пограничная; как бы хотелось, чтобы они сделались местами полной реорганизации и внутреннего обновления этих отрядов.

В частности, успех похода рассчитан на переход на нашу

сторону уссурийских казаков, то-есть на то, чего никогда быть не может, так как уссурийцы совсем обольшевичились и никогда к офицерским организациям не примкнут.

Если этот нелепый поход осуществится, то кровь жертв должна пасть на голову инициаторов и распорядителей; большому начальству не впервой посылать подчиненных на убой.

Трудно разобрать, какую роль играет здесь Япония; японских офицеров здесь очень много, и, по видимому, они играют роль возбудителей агрессивной энергии, исполняя какие-то определенные махинации, предначертанные им руководящей ими военной партией японского генерального штаба.

Сегодня в отрядах выдали жалованье по вновь утвержденным штатам, и шантаны работают на славу.

Интересными образчиками современного офицерства являются четыре штаб-офицера, поселившиеся у одного из моих товарищей: живут, едят, держат себя иногда слишком непринужденно, ни копейки не платят очень стесненному материально хозяину дома, а получаемое содержание прокучивают.

18 апреля. Местные газеты, надлежащим образом подогретые, полны призывов к выступлению для активного спасения России; до сих пор еще думают, что можно словами поднять на подвиг; те, которые на подвиг способны, пойдут и без газетных зазываний.

Во лжи и подтасовке не стесняются; если верить всем сообщениям, то чуть ли не вся Россия ждет харбинских спасителей. Что большевики всем надоели и ненавистны, в этом никто не сомневается, но что массы ждут избавления при помощи таких спасителей, как здешние атаманы, то это неправда; ни для кого не тайна, что у большинства спасителей только и на уме, сколько «серой сволочи» они повесят за то, что переиспытали.

Когда розовые оптимисты начинают говорить, что народ молится, чтобы мы вернулись, то я возражаю, что не верю в существование таких лошадей, которые сами бы просили, чтобы их заложили в старые, ненавистные и когда-то до костей протершие хомуты. Остановить разложение сейчас можно только, увы, с помощью варягов, при полном устранении собственных спасителей типа здешних атаманских организаций, взрощенных на соусе революционного разложения.

Таких же спасителей, которые на 90 % состоят из купцов и буржуев, как вдохновителей и кормителей, и офицеров, как исполнителей, деревня примет в дубье и пулеметы.

23 апреля. Семенов начал наступление на Даурию во исполнение решительных настояний Дальневосточного комитета, который заявил, что те, кто дает деньги на содержание отряда,

устали ждать и требуют каких-либо видимых результатов, сетуя на ничегонеделание всех отрядов. Сегодня в собрании ликование по поводу взятия семеновцами станции Даурии; «взятие», конечно, весьма условное, так как станция оказалась пустой.

26 апреля. Вчера на вокзале орловские спасители пытались произвести обыск пассажирского поезда (не отставать же от Семенова и Калмыкова, занимающихся этим в своих районах), но были окружены китайскими войсками и после переписи отпущены. Семеновцы и калмыковцы счастливее: там каждый поезд дает причастным к обыску лицам сотни тысяч рублей плюс разные ценные вещи; жалоб не бывает, ибо очень строптивые переселяются в загробный мир, а осторожные молча претерпевают эту революционную неприятность.

Настроение мелкого обывателя в городе и на линии против этих, как их потихоньку называют, белых большевиков очень озлобленное; очень уж откровенно нахально и распущенно они себя ведут.

28 апреля. Заходил в штаб начальника российских войск, содержимый по штату отдельного корпуса, но почти не имеющий войск; во всяком случае, в штабах этих войск больше народу, чем во всех строевых их частях; есть полки по 50 солдат, а в батареях по два номера на орудие; зато штабные должности переполнены, и всюду еще толпы прикомандированных; все начальство обзавелось стадами личных адъютантов; по городу носятся автомобили с супругами, содержанками и ординарцами высокого начальства и разных кандидатов в атаманы; появились так называемые сестры, или, вернее сказать, кузины милосердия.

Как быстро забылись в спокойной харбинской атмосфере все суровые и ужасные уроки прошлого года; опять бесчисленные штабы; опять пять штабных там, где свободно управится один; опять ненавистные войскам личные адъютанты, накрашенные сестры; опять незаконное пользование автомобилями, огромные авансы на секретные расходы; опять штабное засилие, штабное величие, штабная лень, веселая штабная жизнь… Ничему не научились и ничего не забыли; ну, какое же тут может быть спасение.

29 апреля. Дальневосточный комитет, антрепренер семеновщины, захлебывается в «трофеях», состоящих пока из двух телеграфных аппаратов и нескольких вагонов; говорили даже, что наиболее впечатлительные комитетчики хотели зафундить по этому поводу торжественное молебствие.

30 апреля. От радости по поводу семеновского наступления многие совсем ошалели, распоясались, грозят кулаками и обещают расправиться с супротивниками по-«петровски»; какой-

то очень мрачный благовещенский буржуй захлебывался в собрании от негодования по поводу того, что в Харбин привезли нескольких раненых красных, и требовал, чтобы Семенову и всем отрядам было отдано приказание пленных не брать и вешать, обязательно вешать их на месте захвата; и можно быть уверенным, что сей кровожадец дальше Харбина сам никуда не двинется, а буде судьба его приведет все же под красный режим, то он со страха пролижет насквозь подошвы у любого комиссара, и ради спасения жизни согласится вешать своими руками белых пленных. Вообще немало злобной подлости и умственной мелкоты открылось в эти дни; достаточно было пустяка, чтобы разверзлись уста и раскрылись во всю настоящие чаяния и вожделения. Эти господа, возгоготавшие от жадной радости, в припадке самой подлой, свойственной трусам мести действительно были бы счастливы, если бы кто-либо другой, их не замешивая и открыто не компрометируя, истребил бы не только комиссаров, но и большую часть серого русского народа. В своем ликовании они не замечают даже, что с них свалился их фиговый учредительный лист, на время позаимствованный из демократических оранжерей. Спасители, храбро расправляющиеся с бутылками в ресторанах и кабаках, в своем бахвальстве сделались страшнее бенгальских тигров и, не понимая даже гнусности своих проступков, пьяными ордами поют «боже, царя храни», профанируя этот святой гимн, который каждый настоящий монархист должен таить глубоко в своем сердце, как великий и горестный укор за прошлое.

1 мая. В течение двух часов был мучим нестерпимой болтовней полусумасшедшего, но пронырливого авантюриста генерала Потапова. Потапов обратился ко мне с вопросом, соглашусь ли я войти в состав проектируемого дальневосточного правительства.

Я ответил, что должен знать сначала программу и состав этого правительства, так как я никогда не соглашусь работать с теми, кто пойдет к власти ради власти, а не ради последнего подвига на служение родине. В возможность жизненности и успеха реакционного правительства я совершенно не верю; если власть попробует обосноваться на эсеровщине, то повторится, только в еще худшей редакции, вторая половина 1917 года. Нужна трудовая, реальная, здоровая, полезная для населения программа, способная привлечь к власти симпатии здоровой части краевого населения. Творцов, носителей и будущих исполнителей чего-либо похожего на такую программу я не вижу, и у меня мало надежды, чтобы они появились в современной харбинской атмосфере. Напротив того, все, что я вижу и слышу,

приводит меня к печальному заключению, что все намечающиеся здесь комбинации ищут власти ради ее вкусных сторон; твердого и здорового плана реконструкции не имеют и будут продолжать вреднейшую политику, заманивая толпу (в том или другом составе) несбыточными посулами и временными подачками, не имея мужества сказать им горькую и тяжелую правду, потребовать от них труда, подчинения, ограничений и истового исполнения обязанностей и иметь силы и средства заставить исполнять все свои требования.

Все изложенное делает очень сомнительным, чтобы я мог войти в какую-либо из намечающихся здесь комбинаций; пользы я там все равно не принесу.

2 мая. Семеновцы продвигаются вдоль линии железной дороги; многие реакционеры, забывшие, что до декабря они были самыми крикливыми мартовскими революционерами, захлебываются от восторга; спекулянты ликуют, ожидая восстановления торговых отношений с Сибирью.

Многочисленные осведомители разных штабов объявляют о том, что забайкальские казаки многими тысячами переходят на сторону «любимого» атамана; платят осведомителям жирно, что делает их очень покладливыми по части фантазии и прибавления нолей, когда это выгодно их давальцам. Одновременно распространяются сказки для младенцев на тему о необычайном авторитете и влиянии Семенова среди бурят и монголов, потому что он бурятский полукровок и знает их язык. От коренных забайкальцев знаю, что это самая наглая выдумка; мало ли в Забайкалье метисов-бурят, знакомых населению в тысячу раз больше, чем какой-то рядовой есаул? Происходит облачение голого короля в выдуманные платными хвалителями ризы.

3 мая. В собрании случайно слышал разговор группы штатских по поводу дальневосточного корпуса, которым командует Плешков; один из собеседников выражал удивление по поводу полученных им официальных данных, что в штабе корпуса больше людей, чем во всех отрядах, вместе взятых; в управлении инспектора артиллерии сидит 8 генералов и штаб-офицеров, а во всем корпусе только семь старых пушек; штатские, не стесняясь, высказывали негодование, что все сводится очевидно к созданию штабов и к устройству в них родственников и близких человеков; отмечали также, что разрешение заменять писарей машинистками привело к тому, что штабы переполнены женами, сестрами, кузинами, сердечными симпатиями и т. п.

4 мая. Настроение самое невеселое. Родилось какое-то новое сибирское правительство из совершенно незнакомых Дальнему Востоку персонажей очень мелкого калибра; раскрашивающие их

аттестаты сводятся пока что к партийной работе, бытности на каторге, бытности членами одной из Дум или разогнанной Учредилки и т. п.

8 мая. Местное болото всколыхнуто слухами и сенсациями по поводу состоявшихся новых назначений: Плешков назначается главнокомандующим армиями фронта (?). Это так чудовищно нелепо и цинично, что не хочется этому верить; надо же знать хоть какую-нибудь меру в области самоустройства разных тыловых сеньоров и состоящих при них клик прихлебателей и лакеев.

Во всем отрыгается революционная распущенность и безудержное, начально циничное дерзание во всем, что касается личных благ и удобств; но тут перескочили далеко за самые революционные пределы; прежде был и удерж, и остатки совести и служебной порядочности; прежде никто не дерзнул бы заикнуться о таких опереточных назначениях. Одними из негласных приобретений революции явились рассасывание центров этики и порядочности и вылуженные совести, непроницаемые для чувства стыда. Бессовестность теперь не знает границ; блажен тот, кто схватил руль власти и попал поближе к главной кассе. От старого остались только приказы и штаты, которыми с меднолобым хладнокровием прикрывают самые наглые экскурсии по части самоублажения; заинтересованы в этой гадости очень многие, молчат, помогают, гримируют, придают всему законный вид. Редко кое у кого заскрипит совесть, Да и этот слабенький скрип скоро заглушается приятным хрустением бумажек.

Создают главнокомандующего, у которого, если собрать всех принанятых в войске китайцев и корейцев, не наберется воинов даже на полк мирного состава; рождают новые штабы — приятные и выгодные убежища для разных героев тыла и прихлебателей высоких сфер.

И эта вакханалия идет все crescendo[144], ибо нет настоящего барина, который пришел бы и дубиной хватил по всем этим забывшим честь, совесть и мучения родины, оскаленным от хотения и хрюкающим рылам и властно зыкнул бы: «Довольно, белые товарищи; довольно подлости, безделья, хапания и растаскивания последних крох».

9 мая. Всюду слышу разговоры про состоявшиеся назначения генерал-квартирмейстеров, дежурных генералов, начальников снабжений, бесчисленных генералов для поручений; хорошо еще, что не восстановили для штабов казенной прислуги, а то не хватило бы для этого всех наличных солдат. В штабах для красочности, поднятия фантазии и бодрости настроения порхают

многочисленные машинистки с голенькими ручками; помнят, что Наполеон проиграл Бородино оттого, что отяжелел, и заранее обеспечивают себе легкость мыслей.

Стайки адъютантов, ординарцев и чинов для поручений умножились; автомобили под самыми разнообразными значками наполняют улицы Харбина пылью и жгут последние жалкие запасы бензина.

«Старый режим» распускается самым махровым цветом в самых гнусных своих проявлениях; то же, что было в нем высокого и хорошего, отшвырнуто за негодностью.

10 мая. Совершенно неожиданно главнокомандующим назначен появившийся откуда-то и, как говорят, специально привезенный сюда адмирал Колчак; сделано это в виду выяснившейся неспособности Плешкова заставить себя слушать. Надеются на имя и на решительность адмирала, гремевшего во флоте.

Хотя я очень скептически отношусь ко всему, приходящему к нам из флота, но хочется верить, что адмирал при поддержке Хорвата положит предел старому безобразному курсу и сделает с полосой отчуждения то же, что, судя по нововременским корреспонденциям, сделал когда-то с черноморским флотом, вдохнув в него свежую струю подвига, энергичной работы.

Пока-что про адмирала говорят, что он очень вспыльчив, груб в выражениях и, как будто бы, предан очень алкоголю.

Грустно, что приходится довольствоваться такими кандидатами для возглавления организующихся здесь русских войск. Казалось, было достаточно времени, чтобы списаться с югом и получить оттуда достаточное число высокоавторитетных лиц, коим и поручить старшие командные посты. Неужели же и тут замешались узкие самолюбия, психология маленького прихода и желания уединенной автономии?

11 мая. Газеты помещают интервью с адмиралом, который обещает восстановить закон и порядок. От всего сердца желаю ему полного успеха; задумываюсь только над тем, как он сумеет справиться с достаточно уже окрепшими организациями, особенно с Семеновым, который сразу стал бить на полную самостоятельность и слушает только Хорвата, да и то, если ему нужны деньги.

Если же адмирал сам обопрется на атаманов и их отряды, то тогда о порядке и законе не может быть и речи. Выходит, что наличная обстановка повелительно требует, чтобы союзники дали нам нейтральную, спокойную силу, которая своим регулирующим присутствием помогла бы реконструкционной власти установить основные формы порядка и обуздывать всякие разрушительные —

справа и слева — силы до тех пор, пока этой власти удастся создать собственную силу такого качества, которая гарантировала бы авторитет власти и возможность своего применения во всем, что касается твердого поддержания здоровой законности и истинного, хотя, быть может, и крутого, порядка.

12 мая. Настроение такое, что, будь деньги, попробовал бы пробраться на Дон. Харбинская атмосфера, все эти главно- и просто- командующие, с их многоэтажными штабами, общая подлость и чисто разбойничий эгоизм, прогрессирующие атаманские банды, — все это способно заставить выть от горя.

Бывая в собрании, вижу кутежи, швырянье десятками тысяч денег, слышу постоянно рассказы о скандалах, чинимых офицерами, и о массовых драках, которыми эти кутежи иногда кончаются; старшины собрания безмолвно на все это взирают и боятся вмешиваться, ибо у скандалистов револьверы и шашки, которые они с большой легкостью пускают в дело под предлогом «оскорбления мундира»; последнее понятие трактуется ныне весьма своеобразно: под него было подведено, напр., вмешательство дежурного старшины в драку офицеров в биллиардной, когда двое нещадно избивали третьего; после ликвидации инцидента все дравшиеся отправились в буфет запивать мировую.

13 мая. Весь город взволнован зверским убийством бывшего преподавателя хабаровского кадетского корпуса Уманского; третьего дня его схватили и увезли какие-то военные, а вчера его труп найден на городском огороде, изрубленный шашками. Шопотом говорят, что это дело рук калмыковцев, среди которых есть хабаровские кадеты, рассчитавшиеся с Уманским за старое, когда он был при корпусе большевистским комиссаром.

Совсем скверно, если разложение среди молодежи доходит до таких убийств; нельзя марать чистые ризы белой идеи такими каторжными поступками.

14 мая. Вечером скверные известия из отряда Семенова; говорят, что передовые части его почти уничтожены. Печально это, но иного исхода от этой авантюры быть не могло, и ответ за это на тех, кто на нее науськал неготовый к дальней экспедиции отряд.

Первые «успехи», когда занимали пустые станции, вскружил всем головы; решили, что красные слабы и ничего не стоят, а потому наши распоясались и полезли вперед, не имея достаточной разведки и при очень плохих условиях обеспечения сообщения с тылом.

15 мая. Вечером разговоры о том, что на завтра назначена однодневная забастовка всех рабочих Харбина, как протест

против убийства Уманского; Центральный исполнительный комитет, до сих пор здесь существующий, разослал по дороге приказ всем бастовать, а Хорват объявил, что не допустит забастовки, хотя бы пришлось прибегнуть к самым решительным мерам. Сейчас у Хорвата очень подходящий случай показать всю свою власть и поддержать одновременно закон; с забастовщиками и их руководителями расправиться самым крутым образом, сгрести их в кучу и выслать через Хабаровск к их красным приятелям, продезинфицировав таким образом раз навсегда всю дорогу; одновременно следует найти и наказать убийц Уманского и этим отбить охоту от повторения таких большевистских экзекуций.

Если он это сделает, то все разумное и законное станет на его сторону, увидит в нем носителя законной власти и признает его таковым.

Церемониться с заводителями забастовки и лавировать между демократичностью и решительностью не приходится; Хорвату отлично известно, что кроется в главном исполнительном комитете, на что там надеются и чего ждут; раз Семенов дерется с красными большевиками в Забайкалье, то глупо терпеть присутствие скрытых и несравненно более опасных большевиков в Харбине и на линии.

16 мая. Состоялись похороны Уманского, обращенные в демонстрацию против порядков, при которых возможны такие убийства. В штатском образе бродил по собравшейся около собора толпе для изучения народного настроения; настроение оказалось самое озлобленное, но под прессом боязни открыто это обнаружить; вдали от военных и полиции разговоры свирепо злобные, но все время косятся, не слышит ли кто из чужих; очевидно, язык сдерживается перспективой возможности очутиться в искрошенном виде на том же городском огороде. Общий вид толпы полупочтенный, у многих же весьма углубленный большевистский; в разговоре мелькают надежды о наступлении времени, когда и здесь удастся установить красные порядки; в декабре здесь хлебнули из этого сосуда и весьма вожделеют, чтобы сие повторилось и уже без китайского пресечения.

Вокруг собора стоял сильный наряд китайской полиции, а мимо прошло несколько китайских рот, которых в толпе провожали ехидным шипением «хорватские опричники…» Вообще credo[145] толпы было совершенно ясно.

После отпевания толпа собралась двинуться к вокзалу, но китайские войска заставили ее разойтись; при этом с гражданами российской республики не церемонились.

17 мая. Надежды на то, что Хорват расправится с забастовщиками, не оправдались; Хорват остался той же виляющей хвостом лисицей. Китайцы же не упустили случая, и генерал Тао совместно с даоинем Ли-тья-ао выпустили приказ, коим объявляют, что в случае повторения забастовки китайцы примут уже свои меры; злые языки уверяют, что этот приказ издан по просьбе старшего русского начальства, не желавшего марать свою демократическую репутацию, нужную ему для будущего.

Прокуратура ведет следствие об убийстве Уманского; показывает, что старается найти виновных и ничего не находит, хотя чуть ли не всему городу известно, что сделано это калмыковцами.

18 мая. Хорват как-то разошелся с рожденным им Семеновым; говорят, что причина кроется в том, что семеновцы добрались до вагонов с товарами, стоящих на ст. Манчжурия, занялись их реквизицией, или, как говорят, «семенизацией», в деньгах не нуждаются, а поэтому желают быть совершенно автономными и решили харбинских властей больше не признавать. В контроле дороги от старшего контролера В. я узнал, что остановка движения на запад скопила на станции Манчжурия несколько тысяч вагонов с самыми разнообразными и весьма ценными грузами. Семеновцы это быстро учли и начали все это реквизировать под предлогом военной необходимости; реквизируемое частью растаскивается причастными лицами, большею же частью продается за бесценок излюбленным спекулянтам и японцам, присосавшимся к атаману; бесцеремонность доходит до того, что проданные таким образом грузы отправляются на японскую станцию Чан-Чун по казенным перевозочным документам. Идет дневной грабеж; Хорват и многоликое начальство все это отлично знают и крепко зажмуривают глаза. Хорвату следовало бы кричать караул, как управляющему дорогой, ибо дороге придется потом оплатить все убытки, ибо никакой суд не признает force majeure[146] в деле разграбления имущества частных лиц на станции, расположенной даже не на русской территории.

Как главноначальствующий и блюститель закона, Хорват обязан принять немедленно меры к прекращению этого грабежа, и в этом случае он имеет нравственное право обратиться за содействием к китайским властям.

Не знать, что делается с вагонами, Хорват не может, так как вагоны продаются в Харбине семеновскими агентами совершенно открыто, а тогда его бездействие и попустительство не имеют оправданий.

19 мая. Произошло то, что уже намечалось несколько дней. Семенов самоопределился и образовал какое-то подобие временного правительства Забайкальской области; сам он чем-то вроде главковерха с помощниками — казачьим генералом Шильниковым по казачьей части и с Таскиным по гражданскому управлению; выпущена очень туманная декларация, своего рода забайкальская керенка. Говорят, что вся эта комбинация проделана не без участия японцев. Как ни как, а высиженный Хорватом утенок отправился в отдельное плаванье.

Вечером узнал, что Глик[147] уничтожен и члены его высланы из пределов полосы отчуждения; все благоразумное в Харбине радуется проявленной, наконец, решимости; надо только, чтобы не испугались тех воплей, которые неминуемо поднимут разные явные и тайные совдепщики, и, не останавливаясь уже на полдороге, продезинфицировать весь состав служащих.

Семенов заявил, что не признает над собой ни Колчака, ни Пешкова; настроение харбинских семеновцев самое воинственное.

20 мая. В Харбине объявлено военное положение. Вышел приказ Хорвата по поводу роспуска Глика и высылки из полосы отчуждения виновников забастовки. Приказ туманный и склизкий, сильно воняет желанием себя выгородить; между строк сквозит, что высылка произведена не по желанию самого Хорвата, а по требованию китайцев: сохраняется для будущего демократическая зацепка. Все это очень неприятно, так как показывает, что решительной перемены курса не будет.

Местные спасители из буржуев и разные комитетчики взволнованы отделением Семенова, идут совещания, собираются посылать уговаривателей и искать почвы для какого- нибудь соглашения.

21 мая. Подогреваемые местными большевиками рабочие митингуют, но, видимо, боятся выступить решительно, так как стало известно, что китайцы передвигают к Харбину новые войска и объявили, что делают это на случай новой забастовки. Все — и Хорват, и рабочие, и разные политиканы — как бы сговорились делать побольше, чтобы поосновательнее утопить здесь русское дело и дать китайцам побольше поводов сесть нам на шею, все как будто забыли, что за их спинами уже не стоит грозная Россия.

22 мая. Был в большом штабе местного главковерха; там очень недовольны адмиралом, который по общему отзыву ничего не понимает в военном деле и совершенно не желает считаться с наличной обстановкой; сейчас он требует немедленного похода на Владивосток и самых решительных действий; его кто-то на это подуськивает. Кроме того семеновские «лавры» распаляют воображение новых харбинских преторианцев — отряда

полковника Орлова, — примкнувших, по видимому, к адмиралу и признающих (правда, тоже постольку-поскольку) местные военные власти; этим спасителям тоже хочется побед, но на своем собственном направлении; они определенно отказываются итти в подчинение к Семенову и всячески выставляют важность владивостокского направления.

23 мая. Между семеновцами и орловцами установились самые враждебные отношения. Харбин кипит; кандидаты в Наполеоны, Нессельроде, Фуше и другие политические персонажи носятся, высунув язык, стрекочут, махлюют и пытаются показать, что на них сейчас покоится пуп земли, и они единственный якорь спасения. Хорват по прежнему неспособен резко показать свой курс, организовать настоящую силу и погрузился в разные комбинации помирить все грызущиеся в Харбине партии и привести ссорящихся к какому-нибудь компромиссу.

Скверно то, что нет такой власти, которую бы все признали и которой беспрекословно повиновались бы; народили здесь много очень высокого по титулам и окладам начальства, но все принадлежат к печальной памяти класса «уговаривающих». Плешков улыбается, банкетирует, блистает и остается тем, чем был всегда, т.-е. безобидной, никчемушной пустопорожностью. Адмирал, по видимому, человек с норовом до полной неуравновешенности и взбалмошности; закидывающийся по пустякам; неспособный спокойно и хладнокровно разобраться в сложной и поганой харбинской обстановке; непокладистый и колючий, понявший, по видимому, что такое Семенов; не знающий совершенно военного дела, нашей организации, системы обучения и ломящий все по-морскому так, как подобает всякому адмиралу.

В результате у Хорвата нет помощников; даже хуже, так как от них только одни хлопоты и никакой пользы.

26 мая. В городе большое волнение по поводу слухов о том, что семеновский отряд отрезан большевиками от станции Манчжурия и пробивается с тяжелыми боями. Случилось то, что было неизбежным исходом этого наступления. У пославших не шевельнется и тени упрека в том, что это их вина, что это результат их преступного легкомыслия и военной безграмотности.

27 мая. В высоких харбинских сферах крупные раздоры: Семенов открыто задирает «главнокомандующего адмирала», а семеновцы и орловцы ходят, натопорщившись друг на друга, как молодые петушки; наиболее задорные решили не отдавать чести враждебным организациям.

28 мая. Вчера весь Харбин находился в напряженном состоянии, так как определенно ожидалось вооруженное столкновение между семеновцами и орловцами. Сыр-бор загорелся из-за того, что адмирал приказал коменданту города арестовать какого-то зело нашкодившего в Харбине семеновца. Семенов в ультимативной форме потребовал освобождения своего опричника и, получив отказ, пригрозил арестовать самого главнокомандующего и, как говорят, даже отдал все для этого приказания.

Выходит, что сейчас по части дисциплины мы много хуже большевиков. И такие архаровцы позволяют себе выпускать декларации и обещать восстановить закон и порядок; их медные лбы не в состоянии расчухать, какой гибельный пример подчиненным они дают своим бунтовщическим поведением.

29 мая. Когда начались неудачи в Забайкалье, Семенов очутился в Харбине, ибо того «требовало общее положение дел», как говорят его приспешники. На фронте наши войска хорошо знали цену тем начальникам, которые при катастрофе оказывались в далеком тылу «для докладов», «для выяснения положения» и т. п. Прибыв в Харбин, Семенов заявил, что он Колчака не признает, слушаться его приказов не будет, и что все чины его, Семенова, отрядов подчинены только своему атаману и никому больше.

Создалось такое положение, что всю ночь адмиральский вагон охранялся орловцами и пулеметами, а стоявший недалеко семеновский поезд находился в боевой готовности, выставив пулеметы из окон и направив их на вагон главнокомандующего. Не то скверная оперетка, не то сумасшедший дом.

Отношения Колчака и Хорвата тоже очень натянутые: вчера Колчак заявил Хорвату, что не желает оставаться главнокомандующим и уходит, на что получил ответ о неимении к тому никаких препятствий.

Вслед за этим к Хорвату явилась депутация в составе Орлова, его начальника штаба Венюкова и консула Попова и в форме ультиматума потребовала, чтобы адмирал был оставлен на своем посту. Ультиматчики зазнались до того, что уже неспособны сообразить, что они повторяют то же самое, что делали в прошлом году товарищи, когда требовали смены или оставления разных командиров, и что такие порядки, это — гробы для настоящей военной силы.

Что ответил делегации Хорват, держится в секрете, но зато известно, что начальнику штаба охранной стражи полковнику Баранову приказано уехать в отпуск, так как адмирал потребовал его удаления, заявив, что иначе он прикажет его расстрелять.

Вся публика, примазавшаяся к харбинским штабам, устроилась отлично, получила казенные квартиры и содержание по высоким окладам.

Вообще типики такие, что «свежа история, но верится с трудом». Сегодня полковник Нилус рассказал следующий случай: Доманевский считает себя великолепным чтецом и любит угощать гостей своих чтением; однажды он читал Надсона и разозлился, что состоящий при нем для поручений отставной судейский генерал Л., угощавший всех чаем, шумел стаканами; он поднялся и, не говоря ни слова, дал Л. в зубы и продолжал читать: «Христос молился…»

Ну и нравы! Харбинское воспроизведение помещичьих привычек конца восемнадцатого столетия.

30 мая. Хорват очень неприятно влопался: он принял депутацию Совета профессиональных союзов и, подлаживаясь к их тону, излил свои гражданские чувства, критиковал действия отрядов и, в общем, залез здорово влево. Коварные товарищи по окончании аудиенции точно восстановили и записали все его слова и сегодня пропечатали весь этот разговор в газете «Труд».

В этой беседе весь Хорват, как на ладони; очень неделикатные оказались товарищи; знающие свое начальство управленцы говорят, что многоликий и здесь вывернется: будет молчать, как будто бы ничего не случилось, а потом все забудется, ибо каждый день несет свежую сенсацию и заставляет быстро забывать старые.

31 мая. На фронте Семенов — Колчак тихо, кривая напряжения пошла книзу. По прежнему только пьянство и скандалы. Атаманы и их старшие персонажи дивят посетителей харбинских кабаков своими кутежами, оплачиваемыми десятками тысяч рублей.

1 июня. Началось торжественное выступление орловцев или, как их здесь называют, «колченогих» на станции Эхо и Пограничную для дальнейшего завоевания Никольска; говорят, что на этом настоял адмиральский штаб, которому тоже хочется военных лавров. Грозные спасители двинулись на восток со всеми семьями и всем скарбом, но почти без патронов, которые в отрядах растеряли, а как говорят злые языки, просто распродали, потому что патроны сейчас в большой цене (до нескольких рублей за штуку).

Улицы Харбина дымят пылью от носящихся автомобилей разных спасителей с разнообразными флажками; всякое революционное начальство начинается обыкновенно с автомобиля.

Потапов, живущий в одной гостинице с харбинским

посланником Семенова, полковником Скипетровым, рассказывает, что как только Скипетров напьется (а это бывает почти каждый день), то сейчас же требуются казенные автомобили, добываются девки, и бешеное катанье продолжается до утра.

2 июня. У нас продолжаются бесчинства. В ответ на арест одного семеновца, обвиняемого в грабеже и мошенничестве, Семенов приказал захватить начальника первого отдела охранной стражи генерала Марковского. Семеновцы в 4 часа утра ворвались в квартиру М. на станции Бухеду и, не найдя его дома (он был в Харбине), перерыли все вещи и залезли даже в спальню жены генерала; когда же последняя указана им на грубость их поведения и добавила, что когда в Иркутске их обыскивали большевики, то оказались вежливее и не входили в ее спальню, то производивший обыск крикнул, чтобы она не читала им нотаций, а то они с ней разделаются так, что она навсегда разучится это делать.

3 июня. Адмирал остается главнокомандующим; таков результат нескольких дневных совещаний, визитов, переговоров, уговоров и соглашений.

6 июня. В штабе адмирала говорят, что Колчак собирается ехать опять в Месопотамию, поступить на службу к англичанам и там бить большевиков и турок; говорят, он вызвал желающих ехать туда же офицеров, но таковых не оказалось; среди местной слякоти мало охотников рисковать жизнью и во всяком случае итти на большие лишения; куда вольготнее ничего не делать, жиреть и безобразничать здесь без риска и опасности.

Я не видел ни разу Колчака; все его очень ругают за его вспыльчивость и грубость, но то, что он рвется отсюда, показывает, что он лучше здешней своры; кроме того, никто не может упрекнуть его в том, что он ищет чего-то для себя лично. Но бесспорно одно, что он абсолютно непригоден к тому месту, на которое его кто-то выпихнул, так как у него нет ни одного качества, которое для сего требуется.

8 июня. Орловцы по прибытии на ст. Эхо ознаменовали сие грандиозным пьянством с битьем посуды и оранием «боже, царя храни»; как это глупо и неуместно; истинные монархисты должны понимать, что всякое открытое выступление, это — лишний шип в тот терновый венец, который несет сейчас вся царская семья; истинные монархисты должны делать все, чтобы заставить красных забыть о Тобольске, считать дело монархии навсегда конченным и государя для них абсолютно безопасным; дело же свое творить в великой тайне.

Главковерхи и главкомы спокойно смотрят на такие

возмутительные вещи, как наличие двух оркестров музыки в отряде Орлова, численностью всего в 200–300 штыков.

9 июня. Здесь готова начаться настоящая междоусобица: Хорват сместил Колчака с должности главнокомандующего и приказал ему сдать должность Плешкову, а Колчак отказался это исполнить и заявил, что если его попробуют тронуть, то он вызовет «верные ему войска». На замечание, что это может вызвать кровопролитие, бурный адмирал, находясь в состоянии полного шторма, ответил: «ну, и пусть будет кровопролитие, но распоряжаться всей здешней сволочи я не позволю».

Хорват, отдав приказ о смещении, сейчас же уехал в Пекин, предоставив Плешкову расправляться с буйным адмиралом; ну, и нашел Хорват кому поручить такое щекотливое дело.

Антураж Плешкова, ненавидящий Колчака, весь день уговаривал его отдать приказ о вступлении в должность и о состоявшемся отрешении адмирала, но не любящий никаких осложнений Плешков отказался это сделать и заявил, что будет ожидать возвращения Хорвата. Все это было бы очень смешно, если бы не было так бесконечно печально; вся судьба России на Дальнем Востоке болтается в таких дряблых, бесхарактерных, увертливых или ненормально бурных руках.

Приехала группа депутатов японского парламента, чтобы на месте пощупать общественное мнение по вопросу о выступлении Японии для оказания России помощи против захвативших ее большевиков; военные круги Японии очень хотят такого выступления.

10 июня. На верхах продолжается скандальная и безотрадно печальная свара. Хорват, вернувшись из поездки в Пекин сказался больным, но адмирала все же принял. Говорят, что свидание было очень бурное, но в результате на вопрос начальника штаба генерала Хрещатицкого, в каком положении вопрос об уходе Колчака, Хорват ответил «надо потерпеть».

Так и остается на поучение войскам и на потеху врагам, что отданный Хорватом приказ не исполняется его ближайшими помощниками: одним по бурной недисциплинированности, а другим по дряблой нерешительности. Неужели же этот триумвират не в состоянии понять, что они делают и какой пример они подают своим подчиненным?

Дряблость и дрязги наверху, разбойная и вороватая атаманщина под японским, по видимому, соусом посередине, разгул, распутства и постепенное разложение на почве белого большевизма внизу… безнадежная картинка!

12 июня. Характерный разговор передал мне сегодня полковник Акинтиевский: является в штаб российских войск

семеновский представитель, полковник Скипетров, и заявляет, что если не будет выпущен арестованный по приказу Колчака прапорщик Борщевский, то он, Скипетров, прикажет арестовать двух офицеров орловского отряда. Начальник штаба вместо того, чтобы арестовать такого заявителя, передает его требование адмиралу, от которого получается ответ с приказом: в случае ареста двух орловцев арестовать трех семеновцев. Это объявляется Скипетрову, который со со словами: «ну, а я буду арестовывать всегда на одного больше», уходит из штаба.

Ведь это какой-то гнусный фарс, а не настоящие штабы и начальники; разве может выйти что-нибудь прочное из такой распусты и мерзости?

13 июня. Видел помощника Семенова по военной части и его родственника генерала Семенова, которого знаю давно по службе на Дальнем Востоке; высказал ему свое убеждение в огромном вреде, приносимом делу восстановления России появлением атаманов и разводимой ими атаманщины; высказал также свое мнение о том, что если бы Харбин не начал муссировать антибольшевистское движение и не совал бы на шею Забайкалью Семенова, то вся область с началом полевых работ успокоилась бы, и тогда умело выбранное и деловое войсковое правительство могло бы взять в свои руки власть и найти опору в зажиточном, домовитом казачестве; высказал также свое удивление, что со столь ничтожными силами его атаман пускается в дальние и сложные операции; ведь они не могут даже начать против красных малую войну, ибо симпатии населения не на их стороне, а на сочувствии немногочисленной и редкой по дислокации, городской буржуазии далеко не уедешь.

Генерал уклончиво полусогласился с моими замечаниями, но упорно стоял на том, что атаману надо занять Читу, так как это сразу произведет на все население области очень сильное и благоприятное для него впечатление.

Для предоставления квартир высокому начальству и штабам выгоняют из насиженных домов старых служащих и создают этим среди последних озлобленное настроение.

14 июня. Бестолочь и сумбур продолжаются, и нет никакой надежды на их прекращение. В результате тот самый Дальний Восток, откуда могла и должна была притти смерть большевизму, становится для последнего все менее опасным, ибо здесь гноится все то, что должно было создать сибирскую белую военную силу.

Ведь даже разумный и беспристрастный правый, приглядевшись к Харбину и атаманам, брезгливо отшатнется от какого-либо здесь сотрудничества, ибо ничто не может заставить сочувствовать этой грязи; тут и изменить даже ничего нельзя, ибо

против искренней идеи порядка и закона поднимаются чудовищно разросшиеся здесь подлость, трусость, честолюбие, корыстолюбие и прочие прелести.

16 июня. Китайцы частно сообщили штабу охранной стражи, что, по донесению их манчжурского начальника, семеновцы в беспорядке бегут к ст. Манчжурия, потеряв часть артиллерии; это известие подтверждено при разговоре с китайским генералом Тао, выразившимся, что положение семеновцев очень скверное, и что он приказал сосредоточить свои войска к границе; говорят, что китайцы готовятся разоружить всех, кто перейдет в их пределы с оружием в руках. При всей печальности такого исхода, быть может, он был бы единственным для нас выгодным, дав возможность начать организацию войск на других началах.

17 июня. На востоке тоже началась наступательная оперетка; кандидат в уссурийские Семеновы есаул Калмыков с несколькими десятками человек перешел границу, дошел до Гродековских туннелей, но затем благополучно ретировался. Адмирал приказал усилить Калмыкова только-что формируемыми ротами отряда Маковкина, самым невероятным сбродом из русских кандидатов в хулиганы и приманенных деньгами весьма хунхузистых китайцев.

Китайцы заявили, что никаких русских войск из Харбина на восток не пустят, а когда ехавший во Владивосток английский военный агент согласился прицепить к своему поезду несколько вагонов с солдатами ротмистра Врашеля, то китайцы задержали весь поезд. Поистине правы китайцы, когда на старый оклик «ходя» они высокомерно отвечают: «ну, теперь это твоя ходя, а моя капитана».

Вся свита Хорвата кричит о необходимости немедленного расформирования всех отрядов. Поздненько спохватились, господа; нечего теперь кудахтать, так как вы сами понаделали российских хунхузов и белых большевиков, загнав в их гноилища бесприютную и искавшую подвига молодежь. Выходит, что сердце длиннобородой дряблости вернулось из командировки в атаманские ставки.

Проявите хоть сейчас железную решимость и используйте наличную обстановку, дающую возможность ликвидировать наиболее опасную семеновщину, а для этого закройте ей все способы грабить и существовать; создайте свои прочные части и привлеките в них все, что есть порядочного в семеновском отряде.

В Харбине определенно говорят, что идея создания атаманов принадлежит триумвирату из жены Хорвата, консула Попова и начальника военного отдела генерала Колобова; последний является духовным родителем создания на границах полосы

отчуждения «кулачков», которые в разных местах били бы по большевикам и не давали им покоя. Нелепая по сущности идея была одобрена комитетом защиты родины и Учредительного Собрания, думавшим, что сие спасительное средство спасает капиталы богатых заправил комитета (теперь они, кажется, почуяли уже, что сия опасность не исчезла, а удвоилась и стала очень близкой).

Всех этих авторов, вдохновителей и подстрекателей следовало бы отдать на сутки в распоряжение ближайшего совнаркома в расплату за кровь русской молодежи, пролитую и проливаемую для осуществления всех этих ахиней и корыстолюбивых вожделений, и за тот колоссальный вред, который уже нанесен ими делу русского возрождения здесь на Востоке.

18 июня. Под влиянием трусливых опасений о возможности возвращения сюда совдепских гераклидов, в Харбине начались какие-то демократические совещания по выработке обращения к союзникам с призывом о помощи.

Удивительный народ эти харбинцы, воображающие себя пупом русской земли! Они думают, что достаточно им собраться, поболтать и, попив чайку, руками какого-нибудь борзописца настрочить хлесткую и жалостную резолюцию, и сейчас же зашевелятся спящие девы — союзники, двинутся корпуса, и поплывут корабли. Надо было раньше иметь голову на плечах.

21 июня. Состоялось демократическое совещание; как и следовало ожидать, все пролетарские представители заявили протест против приглашения союзников и ушли из заседания; в этом они искренни, ибо понимают, что с прибытием союзников конец всяким надеждам на восстановление здесь совдепии; тут их не проведешь никакими демократическими вывесками и никакими туманными резолюциями; они отлично сознают, что демократия, Учредительное Собрание, народоправство и прочий словарь это одна бутафория, от которой им, кроме шишек на лбу, ничего не причтется.

Скверно то, что наша буржуазия неспособна говорить прямо и открыто, что она хочет восстановления закона и порядка; скверно то, что она не понимает, что ей необходимо многим поступиться, многое пожертвовать и определенно, решительно, бесповоротно об этом заявить. Нужна открытая и честная деловая сделка, а не полужульнические с обеих сторон фигли-мигли.

22 июня. В газетах появились выдержки прений, происходивших на демократическом совещании; рабочие, профессиональные союзы и отдельные национальные группы высказались против приглашения союзников; ничего

патриотического или национального в этом протесте нет, так как под ним кроется только боязнь потерять все «завоевания революции». Пригласительная резолюция принята одними цензовиками, т.-е. получилось то, что следовало предвидеть еще до созыва этого никчемушного совещания; в результате убедились еще раз, что население расслоено на два непримиримых лагеря, которые не согласить между собою никакими демократическими соусами. Нужно много времени и тягчайших испытаний для того, чтобы сгладить острые, торчащие из каждого лагеря углы и острия, чтобы исчезло свирепое недоверие и сделалась возможной какая-нибудь средняя линия прочного и искреннего соглашения. Сейчас же народные массы более чем когда-либо подозрительны ко всему, что идет из буржуйного лагеря; они понимают, сколько потеряли «господа».

23 июня. Косолапые и «неумные» действия наших «правительств» напоминают фарс на тему из жизни экзотических республик; каждое из правительств ищет верноподданных путем самых заманчивых посулов, пыжится, во-всю и пытается доказать, что оно — самое настоящее и законное, сильное и популярное, и, если еще не гремит во-всю, то только из снисходительности и в ожидании, что слепые прозрят, маловерные познают и принесут покорность.

Забайкальское правительство Семенова сидит на китайской территории, под защитой китайских войск; не может носа сунуть на территорию, правительством которой именуется, но декларирует законы, назначает министров и должностных лиц. Появилось и амурское правительство, приступившее к формированию своих войск, куда, как гласит объявление, «с согласия генерала Хорвата» приглашаются желающие.

26 июня. Местные газеты сообщили о решении союзников помочь России путем военного вмешательства в дальневосточные и сибирские дела. Наши «правительства» и комитеты зашевелились и заерзали перед местными иностранными представителями; у многих текут слюнки от предстоящих возможностей попасть на первое место.

В контроле мне рассказывали, как расхищаются на станции Манчжурия груженые вагоны; семеновцы реквизируют все, не брезгая ни галантереей, ни дамскими ботинками. Станционное начальство, таможня и грузовладельцы молчат, ибо знают, что поднявшему крик грозит прогулка в Даурские сопки, откуда уже несть возврата. Но почему молчит Хорват и допускает такой грабеж, совершенно непонятно.

Содержимое вагонов продается близким к атаману и его главным приспешникам за десятую и меньше часть стоимости.

27 июня. Упорно говорят, что большевизм в Сибири свержен, и там уже у власти стоит новое сибирское правительство. Если это верно, то союзное вмешательство более чем необходимо, дабы под его впечатлением в первый же период дать новой власти окрепнуть и создать необходимейший государственный аппарат. Я очень надеюсь на Сибирь, на ее солидность и уравновешенность и на то, что среди коренных сибиряков наберется несколько десятков честных людей, способных установить власть определенную, твердую, законную и для населения полезную. Только бы не играли в демократию и не боялись отобрать у масс те опасные игрушки, которыми те завладели; будут неудовольствия, будут восстания, но первые надо перетерпеть, а со вторыми справиться, — тогда через несколько времени все перемелется.

28 июня. Здесь задержано 29 вагонов кожи, реквизированных Семеновым на станции Хайлар и проданных какому-то спекулянту; они следовали как военный груз с оплатой по военному тарифу.

И всего этого недостаточно для того, чтобы принять решительные меры против грабителей; ведь все знают, что добываемые этим путем деньги идут преимущественно на те дикие кутежи и роскошную жизнь, которыми прославляют себя все атаманские прихвостни. Доколе же, о Хорват, ты будешь оставаться дряблой тряпкой?

29 июня. Вчера в кабаке Палермо происходило очередное грандиозное пьянство наших спасителей, закончившееся стрельбой и убийством семеновского офицера хорунжего Кабанова, имевшего какое-то причастие к продаже вагонов; при поднятии трупа Кабанова в его карманах нашли 130 тысяч рублей.

Нравы самые откровенные; родственник моего beau frere'a, служивший писарем в одной из батарей, рассказывал, что там делается по части хозяйства; все стараются набивать карманы, не останавливаясь ни перед подложными счетами, ни перед сотрудничеством с самыми грязными аферистами. Зато все кутежи относятся на счет хозяйственных сумм. И в такой гнусной и воровской обстановке готовится на службу родине наша зеленая молодежь!

30 июня. Колчак уехал в Японию; считают, что этим весь инцидент исчерпан. О том, что не исчерпаны его вредные последствия и его гибельный пример, никто не думает. Не хватило даже совести воспользоваться переменой лица и упразднить нелепую должность главнокомандующего, а также расформировать части, состоящие из начальства, штаба и хора

музыки.

1 июля. Инцидент с задержанием вагонов с кожей грозит сделаться злобой дня. Семеновские представители, обеспокоенные слишком громким скандалом, заявили, что их атаман выслал в Харбин особого уполномоченного — ревизора, чтобы разобрать это дело.

Ревизору для внушительности дана делая сотня семеновских баши-бузуков, — испытанное средство для того, чтобы у многих отшибло память и засохли языки, и они не были бы слишком говорливы; здесь весь Семенов. Несмотря на все видимые атрибуты власти, защиты и помощи получить не у кого.

3 июля. В районах Никольска и Владивостока идут бои между чехо-словаками и большевиками; о том, что успех должен быть на стороне первых, не может быть ни на минуту сомнения.

Какое горе, что у нас сейчас вместо организованной силы опереточные правительства, опереточные главкоплеши и опереточные по своему боевому значению, но очень грозные по своей распущенности и по царящей среди них жажде реванша и мести отряды.

Попыткой задержать чехо-словаков Троцкий дал нам все козыри и сам родил ту силу, которая способна раздавить его красную мразь.

Но если то, что зародилось в Харбине и сгноено в разных отрядах, полезет на русскую территорию, то население скоро пожалеет об ушедших большевиках, — конечно, черное население, которого большевики почти не трогают, но которое больше всех затрещит от наших спасителей.

4 июля. Определенно сообщается, что во всей Западной Сибири власть совдепов свергнута; страна возвращена к порядку и законности, и установлено новое сибирское правительство, имеющее уже свою армию.

5 июля. Ночью штаб российских войск во всем своем многолюдстве изволил отбыть на станцию Пограничная, как на начальный этап будущего движения в пределы Приморской области.

7 июля. Вечером Хорват «отбыл на фронт», так называется теперь станция Пограничная; местные полководцы очень горды образованием «собственного фронта», так как с самоопределением Семенова они остались при одних тылах, а между тем иметь свой фронт считалось и считается необходимейшим аксессуаром для всякого большого тылового героя.

На этом новом фронте уже началась свара: мелко-разбойничий подголосок Семенова Калмыков, к которому за

последнее время набежало в чаянии предстоящих благ много разной вольницы, тоже самоопределился, заявил, что Плешкова он слушаться не желает, а с Орловым действовать совместно не будет. Посему и выписали сладкоглаголивого соглашателя в надежде, что он как-нибудь помирит собравшихся на Пограничной лебедя, рака и щуку.

8 июля. Проснулись сегодня сразу при двух правительствах: во Владивостоке — сибирское (видимо, какой-то дубликат), а у нас, поднимай выше, — всероссийское с Хорватом во главе и с помощниками ему в лице избранных деятелей дальневосточного комитета и прочих «известных всей России лиц».

Правительства натопорщились друг на друга и уже собираются одно другое арестовать.

Хорват и члены правительства, отбывшие на фронт, везут с собой «манифесты о принятии на себя всей полноты власти», для торжественного объявления его в Никольске. Форменная оперетка да еще с третьеразрядными исполнителями! Близкие «правительству» деловые круги радуются в предвкушении бешеных выгод, связанных с «принятием всей полноты» друзьями и обязанными.

Теперь становятся ясны все махинации последних дней: удаление Колчака, вывод орловцев, образование восточного фронта и пр. Все это были «приуготовительные упражнения», а ныне сразу выпалили из сорокадвухвершковой мортиры «бонбой» в виде всероссийского правительства.

9 июля. На «фронте» невероятный кабак; все хотят распоряжаться, но никто не хочет повиноваться. Калмыков, по донесению полковника Акинтиевского, обнаглел до недопустимости; главнокомандующий и правительство делают вид, что сего не замечают.

10 июля. В местных газетах появились указы временного правительства автономной Сибири, родившегося во Владивостоке, жалкие подражания разным керениадам с теми же демократическими и революционными всхлипываниями.

В частях войск сохранены комиссары с назначением на эти должности каких-то неведомых прапорщиков, очевидно с громким ррреволюционным прошлым.

11 июля. С вечера по городу расклеены обращения к населению от лица народившегося временного правительства всей Руси, возглавляемого временным правителем генералом Хорватом.

Населению объявляется, что господин Хорват решил «принять на себя всю полноту государственной власти». Видимо, пример Семенова заразителен; если он обавтономился на забайкальском

звании, то отчего же Хорвату не хватить в том же духе, но уже во всероссийском масштабе.

Актив у обоих претендентов почти одинаков, и если у Хорвата больше нравственного и международного авторитета, то у забайкальского Гришки больше дерзости, решительности, да и его орды, пока он их кормит, его слушаются; денежные средства тоже из родственного источника: у одного секретные позаимствования из кассы К.-В. железной дороги, а у другого явный грабеж вагонов и грузов той же дороги.

Сфабрикованный еще в Харбине манифест собирались объявить в Никольске, но чехо-словаки не пустили туда новоявленное всероссийское правительство, пришлось ограничиться единственной доступной станцией Гродеково, благо, что она пришлась на русской территории. Веселенькое начало для всеррроссийского пррравительства.

Злые языки говорят, что новоявленный правитель, это — только ширма, за которой распоряжаются его собственная супруга, консул Попов и японский майор Араки — комбинация для меня совершенно непонятная.

Отряд Орлова расформировали; по хозяйственной части там обнаружена растрата до полумиллиона рублей. Как обидно, что во-время не произвели такой же операции и с другими отрядами; насколько все здоровое и разумное было бы теперь легче к осуществлению!

12 июля. Продолжается представление не то харбинского «Ревизора», не то «Тушинского вора», но только в ярко опереточных полотнах. Правитель и министры державы Российской сидят в Гродекове, так как дальше вход им воспрещен чехами.

13 июля. Правительство продолжает сидеть в гродековском карантине; для местных борзописцев представляется отличный случай написать фарс на тему «Гродековское действо», или «Не спросясь броду, не суйся в воду», с фанфарами, куплетами, нотами и с переодеванием разных милостивых государей в министры.

Но Харбин ликует; перед оголодавшими аспирантами открылись вереницы должностей министров и их товарищей, директоров, главноуправляющих, губернаторов и пр., и пр.; все считают, что как патентованные спасители они должны быть возвеличены в первейшую очередь. Временами только смущаются сердца невыясненностью отношений с чехо-словаками и непонятным молчанием союзников.

14 июля. Правительственные круги уверяют, что у них достигнуто полное соглашение с чехами. Для новоявленной

власти стыдно, что все это не было сделано раньше; надо было понимать, что нельзя начинать создание власти с того, что поставить ее в смешное и нелепое положение; надо было додуматься раньше, что без чехов и без союзников немыслима никакая власть.

15 июля. Продолжение грустного фарса. Всероссийское правительство жарится в вагонах на запасных путях захолустной станции Гродеково (за границей потратят немало труда, чтобы отыскать на карте, где находится сия колыбель новоявленной всероссийской власти); в районе Никольска временная Чехо-Словакия, а дальше, во Владивостоке, сидит сибирское правительство, так же относящееся к Сибири, как Хорват относится к России.

16 июля. Настроение среди рабочих определенно против гродековской комбинации; никакие манифесты и излияния не могут уверить их, что все это делается в их пользу.

17 июля. Сведения, полученные из Владивостока, рисуют тамошнее положение в пестром и нерадостном виде. Чехи выгнали большевиков, но затем объявили, что они не враги народу и что если и арестовали большевистских главарей, то только для того, чтобы избавить их от расправы.

Сибирское правительство признано только местными цензовиками, еле держится и представляет из себя такую же смешную и нелепую фигуру, что и гродековская комбинация.

Разрешенные чехами похороны большевиков, убитых во время переворота во Владивостоке, обратились в крупную пробольшевистскую демонстрацию. Чешская демократическая размазня мне очень не нравится; ибо чехам приходится сейчас играть решающую роль в первом периоде нашей реконструкции, ибо они единственная здесь реальная, организованная и сплоченная сила. Защитники чехов уверяют, что последним приходится пока считаться с большевиками, так как их эшелоны еще не пробились через красную завесу; это что-то очень искусственное.

22 июля. Гродековское правительство начало свою реконструктивную деятельность архиидиотским распоряжением о движении в приникольский район карательных отрядов для усмирения населения и отобрания у него оружия. Это отшибает последнюю надежду на то, что из этой комбинации выйдет что-либо путное. Тут, очевидно, работа не самого Хорвата, а состоящих при нем советников по части самого крутого реванша и расправы. Воображаю, каких делов наделают там харбинские спасители, у которых уже полгода чешутся руки по части усмирения и показания кузькиной матери; они создадут Хорвату

такую рекламу, что население бросится лучше на сторону самого чорта, чем главы таких усмирителей.

Какую-то деревню эти герои больших дорог уже сожгли, — этим они сожгли целый шанс на восстановление России, ибо эта нелепая жестокость никогда не забудется той власти, которая ее приказала и ее допустила; очень больно, что среди усмирителей часть наемных китайцев.

Неужели у Хорвата и его министров так мало мозгов, что они не могут понять, что с их несколькими сотнями вольницы, сдобренной наемными хунхузами, можно сжечь одну-другую деревню, перепороть несколько десятков крестьян, но делать это можно, имея чехов впереди и китайские войска сзади? Такие безумные распоряжения гибельны, ибо порядка восстановить не могут, но зато поднимают за собой бурю ненависти и желания отомстить; последнее вполне осуществимо, ибо насильники не так уже сильны, а со времен революции население привыкло к тому, что начальство можно хватить и дубьем, коли оно не нравится или колется.

Самое же скверное то, что такие дикие выходки в конец губят самую идею новой власти, ибо ярко показывают населению, что несет ему эта власть, сливающаяся немедленно в его представлении с возвращением старого режима и новой мести.

Господа, схватившиеся за власть, ошалели и думают, что все старое вернулось обратно, и им можно управлять и расправляться по прежним полицейским шаблончикам и по заветам Держиморды; они забывают, что сейчас в их распоряжении нет ни армии, ни полиции, ни всех средств государственного аппарата, но зато против них стоит все то, что привила населению революция, — свержение и развенчание всех бывших богов и разложение многих задерживающих центров.

Весь трагизм и вся безнадежность положения и заключается в этой неспособности разумно учесть все происшедшее за последние полтора года. При таком начале приходится очень бояться, что хорватовщина России не устроит и из ямы, куда последняя свалилась, ее не вытащит.

Пока что два правительства сидят на концах Приморской области, обливают друг друга помоями и уязвляют разными разоблачениями, — поучительная картинка для будущих подданных!

23 июля. Самойлов назначен начальником тыла всех российских войск; видел у него проекты всех штатов и сметы расходов; цифры получились весьма внушительные: только по интендантской смете на полгода требуется 150 миллионов рублей. Все штаты раздуты до невозможного; имеется даже

управление запасной бригады, в которой нет, да и не будет, вероятно, ни одного солдата, но зато есть два генерала, несколько адъютантов и бригадные: врач, священник и пр., и пр. Бригада эта придумана нарочито, чтобы устроить некоторых лиц; пронырливые молодцы прямо выдумывают для себя должности, сами составляют штаты, пишут проекты приказов о своем назначении и проводят все это с молниеносной быстротой.

Назначения идут по принципам керенщины, т.-е. независимо от стажа, а по изволению власть имущих.

Количество личных адъютантов, этого мерзейшего отзвука старого прошлого, грозит сделаться анекдотическим.

Умножились весьма и вертихвостки, именуемые для приличия сестрами милосердия (на одну настоящую рабочую сестру приходится штук девять таких кузин); это нарочитое удобство для женолюбивого начальства. Хоть бы вспомнили, какую ненависть навлекло на себя на фронте начальство и офицерство самым бесцеремонным развратом с этими авантюристками, замаравшими святой образ настоящей сестры.

В угаре надежд, поднятых свержением в Сибири большевизма, померкли уроки прошлого, и все жадно тянутся к старым источникам кормежки, благ, преимуществ и наслаждений; все чавкают оголодавшими челюстями, испускают похотливую слюну и неспособны видеть будущего — темного, грозного, безвестного.

24 июля. Владивостокские газеты подтверждают своими сообщениями, что в Приморской области царит невероятнейший хаос; самые разноцветные и разноплеменные влияния и комбинации распоряжаются, приказывают, указывают, но слушаются только японцев и чехов, ибо за приказами тех и других стоят внушительные кулаки.

Харбинский «Вестник Манчжурии» задыхается от славословий временному правителю и изощряется в фабрикации самых розовых известий. Приехавшие с «восточного фронта» с увлечением рассказывают, как расправлялись победоносные харбинские спасители с непокорным населением и как отдавали на расправу наемным китайским солдатам захваченных большевиков; подлые харбинские реваншисты захлебываются от наслаждения.

26 июля. Всероссийский правительственный курьез продолжает болтаться на запасных путях станции Гродеково; положение стало настолько нелепо, что даже харбинские хорватовцы закисли; наиболее оптимистичные продолжают распинаться на тему, «что такой осторожный и умный государственный (с каких это пор?) деятель, как Хорват, никогда

бы не рискнул на предпринятый им шаг, если бы все не было прочно обеспечено; очевидно, что вопрос в каких-то деталях и надо потерпеть».

28 июля. Во всей линии воцаряется полная реакция со всеми скверными нажимами старого режима; «слово и дело» поручено старому полицейскому ярыжке, а ныне главному конфиденту Хорвата подполковнику Арнольду.

29 июля. Самойлов, ездивший опять в «ставку», передал мне предложение Флуга, назначенного Хорватом военным министром, принять участие в работе министерства. Не знаю, что и ответить; отказываться неудобно, так как могут счесть за нежелание служить общему делу, а кроме того, быть может, даже и в этой белиберде можно принести какую-нибудь пользу; но вместе с тем не знаю, каково положение самого Флуга и насколько он в состоянии проводить свои взгляды, а следовательно, и насколько я смогу проводить свои, которые так сильно расходятся с таковыми же главных птенцов гнезда Димитриева. У них все тру-ла-ла, ура и самопропитание.

Опора всероссийского правительства — отряд полковника Маковкина, состоящий наполовину из китайских хунхузов, взбунтовался, и китайцы разбежались, унеся с собой оружие и снаряжение. Недурна армия самодержцев всея гродековской станции и ее запасных путей.

31 июля. На политической бирже с «гродековскими» и «хорватовскими» без перемен. Разговоры об интервенции продолжаются, не приводя ни к чему реальному; впрочем, реально то, что каждый день увеличивает развал России и дает отсрочку большевикам для упрочения своего положения и уничтожения инакомыслящих.

Семенов под давлением большевиков отбыл на станцию Хайлар. Вот когда бы всероссийскому правителю по текущей безработице показать свою решительность и ликвидировать раз навсегда остатки атаманщины, гибельного влияния которой на восстановление государственности могут не понимать только идиоты и не видеть только уклончиво слепые или заинтересованные сами в этой мерзости.

1 августа. В гродековской кухмистерской продолжается создание должностей для приятелей, родственников, длинноязычных политиканов и пролаз; появились уже многочисленные краевые инспектора. Избранные, устроившиеся и жаждущие образуют восхищенный хор неумолкающих псалмопевцев, день и ночь до хрипоты возносящих хвалу «создавшему вся».

Для честных людей картина весьма отвратная и по своему внутреннему значению безнадежно грустная, ибо сожрать эта клика может, что угодно, но восстановить, конечно, может только самый гнусные стороны старого, ну, а этот номер теперь не пройдет.

2 августа. Газеты Приморья все время журчали об отрезвлении народных масс, познавших всю сладость большевистского управления. Сегодня владивостокские газеты сообщают, что на только что состоявшихся выборах в городскую думу большевики получили большинство — 54 голоса из 91. Оправдываются тем, что большевикам помогла очень скверная в день выборов погода, так как буржуазия предпочла остаться дома в то время, когда рабочие слободки шли на выборы почти поголовно. Как это характерно для поведения наших еще мало битых революцией буржуев; только-что свергнута красная власть, нужно всем взяться за то, чтобы выдвинуть лучшие силы и с ними начать строить новую жизнь, но… идет сильный дождик, господа буржуи боятся промочить свои нежные ножки и отдают смертельным врагам чрезвычайно важный общественный, политический и даже международного значения пост — самоуправление городом Владивостоком. Сколько же еще красных встрясок надо этой слякоти, чтобы она очнулась и поняла, что так дальше нельзя!

Российские правители и их приспешники носятся взад и вперед между Харбином и Градековым и только на экстренных поездах; иначе как с extra господа министры гродековского тупика и генералы несуществующих российских войск не ездят; в этом ведь специфическая сладость власти и реальное проявление своего провиденциального назначения. То, что все это обращает в смятку все движение по дороге, жрет жалкие запасы топлива и отбирает с графика локомотивы, никто из вновь вылупленных министров не думает, — их мозги и сердца от таких несоответственных высоте их положения мыслей надежно застрахованы. Ну, что такое правильность движения пассажирских поездов или нормальный экспорт на Эгершельд сравнительно с тем, что какому-нибудь сановнику нужно проехать в Харбин или Гродеково по делу, не стоящему скорлупы от выеденного яйца! Достаточно повелеть.

Обыватели — из фрондирующих — не без ехидства подчеркивают факт весьма широкого пользования казенными автомобилями законными Юнонами разных Юпитеров местного Олимпа; указывают, что стоимость автоверсты перевалила уже за 15 рублей золотом, и что болтание этих Юнон по лавкам харбинской пристани имеет очень мало отношения к делу

спасения России.

3 августа. От ожиданий и неудовлетворенного до сих пор аппетита температура у местных реакционеров поднялась; некоторые впали в берсекерский раж и вызывают тени Ренненкампфа и Меллер-Закомельского; напрасно они тревожат эти тени, так как у Семенова и Калмыкова уже воспитаны такие чемпионы по карательной части, перед которыми оба старые усмирителя являются белогубыми щенками.

4 августа. «Правительство» начинает приручать местную оппозиционную печать (приемы по этой части всегда одни и те же). Сотрудник газеты «Новости Жизни» некий Клиорин, очень злое перо, здорово пробирал Хорвата; тогда его пригласили в Гродеково, милостиво с ним беседовали, после чего он вернулся и написал очень благосклонную для гродековской комбинации статью. Злые языки называют даже, во сколько обошлась гродековской кассе вся эта поездка.

6 августа. Хорватский Харбин ликует, так как официально объявлено, что 4 августа временный правитель и правительство прибыли во Владивосток.

Вечером официально сообщено о высадке во Владивостоке английского десанта, и опубликована японская декларация по поводу посылки войск в Сибирь; декларация очень туманная, что вполне естественно, так как японцам надо сохранить для будущего шансы толковать ее так, как будет для них выгоднее.

7 августа. Все чающие движения воды бросились во Владивосток, чтобы не опоздать при раздаче теплых мест.

8 августа. Разговаривал с приехавшим с линии офицером, который рассказывал, что ежедневно мимо станции, на которой он служит, проносятся экстренные поезда; проходящие на восток эшелоны разных организаций невероятно безобразничают, никого не слушают, задерживают отправку поездов и на малейшее возражение угрожают поркой.

Один из начальников старших штабов, которого я спросил, зачем они так раздувают формирование высоких штабов и учреждений старших, для дела ненужных, должностей, ответил (он очень прям и откровенен): «сие нужно для флага и для получения содержания: надо же как-нибудь кормиться».

10 августа. Правительство перебралось во Владивосток без своей армии, которая осталась стоять на разъездах около станции Гродеково; при попытке этой «армии» продвинуться к Никольску у ней произошло столкновение с чехами, и есть убитые; виновником считают нетрезвое состояние начальника штаба российских войск генерала Хрещатицкого, который, как говорят, отрешен Хорватом от должности.

Идет такая нелепая неразбериха, что многие разумные люди, даже очень реакционно настроенные, начинают кукситься и терять надежду на улучшение.

Прибывшие из Владивостока говорят, что правительство сидит где-то на Эгершельде на запасных путях в самом нелепом положении, так как во Владивостоке имеется своя автономная власть в лице земской управы, объявившей себя единственно законным наследником всех исчезнувших правительств.

11 августа. Слухи о столкновении с чехами подтверждаются; говорят, что Хрещатицкий в разгаре кутежа приказал весьма решительному ротмистру Враштелю оттеснить чехо-словаков, закрывавших путь для движения на Никольск; при этом часть русских солдат отряда Враштеля отказались итти против чехов, за что их тут же нещадно выпороли; выпороть, конечно, следовало тех, кто отдавал такое приказание.

Из рассказа одного добровольца, прибывшего из Забайкалья, узнал от очевидца, какие безобразия там творятся; при выступлении в экспедицию прежде всего заботятся о запасах вина и кузинах милосердия, все растраты покрываются из казенных сумм; при малейшей опасности начальство и штабы удирают на китайскую территорию, бросая мелкие отряды на собственное их попечение.

Газеты передают, что приморская земская управа обратилась к иностранным консулам с просьбой убрать из пределов Приморья хорватовские отряды, которые чинят над населением разные безобразия и насилия и жгут целые деревни. Земцы умело собрали и размазали единичные случаи, бросив скверную тень на все отряды белого знамени.

Таковы результаты дряблости Хорвата, не сумевшего не допустить посылки в Пригродековский район карательных отрядов, составленных, как на грех, наполовину из китайских хунхузов. Вместо закона, порядка и хлеба, новоявленная власть принесла с собой населению порку, сожжение деревень, расстрелы и насилия. Все, что сделано единичными недостойными представителями власти, ложится на самую власть; Хорват же не мог не знать, кого посылают в эти карательные и разоружительные экспедиции, и должен был понимать, что все будущее принятой им на себя власти будет зависеть от итогов первого ее соприкосновения с местным населением.

12 августа. Получил телеграмму от Флуга с просьбой приехать во Владивосток для переговоров; решил ехать, хотя мало надежды, чтобы я там мог пригодиться — слишком уж радикально расходятся мои принципиальные взгляды с тем, что

там считается допустимым.

13–14 августа. Проехался в современном невероятно грязном, и битком набитом вагоне. В пути встретили несколько чешских эшелонов: по внешности в большом порядке, но не имеют обозов, что привязывает их к железной дороге; артиллерии очень мало, а то, что есть, — образца 1900 года и еще древнее.

На Пограничной стоят наши эшелоны так называемого туземного полка; вид отвратительный, кругом невероятная грязь, по внешности какие-то подозрительные оборванцы; часть эшелонов приткнута на разъездах; кругом ни деревца, вокруг вагонов кучи отбросов и экскрементов; вагоны похожи на мусорные ящики; половина солдат состоит из хунхузов-китайцев, которые вследствие жары сидят и ходят в костюмах Адама.

И в то же время на ст. Пограничной стоят китайские войска, поразившие меня своим приличным видом и внешней дисциплинированностью.

Еще в Харбине бросалось в глаза, что китайцы в китайских войсках одеты по форме и внешне подтянуты в то время, как китайцы-солдаты на русской службе ходят, напоминая фронтовых товарищей 17 года, — грязные, оборванные, в расстегнутых шинелях, представляя собою каких-то босяков с Хитрова рынка.

На Гродековской платформе целое гулянье; много подмазанных сестриц, больше бальзаковского возраста, окруженных роями юных и пожилых жеребчиков весьма расхлястанного вида. На Таловом разъезде стоит штаб российских войск, имея в хвосте два вагона с машинистками.

15 августа. Утром имел свидание с Флугом, который предложил мне место помощника военного министра с окладом 18 тысяч рублей в год.

В ответ на предложение высказал Флугу свое служебное credo, при чем заявил, что основанием всего считаю немедленное упразднение всех вольных организаций и атаманов и переход на планомерное, неторопливое создание новой армии, начав с приведения в порядок казарм, сформирования школ и учебных команд, реального разрешения всех вопросов довольствия; по современной обстановке необходимо обставить офицеров и солдат самым заботливым образом и наладить весь уклад так, чтобы сразу же можно было ввести части в строгие рамки устава внутренней службы, этого основания дисциплины и порядка. Нельзя ввести новые части в разгромленные казармы и требовать от них порядка.

Флуг ответил, что и он и Хорват того же мнения, но что нельзя рвать все уже образовавшееся сразу, а надо ждать, пока все это изменится само собой. На это я возразил, что с такой

тактикой согласиться не могу, так как каждый день существования атаманщины укрепляет ее положение, привязывает к ней молодежь, распускает, развращает и гноит последнюю.

И красный и белый большевизм, это — смертельные внутренние опухоли, и против них нужна немедленная операция. При наличии атаманских вольниц и атаманов, не признающих ничьей власти, невозможно создавать что-либо здоровое и прочное, так как большинство предпочтет болтаться и наслаждаться у атаманов, чем служить и трудиться у нас.

Вернувшись от Флуга, несколько часов думал, на что решиться; несомненно, что моя программа не пройдет, а в таком случае нет никакой надежды на успех предстоящей работы.

После долгой борьбы решил пожертвовать возможным благополучием для семьи и отказаться; написал Флугу письмо, поблагодарил за доверие, высказал причины, заставляющие меня уклониться от предлагаемого назначения.

16 августа. Из разговоров со старыми сослуживцами узнал, что все разговоры о сильной и дисциплинированной армии приморского земства, такие же мыльные пузыри, как бахвальство атаманов их отрядами; как и везде, здесь на-лицо только штабы, а штыков — как кот наплакал (в двух полках по 200–300 штыков, а в остальных на-лицо только штабы).

От Латкина узнал подробности «геройского взятия отрядом гардемаринов большевистского парохода у устья Сунгари». С этим очень носились в Харбине и чествовали участников, награжденных за это дело георгиевскими крестами.

На пароходе ехал подчиненный Латкину таможенный чиновник, подавший рапорт, в котором описывает безобразия и насилия, учиненные героями при захвате не сопротивлявшегося парохода; по «обстоятельствам момента» рапорт оставлен без движения.

17 августа. Начатые формированием полки тают с каждым днем, так как молодежь тянет к Калмыкову; здесь очень скучно, установлены занятия и очень донимают тяжелые караулы, а в отрядах веселье, разгул и ничегонеделание; немногие уходят, ища подвига и боевой жизни, а большинство ищет, где легче служить и больше платят.

Из многочисленных сообщений из самых разнообразных источников несомненно, что вторжение в пределы края хорватовских хунхузов и их усмирительные меры и сожжение деревни Нижняя Девица принесли для белой идеи самые печальные результаты. К Хорвату население отнеслось сначала безразлично, но после учиненных насилий, умело размазанных

большевиками и эсерами, все приникольское население потребовало у земства общей мобилизации, дабы прогнать и истребить насильников.

Старые сибирские офицеры, бывшие это время в Никольске, говорили, что, не будь этих драгонад, весьма вероятно, что при умелом обращении с населением, последнее в лице наибольшей, здоровой части могло стать на сторону Хорвата и «снизу» признать его власть, т.-е. дать этой власти такой беспроигрышный козырь, как народное одобрение.

Говорят, что союзники настойчиво требуют, чтобы разноцветные соперники за обладанье властью пришли к какому-нибудь соглашению, но надежды на это нет никакой, ибо непримиримость не в принципах, а в жажде власти и нежелании от нее уйти; зловреднее всех эсеры, сброшенные большевиками год тому назад и считающие себя единственными законными претендентами.

Февралев рассказал мне, что в уссурийском войске сейчас полная раздрайка, но фактическая власть находится в руках атамана Калмыкова, собравшего вокруг себя несколько сот офицерской и казачьей молодежи и террором затыкающего рот всем инакомыслящим. Сейчас он единственная реальная русская сила, и с ним заигрывают все «правительства», стараясь приманить его на свою сторону размером предлагаемых субсидий. Сейчас вообще идет покупка свободных шпаг: полковник Волков рассказал мне, что к нему приезжал хорватовский сторонник и главарь дальневосточного комитета Тетюков и предлагал ему в безотчетное распоряжение сто тысяч рублей на выдачу пособий нуждающимся офицерам.

18 августа. Встреча японского главнокомандующего: всюду союзные флаги, почетные караулы союзных войск, союзное начальство и офицеры. Тяжело смотреть на родной мне Владивосток, совершенно потерявший свой русский щеголеватый вид. Чехо-словаки вычистили все вещевые магазины, хранившие неприкосновенные запасы крепости на двести тысяч человек; теперь они щеголяют в нашем обмундировании и сапогах; при встрече узнаю наше штиглицевское сукно и великолепные сапоги работы вятских кустарей, — все это заказывалось и привозилось, когда я был членом крепостного распорядительного комитета.

Толстов мне рассказал, что, когда началось разграбление чехами наших крепостных магазинов, то он обратился к командовавшему чехами генералу Дитерихсу, надеясь на то, что тот — русский генерал русского генерального штаба; на жалобу Толстова, что чехи грабят, Дитерихс ответил: «и дальше будем поступать так же, у нас ничего нет, и взять нам неоткуда;

русского же нам жалеть нечего».

21 августа. Встретил бывшего командира Уссурийского казачьего полка полковника Пушкова, который рассказал мне краткую историю теперешнего атамана Калмыкова: сын мелкого харьковского лавочника, затем подпоручик 1-го Сибирского саперного батальона, он выпросил у командира 1-го Сибирского корпуса прикомандирование к Уссурийскому казачьему дивизиону, представив подложные бумаги о том, что он кубанский казак. После революции был уличен в том, что интриговал между казаками против офицеров; его хотели предать суду, но командир 3-го конного корпуса ген. Крымов не захотел марать этим делом имя уссурийских казаков и приказал выгнать Калмыкова из полка и, как не казака, отправить его в резерв офицеров в Киев. Тогда Калмыков уехал в Приморье, явился в войско, начал ораторствовать на митингах, сделался популярным и попал в заместители войскового атамана; сначала дружил с совдепами, произнес в Никольске приветственную совдепу речь, но накануне возвращения в область фронтовых казаков и офицеров ушел за китайскую границу и, собрав около себя несколько десятков молодых офицеров, юнкеров и кадет, объявил себя борцом против большевизма, подражая Семенову, стал обыскивать поезда и этим кормиться; в конце концов, на станции Пограничной образовался не то вольный отряд, не то разбойничья шайка.

Вот и вся биография этого мелкого, но честолюбивого авантюриста, пробирающегося на амплуа уссурийского Семенова; казаков он умело щекочет перспективою полной, никого не признающей казачьей самостоятельности и захвата возможно большего количества земель.

22 августа. Большевикам дали слишком много времени, чтобы оправиться от первого данного им тумака; они осмелели до того, что появились на озере Ханка и высадили десант, угрожая сообщением Никольск — Пограничная; у Шмаковой они потрепали союзников, которые потеряли при этом часть артиллерии.

Местные китайцы очень озлоблены продвижением сюда японских эшелонов; были уже случаи столкновения японских солдат с китайскими; последние держат себя вызывающе, особенно да отношению ко всему русскому; нет прежней силы, нет и уважения.

23 августа. Семенов самоопределился в командующие отдельной восточно-сибирской армией из нескольких корпусов; появились и штабы корпусов и многочисленные тыловые учреждения; бойцов же по прежнему несколько сотен офицеров и

юнкеров, плюс приманенные жалованьем и положением хунхузьи и инородческие банды.

Если союзники, искренно хотят нам помочь, то непонятно, как могут они так равнодушно взирать на всю эту вакханалию; давая войска, деньги и техническую помощь, они вправе потребовать, чтобы мы делали дело, а не творили только одни глупости да гадости.

25 августа. Какие-то смутные слухи о происшедшем во Владивостоке выступлении офицерской организации Волкова (или, как она теперь называется, полковника Бурлина) в пользу Хорвата, при чем была попытка арестовать Толстова.

Земство завопило о контр-революции, вмешались не то чехи, не то союзники и разоружили все русские войска. Очевидно, разразилось то брожение, которое было во Владивостоке еще во время моей поездки и поддерживалось тайными агентами Хорвата; уже тогда было очевидно, что офицеры более склонны итти за известным генералом Хорватом, чем за каким-то выскочкой, лизавшим ноги у разных эсеров, ненавистных большинству за свою глупую и разрушительную для государства политику.

26 августа. Владивостокские события выясняются в следующей версии: после долгих тайных совещании хорватовские агенты склонили владивостокские организации, давно настроенные против Толстова, признать командование над ними генерала Плешкова; при этом пришлось принять меры против поддерживавших Толстова войск; тогда, по просьбе земства, союзные консулы приказали разоружить все русские войска, что и было исполнено.

В результате обезоружена и опозорена единственная приличная русская военная организация Волкова; приличное всегда гибнет, а дрянь вроде Семенова и Калмыкова попала под чье-то союзное крылышко и процветает.

Правительство Хорвата, или, как его называют, деловой кабинет, делает пока только одни ошибки; слишком уже не терпится и хочется стать признанной властью. Ошибались горько те, кто выставлял Хорвата, как умного и ловкого дипломата; то, что делается его именем, определенно показывает, что он или плохой и неумный дипломат, или на нем ездят верхом такие же плохие и неумные советники; ведь только этим можно (в дополнение ко всему прочему) объяснить такие промахи, как попытки добиться признания путем разных пронунциаменто и подкопов под учреждения и лица, признаваемые de facto и союзниками и чехами.

28 августа. Толстов, куда-то исчезнувший во время

волковского выступления, восстановлен консулами в своей должности, как ставленник единственной полупризнаваемой ими здесь власти земской управы.

Вызванному уже во Владивосток Плешкову пришлось, ради спасения лица, отправиться с каким-то поручением на «даурский фронт».

Ясно, что хорватовская комбинация со всероссийским правительством села в глубокую и смешную лужу; советники и вдохновители харбинского хозяина вообразили, что если столь знаменитая, по их мнению, величина, как Дмитрий Леонидович, соблаговолит принять на себя задачу устроить Россию, то все ему немедленно зарукоплещут, и войска, флоты и капитаны немедленно ринутся на помощь столь знаменитому вождю. Все это родилось в психологии мелких обывателей мелкого города и повторило историю синицы, хвалившейся зажечь море. Сляпали все очень скоро, про брод ни у чехов, ни у союзников не спросили, своим правителем никого не изумили и попали в самое конфузное положение.

29 августа. Настроение пестрое: то набегают розовые волны оптимизма и надежды, но когда оглянешься вокруг, то все мрачнеет. Что представляет из себя центр борьбы — Харбин? Разоренные эмигранты, вышибленные из привычной колеи и все потерявшие бюрократы, горящая мщением молодежь, напуганные национализацией заводчики и фабриканты, равнодушные ко всему, кроме наживы, спекулянты, атаманские орды распущенной молодежи, трясущийся обыватель, эсеровские и большевистские рабочие… и все это в густом соусе полного непонимания происходящего ныне исторического переворота. Сейчас головы высоко подняты у тех, кто в слагающейся обстановке видит только возможность сесть на старые места, закрутить все старые гайки, сторицею расплатиться с теми, кто принес все пережитое за последний год, и повернуть жизнь в старое русло. Опущены головы и злобно сверкают глаза у тех, кто хватил сладкого, но уже отброшен от него и боится, что не придет вновь его очередь.

Родина, умирающая и опозоренная, это и для первых, и для вторых только ширма, чтобы прикрыть свои истинные вожделения.

30 августа. Японцы энергично двинулись на Хабаровск и, конечно, с успехом.

Всероссийское правительство, своего рода Limited[148] с ограниченной сферой деятельности (не дальше забора, ограждающего эгершельдские тупики), очень много пишет, еще больше назначает.

Семеновцы свободно продвигаются на север; очевидно, что

чехи нажимают на большевиков со стороны Байкала.

Красная хмара понемногу рассеивается, но кто-то ее заменит?

31 августа. Из Владивостока сообщают, что соединенное заседание военных представителей всех союзников признало назначение Плешкова главнокомандующим неприемлемым; неизвестны мотивы такого решения, очень для нас интересные, ибо могли бы разъяснить позицию и проекты союзников.

Обидно за Хорвата, что его толкают на разные faux pas. Теперь сделали из мизерного Толстова фигуру и победителя; пробный урок по главным отделам экзамена на государственность прошел у эгершельдских правителей с полным провалом. Харбинские представители союзников уверяют, что их выступление и разоружение русских отрядов произошло под сильным давлением Соединенных Штатов, и что они всецело на нашей стороне.

Вечером говорили, что оружие нашим частям во Владивостоке возвращено.

1 сентября. Японцы заняли Иман, при чем мост, слава богу, уцелел; его разрушение было бы огромным ущербом для жизни всего Заиманского района.

Чехо-словаки от Читы продвинулись на Карымскую и встретились с семеновцами; нехорошо то, что большевики не приняли удара и разбежались по разным медвежьим углам и трудно доступным урочищам, что сделает дальнейшую борьбу с ними очень тяжелой. Нужна планомерная война с постепенным очищением отдельных районов, а это грозит долгой и затяжной внутренней борьбой, в которую ввяжутся разные таежные и каторжные банды.

2 сентября. Говорят, что чехо-словаки прочистили всю магистраль, и что путь свободен чуть ли не до Волги; сообщают также, что в Томске или Омске имеется правительство, и что в Сибири образовалась уже своя армия, успешно борющаяся с красными.

Захиревшее одно время сибирское, сидящее во Владивостоке, правительство, — или так называемая дерберовщина, — ободренное успехами на сибирском фронте, воскресло и, объявив себя единственной законной властью, требует, чтобы все его признали и ему подчинились.

Пока что сибирское правительство Дербера объявило Хорвата узурпатором, а Плешков объявил приморскую земскую управу изменниками. Обмен столь острых комплиментов не может разрядить крайне напряженную атмосферу и способствовать возможности какого-нибудь соглашения. Для населения эта ругань весьма поучительна и дает много материала для

заключений об «авторитете власти».

Один из членов английской миссии, спрошенный, как они относятся ко всему у нас происходящему, ответил, что они «ждут, к чему же, наконец, придут русские джентльмены».

3 сентября. Началась железнодорожная забастовка, объясняемая недовольством служащих новыми окладами жалованья и введением сдельной оплаты труда. Все, что слышу здесь о положении служащих, убеждает, что в управлении дорогой нет системы и делового чутья, нет уменья итти впереди времени и устранять вредные препятствия раньше, чем они сядут на голову.

Нет даже и практической деловитости: ввели, напр., новые оклады по системе сдельной оплаты и забыли многие разряды служащих, которые, по сути своей деятельности, не могут быть расчитываемы по этой системе.

4 сентября. Забастовка продолжается; забастовал и телеграф. Сегодня один из контролеров дороги показывал мне образчики сапог с деревянными подошвами и одеял, разлезающихся на куски, поставленных для местной тюрьмы: сапоги по 66 рублей за пару, а одеяла по 109 рублей за штуку. Приемщики все время уговаривают его дать согласие на прием, потому что ничего другого нет, а когда он отказался, то к нему явился «некто» с предложением 60.000 рублей за согласие.

Все, видимо, остается у нас по этой части по-прежнему, увеличились только куши; можно себе представить, что делается при заказе дров, угля, металлов, смазки, и пр., где дело идет о десятках миллионов.

5 сентября. Говорят, что Хорват уехал на запад на совещание с представителями сибирского правительства по вопросу о конструкции новой государственной власти. Совещанию этому суждено играть самую решающую роль для всего будущего; пошли, господи, чтобы его участники оказались способными пожертвовать всем личным и выполнить, все нужное для столь серьезного дела.

Сообщают, что по всей сибирской магистрали и далее на запад, вплоть до Пензы, установлено свободное движение и всюду полный порядок.

6 сентября. Забастовщиков все время уговаривают; дернуло же ввести неудачные оклады как раз в то время, когда по всей обстановке и по серьезности развивающихся событий необходимо, чтобы дорога работала полным ходом и вообще было бы поменьше горечи, уксуса, неудовольствий и обострений.

От уговоров забастовочный комитет становится все упрямее и несговорчивее, требует официального признания.

7 сентября. Японцы заняли Хабаровск — это весьма серьезный этап в борьбе с красными; теперь надо заняться скорейшим установлением порядка и законности в крае. Исполнить это некому, ибо весь актив разных властей и партий уходит на взаимную грызню и оплевание; кроме того, на хвосте у японцев увязался Калмыков, который способен завернуть населению такой режимчик, что оно восплачет по большевикам.

8 сентября. Забастовка благополучно продолжается, губя и без того скверное материальное состояние дороги. Григорий Семенов заделался главнокомандующим всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке; за полтора года мы имели еще более нелепых главкотяпов, и нас уже удивить теперь трудно.

9 сентября. С запада получены известия об открытии сибирской областной думы и о составе сибирского правительства.

Плохо то, что на западе к власти вылезла эсеровщина, которая вне конкурса по части подкопа и свержения правительств, но безнадежна по части здорового строительства; значит, опять начнется болтология и разные демократические кривляния, да заоблачные попытки насадить на земле социалистический рай, не считаясь с озверением людей и вакханалией самых животных инстинктов.

Хорват вернулся в Харбин, по внешности весел, но по светским разговорам, — надежд на «утверждение во временно занимаемой должности» никаких; на персональное его вхождение в состав новой власти все единогласно согласны, но по остальному — полный отказ.

Относительно Семенова отзыв сопровождавших Хорвата в его поездке таков: «обнаглел до последних пределов; иначе и быть не могло, раз такую ворону запустили в высокие хоромы».

10 сентября. С запада идут неприятные сведения о борьбе за власть, загоревшейся между сибирской областной думой и самарским комитетом членов Учредительного Собрания; в комитете, как сообщают, весьма левое направление вплоть до сохранения власти Советов.

11 сентября. Временный правитель изволил отбыть во Владивосток. Забастовка продолжается; как будто бы злой рок тяготеет над тем, чтобы ухудшать и без того достаточно кавардачное положение.

12 сентября. Нелепейшая забастовка продолжается; управление дороги ведет себя очень глупо, применяя жалкие приемы мелкого сыска, но не имея решительности объявиться хозяином, цыкнуть на служащих и заставить их или работать, или уйти, но вслед за тем немедленно вникнуть в нужды служащих и удовлетворить их.

Продолжается картина разъездов кандидатов на Юпитеры всех рангов, — конечно, экстренными поездами, с вагонами-столовыми, с семьями или заменяющими их институтами (секретарши, машинистки, сестры милосердия и т. п.).

И катаются господа взад и вперед, притворяясь, что спасают Россию.

13 сентября. Приехавшие из отрядов дегенераты похваляются, что во время карательных экспедиций они отдавали большевиков на расправу китайцам, предварительно перерезав пленным сухожилия под коленами («чтобы не убежали»); хвастаются также, что закапывали большевиков живыми, с устилом дна ямы внутренностями, выпущенными из закапываемых («чтобы мягче было лежать»). Хочется думать, что это только садическое бахвальство, и что, как ни распущены наши белые большевики, все же они не могли дойти до таких невероятных гнусностей.

14 сентября. В вышедших сегодня газетах на первом месте приказ командующего местными чехо-словацкими отрядами Гайды прекратить забастовку под угрозой предания забастовщиков военно-полевому суду. Приказ очень хлесткий, но, как выяснилось, он отдан post factum, после фактического окончания забастовки, прекращенной еще вчера.

Семенов отдает громовые приказы и требует подчинения себе всей полосы отчуждения К.-В. железной дороги, так как сибирским правительством он назначен командиром 5-го сибирского корпуса и главным начальником Приамурского военного округа.

15 сентября. Вечером видел телеграмму на имя Флуга из Западной Сибири, сообщающую, что положение там прочное и что идет полное объединение буржуазии и народа; последнее выражение мне очень не нравится и заставляет сомневаться в правдивости всего остального; никогда я не поверю в искренность такого объединения. Далее сообщается, что дело соглашения между Сибирью и Комучем почти безнадежно; оканчивается телеграмма указанием на необходимость немедленной помощи со стороны союзников.

Газетные сообщения подтверждают, что в освобожденных от большевизма районах Приуралья и Поволжья идет несосветимый кавардак; все лезут к власти, ругаются, подкапываются, совещаются, и ничего путного выдумать не могут. Большевиков кое-как еще прогнали, а дальше устроиться не могут.

18 сентября. Сидим под палкой главнокомандующего генерала Гайды, блеснувшего в беседе с представителями владивостокской прессы редкой развязностью и лейтенантской

смелостью в разрубании самых сложных политических и военных узлов. Этот австрийско-чешский пузырь должен скоро лопнуть, но пока он воняет и осложняет наше и без того косматое положение.

19 сентября. Харбин подчинили чешскому полковнику Кадлецу. Семенов едет на свидание с Калмыковым, который обосновался в Хабаровске, влез в большую дружбу к японцам и развернулся во все свое беззаконие. В общем над всем висит «русские дураки, разумейте и покоряйтеся, трепещите и безмолвствуйте», все равно перед кем, будь то чехи, японцы, китайцы, атаманы…

Гайда во Владивостоке заявил, что никакого хорватовского правительства не существует, и что Хорват должен вернуться на пост директора-распорядителя китайской дороги; быстро оперились братья-чехи по части вмешательства в наши дела.

20 сентября. Пестрота владивостокского положения украсилась появлением там чешского кандидата в сибирские Бонапарты в лице все того же Гайды; выходит, что кто бы палку ни взял, тому и быть над нами капралом; кандидат, судя по его речам, достаточно безграмотный.

21 сентября. Прапорщик Опарин, приехавший со станции Ханьдаохезцзы, рассказывает, как по их участку прошел семеновский броневой поезд, выбрал лиц по особому списку и тут же их нещадно перепорол, предупредив, что на следующий раз будет хуже. Все это знают, но молчат. По краю катится волна дикого произвола, долго накапливаемого за время пьяного безделья на разных стоянках в полосе отчуждения; теперь дорвались и стараются во-всю.

Не может быть, конечно, двух мнении о необходимости самого беспощадного истребления всех главарей большевизма, но это должно осуществляться властью государства с ледяным спокойствием, без малейшего признака лицеприятия или мщения.

Знаменитый скандалист, семеновский опричник полковник Скипетров произведен своим принципалом в генералы и назначен командующим войсками Приморской области и комендантом Владивостокской крепости; семеновщине очень хочется упрочиться во Владивостоке и, захватив весь Дальний Восток, сделаться его настоящим хозяином.

22 сентября. Новоявленные и непризнанные правительства «испущают» приказы, указы, повеления о мобилизации и т. п. Всякой лягушке хочется возможно скорее раздуться в страшного вола и своим видом напугать остальных лягушек; при этом одним из хороших средств сделаться волом считается почему-то объявление мобилизации.

23 сентября. Во Владивостоке объявились Колчак, Потапов и

Доманевский; последние два, очевидно, потому, что есть возможность пристроиться к какой-нибудь из существующих комбинаций.

Гайда прислал Плешкову телеграмму и в ультимативной форме требует признания себя главковерхом, японцы же объявили, что для них Гайда, как главнокомандующий, не существует; печально наше положение, когда приходится играть роль горшка между стукающимися котлами.

Во Владивостоке идет чернильная война между тем же Гайдой и заместителем Толстова по должности командующего войсками Приморской области, полковником Бутенко, и туда же направляется семеновский командующий Скипетров.

В Хабаровске объявился еще командующий войсками округа, генерал Мандрыка, исполнявший эту должность перед первым большевистским переворотом, и заявляет, что он единственный настоящий; на него устремился Калмыков, считающий себя законным повелителем Хабаровска и Приморской области.

В довершение кавардака сюда же двигается на броневых поездах Семенов, едущий на свидание с атаманами Уссурийского и Амурского войска для заключения общеказачьего союза, а затем установления казачьей гегемонии на Дальнем Востоке.

Довольно сумбурный и колоритный винегрет из припасов плохого сорта и сомнительной свежести.

26 сентября. Проехал генерал Владимиров, командированный из Омска к генералу Флугу; он человек резко откровенный и рассказал, что никакой армии в настоящем значении этого слова в Сибири нет, а есть офицерские и юнкерские отряды, исправно бьющие большевиков.

Газеты сообщают, что Хорват будет назначен верховным комиссаром Дальнего Востока на правах наместника омского правительства; этим, по видимому, предполагают разрубить узел, завязавшийся от наличия сразу двух властей, претендующих на всероссийское звание; третий конкурент — сибирское правительство владивостокского образования — прекратил свое существование.

Общее впечатление таково, что большинство готово согласиться на то, чтобы признать права всероссийской власти за уфимским образованием.

Гайда утром собирался кого-то арестовывать и разоружать немногочисленные плешковские войска, но наткнулся на китайцев, которые заявили, что этого не допустят, и для внушительности предоставили в распоряжение Плешкова целую бригаду своих войск.

К вечеру Гайду и Плешкова как-то помирили, и Плешков стал

ездить без китайского конвоя.

Непонятно поведение союзников; казалось бы, у них есть все способы прекратить шалые выходки и наших, и чешских атаманов, и казалось бы, что это первое, что надо сделать для восстановления в стране порядка. А то над нами повторяются эксперименты, достойные увековечения в продолжение щедринской «Истории одного города», но только в быстром, чисто кинематографическом темпе.

27 сентября. Гайда умчался на запад, назначив полковника Кадлеца главнокомандующим в полосе отчуждения, т.-е. смешав этим и без того сумбурное здесь положение до последних пределов. Ни китайцы, ни японцы этого назначения никогда не признают, и все шишки будут валиться на головы несчастных русских. Гайда неистовствует, очевидно понимая, что чехи нужны до-зарезу омскому правительству, и последнее готово все претерпеть, чтобы с ними не ссориться. Плохо было без приятелей, а с ними, кажется, еще хуже.

В Харбине выявился украинский консул, пытавшийся осуществлять свои великодержавные права, но ему пригрозили арестом, и он стушевался.

Гайда, всюду ищущий популярности (неизменное качество подобных выскочек), приказал прицепить к своему поезду два вагона для местной молодежи, едущей в Томский университет; в результате три четверти поехало спекулянтов, нагруженных медикаментами, иголками и прочей мелочью, на которые сейчас в Сибири стоят чудовищные цены.

28 сентября. Гайда не унимается и издал приказ о назначении Кадлеца главноначальствующим над всем русским Дальним Востоком; надвигается какое-то чешское пленение; осмелевшие австрийские дезертиры и наши бывшие пленные почуяли свою силу и садятся на наши шеи самым бесцеремонным образом, при полном молчании и бездействии союзников.

Из Западной Сибири получены какие-то смутные сведения о вспыхивающих там беспорядках; сие вполне естественно, ибо, с одной стороны, население слишком долго варится в атмосфере безвластия, а с другой — слишком много неудовлетворенных и не попавших туда, куда им хотелось; ну, они и колобродят.

29 сентября. Известия о беспорядках и междоусобице в районе омской власти все более и более фиксируются. Там к числу воскресших факельщиков русской революции прибавился селянский министр Чернов.

Верховным главнокомандующим назначен Болдырев; военные достоинства его невелики, но он большой ловкач, а при надобности стойкий человек, что проявил в инциденте с

Крыленкой в ноябре 1917 года; во всяком случае это лучшее из всего, что есть в Сибири, за исключением только Флуга, который наиболее подходил бы к этой роли; очень жаль, что Флуг оказался здесь, а не в Омске.

30 сентября. По сведениям из Западной Сибири беспорядки произведены офицерскими отрядами, недовольными средней и колеблющейся политикой вновь образованных министерств и требовавшими уклонения вправо, в сторону крутой реакции; значит, и там начинается своеобразная атаманщина.

1 октября. Мне совершенно ясно, что из смеси эсеровщины, думских пустобрехов и, естественно, настроенных очень реакционно офицерских организаций, ничего, кроме вони и взрывов, не выйдет; из таких продуктов даже самые первоклассные специалисты по соглашательству ничего не сварят.

5 октября. Получены приказы о назначении командирами корпусов Семенова и какого-то Элерц Усова (должно быть, тоже opus[149] из революционного репертуара). Семенов теперь двурушничает, фигурируя то командиром корпуса (при повороте на Омск), то командующим восточно-сибирской армией (в остальных секторах).

Состоялось торжественное вручение знамени Уссурийского казачьего войска мелкосортному разбойнику Калмыкову, при чем вручал один из скандальнейших есаулов читинского атамана генерал Скипетров. Участвуя десять лет тому назад в церемонии прибивки и освящения этого знамени, не мог никогда и думать, что ему придется увидеть такой позор.

6 октября. Во Владивостоке идет совещательная торговля между Хорватом и приехавшими туда делегатами Сибири во главе с Вологодским. Хорват, как говорят, крепко стоит на своих требованиях. То, что делается в Западной Сибири, заставляет желать, чтобы Дальний Восток сохранил свою самостоятельную структуру, при условии истребления с корнем атаманщины, что не по силам ни Хорвату, ни Сибири; это могут сделать только союзники, и с этого и надо начинать переговоры.

При атаманах здесь и атаманщине (другого, но не менее опасного для государственности типа) в Сибири всякая власть будет у них в плену и ничего здорового родить не может.

7 октября. Сообщают из Владивостока, что соглашение между Хорватом и Вологодским состоялось; Хорват назначается главным начальником на Дальнем Востоке; сообщают также о назначении комиссарами правительства в Приморскую область бывшего владивостокского городского головы И.И. Циммермана, а на Сахалин — бывшего тамошнего губернатора Бунге.

8 октября. Получили первые приказы главковерха Болдырева;

тон напыщенный, мало деловитый, очень свойственный штабным вскормленникам, не знающим, что войска приказов не читают, а чувствуют их по делу, а не по их фразистости.

Такие краснобайные приказы пишутся для начальства, для газет, для посторонней публики; войскам же нужна деловитость, краткость, очевидность знания верхами их нужд, разумность и возможность предъявляемых к ним требований.

В полученных приказах чувствуется желание убедить, уговорить и создать настроение; все это и всегда и теперь не к месту; сейчас надо, чтобы прозвучал властный голос повелевающего, способного заставить всех уверовать, что он приказывает не для одного только сотрясения воздуха. Со времен революции мы забыли такой голос; для многих он будет неприятен, многие отнесутся к нему враждебно, многие станут открыто против него, но все сие надо претерпеть, побороть, сломать, и тогда дело выиграно; бурные массы вернутся в старое, но улучшенное и очищенное от старого сора русло, и над русской армией загорится заря новой жизни.

9 октября. Приехавшие с запада говорят, что для развертывания сибирской армии произвели очередной призыв и набрали новобранцев, но офицеры их опасаются больше, чем красноармейцев; рассказывают, что в Томске и других городах офицеры собираются на ночь в отдельную казарму, и что оружие и пулеметы охраняются офицерскими караулами.

11 октября. Калмыковские спасители показывают Никольску и Хабаровску, что такое новый режим; всюду идут аресты, расстрелы плюс, конечно, обильное аннексирование разных денежных эквивалентов в обширные карманы спасителей. Союзникам и японцам все это известно, но мер никаких не принимается.

Про подвиги калмыковцев рассказывают такие чудовищные вещи, что не хочется верить.

В газетах речь селянского министра Чернова на тему, что нам нужна мужицкая армия; слепенький и глухенький эсеровский столб так ничему и не научился, прозевав, видимо, то, что было с нашей армией в последнюю четверть прошлого года.

Товарищ из похоронного бюро, похоронившего Россию, не понимает, что армия должна быть народной по задачам, но аристократичной по духу, по жажде подвига, по рыцарству поступков, по джентльменству жизни и по геройству в борьбе; наши же мужики — не по своей вине — могут дать только серые толпы, смесь слизняков, рабов, шкурников и хулиганов; они в этом не виноваты, — такими их сделала жизнь.

16 октября. Семенов объявил мобилизацию; можно себе

представить, какой винегрет получится из его присяжных хунхузов и собранных новобранцев и запасных; во что он их оденет и на что будет содержать? Нечего и говорить об отрицательном впечатлении, производимом теперь на население страшным словом мобилизация. Вообще, бесцельно, бесполезно, а для общего настроения и строения только сугубо вредно.

Вечером говорили, что в Омске произошли какие-то серьезные события, но в чем дело — неизвестно, при этом подметил у двух собеседников, жаждущих движения воды, скрытую радость о возможном крахе Омска, как антагониста харбинских планов и вожделений.

17 октября. Прочитал интервью Вологодского при проезде его через Харбин; он наговорил много розового и, между прочим, заявил, что крестьяне готовы к добровольной самомобилизации. Последнее заявление в устах главы правительства показывает его легковерность, малоосведомленность и опасное незнание народного настроения; крестьяне, быть может, и готовы к самомобилизации, но именно «само», для защиты своих собственных интересов и для обеспечения себя от прочих «иций» — реквизиций, экзекуций, национализаций и т. п.

Характерной иллюстрацией к заявлению главы правительства является телеграмма из Славгорода, сообщающая, что, по объявлении призыва, там поднялось восстание, толпы крестьян напали на город и перебили всю городскую администрацию и стоявшую там офицерскую команду.

19 октября. Сюда приехал Хорват из Владивостока и омский военный министр генерал Иванов-Ринов из Омска и будут о чем-то совещаться.

20 октября. По заключению Самойлова, прибывший из Омска Иванов-Ринов — пустомельный, но нахальный дурак; врет во-всю и хвастается, что у него превосходная армия в 150 тысяч штыков и золотой запас, под который он может выпустить кредиток на 60 миллиардов рублей. Важен он чрезвычайно и объявил, что «творит великое государственное дело».

22 октября. Заходил бывший владивостокский жандармский офицер полковник Михайлов, рассказывал, что делается у Семенова; сообщил, между прочим, что недавно атаман завел себе временную атаманшу из харбинских шансонеток и преподнес ей колье в 40 тысяч рублей.

23 октября. Спекулянты скупают все наиболее ходкие товары и отправляют их на запад; большое раздолье разным семеновским уполномоченным, взимающим хабару за то, чтобы все отправляемое прошло мимо атамана беспрепятственно и не подвергаясь семенизации.

Не брезгают спекулятивными доходами и проносящиеся мимо нас революционные министры, уполномоченные и новоявленные генералы, набивающие свои вагоны контрабандой и разными ценными товарами; конвои у всех свирепые и неразговорчивые, почему таможенные чиновники, щадя свой живот, и не пытаются досматривать такие запретные вагоны; на харбинском вокзале можно наблюдать экстренные поезда и служебные вагоны, в которых ящики набиты в купе до самого потолка.

24 октября. Калмыков перебрался из Хабаровска на станцию Гродеково; здесь он ближе к Семенову, и ему легче нажимать на Владивосток и его сообщения с Харбином; главное же, можно возобновить обыски поездов и, ища крамолу и красноту, находить кредитки, золото, драгоценности, без коих трудно существовать широкому атаманскому бюджету.

И все боятся этого разбойника, несмотря на то, что достаточно хорошей роты, чтобы его раздавить; боятся настолько, что сведение об его прибытии в Гродеково отложило уже назначенный отъезд во Владивосток Хорвата; калмыковская банда на все способна, особенно на что-либо особенно озорное.

На предложение Самойлова арестовать Калмыкова Хорват ответил, что это несвоевременно и надо подождать (чего? — сам Хорват, вероятно, не знает).

Так застаивается этот гнойный нарыв, ликвидация которого сразу привлекла бы на сторону ликвидировавшего все широкие симпатии.

Вернулся со станции Эхо полковник Волков, ездивший туда, чтобы познакомиться с состоянием тамошнего офицерства (на случай формирования новых надежных частей); по его мнению, 3/4 молодых офицеров распущены и развращены до полной невозможности их исправить, а некоторые из них — готовые уже преступники, опасные для общества и государства, ибо за деньги на все способны. Таковы результаты организации хорвато-колобовских «кулачков»; большевикам они вреда не принесли, а себе напакостили так, что и поправить невозможно.

25 октября. Хрещатицкий совсем ушел в японское лоно и родил проект подъяпоненной русской армии, где в каждом полку одна рота будет японская (на случай усмирения), а при каждом штабе будет японский комиссар. За иены можно додуматься и до этакой гнусности. Самому Хрещатицкому предоставляется, конечно, место инспектора этих формирований с соответственным окладом и правом жить где угодно (чуть ли не в Японии); ему это очень важно, так как по отзыву железнодорожных служащих сей генерал специализировался по

провозу контрабандного спирта во Владивосток и называется между ними «спиртовозом».

26 октября. Местные газеты напечатали приказы, изданные Калмыковым, когда он сидел в Хабаровске; приказы написаны таким вульгарно-хулиганским стилем, что вызвали бы зависть у любого красного комиссара. Люди, выжимавшие прежде из себя каждую строчку, выскочив в комиссары или атаманы, развязывают язык, делаются многоглаголивыми и дарят перлами своего хулиганского стиля.

Характерен приказ расстрелять какого-то хорунжего за ограбление ювелирного магазина; ни следствия, ни суда, а прямо «приказываю этого негодяя расстрелять».

Семеновский комендант Владивостока генерал Скипетров продолжает свои пьяные оргии; в одном из шантанов он содрал кожу с лица и переломал ноги штабс-капитану Викену, заключив этим какие-то пьяные пререкания.

27 октября. Газеты сообщают, что во Владивостоке должно состояться важное военное совещание в составе Хорвата, Иванова-Ринова, Семенова и Калмыкова. Нелегко положение Хорвата, которому приходится соглашаться на такие совещания; какие военные советы могут дать эти полуграмотные, хунхузо-подобные атаманы?

Публика здесь не стесняется; один из хрещатицких орлов в пьяном виде хвастался у Самойлова, что у них на черный день припасено полтора миллиона, которые они и поделят при «необходимости отходить в южном направлении».

28 октября. Из Владивостока рассказывают, что Калмыков сначала ограбил, а потом истребил проезжавший отряд шведского красного креста; операцию произвели так чисто, что даже нашли и убили уцелевшую от первой экзекуции женщину.

31 октября. Официально объявлено о назначении Хорвата верховным уполномоченным Временного сибирского правительства на Дальнем Востоке. Отныне вся судьба русского дела зависит от того, какую линию поведения примет Хорват и кто будет его главными сотрудниками; если все будет продолжать оставаться в руках той жадной, глупой и нечестной камарильи, что и сейчас, то все сведется к толченью воды в бюрократических ступах и к бессильному болтанию по течению.

Обер-хунхуза Семенова послали уговаривать унтер-хунхуза Калмыкова быть поосторожнее по части угробливания людей и калмыкации чужой собственности. Разве уговоры могут помочь, раз атмосфера безнаказанности уничтожила все препоны для насилия и преступления?

1 ноября. Сколько времени просидели на конструкции власти;

высидели, наконец, какой-то компромисс, а жизнь за это время убежала далеко вперед, прибавив новые горы к прежним громадам тяжелейших задач.

Пока что Калмыков, вместо заслуженной им петли, получил два миллиона и разрешение на общую мобилизацию уссурийских казаков. Одновременно он заявил, что до установления в России твердого правительства, он никакой власти не признает, и, будучи во Владивостоке, не пожелал иметь никакого дела с находившимся там Ивановым-Риновым.

Его политика совершенно ясна; имея деньги, он рассчитывает приобрести симпатии казачества, раззадорить казаков идеею полной автономии и возвращения им земель надела Духовского, и сразу ошарашить казаков выдачей им всего, на что они заявляют претензии за прошлое время; в этом отношении он отлично учитывает любовь казаков к деньгам и понимает, что тот, кто первый удовлетворит казачьи жалобы, получит авторитет и поддержку; одновременно он учитывает свою силу, небольшую, но состоящую из отчаянных и хорошо оплачиваемых головорезов.

Кулака, который был бы сильнее его и мог его пристукнуть, пока что не видно, потому атаманишка и пользуется удачно сложившейся для него обстановкой.

2 ноября. Из Омска сообщают из агентурных источников, что прибывший туда Колчак при помощи офицерских организаций устроил там какой-то переворот, сместил всех министров и объявил себя диктатором. Если это верно, то из того, что он показал здесь, очевидно, что это будет очень скверный диктатор, — для диктатуры одной импульсивности и вспыльчивой решительности очень недостаточно.

На нас рычат все; на-днях японцы пригрозили даже нападением на личный конвой Плешкова за то, что начальник конвоя отнял у японских солдат избиваемого ими русского. Американские солдаты на станции Пограничной избили нашего коменданта; итальянцы разграбили товарный поезд… Недурны первые цветочки дружеской интервенции. Vae victis[150]!

Забайкальские хунхузы отличились чересчур уж громко: богатый иркутский золотопромышленник Шумов, выехавший на бронированном поезде Семенова с большим грузом золота, найден в реке Селенге с простреленной головой. И все это сходит безнаказанно.

4 ноября. Приехавшие только что из Западной Сибири рассказывают невеселые вещи про прочность тамошнего положения; к власти выбились случайные люди; их «случай» возбудил зависть многих аспирантов на такие же амплуа, и на этой почве идет глухая грызня, подкопы, сманивание на свою

сторону вооруженной силы, попытки переворотов и пр., и пр.

Некоторые представители власти сделались смешными вследствие попыток изображать из себя важных гран-сеньоров; другие чувствуют непрочность своего положения и ничего не делают; настроение населения делается враждебным власти.

Калмыков развернулся во-всю. Всеволожский мне рассказал сегодня, что сюда приехал бывший у Калмыкова офицер Дроздов и заявил, что там не офицерская организация, а гнусная шайка самых отборных негодяев и форменных разбойников, учиняющих над населением невероятные насилия.

На-днях Калмыков приказал расстрелять свой «юридический отдел», заведывавший арестами, обысками и калмыкациями; кара разразилась за то, что атаман узнал, что чины отдела брали не по чину и мало сдавали начальству из получаемой добычи; перед расстрелом чинам отдела отдали на изнасилование захваченных разведкой девушек, обвиненных в большевизме; последнее было обычным приемом для добывания себе женщин, которые по миновании надобности выводились в расход.

5 ноября. Харбин осчастливлен прибытием самого атамана Григория Михайловича, конечно, на трех бронированных поездах; раскатывает по улицам с какой-то девкой, облепленной бриллиантами, владельцы которых, вероятно, там, идеже несть ни болезнь, ни воздыхание; сии бриллианты должны изображать кристаллизованную любовь к отечеству.

6 ноября. Что делается в Омске, остается неизвестным.

7 ноября. Получил предложение Флуга занять должность начальника штаба Дальне-восточного военного округа; при этом Флуг предупредил, что он, вероятно, уйдет, так как Омск не согласился на его назначение помощником Хорвата по военной части, и назначает на это место генерала Артемьева. По словам Флуга, он делает все, чтобы уничтожить атаманщину; первая очередь за Калмыковым, и хотя его и поддерживают японцы, но ныне собраны многочисленные документальные доказательства того, что Калмыков — квалифицированный военный преступник, и это будет предъявлено союзникам для обуздания японского сочувствия; для ликвидации же Калмыкова в Хабаровск будут двинуты из Забайкалья части 8-й стрелковой дивизии.

С Семеновым дело труднее, но его думают обезопасить, переместив его на чисто почетную должность походного атамана дальневосточных казачьих войск.

Я высказал Флугу, что при условии ликвидации атаманов я готов итти на любое место, но только при условии работать с ним; итти же в начальники штаба к незнакомому генералу Артемьеву, да еще при известной мне обстановке хорватского

антуража, я уклоняюсь.

Акинтиевский читал письмо своего товарища по академии капитана Сумарокова, посланного в числе нескольких молодых офицеров генерального штаба в Читу для сформирования там настоящих штабов.

Сумароков пишет, что творимые у Семенова безобразия и грабежи не поддаются никакому описанию; за две недели застрелилось семь офицеров; расстрелы идут сотнями, и начальники состязуются в числе расстрелянных; про порку и говорить нечего, это обычное занятие.

Здесь, в Харбине, атаман и его прихвостни дивят харбинцев своими расходами и кутежами, оплачиваемыми десятками тысяч рублей, нарочно афишируя эту расточительность расплатами так, чтобы видела остальная публика.

Союзники грызутся и интригуют; на-днях у Флуга был французский капитан Пеллио (один из поддерживателей Семенова) и заявил, что генерал Нокс самозванец, что никто не разрешал ему начинать русские формирования, и что единственный законный уполномоченный союзников — это генерал Жанен.

8 ноября. Не было ни гроша, а вдруг алтын; получил предложение и на должность начальника отдела охранной стражи; своего рода embarras d'engagements.

В 12 часов в соборе торжественное молебствие по поводу именин Хорвата; зачем это лакейское подлизывание? Все те, которые опоздали на панихиду о государе, сегодня явились заблаговременно.

9 ноября. Зашел в штаб российских войск, до сих пор благополучно существующий; много народу, много сутолки; со стороны можно поверить, что кипит серьезная работа, так как все что-то пишут и суетятся; в действительности же работа сводится к осведомлению и контр-разведке, обратившейся в охранку, да еще к цензуре.

Говорил с начальником штаба генералом Хрещатицким; многоглаголивая и сладкоглаголивая бестия, по своему содержанию замечательно подошедшая к харбинскому болоту.

Неизвестно почему, стал подделываться под мои взгляды, нещадно ругал атаманов и яростно выражал мнение о необходимости их ликвидировать; я смотрел на него не без удивления, так как знал про все его связи с этими же самыми атаманами; рассказал мне сказку для грудных детей о том, что американцы предлагали Хорвату безвозвратную ссуду за то, чтобы он согласился на введение в состав управления нескольких американцев. Особенно сладко пел о проекте создания русской

армии при помощи японцев, при чем распластывался в восхвалении честности и незаинтересованности японцев, которые-де только и думают о том, чтобы восстановить Россию, нещадно ругал генерала Нокса, называя его провокатором, желающим спасти Англию русской кровью; пришел в священный ужас и усугубил свое доказательное рвение, когда я высказал свое сомнение о бескорыстности японских симпатий.

Вообще, японцы недаром потратили деньги, приёнив к себе этого ловкого и жадного проныру, сладенького, вкрадчивого, внешне отлично вылощенного, а внутри химически чистого от принципов порядочности; знавшие его раньше, говорят, что таким он сделался только здесь под влиянием увлечения политикой, сильного честолюбия и любви к кутежам и женщинам.

10 ноября. Газеты полны перечислением разных высоких персонажей, отдельно и группами текущих с запада во Владивосток, Японию и Америку со всевозможными явными и тайными миссиями и поручениями; миссии и поручения в огромном большинстве — фиговые листы, прикрывающие желание удрать от тяжелой работы, а также быть подальше от неопределенной, а подчас небезопасной атмосферы разных Уф, Самар, Омсков и Томсков.

12 ноября. С запада сообщают, что в Томске и Мариинске были военные бунты, — прямой результат несвоевременного и неподготовленного призыва; сейчас еще рано начинать новые формирования, ибо собранные, — и собранные по принуждению, — толпы крестьянской и городской молодежи, душевно больной и взъерошенной всеми революционными эмоциями и переживаниями, являются готовым и восприимчивым материалом для любой пропаганды и для выступления против власти. Вдохновители разных мобилизаций и наборов не учитывают совершенно настроения и обстановки и продолжают жить по старым указкам: приказать, тащить, заставить, экзекуцировать, цыкнуть и т. п., забыв, что за всем этим не стоит уже ни старого авторитета, ни прежних сил и средств для принуждения.

Трудно понять, для чего собирать парней, которых затем боятся так, что не дают им винтовок и держат последние под сильными офицерскими, при пулеметах, караулами. Здоровой силы не получают, но, собирая молодежь в большие скопления, облегчают их общение, организацию и делают их опасными для самих себя.

19 ноября. Всеволожский, вернувшийся с западной ветки, рассказывает, что, проезжая через Хайлар, видел стоявший семеновский поезд; на вагоне атамана красовалась надпись: «без

доклада на входить, а то выпорю», поистине казацко-разбойничье остроумие.

21 ноября. Из Омска сообщают, что начальник тамошнего гарнизона полковник Волков и другие участники незаконного ареста министров преданы военно-полевому суду. Надо радоваться такому удачному началу, долженствующему положить предел покушениям разных кандидатов в переворотчики и атаманы; надо надеяться, что у адмирала есть сила, чтобы поддержать начатый правильный курс.

Очень туманны фигуры министров нового состава; успех работы зависит от их способности уйти сразу от партийности и стать на чисто деловую почву.

22 ноября. Семенов в самой резкой форме потребовал, чтобы адмирал немедленно отменил свои приказ о предании суду Волкова, Красильникова и К[0], угрожая, при неисполнении его требования, самыми решительными мерами; пока же, остановил всякое сообщение востока с Омском и прекратил работу телеграфа.

Это — уже открытое восстание, поднимаемое кучкой разбойных негодяев, недовольных Колчаком за время его командования в Харбине и понимающих, что с утверждением адмирала у власти им предстоит конец. Они идут ва-банк, поднимая бунт в тылу Омска, переживающего тяжелые дни внутренней неурядицы и внешних неуспехов.

Прав я был, когда считал их белыми большевиками, работающими только на потеху собственной жадности, распущенности, разврату и общей нравственной мерзости. В их пьяных башках, ошалевших от безнаказанности, видимо, неспособна шевельнуться мысль, какую мерзость они делают против той родины, которую хвастаются защищать; трясясь за свою шкуру, за свою вольную и разбойную жизнь, они замахиваются на неприятную для них фигуру адмирала, а бьют по всему делу восстановления государства.

Что же смотрят японцы, весьма помпезно представленные около атамана? Трудно поверить, чтобы они не знали о посылке этого омерзительного ультиматума.

А Гришкины хвалители разливались, уверяя в его уме, государственности и любви к родине; да разве есть хоть на грош мозга в той пустой башке, которая пошла на такое дело, разве есть хоть капля любви к родине в сердце, которое не дрогнуло, когда рождался, подписывался и посылался такой преступный документ? Каков бы ни был Колчак, но Омская обстановка выдвинула его к власти, ведущей смертный бой с большевизмом, и сто раз проклят тот, кто восстает на него и этим помогает

большевикам. Все, в ком есть честь, любовь к родине, обязаны сплотиться около адмирала и своим трудом, своими достоинствами покрыть его недостатки.

К открытому бунту подан подлый соус в виде заступничества за казаков, для приобретения популярности в качестве защитника казачьих льгот.

Обнаглевших читинских разбойников надо двинуть так, как заслуживает их подлая измена, тем более подлая, что все ее основание — в личной ненависти атамана и его своры к адмиралу.

23 ноября. Проехал назад в Омск Иванов-Ринов, нагруженный контрабандой к разными товарами; говорят, что он поспешил оставить Владивосток, потому что открыто резко отозвался о Калмыкове, а тот пообещал явиться во Владивосток и выпороть Иванова-Ринова. Тот уехал; а теперь приходится сидеть в Харбине и ждать, пропустит ли его через Читу Семенов. Веселенькая восточная часть сибирской магистрали с рассевшимися по ней атаманами.

26 ноября. Плешков рассказывает, что, по вычислению начальника коммерческой части Слауты, Семенов зарабатывает сейчас до трех миллионов рублей в день плюс звание благодетеля населения; он продает харбинским купцам наряды на вагоны, а они обязаны давать атаману 20 процентов чистой прибыли, но не имеют права сами наживаться выше таких же процентов.

В результате довольны все: и купцы, и Семенов, и население.

2 декабря. По части продажи вагонов Харбин далеко превзошел ту знаменитую вакханалию, которая царила здесь по этой части в 1905 году, когда вагонами оплачивалась и карьера, и любовь, и разные тайные услуги, и даже удачно выбритый подбородок высоких чинов, выдававших вагонные наряды.

Сейчас иметь наряд на вагон в западном направлении — равносильно маленькому состоянию. Старший контролер дороги рассказывал мне, что сегодня по коридорам коммерческой части носилась барышня и разыскивала некоего Полетику по спешному делу продажи вагона за 50 тысяч рублей, делая это совершенно открыто.

Удачнее всех торгуют вагонами семеновские конторы; там надежнее всего, ибо в дальнейшем вагоны идут безопасно от семенизации и дополнительных взяток.

Хорошо торгуют чехи; японцы цепляют частные грузы своих купцов к воинским эшелонам.

6 декабря. Получена телеграмма, что вместо Флуга помощником Хорвата и командующим войсками приамурского округа назначается проезжавший здесь Иванов-Ринов; печальное

назначение, не обещающее ничего хорошего и скверно характеризующее мозги и намерения Омска. Иванов-Ринов был и остался бравым полицейским, сделавшим административную карьеру на жестокости усмирения Пешпекского восстания; в военном деле безграмотен и, как казак, тяготеет к атаманам; ему по-настоящему дисциплинарным баталионом командовать, а ему дали для воссоздания огромный военный округ.

9 декабря. Японцы остановили отряд Волкова, посланный для ликвидации Семенова и пригрозили при неповиновении применить оружие; в Никольске же заставили вернуть оружие разоруженной калмыковской сотне. Это уже хуже чем невмешательство, это открытая помощь бунтовщикам и прямой удар по образующейся русской власти.

Неужели же союзники и Соединенные Штаты не вмешаются и не осадят назад зарвавшихся япошей и не укажут им, что они не имеют права мешаться в операцию усмирения бунтовщика и пособника большевикам?

В газетах характерная телеграмма начальника читинских мастерских на имя начальника Забайкальской железной дороги о том, что работы мастерских приостановлены на два дня, так как рабочие по приказанию Семенова перепороты и не в состоянии выйти на работы. Пришибленный от страха начальник просит начальство оградить от повторения, так как это «отражается на продуктивности работ»; на иной протест бедняга не решился: помирать скоропостижно — кому охота?

11 декабря. Японцы воспретили движение всех отрядов, двинутых для ликвидации Семенова. Неизвестно, что делает Омск для остановки этого возмутительного вмешательства; говорят, что все сообщения с Омском прерваны Читой, телеграммы не пропускаются, и остановлены все поезда, идущие на запад. Происходит очевидное восстание Читы против Омска, и последний должен биться на два фронта. Японцы раскрыли свои карты: им не нужно воскресшей России, раз они поддерживают столь решительно гнойный, развратный читинский прыщ.

12 декабря. Затяжка семеновского инцидента делается тревожной; союзники безмолвствуют. Сегодня получены сведения, что японцы разоружили сибирские части, двинутые для ликвидации Читы; это уже венец позора и вместе с тем патент на звание Иуды Гришке Семенову, который ради спасения своей блудливой фигуры направил друзей-японцев на русские войска.

16 декабря. Ночью ограбили коммерческое собрание; когда туда явилась полиция, то в одной комнате нашла гостей, продолжавших от страха сидеть с поднятыми вверх руками. Говорят, что грабители — выгнанные из разных организаций

офицеры.

20 декабря. Семеновская авантюра продолжается. Союзники полувмешались, но в пользу атамана; сделано это семеновским приятелем и прихлебателем, французским капитаном Пеллио, который обошел приехавшего французского генерала Жанена, настроил его в пользу Семенова, и теперь Жанен работает, чтобы свести все на-нет. Значит, здоровый и нужный для утверждения авторитета Омска исход становится почти безнадежным, ибо против него не только японцы, но и главный представитель союзников.

Невероятно печально наше положение, когда жизненнейшие вопросы нашего существования решаются японскими, французскими и иными капиташками, прикормленными и припоенными тароватым по этой части атаманом; там за ними ухаживают, ублаготворяют их чем угодно, до женщин включительно, и получают за это заступничество и радужные донесения.

В Харбине появились семеновские вербовщики и сманивают молодежь на службу к атаману, рисуя соблазнительные картины вольной, бездельной и не знающей удержа жизни; одному из артиллерийских офицеров так и говорили: «жрем до отвала, пьем до беспросыпа, препятствий никаких, а служба — одно удовольствие».

ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917–1918 гг. [151]

1917 г

Ноябрь.

2. Прибытие ген. Алексеева в Новочеркасск. Начало формирования «алексеевской организации», впоследствии получившей название «Добровольческой армии», для вооруженной борьбы с Советской властью.

18. Образование противосоветского объединения Закавказья под властью Закавказского Комиссариата. Первая декларация последнего.

19. Побег из Быховской тюрьмы на Дон Корнилова и генералов корниловцев Деникина, Лукомского, Маркова и Романовского. Занятие ставки отрядом Крыленко.

22. Прибытие ген. Деникина в Новочеркасск.

26. Победоносные рабочие восстания в Ростове и Таганроге. Переход власти в этих городах в руки местных военно-революционных комитетов. Выступление против них калединских офицеров и «алексеевской организации».

25-28. Казачье восстание против Советов в Оренбурге под руководством Дутова.

Декабрь.

1. Начало формирования добровольческого офицерского-юнкерского отряда в Екатеринодаре под начальством капитана (впоследствии — генерала) Покровского.

2. Подавление рабочего восстания в Ростове и занятие его Калединым с помощью «алексеевской организации».

6. Прибытие ген. Корнилова в Новочеркасск.

11-12. Бои у ст. Тамаровки, Обояни и занятие Сиверсом г. Люботина.

16. Занятие Лозовой и Павлограда красной гвардией.

18. Занятие Харькова отрядами Саблина.

22. Признание ВЦИК независимости Финляндии.

24. Сформирование в Харькове штаба революционных войск Южного фронта под командованием Антонова-Овсеенко.

27. Принятие Корниловым командования над «алексеевской организацией». Наименование ее «Добровольческой армией».

1918 г

Январь.

5. Первое и единственное заседание Учредительного Собрания.

6. Доклад Ленина в заседании ВЦИК о необходимости роспуска Учредительного Собрания.

7. Декрет о роспуске Учредительного Собрания.

9. Провозглашение Центральной Украинской Радой самостоятельности Украины.

10. Съезд фронтовых казаков в станице Каменской объявляет войну Каледину.

11. Занятие красной гвардией Феодосии и Ялты. Подавление восстания крымских татар.

14. Победоносное рабочее восстание в Таганроге.

16. Начало советской революции в Финляндии.

15 — 17. Занятие казачьим есаулом Чернецовым Зверева, Лихой и Каменской.

Серед. месяца. Переход добровольческих частей из Новочеркасска в Ростов.

18. Занятие Оренбурга советскими отрядами.

20. Взятие в плен Чернецова советским отрядом Голубова и его смерть.

26. Занятие Зверева и Лихой советским отрядом черноморцев.

26. Занятие Киева советскими войсками Муравьева.

27. Заключение Украинской Радой сепаратного мира с Германией.

28. Декрет о создании Красной армии.

28. Бои под Каменской и Таганрогом.

29. Самоубийство Донского атамана Каледина.

30. Занятие советскими войсками Торговой и Тихорецкой.

Конец месяца. Бои между советскими войсками и кубанским добровольческим отрядом Покровского у Эйнема (близ Екатеринодара).

Февраль.

14. Занятие Батайска (под Ростовом) советским отрядом Ставропольского гарнизона.

22. Рабочее восстание в Ростове. Оставление Ростова Добровольческой армией и начало «первого Кубанского похода» этой армии.

23. Декрет о создании рабоче-крестьянской армии.

25. Занятие Новочеркасска советским отрядом Голубова.

Март.

13. Оставление Екатеринодара Кубанским казачьим правительством и добровольческим отрядом Покровского.

14. Занятие Екатеринодара советским отрядом Сорокина.

10-е числа. Выступление из Румынии на Дон добровольческого отряда Дроздовского.

15. Занятие австрийцами Одессы.

16. Занятие Киева германским отрядом.

26 — 30. Встреча и объединение корниловской Добровольческой армии и кубанского отряда Покровского.

30. Занятие Полтавы немцами.

1 — 31. Бои с корниловцами, продвигающимися к Екатеринодару.

Апрель.

3. Высадка германского десанта в Ганге, в Финляндии, для подавления финской советской революции.

3. Казачье противосоветское восстание в станице Суворовской (Донск. обл.).

6. Занятие Владивостока японцами.

9. Провозглашение Закавказским сеймом независимой Закавказской федеративной демократической республики.

10. Занятие немцами Херсона и Белгорода.

9 — 10. Вывод русских военных судов из Свеаборга и Гельсингфорса в Кронштадт.

9 — 13. Неудачные атаки Корнилова на Екатеринодар.

13. Смерть Корнилова, убитого артиллерийским снарядом под Екатеринодаром. Переход командования над добровольцами к Деникину.

14. Отступление добровольцев от Екатеринодара в Донскую область.

14. Захват Новочеркасска восставшими казаками.

17. Взятие Новочеркасска советскими войсками.

29. Разгром немцами Украинской Центральной Рады.

Провозглашение ген. Скоропадского гетманом «всея Украины».

30. Полоса казачьих восстаний на Дону.

Май.

4. Захват Ростова отрядом Дроздовского.

5. Советские войска выбили Дроздовского из Ростова.

6. Занятие Новочеркасска казачьим отрядом.

8. Бои за Новочеркасск. Неудача советских войск ввиду подхода к Новочеркасску отряда Дроздовского.

8. Занятие Ростова казаками и немцами.

11. Открытие «Круга спасения Дона» в Новочеркасске.

11. Занятие Александровска-Грушевска донскими казаками.

13. Занятие ст. Мечетинской и Егорлыцкой (в «Задонье») добровольцами, остановившимися в них на отдых.

14. Неудача советского отряда т. Щаденко. — Занятие ст. Суровикино донскими казаками.

16. «Круг спасения Дона» в Новочеркасске избирает атаманом ген. Краснова.

25. Начало восстания чехословаков. Занятие ими Челябинска.

26. Распадение Закавказской федеративной республики. Образование независимых республик Грузии, Армении и Азербайджана.

29 — 30. Занятие чехословаками Пензы и Сызрани.

30. Занятие Красновым ст. Лиски.

Июнь.

1. Многочисленные аресты в Москве в связи с раскрытием контрреволюционной организации «Союз защиты родины и свободы».

8. Занятие Самары чехословаками и поднявшим восстание «Комитетом членов Учредительного Собрания». Бои с чехословаками под Омском.

Серед. месяца. Объединение всех восставших донских казаков под начальством Краснова.

20. Убийство Володарского в Петрограде.

21. Расстрел адм. Щастного.

22. Выступление добровольцев во «второй Кубанский поход».

23. Занятие Уфы чехословаками.

23. Занятие с. Лежанки добровольцами.

25. Бой с добровольцами у ст. Торговой. Оставление Торговой

Красной армией.

25. Смерть Маркова, одного из крупнейших добровольческих генералов, убитого в бою под ст. Шаблиевкой.

28. Бой у Великокняжеской и занятие ее добровольцами.

1 — 30. Успехи Краснова в Донской области.

Июль.

1. Высадка англо-французского десанта в Мурманске.

6. Вооруженное восстание левых эсеров в Москве. Убийство ими немецкого посла Мирбаха.

6. Начало вооруженного восстания в Ярославле, поднятого савинковской организацией «Союз защиты родины и свободы».

6. Крупная неудача советских войск у Белой Глины. Захват добровольцами Б. Глины и 5.000 пленных.

8. Захват Кеми и северной части Мурманской ж. д. англо-французами.

8. Подавление вооруженного восстания левых эсеров в Москве.

10. Занятие Сызрани чехословаками.

11. Измена главнокомандующего Муравьева и его самоубийство в Симбирске.

11. Попытки белогвардейских восстаний в Муроме, Арзамасе, Ростове (Ярославском) и Рыбинске.

14. Тяжелое поражение 30-тысячной группы советских войск Калнина под Тихорецкой. Занятие Тихорецкой противником.

16. Расстрел Николая II в Екатеринбурге.

21. Подавление Ярославского восстания.

21. Захват Ставрополя передавшимся добровольцам партизанским отрядом полк. Шкуро.

22. Занятие Симбирска чехословаками.

25. Занятие Ейска добровольцами.

25. Занятие Екатеринбурга чехословаками.

27. Занятие Армавира добровольцами.

28. Поражение добровольцев под Кореневской, у Екатеринодара. Занятие Кореневской советской группой Сорокина.

30. Армавир занят советской армией Сорокина.

30. Занятие Кореневской противником.

31. Захват Онеги англичанами.

1 — 31. Борьба с Красновым в Донской области.

Август.

1. Бои на Екатеринодарском направлении. Занятие Кореневской Сорокиным.

2. Занятие Архангельска английским десантом. Образование белогвардейского правительства Северной области.

6. Занятие Казани чехословаками.

7. Поражение Сорокина под Выселками. Занятие Кореневской противником.

9. Взятие Богучара (Ворон. губ.) казаками Краснова.

12. Образование 5-й армии ка восточном фронте.

14. Падение Советской власти и появление англичан в Баку.

15. Занятие Екатеринодара Деникиным.

16. Занятие Шенкурска белогвардейцами.

26. Занятие Новороссийска добровольцами.

29. Убийство Урицкого в Петрограде.

30. Покушение на убийство Ленина в Москве.

31. Организация «Особого Совещания» (правительства) при командовании Добровольческой армии.

1 — 31. Наступление Краснова в Саратовской и Воронежской губ.

Сентябрь.

4. Раскрытие заговора союзных дипломатов против Советской России.

8. Занятие Майкопа добровольцами.

8. Взятие г. Калача казаками Краснова.

10. Занятие Казани Красной армией. Постановление Совнаркома о введении красного террора.

11. Успехи советских войск Сорокина. Занятие ими Белореченской (у Майкопа).

12. Занятие Симбирска и Вольска Красной армией.

15. Бои в Армавирском направлении. Захват и оставление Невиномысской противником.

16. Занятие Майкопа советскими войсками.

19. Занятие Буинска Красной армией.

19. Занятие Армавира добровольцами.

20. Занятие Майкопа добровольческим отрядом Покровского.

21. Занятие Невиномысской добровольцами.

23. Образование «Временного Всероссийского Правительства» («Директории») на Уфимском Государственном Совещании.

25. Занятие Кисловодска отрядом Шкуро.

26. Наступление советских войск и занятие ими Армавира.

28. Занятие Невиномысской Сорокиным.

1 — 30. Упорные бои с переменным счастьем в Армавирском районе.

Конец месяца. Восстание терских казаков против Советской власти.

Октябрь.

3. Занятие Сызрани и Красноуфимска Красной армией.

5. Взятие г. Павловска и сл. Бутурлиновки казаками Краснова.

8. Смерть инициатора Добр. армии ген. Алексеева.

8. Занятие Самары Красной армией.

16. Занятие Бугульмы Красной армией.

23. Наступление советских войск на Ставрополь. Начало 28-дневного сражения под Ставрополем.

26. Захват Армавира противником.

26. Мятеж советского командарма Сорокина. Арест и расстрел по его приказанию председателя и нескольких членов ЦИК Северо-Кавказской советской республики в Пятигорске.

27. Занятие Ставрополя красными войсками.

30. Арест Сорокина и казнь его в Ставропольской тюрьме.

31. Занятие Невиномысской противником.

29 — 31. Занятие Бугуруслана и Бузулука Красной армией.

Ноябрь.

11. Занятие добровольцами ст. Темнолесской и окончательное вытеснение советских войск из пределов Кубанской области.

14 — 15. Занятие Ставрополя добровольцами.

17. Начало эвакуации германских оккупационных войск с территории Советской республики. Переход нашими войсками демаркационной линии.

18. Низвержение директории в Омске и провозглашение Колчака «верховным правителем».

20. Занятие Пскова Красной армией.

22. Прибытие в Новороссийск эскадры союзников.

23. Взятие ст. Лиски казаками Краснова. Успехи Краснова в Хоперском округе и районе Камышина.

29. Занятие Нарвы Красной армией.

Декабрь.

1. Образование Временного Рабоче-Крестьянского Правительства Украины.

3. Занятие Валуек Красной армией.

6. Занятие Двинска Красной армией.

14. Занятие Минска Красной армией.

18. Занятие ст. Лиски Красной армией.

21. Занятие г. Купянска Красной армией.

23. Признание ВЦИК независимости советских республик Эстляндии, Литвы и Латвии.

24. Занятие Перми Колчаком.

1 — 31. Наступление Красной армии в Донской области.

29 — 31. Занятие Стерлитамака и Уфы Красной армией.

Именной указатель

Абрамов, врачебный инспектор в Ставрополе, 252.

Абрамов, Ф. Ф., генерал, 229.

Авксентьев, Николай Дмитриевич (род. в 1878 г.) один из старейших и виднейших членов партии эсеров. В 1905 г. — член Петербургского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и его Исполнительного Комитета; за это после ареста был сослан по приговору судебной палаты в Сибирь, откуда в 1907 г. бежал за границу; здесь вошел в состав ЦК эсеров, примыкая к правому его крылу. Во время войны — крайний оборонец и «патриот», в период Февральской революции — председатель ЦИК советов крестьянских депутатов, министр внутр. дел в одном из коалиционных правительств Керенского, председатель «Совета Республики». После Октября — активный противник Советов, член избранной Уфимским Государственным Совещанием пятичленной директории, так наз. «Всероссийского Временного Правительства», после колчаковского переворота в ноябре 1918 г. выслан Колчаком за границу, где ведет агитацию против Советской республики, 360, 366, 367, 370.

Агеев, Павел Михайлович, член объединенного войскового правительства Донской области, тов. председателя донского «большого войскового круга» в 1918 г., 25, 106, 108, 226, 227.

Акацатов, председатель Киевского союза «Наша Родина», правый, 166.

Акинтиевский, полковник, 412, 418, 445.

Алексеев, Михаил Васильевич, царский генерал, участник мировой войны. С осени 1915 года, когда Николай II удалил с поста верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича и сам занял этот пост, Алексеев стал начальником штаба главковерха (фактически же — руководителем всех военных операций) и некоторое время сохранял эту должность и после Февральской революции. К последней относился отрицательно, всячески старался уберечь солдат от «агитаторов» и восстановить старую власть офицерства. После Октябрьского переворота бежал на Дон и явился инициатором и одним из главнейших организаторов добровольческой армии; носил в ней звание «верховного руководителя» и ведал всеми гражданскими и финансовыми делами. Умер 8 октября (н. ст.) 1918 г. 1, 2, 3, 8, 20, 21, 22, 23, 24,4 25, 26, 27, 28, 29, 33, 39, 43, 52, 56, 57, 59, 60, 61, 62, 63, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 80, 109, 133, 134, 237, 242, 255, 275, 284, 291, 293, 294, 297, 305, 347, 351, 359, 366.

Алферов, генерал, 157, 159, 172.

Андреевский, член украинской директории, 187.

Анненков, казачий атаман, насильник и головорез, подвизавшийся в среднеазиатском районе (в Семипалатинской области). Поддерживал Колчака, но фактически был в захваченной им области независимым диктатором. После гражданской войны бежал в Китай, 371.

Антонов, донской главковерх, 89.

Антонюк, командующий 1-й камышинской дивизией (советской), 222.

Араки, японский майор, 419.

Антонов (Овсеенко), старый революционер; до 1917 года формально не был членом большевистской организации, хотя в эпоху войны был главным организатором и основным сотрудником интернационалистских газет «Голос», «Наше Слово» и «Начало» в Париже. Приехав из эмиграции после начала революции, вступил в петроградскую организацию б-ков и стал одним из активнейших членов партии, как оратор, журналист и организатор. В октябрьские дни был одним из главных руководителей Военно-Революционного Комитета. Под командованием Антонова (бывшего офицера) взят был Зимний дворец; им же арестовано Временное Правительство. В эпоху гражданской войны Антонов неоднократно занимал ответственные командные посты в армии, был наркомвоен Украины, а в 1923 г. был начальником Пура. В 1924 г. т. Антонов-Овсеенко назначен представителем СССР в Чехо-Словакию (Троцкий, Соч., III, 1, 190), 35, 171, 189.

Аралов, член бюро Совета рабочей и крестьянской обороны, 170.

Аргунов, Андрей Александрович (род. в 1866 г.), один из виднейших членов партии эсеров, некоторое время — член ее ЦК. В период революции и гражданской войны примыкал к правому флангу партии. Кандидат в члены «Всероссийского Временного Правительства», после переворота 18 ноября 1918 г. арестованный вместе с другими его членами Колчаком и высланный за границу, 366, 367, 370.

Аркадьев, комиссар Ярославского округа, 303, 307.

Арнольд, подполковник, 422.

Артемьев, генерал-лейтенант, командующий войсками Иркутского округа, 336, 445.

Архипов, урядник л. — гв. Атаманского полка, 224.

Архипов, полковник, комендант Ставрополя, 258, 259.

Астров, Н.И., «левый» кадет, б. московский городской голова, член контр-революционных организаций «Национального центра»

и «Союза возрождения России», на Уфимском Государственном Совещании в сентябре 1918 г. избран членом «Всероссийского Временного Правительства» («Директории»), но фактически не принимал в нем участие; был одним из членов Особого Совещания при добровольческой армии, 261, 263, 366.

Баденский, Макс, принц, германский государственный канцлер, 185.

Баккенгаузен, немецкий майор, уполномоченный генерала Гинденбурга в Ростове, 286, 287, 290, 291.

Балбачан, атаман, 187.

Баранов, полковник, начальник штаба охранной стражи в Харбине, 409.

Бардиж, казак, кубанский комиссар Временного Правительства, 279.

Безменов, Николай Николаевич, 270, 271.

Безобразов, С.В., член особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами юга России в 1919 г., 261.

Белевский (Белоруссов), А.С. (в ст. Деникина, стр. 21, 23 неправильно назван Белецким) народник, сотрудник «Русских Ведомостей», во время войны — крайний оборонец, после Октября — ярый враг Советов, член белогвардейской организации «Московский» или «правый центр», один из представителей его при добровольческой армии, потом — редактор газеты «Отечественные Ведомости», издававшейся в Екатеринбурге и поддерживавшей Колчака, 21, 23.

Белов, член правительства Западной Сибири, 366.

Бернацкий М.В., член особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами юга России, 261

Бертелло, французский генерал, 176, 177, 178, 188.

Бертелло, французский капитан, представитель генерала Бертелло в Новочеркасске, 190, 208, 210, 211.

Бискупский, 167.

Богаевский, Африкан Петрович, генерал, наказный атаман Донского казачьего войска, сподвижник последовательно Каледина, Корнилова, Деникина и Врангеля, 142, 145, 217, 225, 228, 229.

Богаевский, Митрофан Петрович, помощник донского атамана Каледина и председатель объединенного войскового правительства Донской области, образовавшегося 5 января 1918 г. При занятии Новочеркасска большевиками в феврале того же года бежал в задонские степи, где сдался в начале апреля Голубову и был расстрелян, 5, 24, 54, 88, 106, 108.

Бойка, офицер, 311.

Болдырев, Василий Георгиевич, один из выдающихся генералов царской армии, участник мировой войны, по происхождению — из крестьян, в период гражданской войны государственным совещанием в Уфе в сентябре 1918 г. избирается в члены Директории («Временного Всероссийского Правительства»), после чего назначается главнокомандующим «всеми российскими вооруженными силами», борющимися против Советской республики. После колчаковского переворота 18 ноября 1918 г. был выслан Колчаком за границу, после разгрома Колчака возвратился во Владивосток, где был некоторое время членом местного демократического правительства. При занятии Владивостока Красной армией в октябре 1922 г. остался в городе и, будучи арестован, обратился в ВЦИК с ходатайством о помиловании, заявив о желании работать с советской властью. В настоящее время работает в Сибирской плановой комиссии, 330, 366, 369, 371, 438, 440.

Бонд, английский капитан, 178, 184, 190, 191, 192, 194, 195, 208.

Бондырев, член Донского войскового круга, 214.

Борисевич, генерал кубанского войска, 290.

Боровский, генерал, 36.

Борщевский, прапорщик, 412.

Боссе, Г., член объединенного войскового правительства Донской области, 108.

Брезовский, 306.

Бригс, английский генерал, 211.

Бронштейн, одесский землевладелец, 268.

Бронштейн, Л.Д., см. Троцкий.

Брусилов, генерал царской армии, летом 1917 г. был короткое время верховным главнокомандующим, после Октябрьской революции работал с советской властью. Умер в 1926 г., 29, 227.

Брушвит, эсер, член «Комуча» в Самаре, 360.

Брэдис, Фридрих, полковник, латыш, член контр-революционных офицерских организаций в Советской России в 1918 г., 293, 294, 296, 297, 298, 299, 304, 306, 311.

Будберг, А., барон, 391.

Бунге, губернатор, комиссар Всероссийского Временного Правительства на Сахалине, 439.

Бутенко, заместитель командующего войсками Всероссийского Временного Правительства в Приморской области, 437.

Быкадоров, Ис., товарищ председателя Донского войскового

круга, 134, 228.

Быч, Лука, председатель Кубанского Краевого Правительства, 48, 179, 180, 283, 290.

Валуев, А.М., генерал-губернатор Ставрополя, 267, 269, 271.

Васильченко, Г., член объединенного войскового правительства Донской области, 108.

Вацетис, главнокомандующий Красной армией, член бюро Совета рабочей и крестьянской обороны, 170.

Венюков, начальник штаба полковника Орлова в Харбине, 408.

Вендзягольский, комиссар Временного Правительства при 8-й армии, 25.

Вехиб-паша, командующий турецкой армией в 1917 г., 19.

Взоров, эсер, поручик, помощник начальника штаба народной армии в Самаре, 361.

Виленский, представитель советского правительства во Владивостоке, 342.

Вильгельм, император германский 131, 132, 133, 139, 144, 146, 148, 169, 173, 176, 184, 186, 291.

Винниченко, 184, 187.

Виноградов, к.-д., профессор, кандидат в члены Всероссийского Временного Правительства (Директории), 366, 367.

Владимиров, генерал, 437.

Власов, полковник, 178.

Войналович, полковник, начальник штаба отряда Дроздовского, 113, 124.

Войцеховский, 324.

Волков, генерал, 342.

Волков, подполковник, при Колчаке — генерал, начальник Омского гарнизона, один из организаторов колчаковского переворота, прославившийся бессудными расстрелами и зверской расправой с врагами колчаковского режима, 370, 447, 448,449.

Волков, полковник, 428, 442.

Волков, глава офицерской организации во Владивостоке, 430.

Вологодский, П.В., б. член II Гос. Думы из фракции прогрессистов, пользовался в Сибири популярностью, как общественный деятель. После Февральской революции сибирские эсеры зачислили было В. в свою партию и потом выдвинули его кандидатуру в члены Сибирского правительства, вследствие чего в правых кругах за ним утвердилась незаслуженная репутация «социалиста». Летом 1918 г., после свержения в Сибири власти

Советов, стал председателем «Сибирского временного правительства», в сентябре 1918 г. на Уфимском съезде белогвардейских правительств избран членом Директории, а после того как Колчак произвел 18 ноября 1918 г. государственный переворот и выслал за границу трех членов Директории, В. оставался председателем колчаковского правительства в течение почти всего периода колчаковщины, и лишь 23 ноября 1919 г. Колчак заменил его Пепеляевым. Ныне В. в эмиграции, в Китае, 366, 376, 381.

Вольский, В.К., видный эсер, один из организаторов самарского восстания против Советов и член организовавшегося там «Комитета членов Учредительного Собрания». Председатель образовавшегося после избрания Директории «съезда членов Учр. Собрания». После колчаковского переворота и ареста многих членов Учр. Собрания, Вольский вместе с другими его членами, оставшимися на свободе, принял решение о прекращении борьбы с советской властью и был пропущен через фронт на территорию Советской России, 360.

Ворошилов, командир 10-й армии (советской), 171.

Врангель, барон, генерал, один из сподвижников Деникина, которому удалось в 1919 г. после долгой борьбы взять Царицын. Весной 1920 г., когда разгромленный Деникин ввиду выраженного ему офицерством недоверия был вынужден выйти в отставку, он назначил своим преемником Врангеля, который в начале июня 1920 г. предпринимает вылазку из Крыма. Ему удается захватить северную Таврию, а в дальнейшем — и Синельниково, откуда он угрожал Екатеринославу. Ударом Красной армии в конце октября 1920 г. и знаменитой атакой Перекопа Врангель был сбит; 15 ноября он был вынужден очистить весь Крым и уйти с флотом и остатками армии в Константинополь. Сохранив некоторый авторитет в глазах русского монархического офицерства, Врангель и в настоящее время играет роль единственной опоры русской белогвардейской эмиграции, 181, 255, 256, 257.

Враштель, ротмистр, 413, 425.

Гайда, чешский генерал, авантюрист, сподвижник Колчака, командующий одной из колчаковских армий, впоследствии отстраненный Колчаком, 297, 324, 337, 435, 436, 437, 438.

Галкин, полковник, начальник штаба народной армии в Самаре, 357, 361.

Гегечкори, меньшевик, член III Государственной Думы от Кутаисской губ., один из лидеров меньшевистской думской фракции. После Октябрьской революции — председатель

Закавказского комиссариата, позднее — министр иностранных дел Грузинской республики, ориентировавший ее политику в сторону Англии и Деникина против Советской России, 18.

Гейман, И.А., член особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами юга России, 261.

Герасимов, генерал, 200.

Гермоген, архиепископ, 192.

Гильомэ, французский консул в Ростове, 218.

Гинденбург, главнокомандующий германской армией во время мировой войны, монархист, ныне — президент Германской республики, 286.

Гине, французский консул в Самаре, 359.

Гинс, Г.К., министр Омского правительства, 372.

Гирей, Девлет, князь, 32, 68, 69.

Гирса, чешский социалист, член чешского национального комитета, 325, 337.

Гиттис, командующий 8-й армией (советской), 222.

Гладков, урядник, 259.

Глазенап, Петр Владимирович, генерал, военный губернатор Ставропольск. губ., 133, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 259, 260, 263, 264, 265, 266, 267.

Голицын, князь, губернатор в Самаре, 360.

Голубов, войсковой старшина, командир советского казачьего отряда на Дону 38, 53, 54, 72, 85, 86, 87, 88, 89.

Гоппер, генерал, 293.

Городыский, 212.

Горчуков, М.А., посланник временного донского правительства на Украине, 127.

Греков, сотник, 31.

Греков, генерал, ростовский градоначальник, 183, 290.

Греленко, командир стальной дивизии (красной) 222.

Григорьев, Николай Сергеевич, доктор, сподвижник Савинкова, видный член организованного последним для борьбы с Советской властью «союза защиты родины и свободы», один из главных организаторов ярославского восстания в июле 1918 г., 297, 300, 304, 305.

Гришин-Алмазов, Алексей Николаевич (настоящая фамилия Гришин) офицер царской армии. После Октября — энергичнейший организатор подпольных контрреволюционных офицерских групп в Сибири. Летом 1918 г. Сибирским Врем. Правительством произведен в генералы и назначен военным министром; Г. возбудил надежды сибирской буржуазии, как возможный диктатор, и стал исподволь подбираться к этому посту; вследствие неловкого выступления перед союзниками,

которых он обвинял в неоказании помощи сибирской армии, был уволен от должности министра и после нерешительной и неудачной попытки устроить государственный переворот уехал к Деникину; некоторое время был одесским градоначальником. При Колчаке решил вернуться в Сибирь, но при попытке перейти через большевистский фронт был задержан советскими властями и застрелился, (в 1919 г.), 329, 366, 373, 384, 388.

Грузинов, командующий войсками московского округа, 5.

Губаревский, советник ставропольского губернского правления,

Гуль, Р., 231.

Гусарский, командир 15-й дивизии (красной) 222.

Гусельщиков, генерал, 152,172.

Гучков, А.И., один из виднейших вождей крупной умеренно-либеральной русской буржуазии; вождь правой части земско-городских съездов 1904–1905 гг.; один из организаторов партии «октябристов», так наз. «Союза 17 октября»; защитник контр-революционной политики Столыпина и «военно-полевой юстиции». После государственного переворота 3 июня 1907 г., лишившего избирательных прав широкие массы населения, был избран в III Гос. Думу и стал ее председателем. В годы империалистической войны организует военно-промышленные комитеты, ставившие себе целью поддержать боевую способность армии. Был военным министром в первом Врем. Правительстве, являясь в нем, вместе с Милюковым, наиболее ненавистной фигурой для революционных масс. 30 апреля 1917 г. был вынужден выйти в отставку. После октября 1917 г. — организатор контр-революционных заговоров, 180, 227, 322, 333.

Гущин, полковник, посол донского правительства на Украине, 127, 133, 147.

Данилов, коммунист, командир отряда, 315.

Двойченко, 114.

Дейниковский С.З., начальник тюрьмы в Ставрополе, 269.

Делинсгаузен, барон, 342, 343.

Дементеев, Е.А., член Учредительного Собрания, гласный ставропольской городской думы, 254.

Деникин, Антон Иванович, один из виднейших генералов царской армии, поддерживал корниловское выступление в августе 1917 г. против Керенского. После поражения Корнилова был вместе с ним и другими высшими чинами ставки арестован и содержался в заключении в Быхове, откуда все корниловцы, во главе со своим вождем, 19 ноября 1917 г., при занятии ставки советским отрядом, бежали на Дон, где заняли командные

должности в организованной Алексеевым и Корниловым «Добровольческой армии». После того как глава этой армии Корнилов был убит при штурме Екатеринодара 13 апреля 1918 г., в командование армией вступил Деникин, которому удалось нанести ряд тяжелых поражений советским войскам и постепенно занять Кубань, Дон, всю Украину, Воронеж, Курск и Орел. В октябре 1919 г. войска Деникина потерпели поражение под Воронежем и за Орлом на путях к Туле, после чего стали быстро и неудержимо откатываться назад к югу. В марте 1920 г. Деникин переправил на судах остатки своей разбитой и разложившейся армии из Новороссийска в Крым и здесь, ввиду выраженного ему офицерством недовольства, передал главное командование Врангелю, а сам уехал за границу, где выпустил четыре тома своих мемуаров о революции и гражданской войне под заглавием «Очерки русской смуты», 1, 28, 56, 57, 58, 59, 62, 63, 65, 73, 77, 110, 125, 126, 128, 131, 133, 134, 135, 137, 138, 139, 140, 141, 147, 150, 160, 162, 163, 164, 165, 166, 168, 169, 176, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 186, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 209, 212, 214, 217, 219, 221, 223, 225, 228, 229, 250, 253, 254, 255, 257, 258, 262, 263, 264, 265, 269, 272, 275, 290.

Добрынин, 287.

Добрынский, 27.

Девгерт, генерал, член контр-революционной офицерской организации в Москве, 304.

Денисов, С.В., генерал, один из вождей противосоветского казачьего восстания на Дону весной 1918 г. потом — командующий Донской армией в бытность донским атаманом ген. Краснова. Ушел с поста вместе с Красновым в начале 1919 г., эмигрант, 54, 55, 80, 102, 110, 135,137, 138, 161, 166, 171, 172, 173, 191, 200, 201, 203, 215, 217, 223, 224, 225, 226, 227.

Дербер, Петр, эсер, член Сибирской областной думы и председатель тайно избранного ею в январе 1918 г. Сибирского областного правительства. Вслед затем Д. уезжает в Харбин, где организацией всероссийской власти занимался Хорват. Когда 29 нюня 1918 г. чехо-словаки свергли советскую власть во Владивостоке, Д. и его министры переехали туда и объявили себя «Временным правительством автономной Сибири». Однако явившемуся во Владивосток председателю Омского правительства удалось ликвидировать «двоевластие» и уговорить Дербера распустить свое «правительство», 375,376,378, 379, 433.

Дитерихс, М.К., генерал, участник мировой войны, командовал дивизией, отправленной Россией на Салоникский фронт в помощь союзникам; после Февраля — генерал-квартирмейстер в ставке. После Октября переходит на службу в

чехо-словацкий корпус в должности начальника штаба, в январе 1919 г. переходит к Колчаку, у которого некоторое время был командующим сибирской армией. По поручению Колчака производил расследование о расстреле царской семьи в Екатеринбурге, 429.

Долгоруков, князь, главнокомандующий украинскими войсками в Киеве, 188.

Доманевский, А.М., генерал, 396, 409, 437.

Драгомиров, А.М., генерал, член Особого Совещания при Деникине, 141, 183, 184, 199, 200, 201, 202, 203, 213, 261.

Драгомиров, М.М., генерал, 165, 166.

Дроздов, офицер, 445.

Дроздовский, М.Г., генерал, организатор отряда добровольцев румынского фронта, присоединивший свой отряд к добровольческой армии, 100, 109, 110, 123, 124, 125, 135, 178, 180, 255, 291.

Дубовский, полковник, 158.

Дувакин, член Донского войскового круга, 214.

Дудаков, прапорщик, 91.

Дудаков, П., тов. предс. Донск. войск круга, 228.

Думенко, команд. 1-й Донской кавалер. дивизии (красной), 222.

Дутов, атаман Оренбургского казачьего войска, глава заговора и восстания оренбургских казаков против советской власти. Заговор на Урале подготовлялся им в Совете Казачьих Депутатов Оренбургского войска. С первым же известием об Октябрьской революции Дутов, опираясь на наиболее надежные казачьи части, юнкеров, прапорщиков и т. п., захватил власть в Оренбурге в свои руки и организовал «войсковое казачье правительство». Одновременно возник и местный «комитет спасения родины и революции», состоявший сплошь из правых эсеров. Аресты и зверское избиение большевиков вызвали всеобщую стачку оренбургских рабочих во главе с железнодорожниками. Стачка продолжалась около трех месяцев, до того момента, когда Красная армия, наступавшая осенью 1918 г. со стороны Самары, не разгромила Дутова. Вытесненный из Оренбурга, Дутов ушел в станицы, где организовывал разбойничьи банды. Уральская контр-революция была окончательно уничтожена лишь после разгрома Колчака, 19, 134, 348, 371, 372.

Духовский, 444.

Дыбенко, матрос (большевик), 221.

Елатонцев, С., старшина войскового правительства Донской

области, 106.

Ермоленко, Н.С., прокурор ставропольской суд. палаты, 274.

Ершов, мичман, командующий волжской флотилией народной армии, 358.

Есаулов, Ф.Л., председ. александровского съезда мировых судей, 273, 274.

Жанэн, генерал, глава французской миссии в белой Сибири, 330, 333, 334, 336, 338, 340, 341, 446, 450.

Жардецкий, председатель кадетского комитета в Омске, активный враг советской власти; расстрелян в Омске в 1920 г. 369.

Жернаков, министр Врем. Сибирск. Правительства, 376, 379.

Жордания, Ной, один из старейших и виднейших социал-демократов Грузии и России, меньшевик, участник всероссийских партийных съездов, член I Госуд. Думы. В период гражданской войны — глава меньшевистского правительства Грузии, после его свержения в 1921 г. эмигрирует за границу и является там ожесточенным врагом Советской республики. Один из организаторов противосоветского восстания в Грузии в 1924 г., 19.

Завойко, ординарец Корнилова, 2.

Зайченко, генерал, командующий Ярославским военным округом в 1918 г., 307.

Заклинский, 232.

Залесский, П.И., генерал, начальник штаба «южной армии» (белой)

Замысловский, бывш. член Гос. Думы, правый, 259.

Захаров, член «Врем. Сибирск. Областн. Совета», министр «Врем. Сибирск. Правительства», избранного Сибирской Областной Думой, 375, 376, 379.

Зензинов, Владимир Михайлович, эсер, заместитель Н.В. Чайковского во Всероссийском Врем. Правительстве (Директории), фактически — член этого правительства, после переворота 18 ноября 1918 г. высланный Колчаком за границу вместе с Авксентьевым, Аргуновым, Роговским, 366, 367, 370.

Зенков, И., тов. предс. Донского войскового круга, 228.

Зубов, полковник, командир Кривянского полка (белого), 99.

Иванов, Николай Иудович, генерал царской армии, ярый монархист, бывш. главнокомандующий юго-западным фронтом в начале мировой войны. В дни Февральской революции был командирован Николаем II из ставки вместе с эшелоном в

Петроград для подавления восстания, но потерпел неудачу. В 1918 г., по назначению донского атамана Краснова, был командующим южной армией на Дону, на этом посту умер 29 января 1919 г., 165, 166, 168, 171, 176, 194, 221, 291.

Иванов-Ринов, П.П. (настоящая фамилия — Иванов) — одна из характернейших фигур колчаковского режима, до революции был начальником уезда (т.-е. исправником) в Туркестане, потом — помощником военного губернатора, — «полицейская ярыжка», как его характеризует Будберг. После Октября принимает участие в подпольных белогвардейских организациях Сибири и возглавляет такую организацию в Омске, а по свержении здесь советской власти фактически правит областью до организации власти Сибирского Врем. Правительства. Последнее после увольнения с поста военного министра Гришина-Алмазова назначает на этот пост Иванова-Ринова. При Колчаке И.-Р., оставаясь типичным старорежимщиком, насильником и вешателем, продолжает играть важную роль, а при конце колчаковщины получает звание «атамана сибирского казачьего войска», 371, 373, 380, 441, 443, 444, 448.

Иванов, Матвей Матвеевич, генерал, нач. штаба северного фронта на Дону в 1918 г., 206.

Кабанов, хорунжий, офицер из отряда атамана Семенова, 416.

Кадлец, чешский полковник, 436, 438.

Казанович, генерал, команд, дивизией добровольческой армии, 255, 287.

Каледин, Алексей Максимович, генерал царской армии, отличившийся во время мировой войны. После Февраля не мог примириться с демократизацией армии и, будучи избран в июне 1917 г. атаманом Донского казачьего войска, уехал на Дон, где, опираясь на кулацкие слои казачества, повел борьбу с Временным Правительством. Донская область при нем стала почти независимым от центральной власти государством, где находили себе приют и защиту все враги революции. После Октября именно там началось формирование добровольческой армии для борьбы с Советами. Однако, «большевистская зараза» — лозунги Октябрьской революции — постепенно стала проникать в царство Каледина, где захватывала все более и более широкие массы сначала «иногородних» (т.-е. крестьянства, не принадлежавшего к казачьему сословию), а потом и коренного казачества. Среди последнего все чаще стали вспыхивать бунты, все резче сказывалось нежелание воевать с большевиками. Под влиянием неудач в борьбе против Советов Каледин застрелился

28 января 1918 г., 1,3, 4, 5, 7, 8, 10, 19, 20, 21, 22,23, 24, 27, 34, 36, 37, 38, 39, 57, 60, 61, 62, 63, 66, 68, 69, 70, 71, 72, 80, 81, 83, 84, 87, 127, 130, 148, 149, 226, 231.

Калмыков, есаул из харьковских мещан, присвоивший себе звание «атамана Уссурийского казачества» и подвизавшийся в период гражданской войны в Уссурийской области; под видом борьбы с большевиками К. занимался открытыми грабежами и совершал невероятные насилия над населением, описанные в дневнике Будберга, 394, 395, 398, 413, 417, 418, 424, 428, 429, 430, 434, 436, 437, 439, 442–445, 449.

Калюжный, советский комендант г. Ростова в 1918 г., 29.

Канин, адмирал, 182.

Капелька, капитан, 27.

Каппель, Владимир Оскарович, из офицеров царской армии, один из наиболее выдающихся командиров народной армии; при Колчаке — генерал, которому Колчак намеревался передать полномочия «верховного правителя»; в период разгрома колчаковщины — главнокомандующий; умер при отступлении армии 25 января 1920 г., простудившись на морозе и отморозив себе обе ноги. Пользовался огромной популярностью среди белогвардейцев, так что в течение долгого времени после его смерти остатки разгромленной колчаковской армии носили название «каппелевцев», 324, 326, 358, 361.

Караулов, атаман терского казачьего войска, инициатор терско-дагестанского правительства, объединявшего казачество, горцев и иногороднее население. Убит 13 декабря 1917 г. на ст. Прохладная в вагоне солдатами, 13, 58.

Карев, Г., старшина войскового правительства Донской области, 106.

Карпов, генерал, участник Ярославского восстания, 318.

Катанаев, казак, 370

Келзет, английский офицер. 217, 218.

Кельчевский, генерал, 109, 229.

Керенский, Александр Федорович, родился в 1881 г. Впервые выступил на политическое поприще, подписав в 1905 г. коллективный протест против ареста представителей радикальной интеллигенции, пытавшихся путем переговоров с гр. Витте и кн. Святополк-Мирским предотвратить расстрел 9 января. Будучи присяжным поверенным, приобрел известность в качестве защитника в политических процессах. Член IV Государственной Думы. Будучи социалистом-революционером, в Думе примкнул к фракции трудовиков. Социал-патриот с начала войны. После революции вошел в состав Врем. Правительства в качестве министра юстиции. После отставки Гучкова взял его портфель

военного и морского министерств. По требованию союзных империалистических правительств толкнул русскую уставшую и не хотевшую войны армию к наступлению 18 июня, которое кончилось полнейшей неудачей. После июльского движения петербургского пролетариата и гарнизона, подавленного военной силой, становится министром-председателем Временного Правительства. В качестве члена и затем председателя Врем. Правительства все время ведет политику союза с буржуазией, защиты буржуазного характера революции от покушений большевиков, продолжения в союзе с Антантой империалистической войны. После неудачной попытки организовать подавление пролетарской революции эмигрировал за границу, где неизменно оставался врагом Советской республики. Издает газету „Дни“ (см. Ленин, Соч., т. XIV, прим. 134) 63, 84, 130, 326, 333, 354, 358.

Киз (Кис), майор, представитель английского посольства, 26, 190, 198, 208.

Климушкин, член Комитета членов Учредит. Собрания в Самаре, заведывавший внутренними делами, 360.

Клиорин, сотрудник газеты «Новости Жизни» в Харбине, 424.

Клофач, соц., член чешск, нац. комитета, 325.

Фон-Кнерцер, генерал германской армии на Украине, 133, 205, 290.

Книгницкий, команд. Уральской дивизии 9-й Красной армий, 222.

Ковалевский, управляющий Владивостокской таможней, 339.

Кожанов, Н., член объединенного войскового правительства Донской области, 108.

Кожевников, команд. группой советских войск на Дону, 221.

Козин, команд. сов. дивизией на Дону, 221.

Фон-Кокенхаузен, майор германской армии на Украине, 140, 141, 147, 185, 187.

Колзаков, из отряда Дроздовского, 113.

Колобов, министр Врем. Сибирск. Правит., 376, 379.

Колобов, нач. военного отдела в Харбине, 414.

Колосов, эсер, член Сиб. Областной Думы, автор книги «Сибирь при Колчаке», 388.

Колпак, подполковник, 305.

Колчак, Александр Васильевич, адмирал (1873–1920), один из опаснейших врагов Советской республики, «верховный правитель». Во время мировой войны служил в Балтийском флоте, потом был назначен командующим Черноморским флотом, но после Февральской революции не мог примириться с

Советами и уехал в Америку. Осенью 1918 г. появляется в Омске и получает пост военного министра в составленном Директорией кабинете. 18 ноября 1918 г. устраивает государственный переворот, свергает Директорию, принимает звание «верховного правителя» и с помощью Антанты ведет упорную войну с Советской республикой в 1918 — 19 гг. В Сибири насаждает полицейский режим и ведет непрерывную борьбу с крестьянством, отвечающим массовыми восстаниями и организацией целых армий красных партизан. В декабре 1919 г., после окончательного разгрома своей армии, Колчак, пробираясь на Дальний Восток, попадает в руки чехо-словаков, которые 5 января 1920 г. в Нижнеудинске выдают его, а также главу его правительства Пепеляева красным повстанцам. Последние доставили его в Иркутск, находившийся уже с 27 декабря в руках повстанцев. 7 февраля 1920 г. Колчак был расстрелян в Иркутске по постановлению иркутского ревкома, 110, 170, 262, 263, 325, 332, 335, 337, 338, 365, 368, 369, 371, 372, 391, 402, 406, 409, 410, 411, 412, 416, 418, 437, 444, 448.

Кольчигин, команд. советской дивизией на Дону, 222.

Коновалов, ген., 222.

Кононов, адмирал, 178.

Корзинкин, владелец фабрики в Ярославле, 308.

Корнилов, Лавр Георгиевич — один из крупнейших и известнейших врагов Советской власти. Генерал царской армии; во время мировой войны попал в плен к австрийцам, откуда успешно бежал незадолго до Февральской революции. После Февраля назначен командующим войсками петроградского военного округа, но не мог примириться с Советами и ушел в действующую армию, где занимал различные командные должности и, наконец, был назначен верховным главнокомандующим; на этом посту усиленно добивался восстановления дисциплины в армии посредством возвращения старой власти офицерству и ограничения, либо сведения на-нет роли солдатских выборных комитетов, требовал от Врем. Правительства «оздоровления» тыла посредством усиления власти и борьбы с Советами. Благодаря этому его имя сделалось постепенно знаменем кадетов и всех контр-революционных сил.

26 августа (1917 г.) Корнилов по соглашению с близкими к Врем. Правительству лицами и при явном попустительстве, если не прямом соучастии, Керенского двинул на Петроград казачий корпус и «дикую дивизию», набранную среди кавказских горцев, с целью разгрома Советов и провозглашения диктатуры. Под давлением меньшевистско- эсеровского ЦИК Советов, который на этот раз энергично поддерживали большевики, Керенский был

вынужден вступить в борьбу с Корниловым и объявить его мятежником. Посланные Советами агитаторы разъяснили корниловским войскам смысл выступления, после чего казаки отказались в нем участвовать, и Корнилов вынужден был сдаться в ставке вместе с поддерживавшими его генералами властям Врем. Правительства.

Чтобы успокоить негодование широких масс рабочих и солдат, возбужденное корниловским мятежом, Врем. Правительство вынуждено было засадить самого Корнилова и корниловцев-генералов в тюрьму, из которой всем им легко удалось бежать после Октябрьского переворота и перебраться на Дон, под защиту контр-революционного казачьего правительства. Здесь Корнилов вместе с другим царским генералом Алексеевым (см. это слово) организовал для вооруженной борьбы с Советской властью так наз. «Добровольческую армию», которую Советской республике удалось окончательно раздавить лишь после трехлетней упорной и напряженной борьбы. Сам Корнилов погиб в начале этой борьбы, будучи убит снарядом 13 апреля 1918 г. при осаде красного Екатеринодара. 2, 4, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 31, 34, 35, 39, 40, 45, 49, 50, 51, 52, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 83, 94, 95, 109, 111, 124, 128, 179, 236, 237,242, 243, 275, 284, 346.

Косенков, Н.А., ставропольский хлеботорговец, 260.

Косьминский, член «политического центра» в Иркутске, 339.

Коцев, Пшемах, член горского правительства, 16, 287.

Краковецкий, министр Врем. Сибирск. Прав., 376, 379.

Красильников, один из казацких, атаманов в колчаковской Сибири, головорез и бандит, 370, 448.

Краснов, П.Н, — генерал, участник мировой войны, монархист, активный участник корниловского мятежа, после Октября — командующий казачьим отрядом, который Керенский повел на Петроград для свержения Советской власти. После крушения этого предприятия, будучи освобожден большевиками, Краснов перебирается на Дон, где весной 1918 г. избирается восставшим казачеством в атаманы и организует с помощью немцев, подошедших к Донской области через Украину, вооруженную борьбу с большевиками. От последних Краснов постепенно очищает всю область и проникает в Воронежскую и Саратовскую губернии. На короткое время Краснов превращается в опаснейшего врага Советской республики. Однако зимой 1918–1919 г., когда, после ноябрьской революции в Германии, помощь немцев прекратилась, Краснов терпит тяжелые поражения на противобольшевистском фронте и оказывается вынужденным в феврале 1919 г. выйти в отставку. После этого донская армия

объединяется с добровольческой под единым командованием Деникина. В настоящее время Краснов — за границей, в эмиграции, где и пописывает свои мемуары, 98, 101, 126, 129, 130, 144, 147, 150,163, 216, 228, 248, 286, 287, 290, 291.

Краль, социалист, член чешского нац. комитета, 325.

Кривошеин, А.В., царский министр земледелия, слывший почти либералом, после Октября — один из руководителей тайной московской контр-революционной организации крупной буржуазии и помещиков, так наз. «правого центра», в 1918 г. бежал на Украину и принимал участие в белогвардейском движении против Советской власти. В 1920 г. возглавлял правительство Врангеля в Крыму, 262.

Криштафович, председатель астраханского правительства, 287.

Крутовский, министр Врем. Сибирск. Правит., 376, 381.

Крыленко, Н.В., участник студенческого движения 1905 г., тогда же работал в петербургской организации большевиков. В Февральскую революцию приобрел известность большевистской агитацией в армии на фронте, где служил прапорщиком. После Октября, когда верховный главнокомандующий Духонин был смещен Советской властью, на эту должность был назначен К., который начал вслед за тем переговоры с немцами о перемирии и ликвидировал старую контр-революционную ставку. После Брестского мира (март 1918 г.) был замещен на посту главковерха Троцким. В настоящее время работает по Наркомюсту, 4,29, 227, 438.

Крымов, генерал царской армии, один из участников заговора, в котором принимали также участие октябрист Гучков и крупный финансист, впоследствии министр Врем. Правительства, Терещенко. Заговор этот, осуществление которого было предупреждено Февральской революцией, поставил себе целью дворцовый переворот и низвержение Николая II ради предупреждения революции и спасения монархии и династии. Во время корниловского мятежа в августе 1917 г. Крымов командовал 3-м конным корпусом, который Корнилов двинул на Петроград с целью разгрома Советов и ареста Врем. Правительства. Очутившись в безвыходном положении вследствие отказа солдат сражаться за диктатуру Корнилова, Крымов по вызову Керенского явился к нему в Петроград и после разговора с ним застрелился, 423.

Крюгер-Войновский, инженер, 181.

Крюков Ф., секретарь Донск. войск. круга, 228.

Кудрявцев, министр Врем. Сибирск. Правит., 376, 379.

Кульгавов, есаул, адъютант ген. Краснова, 132.

Кунаков, полковник, казак, бывш. жандармский офицер, 291.
Кураев, пензенский губернский комиссар, 348.
Куроки, японский офицер, 392.
Кутепов, один из командиров добровольческой армии, перешедший потом к Врангелю, известный своими жестокостями по отношению к мирному населению, 36, 37, 43, 46, 190.
Кухтин, А.М., председатель ставропольской губернской земской управы, 253.

Лагутин, казак, 94.
Ландсберг, кооператор во Владивостоке, 343.
Латкин, 427.
Лебедев, капитан 1-го ранга, из добровольч. армии, 182.
Лебедев, В.А., завед. торговлей и промышленностью в добровольческой армии, 184.
Лебедев, морск. министр Врем. Правительства, 360.
Левицкий, 253.
Лейхтенбергский, герцог, организатор монархической «южной армии», 145, 167, 168, 291.
Ленин, Влад. Ильич, 34, 82, 130, 170, 322, 325.
Лесли, полковник отряда Дроздовского, 111, 124.
Ливенцов, генерал, командующий Ярославским военным округом в 1918 г., 303, 307.
Линдберг, член Учредит. Собрания, 378.
Линдберг, Михаил, член Сиб. Врем. Правит., 379.
Ли-тья-ао, представитель китайской власти в Харбине, 405.
Лодыженский, А.А., член особого совещания при добровольческой армии, 261.
Лукомский, Александр Сергеевич, генерал царской армии, во время Февральской революции — начальник штаба верховных главнокомандующих Брусилова и Корнилова. Один из активных участников корниловского мятежа в августе 1917 г., после его неудачи был арестован вместе с Корниловым, Деникиным и другими корниловцами и содержался в Быховской тюрьме. 19 ноября 1917 г., при занятии ставки в Могилеве советским отрядом т. Крыленка, бежал из тюрьмы вместе с прочими сотоварищами по заключению на Дон, вступил здесь в добровольческую армию, где занимал ряд высоких постов. Во вторую половину 1918 г. состоял председателем «особого совещания» при Деникине, т.-е. главой деникинского правительства. В 1920 г. состоял представителем Врангеля при союзной командовании в Константинополе. Теперь — эмигрант, автор мемуаров о гражданской войне. Монархист, отличавшийся своей правизной даже среди деникинцев, 56, 261.

Львов, Николай Николаевич, богатый помещик, дворянин, участник либерального земского движения первой половины 90-х г.г., член I Государственной Думы, один из организаторов так называемой партии «мирного обновления», стоявшей между кадетами и октябристами. После разгона I Гос. Думы 8 июля 1906 г. вел переговоры со Столыпиным о вступлении в министерство. После Октябрьской революции — один из черносотенных журналистов в полосе деникинской оккупации, занявший националистическую позицию и проводивший яростную кампанию против Советской республики, 74.

Мазуренко, социалист, 25.

Майдель, барон, генерал, 174.

Май-Маевский, генерал добровольческой армии, 181, 186, 198, 213, 214.

Макаренко, А.С., ген., 273.

Макаренко, П.Л., член кубанской Рады, 180, 183, 286, 287, 290.

Маковкин, полковник, начальник отряда в Харбине, 413, 423.

Мамонтов, генерал добр, армии, 90, 152, 153, 156, 157, 158, 159, 209, 212, 222.

Манакин, полковник генерального штаба, 166.

Мандрык, команд. войсками Хабаровского округа, 437.

Марков, Борис, член Учр. Собр. и Врем. Сибирского Правительства, 379.

Марковский, нач. первого отдела охранной стражи в Харбине, 410.

Мартынов, казачий генерал на Урале, 349.

Масло, полковник, участник Ярославского восстания, 316.

Маслов, С.Н., член особого совещания при добровольч. армии, 261.

Махин, полковник, один из командиров «народной армии» Комуча, 358, 363.

Медведев, советский комендант Новочеркасска, 88.

Медведев, с.-р., глава Владивостокского правительства, 343.

Мельников, Н.М., председатель Донского войскового правительства, 108, 269.

Мейстрах, 360.

Милюков, Павел Николаевич — наиболее яркий и влиятельный из организаторов и вождей кадетской партии, ученый историк, автор ряда исследований и популярных работ по русской истории, талантливый журналист и публицист. В половине 90-х годов — политический эмигрант, перед

революцией 1905 г. — один из организаторов и деятельных участников подпольной радикально-буржуазной организации «Союз Освобождения». В революцию 1905 г. и в годы реакции — один из виднейших вдохновителей либеральной оппозиции правительству; оппозицию эту, однако, он сам совершенно правильно характеризует, как «оппозицию его величества» (т.-е. «верноподданническую»). В области внешней политики — неизменный сторонник империализма, и если критикует царское правительство, то не за империалистичность его политики, а за глупость ее. В империалистическую войну — упорный сторонник «борьбы до победного конца», т.-е. до захвата Константинополя, проливов и Галиции. В первые дни Февральской революции старается спасти монархию в форме передачи престола наследнику Алексею при регентстве Михаила, и только решительный напор революционных рабочих и солдатских масс превращает на время его, а за ним и кадетскую партию в республиканцев. В первом после революции Временном Правительстве Милюков занимает пост министра иностранных дел и, раболепствуя перед буржуазией Антанты, старается заверить ее в готовности России вести войну «до победы». Составленная им в этом смысле нота, отправленная правительствам Антанты 18 апреля 1917 г., вызывает первую враждебную Временному Правительству демонстрацию рабочих и солдат, явно большевистского характера; демонстрация эта вызвала первый кризис Временного Правительства, после которого Милюков (вместе с Гучковым) вынужден был выйти из его состава. С этих пор Милюков — в лагере контр-революции, интригует и ведет борьбу против правительства Керенского, ищет сближения с октябристами и монархистами, поддерживает Корнилова и Каледина. После Октября уезжает на юг и вдохновляет белогвардейское противо-советское движение, добиваясь интервенции то со стороны монархической Германии, то со стороны «держав-победительниц». После победы Советской республики эмигрирует за границу и там неустанно проповедует интервенцию. В настоящее время — вождь левого крыла заграничных кадетов, так наз. «республиканско-демократического объединения», редактор их выходящего в Париже органа «Последние Новости», стоит за сближение с правыми эсерами. Выпускает под заглавием «История второй русской революции» многотомный исторический памфлет, 23, 24, 62, 63, 64, 351.

Мирандов, Д., член объединенного войскового правительства Донской области, 108.

Мирбах, граф, германский посол в Советской России, убитый в Москве в июле 1918 г. левыми эсерами, поднявшими бунт

против Советской власти и желавшими вызвать этим убийством расторжение Брестского мира Германией, с тем чтобы снова вовлечь Россию в войну. После этого убийства Германия предъявила Советской республике требование о пропуске в Москву батальона германских солдат. Требование это было отклонено советским правительством, Германия же, ввиду неудач на западном фронте, не прибегла к репрессиям и ограничилась перенесением своего представительства в Псков, в полосу германской оккупации, 304, 328, 352, 353, 359.

Миронов, казачий офицер старой армии, из Усть-Медведицкой станицы, Донской области, после Октябрьского переворота перешел на сторону советской власти, но в гражданской войне, командуя советскими частями на донском фронте старался действовать самостоятельно и приобрести популярность среди казачества критикой действий коммунистов. В августе 1919 г. поднял бунт против советской армии, но его надежды на присоединение к нему казачьих масс не оправдались. Он был разбит, арестован и приговорен к расстрелу, но помилован ВЦИК и в борьбе против Врангеля командовал 2-й конной армией. Зимой 1921 г. был снова арестован в связи с организацией восстания на Дону и расстрелян, 202, 216, 222.

Мислављский, военный следователь добр. армии, 259.

Михайлов, жандармский офицер, 441.

Михайлов, Иван — министр Врем. Сибирского Правительства, а затем колчаковского правительства, фактически — вдохновитель и руководитель окружавшей Колчака клики, неуклонно проводившей политику реакции и белого террора. В Сибири прозван «Ванькой-Каином», 306, 370, 376.

Михайлов, Павел, эсер, член Учр. Собр., член Сибирского Врем. Прав. 373, 378, 380.

Модек, соц., член чешск, нац. комитета, 325.

Молдавский, 5.

Моравский, министр Сибирского Врем. Прав. 376, 378, 379,

Мостенко, полковник, 37.

Мухоперцев, команд. 1-й Морозовско-Донецкой дивизией (красной), 222.

Мякотин, В.А., старый литератор, публицист, сотрудник «Русского Богатства», один из руководителей «народно-социалистической» партии. В период мировой войны — ярый оборонец, после Октября — один из основателей «левой» белогвардейской организации — «Союза возрождения России», 262.

Назаров, генерал Донского казачьего войска, сподвижник

Каледина, после смерти которого (29 января (ст. стиля) 1918 г.) избирается донским атаманом. 25 февраля н. ст. в Новочеркасске под его председательством происходило заседание казачьего войскового круга, когда город был взят советским отрядом Голубева. Последний явился на заседание круга, Назаров был арестован и впоследствии расстрелян, 37, 53, 72, 84, 86, 130.

Нахамкес (Стеклов), 322.

Неводовский, офицер из отряда Дроздовского, 114, 118.

Нежинцев, подполковник, один из способнейших командиров добровольческой армии Корнилова, убитый в боях под Екатеринодаром 11 апреля 1918 г., 237, 238, 245.

Неометуллов, министр Сибирск. Врем. Прав. 376, 379.

Нератов, А.А., член особого совещания при добровольческой армии, 200, 261.

Никитин, подполковник, в Харбине, 392.

Никифораки, Н.Е., Ставропольский губернатор, 270.

Никифоров, министр финансов Владивостокского правительства, 343,

Николай II, 148, 321.

Николай Николаевич, великий князь, 227.

Нилус, полковник, в Харбине, 409.

Новоселов, Александр Ефремович, сибирский писатель-беллетрист, эсер, в январе 1918 г. избран членом подпольного «Врем. Сибирского Правительства» и, уехав во Владивосток, в сентябре появляется в Омске и предъявляет черносотенному «административному совету», фактически властвовавшему там, свои права на звание министра, поддержанные Сибирской Областной Думой. Административный Совет обратился за помощью к начальнику омского гарнизона, известному головорезу и переворотчику полк. Волкову, и последний арестовывает Новоселова, председателя Обл. Думы Якушева и двух «левых» министров Крутовского и Шатилова. Последние двое были вынуждены под арестом подписать прошение об отставке и были освобождены, равно как и Якушев, а Новоселов 23 сентября был расстрелян в Загородной роще, по дороге в тюрьму, сопровождавшими его волковскими офицерами, 376, 379.

Нокс, английский генерал, стоявший во главе английских войск в Сибири в период интервенции; был близок к Колчаку; Нокса считают вдохновителем переворота 18 ноября 1918 г., свергнувшего Директорию и провозгласившего Колчака «верховным правителем», 336, 338, 359, 446.

Носович, В.П., сенатор, 261.

Овчинников, профессор, 287.

Огарев, 343.
Олькот, английский офицер, 211.
Опарин, прапорщик, 436.
Орлов, полковник, глава, белогвардейского отряда в Харбине, 391, 392, 394, 396, 407, 408, 411, 417, 419.
Ошэн, французский офицер, 178, 184, 190, 192, 194, 195, 208.

Павличенко, генерал добр. армии, 180, 181.
Павлу, Богдан, доктор, чешский социалист, член чешского национального комитета, 325, 329, 332, 338.
Парамонов, Н.Е., 23, 24, 202, 213, 224, 228, 261.
Патайдель, член чешского национального комитета, 325.
Патушинский, член Врем. Сибирского Правительства, 339, 375, 376, 381, 383, 390.
Пеллио, французский офицер, 392, 446.
Перглер, чехо-словацкий посланник в Токио, 344.
Перхуров, Александр Петрович, полковник, член контр-революционного савинковского «союза защиты родины и свободы», один из главных организаторов Ярославского восстания в июле 1918 г., скрывшийся после подавления этого восстания, но впоследствии попавший в руки советской власти и расстрелянный, 297, 298, 299, 300, 302, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 316, 318, 319, 320.
Петлюра, С.П. — украинский социал-демократ, националист, член и фактический руководитель созданного Украинской Национальной Радой правительства, т. наз. Директории; после того как пролетарская революция уничтожила власть Рады в Киеве, восстановил ее с помощью немецких штыков. Однако немцы недолго терпели власть «полубольшевистской» Директории, и уже в апреле 1918 г. заменили ее гетманом. Последний после ноябрьской революции 1918 г. в Германии и ухода немецких войск из Украины был сброшен народным восстанием, организованным Директорией, вооруженными силами которой командовал Петлюра; однако, несколько месяцев спустя Директория и Петлюра были в свою очередь сброшены пролетарской революцией. Петлюра эмигрировал в Галицию, откуда организовал партизанскую борьбу и бандитские налеты на Украине. Весной 1920 г. Петлюра вступил в союз с Польшей и вместе с нею воевал против Советской республики, вследствие чего утратил последние остатки влияния на крестьянство. После Рижского мира между Польшей и Советской Россией продолжал организовывать бандитские выступления на Украине, пока новая экономическая политика не подорвала почвы для бандитизма среди крестьянства, 161, 184, 187, 188, 189.

Пинка, штабс-капитан, член московской белогвардейской организации, 304.

Платов, граф, атаман, 192;

Плешков, генерал, начальник российских войск в полосе отчуждения Китайско-Восточной ж. д., 392, 394, 401, 402, 406, 407, 411, 417, 430, 431, 432, 433, 437, 444, 449.

Подтелков, донской казак, один из вождей пролетарской революции на Дону, по направлению стоявший между большевиками и левыми эсерами, председатель военно-революционного комитета, избранного съездом трудового казачества в станице Каменской 10 января 1918 г. для борьбы с калединщиной. Попал в руки белогвардейцев и повешен в 1918 г., 38, 53, 54, 88, 89, 153.

Покровский, генерал, командовавший в начале 1918 г. кубанским добровольческим отрядом в Екатеринодаре. После слияния этого отряда с корниловским (в апреле 1918 г.) — один из генералов добровольческой армии. Бандит в генеральском мундире. Уже на пороге издыхания добровольческой армии ознаменовал свою деятельность разгромом кубанской рады и повешением члена Парижской делегации этой рады Калабухова (7 ноября 1919 г.), обвиненного Деникиным в измене за заключение договора с Горской республикой, 12, 48, 49, 50, 51, 52, 178, 179, 181, 258.

Покровский, Г., 275.

Полетика, 449.

Поливанов, А.А., генерал, военный министр во время мировой войны (после Сухомлинова), устраненный Николаем II, по проискам царицы и Распутина, за либерализм. После Октября работал с советской властью, участвовал в качестве эксперта в мирной конференции с Польшей, умер в Риге в 1920 г., 322.

Полуян, Я., председатель Кубанского краевого революционного комитета, 12.

Поляков, И., член объединенного войскового правительства Донской области, 108.

Поляков, генерал-майор, начальник штаба Донского войска, 183, 241, 224.

Попов, генерал, Донской походный атаман, 54, 74, 75, 77, 85, 124, 125.

Попов, консул в Харбине, 408, 414, 419.

Попов, К., тов. председателя Донского войскового круга, 228.

Потанин — известный исследователь Сибири, член «Временного Сибирского областного совета» (в декабре 1917 г.), 375.

Потапов, генерал, в Харбине, 396, 400, 437.

Потоцкий, Д., генерал, в Донской области, 34.

Пржевальский, генерал, главнокомандующий Кавказским фронтом в 1917 г., заключивший в декабре 1917 г. перемирие с турками, 19, 282.

Пржхал, чешск, майор, нач. 3-й чехо-словацкой дивизии, 336.

Пуль, английский генерал, член английской миссии, 190, 194, 195, 198, 199, 200, 208, 209, 210, 216.

Пушков, командир Уссурийского казачьего полка, 429.

Раковский, Х.Г., один из старейших румынских социал-демократов, член ВКП, председатель Совнаркома Украины, потом — полпред в Лондоне, в настоящее время — полпред в Париже, 292.

Ратайский, команд. 12-й (красной) дивизией, 222.

Решетин, нач. штаба Астраханского войска, 287.

Ригельман, команд. группы советских войск на Дону, 222.

Ринчино, министр Временного Сибирск. Правит., 376.

Роговский, эсер, товарищ министра внутр. дел в правительстве, сформированном Директорией в Омске в октябре 1918 г. В момент колчаковского переворота 18 ноября 1918 г. был арестован переворотчиками вместе с эсерами — членами Директории Авксентьевым, Зензиновым и Аргуновым — и вслед затем вместе с ними же выслан за границу, 369.

Родзянко, Михаил Владимирович, председатель IV (последней по счету) Государственной Думы, один из крупнейших помещиков в России. В молодости — умеренно-либеральный земец, председатель Екатеринославской губ. земской управы; после революции 1905 г. вступил в партию октябристов, где входил в центральную группу «земцев-октябристов». Председателем Гос. Думы избран в 1912 г. Во время мировой войны стал одним из активнейших вождей так наз. «прогрессивного блока», — межпартийного объединения думской буржуазной оппозиции, — и в этом качестве сыграл крупную роль в деле разложения царского режима перед революцией. После Февраля — один из застрельщиков правой оппозиции Врем. Правительству. После Октябрьской революции появляется на Дону, при корниловской (затем — деникинской) добровольческой армии, где, однако, остается непризнанным, так как был ославлен черносотенным офицерством, как «революционер». Вскоре эмигрировал за границу, где и умер в Сербии в 1924 г., 50, 56, 74, 139, 147, 180, 322.

Родионов, И.А., писатель-монархист, редактор газеты «Донской Край», 146.

Розанов, генерал, начальник штаба армий Всеросс. Врем.

Правит. 367.

Ролько, команд. 14-й советской дивизии (красной), 222.

Романовский, генерал, начальник штаба добровольческой армии при Деникине, возбудивший сильнейшее недовольство среди добровольческого офицерства своим интриганством и убитый русским офицером в Константинополе в 1920 г., 24, 28, 39, 52, 56, 63, 74, 76, 77, 78, 110, 200, 221, 261.

Ронжин, генерал, 78.

Рублис, капитан, участник белогвардейской организации, 302, 304.

Рябов, подполковник, начальник штаба Астрах. армии, 169.

Рябовол, Н.С., председатель кубанской законодательной рады, вождь казачьей автономистской оппозиции против централизма командования добровольческой армии, убитый из-за угла деникинскими офицерами 20 июня 1919 г. в Ростове, 179, 180, 292.

Савватеев, генерал, один из командиров Донской армии, 214, 216, 222.

Савицкий, команд. коммунистической дивизией, 222.

Сазонов, генерал, представитель Донского войска перед державами Согласия, 174, 176, 177, 178.

Сазонов, С.Д., министр иностранных дел царского правительства перед мировой войной и в ее начале, удаленный затем Николаем II за «либерализм» и замененный Штюрмером. При Керенском — посол в Англии. Во время гражданской войны активно поддерживал белогвардейское движение, 200.

Самойлов, нач. тыла российских войск в Харбине, 421, 441, 442.

Санников, генерал, член особого совещания при добр. армии, 261.

Сапожников, кандидат в члены Всеросс. Врем. Правит., 366.

Сахаров, К.В., генерал, один из главнокомандующих армиями Колчака, 322.

Светозаров, В., член объединенного войскового правительства Донской обл., 108.

Свечин, генерал, представитель Донского войска на Украине, 175, 183, 200.

Сдобнов, командующий 23-й и 16-й дивизиями (советскими), 222.

Семенов, генерал, командир одной из групп донских казаков, 54.

Семенов, офицер из отряда Дроздовского, 116.

Семенов, генерал, один из организаторов «южной армии»

(монархической), 168.

Семенов, команд. Доно-Ставропольской дивизией (советской), 222.

Семенов, Григорий, казачий есаул, после Октябрьской революции стал «атаманом» забайкальского казачьего войска и, обосновавшись в Харбине, начал на деньги капиталистов и французского агента Буржуа формировать казачьи отряды для борьбы против Советской власти. Отряды эти прославились своими грабежами, бандитизмом, дикими насилиями над населением и необузданным террором. С помощью японских оккупационных войск Семенову удалось захватить в свои руки всю Дальневосточную окраину начиная от Байкала, где и после окончания гражданской войны в европейской России и Западной Сибири еще продолжалась в 1921–1922 гг. борьба за власть Советов, 339–341, 371, 372, 391, 392, 394, 396, 398–400, 403–409, 412, 415, 416–418, 423, 424, 429, 430, 434, 436, 437, 438, 441, 442, 443, 444, 446, 448, 449, 450.

Семенов, И.Т., член донского посольства на Украине, 127.

Семилетов, генерал Донского казачьего войска, 36, 55, 66, 91, 147, 184, 202, 213, 223, 229, 230.

Серебренников, министр Врем. Сибирск. Прав., 376.

Сехретев, командир казачьего отряда на Дону, 157.

Сиверс, командующий советским отрядом на Дону, 36, 40.

Сидорин, генерал Донского казачьего войска, противник атамана Краснова и сторонник Деникина, назначенный после отставки Краснова (февраль 1919 г.) командующим Донской армией, 77, 127, 147, 229, 230.

Сидоров, Василий, член Сибирского Врем. Правит. 379.

Сирин, С.Н., инициатор сети обществ «За Россию», 267.

Сиротин, команд. советской дивизией на Дону, 221.

Скипетров, генерал из отряда Семенова, 410, 412, 436, 439, 443.

Склянский, Е.М., заместитель председателя Реввоенсовета Республики и зам. Наркомвоен, в 1925 г. — председатель треста Моссукно, утонувший в Америке, 34.

Скоропадский, один из богатейших помещиков старой России, бывший член Госуд. Думы, октябрист. 28 апреля 1918 г. в Киеве, с помощью оккупировавших Украину немцев, произвел переворот, сбросил демократическую (петлюровскую) «Национальную Раду» и был провозглашен съездом хлеборобов гетманом «всея Украины». Зимой того же года, когда, после ноябрьской революции в Германии, немцы очистили Украину, Скоропадский был сброшен петлюровской директорией, которая в свою очередь была сброшена через несколько месяцев советской

революцией на Украине. Правление гетмана на Украине ознаменовалось восстановлением старого режима и власти помещиков, 131, 132, 133, 160, 161, 162, 163, 167, 176, 198.

Скраббе, офицер-латыш, участник Ярославского восстания, 304, 316.

Смагин, генерал, представитель Донского войска при добровольческой армии, 181.

Смирнов, вахмистр, командующий советскими войсками в Новочеркасске, 53, 54, 88, 89.

Смирнов, генерал Донского войска, 97.

Соколов, В.А., бывш. председатель союза русского народа, сотрудник контр-разведки в Ставрополе, организатор коммунхоза, 260, 264, 266.

Соколов, К.Н., проф., член особого совещания при добр, армии, 248, 261, 273.

Солдатов, член Донского войскового круга, 214.

Сопнев, подпольный адвокат, 260,

Сорокин, командующий 11-й армией (советской), 171.

Стариков, полковник, команд. казачьим отрядом на Дону, 157.

Станкевич, генерал, один из командиров добровольческой армии, 257.

Степанов, русский офицер в чехо-словацком войске, 324.

Степанов, офицер народной армии, 358.

Степанов, В.А., член Особого Совещания при добровольческой армии, 261.

Стефанек, чешский военный министр, 333.

Фон-Стефани, майор немецкой армии на Украине, 142.

Сулим, министр Сибирск. Врем. Прав., 376.

Сулавко, подполковник, в Харбине, 392.

Сумароков, капитан, 446.

Сыровой, Ян, чешский генерал, 324, 330, 340, 341.

Сытин, генерал, командующий южной армией (советской), 171.

Тао, китайский генерал, 405, 413.

Таскин, помощник атамана Семенова, 406.

Терехов, команд. степным фронтом (советским), 222.

Тетюков, главарь дальневосточного комитета в Харбине, 428.

Тибер-Петров, министр Врем. Сибирск. Прав., 376, 379.

Тимановский, полковник добр. армии, 32.

Тихменев, генерал, член особого совещания при добровольческой армии, 261.

Толстов, команд. войсками Приморской области, 429, 430,

431, 432, 437.

Троцкий, 82, 170, 417.

Трубецкой, кн., Г.Н., 21, 23, 27, 62, 63, 72.

Тундутов, князь, один из авантюристов монархического толка, выдвинутых гражданской войной. Самозванный атаман Астраханского казачьего войска, 143, 166, 169, 287.

Туненберг, подполковник, командир Кубанского стрелкового полка, 51.

Уваров, генерал, ставропольский губернатор при добровольцах, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 259.

Улагай, один из командиров добр. армии, 181, 258.

Уланов, Б., тов. предс. Донск. войск. круга, 106, 108, 228.

Уманский, б. преподаватель кадетского корпуса в Харбине, убитый офицерами, 403, 404, 405.

Устругов, министр Врем. Сибирск. Правит., 376.

Ушаков, русский полковник в чехо-словацком войске, 324.

Февралев, 428.

Федоров, М.М., делегат «Московского Центра» в добровольческой армии, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 48, 62, 63, 261, 362.

Федорович, чл. Учредит. Собрания, 360.

Федосьев, капитан 2-го ранга, команд. камской флотилией народной армии, 358.

Фельдман, член Политич. Центра в Иркутске, 339.

Фетисов, В.С., войсковой старшина, команд, одной из групп восставших донских казаков, 54, 91.

Филимонов, первый выборный атаман Кубанского казачьего войска, избранный 11 октября 1917 г. В борьбе между кубанским казачеством и командованием добровольческой армии, стремившимся лишить казаков автономии и вольностей, служил орудием в руках добровольцев, 9, 19, 49, 133, 149, 160, 179, 281, 282, 283, 285.

Фицхелауров, генерал Донской армии, 150, 156, 157, 159, 214, 222, 223.

Флуг, В.Е., генерал, весной 1918 г. был командирован Корниловым и Алексеевым в Сибирь для обследования и помощи подпольным белогвардейским организациям; по приезде в Харбин был назначен военным министром в сформированное Хорватом «всероссийское правительство», 62, 423, 426, 427, 437, 438, 445, 446.

Фомин, казак, руководитель восстания в пользу советской власти на Дону, 206, 207, 208.

Фортунатов, эсер, член Самарского Комитета членов

Учредительного Собрания, 360.

Фрейберг, немецкий офицер, представитель германского командования в Новочеркасске, 286, 290.

Франшэ-д'Эсперэ, командующий союзными войсками на востоке 174, 175, 176, 217, 218, 219, 220.

Фуке, французский капитан, представитель ген. Франше-д'Эсперэ на Дону, 190, 194, 195, 208, 209, 211, 216, 217, 218, 219, 220, 223, 225.

Харламов, В.А., кадет, председатель «круга спасения Дона», глава объединенного правительства Юго- восточного союза, 17, 145, 150, 184, 212, 221, 224, 228.

Хорват, генерал, управляющий Китайско-Восточной ж. д. в Харбине, после Февраля — комиссар Врем. Правительства в полосе отчуждения этой дороги; после того как в декабре 1917 г. русские большевистские войска были удалены китайцами из Харбина за русскую границу, Хорват играл роль высшего носителя русской власти в Манчжурии, в 1918 г. провозгласил себя «временным правителем» и сорганизовал «всероссийское правительство», никакой власти, однако, не имевшей. После колчаковского переворота являлся представителем Колчака в Манчжурии, 371, 391, 392, 393, 396, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 411, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 422, 424, 425, 426, 427, 428, 430, 433, 434, 436, 437, 439, 441, 442, 445, 446, 449.

Хоперский, сотник, 235, 236.

Хрипунов, А.Х., делегат «национального центра» при добровольческой армии, 21.

Хрещатицкий, генерал, начальник штаба ген. Хорвата в Харбине, 411, 425, 442, 446.

Худяков, команд. 10-й армией (советской), 222.

Циммерман, бывш. владивостокский городской голова, 439.

Чайковский, Т.И., 293.

Чеботарев, донской офицер, 95.

Чебышев, Н.Н., член особого совещания при добр. армии, 261.

Челищев, В.Н., член особого совещания при добровольческой армии, 261, 273.

Черачукин, генерал, посланник войска Донского в Берлине, 145.

Черевков, С.П., редактор Екатеринодарской газеты, 131, 147, 217.

Черепов, генерал добр. армии, 37.

Чермоев, председатель союза горцев сев. Кавказа, 16, 58.

Чернецов, есаул, командовавший казачьим партизанским отрядом, действовавшим против большевиков в Донской области, усмиритель донецких шахтеров. Наносил огромный вред советским отрядам смелыми и быстрыми ударами. Попал в плен и убит 21 января 1918 г. 38, 66, 81, 82.

Чернов, В.М., один из крупнейших вождей эсеров. Родился в 1876 году, начал политическую деятельность в 1893 году в рядах «социал-революционной партии Народного права» (промежуточное образование между партией «Народной Воли» и ПСР.). Эмигрировал за границу в 1899 г., где стал во главе сначала союза, а затем и партии социалистов-революционеров, в качестве ее идеолога и вождя (бессменный член ЦК и редактор ее центрального органа «Революционная Россия»). В годы войны занимал колеблющуюся позицию между интернационализмом и оборончеством, участвовал на Циммервальдской конференции. По возвращении в Россию после Февральской революции был министром земледелия в одном из коалиционных правительств Керенского и подвергался ярым нападкам со стороны правых и кадет за свое мнимое «пораженчество». Вышел в отставку после июльских дней.

5 января 1918 года Ч. был избран председателем Учредительного Собрания, насчитывавшего 2/3 правоэсеровских голосов и распущенного ВЦИК. Принимал деятельное участие в чехо-эсеровской авантюре на Волге в 1918 г., возглавляя съезд членов Учредительного Собрания; в Уфе был арестован Колчаком, но вскоре освобожден и уехал за границу, где ведет ожесточенную кампанию в своей «Революционной России» против Советской власти (Собр. соч. Ленина, т. XIV, прим. 105), 326, 330, 361, 365, 438, 440.

Черячукин, посол Донского войска на Украине, 175.

Чечек, командующий чехо-словацкими войсками, 324, 358.

Чичуа, князь, офицер добр. армии, 234,239,

Шапрон, ротм., адъютант ген. Алексеева, 1.

Шатилов, министр Врем. Сибирск. Прав., 375, 376, 381, 383.

Шварц, генерал, один из организаторов Красной армии, 351.

Швец, член Украинской директории, 187.

Швец, чешский полковник, 331, 336, 360.

Шевкоплясов, команд. 1-й Донской Советской стрелковой дивизии, 222.

Шик, 6.

Шильдбах (Литовцев), генерал, один из организаторов монархической «южной армии», 168.

Шильников, казачий генерал, помощник атамана Семенова, 406.

Шипов, И.П., член особого совещания при добровольческой армии, 261.

Ширяев, полковник добр. армии, 36.

Шишников, А., член объединенного войскового правительства Донской обл., 108.

Фон-Шлейниц, майор германской армии на Украине, 142.

Шкуро, генерал добр. армии, приобретший известность своим бандитизмом, 178, 179, 181.

Шохор-Троцкий, русский генерал, командир чехо-словацкого корпуса, 350.

Шуберский, Э.П., член Особого Совещания при добровольческой армии, 261.

Шульгин, В.В., монархист, талантливый журналист, приобрел известность в качестве редактора черносотенной юдофобской газеты «Киевлянин». Член IV Государственной Думы из партии «националистов», член «прогрессивного блока». В первые дни Февральской революции вместе с Гучковым получил от Николая II акт об отречении, за которым ездил к нему в Псков. После Октября Шульгин — в рядах активных белогвардейцев на юге; один из членов особого совещания при деникинской армии. После разгрома Деникина и Врангеля бежал за границу. Автор ряда ярко написанных белогвардейских произведений («Дни», «1920 год» и др.). 141, 261.

Шумов, иркутский золотопромышленник, 444.

Щаденко, команд. группой советских войск на Дону, 157.

Щеньин, советник русского посольства в Токио, 369.

Щербачев, генерал, главнокомандующий Румынским фронтом, 109, 165, 166, 176, 200, 201, 202.

Щербина Ф., историк Кубанского края, 11, 44.

Эглон, член союзной миссии на Дону, 208.

Эдварс, англ. офицер, член союзной миссии на Дону, 211.

Элерц-Усов, командир корпуса в Сибири, 439.

Элиот, сэр, «высокий комиссар», возглавлявший союзную миссию в Сибири, 359.

Энгельс, представитель германского командования в Новочеркасске, 286, 290.

Энно, французский консул в Одессе, 187.

Эрдели, генерал добр. армии, 48, 49, 52, 59, 68, 78, 181.

Эрлиш (Эрлих), французский представитель на Дону, 190, 193, 195, 208, 209, 211, 220.

Эйхгорн, фельдмаршал, главнокомандующий германскими оккупационными войсками на Украине в 1918 г., убитый левым эсером Борисом Донским в Киеве 30 июля 1918 г. 133, 291.

Юдин, министр Врем. Сибирск. Правит., 376, 379.

Яковлев, полковник добр. армии, 254.

Якушев, И.А., председатель Сибирск. Областной Думы, 376, 385, 387, 390.

Янов, полковник, тов. председателя Большого войскового круга на Дону, 174, 176, 178.

Яроцкий, В.Н., следователь Ставропольского суда, 266.

notes

Примечания

1

Исключение составляют только записки ген. Гоппера, рассказывающие об Ярославском восстании летом 1918 года.

2

То же подтверждает и ген. Гоппер относительно Ярославля. Там группа, заговорщиков состояла почти исключительно из офицеров.

3

Ниже мы увидим образцы этой доблести.

4

Так называемой Добровольческой.

5

Приводимые Деникиным слова члена ростовской управы, меньшевика Попова, о том, что он видел во время поездки на Владикавказской жел. дороге.

Ниже мы увидим проявление этого чувства.

Не нужно упускать из виду, что курс денег в то время уже сильно упал.

8

Об этой скаредности буржуазии говорит и Гоппер.

9

Характерно между прочим, что Краснов «Временное Правительство» пишет с заглавной буквы, а «совет народных комиссаров» с маленькой.

10

Я взял только очень небольшую часть описания тех насилий, того произвола и того разгула, которые имеются в воспоминаниях Р. Гуля, В. Краснова и в дневниках Будберга и Дроздовского. Количество цитат можно было бы увеличить в несколько раз.

11

Из книги «Очерки русской смуты», т. II. Париж, изд. Поволоцкого.

12

В прямые скобки заключены вставки составителя, сделанные для ясности изложения.

Этот вопрос вообще имел решающее значение в установлении взаимоотношения юго-восточного казачества с иногородним населением.

14

Приказ командовавшего большевистскими войсками Петрова после взятия станицы Каменской.

15

16 декабря 1917 г., статья профессора Евлахова.

16

Из доклада на 3-м круге.

17

Такое название получила «алексеевская организация» конце декабря.

18

Декларация коалиционного правительства 5 января 1918 года.

19

Крестьяне-староселы.

20

До тех пор Кубанская область управлялась двумя органами, враждовавшими друг с другом, — войсковым правительством и исполнительным комитетом иногородних.

21

Все население Терско-Дагестанского края — около 1,4 миллиона.

22

10 декабря 1918 года.

23

Цитирую по труду С. Сватикова, «Государственно-правовое положение Дона».

24

Донской деятель, кадет, бывший комиссар Закавказья.

25

Генералы Алексеев, Корнилов, Каледин, Лукомский, Романовский, Марков и я.

26

Эпизоды с командировкой Савинкова в Москву и Вендзягольского в Киев.

С Кавказа не особенно затруднены. Большая группа офицерства, преимущественно гвардейского, в Минеральных Водах не откликнулась вовсе на призыв командированного туда ген. Эрдели.

28

Из беседы с корреспондентом «Нового Пути». Лето 1921 года.

Донцам удалось сформировать несколько хороших партизанских отрядов, о которых говорится дальше.

Кроме того, небольшая прибавка семейным.

31

В этом их заверил и штаб-офицер кубанского полка.

Московские «Известия».

33

Ростовские «Известия», № 19, 1918 года. Ген. Потоцкий был до Богаевского командующим войсками в Ростове.

В конном дивизионе полк. Гершельмана было не более 50–60 шашек.

35

Из рассказа М. Богаевского.

36

Не имея возможности воспроизводить подробное описание всего похода, мы в дальнейшем вынуждены ограничиться лишь извлечением наиболее интересных эпизодов. *Составитель.*

«Рабочее Слово», № 10 1918 г.

38

До 1 марта Кубанский военно-революционный комитет находился Армавире.

39

Члены рады.

Одних офицеров было убито около 500.

Представленного Голубовым и Смирновым.

42

«Из воспоминаний». «Архив Русской Революции», т. V. Берлин, 1922. Мы опускаем начало статьи, посвященное выступлению Корнилова и бегству арестованных по этому делу генералов, во главе с Корниловым, из Быховской тюрьмы после Октябрьского переворота. Автор статьи Лукомский, бежавший из Быхова вместе с прочими корниловцами, направился на Дон. *Сост.*

43

На формировании добровольческой армии именно на Дону генерал Алексеев остановился, считая, что только там, под прикрытием донских казачьих частей, можно будет сравнительно спокойно сформировать вооруженную силу для борьбы с большевиками.

Вообще всем нам казалось, что донское, кубанское и терское казачество не будут восприимчивы к большевистским идеям.

44

19 ноября (2 декабря) 1917 года, в 11 часов вечера, генерал Корнилов вышел из Быховской тюрьмы к ожидавшему его Текинскому полку, поздоровался с ним и, сев на коня, отправился с полком в дальний и тяжелый путь.

20 ноября (3 декабря) большевики узнали о бегстве быховских узников, при чем по полученным ими данным выяснили, что некоторые из бежавших уехали из Быхова по железной дороге, а генерал Корнилов с другими и с текинцами отправился куда-то походным порядком.

Большевиками было отдано распоряжение внимательно осматривать поезда, поверять у пассажиров документы и постараться поймать отправившихся по железной дороге.

Для того, чтобы перерезать путь Текинскому полку, было ими отдано распоряжение по телеграфу, через все телеграфные станции района, примыкающего к Быхову, сообщать в Ставку о всех данных, могущих точно выяснить направление движения Текинского полка.

Большевикам удалось выследить путь движения полка, и около станции Унеча, Черниговской губернии, предполагая перейти через полотно железной дороги, полк попал под сильный пулеметный огонь большевистского броневого поезда и понес большие потери.

Затем, на другой день, полк наткнулся на засаду, устроенную в лесу, и от пулеметного огня понес опять значительные потери.

После переправы через р. Сейм полк попал в плохо замерзший болотистый район и потерял много лошадей.

Мороз держался крепкий; люди были плохо одеты, у лошадей посбивались подковы. Население в некоторых местах относилось враждебно, и не всегда удавалось получить продовольствие и фураж.

Путь был крайне тяжелый.

Наконец, Корнилов решил снять тяжелый крест с верных текинцев и, полагая, что самим им будет итти безопасно, оставил их и, переодевшись крестьянином, с подложным паспортом отправился на Дон один, куда и приехал по железной дороге 6/19 декабря.

45

В Новочеркасск приехали: князь Григорий Николаевич Трубецкой, Петр Бернгардович Струве, Михаил Михайлович Федоров, Николай Николаевич Львов, Г. Белоусов и Павел Николаевич Милюков.

Наезжали на несколько дней и другие, но фамилий их не помню.

Не считая генерала Каледина, который в вопросы формирования добровольческой армии не вмешивался.

47

Против Ростова, на левом берегу Дона.

Подразумевалось, конечно, вообще «добровольцев».

49

Из «Записок» ген. Денисова, кн. I. Константинополь, 1921 г.

50

Речь идет о «съезде неказачьего населения Донской области», происходившем с 29 декабря 1917 г. по 4 января 1918. Резолюции его см. в приложении № 1 к настоящей статье. *Сост.*

51

Об организации «объединенного войскового правительства Донской области» и его программе см. приложения к настоящей статье. *Сост.*

52

За время с 13 февраля по 14 апреля расстреляно более 500 офицеров (14 генералов, 23 полковника, 292 кадровых офицера). Принимая во внимание, что до объявления мобилизации в августе 1914 года Дон имел около 850 офицеров, читателю станет ясно, какую и благодаря кому понес Дон потерю.

53

М.М. Богословский был убит 28 марта Антоновым.

Голубов был 1 или 2 апреля убит казаком, опознавшим его.

55

Заметки и дневники участников (Гуревнина, Каклюгина, Страхова, Грёнова и др.).

Командующим донской армией был назначен генерал-майор К.С. Поляков.

57

Начальником штаба донской армии был назначен полковник С.В. Денисов.

Эту тяжелую обязанность выполнял все тот же генерал Смирнов и весьма успешно.

Все приложения заимствованы из сб. 4-го «Пролетарской революции на Дону». Госиздат. М. — Л.; 1924 г.

Прочитано на заседании съезда неказачьего населения Донской области в г. Новочеркасске, 4 января 1918 г

61

«Дневник генерала М. Г. Дроздовского». Книгоизд. О. Кирхнер. Берлин, 1923 г.

Автор дневника — один из способнейших боевых офицеров царской армии, отличившийся во время империалистической войны. Октябрьский переворот застает полк. Дроздовского на румынском фронте. Последний, во главе со своим главнокомандующим ген. Щербачевым, дольше других держался против Советской власти, что и было, в конце-концов, главной причиной успешного отторжения Бессарабии Румынией. Здесь же, на румынском фронте, зародилась у генералов, так же как и на Дону, мысль об организации вооруженной силы для борьбы с большевиками. Уже в декабре 1917 г. Щербачев вступил в сношения с организатором добровольческой армии на Дону Алексеевым и поручил ген. Кельчевскому формирование добровольческого корпуса, который должен был быть отправлен на Дон в помощь Алексееву и Корнилову. На это дело организаторами его, по признанию самих белогвардейцев (предисловие к «Дневнику» Дроздовского, см. назв. книгу, стр. 20), было получено от французов несколько миллионов франков.

Тем временем, с продвижением Советских войск к югу, связь румынского фронта с Доном была утеряна. Кельчевский оказался мало энергичным организатором и отказался от идеи. Задачу взял на себя по собственной инициативе Дроздовский, которому удалось в конце-концов собрать преимущественно из офицеров так называемую «1-ю бригаду русских добровольцев» в составе 800 человек. В самом конце февраля (когда Ростов и Новочеркасск были уже в руках красных) бригада выступила в поход из Ясс.

Отряд проделал огромный путь протяжением свыше 1.000 верст от Ясс на Кишинев — Новый Буг — Каховку — Мелитополь — Бердянск — Мариуполь — Таганрог — Ростов — Новочеркасск. К Новочеркасску отряд Дроздовского подошел 25 апреля, в разгар боев за этот город между красными войсками и восставшими казаками. Как раз подход Дроздовского с артиллерией решил дело в пользу казаков, — советские войска были отбиты (см. об этом ст. ген. Денисова «Начало гражданской войны на Дону» в этой же книге, стр. 100).

По дороге отряд значительно усилился, благодаря присоединению добровольцев, и захватил много снаряжения. В Новочеркасске численность его равнялась уже почти 2.500 человек, и по силе он почти равнялся деникинской

«добровольческой армии». Дроздовский, однако, передал себя и свой отряд «в полное подчинение» Деникину. Этот прилив свежих сил в истощенную и ослабленную деникинскую армию сразу укрепил ее положение и сыграл огромную роль в дальнейшей борьбе ее с Советской властью. Без отряда Дроздовского добровольческая армия, вероятно, никогда не выросла бы в ту грозную силу, в какую она превратилась в 1919 г. Любопытна дальнейшая судьба автора «Дневника». Дроздовский встретил в лице начальника деникинского штаба генерала Романовского интригана и личного врага. История его пребывания в добровольческой армии есть история постоянной борьбы с интригами, происками и подсиживанием всевозможного рода. В октябре 1918 г. он был легко ранен в ногу. Вследствие плохого врачебного ухода ранение потребовало восьми последовательных операций, нога была, наконец, ампутирована, но все же 1 января 1919 г. Дроздовский умер в больнице.

«Дневник» Дроздовского заполнен, главным образом, описаниями военной стороны его похода. Мы вынуждены были, однако, за недостатком места все такие описания оставить в стороне и ограничиться лишь теми выдержками из дневника, где характеризуется политический смысл и значение предприятия его автора. В этом отношении любопытно отметить, что Дроздовский пришел «собственным умом» с самого начала своего выступления к совершенно тем же приемам борьбы с большевизмом, которые практиковались сподвижниками Деникина: шомполы, порка сплошь «всего мужского населения» деревень за сочувствие большевизму, «расстрел на месте» правого и виноватого, поголовное истребление пленных, — такова нехитрая механика, противопоставленная российской белогвардейщиной, — безразлично, в лице ли Дроздовского, Деникина или Колчака, — упорному стремлению крестьянина к земле и рабочего — к свержению ига капитала. Одинаковое политическое просвещение, которое таким образом повсюду давала российская белогвардейщина массам, уготовило ей самой одинаковую судьбу во всех концах России. *Сост.*

62

По занятии ст. Акимовка один офицер, знавший телеграфное дело, на запрос из Мелитополя о пропуске на ст. Акимовка, назвавшись «товарищем Петром», стал задерживать выход большевистских эшелонов. Когда все было готово, — дал путевую.

«Архив русской революции», т. V, Берлин, 1922 г.

С тем отличием от последних, что права и прерогативы российского императора переходили к… атаману «всевеликого» войска Донского. *Сост.*

65

«Государство это я». Изречение самодержавного французского короля Людовика XIV. *Сост.*

66

«Право первой ночи» — существовавшее в средние века право феодалов (помещиков) в случае бракосочетания принадлежавших им крепостных крестьян брать к себе новобрачную на первую ночь после брака. *Сост.*

67

Печатается с некоторыми несущественными сокращениями. *Сост.*

Текст взят из разосланного г. М.В. Родзянко письма, почему за точность выражений не ручаемся. Содержание же верно.

«За прекрасные глаза прусской королевы». *Ред.*

Все числа проставлены по старому стилю.

71

Письмо атаману генерала Лукомского от 2 ноября 1918 г. № 2/72 ш.

Вернее сказать: «против «народной армии» Самаро-Уфимского Учредительного Собрания и чехо-словаков». Колчак становится во главе восточной противосоветской армии лишь после произведенного им переворота 18 ноября 1918 г. *Сост.*

73

По старому стилю.

Ничтожно-малая величина. Сост.

75

«Разделяй и властвуй», — девиз римских императоров, державших в повиновении покоренные народы, натравливая их один на другой. *Сост.*

У автора здесь — некоторая путаница. Высадка союзников в Одессе произошла в декабре 1918 г., а оставление ими Одессы — в апреле 1919 г., т.-е. оба эти события относятся к более позднему периоду, чем описываемый автором. *Сост.*

Название «Ледяного похода» получил т. наз. «первый Кубанский поход» добровольческой армии, продолжавшийся со дня «исхода» ее из Ростова н./д. 13 февраля 1918 г. по день возвращения на отдых в Задоны, в станицы Мечетинскую и Егорлыцкую, 13 мая. Названием этим поход обязан переходу 28 марта, когда, наступая на ст. Ново-Дмитриевскую в Кубанской обл., армия, вследствие лившего в тот день и накануне дождя, «шла по сплошным пространствам воды и жидкой грязи», при чем платье и обувь у всех промокли насквозь. К вечеру ударил мороз с ветром, началась снежная пурга, «люди и лошади быстро обросли ледяной корой». К ночи внезапным набегом корниловцы захватили Ново-Дмитриевскую, где и расположились на ночлег. *Сост.*

78

К-ой в мирное время был артистом плохого шантана; глядя на него, я часто думал: что привело его в «белую» армию? погоны? случайное офицерство? и мне казалось, что ему совершенно все равно, где служить: у «белых» ли, «красных» ли, — грабить и убивать везде было можно.

Позднее, по приказу командующего, эту добровольцу «Дуську», женщину типа городской проститутки, в одной из кубанских станиц подвергли телесному наказанию за присвоение офицерской формы.

«Архив Русской Революции», т. XI.

81

Беседа с генералом Деникиным происходила в присутствии еще двух лиц.

Малыми. *Ред.*

83

Имелись в виду продолжающиеся попытки красных к наступлению.

84

После смерти верховного руководителя добровольческой армии М.В. Алексеева генерал А.И. Деникин стал именоваться главнокомандующим сначала добровольческой армией, а затем, после соглашения с донским и кубанским атаманами, состоявшегося 26 декабря 1918 г., — главнокомандующим вооруженными силами юга России.

85

Защитником полковника Архипова на суде выступал член Государственной Думы Замысловский.

Такой запрос поступил ко мне из управления юстиции по поводу одного из моих товарищей прокурора.

Следует отметить, что главное командование юга России в этот момент было в апогее успехов своих армий.

Позднее они были переименованы в судебно-следственные комиссии.

89

Генерал А.И. Деникин, «Очерки русской смуты», т, II, стр. 204.

Дело было так названо, во избежание преждевременной огласки.

Следует отметить, что Ставропольская губерния являлась значительным поставщиком на шерстяной рынок мериносовой шерсти.

Донесения агитационного отряда в значительной мере способствовали переводу дикой дивизии из Святокрестовской территории, чаша терпения которой переполнилась от этого буйства.

93

Припоминаю случай, имевший место, когда я уже был утвержден главнокомандующим вооруженными силами юга России в звании министра юстиции этой территории.

При обходе сыпно-тифозного помещения Новороссийской тюрьмы, глубокий старик протянул мне бумажку, в которой значилось, что он — одесский домовладелец, по фамилии Бронштейн, 71 года.

— По какому делу содержится? — спросил я сопровождавшего меня начальника тюрьмы.

— По подозрению в родстве с Троцким-Бронштейном, ваше высокопревосходительство.

Я удивленно посмотрел на прокурора.

— Почему он до сих пор не освобожден?

— Содержится по распоряжению главнокомандующего, — смутился прокурор.

Я поручил прокурору палаты наблюсти, чтобы подозреваемый в родстве был перемещен в другую больницу, а председателя совета министров Н.М. Мельникова, имевшего в этот день доклад у главнокомандующего, во избежание кривотолков, просил доложить А.И. Деникину непосредственно об этом эпизоде.

По распоряжению главнокомандующего, этот восьмилетний каторжанин вскоре был возвращен родителям.

Такое же положение, если не хуже, отмечено было мною при посещении Екатеринодарской краевой тюрьмы.

Он ошибся только во времени: он умер через несколько часов после посещения мною тюрьмы.

Генерал-лейтенант Н.Е. Никифораки губернаторствовал в Ставрополе около 17 лет. Превзошел его в этом отношении лишь архиепископ Агафодор, на много лет переживший в Ставрополе своего друга, губернатора Никифораки.

Генерал А.И. Деникин, «Очерки русской смуты», т. II, стр. 243.

К.Н. Соколов, «Правление генерала Деникина», стр. 79.

В связи с этим, в памяти моей встает эпизод из давно прошедших времен, когда даже великий князь Михаил Николаевич, будучи кавказским наместником, не посягнул устранить члена судебной магистратуры после того, как ему было разъяснено требование закона на этот случай.

101

Из книги «Деникинщина». Изд. Гржебина. Берлин, 1923.

Южно-русское, кубанское и донское правительства.

103

«Младшие боги», второстепенные герои. *Сост.*

Отчет начальника Кубанск. обл. за 1914 г.

«Местное самоуправление», 1919 г., №№ 16–18.

106

«Местное самоуправление на Северном Кавказе», 1919 г. 16–18.

Впоследствии ценз оседлости увеличен до двух лет.

108

Доклад войскового атамана Филимонова. Стенограф, отчет чрезвычайной Кубанской краевой рады, октябрьская сессия 1918 г., ч. I.

В среде казачества, наряду с хозяйством 20 — 25-десятинного пая, имеются хозяйства с 2 — 3-десятинными пайками. Наконец, на Кубани из 8.834.324 дес. земельного фонда полмиллиона десятин составляют площадь крупного частного землевладения.

110

Стенограф, отчет чрезвыч. Кубан. краев. рады, октябрьская сессия 1918 г., ч. I, стр. 181.

111

«Местное самоуправление на Северн. Кавказе», 1919 г., №№ 16–18.

112

Стенограф, отчет чрезвыч. Кубан. краев. рады, октябрьск. сессия 1918 г., ч. I, стр. 142.

113

Доклад войскового атамана Филимонова. Стенограф, отчет чрезвыч. Кубан. краев. рады, октябрьск. сессия 1918 г., ч. I.

114

Доклад председателя правительства Л.Л. Быча. Стенограф, отчет чрезвыч. Кубан. краев. рады, октябрьск. сессия 1918 г., ч. I.

115

Стенограф, отчет чрезвыч… Кубан. краев. рады. октябрьск. сессия 1918 г., ч. I, стр. 148.

116

Состав заседания: генерал Краснов, Епифанов, Богаевский, П.Л. Макаренко, Коцов, кн. Тундутов и его помощник. Донесение уполномоченного Кубанского краевого правительства при правительстве Всевеликого войска Донского от 29 июня 1918 г., № 51.

117

Состав заседания: генерал Краснов, Епифанов, Богаевский, П.Л. Макаренко, Коцов, кн. Тундутов и его помощник. Донесение уполномоченного Кубанского краевого правительства при правительстве Всевеликого войска Донского от 29 июня 1918 г., № 51.

118

Состав заседания: генерал Краснов, проф. Овчинников, кн. Тундутов, Добрынин, П.Л. Макаренко, председатель астраханского правительства Криштафович, начальник штаба войска Астраханского Решетин, Кодов, Пшемаха. Донесение уполномоченного Кубанского краевого правительства при Всевеликом войске Донском, П.Л. Макаренко, от 11 июля 1918 г., № 106.

119

Состав заседания: генерал Краснов, проф. Овчинников, кн. Тундутов, Добрынин, П.Л. Макаренко, председатель астраханского правительства Криштафович, начальник штаба войска Астраханского Решетин, Кодов, Пшемаха. Донесение уполномоченного Кубанского краевого правительства при Всевеликом войске Донском, П.Л. Макаренко, от 11 июля 1918 г., № 106.

120

Состав заседания: генерал Краснов, проф. Овчинников, кн. Тундутов, Добрынин, П.Л. Макаренко, председатель астраханского правительства Криштафович, начальник штаба войска Астраханского Решетин, Кодов, Пшемаха. Донесение уполномоченного Кубанского краевого правительства при Всевеликом войске Донском, П.Л. Макаренко, от 11 июля 1918 г., № 106.

121

Донесение уполномоченного Кубанского краевого правительства при Всевеликом войске Донском, П.Л. Макаренко, от 4 августа.

122

Генерал Краснов 20 мая 1918 г. письменно просил генерала Деникина оставить кубанцев самих бороться с большевиками, а добровольческой армии итти взять Царицын, а затем двигаться историческими путями на Москву. 23 мая ген. Деникин ответил ген. Краснову отказом. Уведомление председателя кубанского краевого правительства Л.Л. Быча на имя уполном. П.Л. Макаренко от 2 июня 1918 г.

Впоследствии, не без участия Краснова, на границах Дона, в Воронежской губернии, была образована добровольческая армия под командой ген. Иванова. Армия очистила от большевиков 2/3 Воронежской губернии, несла с собой чисто монархические лозунги. В тылу ее пороли мужиков, отнимали у мужиков землю в пользу помещиков, восстанавливали земских начальников, исправников. Осенью 1918 года армия эта была окончательно уничтожена восставшими крестьянами. Остатки укрылись на Дону.

124

Донесение уполномоченного кубанского краевого правительства при Всевеликом войске Донском от 29 июня 1918 г., № 51.

125

Герцог Лейхтенбергский — генерал-майор, бывший командир 4 казачьего полка, служил в Преображенском полку. Полковник Кунаков — казак, бывший жандармский офицер.

126

Письмо ген. Краснова к Вильгельму напечатано в ст. Краснова «Всевеликое войско Донское», помещенной в этой же книге (стр. 142–144); поэтому мы выпускаем его изложение из текста настоящей статьи. *Ред.*

127

Из книги «Четыре разгрома». Перев. с латышского. *Ред.*

Точнее следовало бы сказать: «части кадетской партии». Основное ядро кадетов, в том числе и все члены «Союза возрождения России», было «антантофильским». *Ред.*

129

Десант в Архангельске был высажен лишь 2 августа, притом не французами, а англичанами. *Ред.*

130

Из книги ген. К.В. Сахарова «Белая Сибирь». Мюнхен, 1923. Автор — ярый монархист, один из боевых генералов царской армии. После Октябрьского переворота он в Астрахани при Советской власти просидел полгода в тюрьме, но затем снова оказался на свободе и, пробравшись в Сибирь, вступил в ряды колчаковской армии.

Его книга любопытна не только собранным в ней фактическим материалом, но и тем, что рисует яркими красками отношение наших крайних реакционных кругов к более «левым» белогвардейским группировкам и дает, таким образом, ценный материал для изучения классовой борьбы в период гражданской войны. Автор чужд увлечения антантовской «демократией» и потому не считает нужным скрывать, что интервенция союзников принесла огромный вред «русскому делу». С этой точки зрения автору видно гораздо яснее, чем «левым» белогвардейцам, что союзные интервенты стремились лишь использовать Россию ради своих империалистических целей, и он без утайки описывает те их подвиги грабежа и насилия, о которых стыдливо умалчивают «демократические» сторонники интервенции. В этом отношении любопытно описание разграбления русского государственного имущества прославленным чехо-словацким корпусом.

В интересах связности изложения, мы приводим здесь целиком главу из названной книги, посвященную истории чехо-словацкого корпуса в царской, советской и белогвардейской России вплоть до его эвакуации в 1920 г., хотя только начало этой истории относится к тому периоду, которому посвящен настоящий том. *Составитель.*

О методах этой «борьбы за демократию» можно судить по нижеследующей выдержке из той же книги Сахарова «Белая Сибирь», где речь идет о путешествии автора по территории учредиловцев, после бегства его из Советской России:

«Из Уральска я отправился автомобилем в Бузулук, чтобы оттуда проехать через Самару в Уфу, в новый главный штаб, для получения назначения.

Путь до Бузулука, сам этот городок самарских черноземных степей, дальше тряский вагон до Самары, набитый пассажирами так, что в четырехместном купе нас уплотнилось десять человек, — все дышало какой-то сумятицей, взволнованностью, неуверенностью. Крестьяне бузулуцкого большого села Марьевки, где мы остановились на ночлег из-за поломки автомобиля, жаловались мне на чехов и на новое правительство учредителей за то, что те произвели жестокую экзекуцию этого села.

— Вишь ты, ваше благородье, или как тебя называть, не знаем, у нас некоторые горлотяпы отказались итти в солдаты, ну, к примеру, как большевики они. А мы ничего, мы миром решили итти. Скажем так: пол-села, чтобы итти в солдаты, а пол-села против того.

— Пришли эт-то две роты чехов и всех перепороли без разбору, правого и виноватого. Что ж, это порядо-ок?

— Да еще как-то пороли! Смехота! Виновных-то, самых большевиков, не тронули, а которых, хорошие мужики, перепороли. Вон дядя Филипп сидит, сидеть не может, а у него два сына в солдаты в народную армию ушли.

Крестьяне сочувственно и безобидно засмеялись, а дядя Филипп неловко заерзал на лавке.

— Что ж, барин, и когда конец будет этому? Кто порядок-то установит? — обратился ко мне с вопросом старый крестьянин в армяке и лаптях. Все сдвинулись ближе.

Я старался объяснить им, что теперь порядок можно установить только самим нам, всем сообща, покончив с большевиками. Слушали крестьяне молча, а в конце дядя Филипп ответил за всех:

— Эх, не то, барин, — нам бы какая власть ни была, — все равно, только бы справедливая была, да порядок бы установила. Да чтобы землю за нами оставили. Если бы землю-то нам дали, мы бы все на царя согласились.

— Да уж чего тогда бы лучше, — раздались голоса в толпе»…

«Они расхищают частное имущество, частные грузы, частью отдают чехам по баснословно дешевой цене, частью грузят при содействии чехов на иностранные пароходы, будто в Советскую Россию, а частью сами распродают исподтишка японцам и другим иностранцам.

«Члены правительства Медведева спешат за границу. Бежит жена министра финансов Никифорова, кооператор Ландсберг с 12 чемоданами платины, Огарев и др. Власть приказывает не осматривать их вещей». («Чехи и эсеры», газета «Дело России» 1920 г., № 10).

«Архив Русской Революции», т. X. Берлин, 1923.

134

Речь идет о Корниловском мятеже против Врем. Правительства 26–31 августа 1917 г. *Ред.*

135

Рига была занята немцами 20 августа 1917 г. *Ред.*

Вероятно, опечатка. Должно быть «Казань». Ред.

137

По вопросу о контр-революции в Сибири и, в частности, о первых шагах ее, — «нелегальном» Сибирском Правительстве, Зап. — Сибирском Комиссариате и Омском Правительстве до Колчака, — главнейшим произведением заграничной белогвардейской литературы служит книга бывш. управляющего делами этих правительств Гинса «Сибирь, союзники и Колчак» (2 больших тома, Пекин 1921 г.). К сожалению, книга эта написана достаточно бездарно и представляет собой в общем бессвязное и бессистемное описание отдельных эпизодов, при котором за мелочами часто теряется общая картина. Мы сочли все же необходимым познакомить читателей с некоторыми частями этой книги, в которых сравнительно менее тускло отразились моменты классовой борьбы в этот первый период организации сил сибирской контр-революции.

В настоящем томе серии мы ограничиваемся лишь первым периодом организации противосоветской власти в Сибири, откладывая время Колчака до следующего тома. Сост.

138

Борьба между крупной буржуазией и мелкобуржуазными демократическими группами в Сибири нашла себе весьма характерное выражение в борьбе между правым Омским правительством, подталкиваемым еще более правым «деловым аппаратом» («административным советом») и эсеровской областной думой. Последняя обнаружила столь характерную для мелкой буржуазии в течение всего хода гражданской войны половинчатость и нерешительность в борьбе с буржуазией и, удовлетворившись более или менее грозными резолюциями, бесславно сошла со сцены, предоставив себя распустить правительству. *Сост.*

139

Речь идет об Уфимском совещании в сентябре 1918 г. *Ред.*

«Архив Русской Революции», т. XIII. Берлин, 1923.

Автор — махровый монархист, участник империалистической войны, командовавший осенью 1917 г. одним из корпусов северного фронта. После Октябрьского переворота переехал в Петроград и некоторое время находился на советской службе. В начале 1918 г. выехал в Харбин, откуда направился в Японию с целью пропагандировать вмешательство союзников и оккупацию ими Дальнего Востока. Встретив недоброжелательное отношение со стороны русского посла в Токио, Будберг возвратился к апрелю 1918 г. в Харбин. В апреле 1919 г. он выехал в Омск, где был сначала начальником снабжения у Колчака, а потом, до октября 1919 г. — управляющим военным министерством.

Монархист Будберг дал поистине блестящее описание всех мерзостей белогвардейщины и истинной подоплеки контрреволюционного движения. Мы сожалеем, что ограниченность места не дает возможности воспроизвести здесь «Дневник» полностью и заставляет нас ограничиться лишь отрывками за время с апреля до конца 1918 г. *Сост.*

141

Под царским соусом. *Ред.*

Корпоративного духа. *Ред.*

На самом деле, фактически. *Ред.*

Возрастая. *Ред.*

Символ веры. *Ред.*

Непреодолимых обстоятельств. *Ред.*

Главный исполнительный комитет (?). *Ред.*

С ограниченной ответственностью (говорится об акционерных обществах или товариществах). *Ред.*

149

Произведение. *Ред.*

Горе побежденным. *Ред.*

151

Числа до 1 февраля 1918 г. приведены по старому стилю, с 14 февраля 1918 г. — день введения нового стиля — по новому.